

Е. П. Блаватская

ПРАКТИЧЕСК ИЙ ОККУЛЬТИЗМ

Перевод с английского Оформление А. А. Кудрявцева

© Оформление. ООО "Издательство АСТ". 2004

СОДЕРЖАНИЕ

Практический оккультизм
Ответы на некоторые письма
Вопросы и ответы о йога-видье
Оккультизм против оккультных искусств
Духовный прогресс
Сигнал опасности
Гипнотизм как разновидность колдовства
Путеводная звезда неизведанного
Каббала и каббалисты в конце девятнадцатого столетия
Оккультная или точная наука?
Трансцендентальная физика
Дрейф западного спиритуализма

Астральный пророк

Психическое оповещение

Царство снов и сомнамбулизм

Являются ли сны лишь бесполезными видениями?

Фрагменты оккультной истины

Повсеместное распространение идеи посмертного
существования души

Диалог о тайнах посмертного существования

Мысли о карме и реинкарнации

Память при умирании

Есть ли душа у животных?

Почему животные страдают?

Теории о реинкарнации и духах

Тибетские учения

Дополнения к "Лакшмибаи"

Учения о святых "лха"

Китайские духи

Мысли об элементах

Элементалы

Об одном недоразумении в "Эзотерическом буддизме"

"Эзотерический буддизм" и "Тайная доктрина"

Сознание и самосознание

Гениальность

Космический разум

Разум в природе

Аполлоний Тианский и Симон Маг

Был ли Калиостро шарлатаном

Спиноза и западные философы

Граф Сен-Жермен

Ормузд и Ахриман

Священное дерево Кумбум

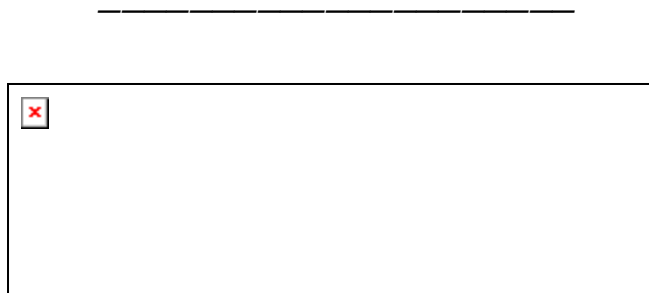
Восьмое чудо света

Палиботра Мегасфена

Семнадцатилучевой солнечный диск

Таинственная страна

Пояснения к "Таинственной стране"

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОККУЛЬТИЗМ

Самые важные сведения для учеников

Как показывают некоторые из писем, полученных в этом месяце, есть много людей, кто ищет практических инструкций по оккультизму. Поэтому, назрела необходимость установить раз и навсегда:

- (а) Существенное различие между теоретическим и практическим оккультизмом, или тем, что известно как теософия, с одной стороны, и оккультная наука, с другой, и
- (б) Сущность проблем, возникающих при изучении последней.

Легко стать теософом. Любой человек со средними интеллектуальными способностями, склонный к метафизике, ведущий чистую и бескорыстную жизнь, который получает больше удовольствия, помогая своему соседу, чем принимая от него помощь; тот, кто всегда готов принести в жертву свои собственные удовольствия ради других людей; тот, кто любит Истину, Добродетель и Мудрость ради них самих, а не ради той пользы, которую они могут принести с собой, — является теософом.

Но совсем другое дело встать на путь, который ведет к познанию того, что следует делать, чтобы отличить добро от зла; путь, который, также, ведет человека к обладанию той силой, посредством которой он может делать то добро, которое хочет, часто, даже не поднимая для этого пальца.

Кроме того, имеется один важный факт, с которым следует познакомить ученика. А именно, с огромной, почти безграничной ответственностью, принимаемой на себя учителем для пользы подопечного. Начиная с гуру Востока, которые учат открыто или тайно, до немногочисленных каббалистов западных стран, которые пытаются передать своим ученикам остатки священной науки — причем эти западные иерофанты часто ничего не знают об опасности, которой они подвергаются, — каждый из них и все эти "учителя" подвержены одному и тому же нерушимому закону. С того момента, когда они действительно начинают учить, когда они наделяют своих учеников *какими-либо* силами — психическими, ментальными или физическими, — они принимают на себя все грехи действия или бездействия этих учеников, в соответствии с оккультной наукой, до тех пор, пока посвящение не сделает ученика Учителем и, в свою очередь, ответственным. Это — непреложный и таинственный закон, в высшей степени уважаемый и соблюдаемый в греческой, полузабытый в римской католической, и полностью исчезнувший в протестантской церкви. Он возникает с первых дней христианства и находит свое основание в только что открытом законе, являясь его символом и выражением. Это догма абсолютной святости отношений между крестными родителями, которые становятся покровителями ребенка.¹ Они молчаливо принимают на себя все грехи только что крещенного ребенка (помазание, как при посвящении, воистину тайна!), до того дня, когда он становится ответственным существом, знающим добро и зло. Таким образом, ясно, почему "учителя" являются столь сдержанными, и почему "челам" требуется семь лет испытания для того, чтобы доказать свою пригодность и развить в себе качества, необходимые для безопасности и Учителя, и ученика.

¹ В греческой церкви связь, возникшая таким образом, считается столь священной, что брак между крестным отцом и крестной матерью одного и того же ребенка рассматривается как наиболее ужасный вид кровосмешения, является нелегальным и расторгается по закону; и этот абсолютный запрет распространяется даже на детей одного из крестных родителей по отношению к детям другого.

Оккультизм — это не магия. *Относительно* легко выучить приемы заклинаний и способы использования более тонких, но все же материальных сил физической природы; легко пробуждаются в человеке силы животной души; охотно развиваются силы, приводящие в действие его любовь, ненависть, страсть. Но это черная магия — *колдовство*. Это мотив, *и только мотив*, который превращает любое использование силы или в черную, вредоносную, или в белую, полезную магию. Невозможно использовать *духовные* силы, если в операторе имеется хотя бы малейший оттенок эгоизма. Ибо, пока намерение не является полностью чистым, духовное будет трансформироваться в психическое, действовать в астральном плане, и может произвести ужасный результат. Силы животной природы одинаково могут использоваться как эгоистичным и мстительным, так и бескорыстным и всепрощающим; силы духа предоставляются лишь совершенно чистому сердцу — и это есть БОЖЕСТВЕННАЯ МАГИЯ.

Каковы же условия, требующиеся от человека, чтобы он мог стать учеником *Divina Sapientia* [Божественной Мудрости, *лат.*]? Да будет известно, что невозможно дать такие инструкции до тех пор, пока не будут выполняться определенные условия в течение нескольких лет учебы. Это *sine qua non* ["без чего нет", *лат.*]. Никто не может поплыть, пока не окажется в глубокой воде. Никакая птица не сможет летать, пока не вырастут ее крылья, и пока она не будет иметь перед собой достаточно пространства и смелости для того, чтобы подняться в воздух. Человек, который будет иметь в руках обоюдоострый меч, должен хорошо владеть тупым оружием, чтобы не поранить себя — или, еще хуже, других — при первой же попытке.

Для того чтобы дать некоторое представление об условиях, при которых только и может осуществляться надежно — то есть без опасения, что божественное будет заменено черной магией — изучение Божественной Мудрости, ниже приводятся "личные правила", которыми облагается каждый наставник на Востоке. Небольшие отрывки выбраны из большого их количества и поясняются в скобках.

-
1. Место, выбранное для получения наставлений, должно быть не отвлекающим внимание, и заполнено "влияющими на

развитие" (магнетическими) предметами. Среди других вещей там должны быть пять священных цветов, расположенных в виде круга. Это место должно быть свободно от любых вредоносных влияний, исходящих из окружающего пространства.

[Место должно быть вдали от всего и не использоваться ни для каких иных целей. Пять "священных цветов" — это компоненты солнечного спектра, организованные определенным образом, поскольку эти цвета являются в сильной степени магнетическими. Под "вредоносными влияниями" имеются в виду спор, брань, дурные чувства и т. д., поскольку известно, что они немедленно влияют на астральный свет, то есть на атмосферу этого места, и зависают "вокруг в воздухе". Кажется, что это первое условие довольно легко выполнить, однако, при более тщательном рассмотрении видно, что оно одно из самых трудных для выполнения.]

2. Прежде чем ученику будет позволено непосредственно "лицом к лицу" изучать доктрину, он должен пройти предварительное испытание среди других отобранных кандидатов *упасака* (учеников), количество которых должно быть нечетным.

["Лицом к лицу", в данном случае, означает изучение независимое или отдельное от других, когда ученик получает наставление непосредственно от себя самого (своего высшего, божественного эго), либо от своего гуру. Таким образом, каждый получит *свое собственное количество* информации в соответствии с тем, как он использовал свое знание. Это может произойти только ближе к концу цикла наставлений.]

3. Прежде чем ты (учитель) сообщишь твоему *лану* (ученику) добрые (святые) слова Ламрима, или позволишь ему "подготовиться" к *дабджеду*, ты должен позаботиться о том, чтобы его разум был тщательно очищен и пребывал в мире со всеми, особенно *с себе подобными*. В противном случае слова Мудрости и благого Закона будут рассеиваться, и уноситься ветром.

["Ламрим" — это книга практических наставлений, составленная Цзонхавой; она состоит из двух частей: одна предназначена для церковных и экзотерических целей, а другая — для эзотерического применения. "Подготовиться" для дабджеду, это значит приготовить принадлежности для ясновидения, такие как зеркала и кристаллы. "Подобные себе" — относится к собратьям ученикам. Пока между

изучающими не воцарится высочайшая гармония, *никакой* успех недостижим. Именно учитель производит выбор в соответствии с магнетической и электрической природой учеников, соединяя и тщательно согласовывая все положительные и отрицательные элементы.]

4. Во время обучения, все *упасака* должны стремиться к тому, чтобы быть едиными, как пальцы одной руки. Ты должен воздействовать на их разум так, что если что-либо мешает одному, то оно должно мешать и другим. Если радость одного не находит отклика в груди других, то необходимое условие отсутствует, и дальнейшее продолжение бесполезно.

[Это вряд ли бывает часто, если предварительный выбор был сделан лишь в соответствии с магнетическими требованиями. Известно, что челы, обнадеживающие во всех других отношениях и пригодные для восприятия истины, должны ждать года из-за своего темперамента и невозможности чувствовать себя созвучно с другими учениками. Ибо —]

5. Соученики должны быть настроены гуру как струны лютни (*vina*) так, чтобы каждый отличался от других, и в то же время звучал в гармонии со всеми. Все вместе они должны образовывать клавиатуру, откликающуюся во всех своих частях на малейшее прикосновение (прикосновение Учителя). Таким образом, их разумы будут открыты для гармонии Мудрости, колеблющейся в виде знания в каждом и во всех, и приводя к следствиям, радующим богов-наблюдателей (покровителей или ангелов-хранителей) и полезным для лану. Так, Мудрость отныне войдет в их сердца, и гармония закона никогда не будет нарушена.

6. Те, кто хочет приобрести знание, приводящее к *сиддхи* (окультурным силам), должны отказаться от всякой суеты жизни и от мира (далее следует перечисление сиддхи).

7. Никто не должен чувствовать разницу между самим собой и другими учениками-собратьями, как, например: "Я самый мудрый", "Я более свят и приятен учителю, или в моей общине, чем мой брат", и т. п., — и оставаться *упасака*. Его мысли должны быть, прежде всего, сосредоточены на сердце, отгоняя от него любую враждебную мысль по отношению к какому-либо живому существу. Оно (сердце) должно быть наполнено чувством своей неотделимости от всех других существ, также как и от всей природы; в противном случае успех не может быть достигнут.

8. Лану (ученик) должен опасаться, лишь внешнего жизненного влияния (магнетических эманации живых существ). По этой причине, будучи единым со всеми, в своей *внутренней* сущности, он должен заботиться о том, чтобы отделить свое внешнее (наружное) тело от всякого постороннего влияния: никто не должен пить или есть из его чашки, кроме него самого. Он должен избегать телесных контактов (то есть исходящих от него или направленных на него) как с человеческими существами, так и с животными.

[Не разрешается иметь домашних животных, запрещено даже касаться некоторых деревьев и растений. Ученик должен жить, так сказать, в своей собственной атмосфере, чтобы индивидуализировать ее для оккультных целей.]

9. Разум должен оставаться глухим ко всему кроме универсальных истин в природе, чтобы "Доктрина Сердца" не превратилась просто в "Доктрину Глаза" (то есть пустой экзотерический ритуализм).

10. Никакая пища животного происхождения, ничто, что имело в себе жизнь, не должно использоваться учеником. Также нельзя употреблять вино, алкоголь, опиум и т. п.; ибо они подобны *лхамаям* (злым духам), которые привязываются к неосторожным людям и уничтожают понимание.

[Вино и спиртные напитки, предположительно, содержат и сохраняют дурной магнетизм всех людей, участвовавших в их изготовлении; а мясо любого животного, предположительно, содержит психические особенности, присущие этому животному.]

11. Медитация, отстранение от всего, соблюдение нравственных обязанностей, кроткие мысли, хорошие поступки и доброжелательные слова, так же, как добрая воля по отношению ко всему и забвение себя самого, — вот наиболее действенные способы достижения знания и подготовки к восприятию высшей мудрости.

12. Только посредством строгого соблюдения этих правил, лану может надеяться на то, чтобы приобрести в свое время сиддхи архатов, развитие которых постепенно сделает его единым с Универсальным ЦЕЛЫМ.

Эти двенадцать отрывков извлечены из семидесяти трех правил, перечислять которые было бы бесполезно, поскольку они не имели бы значения в Европе. Но даже этих немногих достаточно для того, чтобы показать огромное количество трудностей, встающих на пути предполагаемого "упасака", который родился и вырос в западных странах.¹

Все западное, и особенно английское, образование проникнуто духом соперничества и борьбы; ребенка побуждают учиться быстрее, чтобы опередить своих товарищей и превзойти их всеми возможными способами. Культивируется то, что ошибочно называют "дружеским состязанием", и этот дух воспитывается и укрепляется во всех жизненных ситуациях.

1 Следует напомнить, что *все* "челы", и даже мирские ученики, называются упасака, вплоть до их первого посвящения, когда они становятся лану-упасака. До этого дня, даже те, кто принадлежит к ламам и *живут уединенно*, рассматриваются как "миряне".

Как же может западный человек, в которого с самого детства *внедрены* такие понятия, придти к тому, чтобы чувствовать себя по отношению к другим соученикам как "пальцы одной руки"? Тем более что эти соученики *выбраны* не им самим, исходя из его личных симпатий и оценок. Они выбраны его учителем на совершенно иных основаниях, и тот, кто стал бы учеником, должен был бы *прежде всего* быть достаточно сильным человеком, чтобы вытравить из своего сердца все чувства неприязни и антипатии по отношению к остальным. Многие ли люди Запада готовы даже к тому, чтобы всерьез предпринять такую попытку?

Затем — детали повседневной жизни, например, указание не прикасаться даже к руке самого близкого и дорогого человека. Как это противоречит западным представлениям о привязанности и доброжелательности! Каким холодным и тяжелым кажется это. Многие сказали бы, что слишком эгоистично отказываться от того, чтобы делать людям радость, ради своего собственного развития. Хорошо, пусть те, кто думают таким образом, отложат до другой своей жизни попытку пойти по истинно серьезному пути. Но пусть они не торжествуют в своем вымышленном бескорыстии. Потому что на самом деле они дают ввести себя в заблуждение кажущимся видимостям, общепринятым понятиям, основанным на

эмоциональности и сильных чувствах, или на так называемой вежливости, то есть тому, что не относится к реальной жизни и предписаниям Истины.

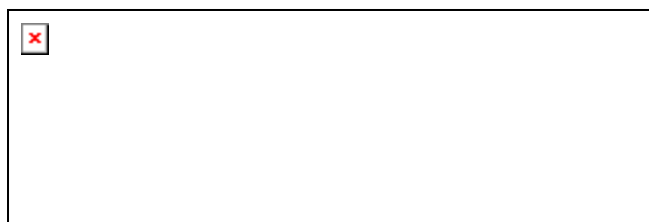
Но даже если оставить в стороне эти трудности, которые можно рассматривать как "внешние", хотя их важность, тем не менее, велика, как ученики с Запада смогут *сонастроить самих себя* для той гармонии, которая от них требуется? Личность, выросшая в Европе и Америке, столь сильна, что не существует даже никакой художественной школы, члены которой не ненавидели бы и не завидовали бы друг другу. "Профессиональная" ненависть и зависть вошли в пословицу; люди пытаются любой ценой способствовать своему благу, и даже так называемая повседневная вежливость — это всего лишь маска, прикрывающая этих демонов ненависти и зависти.

На Востоке дух "единения" воспитывается постоянно с самого детства, так же как на Западе — дух соперничества. Рост личных амбиций, личных чувств и желаний сверх меры не поощряется. Там, где почва естественным образом удобрена, это культивируется правильным образом, и ребенок вырастает в человека, в котором привычка к подчинению низшего эго высшему становится доминирующей. На Западе люди полагают, что их собственные пристрастия и неприязни по отношению к другим людям или вещам являются для них руководящими принципами, побуждающими их к действию, даже в том случае, если они не становятся законом их собственной жизни и они стараются совместить их с другими принципами.

Пусть те, кто жалуется, что они мало чему научились в Теософском обществе, примут в свое сердце слова, написанные в статье, помещенной в последнем февральском номере "Пути": "Ключом к каждой ступени является *сам стремящийся*". Не "страх перед Богом" является "началом Мудрости", а познание САМОГО СЕБЯ и есть ОЛИЦЕТВОРЕНИЕ МУДРОСТИ.

Сколь же верным и величественным покажется изучающему оккультизм человеку, который начал осуществлять некоторые из вышеприведенных истин, ответ, даваемый Дельфийским Оракулом всем, пытающимся найти Оккультную Мудрость (слова, повторявшиеся снова и снова мудрым Сократом):

ЧЕЛОВЕК, ПОЗНАЙ САМОГО СЕБЯ...

ОТВЕТЫ НА НЕКОТОРЫЕ ПИСЬМА

Практический оккультизм

"В очень интересной статье в номере журнала за последний месяц, озаглавленной "Практический оккультизм", говорится о том, что с того момента, как "Учитель" начинает обучать "челу", он принимает на себя все грехи челы в соответствии с предписаниями оккультных наук, вплоть до того времени, когда посвящение превращает челу в учителя и, в свою очередь, делает его ответственным.

Для западного ума, погрязшего в течение многих поколений в *Индивидуализме*, очень трудно признать справедливость и, следовательно, истинность этого заявления, и очень желательно, чтобы были даны некоторые дополнительные разъяснения относительно этого факта, который, возможно, интуитивно ощущается немногими людьми, но которому они совершенно неспособны дать какое-либо логическое объяснение".

S. E.

ОТВЕТ РЕДАКТОРА. Лучшим логическим объяснением этого является тот факт, что даже в повседневной жизни родители, няни, учителя и наставники несут ответственность за привычки и будущую нравственность ребенка. Маленький несчастный негодник, обученный родителями чистить карманы на улице, не ответственен за свой грех, но результаты этого целиком ложатся на тех, кто внушил ему, что надо поступать таким образом. Будем надеяться, что западный разум, хотя и

"погрязший в индивидуализме", не стал столь глупым, чтобы не понимать, что если бы положение вещей было иным, в этом не было бы ни логики, ни справедливости. И если те, кто формируют податливый разум еще несознательного ребенка, должны нести ответственность, в этом мире следствий, за грехи его деяний и недеяний в течение всего его детства и за последствия их обучения в дальнейшей жизни, в сколь же большей степени это касается "духовного гуру"? Последний берет ученика за руку, ведет его, и приводит в мир, совершенно незнакомый. Ибо этот мир — невидимой, но всегда присутствующей в скрытом виде ПРИЧИННОСТИ, тонкой, но никогда не рвущейся нити, являющейся действием, проводником и силой кармы, и самой кармой в пространстве божественного разума. Никакой адепт, однажды познавший его, не сможет больше защищать невежество ни при каких обстоятельствах, хороших или дурных *мотивов* его, производящих в результате зло; с тех пор, как он познакомился с этим таинственным царством, оккультист приобретает средства предвидеть два пути, открытые перед любым обдуманым или необдуманым действием, и это позволяет ему с определенностью знать, каков будет результат в том или другом случае. Поскольку ученик действует исходя из этого принципа, но слишком мало знает для того, чтобы быть уверенным в своем видении и способности к различению, не является ли естественным, что существует *гид*, который должен быть ответственен за грехи того, кого он ведет в столь опасные области?

Есть ли надежда?

"После прочтения условий, необходимых для изучения оккультизма, напечатанных в апрельском номере "Люцифера", я полагаю, что этого достаточно для того, чтобы читатели этого журнала оставили надежду стать оккультистами. Я думаю, что в Великобритании, за исключением монастырей, вряд ли где-нибудь могут быть достигнуты когда-либо такие условия. В моем будущем положении медика (если боги будут столь милостивы), восьмое условие будет совершенно невыполнимым; это наиболее неудачно, так как мне кажется, что изучение оккультизма является особенно существенным для успешной практики в профессии медика.¹

Я должен задать вам следующий вопрос, и я был бы благодарен получить ответ на него через медиума "Люцифера". Возможно ли изучать оккультизм в Великобритании?

Прежде чем закончить, я чувствую необходимость проинформировать вас, что я восхищаюсь вашим журналом как научным изданием, и что я ставлю его наряду "Подражанием Христу" среди моих книг по религии".

Дэвид Кричтон, Мэришальский колледж, Абердин

ОТВЕТ РЕДАКТОРА. Это слишком пессимистичный взгляд, чтобы его принять. Кто-то может с пользой изучать оккультные науки, не пытаясь проникнуть в высший оккультизм. Особенно в случае с нашим корреспондентом, и в его будущем качестве медика, "оккультное знание простейших организмов и минералов, и целебных сил некоторых вещей в природе", — намного более важно, чем метафизический или психологический оккультизм или *теофания*. И это он может делать лучше, если будет изучать и пытаться понять Парацельса и обоих Ван Гельмонтов, чем усваивать Патанджали или методы раджа-йоги Тараки.

Возможно изучать "оккультизм" (правильнее сказать — оккультные науки и искусства) в Великобритании, как и в любой другой точке земного шара; хотя по причине исключительно враждебных условий, создаваемых благодаря сильному эгоизму, преобладающему в этой стране, и магнетизму, который препятствует свободному проявлению духовности, — одиночество является лучшим условием для учения.

1 Под "успешной практикой" я имею в виду ту, которая является успешной для тех, кому она предназначена.

Необходимое разъяснение¹

Ученичество абсолютно *не влияет* на средства существования или что-либо подобное, ибо человек может изолировать свой разум от своего тела и его окружения. Ученичество — это

скорее *состояние ума*, чем жизнь в соответствии с суровыми и незыблемыми правилами на физическом плане. Особенно это относится к раннему, испытательному периоду, в то время как правила, данные в апрельском номере "Люцифера", имеют отношение к поздней стадии, стадии действительного оккультного обучения и развития оккультных сил и проницательности. Эти правила указывают, однако, на образ жизни, который должны вести все кандидаты настолько, *насколько это возможно*, так как это наиболее полезно для них в их устремлениях.

Никогда не следует забывать, что интерес оккультизма направлен в сторону *внутреннего человека*, который должен укрепнуть и освободиться от доминирующего физического тела и его окружения, и заставить их служить ему. Следовательно, *первой* и главной потребностью ученичества является дух абсолютного бескорыстия и преданности Истине; после чего идут самопознание и самообладание. Эти условия наиболее важны; в то время как внешнее соблюдение установленных жизненных правил имеет второстепенное значение.

1 В "Люцифере" за июнь 1889 года Е. П. Б. опубликовала письмо, в котором содержался вопрос о "целесообразности" некоторых требований ученичества, как они были представлены в "Практическом оккультизме". Данное письмо она сопровождала следующим пояснением. — *Прим. редактора.*

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ О ЙОГА-ВИДЬЕ

Индусский джентльмен из округа Мадрас представляет на обсуждение множество вопросов относительно оккультной науки, на которые мы отвечаем на страницах нашего издания, поскольку нам часто задают вопросы на эту тему, и мы, таким образом, рассчитываем удовлетворить большую часть наших читателей.

В. Возьметесь вы, или полковник Олькотт, обучить этой замечательной *видье* кого-нибудь, кто пожелает изучить ее.

О. Нет; корреспонденту следует обратиться к нашему январскому номеру для более детального объяснения.

В. Вы предпочли бы предоставить доказательства существования оккультных сил в человеке любому скептически настроенному человеку, или всякому желающему утвердиться в своей вере, как Вы предоставили их мистеру и миссис ..., а также редактору "*The Amrita Bazaar Patrika*"?

О. Мы предпочли бы, чтобы такие доказательства получили все желающие, но, учитывая, что мир полон таких людей — в одной только Индии их двадцать четыре крора,¹ — это не реально. Тем не менее, такие доказательства всегда находили те, кто искали их всерьез, с начала времен и поныне. Мы нашли их — в Индии. Но тогда нас не испугали ни время, ни препятствия, ни издержки кругосветного путешествия.

¹ *Крор* — 10 миллионов. — *Прим. редактора.*

В. Не могли бы вы поделиться такими доказательствами с кем-то вроде меня, столь удаленным от вас; или я должен последовать за вами в Бомбей?

О. Ответ уже прозвучал. Мы не взяли бы за это, даже если бы могли, поскольку нас будут осаждать тысячи любопытных, и наша жизнь станет бременем.

В. Может ли женатый человек обрести видью?

О. Нет, не во время *грихаста* [семейной жизни, *санскр.*]. Как известно, необходимым условием для такого обучения было поместить мальчика в чутком возрасте под опеку его гуру; он оставался с ним, пока ему не исполнялось двадцать пять-тридцать лет; после чего он пятнадцать-двадцать лет жил семейной жизнью; в конце концов он удалялся в лес для возобновления своих духовных занятий. Употребление алкоголя, говядины, как и любой другой мясной пищи, а также

известного рода растения и брачные узы препятствуют, духовному развитию.

В. Являет ли себя Бог через озарение йогу?

О. У каждого человека свое собственное представление о "Богe". Насколько нам известно, йог обнаруживает своего Бога в себе самом, в своей АТМЕ. По достижении цели, к нему приходит озарение — он входит в союз с Универсальным, Божественным Принципом (Парабрахманом). Личный Бог — Бог, который думает, замышляет, вознаграждает, наказывает и раскаивается - нам не известен. И мы вовсе не думаем, чтобы этот оный когда-либо являлся какому-либо йогу — если не считать за истину заявления миссионера, прозвучавшего на днях после лекции полковника Олькотта в Лахоре, что Моисей, убивший человека в Египте, и виновный в супружеской неверности убийца (Давид), были христианскими йогами!

В. Если любой адепт имеет власть делать все, что он сочтет нужным, как сказал полковник Олькотт в своей лекции в Симле, может ли он сделать меня, нетерпеливого и жаждущего в погоне за видьей, таким же полным адептом, как и он сам?

О. Полковник Олькотт никакой *не* адепт и никогда не хвастался, что является оным. Неужели наш друг предполагает, что какой-либо адепт когда-либо стал таковым без того, чтобы сделать себя оным, без ломки при прохождении через каждое препятствие, опираясь на силу ВОЛИ и СИЛУ ДУХА? Такое адептство было бы просто фарсом. У древних розенкрейцеров был девиз: "АДЕПТОВ НЕ ДЕЛАЮТ, ИМИ СТАНОВЯТСЯ".

В. Как получается, что при наличии таких ясных доказательств, большинство цивилизованных наций все еще остаются скептиками?

О. Эти народы относятся к христианским, и хотя Иисус заявлял, что все уверовавшие в него обретут власть делать всевозможные чудеса (см. *Марк*, 26:17-18), подобно индусским йогам, христианский мир в напрасном ожидании стать свидетелем их провел уже почти восемнадцать столетий. И теперь, по большей части укрепившись в своей неверии в возможности таких *сиддх*, они должны прибыть за их доказательствами в Индию, если это вообще их заботит.

В. Почему полковник Олькотт датирует время происхождения оккультных феноменов 1848 годом?

О. Наш друг должен бы быть более внимательным при чтении и не ставить нас в неловкое положение, когда мы вынуждены отвечать на пустые вопросы. Полковник Олькотт говорил лишь то, что с 1848 года ведет отсчет современный спиритуализм.

В. Имеются ли в Индии такие медиумы, как Уильям Эдди, в присутствии которого можно наблюдать материализованные формы?

О. Мы не знаем, но допускаем, что имеется. Мы слышали о случае с умершей девочкой в Калькутте, которая неоднократно, среди бела дня, посещала дом своих родителей и, при различных обстоятельствах, подолгу засиживалась и общалась со своей матерью. Медиумизм запросто может возникнуть где угодно, но мы отказываемся давать инструкции для его развития, поскольку считаем его опасным. Те, кто думает иначе, могут найти то, что согласуется с их пожеланиями, на страницах любого выходящего номера лондонского "Спиритуалиста", "Медиума и рассвета", мельбурнского "Предвестника света", американского "Знамени света", или любого другого представительного спиритуалистического органа.

В. Как эти медиумы получают свои способности; посредством обучения, или в результате несчастного случая, повлиявшего на их конституцию?

О. Медиумы, в основном, таковы от рождения; это результат их особой психофизиологической конституции. Но кое-кто из наиболее выдающихся медиумов нашего времени развили свои способности, занимаясь в кружках. Там открывается во многих людях скрытый медиумический чар, который, при определенных условиях, может быть развит. То же применимо и к адептству. Потенциальные зачатки адептства имеются у всех, но некоторым активировать их гораздо легче, чем остальным.

В. Полковник Олькотт отрицает идею относительно посредничества духа при необходимости объяснить сущность явлений, все же я читал, что некий ученый послал пухов посетить планеты и сообщить об увиденном.

О. Возможно, речь идет о профессоре Уильяме Дентоне, американском геологе, авторе нашумевшей работы: "Душа Вещей". Его исследования проводились с помощью психометрии; его жена — очень интеллигентная леди, хотя и большой скептик в отношении духов - является

психометристом. Наш корреспондент наверняка читал эту книгу.

В. Что происходит с духами усопших?

О. Существует всего лишь один "Дух" — Парабрахма, или, как его предпочитают некоторые называть, Вечный Принцип. "Души" усопших проходят через многие другие стадии существования после того, как они оставят это бренное тело, также как они проходили через многие другие стадии до нынешнего своего рождения в плоти мужчины или женщины. Точная правда относительно этой тайны известна только высшим адептам; но то, что каждый из нас управляет своими будущими возрождениями, улучшая или ухудшая каждое последующее возрождение в зависимости от собственных приложенных усилий и заслуг, может сказать даже самый низший из неофитов.

В. Необходим ли аскетизм для занятия йогой? **О.** Для занятия йогой настоятельно требуется выполнение некоторых условий, описание которых можно найти в нашем декабрьском номере на стр. 47. Одним из этих условий является уединение в месте, где йог свободен от всех внешних воздействий — как в физическом, так и в моральном отношении. Короче говоря, он должен удалиться от безнравственной атмосферы мира. Если кто-либо получит вследствие такого изучения приобретенные силы, он не может остаться на длительный срок в мире без того, чтобы не растерять большую часть своих сил — притом наивысшую и благороднейшую часть. Так что, если любой такой человек был замечен в течение многих последовательных лет занимающимся общественным трудом, ни за деньги и ни за славу, это значит, что он жертвует собой на благо своих последователей. В некий день такой человек, как может показаться, внезапно умирает, и его мнимые останки разлагаются; но все же он не может умереть. "Внешность обманлива" — гласит пословица.

ОККУЛЬТИЗМ ПРОТИВ ОККУЛЬТНЫХ ИСКУССТВ

Я часто слышал, но не верил до настоящего времени,
Что есть люди, способные могущественными чарами
Подчинить своей мрачной воле законы природы.

Мильтон

Некоторые письма, содержащиеся в корреспонденции за этот месяц, свидетельствуют о сильном впечатлении, которое произвела на некоторые умы статья "Практический оккультизм", помещенная в последнем номере. Такие письма еще лучше доказывают и усиливают следующие два йогических вывода:

а) имеется больше хорошо образованных и вдумчивых людей, которые верят в существование оккультизма и магии (причем, совершенно непохожих друг на друга), чем то воображают современные материалисты; и —

б) большинство верящих (включая многих теософов) не имеют определенной идеи о природе оккультизма и смешивают его с оккультными науками в целом, включая сюда и "черную магию".

Их представления о силах, приобретаемых людьми, и о средствах, используемых для их получения, видоизменяются в зависимости от их фантазий. Некоторые воображают, что мастер искусства, показывающий путь, — это все необходимое для того, чтобы стать Занони. Другие полагают, что лишь переправившись через Суэцкий канал и добравшись до Индии, они расцветут в дальнейшем подобно Роджеру Бэкону и даже графу Сен-Жермену. Идеалом некоторых является Маргрейв с его вечной молодостью и малой заботой о душе, как о цене, заплаченной за это. Немало и таких, кто путает примитивный "Аэндорский ведьмизм" с оккультизмом, и кто "через разверзнутую землю из Стигийской тьмы вызывает на свет худых духов", и хочет, чтобы его рассматривали в связи с этим как полностью развитого адепта. "Церемониальная магия", в соответствии с правилами, насмешливо опровергнутыми

Элифасом Леви, представляется иным *alter ego* ["вторым я", лат.] философии архатов древности. Коротко говоря, тот спектр, через который проявляется оккультизм для этих младенцев философии, столь многоцветен и разнообразен, сколь может его сделать таковым людская фантазия.

Почувствуют ли эти претенденты на Мудрость и Силу негодование, если сказать им откровенную правду? Это не только полезно, но это стало сейчас совершенно *необходимо*, чтобы вывести из заблуждения многих из них до того, как будет слишком поздно. Эта истина может быть выражена в нескольких словах: Среди сотен горячих западных поклонников, называющих себя "оккультистами", нет и полудюжины тех, кто имеет даже приблизительно правильное представление об идее природы науки, которой они хотят овладеть. За немногими исключениями, все они идут по проторенной дороге колдовства. Пусть они восстановят какой-нибудь порядок в своих умах, прежде чем они станут протестовать против этого утверждения. Пусть они сначала поймут истинное положение, в котором находятся оккультные науки по отношению к оккультизму, и различие между ними, и тогда проявляют свой гнев, если все еще будут считать себя правыми. Тем не менее, пусть они узнают, что оккультизм отличается от магии и других тайных наук так же, как сияющее солнце отличается от тусклого света свечи, как неизменный и вечный дух человека (отражение абсолютного, необусловленного и непознаваемого ЕДИНОВОГО) отличается от смертной плоти — человеческого тела.

В нашем высокоцивилизованном западном мире, где формируются современные языки и возникают слова вслед за идеями и мыслями — как это происходит в каждом языке, — чем больше последние материализуются в холодной атмосфере западного эгоизма и его непрерывной гонки за благами этого мира, тем меньше чувствуется потребность в создании новых терминов, выражающих то, что по умолчанию рассматривается как абсолютное и уже упраздненное "суеверие". Эти слова можно было бы отнести к тем понятиям, которые культурный человек вряд ли сможет представить в своем уме. "Магия", синоним плутовства; "колдовство", эквивалент полнейшего невежества; и "оккультизм", жалкий пережиток слабоумных пламенных средневековых философов — Якоба Бёме и Сен-Мартена, — являются выражениями, которых, полагаю, более чем достаточно, чтобы охватить целую область "профессионального мошенничества". Они выражают

презрительное отношение, и используются обычно как намек на отбросы и дурное наследство темных веков и предшествовавших им миллиардов лет язычества. Поэтому мы не имеем в английском языке терминов, которые определяют или выявляют разницу между такими сверхнормальными силами или науками, которые приводят к их приобретению, с той точностью, какая существует в восточных языках — прежде всего в санскрите. Что вызывают слова "чудо" и "волшебство" (слова, идентичные в целом по смыслу, так как оба они выражают идею создания чудесного посредством *нарушения законов природы*, (!!)) как это трактуется признанными авторитетами) в умах людей, которые слышат или произносят их? Христиане — вопреки *нарушению* "законов природы", — твердо верящие в *чудеса*, потому что это, как утверждается, было дано Богом через Моисея, все же отрицают волшебство, совершенное магами фараонов, или приписывают его дьяволу. Этому последнего наши набожные противники связывают с оккультизмом, в то время как их нечестивые враги, атеисты, смеются над Моисеем, магами и оккультистами, и покраснели бы от стыда, высказав хотя бы одну серьезную мысль о таких "предрассудках". Так происходит, потому что нет термина, показывающего различие; нет слов, чтобы выразить темное и светлое и провести линию разделения между великим и истинным, абсурдным и смехотворным. Последние являются теологическими интерпретациями, которые учат "нарушению законов природы" людьми, Богом или дьяволом; первые — *научными* "чудесами" и волшебством Моисея и магов *в соответствии с природными законами*, те и другие были обучены всей Священной Мудрости, которой располагают современные "Королевские общества"... и истинный ОККУЛЬТИЗМ. Это последнее слово, конечно, вводит в заблуждение, переведенное как производное от сложного слова *гупта видья*, "тайное знание". Но знание чего? Здесь могут помочь нам некоторые из санскритских терминов.

Для различных видов эзотерического знания или данных учений, даже в экзотерических Пуранах, имеется (среди многих других) четыре названия. Это — (1) *яджна видья*¹ — знание оккультных сил, пробуждающихся в природе благодаря совершению определенных религиозных церемоний и ритуалов; (2) *маха видья*, "великое знание", магия каббалистов и *тантрических* культов, часто колдовство наихудшего вида; (3) *гухья видья*, знание мистических сил, содержащихся в *звуке*

(эфире), то есть мантрах (монотонно распеваемых молитвах или заклинаниях), и зависящих от используемого ритма и мелодии; другими словами, магическое действие, основанное на знании сил природы и их взаимоотношений; и (4) АТМА ВИДЬЯ, термин, который переводится просто как "духовное знание", *истинная Мудрость* у ориенталистов, но значащий много большее.

1 "*Яджна*", — говорится в Пуранах, — "существует извечно, поскольку она исходит из Высшего Единого ... в котором она пребывает в скрытом состоянии от *"неимеющего начала"*. Это ключ к ТРИВИДЬЕ, трижды священной науке, содержащейся в стихах Риг, которые обучают *ягам*, или жертвенным мистериям. "*Яджна*" невидимо существует во все времена; она похожа на силу электричества, скрытую в электромашине, которой для того чтобы проявиться необходимо лишь определенное действие специального устройства. Предполагается, что она распространяется от *ахаванья*, или жертвенного костра, до небес, образуя мост или лестницу, с помощью которой жрец может общаться с миром богов и духов, и даже восходить при жизни к их обителям". — "*Айтарейя Брахмана*" в переводе Мартина Хауга.

Эта *яджна* является, кроме того, одной из форм акаши; и мистическое слово, вызывающее ее к существованию и мысленно произносимое посвященным жрецом, есть *Утраченное Слово*, получающее импульс от СИЛЫ-ВОЛИ. ("Разоблаченная Изида", том I, стр. 61-62.)

Последнее является единственным видом оккультизма, к которому следует стремиться каждому теософу, вдохновленному "Светом на Пути", и желающим быть мудрым и бескорыстным. Все остальное является неким ответвлением от "оккультных наук", то есть, искусств, основанных на знании конечной сущности всех вещей в царстве природы — таких как минералы, растения и животные, — следовательно, вещей, относящихся к сфере *материальной* природы, какой бы невидимой ни была их сущность, и сколь сильно ни ускользала бы она до сих пор от понимания нашей науки. Алхимия, астрология, оккультная физиология и хиромантия существуют

в природе, и *точные* науки — называемые таким образом, вероятно, потому что они находятся в этом веке парадоксальных философий, переворачивающих все с ног на голову — открыли немалое количество тайн вышеназванных *искусств*. Но ясновидение, символизируемое в Индии "глазом Шивы", называемое в Японии "безграничным видением", — это не гипнотизм, незаконный сын месмеризма, и оно не может быть получено с помощью таких искусств. Все же остальные могут быть обретены и дать результаты, хорошие, плохие или нейтральные; но *атма видья* очерчивает их небольшую ценность. Она включает их всех и даже может случайно использовать их, но лишь после их очищения от нечистот, преследуя благие цели и заботясь о лишении их каких-либо эгоистических мотивов. Поясним это: любой мужчина или любая женщина могут самостоятельно изучать одно или все вышеназванные "окультурные искусства" без какой-либо серьезной предварительной подготовки, и даже без приспособления к чрезмерным ограничениям своего образа жизни. Кто-то может обойтись даже без достаточно высокого нравственного стандарта. Конечно, в последнем случае можно дать десять против одного, что ученик превратится в худший сорт колдуна, безудержно кинувшегося в черную магию. Но на что она способна? *Вудуисты* и *дугпы* едят, пьют и веселятся на гекатомбах жертв своих inferнальных искусств. То же самое делают любезные джентльмены вивисекционисты и дипломированные "гипнотизеры" медицинских факультетов; единственная разница между ними в том, что вудуисты и дугпы являются *сознательными* колдунами, тогда как команда Шарко-Рише — *бессознательными*. Таким образом, с тех пор, как и те, и другие пожинают плоды своих трудов и достижений в черном искусстве, западные практики заслуживают порицание, а не славу, с ее выгодами и удовольствиями, добытую таким путем. Ибо, скажем мы еще раз, *гипнотизм* и *вивисекция*, практикуемые в таких школах, — это *колдовство* в чистом виде, *лишенное* знания, которым обладают вудуисты и дугпы, и которое не могут добыть для себя никакие Шарко-Рише, хотя бы ценой пятидесятилетнего тяжелого труда и экспериментальных исследований. И пусть те, кто будет упражняться в магии, вникая в ее природу или нет, те, кто считает, что правила, предъявляемые к изучающим, слишком суровы, и кто, поэтому, отбрасывает *атма видья* или оккультизм, — пусть они получают свое. Пусть они всеми способами становятся магами, даже если они действительно

станут *вудуистами* и *дугами* в течение следующих десяти перерождений.

Однако интерес наших читателей, вероятно, будет обращен к тем, кто, безусловно, был привлечен "оккультизмом", но не осознал истинную природу своих устремлений и не приобрел устойчивости против различных страстей, недооценив истинное бескорыстие.

Нас будут спрашивать, как же обстоит дело с этими несчастными, которых разрывают надвое противоборствующие силы? Но это объяснялось уже столь часто, что не нуждается в повторении, к тому же сам этот факт открыт для наблюдения любому человеку; когда стремление к оккультизму действительно пробудилось в сердце человека, когда для него не остается надежды на мир, спокойный отдых и удобства во всем этом мире. Он отправляется в дикие и безлюдные области жизни, понуждаемый вечно подтачивающим его беспокойством, которое он не может преодолеть. Его сердце слишком наполнено страстями и эгоистическими желаниями, чтобы позволить ему пройти через Золотые Врата; он не может найти покоя или мира в обыденной жизни. Должен ли он неизбежно впасть в колдовство и черную магию, и в течение многих перерождений накопить себе ужасную карму? Нет ли для него иного пути?

Конечно же, есть, отвечаем мы. Пусть он не стремится к чему-либо более высокому, нежели, как он чувствует, он способен совершить. Пусть не берет он себе ношу слишком тяжелую, нежели он может нести. Не становясь "махатмой", буддой или великим святым, пусть изучает он философию и "духовную науку", и он сможет стать одним из величайших благодетелей человечества, не обладая какими-либо сверхчеловеческими силами. *Сиддхи* (или силы архатов) подвластны лишь тому, кто "готов к жизни", полной аскетизма, необходимой для такого обучения, и кто способен повиноваться *беспрекословно*. Пусть он, узнав однажды, навсегда запомнит, что *истинный оккультизм* или *теософия* — это "великое самоотречение от СЕБЯ САМОГО", безусловное и абсолютное, как в мыслях, так и в действиях. Это АЛЬТРУИЗМ, и он выводит практикующего за пределы каких-либо категорий и рангов среди всех живых существ. "Он живет не для себя, но для мира", как только он принял на себя этот труд. Многое прощается в течение первых лет испытания. Но он будет "принят" не ранее, чем его индивидуальность исчезнет, и он

станет *сплошной благотворной силой в природе*. После этого для него существуют два полюса, два пути, и нет места для отдыха между ними. Он должен либо утомительно подниматься, шаг за шагом, часто через многочисленные перерождения, *не надеясь на деваханический прорыв*, золотую лестницу, ведущую к положению махатмы (*архата*, или *бодхисаттвы*), либо — он упадет с этой лестницы на первой же шаткой ступеньке и скатится до *состояния дугны...*

Все это либо неизвестно, либо полностью ускользает от взгляда. Поистине, тот, кто способен следовать за молчаливой эволюцией предварительных устремлений кандидатов, часто находит весьма странными идеи спокойного овладения способностями своего разума. Существуют такие люди, чьи мыслительные процессы настолько искажены внешними воздействиями, что они воображают, что плотские страсти могут быть столь очищенными и возвышенными, что их ярость, сила и огонь будут, так сказать, направлены вовнутрь; что они могут быть отложены и сохранены в груди человека до тех пор, пока их энергия не начнет распространяться вовне, но она будет направлена в сторону высших и самых святых целей: а именно, *пока их коллективная и не распространяющаяся сила не предоставит ее обладателям возможность войти в истинное святилище души* и остаться там в присутствии Учителя — **ВЫСШЕЙ СУЩНОСТИ!** Ради этой цели они не борются со своими страстями, не уничтожают их. Они, просто, огромным усилием воли притушат сильные языки пламени и будут держать их под контролем внутри себя, позволяя огню тлеть под тонким слоем золы. Они с восторгом примут мучения спартанского мальчика, который предпочел позволить лисе терзать его внутренности, чем расстаться с ней. Бедные слепые визионеры!

Их надежда также слаба, как надежда на то, что шайка пьяных трубочистов, распаленных и грязных от своей работы, будучи запертой в святилище, где висят чистые белые полотна, вместо того, чтобы испачкать их и превратить своим присутствием в кучу грязных лохмотьев, они стали бы хозяевами в этом священном месте и, в конце концов, вышли бы оттуда столь же незапятнанными, как само это место. Почему бы также не вообразить, что дюжина скунсов, помещенных в чистую атмосферу Цзонгпа (монастыря), может выйти оттуда благоухая ладаном?.. Странное искажение человеческого разума. Может ли быть такое? Вряд ли.

"Учитель" в святилище наших душ — это "высшая сущность", божественный дух, сознание которого основано (во всяком случае, в течение жизни человека, в котором он включен) исключительно на разуме, условно называемом *человеческой душой* (оболочкой духа является "духовная душа"). В свою очередь, первая (*личная*, или *человеческая душа*) — это высшая форма объединения духовных устремлений, желаний и божественной любви; и в своем низшем аспекте, плотских желаний и земных страстей, приданных ей посредством связей с оболочкой, их всех вмещающей. Таким образом, она является звеном и посредником между плотской природой человека, которую ее высший разум пытается подчинить себе, и его божественной духовной природой, к которой она притягивается всякий раз, когда она получает покровительство свыше в своей борьбе с *внутренним животным*. Последнее — это инстинктивная "плотская душа", являющаяся очагом тех страстей, которые, как только что показано, убаюкивают, вместо того чтобы искоренять, и которые запирают в своей груди неосторожные энтузиасты. Неужели они надеются превратить, таким образом, мутный поток животной сточной канавы в кристально чистые воды жизни? И где, на какой нейтральной территории можно заключить их в темницу, чтобы они не влияли на человека? Неистовые любовные страсти и похоть все еще живы, и им все еще позволяют оставаться на месте их зарождения — *в той самой животной душе*; ибо высшая и низшая части "человеческой души", или разума, отказываются от таких сожителей, хотя они и не могут избежать загрязнения из-за их соседства. "Высшая сущность", или дух, не может усвоить такие чувства, так же как вода не смешивается с маслом или нечистым жидким жиром. Страдает именно разум, единственное звено и посредник между земным человеком и Высшей Сущностью; он находится в постоянной опасности того, что он будет увлечен вниз этими страстями, которые могут пробудиться в любой момент, и погибнет в бездне материи. И как же он может настроить себя на божественную гармонию высшего Принципа, если эта гармония разрушается самим фактом наличия таких плотских страстей внутри святилища? Как может гармония восторжествовать и победить, если душа обуреваема шумом страстей и низменными плотскими желаниями, или даже "астральным человеком"?

Ибо этот "астральный", теневой "двойник" (имеющийся как у животных, так и у человека), — это спутник не *божественного*

эго, но *земного тела*. Это связь между личным "ЭГО", низшим осознанием *манаса* и телом, и является оболочкой *временной, ограниченной жизни*. Подобно тени, отбрасываемой человеком, он рабски следует за его движениями и импульсами, и склоняется к материи, никогда не поднимаясь к духу. Лишь тогда, когда совершенно умирает сила страстей, и когда они уничтожаются в реторте непреклонной воли; когда отмирают не только все плотские желания и страсти, но исчезает и осознание личного "эго", и "астральное" вследствие этого уменьшается до нуля, — может иметь место *союз* с "высшим эго". Тогда же, когда "астрал" отражает только победившего человека, еще живого, но не имеющего больше подверженной страстям эгоистичной личности, тогда сверкающий *аузойд*, божественное ЭГО, может колебаться в сознательной гармонии с обоими полюсами человеческой сущности — очищенным материальным человеком и вечно чистой духовной душой — и находиться в присутствии УЧИТЕЛЯ ЭГО, мистического Христа гностиков, смешанное, сплавленное, и отныне единое с НИМ.¹

1 Те, кто склонны видеть три эго в человеке, будут неспособны воспринять метафизический смысл этого. Человек — это троица, состоящая из *тела, души* и *духа*; но, тем не менее, *человек един*, и, конечно, не ограничивается своим телом. Как раз тело является его собственностью, временной одеждой человека. Три "эго" — это ЧЕЛОВЕК в его трех аспектах астрального, интеллектуального, или психического, и духовного планов, или состояний.

Как же это возможно для человека войти в "открытые врата" оккультизма, если его повседневные и ежечасные мысли связаны с мирскими вещами, желаниями обладания и силы, похотью, амбициями и обязанностями, которые, даже если и достойны уважения, все же самые что ни на есть житейские? Даже любовь к жене и семье — самое чистое, поскольку самое бескорыстное из человеческих влечений — является преградой для *истинного* оккультизма. Ибо, возьмем ли мы в качестве примера святую любовь матери к своему ребенку или мужа к своей жене, даже в этих чувствах, если их проанализировать до самых истоков, в первом случае налицо будет все-таки *эгоизм*, а во втором — *égoïsme à deux* [обоюдный эгоизм, *франц.*].

Какая мать не принесла бы в жертву, ни минуты не колеблясь, сотни тысяч жизней за жизнь своего ребенка? И какой любящий человек или верный муж не разрушил бы счастье всякого другого мужчины или женщины около себя, чтобы удовлетворить желание той, которую он любит? Это вполне естественно, скажут нам. Безусловно; с точки зрения человеческих чувств; но это в гораздо меньшей степени верно с точки зрения божественной универсальной любви. Ибо, когда сердце переполняет забота относительно небольшого круга *личностей*, близких и дорогих нам, то как же в нашей душе найдется место для остальной части человечества? Какой процент любви и заботы останется для "великой сироты"? Как может быть услышан "все еще тихий голос" в душе, полностью занятой своими привилегированными обитателями? Какое же пространство останется для нужд человечества *en bloc* [в целом, *франц.*], чтобы они отразились в ней и получили скорый отклик? И все же тот, кто хотел бы воспользоваться мудростью универсального разума, должен достичь этого с помощью *всего человечества*, без различий расы, темперамента, религии или социального положения. Именно *альтруизм*, а не *эгоизм*, даже в его наиболее законном и благородном проявлении, может привести одного человека к тому, чтобы слить свое маленькое эго с универсальными сущностями. Именно *этим* потребностям и этой работе должен посвятить себя верный ученик истинного оккультизма, если он хочет приобрести теософию, то есть божественную Мудрость и Знание.

Претендент должен произвести безусловный выбор между мирской жизнью и жизнью по оккультизму. Бесполезно пытаться объединить то и другое, ибо никто не может одновременно служить двум хозяевам и при этом угодить обоим. Никто не может служить своему телу и высшей душе, выполнять свои семейные обязанности и свой вселенский долг, не лишая своих прав либо одного, либо другого; ибо он или будет склонять свое ухо к этому "все еще тихому голосу" и не сможет слышать крики своих малышей, или же он будет прислушиваться лишь к желаниям последних и останется глух к голосу человечества. Это была бы постоянная, непрекращающаяся, безумная борьба почти за каждого женатого человека, который следовал бы *истинному* практическому оккультизму, а не его *теоретической* философии. Ибо он обнаружил бы, что постоянно колеблется между голосом безличной божественной любви к

человечеству, и голосом личной, земной любви. И это могло бы привести его только к неудаче в том или другом, а, возможно, и в обоих случаях. И даже хуже, ибо *тот, кто предается удовольствиям земной любви или похоти после того, как он посвятил себя ОККУЛЬТИЗМУ, должен будет вскоре почувствовать, каков результат этого: он будет непреодолимо выброшен из безличного божественного состояния в низший материальный план.* Чувственное, или даже ментальное самоудовлетворение, включает немедленную утрату сил духовной проницательности; голос УЧИТЕЛЯ не сможет больше отличаться от голоса его страстей *или даже страстей дугны*; истинное — от ложного, здоровая нравственность — от простой казуистики. Плод Мертвого моря принимает чудесный мистический вид, но превращается в золу на губах и в беспокойство сердца, приводя к тому, что:

Разверзлась бездна, и непроглядная сгустилась тьма;
Безумие сменило здравый ум, вина — невинность;
Страдание — восторг; надежда превратилась в
безысходность.

Однажды ошибившись, большинство людей уклоняются от осознания своей ошибки, тем самым все больше и больше погружаясь в трясину. И, хоть бы первичное намерение и зиждилось на осуществлении *белой*, а не *черной* магии, однако результаты даже непроизвольного, неосознанного колдовства не могут не произвести плохой кармы. Достаточно уже было сказано, чтобы стало ясно, что *колдовство — это любой вид злого влияния, оказываемого на других людей, которые страдают или заставляют страдать других.* Карма — это тяжелый камень, брошенный в спокойные воды Жизни; он должен вызвать все расширяющиеся круги ряби, расходящиеся все дальше и дальше, почти *ad infinitum* [до бесконечности, лат.]. Такие причины должны вызвать следствия, и они с полной очевидностью обнаруживаются в справедливом законе возмездия.

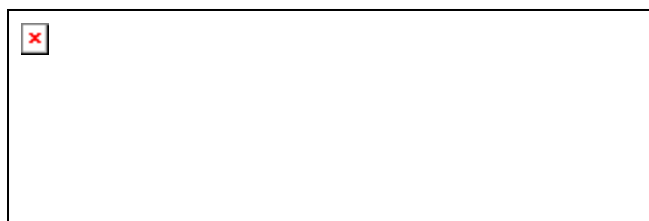
Многого из этого можно избежать, если люди будут воздерживаться от того, чтобы бросаться в деятельность, природу и смысл которой они не понимают. Никто не надеется, что он сможет нести груз свыше своих сил. Существуют "прирожденные маги", мистики и оккультисты с момента рождения и по праву прямого наследования этой способности, связанной с серией перевоплощений и эонов страданий и неудач. Они, можно сказать, являются "устойчивыми" против страстей. Никакие искры земного

происхождения не могут раздуть пламя в их чувствах и желаниях; никакой человеческий голос не найдет ответа в их душах, за исключением великого крика человечества. Только им может быть гарантирован успех. Но таких людей можно встретить повсюду, и они проходят через узкие врата оккультизма, поскольку не несут с собой личного багажа человеческих преходящих чувств. Они избавлены от чувства низшей личности и "астрального" животного существа, и перед ними открыты золотые, хотя и узкие врата. Не так обстоит дело с теми, кто должен нести в течение еще нескольких перевоплощений груз грехов, совершенных в прошлых жизнях и в их нынешнем существовании. Ибо для таких людей, хотя бы они и действовали с большим тщанием, золотые врата Мудрости могут превратиться в широкие врата и широкий путь, "который ведет к разрушению", и "много будет тех, кто войдут в них". Это врата оккультных искусств, практикуемых по эгоистическим мотивам и в отсутствии ограничивающего и благотворного влияния АТМА ВИДЬИ. Мы находимся в калиюге, и ее фатальное влияние на Западе в тысячу раз сильнее, чем на Востоке; отсюда легкая добыча, достигаемая Силами Века Тьмы в этой циклической борьбе, и множество иллюзий, над которыми в наше время бьется мир. Одной из них является относительная легкость, с которой, как кажется людям, они могут войти во "Врата" и преодолеть порог оккультизма без какой-либо великой жертвы. Это мечта большинства теософов, внушенная желанием достичь Силы и личного благополучия; но не эти чувства могут когда-либо привести их к желанной цели. Ибо, как хорошо было сказано уверовавшим в то, что надо принести в себя в жертву за человечество: "узкие врата и прямой путь, который ведет к жизни" вечной; поэтому "мало будет тех, которые найдут его". Действительно, он столь прям, что при одном лишь упоминании некоторых трудностей, испуганные западные кандидаты поворачивают назад и ретируются с содроганием...

Пусть они остановятся на этом и не делают больше попыток по причине своей великой слабости. Ибо если, повернувшись спиной к узким вратам, стремление к оккультному привлечет их к более широким и гостеприимным Вратам той золотой тайны, которая мерцает в свете иллюзии, — горе им! Это приведет лишь к состоянию дугпы, и можно быть уверенным, что очень скоро они обнаружат себя на той *Via Fatale Inferno* [фатальной дороге в Ад, *ит.*], над порталом которого Данте прочитал слова:

*Per me si va nella citta dolente
Per me si va nell'eterno dolare
Per me si va tra laperduta gente.¹*

1 Я ухожу к отверженным селеньям. Я ухожу
сквозь вековечный стон, Я ухожу к погибшим
поколеньям...

ДУХОВНЫЙ ПРОГРЕСС

Хорошо известные строки Кристины Розетта:

Идет ли эта извилистая дорога все время в гору?

Да, до самого конца. Займет ли это путешествие весь долгий
день целиком?

С утра до ночи, мой друг. —

вкратце изображают жизнь тех, кто на самом деле идет по
пути, ведущему к высшим целям. Каковы бы ни были различия
в облике Эзотерической Доктрины, поскольку она в каждом
веке надевает новые одежды, отличающиеся от
предшествующих по цвету и качеству ткани; все же во всех
них обнаруживается полное согласие по одному пункту —
пути духовного развития. Лишь одно непоколебимое правило
связывает неофитов, как это происходит и сейчас, — полное
подчинение низшей природы высшей. От Вед и Упанишад до
недавно опубликованного "Света на Пути", исследуя
священные писания всех народов и религий, мы находим лишь
один путь — тяжелый, болезненный, полный трудностей,
благодаря которому человек может достигнуть истинного
духовного озарения. И как же могло бы быть иначе, если все
религии и все философии являются лишь вариантами

первоначальных учений Единой Мудрости, переданных людям в начале цикла Планетарным Духом?

Мы всегда говорили, что истинным адептом, человеком, развившим высшие способности, нужно стать — его нельзя сотворить. Поэтому этот процесс является одним из процессов эволюционного роста, и это неизбежно влечет за собой определенное количество страданий.

Главная причина страдания заключается в нашем вечном поиске постоянного в непостоянном, и не только поиске, но и в том, что мы действуем таким образом, как будто мы уже нашли неизменное, в мире, в котором единственное определенное свойство — это постоянное изменение; и хотя мы все же воображаем, что имеем твердую власть над постоянным, оно изменяется в наших объятиях, и так образуется страдание.

Идея развития, в свою очередь, влечет за собой идею разрушения: внутреннее существо должно все время разрушать свою ограничивающую скорлупу, или оболочку, и это разрушение должно сопровождаться страданием и болью, не физической, но ментальной и интеллектуальной.

И это как раз то, что происходит в процессе нашей жизни. Трудности, которые нас посещают, мы, как правило, воспринимаем как тяжелейшее из всего, что могло бы случиться — это всегда то, что, по нашим ощущениям, мы не в состоянии вынести. Если посмотреть на это с более широкой точки зрения, то станет очевидно, что мы пытаемся проломиться через нашу оболочку в ее уязвимом месте; этот наш рост, истинный рост, а не совокупный результат серии нарастаний, должен прогрессировать равномерно, подобно росту детского тела, то есть — не сначала голова, а затем руки, следующие, в свою очередь, за ногами, но сразу во всех направлениях, регулярно и незаметно. Особенностью человека является склонность к отдельному пестованию конкретной части тела, в то время как развитие остальных пускается на самотек — каждая сильная боль вызвана экспансией какой-либо забытой части тела, и эта экспансия оказывается еще более тяжелой по причине культивирования чего-либо иного.

Зло часто является результатом чрезмерного беспокойства, и люди, всегда пытающиеся сделать слишком многое, недовольны, когда остаются одни, но все же делают всегда лишь то, что требуют обстоятельства, и не больше; они преувеличивают значение каждого действия и таким образом

создают карму, которая будет сказываться в их последующем рождении.

Одной из самых тонких форм такого зла является надежда и желание вознаграждения. Есть множество таких людей, которые, пусть даже и бессознательно, перечеркивают все свои попытки, лелея эту идею вознаграждения, и позволяют ей стать доминирующим фактором в своей жизни, и тем самым открывают дверь беспокойству, сомнению, страху, унынию — то есть неудаче.

Целью ищущего духовной мудрости является выход на высший план существования; он становится новым человеком, более совершенным во всех отношениях, и если он достигает успеха, его способности и возможности вырастают соответственно в пределах и силе, подобно тому, как в проявленном мире мы находим, что каждый новый этап в эволюционном очищении отмечен возрастанием умственных способностей. Таков метод, посредством которого адепт наделяется чудесными силами, многократно описанными, но главное, что следует помнить — эти силы являются естественным сопровождением существования на высшем плане эволюции, также как обычные человеческие способности представляют собой естественное сопровождение существования на обычном человеческом плане.

Многие люди думают, что статус адепства — это преимущественно результат радикального развития человека в качестве некой добавочной конструкции; похоже, что они полагают, будто адепт — это человек, который, следуя четко определенному курсу обучения и тренировки, состоящему в уделении некоторого внимания в отношении произвольных законов, приобретает одну силу за другой; и когда он набирает определенное число таких сил, он немедленно посвящается в адепты. Руководствуясь этой ошибочной идеей, они воображают, что первым делом для получения адепства необходимо овладеть "силами": ясновидением и способностью оставлять физическое тело и путешествовать вдали от него, — являющимися для них наиболее заманчивыми.

Тем, кто хочет обрести эти силы для своей собственной выгоды, нам сказать нечего; они попадают под осуждение всех тех, кто действует ради полного искоренения эгоизма. Но есть и другие, те, кто, путая следствия с причинами, искренне полагают, что приобретение сверхнормальных сил — это единственный путь духовного прогресса. Они рассматривают

наше Общество как наиболее быстрое средство для приобретения знания в этом направлении, понимая его как некий вид оккультной академии, организации, предназначенной для того, чтобы научить предполагаемых чародеев. Несмотря на без конца повторяемые протесты и предостережения, все же есть некоторое количество умов, в которых это представление кажется неискоренимым, и которые шумно выражают свое разочарование, обнаружив однажды, что то, что им было сказано с самого начала, является совершенной правдой; то, что Общество было основано не для того, чтобы учить новым или легким путям приобретения "сил"; и что его единственная миссия — это снова зажечь факел истины, угасший на столь долгое время для всех людей, за исключением немногих, и сохранять эту истину живой путем формирования всеобщего братства человечества, на почве которого лишь только и могут прорасти добрые зерна. Теософское общество поистине хочет помочь духовному росту каждого человека, попавшего под его влияние, но его методы те же, какие были у древних Риши, его принципы совпадают с учениями раннего эзотеризма; и это вовсе не фармацевт, предлагающий патентованное лекарство, составленное из различных препаратов и рекламируемое как средство от всех болезней, которое не отважится продавать ни один честный торговец.

В связи с этим мы бы посоветовали нашим членам и всем, кто ищет духовного знания, остерегаться людей, которые предлагают обучение легким методам приобретения психических способностей; такие способности (*лаукика*) действительно легко приобрести с помощью искусственных средств, но они теряют силу вместе с истощением нервно-стимулирующего воздействия. Реальное ясновидение или адептство, которое сопровождается истинным психическим развитием (*локотра*), будучи однажды достигнутым, никогда не исчезнет.

Так оказалось, что после основания Теософского общества возникли различные общества, использующие интерес последнего к возрождению психических исследований, и увеличивающие число своих членов, предлагая им легкие пути получения психических сил. В Индии давно известно о существовании множества ложных аскетов всех сортов, и мы боимся, что это является новой опасностью, возникшей в этом направлении, как здесь, так в Европе и Америке. Мы лишь надеемся, что никто из наших членов, ослепленных

блестящими предложениями, не позволит обмануть себя "водящим в заблуждение фантазерам, или, быть может, преднамеренным обманщикам.

Чтобы показать реальную необходимость нашего протеста и предостережения, упомянем о только что виденной нами копии объявления, сделанного так называемым "махатмой", содержащуюся в письме из Бенареса. Он приглашает "восемь мужчин и женщин, хорошо знающих английский и местный индийский диалект"; и в конце приписывает: "те, кто хочет узнать подробности о работе, а также *об оплате*", должен сообщить об этом по его адресу, вложив в конверт почтовые марки! Перед нами находится переиздание "Божественного Пэмандра", вышедшее в прошлом году [1884] в Англии, и в нем содержится обращение к *"теософам, которые, возможно, разочаруются в своих ожиданиях относительно того, что Возвышенная Мудрость будет свободно распределяться ИНДУССКИМИ МАХАТМАМИ"*; сердечно приглашаем их сообщить свои имена редактору, который, рассмотрев их, "после короткого испытательного срока", примет в Оккультное Братство, "обучающее *бесплатно* и БЕЗ ВСЯКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ всех, кого оно находит достойными этого". Как это ни странно, мы находим в том же самом томе высказывание Гермеса Трисмегиста:

"Единственный путь, ведущий к Истине, — тот, которым шли наши предки и на котором они достигли знания Добра. Этот путь прекрасен и ровен; тем не менее, для души столь долго идти по нему, пока она заточена в тюрьме своего тела, совсем не легко... *Поэтому отстраняйся от толпы так, чтобы она держалась внутри определенных границ благодаря страху неизведанного*".

Действительно, некоторые теософы были сильно разочарованы (хотя это было исключительно их собственной ошибкой), потому что мы не дали им краткого изложения йога-видьи, но есть и другие, кто стремится к практической работе. И, что характерно, те, кто меньше всего сделал для Общества, громче всех кричат о его ошибках. Почему эти субъекты и все наши члены, у которых имеется склонность к этому, сразу же не принимаются за серьезное изучение месмеризма? Месмеризм называют ключом к оккультным наукам, и он имеет то преимущество, что он предоставляет особые возможности делать добро человеческому роду. Если бы в каждом из наших отделений мы могли открыть благотворительную гомеопатическую аптеку с месмерическим лечением в

придачу, как это уже практикуется с большим успехом в Бомбее, то мы помогли бы поставить медицинскую науку на здравую основу, что принесло бы неисчислимые блага людям в широком масштабе.

Есть и другие наши отделения, кроме Бомбейского, которые проделали большую работу в этом направлении, но все же им остается сделать много большее, чем они попытались сделать до сих пор. То же касается многих других направлений в работе Общества. Было бы полезно, если бы члены каждого отделения объединили свои усилия и серьезно посоветовались бы о том, какие ощутимые шаги они могли бы предпринять, чтобы содействовать выполнению целей Общества. Слишком часто члены Теософского общества удовлетворяются весьма поверхностным изучением издаваемых им книг, не внося никакого реального вклада в его активную работу. Если Общество должно стать силой для реализации добра в этой и в других странах, то оно может достичь этого только при активном сотрудничестве каждого из его членов, и мы горячо призываем каждого из них тщательно оценить, какие возможности для работы ему по силам, и затем *самым серьезным образом способствовать их претворению в жизнь*. Правильная мысль — это уже хорошо, но мысль сама по себе не стоит многого, пока она не претворена в действие. Нет ни одного члена Общества, который был бы неспособен сделать *что-либо* для того, чтобы помочь делу истины и вселенского братства; только от его собственной воли зависит то, чтобы это *что-либо* превратилось в реальный факт.

Прежде всего, мы хотели бы повторить, что Общество не является питомником для начинающих адептов; у него нет учителей, которые ходили бы кругом и давали консультации по разным вопросам, относящимся к исследовательской работе Общества; отделения должны проводить исследования своими силами; необходимо изучать книги, и полученные из них знания должны применяться на практике разными его членами: таким образом разовьется уверенность в себе и способность к рассуждению. Мы настоятельно требуем этого, потому что до нас доходят призывы к тому, чтобы каждый лектор, посылаемый в наши отделения, имел большой опыт в экспериментальной психологии и ясновидении (то есть, он должен смотреть в магические зеркала, читать будущее и т. д.). Мы же считаем, что такие опыты должны быть организованы самими членами, только в этом случае они помогут развитию личности или позволят ей достигнуть прогресса на его

"идушем в гору" пути; поэтому мы вполне серьезно рекомендуем нашим членам *пытаться* самореализоваться.

СИГНАЛ ОПАСНОСТИ

Посвященные, безусловно, должны быть причислены к обществу богов.

Сократ: "Федон"

В первой части замечательной лекции нашего брата и коллеги, эрудированного корреспондента-секретаря из *Герметического* теософского общества, опубликованной в первом номере "Revue Théosophique", мы читаем в примечании (прим. 2, стр. 23):

"Мы обозначаем термином *посвященный* всякого, кто пытается овладеть элементарными принципами оккультной науки. Следует опасаться смешивания этого названия с термином *адент*, который показывает высший уровень восхождения, которого может достигнуть посвященный. В Европе есть много посвященных, но я не знаю, живут ли в ней какие-либо адепты, как на Востоке".

Поскольку мы чужды гению французского языка, и у нас даже нет в руках этимологического словаря, мы не можем сказать, присуще ли это двойное определение французскому языку вообще, а не только масонской фразеологии. Но в английском языке, в том смысле, который признан теософами и оккультистами в Индии, эти два термина имеют совершенно иное значение чем то, которое вкладывает в них автор. Я имею

в виду, что определение, данное м-ром Папюсом слову *адепт*, относится к слову *посвященный*, и *vice-versa* [наоборот, лат.].

Мне никогда бы не пришло в голову исправлять эту ошибку — в глазах теософов, по крайней мере, — если бы она не угрожала, по моему мнению, тем, что она может в будущем внести в умы подписчиков нашего "Обозрения" весьма прискорбную путаницу.

Поскольку я была первой, употребившей эти два прилагательных (*qualificatifs*) в смысле, полностью противоположном тому значению, которым наделяли их масоны и м-р Папюс, это могло бы, безусловно, привести к некоторым *двусмысленностям* (*quiproquos*), которых следовало бы избежать любой ценой. Давайте сначала поймем самих себя, если мы хотим быть понятыми своими читателями.

Дадим же твердые и неизменные определения тем терминам, которые мы применяем в теософии, потому что иначе вместо порядка и ясности, мы лишь привнесем великую путаницу в уже существующий хаос представлений профанированного мира.

Мне неизвестно о тех причинах, которые побудили нашего мудрого брата использовать эти термины так, как он их использовал, и я осуждаю "сыновей вдовы", применяющих их в смысле, полностью противоположном их истинному значению.

Как известно, слово "адепт" происходит от латинского *adeptus* [достигший]. Оно образовано из двух слов: *ad* "of" и *apisci*, "to pursue" (санскритское *ap*).

Поэтому *адептом* можно назвать любого, в той или иной мере сведущего в некоем искусстве или науке. Из этого следует, что данное определение может быть отнесено в равной степени как к адепту в астрономии, так и к адепту в искусстве приготовления *pâtés de foies gras* [печеночного паштета, франц.]; как сапожник, так и парфюмер, поскольку один искусен в искусстве изготовления обуви, а другой опытен в искусстве химии, — оба могут считаться "адептами".

Что же касается термина *посвященный*, то это совсем другое дело. Каждый *посвященный* должен быть адептом в оккультизме; он должен стать таковым, прежде чем он будет посвящен в великие мистерии. Но не всякий адепт обязательно является посвященным. Совершенно справедливо, что *иллюминаты*,¹ говоря о себе, применяли термин *adeptus*, но они

употребляли его в общем смысле, — *e. g.* [*exempli gratia*, например, *лат.*], на седьмой ступени в последовательности ритуала Циммендорфа. Таким же образом применялись термины *adeptatus*, *adeptus coronatus* на седьмой ступени шведского ритуала; и *adeptus exemptus* на седьмой ступени у розенкрейцеров. Это нововведение средневековья. Но никакого истинного посвященного великих (или даже малых) мистерий не называют в классических работах *adeptus*, но *initiatum* на латыни, и *epopte* на греческом языке. Те же самые *иллюминаты* считались *посвященными* только среди тех братьев, которые более других были сведущи в мистериях своего Общества. И только наименее обученные из них носили имена *мистов* и *адептов* ввиду того, что они были допущены всего лишь на низшие ступени.

1 "Просветленные", от лат. *illuminado*, тайный масонский орден, основанный в 1776 г. Адамом Вейсгауптом и организованный по образцу ордена иезуитов. — *Прим. редактора.*

Перейдем теперь к термину "посвященный".

Для начала, необходимо сказать, что существует большая разница между глаголом и существительным (*substantif*) этого слова. Профессор посвящает своих учеников в азы некой науки; науки, в которой студент может стать адептом, то есть, сведущим в данной специальности. С другой стороны, адепт в оккультизме сначала *обучается* религиозным мистериям, после чего, если ему удалось благополучно избежать поражения в ходе ужасных испытаний посвящения, он становится ПОСВЯЩЕННЫМ. Лучшие классические переводчики неизменно переводят это с греческого языка такой фразой: "посвященный в великие мистерии", ибо этот термин синонимичен слову *иерофант*, "*тот, кто объясняет священные мистерии*". У римлян слово *initiatum* было эквивалентно слову *μυσταγωγός*, и оба они были полностью применимы к тому, кто в храме посвящал других в высшие мистерии. Таким образом, он фигурально представлял Мирового Творца. Никто не осмеливался произносить это имя перед непосвященным. Место, где восседал "*initiatum*", было на Востоке, вокруг его шеи обращался глобус. Масоны пытались подражать *иерофанту-initiatum* в своих "освященных веках" и *гроссмейстерах* ложах. Но может ли ряса сделать человека

монахом? То, что они не удовлетворялись исключительно такой профанацией, достойно сожаления.

Французское (и английское) существительное "инициация" произошло от латинского слова *initium*, начало. Масоны, больше уважающие мертвую букву, *что убивает*, чем дух, который животворит, применяли термин "инициат" ко всем своим неофитам, или кандидатам (к начинающим), во всех масонских степенях — как высших, так и низших.

И все же они лучше, чем кто-либо другой, знали о том, что термин *initiat* относился к 5-ой и высшей степени ордена тамплиеров; что титул *посвященного в мистерии* был 21-ой степенью столичного капитула во Франции; также как титул *посвященного в совершенные мистерии* означал 62-ю степень того же капитула. Зная все это, они, тем не менее, применяли этот титул, сакрализованный и освященный своей древностью, к своим рядовым кандидатам — младенцам (*bambins*) среди "сыновей вдовы". Но коль скоро страсть к нововведениям и изменениям, которые восточный оккультист рассматривает как настоящее кощунство, достигло своего завершения у масонов, есть ли смысл теософам принимать их терминологию?

Мы, последователи Учителей Востока, не имеем ничего общего с современным масонством. Истинные тайны символического масонства утрачены, как это прекрасно доказывает Рагон. Краеугольный камень (*clef de voûte*), основной камень в арке, воздвигнутой первой царственной династией посвященных — десятикратно доисторической, — был поколеблен со времени исчезновения последних мистерий. Работа по разрушению, или скорее подавлению и удушению, начатая Цезарем, была, в конце концов, завершена отцами церкви. Вновь объявившийся, после долгого перерыва, из убежищ Дальнего Востока, священный камень был расколот и, в конце концов, разбит на тысячи кусков.

На кого должна пасть ответственность за это преступление?

На масонов и, в особенности, на тамплиеров — которых преследовали, убивали и насильственно лишили их анналов и письменных статуты? На церковь, которая, присвоив догмы и ритуалы раннего масонства и решив задушить последнее, выдавала их, как и свои собственные искаженные обряды, за единственную ИСТИНУ?

Но как бы то ни было, нет больше масонов, в полном объеме владеющих истиной, объявим ли мы виновным Рим или же

насекомое *Shermah*¹ знаменитого храма Соломона, который современные масоны считают фундаментом и источником происхождения своего ордена.

В течение десятков тысяч лет генеалогическое древо священной науки, которой обладали все народы, оставалось одним и тем же, — поскольку храм этой науки был ЕДИН, и он был воздвигнут на нерушимой скале первоначальных истин. Но масоны последних двух веков предпочитали отделять себя от него. Еще раз, применяя в этом случае метод аллегорий, они разбили куб, который разделился на двенадцать частей. Они отвергли подлинный камень как подделку, и что бы они ни делали с первым — их *краеугольным камнем*, — это, конечно, относилось не к духу, который дарует жизнь, но *было связано лишь с мертвой буквой, которая убивает*.

1 Согласно еврейской традиции, камни, послужившие для строительства храма Соломона (аллегорический символ, понимаемый буквально как нечто, из чего было построено реальное здание), были вырезаны и отполированы не рукой человека, но червем *Самисом*, сотворенным Богом для этой цели. Эти камни таинственным образом были перенесены на место возведения храма, и затем соединены вместе ангелами, которые строили Храм Соломона. Масоны ввели *червя Самиса* в свою легендарную историю и называют его "насекомым Шермах".

Или это снова червь Самис (другое имя "насекомого Шермах"), следы которого на отвергнутом камне уже привели к ошибке "строителей Храма", проточил те же самые линии? Но в таком случае то, что было сделано, было сделано совершенно сознательно. Строители, должно быть, знали эту сумму,¹ судя по этим *тринадцати* линиям или *пяти* поверхностям.

Тем не менее, мы, преданные ученики Востока, предпочитаем всем их камням тот камень, который не имеет ничего общего со всеми остальными ритуальными представлениями масонских степеней.

Мы остаемся верны *Eben Shatijah* (имеющим другое название на санскрите), совершенному кубу, который, содержа *дельту*, или треугольник, замещает имя тетраграмматона каббалистов символом непередаваемого имени.

Мы охотно оставляем масонам их "насекомое", надеясь в то же время, что современная символика, которая движется семимильными шагами, никогда не откроет идентичность червя *Шермах-Самис* с Хирамом Абифом,² — что было бы довольно двусмысленным.

Однако, если подумать, это открытие было бы не лишено своей положительной стороны и великого шарма. Идея о черве, который стоял бы во главе масонской генеалогии и был бы архитектором первого храма масонов, сделала бы также из этого червя "прародителя Адама" масонов и превратила бы "сыновей вдовы" в поклонников дарвинизма. Это вновь сблизило бы их с современной наукой, которая лишь ищет доказательства в Природе для подтверждения теории эволюции Геккеля. Какая им, в конце концов, разница, если они утратили тайну своего истинного происхождения?

1 Эта сумма состоит из *разделенного надвое равнобедренного* треугольника — три линии, — со стороной куба в качестве основания; двух разделенных по диагонали квадратов, каждый из которых имеет перпендикулярную линию к центру — шесть линий; двух прямых линий под прямым углом; и разделенного по диагонали квадрата — две линии; в сумме тринадцать линий или пять поверхностей куба.

2 *Хирам Абиф* — библейский персонаж; искусный строитель и "сын вдовы", которого царь Соломон взял с собой из Тира для руководства постройкой храма, и который позднее стал *масонским* персонажем, героем, вокруг которого разыгрывается вся драма или, вернее, *игра* масонского третьего посвящения.

Не нужно принижать значение этого утверждения, являющегося хорошо доказанным фактом. Я позволю себе напомнить господам масонам, которым попадутся на глаза эти строки, что практически все тайны, относящиеся к *эзотерическому* масонству, исчезли после Илии Ашмола и его прямых наследников. Если они попытаются опровергнуть нас, мы, подобно Иову, скажем им: "Тебя обвиняют уста твои, а не я". (15:6) — "Воистину, твои собственные *книги* свидетельствуют против тебя".

Нашим величайшим тайнам некогда обучали в масонских ложах всего мира. Но их гроссмейстеры и гуру погибли один за другим, и все, что было записано в тайных манускриптах — таких, например, как рукопись Николая Стоуна, уничтоженная в 1720 году некими шепетильными братьями, — было предано огню и погибло в период между концом семнадцатого и началом восемнадцатого столетий, как в Англии, так и на материке.

Почему же они были уничтожены?

Некоторые братья в Англии по секрету сообщают друг другу, что это уничтожение было результатом постыдного договора, заключенного между некоторыми масонами и церковью. Здесь недавно умер один старый "брат", крупный каббалист, дедушка которого, прославленный масон, был близким другом графа Сен-Жермена, когда последний был послан Людовиком XV в Англию, чтобы договориться о мире между двумя странами. Граф Сен-Жермен оставил в руках этого масона некоторые документы, имеющие отношение к истории масонства и содержащие ключи ко многим непостижимым таинствам. Он сделал это при условии, что данные документы станут тайным наследством всех потомков этого масона, которые тоже станут масонами. Этими бумагами владели всего два масона, отец и его сын, который недавно умер, и больше никто в Европе не завладеет ими. Перед своей смертью он доверил эти документы уроженцу Востока (индусу), миссией которого было передать их некой персоне, которая придет за ними, чтобы доставить в Амритсу, город бессмертия. Кроме того, по секрету сообщают, что прославленный основатель ложи тринософов, Ж. М. Рагон, был также посвящен во многие мистерии в Бельгии неким уроженцем Востока, и некоторые утверждают, что он знал в своей юности графа Сен-Жермена. Это, вероятно, объясняет, почему автор "Tuileur General De La Maçonnerie", или "Устава посвященного", утверждает, что Илия Ашмол был настоящим основателем современного масонства. Никто не знает лучше, чем Рагон, о том, до какой степени утрачены тайны масонства. Как он сам удачно подметил:

"Это вполне естественно для масона, искать свет везде, где, как он полагает, он сможет найти его", — извещает "циркуляр" великого французского поклонника восточной культуры. "Тем временем", — добавляет он, — "масону присваивается славный титул *сына света*, хотя он и остается окутанным мраком".¹

Таким образом, если м-р Папюс, как мы полагаем, следовал масонам в своем определении терминов "адепт" и "посвященный", то он ошибался, ибо нельзя обернуться к "мраку", если сам ты находишься в луче света. Теософия ничего не изобретает и не говорит ничего нового, но лишь преданно повторяет уроки высокой древности. Терминология, введенная пятнадцать лет тому назад в Теософском обществе, истинна, ибо в каждом случае ее термины являются достоверным переводом своих санскритских эквивалентов, почти столь же древних, как и человеческий род. Эта терминология не могла бы быть изменена в наше время, без риска внести в теософские учения весьма прискорбный хаос, столь же прискорбный, сколь и опасный для их чистоты и ясности.

1 "Cours Philosophique, etc.", стр. 60.

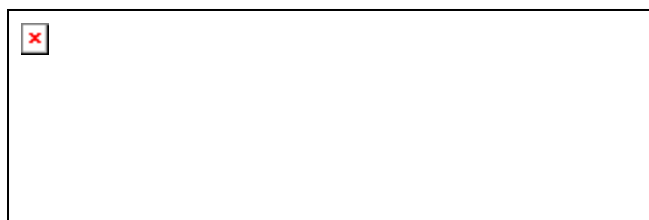
Позвольте особо отметить эти столь истинные слова Рагона:

"Колыбелью посвящения была Индия. Она предшествовала цивилизациям Азии и Греции, и в том, что касается очищения и усовершенствования духа и обрядов людей, она послужила основой для всех законов, гражданских, политических и религиозных".

Слово *посвященный* означает то же, что и *двиджа*, "дваждырожденный" брамин. Надо сказать, что посвящение считалось рождением в новой жизни, или, как говорит Апулей:

"Это есть **воскресение к новой жизни**, novam *vitam inibat*".

Во всем остальном лекция мосье Папюса об утверждении Теософского общества превосходна, а проявленная им эрудиция еще более замечательна. Члены нашего Братства выражают ему искреннюю благодарность за объяснения, которые столь же ясны и обоснованны, сколь и интересны.

ГИПНОТИЗМ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОЛДОВСТВА

"Г. К." и некоторые другие члены Общества просят нас ответить на некоторые вопросы, которые будут предложены к обсуждению далее. Мы делаем это, но с одной оговоркой: наши замечания должны быть сделаны с точки зрения одного оккультизма, без обсуждения таких гипотез современной (иначе говоря, "материалистической") науки, которые могут вступать в противоречие с эзотерическими учениями.

Вопрос: Что такое гипнотизм: чем он отличается от животного магнетизма (или месмеризма)?

Ответ: Гипнотизм — это новое научное название старого невежественного "суеверия", которое называли "волшебством" и "колдовством". Это устаревшая ложь, превращенная в современную правду. Положение вещей таково, но научное объяснение этого все же отсутствует. Некоторые верят, что гипнотизм — это результат раздражения, искусственно создаваемого на периферии нервов; что это раздражение, вступая во взаимодействия, проникает в клетки мозгового вещества, вызывая, благодаря истощению, состояние, которое является лишь другим видом сна (*hypnosis* или *hypnos*); для других — это просто вызванный самим человеком ступор, созданный главным образом благодаря воображению, и т. д. Он отличается от животного магнетизма, где гипнотическое состояние создается по методу Брейда, то есть фиксированием взгляда на некотором светлом пятне, металле или кристалле. Он становится "животным магнетизмом" (или месмеризмом), когда достигается посредством месмерических манипуляций над пациентом и для такого рода целей. Когда используют первый метод, то действуют не электро-психические и даже не электрофизические токи, но просто механические, молекулярные вибрации металла или кристалла, в который пристально вглядывается человек. Это глаз — наиболее таинственный орган из всех находящихся на поверхности нашего тела, который, служа посредником между данной частицей металла или кристалла и мозгом, настраивает молекулярные вибрации нервных центров последнего в унисон (то есть, уравнивает число соответствующих колебаний) с

вибрациями, происходящими в блестящем объекте. И именно этот унисон и создает гипнотическое состояние. Но во втором случае правильным названием гипнотизма было бы, конечно, "животный магнетизм" или то, что столь осмеяно под именем "месмеризма". Ибо при гипнотизации при помощи предварительных пассивов человеческая воля — сознательно или нет — сама является оператором, который воздействует на нервную систему пациента. И опять-таки, благодаря вибрациям, — атомическим, а не молекулярным, — создаваемым таким действием энергии, называемой ВОЛЕЙ, в эфире пространства (однако, на совершенно различных планах), вызывается сверх-гипнотическое состояние (то есть, "внушение" и т. д.). Ибо то, что мы называем "волевыми вибрациями" и их аурой, совершенно отличаются от вибраций, создаваемых просто механическим молекулярным движением, — они действуют на двух обособленных уровнях космо-террестриальных планов. Здесь необходимо, конечно, непосредственное проявление того, что называют волей в оккультных науках.

В: В обоих случаях (гипнотизма и животного магнетизма) существует действие воли в операторе, передача чего-то от него к его пациенту, воздействие на пациента. Чем же является это "нечто", передаваемое в обоих случаях?

О: То, что передается, не имеет названия в европейских языках, и если мы просто определим его как волю, оно утратит весь свой смысл. Старые и очень сильно табуированные слова — "волшебство", "колдовство", "чары" и особенно глагол "зачаровывать", — гораздо более внушительно выражают реальное действие того, что происходит в течение процесса такой передачи, чем современные и бессмысленные термины "психологизировать" и "биологизировать". Оккультизм называет передаваемую силу "аурическим флюидом", отличая его от "аурического света"; "флюид" является соотношением атомов на высшем плане и опускается на этот низший план в форме неосязаемых и невидимых пластических субстанций, создаваемых и управляемых потенциальной волей; "аурический свет", или то, что Рейхенбах называет од, свет, который окружает каждый одушевленный или неодушевленный объект в природе, — это, с другой стороны, лишь астральное отражение, исходящее от объекта; его собственный цвет и цвета, их комбинации и оттенки показывают состояние гун, или качеств и характеристик

каждого отдельного объекта и субъекта, причем человеческая аура является самой сильной из всех.

В: В чем смысл "вампиризма"?

О: Если под этим словом понимать непроизвольную передачу части чьей-либо витальности, или жизненной сущности, благодаря некоторому виду оккультного осмоса, от одного человека к другому — причем последний обладает, а точнее страдает, от такой вампирической способности, — тогда это действие может быть понято лишь когда мы хорошо изучим природу и сущность полусубстанционального "аурического флюида", о котором мы только что говорили. Подобным образом каждая другая оккультная форма [сила?] в природе, эти эндо- и экзосмотические процессы могут быть сделаны благотворными или вредоносными, бессознательно или по воле человека. Когда здоровый оператор месмеризирует пациента с определенным желанием успокоить и вылечить его, изнеможение, испытываемое последним, пропорционально предоставленному облегчению: происходит процесс эндосмоса, исцелитель передает часть своей витальной ауры для блага больного человека. Вампиризм, с другой стороны, — это слепой и механический процесс, обычно совершаемый без знания как со стороны поглощающего, так и вампиризируемого человека. Это может быть как сознательной, так и бессознательной черной магией. Ибо в случае подготовленного адепта или колдуна процесс вызывается сознательно и под руководством воли. В обоих случаях действующей силой переноса является магнетическая или притягивающая способность, материальная и физиологическая по своим результатам, которая все же создана и действует на четырехмерном плане — в царстве атомов.

В: При каких обстоятельствах гипнотизм является "черной магией"?

О: При тех, которые уже обсуждались, но чтобы охватить этот вопрос полнее и даже если привести лишь несколько примеров, потребуется больше места, чем мы можем уделить этому вопросу. Достаточно сказать, что когда мотивы, которыми руководствуется оператор, эгоистичны или причиняют вред любому живому существу или существам, — все такие действия мы классифицируем как черную магию. Здоровый жизненный флюид, которым врач, месмеризирующий пациента, наделяет его, может лечить и делает это; но его слишком большое количество может убить.

[Это утверждение получит свое объяснение в нашем ответе на 6-ой вопрос, который показывает, что вибрационный эксперимент разбивает бокал на куски.]

В: Существует ли какая-нибудь разница между гипнозом, создаваемым при помощи механических средств, таких как вращающиеся зеркала, и тем, который вызывается прямым пристальным взглядом оператора (его чарами)?

О: Мы полагаем, что разница есть, как это уже показано в ответе на 1-й вопрос. Пристальный взгляд оператора является более сильнодействующим и, следовательно, более опасным, чем простые механические пассы гипнотизера, который в девяти случаях из десяти не знает, как это делается, и потому не может подчинить это своей воле. Изучающие эзотерическую науку должны быть осведомлены, посредством знания законов оккультных взаимоотношений, что первое действие совершается на первом материальном плане (самом низком), в то время как последнее, которое необходимым образом требует сильно сконцентрированной воли, должно происходить на четвертом, если оператор непосвященный новичок, или на пятом, если он является каким-либо оккультистом.

В: Почему кусочек кристалла или блестящая пуговица ввергает одного человека в гипнотическое состояние и не действует на другого? Мы думаем, что ответ на это решил бы многие затруднения.

О: Наука предложила несколько различных гипотез по этому вопросу, но до сих пор "ни одна из них не принята, как точная. Это происходит потому, что все такие спекуляции вращаются в порочном кругу материально-физических явлений с их слепыми силами и механическими теориями. Люди науки не признают "аурический флюид" и поэтому отвергают его. Но разве они сами не верили долгие годы в эффективность металлотерапии, воздействие металлов, происходящее в результате действия их электрических флюидов или токов на нервную систему? И это просто потому, что была обнаружена аналогия между деятельностью этой системы и электричеством. Эта теория ошибочна, так как она вступает в противоречие с наиболее тщательно проведенными опытами и экспериментами. Прежде всего, она была опровергнута благодаря фундаментальному факту, проявившемуся в так называемой металлотерапии, обнаружившая такую характерную особенность: (а) что отнюдь не каждый металл действует на каждую нервную болезнь, причем один пациент

чувствителен к одному металлу, в то время как остальные не влияют на него; и (б) что пациенты, на которых воздействовали определенные металлы, очень редки и малочисленны. Это показывает, что "электрические флюиды", влияющие и лечащие болезни, существуют лишь в воображении теоретиков. Если бы они существовали в действительности, тогда бы все металлы в большей или меньшей степени воздействовали на всех пациентов, и каждый металл, взятый отдельно, влиял бы на каждый случай нервного заболевания, и условия для выработки таких флюидов были бы в данных случаях совершенно одинаковы. Поэтому д-р Шарко, оправдывая д-ра Бурка, однажды уже опозоренного открывателя металлотерапии, Шиффа и других, дискредитировал всех тех, кто верил в электрические флюиды, и они, по-видимому, отказывается от этого сегодня в пользу "молекулярного движения", которое теперь господствует в физиологии — на время, конечно. Но возникает вопрос: "Лучше ли известна реальная природа, поведение и состояния движения, чем природа, поведение и состояния флюидов?" Это сомнительно. Так или иначе, оккультизм обладает достаточной смелостью для того, чтобы заявить, что электрический и магнетический флюиды (которые на самом деле идентичны) обусловлены по своей сущности и происхождению тем же самым молекулярным движением, превращенным сегодня в атомическую энергию,¹ которой также обусловлен любой другой феномен в природе. Поистине, когда стрелка гальвано- или электрометра не может показать никакого отклонения, обозначающего наличие электрического или магнетического флюида, это ни в малейшей степени не доказывает, что ничего такого не отмечается; но это просто говорит о том, что перейдя на другой, высший уровень действия, электрометр не может больше подвергаться воздействию энергии, проявляющейся на уровне, с которым он совершенно не связан

¹ В оккультизме слово "атом" имеет особое значение, отличающееся от того, которое дает ему наука. Подробнее см. в статье "Психическое и нозтическое действие".

Вышеизложенное должно быть объяснено для того, чтобы показать, что природа Силы, передаваемой от одного человека или объекта другому человеку или объекту, в гипнотизме, электричестве, металлотерапии или "колдовстве" — одна и та

же по своей сущности, варьируется лишь по своей степени, и видоизменяется в соответствии с тем материальным суб-планом, на котором она действует; таких суб-планов, как это знает каждый оккультист, всего семь на нашем физическом плане, как и на любом другом.

В: Полностью ли ошибается наука в своих определениях гипнотических феноменов?

О: Она до сих пор не имеет определений. Но существует один пункт, по которому оккультизм соглашается (в некоторой степени) с самыми последними открытиями физической науки; это то, что все тела, наделенные способностью вызывать металлотерапевтические и другие аналогичные феномены, имеют, несмотря на их огромное разнообразие, одну общую характерную черту. Все они являются источниками и генераторами быстрых молекулярных колебаний, которые, или благодаря передающимся силам, или посредством прямого прикосновения, сообщаются с нервной системой, таким образом изменяя ритм нервных колебаний — однако, лишь при одном состоянии бытия, которое называется — в унисон. "Унисон" не подразумевает здесь тождество природы или сущности, но означает просто сходство по уровню, подобие в отношении притяжения и остроты и равные возможности по силе звука или движения: колокол может быть в унисон со скрипкой, флейта — с органом животного или человека. Кроме того, норма количества вибраций, особенно в органической клетке или органе, изменяется в зависимости от состояния здоровья и общего самочувствия. Поэтому, мозговые центры гипнотика, пребывая в полном унисоне по потенциальному уровню и сущностной первоначальной активности с объектом, на который он пристально смотрит, могут все же, вследствие некоего органического нарушения, не совпадать в данный момент друг с другом в отношении количества их соответствующих колебаний. В таком случае никакого гипнотического состояния не получается; или же не может существовать вообще никакого унисона между его нервными клетками и клетками кристалла или металла, на который он пристально смотрит, и в этом случае данный объект никогда не сможет оказывать никакого воздействия на этого человека. Это все равно что сказать, что для гарантии успеха в гипнотическом эксперименте необходимо два условия; (а) так как каждое органическое или "неорганическое" тело в природе отличается по своим постоянным молекулярным колебаниям, необходимо определить, какие существуют тела, которые

будут действовать в унисон с нервной системой того или другого человека; и (б) помнить, что молекулярные колебания первых могут оказывать влияние на деятельность нервной системы последних только тогда, когда ритмы их соответствующих вибраций совпадают, то есть когда количество их колебаний делается одинаковым, что в случаях гипнотизма, вызываемого благодаря механическим средствам, достигается через посредство глаз.

Таким образом, хотя разница между гипнозом, Произведенным при помощи механических средств, и тем, который был вызван прямым пристальным взглядом оператора и его волей, зависит от плана, на котором был создан один и тот же феномен, все же "колдовство", или подчиняющее воздействие, создается благодаря одной и той же действующей силе. В физическом мире и на его материальных планах она называется ДВИЖЕНИЕМ; в мирах ментальности и метафизики она известна как ВОЛЯ — многоликий волшебник, пребывающий повсюду в природе.

Поскольку скорость вибраций (молекулярного движения) в металлах, древесине, кристаллах, и т. д. меняется под воздействием тепла, холода, и т. п., то же самое делают и молекулы головного мозга: то есть их скорость возрастает или понижается. И это в действительности наблюдается в феноменах гипнотизма. В случае пристального всматривания, глаз — главный действующий агент воли оператора, но раб и изменник тогда, когда эта воля дремлет — настраивает (бессознательно для пациента или субъекта) уровень колебаний в нервных центрах его головного мозга на уровень вибраций в объекте, на который он пристально смотрит, посредством восприятия ритма последних и передачи его мозгу человека. Но в случае прямых пассивов, воля оператора, излучающаяся через его глаза, создает требуемый унисон между его волей и волей человека, на которого он воздействует. Ибо вне двух объектов, настроенных в унисон, — например, как в случае двух струн, — одна воля всегда слабее, чем другая, и таким образом последняя имеет власть над ней и даже возможность разрушения своего более слабого "корреспондента". В этом содержится такая правда, что мы можем призвать для подтверждения этого факта физическую науку. Возьмем такой случай, как "чувствительное пламя". Наука говорит нам, что если музыкальная нота будет приведена в унисон с тепловыми колебаниями молекул, то пламя будет немедленно отвечать на звук (или удар по

клавише) таким образом, что будет танцевать и петь в одном ритме со звуками. Но оккультная наука добавляет, что пламя может также быть потушено, если звук усиливается (см. "Разоблаченную Изиду", том II). Другое доказательство. Возьмем стакан для вина или бокал из очень тонкого и прозрачного стекла; легонько ударяя по нему серебряной ложкой, создадим ясно выраженный звук, после чего воспроизведем ту же самую ноту, потирая его ободок влажным пальцем, и если вам удастся, стакан немедленно треснет и разобьется. Будучи невосприимчивым к любому другому звуку, стакан не устоит перед большой мощностью своей собственной основной ноты, ибо эта специфичная вибрация вызовет в его частицах такое волнение, что вся ткань распадется на кусочки.

В: Что происходит с болезнями, которые лечат путем гипноза? Действительно ли они вылечиваются, или это временное облегчение, и эти болезни проявятся в другой форме? Если болезни являются кармой, хорошо ли это — пытаться лечить их?

О: Гипнотическое внушение может излечивать навсегда, но может и не делать этого. Все зависит от степени магнетических отношений между оператором и пациентом. Если они кармические, то они будут лишь отсрочены и вернуться в какой-либо другой форме, не обязательно в виде болезни, но карающего зла другого рода. Всегда является правильным пытаться облегчить страдание, если мы можем это сделать, прилагая к этому все наши усилия. Когда человек справедливо заслуживает тюремного наказания и, простудившись в своей камере, страдает, — является ли это причиной, по которой тюремный доктор не должен лечить его?

В: Необходимо ли, чтобы "гипнотические внушения" оператора были в форме устного высказывания? Не достаточно ли, чтобы он произнес их мысленно; и не может ли даже он не понимать и не осознавать того впечатления, которое он производит на гипнотизируемого?

О: Конечно, нет, если отношения между обоими раз и навсегда твердо определились. Мысль является более мощной, чем речь, в случаях действительного порабощения воли пациента волей оператора. Но с другой стороны, если "внушение" делается не для пользы данного человека и не совсем свободно от какого-либо эгоистического мотива, то внушение посредством мысли — это акт черной магии, еще более чреватой злыми последствиями, чем устное внушение. Ошибочно и незаконно

лишать человека его свободной воли, если только не ради его собственной пользы или блага общества; и даже в этом первом случае следует действовать с огромной осторожностью. Окультизм рассматривает все такие неразборчивые попытки как черную магию и колдовство, независимо от того, являются ли они сознательными или нет.

В: Влияют ли мотивы и характер оператора на немедленный или отдаленный во времени результат?

О: В той степени, в какой процесс гипноза становится в его руках или белой, или черной магией.

В: Разумно ли это — подвергать гипнозу человека не только по причине его заболевания, но и в связи с какой-либо дурной привычкой, такой, как питье спиртного или привычка лгать?

О: Это акт благотворительности и милосердия, и это близко к мудрости. Хотя отказ от пагубных привычек ничего не добавит к его доброй карме (как это было бы, если бы попытки преобразовать себя были личными, исходящими из его собственной воли и требующими огромной ментальной и физической борьбы), все же успешное "внушение" удержит его от создания еще более худшей кармы и будет постоянно прибавляться к прежним записям его перевоплощений.

В: Что это такое — то, что знахарь успешно практикует на самом себе; какие трюки он проделывает со своими принципами и своей кармой?

О: Воображение — это могущественная помощь во всяком событии в нашей жизни. Воображение действует на веру, и обе они являются чертежниками, которые готовят наброски для воли, чтобы запечатлеть их, более или менее глубоко, на скалах трудностей и препятствий, которыми усыпан жизненный путь. Парацельс говорит: "вера должна поддерживать воображение, ибо вера создает волю,.. Решительная воля — это начало всех магических действий... И потому, что человек недостаточно совершенно представляет результат и слабо верит в него, это искусство (магия) является ненадежным, в то время как оно могло бы быть абсолютно надежным". В этом весь секрет. Половина, если не две трети наших недугов и болезней, являются плодом нашего воображения и страхов. Разружьте последние и придайте иное направление первому — и природа доделает остальное. Нет ничего греховного или вредного в методах *per se*. Они обращаются во вред только тогда, когда вера в свою силу становится у знахаря чересчур высокомерной и ярко

выраженной, и когда он думает, что может изгнать такие болезни, которые требуют, если они не смертельны, немедленной помощи профессионального хирурга или терапевта.

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА НЕИЗВЕДАННОГО

I

В одной древней книге по оккультным наукам написано:

"*Гупта видья* (тайная наука) — это притягательное, но бурное море, полное подводных скал. Мореплаватель, рискнувший путешествовать в нем, если только он не является мудрым и опытным,¹ будет поглощен им, напорвшись на один из тысяч подводный рифов. Огромные волны цвета сапфира, рубина и изумруда, волны, исполненные красоты и тайны, захватят его, готовые унести странника в направлении других, бесчисленных сигнальных огней маяков, светящих вокруг со всех сторон. Но это ложные огни, блуждающие огоньки, зажженные сынами Калии,² чтобы погубить тех, кто жаждет выжить. Блажен тот, кто остается слеп к этим обманчивым огням, но еще более блажен тот, кто никогда не отвращал своего взора от света единственной истинной Путеводной Звезды, чье вечное пламя в одиночестве пылает в глубинах вод Священной Науки. Бесчисленны странники, стремящиеся войти в эти воды; но лишь немногие плавают столь хорошо, что достигают этого Путеводной Звезды. Тот же, кто попадет туда, перестает быть числом и становится *всеми числами*. Он забывает об иллюзорной обособленности и признает лишь истину коллективной индивидуальности.³ Он видит ушами, слышит глазами,⁴ понимает язык радуги и сосредотачивает шесть своих чувств в седьмом".⁵

1 То есть, имеет опыт, приобретенный под руководством *гуру* или Учителя.

2 Великий змей, побежденный Кришной и изгнанный из реки Ямуна в море; там змей Калия взял себе в жены существо, подобное сирене, и произвел на свет многочисленное потомство.

3 Иллюзия *персональности* или обособленного *эго*, выдвигаемого эгоизмом на первый план. Одним словом, необходимо как бы "усвоить" или "воспринять" все человечество, жить им, для него и в нем; другими словами, перестать быть "одним" и стать "все́м", или *целым*.

4 Ведическое выражение. В оккультизме есть семь чувств, включая два мистических; однако посвященный отделяет одно из этих чувств от другого не в большей степени, чем он обособляет свое единство от человечества. Каждое из этих чувств содержит в себе все остальные.

5 Символизм цвета. Язык призмы, в которой "каждый из семи материнских цветов имеет семь сыновей", т. е. 49 оттенков, или "сынов", между семью основными цветами, которые соответствуют такому же количеству букв, или знаков алфавита. Таким образом, язык цветов состоит для *посвященного* (не следует путать его с *адептом*, см. мою статью "Опасный сигнал") из пятидесяти шести букв. Каждая семерка этих букв поглощается материнскими цветами, а сами материнские цвета в конце концов растворяются в белом луче, Божественном Единстве, символизируемом этими цветами.

"Сигнальный огонь маяка" Истины — это природа без иллюзорного покроя чувств. Ее можно достигнуть лишь тогда, когда адепт становится абсолютным хозяином своей личности, способным контролировать все свои физические и психические чувства при помощи своего "седьмого чувства", посредством которого он наделяется также истинной мудростью богов — *тео-софией*.

Нет надобности говорить, что профаны — непосвященные, *стоящие вне храма, или pro-fanes*, — судят о вышеупомянутых

"сигнальных огнях" и "Путеводной Звезде" прямо противоположным образом. Для них именно свет Путеводной Звезды оккультной истины есть *ignis fatuus*, великий блуждающий огонек людской иллюзии и человеческой глупости; а все остальные, по их мнению, отмечают милосердные песчаные отмели, которые на время задерживают тех, кто в волнении скитается по морю неразумия и суеверия.

"Разве недостаточно того", — говорят наши любезные критики, — "что мир через "измы" пришел к *теософизму*, который есть не что иное, как трансцендентальное надувательство (*fumisterie*), и разве так уж необходимо, чтобы последний предложи и нам еще и *réchauffé* [подогретое кушанье, *франц.*] средневековой магии, с ее великим шабашем и хронической истерией?"

Погодите, погодите, джентльмены! Неужели же, рассуждая о подобных вещах, вы не знаете, что такое *истинная* магия или оккультные науки? Вы позволили в ваших школах забить вам головы суждениями доброго отца Ириния, чересчур ревностного Феодорита и неизвестного автора "Философумен" о "дьявольском колдовстве" Симона Мага и его ученика Менандра. Вы допустили высказывание с одной стороны, что эта магия исходит от дьявола, а с другой — что она является результатом обмана и глупости. Прекрасно. Но что тогда вам известно об истинном характере системы, которой следовали Аполлоний Тианский, Ямвлих и другие *маги*? И каково ваше мнение об идентичности теургии Ямвлиха с "магией" Симона и Менандра? Ее истинный характер лишь наполовину был открыт автором "*Liber de mysteriis*".¹ Тем не менее, его объяснений было достаточно, чтобы обратить Порфирия, Плотина и других, кто из врагов *эзотерической теории* стали ее самыми горячими приверженцами. Истинная магия, теургия Ямвлиха, идентична, в свою очередь, с гнозисом Пифагора, ἡ γνώσις τῶν ὄντων, наукой о том, что есть, и с божественным экстазом *филалетов*, "любителей истины". Но о дереве стоит судить лишь по его плодам. Кто они, те, кто свидетельствует о божественном характере и реальности того экстатического состояния, которое в Индии называется *самадхи*?²

¹ Сочинение Ямвлиха, использовавшего имя своего учителя, египетского жреца Аваммона, в качестве псевдонима. На греческом языке оно называется:

Ἀβάμμωνος διδασχάλον πρὸς τὴν Πορφυρίον πρὸς Ἀνεβώ ἐπιστολὴν ἀλόκρισις, καὶ τῶν ἐν αὐτῇ ἀπορήμάτων λύσεις.

2 Самадхи — это состояние абстрактного созерцания, определенное на санскрите терминами, каждый из которых потребовал бы целого предложения для собственного объяснения. Это ментальное, или, точнее, духовное состояние, не зависящее от какого-либо воспринимаемого органами чувств объекта, во время которого *субъект*, растворенный в царстве чистого духа, пребывает в *Божественности*.

Целый ряд людей, которые, будь они христианами, были бы канонизированы — не по решению церкви, имеющей свои пристрастия и предубеждения, но по решению народного большинства и *vox populi* [гласа народа, *лат.*], который редко ошибается в своих суждениях. Например, Аммоний Саккас, называемый *теодидактом*, "богопросвещенным"; великий учитель, чья жизнь была столь строга и чиста, что Плотин, его последователь, не имел ни малейшей надежды когда-либо лицезреть другого смертного, сравнимого с ним. Затем, тот же самый Плотин, который был для Аммония тем же, кем был Платон для Сократа — учеником, достойным добродетелей своего прославленного учителя. Далее, Порфирий, последователь Плотина,¹ автор биографии Пифагора. Под сенью этого божественного гнозиса, благотворное влияние которого распространяется до наших дней, развивались все прославленные мистики последующих веков, такие как Якоб Бёме, Эммануэль Сведенборг и многие другие. Женский двойник Ямвлиха — мадам Гийон. Христианские квиетисты, мусульманские суфии, розенкрейцеры всех стран утоляли свою жажду водами из этого неиссякающего источника — теософии неоплатонизма первых веков христианской эры. Однако гнозис существовал и до начала этой эры, ибо он был прямым продолжением *гупта видьи* ("тайного знания" или "знания Брахмана") древней Индии, переданной через Египет, точно так же, как теургия филалетиа была продолжением египетских мистерий. В любом случае, точка, от которой отправляется эта *дьявольская* магия — Высшая Божественность; ее конечная и начальная цель — соединение божественной искры, одушевляющей человека, с породив! огнем, Божественным Всем.

1 Являясь в течение 28 лет гражданином Рима, он был столь добродетельным человеком, что сироты богатейших патрициев почитали за честь иметь его своим опекуном. Он умер, так и не нажив за эти 28 лет ни одного врага.

Эта цель — *ultima Thule* [крайний предел, теософов, кто поставил всего себя на службу человечеству. Остальные же, те, кто еще не готов принести себя и жертву, могут заниматься трансцендентными науками, такими как месмеризм, и всеми видами современных феноменов. Они имеют право делать это в соответствии с пунктом, который определяет как одну из целей Теософского общества "изучение необъясненных законов природы и *психических сил, скрытых в человеке*".

Первых совсем немного — совершенный альтруизм является *rara avis* [редкой птицей, *лат.*] даже среди современных теософов. Остальные члены вольны заниматься тем, чем они пожелают. Не принимая все это в расчет, и не обращая внимание на тот факт, что наше *поведение* совершенно открыто, искренне и лишено таинственности, нас постоянно призывают объясниться и удостоверить публику, что мы не проводим знаменитых шабашей ведьм, или не изготавливаем метловища для определенного использования теософами. Иногда дело приобретает почти гротескный характер. Даже если нас и не обвиняют в изобретении нового "изма" — *религии*, возникшей в глубинах больного мозга — или в обмане, то осуждают за то, что, применяя искусство Цирцеи, мы соблазняем людей и животных. Градом сыплются на Теософское общество насмешки и издевательства. Тем не менее, оно стоит непоколебимо уже четырнадцать лет, на протяжении которых постоянно происходят такие вещи; поистине, это — "крепкий орешек".

II

При всем том, критики, которые судят лишь по внешности, не во всем неправы. Есть теософия и теософия: истинная теософия журнала "Теософист", и теософия одного из членов одноименного Общества. Что знает мир об истинной теософии? Как может он отличить, где Плотин, а где лжебратья? Их в Обществе намного больше, чем оно того

заслуживает. Эгоизм, тщеславие и самодовольство большинства смертных — невероятны. Существуют такие люди, для которых их маленькая *персона* заключает в себе всю вселенную, за пределами которой нет никакого спасения. Намекните одному из них, что альфа и омега мудрости не ограничена пределами его или ее мозга, что его суждение не совсем совпадает с Соломоновым, и сразу же он обвинит вас в *анти*-теософии. Вас обвинят в богохульстве против Духа, которое не будет прощено ни в этом веке, ни в последующем. Такие люди говорят: "теософия — это я", подобно тому, как сказал Людовик XIV: "государство — это я". Они рассуждают о братстве и альтруизме, а в действительности пекутся лишь о том, что более не заботит никого, — о самих себе, другими словами, о своих маленьких "я". Их эгоизм заставляет их воображать, что лишь они одни представляют храм теософии, и что, проповедуя себя всему миру, они проповедуют теософию. Увы! Двери и окна этого "храма" ничем не лучше столь многочисленных каналов, по которым привносятся, но очень редко выводятся грехи и иллюзии, характерные для эгоистических посредственностей.

Такие люди — это термиты Теософского общества, которые подтачивают его фундамент и представляют для него постоянную угрозу. И лишь когда они покинут его, можно будет дышать свободно.

Они никогда не смогут дать правильное представление о практической теософии, а тем более о трансцендентной теософии, которая занимает умы лишь очень узкой группы избранных. Любой из нас обладает способностью, внутренним чувством, известной как *интуиция*, но сколь немного тех, кто знает, как развить ее! Однако это единственная способность, при помощи которой можно увидеть людей и предметы в их истинном свете. Это *инстинкт души*, возрастающий в нас пропорционально тому, как мы его используем, который помогает нам воспринимать и понимать реальные и абсолютные факты намного более явственно, чем это возможно при использовании наших обычных органов чувств и нашего рассудка. То, что называется здравым смыслом и логикой, позволяет нам видеть внешний облик вещей, очевидный каждому. *Инстинкт*, о котором я говорю, будучи проекцией нашего воспринимающего сознания, проекцией, которая действует в направлении от субъективного к объективному, а не наоборот, пробуждает в нас духовные чувства и силу действовать; эти чувства ассимилируют в себя

сущность объекта или наблюдаемого действия и представляют их нам такими, какими они являются в реальности, а не такими, какими они кажутся нашим физическим органам чувств или нашему холодному рассудку. "Мы начинаем с *инстинкта*, мы заканчиваем *всеведением*", — говорит профессор А. Уилдер, наш старейший коллега. Эту способность описывал Ямвлих, и некоторые теософы смогли понять истинность его описания.

"Существует", — по его словам, — "в человеческом разуме способность, неизмеримо превосходящая все то, что прививается или порождаются в нас. С ее помощью мы можем достичь единства с высшими умами, обнаруживая себя вознесенными над ареной этой земной жизни и приобщаясь к высшему бытию и сверхчеловеческим силам обитателей небесных сфер. Благодаря этой способности мы освобождаемся, в конце концов, от владычества рока [кармы], и становимся, так сказать, арбитрами своей собственной судьбы. Ибо когда наиболее возвышенная наша часть наполняется энергией, и когда душа наша возносится к тому, что превосходит знание, она всецело обособляется от условий, которые держат ее в оковах повседневной жизни; она меняет свое обычное бытие на другое и отказывается от условных привычек, принадлежащих к внешнему порядку вещей, чтобы отдать себя и соединиться с другим порядком, который управляет этим наивозвышенным состоянием бытия..."¹

1 Ямвлих, "Liber de mysteriis", VIII, 6-7.

Платон ту же самую идею выражает следующим образом:

"Божественный свет и дух — это крылья души. Они возносят ее в общении с богами, поднимая над этой землей, которая с такой легкостью пятнает дух человеческий... Стать богоподобным означает стать святым, справедливым и мудрым. Это Цель, ради которой был сотворен человек, и к которой он должен стремиться в приобретении знания".¹

1 Федр, 246 d, e; Теэтет, 176 b.

Такова истинная, сокровенная теософия, или теософия души. Но, преследуя эгоистическую цель, теософия меняет свой характер и становится *демонософией*. Именно поэтому восточная мудрость учит нас, что индусский йог, уединившийся в недоступном лесу — подобно христианскому отшельнику, удалившемуся, что в прежние времена было

обыденным, в пустыню, — по сути, законченный эгоист. Первый действует с единственной мыслью найти в единой сущности нирваны убежище от реинкарнации, другим движет единственная идея спасения собственной души, — оба они думают только о себе. Их мотивы являются всецело личными; ибо, даже если предположить, что они достигли своей цели, разве не подобны они трусливым солдатам, бросающим свой полк в тот момент, когда он идет в атаку, чтобы защитить себя от пуль? Изолируя себя от остальных, ни йог, ни "святой" не поможет никому, кроме самого себя; напротив, оба они показывают свое глубокое безразличие к судьбе человечества, которое они покинули. На горе Афон, возможно, и живет небольшое число искренних фанатиков; тем не менее, даже они невольно покинули тот путь, который только и мог привести их к истине, — крестный путь Голгофы, на котором каждый добровольно несет крест человечества, и ради человечества. В действительности же это гнездо самой грубейшей формы эгоизма; именно к таким местам относится высказанное Адамсом замечание о монастырях:

"Это уединенные образования, которые, кажется, удалились от остального человечества ради единственного удовольствия общения *tête-à-tête* [с глазу на глаз, *франц.*] с дьяволом".

Гаутама Будда оставался в одиночестве лишь столько времени, сколько было необходимо для достижения истины, распространению которой он посвятил с тех пор всего себя без остатка, питаясь подаянием и живя ради человечества. Иисус удалился в пустыню лишь на сорок дней и умер ради того же человечества. Аполлоний Тианский, Плотин и Ямвлих, проводя свою жизнь в строгом воздержании, почти аскетическом, жили в миру и *для* мира. Величайшие аскеты и *святые* наших дней — это не те, кто удалился в недоступные места, но те, кто проводит свою жизнь, странствуя из одного места в другое, творя добро и пытаясь возвысить человечество; хотя они могут избегать Европы, а также тех цивилизованных стран, где никто не видит и не слышит никого, кроме самого себя, стран, разделенных на два лагеря — Каина и Авеля.

Те, кто рассматривает человеческую душу как эманацию Божества, как частицу или луч универсальной и АБСОЛЮТНОЙ души, понимает притчу о *талантах* намного лучше, чем сами христиане. Тот, кто зарывает в землю *талант*, данный ему его "Господом", потеряет этот талант, как теряет его аскет, сокрывший его в своей голове, чтобы "спасти

свою душу" в эгоистическом одиночестве. "Добрый и верный раб", который удваивает свой капитал, вырастив урожай для *того, кто не сеял*, потому что у него не было возможности сделать это, и который собирает жатву там, где бедный не смог посеять зерна, поступает как истинный альтруист. Он получит вознаграждение просто потому, что трудился ради другого, без какой-либо мысли о воздаянии или признании. Такой человек является альтруистическим теософом, тогда как другой — эгоист и трус.

Свет Путеводной Звезды, к которому прикованы взоры всех истинных теософов, это тот же свет, к которому во все века пробивалась плененная человеческая душа. Это Путеводная Звезда, которая сияет не над земными морями, но отражается в темных глубинах предвечных вод безграничного пространства, называемого нами, как и древнейшими теософами, "Божественной Мудростью". Это последнее слово эзотерической доктрины. Разве существовала в древности хотя бы одна страна, по праву называемая цивилизованной, которая не имела бы двойную систему МУДРОСТИ, одну для масс, а другую для избранных, экзотерическую и эзотерическую? Эта МУДРОСТЬ, или, как мы иногда говорим, "религия мудрости", или *теософия*, столь же стара, как и человеческий разум. Титул *мудрецы* — первослужители этого культа истины — был ее первой производной. Эти названия трансформировались впоследствии в термины *философия* и *философы* — "любители знания" или мудрости. Именно Пифагору обязаны мы этим названием, а также словом *гнозис*, системой ἡ γνῶσις τῶν ὄντων, "познания вещей такими, какие они есть", или их сущности, сокрытой за внешним обликом. Этим именем, столь благородным и точным, все учителя древности обозначали совокупность человеческого и божественного знания. Мудрецы и брахманы Индии, маги Халдеи и Персии, иерофанты Египта и Аравии, пророки, или *нэвиим*, Иудеи и Израиля, а также философы Греции и Рима, все они выделяли два подразделения в этой особой науке — *эзотерическое*, или истинное, и *экзотерическое*, скрытое при помощи символов. До наших дней еврейские раввины называют термином *Меркава* "тело" или "повозку" своей религиозной системы, которая содержит внутри себя высшие науки, доступные лишь для посвященных, и служит для них лишь оболочкой. Нас обвиняют в таинственности и упрекают за то, что мы держим в секрете высшую теософию. Мы убеждены, что доктрина, которую мы называем *гунта видья*

(тайная наука), предназначена лишь для немногих. Но разве существовали в древние времена такие учителя, которые не хранили бы в тайне свои учения, опасаясь их профанации? Начиная от Орфея и Зороастра, Пифагора и Платона, до розенкрейцеров и еще более близких к нам по времени масонов, обязательным правилом было то, что ученик должен завоевать доверие учителя, прежде чем получит от него высшее и последнее слово. Уже в самых древних религиях существовали свои великие и малые мистерии. Неофиты и новообращенные обязательно давали нерушимый обет, прежде чем они будут приняты. Ессеи Иудеи и горы Кармил требовали того же. *Наби* [набатейне] и *назары* [назореи] ("первообособленные" Израиля), подобно мирским *чела* и *брахмачаринам* Индии, сильно отличались друг от друга. Первые из них могли жениться и оставаться в миру, изучая до определенного момента священные писания; вторые же, *назары* и *брахмачарины*, уже были целиком *погружены* в таинства инициации. Великие школы эзотеризма были интернациональны, хотя и весьма замкнуты, что доказывает тот факт, что Платон, Геродот и другие, чтобы получить посвящение, совершили путешествие в Египет; тогда как Пифагор сначала посетил брахманов Индии, затем остановился в египетском святилище и, в конце концов, был посвящен на горе Кармил. Иисус следовал традиционному правилу и оправдывал свою скрытность, приводя известную заповедь:

"Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас" [От Матфея, 7:6].

Некоторые древние сочинения, известные библиофилам, персонифицируют МУДРОСТЬ, изображая ее эманацией из ЭЙН-СОФ, Парабрахмана еврейских каббалистов, помощником и спутником проявленного божества. Отсюда и ее сакральный характер у всех народов. Мудрость неотделима от божественности. Точно так же и *Веды* исходят из уст индусского Браммы (*логоса*). Будда происходит от *Будха*, "Мудрости", божественного разума. Вавилонский *Нэво*, мемфисский *Тот*, греческий Гермес, — все они были богами эзотерической мудрости.

Греческая Афина, египетские Метис и Нейт были прототипами Софии-Ахамот, женской мудрости гностиков. Самаритянское *Пятикнижие* называет книгу *Бытия* — *Акамоот*, или "Мудрость", что мы наблюдаем и в случае двух фрагментов

очень древних манускриптов: *Премудрости Соломона* и *Премудрости Йасея* (Иисуса). Книга, известная как *Машалим*, или "Рассуждения и притчи Соломона",¹ персонифицирует Мудрость, называя ее "помощником (Логоса) творца", в следующих выражениях (я перевожу буквально):

I(a)HV(e)H владел мной с самого начала.²

И все же я был *первой эманацией* в вечностях.

Я появился из все-древности, предвечного. —

Из первого дня земли;

Я родился прежде великой бездны.

И когда не было ни источников, ни вод.

Когда возводились небеса, я был там.

Когда он проводил круг на поверхности бездны,

Я был там с ним, Амун.

Я был его восторгом, день за днем.³

Этот текст экзотеричен, подобно всему, что относится к личным богам народов. БЕСКОНЕЧНОЕ не может быть известно нашему разуму, который может лишь разделять и определять; но мы всегда можем получить о нем абстрактное представление благодаря способности, которая выше нашего разума, — *интуиции*, или духовному инстинкту, о котором я уже говорила. Великие посвященные, которые обладают редкой силой вводить себя в состояние *самадхи* — термин, который лишь весьма несовершенно можно перевести словом *экстаз*, состояние, в котором человек перестает быть обусловленным и личным "Я" и становится единым со ВСЕМ, — единственные, кто может гордиться тем, что вступили в контакт с *бесконечным*; но описать это состояние словами они способны не больше, чем остальные смертные...

1 Слово *Машалим*, множественное число от *Машаль*, означает "пример", "басня", "аллегория", т. е. учение, которое иллюстрируется. На иврите Притчи Соломона называются *Мишлей Шломо*. — *Прим. редактора*.

2 יהוה, или Яхве (Иегова) — это Тетраграмматон, следовательно, эманированный Логос и творец; ВСЕ, безначальное и бесконечное, или Эйн-Соф в

своем качестве АБСОЛЮТА, неспособно ни творить, ни желать творения.

3 Канонический текст см. в Притчах Соломона, 8:22-30. — *Прим. редактора.*

Эти немногие характеристики истинной теософии и ее практики были очерчены для тех немногочисленных наших читателей, кто одарен необходимой интуицией. Что же до остальных, они либо не поймут нас, либо посмеются над нами.

III

Знают ли вообще наши любезные критики, над чем они смеются? Имеют ли они хотя бы малейшее представление о той работе, которая происходит в мире, и о тех ментальных переменах, производимых теософией, над которой они насмеваются? Прогресс, достигнутый благодаря нашей литературе, очевиден, и, благодаря неустанному труду ряда теософов, его начинают признавать даже наиболее слепые. Немало людей убеждены в том, что теософия станет в будущем философией или моральным кодексом, если не религией. Реакционеры, очарованные *dolce far niente* [сладостным бездельем, *ит.*] консерватизма, чувствуют это, отсюда ненависть и преследования, которые использует их критика для своих целей. Но критика, введенная Аристотелем, далека от этого примитивного стандарта. Древние философы, эти возвышенные невежды с точки зрения современной цивилизации, когда они критиковали некую систему или некое сочинение, делали это беспристрастно и с единственной целью улучшить и усовершенствовать то, что они считали ошибкой или недостатком. Сначала они изучали проблему, а затем ее анализировали. Тем самым они оказывали услугу, что признавалось и принималось обеими партиями. Всегда ли следует современная критика этому золотому правилу? Совершенно очевидно, что нет. Наши современные судьи находятся намного ниже даже уровня философской критики Канта. Критика, принявшая в качестве собственного канона непопулярность и предвзятость, заменила критику "чистого разума"; и критик, в конце концов, разрывает в клочья своими зубами все то, чего он не понимает, а особенно то, чего он ни в малейшей степени понять и не пытается. В прошлом столетии — золотом веке гусиных перьев — критику громили

достаточно часто; но все же надо воздать ей должное. Можно было заподозрить жену Цезаря, но ее никогда не осуждали, не выслушав ее оправданий. В наш век монтюоновских премий¹ и публичные статуи возводятся тому, кто изобрел самую смертоносную военную машину; сегодня, когда стальное перо заменило своего более скромного предшественника, клыки бенгальского тигра или зубы ужасного нильского крокодила наносят намного менее глубокие раны, чем стальное перо современного критика, практически всегда абсолютно неосведомленного о том, что он столь тщательно разрывает на куски.

1 Премии, учрежденные во Франции в восемнадцатом веке бароном Антуаном де Монтюоном (1733-1820), французским филантропом, для награждения тех, кто тем или иным образом облагодетельствовал других людей.—Прим. редактора.

Быть может, кому-то будет утешительно узнать, что большинство наших литературных критиков, заокеанских и европейских, это бывшие графоманы и рифмоплеты, потерпевшие *фиаско* в литературе и ныне мстящие за свою посредственность всему, что встречается на их пути. Слабое вино, безвкусное и перебродившее, почти всегда превращается в крепкий уксус. К сожалению, репортеры нынешней прессы в целом (бедные "невидимки", жаждущие подняться по служебной лестнице), которым мы выражаем сочувствие по поводу малого их продвижения, являются нашими и не только нашими злейшими критиками. Фанатики и материалисты — агнцы и религиозные козлы отпущения — в свою очередь помещают нас в их *index expurgatorius* [перечень книг, чтение которых допускается римско-католической церковью только после изъятия нежелательных мест, *лат.*], наши книги изгоняются из их библиотек, наши периодические издания бойкотируются, а самих нас подвергают полному ostracismu. Один ханжа, понимая *буквально* библейские чудеса, эмоционально переживает ихтиографические изыскания Ионы, проводимые им во чреве кита, или транс-эфирное путешествие Илии, улетающего, подобно саламандре, на своей огненной колеснице, и тем не менее считает теософов *рассказчиками небылиц* и *мошенниками*. Другой — *à te damnée* [рабски преданный, *франц.*] Геккелю, — проявляя *слепое доверие*, как

тот же фанатик, в своей вере в происхождение человека и гориллы от общего предка (учитывая полное отсутствие в природе какого-либо связующего звена), надрыдается от хохота, обнаружив, что его сосед верит в оккультные феномены и психические проявления. Тем не менее, ни фанатик, ни человек науки, ни даже академик, причисленный к "бессмертным", не могут объяснить нам даже самую незначительную из проблем бытия. Метафизик, который на многовековом опыте изучал феномен бытия в его перво-принципах, и который с сожалением улыбнулся бы, слушая теософские "бредни", затруднился бы объяснить нам философию или даже причину снов. Кто из них может сказать нам, почему все умственные операции, кроме *рассудочного мышления* — единственной функции, действие которой приостанавливается и парализуется, — продолжают осуществляться во время сна с той же силой и энергией, как и во время бодрствования? Ученик Герберта Спенсера отослал бы к биологу того, кто прямо задал бы ему этот вопрос. Биолог, для которого пищеварение есть *альфа* и *омега* любого сна — так же как и *истерия*, этот великий Протей, имеющий тысячу форм, который присутствует во всех психических феноменах, — никоим образом не удовлетворил бы нас. Несварение желудка и истерия фактически являются сестрами-близнецами, двумя богинями, вознесенными на алтарь современным физиологом, который ощущает себя здесь настоящим жрецом. Это его личное дело, до тех пор, пока он не касается кумиров своих ближних.

Из всего этого следует, что до тех пор, пока христиане характеризуют теософию как "проклятую науку" и запретный плод; пока человек науки не видит в метафизике ничего, кроме "владения безумного поэта" (Тиндаль); пока репортер дотрагивается до нее лишь отравленными щипцами; и пока миссионеры ассоциируют ее с идолопоклонством "*отсталых индусов*", из всего этого следует, утверждаем мы, что с бедной *теософией* обращаются столь же позорным образом, как и в те времена, когда древние называли ее ИСТИНОЙ — изгоняя и ссылая ее при этом на самое дно колодца. Даже "христианские" каббалисты, которые любят всматриваться в темные воды этого глубокого колодца, хотя они и не видят там ничего, кроме отражения своих собственных физиономий, ошибочно принимаемого ими за Истину, даже каббалисты воюют против нас!.. Тем не менее, все это не повод для того, чтобы теософия не могла высказаться в свою защиту и в свое

оправдание; или чтобы она перестала утверждать свое право быть выслушанной; или чтобы ее лояльные и преданные слуги отказались от своего долга, приветствуя собственное поношение.

"Проклятая наука", говорите вы, господа ультрамонтаны?¹ Однако вы должны помнить, что древо познания прививается к древу жизни; что тот плод, который вы объявляете "запретным", и который вы уже восемнадцать веков провозглашаете причиной первородного греха, принесшего смерть в этот мир, что этот плод, цветок которого распустился на бессмертной ветви, питался тем же самым стволом, и что это единственный плод, способный обеспечить нам бессмертие. А вы, господа каббалисты, либо просто не знаете, либо намеренно отрицаете тот факт, что аллегория о земном рае столь же стара, как мир, и что это древо, этот плод и грех имели некогда намного более глубокое и философское значение, чем они имеют сегодня, поскольку тайны посвящения утрачены.

1 Сторонники абсолютного авторитета римского папы. *Прим. редактора.*

Протестантизм и ультрамонтаны выступают против теософии, как и против всего того, что не исходит от них самих; так кальвинизм противостоит замене двух своих фетишей, еврейской Библии и субботы, Евангелием и христианским воскресеньем; так Рим выступает против светского образования и масонства. Однако век буквального понимания и теократии прошел. Мир должен продвигаться вперед под страхом стагнации и смерти. Ментальная эволюция протекает *pari passu* [соревнуясь, *франц.*] с эволюцией физической, и обе они стремятся к ЕДИНОЙ ИСТИНЕ, которая является сердцем, как эволюция — кровью, организма человечества. Пусть кровообращение на мгновение прекратится — сердце остановится, и человеческая машина прекратит свое существование! И именно слуги Христовы хотят убить, или, по крайней мере, парализовать Истину ударом дубинки, именуемой "*буквой, которая убивает*"! То, что Колридж сказал о политическом деспотизме, еще в большей степени приложимо к деспотизму религиозному. Если церковь не уберет свою тяжелую длань, *nolens-volens* [волей-неволей, *лат.*] давящую подобно ночному кошмару на угнетенные души миллионов верующих, чей разум парализован в тисках

суеверия, то эта ритуалистическая церковь осуждена *уступить свое место религии* и — умереть. Скоро она должна будет сделать выбор. Ибо как только люди узнают об истине, которую она столь тщательно скрывает, произойдет одно из двух: либо церковь погибнет *от рук* народа; либо, если массы останутся в невежестве и рабстве у мертвой буквы, она погибнет *вместе* с народом. Проявят ли слуги вечной истины, из которой они сделали белку, крутящуюся в церковном колесе, достаточно альтруизма, чтобы выбрать первую из двух этих неизбежных альтернатив? Кто знает?

Я повторяю: лишь правильно понятая теософия может уберечь мир от отчаяния, еще раз проведя социальную и религиозную реформу, осуществленную некогда Гаутамой Буддой; мирную реформу, без единой пролитой капли крови, позволяющую каждому сохранить веру своих отцов, если он того пожелает. Делая это, человеку следует лишь устранить паразитические ростки человеческих подделок, которые душат сегодня все религии и культы во всем мире. Пусть он признает лишь сущность, одинаковую во всех религиях, а именно — тот дух, который дарует жизнь человеку, в коем он обитает, и наделяет его бессмертием. Пусть каждый человек, устремленный к добру, найдет свой идеал — свою указующую звезду. Пусть он следует ей, не уклоняясь от своего пути, и, вне всякого сомнения, он достигнет "света Путеводной Звезды" жизни — ИСТИНЫ; неважно, ищет и находит ли он его в колыбели или на дне колодца.

IV

Смейтесь же над наукой наук, не зная даже ее первого слова! Нам скажут, что это право наших критиков. Я рада это слышать. Действительно, если бы люди всегда говорили только о том, что они понимают, они говорили бы одну лишь правду, и это не было бы столь забавно. Когда я читаю написанную в последнее время критику теософии — пахнущие дурным вкусом банальности и шутки в адрес самой величественной и возвышенной философии во всем мире, лишь один из аспектов которой содержится в благородной этике филалетов, — я задаюсь вопросом, понимали ли когда-либо академии какой-либо страны теософию александрийских философов лучше, чем они понимают сегодня нас? Что им известно, что может быть им известно об универсальной

теософии, если они не прошли обучение у Учителей Мудрости? И обладая столь слабым познанием Ямвлиха, Плотина и даже Прокла, то есть теософии третьего и четвертого веков, эти люди все же с гордостью за себя высказывают суждения о неотеософии девятнадцатого столетия.

Мы утверждаем, что теософия, так же как теософия Плотина и Ямвлиха, включая мистерии древнего Египта, пришла к нам с дальнего Востока. Действительно, разве не говорят нам Гомер и Гесиод, что древние египтяне, согласно их описаниям, были "восточными эфиопами", *пришедшими с Ланки, или Цейлона*? Ибо является общепризнанным фактом, что люди, которых оба эти автора называют восточными эфиопами, были никем иными, как колонией весьма темнокожих арийцев, дравидов Южной Индии, которые принесли с собой в Египет уже существовавшую тогда цивилизацию. Это происходило в те доисторические времена, которые барон Бунзен называет *pre-Menite* (до Менесовыми),¹ однако они имели свою собственную историю, которую можно найти в древних *Анналах* Куллука-Бхатта. Кроме того, и без эзотерических учений, закрытых от насмехающейся публики, исторические исследования полковника Вэнса Кеннеди, главного соперника-санскритолога в Индии д-ра Уилсона, показывают нам, что доассирийская Вавилония была родиной брахманизма, а санскрит — жреческим языком.² Мы знаем также, если верить книге Исход, что задолго до времени Моисея в Египте были свои священники, свои иерофанты и маги; так сказать, еще до XIX-ой династии. Наконец, Бругш-бей видит во многих египетских богах иммигрантов из земель, расположенных за Красным морем и бескрайними водами Индийского океана.

1 Менее, древнеегипетский царь, правивший в третьем тысячелетии до Р. Х. — *Прим. редактора.*

2 Очевидно, имеются в виду две работы Вэнса Кеннеди: "Исследование происхождения и близости основных языков Азии и Европы", 1828 г.; и "Исследования характера и близости античной и индийской мифологии", 1831 г. — *Прим. редактора.*

Так или иначе, теософия — это прямой потомок великого древа универсального ГНОЗИСА, древа, густые ветви которого, раскинувшись вокруг всей земли подобно огромному

балдахину, в течение долгого времени — которое библейская хронология предпочитает называть допотопным — укрывали своей тенью все храмы и все народы земли. Этот Гнозис представляет собой совокупность всех наук, вобравших в себя *знание* всех богов и полубогов, воплотившихся на земле в прежние времена. Кое-кто склонен видеть в них падших ангелов и врагов рода человеческого; это те сыны Божьи, кто, увидев красоту дочерей человеческих, взяли их себе в жены и одарили их всеми тайнами неба и земли. Пусть так. Мы верим в аватары и в божественные династии, в существование эпохи, когда действительно были "гиганты на земле", но мы решительно отвергаем идею о "падших ангелах", о Сатане и его воинстве.

"Какова же тогда ваша религия или ваша вера?" — спрашивают нас. — "Какому учению вы оказываете предпочтение?"

"ИСТИНЕ", — отвечаем мы. Истине, везде, где мы ее находим; ибо, подобно Аммонии Саккасу, наша главная цель — примирить друг с другом разные религиозные системы, помочь каждому человеку отыскать истину, как в своей собственной религии, так и в религии своего ближнего. Какая разница как назвать вещь, если речь идет об одном и том же? Плотин, Ямвлих и Аполлоний Тианский, все они, по свидетельству современников, обладали чудесным даром пророчества, ясновидения и исцеления, хотя и принадлежали к трем разным школам. Пророчество было искусством, культивируемым *эссеями* и *беним навим* у евреев, так же как и жрецами языческих оракулов. Ученики Плотина приписывали своему учителю владение чудотворными силами. Филострат пишет то же самое про Аполлония, также и Ямвлих имел репутацию превзошедшего всех остальных эклектиков в области теософской теургии. Аммоний заявлял, что вся нравственная и практическая мудрость содержится в книгах Тота, или Гермеса Трисмегиста. Но слово "Тот" означает "коллегию", школу или собрание, и сочинения с подобным названием, согласно *теодидакту*, были идентичны с доктринами мудрецов дальнего Востока. Если Пифагор получил свои знания в Индии (где он по сей день упоминается в древних манускриптах под именем Яваначарья,¹ "греческий Учитель"), Платон извлек его из "книг Тота-Гермеса. Каким же образом юный Гермес — пастушеский божок, прозванный "добрым пастырем", — покровитель гадания и ясновидения, отождествился с Тотом,

обожествленным мудрецом и автором "Книги мертвых"? Лишь эзотерическая доктрина может объяснить это ориенталистам.

1 Термин, который происходит от слов: *явана*, или "иониец", и *ачарья*, "преподаватель или учитель".

В каждой стране есть свой Спаситель. Тот, кто факелом знания рассеял тьму неведения, тем самым открыв для нас истину, заслуживает этого титула, как знака нашей благодарности, не меньше, чем тот, кто спасает нас от смерти, исцеляя наши тела. Он пробуждает в наших оцепеневших душах способность отличать правду от лжи, зажигая в ней до сих пор отсутствовавший там божественный огонь, и он имеет полное право на благодарное почитание с нашей стороны, ибо он становится нашим творцом. Не все ли равно, что за имя или символ персонифицирует абстрактную идею, если эта идея при всех обстоятельствах неизменна и истинна? Носит ли данный конкретный символ одно имя или другое, имеет ли Спаситель, в которого мы верим, земное имя: Кришна, Будда, Иисус или Эскулап (также называемый "Спасителем-Богом", Σωτήρ), мы должны помнить лишь об одном — символы божественной истины были изобретены не для насмешек невежд; они суть *альфа и омега* философской мысли.

Теософия — это путь, который ведет к Истине, во всякой религии и во всякой науке; оккультизм — это, так сказать, пробный камень и универсальный растворитель. Это нить Ариадны, даваемая учителем ученику, который отважно вступает в лабиринт таинств бытия; факел, светящий ему во всех опасных перипетиях жизни, этой вечной загадки Сфинкса. Но свет, испускаемый этим факелом, может различить лишь глаз пробужденной души, наши духовные чувства; он слепит глаза материалиста, как солнце ослепляет сову.

Не имея ни догмы, ни ритуала — ибо это всего лишь пути, материальное тело, в котором задыхается душа, — мы не практикуем "церемониальную магию" западных каббалистов; мы слишком хорошо осведомлены о ее опасностях, чтобы иметь с ней какое-либо дело. В Теософском обществе каждый член волен изучать то, что он пожелает, при условии, что он не будет безрассудно идти неведомыми путями, которые неизбежно приведут его к *черной магии*, колдовству, от чего столь настойчиво предостерегал общественность Элифас Леви. Оккультные науки опасны для того, кто неправильно их понимает. Любой, кто занимается этими практиками в

одиначку, подвергает себя риску сойти с ума, и тем, кто их изучает, полезно объединиться в небольшие группы от трех до семи человек. Таких групп должно быть нечетное число, чтобы они имели большую силу; группа, сколь бы слабо сплоченной она ни была, образует единое тело, в котором чувства и восприятия отдельных его членов дополняют и взаимно помогают друг другу, причем один член предоставляет другому то качество, в котором тот нуждается, — такая группа всегда становится в результате совершенным и непобедимым телом. "Единство — это сила". Нравоучительная история о старике, завещавшем своим сыновьям неделимую связьку прутьев, — это истина, которая всегда останется аксиомой.

V

"Ученики (лану) закона *Алмазного Сердца* (магии) помогут друг другу в своих уроках. Грамматик поможет тому, кто ищет душу металлов (химику)", и т. д., и т. д.¹

Невежды посмеются, если им сказать, что в оккультных науках алхимик может быть полезен филологу и наоборот. Возможно, они поняли бы это лучше, если уточнить, что этим существительным (грамматик, или филолог) мы обозначаем того, кто занимается изучением универсального языка, или соответствующих символов, хотя лишь члены Эзотерической секции Теософского общества могут понять с достаточной ясностью, что же именно означает термин "филолог" в данном контексте. Все в природе взаимосвязано друг с другом. В абстрактном смысле, теософия — это белый луч, из которого возникают семь цветов солнечного спектра, причем каждое человеческое существо усваивает один из этих лучей сильнее, чем остальные шесть. Отсюда следует, что семь человек, каждый из которых "окрашен" своим особым лучом, могут взаимно помочь друг другу. Имея у себя на службе септенарный *пучок* лучей, они управляют семью силами природы. Но отсюда также вытекает, что для достижения этой цели выбор таких семи людей, которые должны сформировать группу, должен быть предоставлен эксперту — посвященному в науку оккультных лучей.

¹ Катехизис *гупта видья* [эзотерического знания].

Но здесь мы вступаем на весьма опасную почву, где сфинкс эзотеризма идет на риск оказаться обвиненным в мистификации. И все же ортодоксальная наука предоставляет доказательство истинности наших слов, и мы находим поддержку в физической и материалистической астрономии. Солнце одно, и его свет освещает каждого; оно греет невежду так же, как и опытного астронома. Что же касается гипотез о нашем светиле, его строении и природе, то имя им — *легион*. Ни одна из этих гипотез не содержит всей истины и даже не приближается к ней. Часто они являются всего лишь фикцией, вскоре заменяемой другой; именно к научным теориям более чем к чему-то еще приложимы такие строки Малерба:

"... а роза, как все розы, Живет лишь до утра".¹

Каждая из этих теорий, украшает она алтарь науки или нет, может, тем не менее, содержать некий фрагмент истины. Отсортированные, сопоставленные, проанализированные и соединенные воедино, все эти гипотезы могут однажды дать нам некую астрономическую аксиому, природное явление, вместо химер научного разума.

¹ Франсуа де Малерб: "Утешение обманщицы", 1599 г. — *Прим. редактора*.

Все это вовсе не означает, что мы считаем "приращением" истины всякую аксиому, признанную академиями. Примерами здесь могут служить эволюция и современная теория Нэсмита — фантазмагорическая трансформация солнечных пятен. Сначала сэр Уильям Гершель видел в них обитателей солнца, прекрасных и гигантских ангелов. Сэр Джон Гершель, сохраняя благоразумное молчание об этих небесных саламандрах, разделил мнение старшего Гершеля, что солнечный шар это не более чем прекрасная метафора, *майя*, — провозглашая таким образом оккультную аксиому. Солнечные пятна нашли своего Дарвина среди астрономов самого разного уровня. Их с равным успехом принимали за планетарных духов, солнечных человечков, столбы вулканического *дыма* (зародившегося, вероятно, в мозгах академиков), непроницаемые облака и, наконец, тени в форме листьев ивы (теория ивового листа). В настоящее время бог *Соль* деградирует. Если послушать людей науки, он окажется ничем иным, как гигантским скоплением углей, все еще раскаленным, но угасающим в очаге нашей маленькой планетарной системы.

То же самое происходит и с теориями, публикуемыми членами Теософского общества, когда их авторы, хотя они и принадлежат к теософскому братству, никогда не изучали истинных эзотерических доктрин. Такие теории никогда не могут быть ничем иным, кроме как просто гипотезами; они лишь окрашены лучом истины, но в остальном погружены в хаос фантазии, а зачастую и бессмыслицы. Тем не менее, выуживая их из общей массы и сравнивая друг с другом, можно с успехом извлекать философскую истину даже из этих идей. Ибо следует хорошо усвоить, что помимо того, что делает обычная наука, теософия исследует обратную сторону любой возможной истины. Она тестирует и анализирует каждый факт, полученный физической наукой, отыскивая самую суть и конечное, оккультное строение в любой космической или физической манифестации, будь она в сфере этики, разума или материи. Одним словом, теософия начинает свое исследование там, где материалисты его заканчивают.

"Значит, то, что вы нам предлагаете — это метафизика?" — вероятно последует возражение. — "Почему же вы не сказали этого сразу?"

Нет; это не метафизика в общепринятом смысле этого слова, хотя она и играет иногда эту роль. Концепции Канта, Лейбница и Шопенгауэра принадлежат к области метафизики, как и теории Герберта Спенсера. И все же при изучении последней не помогут вздыхания о Даме Метафизике, танцующей на *бал-маскараде* академических наук, украсившей себя фальшивым носом. Метафизические системы Канта и Лейбница — о чем свидетельствуют его монады — намного выше метафизики наших дней, подобно тому, как воздушный шар в облаках выше тыквы на лежащем внизу поле. Тем не менее, этот шар, сколь бы он ни был выше тыквы, все же является слишком искусственным, чтобы служить носителем Истины оккультных наук. Последнюю можно уподобить богине, слишком откровенно декольтированной, чтобы соответствовать вкусам наших скромных, и благопристойных ученых. Метафизика Канта научила ее автора, без малейшей помощи со стороны современных методов или совершенных инструментов, идентичности по строению и сущности между солнцем и планетами; и Кант *утверждал* это, тогда как даже лучшие астрономы на протяжении первой половины этого века продолжали это *отрицать*. Но та же самая метафизика не смогла открыть ему истинную природу этой сущности, оказав

ему помощь не больше, чем современная физика, несмотря на яркие гипотезы последней.

Таким образом, теософия, или, скорее, оккультные науки, которые она изучает, это нечто большее, чем просто метафизика. Она является, если позволительно использовать здесь удвоение термина, *мета*-метафизикой, *мета*-геометрией, и т. д., и т. д., или универсальным трансцендентализмом. Теософия целиком отвергает свидетельство физических органов чувств, если последние не основываются на данных, предоставленных психическим и духовным восприятиями. Даже в случае наиболее высокоразвитого ясновидения и яснослышания, их *конечное* свидетельство должно быть отвергнуто, если под этими терминами не имеется в виду $\phi\omicron\tau\acute{o}\varsigma$ Ямвлиха, или экстатическое просветление, $\alpha\upsilon\omicron\upsilon\eta\ \mu\alpha\nu\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$ Плотина и Порфирия. То же самое верно и в отношении физических наук; свидетельство разума о земном плане, как и в случае *пяти* наших чувств, должно получить *imprimatur* [одобрение, *лат.*] шестого и седьмого чувств божественного *эго*, прежде чем этот факт будет принят подлинным оккультистом.

Официальная наука слышит наши слова и — смеется над ними. Мы читаем ее отчеты, мы видим апофеоз мнимого прогресса, ее великие открытия, — многие из которых, еще больше обогащая ограниченное количество тех, кто и без того богат, повергают миллионы бедных в еще более ужасающую нищету, — и предоставляем ее самой себе. Но, понимая, что физические науки ни на шаг не приблизились к познанию подлинной природы первичной материи со времен Анаксимена и ионийской школы, мы смеемся в ответ.

В этом направлении лучшую работу и наиболее ценные научные открытия этого столетия совершил, без сомнения, великий химик сэр Уильям Крукс.¹

В его случае замечательное интуитивное постижение оккультной истины оказало ему большую службу, чем все его огромные познания в области физической науки. Совершенно очевидно, что ни научные методы, ни официальная установившаяся практика не оказали ему сколь-либо значительной помощи в его открытии лучистой материи или в исследовании *протила*, или первичной материи.²

1 Член исполнительного совета Лондонской ложи Теософского общества.

2 Гомогенный, недифференцированный элемент, который он называет *метаэлементом*.

VI

То, что теософы, придерживающиеся ортодоксальной и официальной науки, пытаются совершить в своей собственной области, оккультисты или теософы "внутренней группы" изучают в соответствии с методом эзотерической школы. Если до сих пор этот метод демонстрировал свое превосходство лишь для своих приверженцев, то есть для тех, кто связал себя обетом не раскрывать его, это обстоятельство вовсе не доказывает ничего против него. Не только термины *магия* и *теургия* так никогда и не были поняты должным образом, но искажено и само название *теософии*. Определения, даваемые ей в словарях и энциклопедиях, столь же абсурдны, сколь и гротескны. Уэбстер, например, объясняя значение слова *теософия*, уверяет своих читателей, что это "прямая связь или общение с Богом и высшими духами"; и, далее, что это "достижение *сверхчеловеческого* и *сверхъестественного* знания и сил посредством *физических процессов*, [?!] а также теургических операций платоников или посредством химических процессов огненных философов". Данная формулировка совершенно бессмысленна. Это все равно, как если бы мы заявили, что можно превратить мозг ненормального человека в мозг человека, подобного Ньютону, и развить в нем гениального математика, проезжая каждый день по пять миль верхом на деревянной лошади.

Теософия — это синоним *джнана видьи* и *брахма видьи*¹ индусов, а также *дзиан* трансгималайских адептов, науки *истинных* раджа-йогов, которая намного доступнее, чем кажется. У этой науки есть много школ на Востоке, но ее ответвления еще более многочисленны, причем каждое из них в конце концов отделилось от родительского ствола — *Древней Мудрости* — и видоизменило свою форму.

1 Значение слова *видья* можно передать лишь греческим термином *гнозис*, знание скрытых и

духовных вещей; иначе говоря, это знание Брахмы, то есть, Бога, объемлющего всех богов.

Однако, в то время как формы эти варьируются, удаляясь от Света Истины, все более и более с каждым поколением, основа иницирующих истин остается всегда одна и та же. Символы, используемые для выражения одних и тех же идей, могут различаться, но в своем глубинном смысле они всегда выражают одни и те же мысли. Рагон, самый эрудированный масон из всех "вдовьих сынов", говорил то же самое. Существует священный жреческий язык, "язык мистерий", и если не знать его достаточно хорошо, невозможно продвинуться в изучении оккультных наук. Согласно Рагону, "построить или заложить город" означает то же самое, что "основать религию"; таким образом, когда эта фраза встречается у Гомера, она эквивалентна выражению, распределить "сок сомы", в *Брахманах*. Оно означает "основать эзотерическую школу", а не "религию", как утверждает Рагон. Ошибался ли он? Мы так не думаем. Но так же как теософ, принадлежащий к Эзотерической секции, не в праве разглашать обычному члену Теософского общества то, о чем он дал обет хранить молчание, так и Рагон имел обязательство раскрывать лишь относительные истины своим тринософам. И все же совершенно очевидно, что он проводил, по крайней мере, элементарное изучение ЯЗЫКА МИСТЕРИЙ.

Нас могут спросить: "А как же обучиться этому языку?" Мы отвечаем: изучайте все религии и сравнивайте их друг с другом. Чтобы изучить его тщательно, необходим учитель, *гуру*, чтобы достичь успеха в одиночку, нужно быть более чем гением; это потребует такого же вдохновения, каким обладал Аммоний Саккас. Поощряемый церковью Климента Александрийского и Афинагора, поддерживаемый учеными людьми синагоги и академии, почитаемый язычниками, "он овладел *языком мистерий*, проповедуя общее происхождение всех религий и общую веру". Поступая так, он, несомненно, должен был учить согласно древним канонам Гермеса, которые были столь хорошо усвоены Платоном и Пифагором, и из которых они и вывели свои философии. Должны ли мы исходя из этого удивляться, что, обнаруживая в первых же стихах Евангелия от Иоанна те же самые доктрины, которые содержатся в трех вышеупомянутых философских системах, он при любом удобном случае заключал, что великий назорей намеревался возродить возвышенную науку древней Мудрости во всей ее первоначальной целостности? Мы думаем так же,

как и Аммоний. Библейские рассказы и истории о богах имеют лишь два возможных объяснения: либо это великие и глубокие аллегории, показывающие универсальные истины, либо же это бесполезные басни, предназначенные лишь для того, чтобы усыплять невежд.

Таким образом, все эти аллегории — как еврейские, так и языческие — содержат истины, которые могут быть поняты лишь тем, кто знает мистический язык древности. Посмотрим, что говорит по этому поводу один из самых знаменитых теософов, убежденный платоник и гебраист, знающий греческий язык и латынь, как свои родные, профессор Александр Уилдер из Нью-Йорка:¹

"Коренной идеей неоплатоников было существование Единой и Высшей Сущности. Это был *Дьо*, или "Господин Небес" арийских народов, идентичный с *Їаω (Иао)* халдеев и евреев, *Яхве* самаритян, *Тиу* или *Туистно* норвежцев, *Дану* древних племен Британии, *Зевс* фракийских племен и *Юпитер* римлян. Это *Бытие* — (Небытие), *Безликое*, конечное и бесконечное. От него в процессе *эманации* произошло все сущее. Возможно, однажды некий здравомыслящий человек сведет вместе все эти системы в единое целое. Названия этих различных божественных представлений зачастую давались без учета их этимологического значения, но главным образом в зависимости оттого или иного мистического смысла, придаваемого числовому значению букв в их орфографии".

Это *числовое* значение является одной из ветвей "тайного языка", или древнего жреческого языка. Этой науке обучали в "малых мистериях", однако сам язык предназначался только лишь для высших посвященных. Кандидат должен был с честью выйти из суровых испытаний "великих мистерий", прежде чем получить наставления в этом языке. Именно потому Аммоний Саккас, подобно Пифагору, требовал от своих учеников дать клятву никогда не разглашать высшие доктрины никому, за исключением тех, кому уже были переданы предварительные знания, и кто, таким образом, был уже готов к инициации. Другой мудрец, живший тремя веками раньше, поступал со своими учениками так же, объясняя им, что он говорил "притчами" (или метафорически) "для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано ... потому, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают" [От Матфея, 13:11,13].

1 Первый вице-президент Теософского общества со дня его основания.

Таким образом, "притчи", используемые Иисусом, были частью "тайного языка", сакральным наречием посвященных. Рим утратил ключ к нему. Отрицая теософию и провозглашая анафему оккультным наукам, он теряет его навсегда.

"Любите друг друга", — говорил великий Учитель тем, кто познавал таинства "Царства Божия". "Проповедуйте альтруизм, сохраняйте единство, взаимопонимание и гармонию в ваших группах, все те, кто пребывает среди неофитов и искателей Единой ИСТИНЫ", — слышим мы от других Учителей. "Без единства, без интеллектуального, а также без эмоционального взаимопонимания, вы ничего не достигнете. Тот, кто сеет раздор, пожнет бурю..."¹

1 Поговорка буддистов Сиама.

У нас нет недостатка в ученых каббалистах, больших знатоках Зоги и его многочисленных комментариев, среди наших членов в Европе и особенно в Америке. К чему это привело, и какую пользу принесли они на сей день Обществу, в которое они вступили для работы в нем? Большинство из них вместо того, чтобы объединиться для взаимопомощи, смотрят друг на друга с большим подозрением, всегда готовые высмеять друг друга и втянуться во взаимную критику. Зависть, ревность и в высшей степени прискорбное чувство конкуренции царят в обществе, главной целью которого является братство! "Посмотрите, как любят друг друга эти христиане!" — говорили язычники первых веков об отцах церкви, которые низвергали друг друга во имя Учителя, завещавшего им мир и любовь. Критик и посторонний человек с полным правом может сказать то же самое о теософах. Посмотрите, во что превращаются наши журналы: все они, за исключением нью-йоркского "Пути"; даже "Теософист", старейший из наших ежемесячников, после того, как президент-основатель отбыл пять месяцев тому назад в Японию, направо и налево поливает грязью своих теософских коллег и сотрудников. Чем же мы лучше христиан эпохи первых соборов?

"В единстве сила". — Вот одна из причин нашего бессилия. Мы не призываем публично рыться в грязном белье. Напротив, лучше открыто признать чьи-то недостатки, другими словами, все же *порыться в чьем-то грязном белье, чем пачкать белье*

своих братьев по теософии, как это любят делать некоторые люди. Если же говорить в общем, признаем наши ошибки, отвергнем все, что не является теософским, но пусть это делают сами отдельные члены; это относится к сфере их индивидуальной *кармы*, и теософские журналы здесь ни при чем.

Тем, кто хочет достигнуть успеха в абстрактной или практической теософии, следует помнить, что разобщенность — это первое условие неудачи. Пусть все трудятся вместе, каждый в соответствии со своим собственным вкусом, в том или ином направлении универсальной науки, который каждый выбирает сам для себя, но непременно с симпатией относясь к своему ближнему. Это будет иметь благотворное влияние даже на рядовых членов, которые не стремятся к философским исследованиям. Если такая группа, сформированная с учетом эзотерических правил, состоит из одних только мистиков; если они, стремясь к истине, помогают друг другу тем светом, который у них, возможно, имеется, мы гарантируем, что каждый член этой группы достигнет большего прогресса в изучении сакральной науки за один год, чем за десять лет индивидуальных занятий. В теософии требуется дух соревнования, а не соперничество и конкуренция; иными словами, тот, кто гордится своим первенством, будет последним. В истинной теософии наименьший становится величайшим.

И все же в Теософском обществе есть больше учеников, одержавших *победу*, чем принято полагать. Так как, вместо того чтобы пустословить, они занимаются работой и самосовершенствованием. Это наши самые ревностные и преданные теософы. При написании статей они забывают свои имена и подписываются псевдонимами. Некоторые из них в совершенстве владеют тайным языком, и многие из древних книг или манускриптов, не поддающиеся расшифровке нашими учеными или кажущиеся им простым нагромождением небылиц в сравнении с современной наукой, открыты для этих людей.

Эти немногие преданные мужчины и женщины являются колоннами нашего храма. Они одни стойко сражаются против непрерывной разрушительной деятельности наших теософских "термитов".

Мы полагаем, что представили на этих страницах достаточное опровержение некоторых наиболее грубых ошибок, касающихся наших доктрин и убеждений; одной из них является утверждение, что теософы — во всяком случае, основатели Общества — это политеисты или атеисты. Мы не являемся ни теми, ни другими, точно так же, как и истинные гностики, которые, веря в существование планетарных, солнечных и лунных божеств, не возносили к ним никаких молитв и не строили им алтарей. Хотя мы не верим в личного Бога, *вне самого человека, являющегося его храмом* — как учил этому св. Павел и другие посвященные, — мы верим в безличный и абсолютный ПРИНЦИП,¹ который настолько находится за пределами человеческого понимания, что мы считаем просто богохульником и самонадеянным глупцом всякого, кто пытается дать определение этой великой универсальной тайне. Все, что сообщили нам об этом вечном и ни с чем не сравнимом Принципе, — это то, что он не является ни духом, ни материей, ни субстанцией, ни мыслью, но *вместилищем всего этого, абсолютным вместилищем*. Другими словами, это "Божественное Ничто" Василида, столь слабо понятое даже учеными и опытными аналитиками *Musée Guimet* (tome XIV),² которые с иронией определяют этот термин, говоря о нем, как о "Божественном ничто, предопределившем и предвидевшем все вещи, хотя у него нет ни разума, ни воли".

Да, несомненно, и это "Божественное Ничто", идентичное с ведическим Парабрахманом — наиболее философской и самой величественной концепции, — также тождественно с ЭЙН-СОФ еврейских каббалистов. Последний — это тоже "бог, которого нет"; слово "Эйн", означающее *небытие* или абсолют, *ничто* или то οὐδέν ἐν Василида, подразумевает, что человеческий разум, будучи ограниченным на этом материальном плане, не может постигнуть что-либо, что *есть*, но не существует в какой-либо форме. Поскольку идея *бытия* ограничена *чем-то*, что существует, либо в субстанции, актуально или потенциально, либо в природе вещей, или лишь в умах, — то, что не может быть воспринято нашими органами чувств или постигнуто нашим разумом, который обуславливает собой все вещи, *для нас не существует*.

1 Эта вера затрагивает лишь тех, кто разделяет взгляд автора этих строк. Каждый член Имеет

право верить в то, во что он по желает, и таким образом, он волен в своем выборе. Как говорится повсеместно, Теософское общество — это "Республика Совесть".

2 Имеется в виду эссе Амелино, опубликованное в XIV томе *Annales du Musée Guimet*, Париж, 1887: "Essai sur le gnosticisme égyptien, ses développements et son origine égyptienne", часть II, раздел 2. — *Прим. редактора.*

"Где же тогда помещаете вы нирвану, о великий архат?" — спрашивает царь у прославленного буддийского аскета, пытаюсь узнать у него Благой Закон.

"Нигде, о великий царь!" — был ответ.

"Таким образом, нирваны не существует?.."

"Нирвана *есть*, но не существует".

То же самое и в случае с Богом, "которого нет" — этот термин возник единственно в результате неудачного *буквального* истолкования эзотерического выражения: *бог не существующий, но сущий*. Слово οὐδέν, или οὐδ-είς, дословно "ничто", означает, что то, о чем говорится, не является ни *личностью*, ни *вещью*, но отрицанием того и другого (οὐδέν, форма среднего рода, используется как наречие, "нисколько"). Таким образом, то οὐδέν ἐν Василида абсолютно идентично с "Эн или *Эйн Соф*" каббалистов. В религиозной метафизике евреев Абсолют есть некая абстракция, "без формы или существования", "не имеющая сходство ни с чем иным" (Франк, *La Kabbale*, стр. 173).¹ Следовательно, Бог — это НИЧТО, без имени и без качеств; именно по этой причине он и называется ЭЙН СОФ, ибо слово *Эйн* означает ничто.

1 Адольф Франк: "Каббала, или философия религии евреев", Париж, издание Гашетта, 1843. — *Прим. редактора.*

Вовсе не от этого неизменного и абсолютного Принципа, являющегося лишь потенциальным бытием, эманировали боги, или активные принципы проявленного мира. Поскольку абсолют не имеет никакого отношения к обусловленному и ограниченному, и не мог бы иметь самой возможности такого отношения, тот, от кого произошли эманации — это "Бог, который говорит" у Василида, т. е., *логос*, которого Филон называет "вторым Богом" и Творцом форм. "Второй Бог — это

Мудрость ЕДИНОГО Бога" (Quaestion. et Solut., кн. II, стр. 62). "Но является ли этот логос, эта **Мудрость** — некой эманацией?" — последует возражение. — "Ведь заставить что-либо эманировать из НИЧТО — это абсурд!" Не совсем. Во-первых, это "ничто" является таковым, поскольку оно есть *абсолют*, следовательно — ВСЕ. Далее, этот "второй Бог" является эманацией не в большей степени, чем тень нашего тела, падающая на белую стену, является эманацией этого тела. В любом случае, Бог — это не следствие некой причины или некоего преднамеренного акта, умышленной и сознательной воли. Это просто повторяющееся следствие¹ неизменного и вечного закона, за пределами времени и пространства, чьей *тенью* или *отражением* является логос, или творческий разум.

1 По крайней мере, для того, кто верит в нерушимую последовательность "творений", которую мы называем "днями и ночами" Браммы, или *манвантарами* и *пралайями* (растворениями).

"Но эта идея абсурдна!" — можем мы услышать от тех, кто верит в антропоморфного и личного Бога. — "Из этих двоих, из человека и его тени, именно последняя есть ничто, оптическая иллюзия, а человек, ее отбрасывающий, есть разум, сколь бы пассивен он ни был в этом случае!"

Совершенно верно, но это так лишь на нашем плане, где все является иллюзией, где все предстает смещенным, похожим на отражение в зеркале. Кроме того, поскольку царство единственной реальности искажается материей, *нереальностью*, и так как — с точки зрения абсолютной реальности — вселенная со всеми ее сознательными и разумными существами есть лишь жалкая фантазмагория, из этого следует, что именно эта тень Реальности и наделяется на плане последней разумом и атрибутами, тогда как абсолют — с нашей точки зрения — лишен всех обусловленных качеств *в силу самого факта, что он — абсолют*. Не нужно быть большим специалистом по восточной метафизике, чтобы понять это; и вовсе нет надобности быть выдающимся палеографом или палеологом, чтобы увидеть, что система Василида — это также и система веданты, сколь бы ни была она искажена автором "Философумен". Это с очевидностью доказывает нам фрагментарный очерк гностических систем, приведенный в этой работе. Только эзотерическая доктрина может объяснить все непостижимое и хаотическое в

неправильно истолкованной системе Василида, в том виде, в каком она была передана нам отцами церкви — этими гонителями всяческих *ересей*. *Pater innatus* [Отец проявленный, *лат.*], или нерожденный Бог, Великий Архон (Ἀρχων), два Демиурга, и даже триста шестьдесят пять небес — число, содержащееся в имени Абраксаса, их правителя, — все они заимствованы из индийских систем. Но все это отвергается в наш век пессимизма, где всякая вещь, и даже сама жизнь, улетучивается как дым, где абстрактное — а ничто более не вечно — не интересует никого, кроме очень редких *эксцентриков*, где человек умирает, так ни разу и не оказавшись лицом к лицу со своей душой, как бы уносимый прочь водоворотом земных и эгоистических деяний.

Однако, кроме метафизики, всякий, кто вступает в Теософское общество, может найти там науку и занятие по своему вкусу. Астроном может сделать больше научных открытий, изучая аллегории и символы в древних санскритских книгах, относящиеся к каждой звезде,¹ чем он смог бы сделать с помощью одних лишь Академий. Обладающий достаточной интуицией врач мог бы больше узнать из работ Чараки,² переведенных на арабский в VIII веке, или из пыльных манускриптов Адьярской библиотеки, сочинений, так же неправильно трактуемых, как и все остальное, чем из книг по современной физиологии. Теософ, склонный к медицине, или *искусству исцеления*, много потеряет, если не обратится к легендам и символам, связанным с Асклепием, или Эскулапом. Ибо, подобно древнему Гиппократу, советуемому со стелой в ротонде Эпидавра (прозванного Фолосом) в Косе,³ он найдет там рецепты лекарств, неизвестные современной фармакопее.⁴ И тогда, вместо того, чтобы убивать, он сможет исцелять.

1 Каждый из 333.000.000 богов и богинь, составляющих индийский пантеон, представлен звездой. Поскольку количество звезд и созвездий, известное астрономам, не достигает этого числа, можно предположить, что древним индусам было известно больше звезд, чем современным.

2 Чарака был врачом ведической эпохи. Легенда изображает его воплощением змея Вишну, носящего имя Шеша и правящего в Патале (нижних сферах).

3 Страбон, "География", XIV, ii, 19. См. также: Павсаний, "Описание местности" (Путевые заметки), II, xxvii, 2-3.

4 Известно, что все исцелившиеся в *асклепейе*, оставляли в этом храме свои *ex voto* [по обету, *лат.*, изображения из золота и серебра исцеленных членов тела]; и что они высекли на стеле название своих болезней и благотворных лекарств. Впоследствии огромное количество таких *ex voto* были извлечены из-под земли в Акрополе. См. Поль Жирард, "L'Asclepeion d'Athènes", Париж, издание Торина, 1882.

Позволим себе в сотый раз повториться: Истина — одна! Когда она предстает не во всех своих аспектах, но в соответствии с тысячей и одним мнением ее приверженцев, она перестает быть божественной ИСТИНОЙ, но становится всего лишь эхом человеческих голосов. Где же можно искать ее и найти в наиболее целостном виде? У христианских каббалистов или современных европейских оккультистов? У нынешних спиритистов или первоначальных спиритуалистов?

— Во Франции, — рассказывал как-то один из наших друзей, — так много каббалистов, так много систем. У нас все они претендуют на то, что они христиане. Некоторые из них настолько преданы Папе, что только и мечтают о том времени, когда он наденет на себя вселенскую корону, корону понтифика-кесаря. Другие настроены против папства, но за Христа, не исторического, но созданного их собственным воображением Христа, *выступающего против Кесаря, играющего в политику*, и т. д., и т. д. Каждый каббалист верит в то, что он открыл утерянную истину. Именно его собственная наука есть вечная истина, а наука остальных — это просто мираж... И он всегда готов защищать и отстаивать своим пером свою собственную науку...

— Но каббалисты-иудеи, — спросила я его, — они тоже за Христа?

— О да, они за *своего* Мессию! Это просто вопрос времени!

Совершенно верно, в бесконечности не может быть анахронизмов. Однако, поскольку все эти три различных метода или системы, все эти противоречащие друг другу доктрины не могут одновременно содержать подлинную Истину, я не понимаю, каким образом господи французские

каббалисты могут заявлять о своем знании оккультных наук. У них есть "Каббала" Моше де Леона,¹ составленная им в XIII веке; но его *Зогар*, по сравнению с халдейской *Книгой Чисел*, представляет собой творение рабби Симона бен Йоханн не в большей мере, чем *Пэмандр* греческих христиан — реальную книгу египетского Тота. Та легкость, с которой каббала фон Розенрота и его средневековые латинские рукописные тексты — прочитанные в соответствии с *системой Нотарикона* — превращаются в христианские тринитарные тексты, напоминает сказочную историю. Совместная "Благая Каббала" маркиза де Мирвиля и его друга, крещеного еврея шевалье Драха, стала катехизисом римской церкви. Пусть этим удовлетворяются сами господа каббалисты; мы же предпочитаем халдейскую каббалу, *Книгу Чисел*, Тот, кто удовлетворяется мертвой буквой, самодовольно щеголяет в мантии *таннаим* (древних посвященных Израиля); в глазах опытного оккультиста он всего лишь волк, нарядившийся в бабушкин ночной колпак, как в истории о Красной Шапочке. Но этому волку не проглотить оккультиста, как он проглотил Красную Шапочку — символ профана, жаждущего мистицизма, павшего жертвой его зубов. Наоборот, это волк погибнет, попав в свою собственную западню...

1 Именно он составил *Зогар* Симона бен Йоханн, оригиналы которого более ранних времен были утрачены; было бы ошибкой обвинять его в изобретении того, что он написал. Он сделал сборник из всего того, что смог найти, но добавил, исходя из собственных знаний, те фрагменты, которые отсутствовали, прибегая к помощи христианских гностиков Халдеи и Сирии.

Как и в Библии, в каббалистических книгах есть своя мертвая буква, свое экзотерическое значение и их истинный, или эзотерический, смысл. Ключ к истинному символизму, даже ключ к индусским системам, находится в данный момент за гигантскими пиками Гималаев. Никакой другой ключ не может открыть те склепы, в которых на долгие тысячелетия были погребены все интеллектуальные сокровища, положенные туда первоначальными носителями божественной Мудрости. Но великий цикл, первый в *Калиюге*, подошел к своему концу; быть может, не за горами день воскресения всего, что умерло. Великий шведский провидец Эммануэль Сведенборг сказал:

"Ищите *потерянное слово* среди иерофантов, в великой Татарии и Тибете".

Каковы бы ни были видимые внешние проявления, направленные против Теософского общества; какова бы ни была его непопулярность среди тех, кто в ужасе отшатывается от всего, что кажется им неким *новшеством*, несомненно, тем не менее, одно. То, что вы, господа оппоненты, принимаете за изобретение XIX века, старо, как мир. Наше Общество — это древо Братства, выросшее из зерна, брошенного в землю ангелом Сострадания и Справедливости в день, когда первый человек Каин убил первого человека Авеля. В течение долгих веков порабощения женщин и страданий бедняков это зерно орошали горькие слезы, текущие из глаз слабых и угнетенных. Добрые руки пересаживали его из одного уголка земли в другой, в различные климатические условия и эпохи, удаленные друг от друга. "Не делай другим то, что ты не хочешь, чтобы другие сделали тебе", — говорил Конфуций своим ученикам. "Любите друг друга, любите все живые существа", — заповедовал Гаутама Будда своим архатам. "Любите друг друга", — повторились, как верное эхо, эти слова на улицах Иерусалима. Именно христианским народам принадлежит честь руководствоваться этой возвышенной заповедью своего Учителя во всей ее парадоксальности! Калигула, *язычник*, желал, чтобы у человечества была лишь одна голова, чтобы он смог отсечь ее одним ударом. *Христианские* силы взяли на вооружение это желание, которое до тех пор оставалось теоретическим, изыскивая и, в конце концов, найдя способы воплотить его на практике. Пусть им по этой причине каждый второй готов перерезать горло и пусть уничтожат за один день войны больше их людей, чем убивали кесари за целый год. Пусть истребляют целые их деревни и провинции за название их парадоксальной религии, и пусть погибнут от меча те, кто убивал мечом. Что нам до этого?

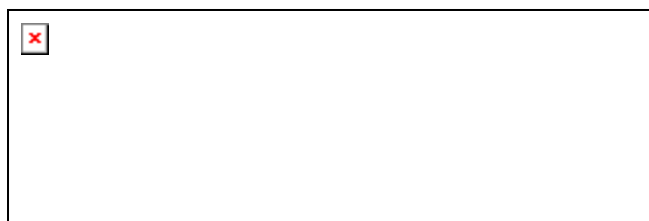
Теософы бессильны помешать им. Это так. Но в наших силах сохранить как можно больше уцелевших. Они составляют ядро истинного Братства, и от них зависит, смогут ли они сделать из своего Общества ковчег, предназначенный для того, чтобы в не столь уж далеком будущем переправить человечество нового цикла через безбрежные грязные воды потопа безнадежного материализма. Эти воды все поднимаются и в настоящее время затопили все цивилизованные страны. Позволим ли мы добру погибнуть от зла, убоявшись криков и насмешек со стороны последнего в адрес Теософского общества, либо в наш

собственный? Будем ли мы смотреть, как они погибают один за другим, то от усталости, то в напрасных поисках лучей солнечного света, светящего для всех, но не дающего им никакого средства к спасению? Никогда!

Вполне может быть, что прекрасная утопия, филантропическая греза, в которой осуществляется тройная желанная цель Теософского общества, все еще далека: полная и совершенная свобода человеческой совести, гарантированная для всех; братство между богатым и бедным; и равенство между аристократом и плебеем, признанное как в теории, так и на практике, — пока это лишь воздушные замки, и тому есть причины. Все это может произойти естественно и произвольно, с обоюдного согласия; однако еще не пришло то время, когда лев и ягненок могли бы лечь рядом друг с другом. Великая реформа должна произойти без социального взрыва, не пролив ни единой капли крови; единственно во имя той аксиоматической истины восточной философии, которая показывает нам, что огромная разница судеб, социального положения и интеллектуальных способностей вызвана всего лишь следствиями личной кармы каждого человеческого существа. Мы пожинаем лишь то, что посеяли. Если физическая *индивидуальность* одного человека отличается от таковой любого другого человека, то нематериальная сущность в нем, или его бессмертная *индивидуальность*, исходит от той же самой божественной сущности, что и у его ближнего. Тот, кто действительно проникся философской истиной о том, что любое *эго* начинается и заканчивается в нераздельном ВСЕМ, не может любить своего ближнего меньше, чем самого себя. Но до тех пор, пока это не станет религиозной истиной, никакая подобная реформа невозможна. Эгоистическое изречение о том, что "милосердие начинается с дома", или другое, которое гласит, что "каждый за себя, а Бог за всех", всегда будут вынуждать "высшие" и *христианские* расы противиться практическому исполнению прекрасного языческого изречения: "Каждый бедняк —сын богача", и даже в еще большей степени тому, в котором говорится: "Сначала накорми голодного, а потом, что останется, съешь сам".

Но наступит время, когда эта "варварская" мудрость низших рас будет справедливо оценена по достоинству. А пока все, к чему мы стремимся, это посеять на земле чуточку мира в сердцах страждущих, приподнимая перед ними край той завесы, которая скрывает от них божественную истину. Пусть сильные покажут дорогу слабым и помогут им вскарабкаться

по крутому склону бытия. Пусть обратят они свой взор на свет Путеводной Звезды, сияющей над горизонтом позади таинственного и неисследованного моря теософских наук, подобно новой Вифлеемской звезде, и пусть обездоленный в этой жизни обретет надежду...

КАББАЛА И КАББАЛИСТЫ

в конце девятнадцатого столетия

Универсальные устремления, особенно когда их подавляют и препятствуют их свободным проявлениям, умирают, но возвращаются вновь с удесятеренной силой. Они являются циклическими, как и любой другой природный феномен, будь он ментальным или космическим, универсальным или национальным. Запрудите реку в одном месте, и вода проложит себе дорогу в другом и прорвет его подобно стремительному потоку.

1 Правописание этого слова по-английски различно; некоторые пишут *Cabbalah*, другие *Kabbalah*. Современные авторы предлагают новую версию, как более соответствующую еврейскому способу написания этого слова, и пишут его *Qabalah*. Это лучше с точки зрения грамматики, однако, поскольку никакой англичанин никогда не будет произносить иностранное имя или слово иначе, кроме как в англифицированном виде, написание этого термина как просто *Kabalah* кажется менее претенциозным и вполне отвечающим этому требованию.

Одним из таких универсальных стремлений, быть может наиболее сложным из них, является желание достигнуть неведомого; неискоренимое желание проникнуть за поверхность вещей, жажда знания о том, что скрыто от других. Девять детей из десяти разбивают свои игрушки для того, чтобы увидеть, что у них внутри. Это врожденное желание, и по форме оно подобно Протею. Оно вырастает из нелепого (или скорее предосудительного) до возвышенного, ибо оно ограничивается нескромным любопытством и подглядыванием в тайны своих соседей, в необразованном человеке, и оно распространяется в человеке культурном на любовь к знанию, которая, в конце концов, приводит его к вершинам науки и наполняет Академии и Королевские институты учеными людьми.

Но это относится к миру материи. Человек, в котором метафизический элемент преобладает над физическим, продвигается благодаря этому естественному устремлению в направлении мистического, того, что материалист предпочитает называть "суеверием сверхъестественного". Церковь, хотя и одобряющая наши устремления к священному, — конечно, лишь в определенных теологических и ортодоксальных направлениях, — осуждает, в то же самое время, желания в человеке к тому же самому, если его практический поиск отклонился от ее собственного пути. Память о тысячах неграмотных "ведьм" и о сотнях ученых алхимиков, философов и других еретиков, которых пытали, сжигали, и убивали различными способами в течение средних веков, остается как вечное присутствующее свидетельство этого произвольного и деспотического вмешательства.

В нашем веке и слепо верящая церковь, и все отрицающая наука, выступают против тайных наук, хотя обе они верили в них и практиковали их — особенно каббалу — в совсем недавний период истории. Одна из них говорит сегодня: "Это от дьявола!", а другая, что "дьявол есть творение церкви и постыдное суеверие", короче говоря, что не существует ни дьявола, ни оккультных наук. Первая забывает, что она публично провозгласила менее 400 лет тому назад еврейскую каббалу *величайшим доказательством* христианских истин;¹ вторая забывает о том, что все наиболее выдающиеся люди науки были алхимиками, астрологами и магами, чему свидетельством Парацельс, ван Гельмонт, Роджер Бэкон, и т. д. Но последовательность не является добродетелью современной науки. Она религиозно верила во все то, что ныне отрицает, и

отрицала все то, во что сейчас верит, от кровообращения до силы электричества и пара.

1 Это может быть продемонстрировано тем, что мы знаем о жизни Джиованни Пико делла Мирандолы. Гинзбург и другие установили следующие факты, а именно, что после изучения каббалы Мирандола "нашел, что в каббале больше христианства, чем иудаизма; он открыл в ней доказательства учения о Троице, Воплощении, Божественности Христа, небесного Иерусалима, падения ангелов", и тому подобное. "В 1486 году, когда ему было всего двадцать четыре года, он опубликовал 900 тезисов, которые были расклеены в Риме (конечно, не без согласия или признания со стороны папы и правительства?), и которые он обязался защищать в присутствии всех европейских ученых, приглашенных им в "Вечный Город" с обещанием оплатить им все их расходы на путешествие. Среди этих тезисов был и следующий: "Никакая наука не предоставит большего доказательства божественности Христа, чем магия и каббала". Смысл всего этого будет показан в настоящей статье.

Такое внезапное изменение отношения к этим двум силам не может воспрепятствовать естественному ходу событий. Последняя четверть нашего века отмечена удивительным всплеском оккультных исследований, и магия вновь ударяет своими могучими волнами о скалы церкви и науки, которые медленно, но верно подмываются и разрушаются ими. Любой человек, естественный мистицизм которого толкает его на поиски сочувственного взаимодействия с другими умами, удивляется, обнаруживая сколь большое число людей не только интересуются мистицизмом в целом, но и сами являются настоящими каббалистами. Река, перекрытая и запруженная в течение средних веков, почти бесшумно текла под землей, и ныне вырывается наружу, подобно неудержимому потоку. Сотни сегодня изучают каббалу, в то время как еще пятьдесят лет назад вряд ли можно было найти хотя бы одного или двух, поскольку страх перед церковью был еще тогда очень важным фактором в жизни человека. Но столь долго сокрытый поток ныне разделился на два течения —

восточный оккультизм и еврейскую каббалу; традиции Религии Мудрости народов, которые предшествовали "падшему" Адаму, и систему древних левитов Израиля, которые наиболее искусно скрыли часть этой религии пантеизма под маской монотеизма.

К сожалению, много есть званых, да мало избранных. Эти две системы угрожают миру мистиков скорым конфликтом, который, вместо всевозрастающего распространения Единой Универсальной Истины, необходимым образом будет лишь ослаблять и задерживать его прогресс. И все же не может быть поставлен вопрос о том, какая истина — *единственная*. Ибо обе они основываются на вечных истинах доисторического знания, так же как и обе они, в нашем веке и в условиях переходного периода в умах, который проходит сейчас человечество, могут выразить лишь некоторую порцию этих истин. Вопрос же просто в следующем: "Какая из двух систем содержит наиболее неискаженные факты; и, что является наиболее важным — какая из них представляет свои учения в наиболее католическом (то есть, несектантском) и беспристрастном виде?" Одна из них — восточная система — веками скрывала свой глубокий пантеистический унитаризм в богатстве своего экзотерического политеизма; другая — как было сказано выше — под покровом экзотерического монотеизма. И то и другое является лишь масками, призванными скрыть священную истину от непосвященного; ибо ни арийские, ни семитские философы никогда не признавали антропоморфизм многочисленных богов, или индивидуальность одного бога, в качестве философского представления. Но невозможно, находясь в тех рамках статьи, которыми мы обладаем, попытаться провести хотя бы небольшое обсуждение этого вопроса. Мы должны удовольствоваться более простой задачей. Ритуалы и церемонии еврейского закона выглядят как некая пропасть, которую, многие поколения христианских отцов и, особенно, протестантских реформаторов, безуспешно пытались заполнить своими искусственными толкованиями. И все же все ранние христиане, Павел и гностики, рассматривали и провозглашали еврейский закон совершенно отличным от нового христианского закона. Св. Павел называл первый аллегорией, а св. Стефан говорил евреям за час до того, как они побили его камнями, что они даже не сохранили того закона, который они получили от ангелов (от эонов), и в отношении Святого Духа (безличного Логоса, или Христоса, как учили

при посвящении), что они противились ему и отвергали его так же, как это делали их отцы. (Деяния, VII). Таким образом, им фактически говорилось, что их закон ниже христианского. Не смотря на то, что Книги Моисея, которые, как мы *думаем*, содержатся в *Ветхом Завете*, не могли быть старше христианства более чем на два или три столетия, протестанты, тем не менее, делают из них свой Священный Канон, наряду с Евангелиями, если не выше их. Но когда Пятикнижие было написано, или скорее *переписано* после Ездры, то есть, после того, как раввины урегулировали новую отправную точку, к нему были сделаны многочисленные добавления, взятые целиком из персидских и вавилонских учений; и это произошло в период, последовавший за колонизацией Иудеи персидскими царями. Это переиздание было конечно сделано таким же самым путем, как и у всех такого рода Писаний. Они первоначально записывались при помощи секретного кода, или шифра, известного только посвященным. Но вместо того, чтобы приспособить содержание высших духовных истин так, как им учат на *третьей*, высшей ступени посвящения, и выразить их на символическом языке (как это можно увидеть даже в экзотерических индийских *Пуранах*), авторы Пятикнижия, пересмотренного и исправленного, которые были озабочены лишь земной и национальной славой, адаптировали одни только астро-физиологические символы предполагаемых событий, произошедших с Авраамом, Иаковом и Соломоном, и фантастическую историю своего маленького народа. Таким образом, они создали под маской монотеизма религию сексуального и фаллического культа, который скрывает поклонение богам, или низшим зонам. Никто не стал бы утверждать, что что-либо похожее на персидский дуализм или ангелопоклонство, принесенное евреями из плена, могло бы быть когда-либо обнаружено в *истинном* Законе, или Книгах Моисея. Ибо каким образом, в таком случае, могли бы саддукеи, которые превозносили Закон, отвергать ангелов так же, как и душу и ее бессмертие? И все же существование ангелов, если не бессмертной природы души, определенно утверждается в *Ветхом Завете* и обнаруживается в современных еврейских манускриптах.¹

¹ Это именно то, что всегда утверждали гностики независимо от христиан. В их учениях еврейский Бог, "Элохим", был иерархией низших ангелов — *Ильда Баоф*, злобный и ревнивый.

Этот факт последовательного и сильного различия между редакциями того, что мы свободно именуем Книгами Моисея, и их троичной адаптацией на первой (низшей), второй и третьей, или высшей, ступенях содального посвящения; и приводящий в еще большее недоумение факт диаметрально противоположных верований саддукеев и других еврейских сект, которые, тем не менее, признают одно и то же *Откровение* — может быть сделан доступным для понимания только в свете нашего эзотерического объяснения. Оно покажет также причину того, почему же, хотя Моисей и пророки и принадлежали к содалиям (великим мистериям), последние столь часто кажутся выступающими против омерзительных свойств содалов и их "Сода". Ибо если бы Древний Канон переводился буквально и точно, как об этом заявляют, вместо того, чтобы приспособливать его к монотеизму, который в нем отсутствовал, и к духу каждой секты, как это доказывают различия между Септуагинтой и Вульгатой, тогда не были бы добавлены следующие противоречивые фразы к другим несообразностям "Священного Писания". "Сод IHVN [мистерии Johoh, или Иеговы] боящимся Его", — говорится в псалме (XXIV, 14), неправильно переведенном как "тайна Господня — боящимся Его". И опять-таки, "Страшен Аль [Эль] в великом Сод кадешим", — переведено таким образом: "Страшен Бог в великом сонме святых" (псалом LXXXVIII, 8). Титул кадешим (кадош, в ед. ч.) в действительности обозначает нечто совершенно отличное от святых, хотя обычно о них говорят как о "жрецах", "праведных" и "*посвященных*", ибо кадешим — это просто *галли* (оскопленные жрецы) отвратительных мистерий (Сод) эзотерических ритуалов. Они были, коротко говоря, научами (храмовыми танцовщицами) мужского пола, в ходе посвящения которых разглашались *арканы Сод* (слово, от которого, быть может, образовано слово "Содом") физиологической и сексуальной эволюции. Все подобные ритуалы принадлежали к первой ступени мистерий, столь поощряемой и любимой Давидом — "другом Бога". Они на самом деле были у евреев очень давно, и всегда отвергались истинными посвященными; таким образом, мы видим предсмертную молитву Иакова о том, чтобы его душа не вступала в *тайну* (Сод, в оригинале) Симеона и Левия (жреческой касты) и в их *совет*, в котором они "убили человека" [*Бытие*, 49:5,6].¹ И все же каббалисты утверждают, что Моисей — это глава *содалий*! Если отвергнуть объяснения

Тайной Доктрины, то все Пятикнижие в целом Становится мерзостью из мерзостей.

1 "Убить человека" означало в символизме малых мистерий ритуал, в ходе которого совершались преступления против природы, и для этих целей держали кадеши́м. Так, Каин "убил" Авеля, который эзотерически является женским героем и представляет первую *человеческую* женщину в Третьей расе после разделения полов. См. также "Источник мер", стр. 253, 283, и т. д.

Таким образом, если мы обнаруживаем повсюду в Библии Иегову, антропоморфного Бога, то об ЭЙН СОФ в ней не сказано ни одного слова. И поэтому также еврейская метрология была совершенно отлична от методов исчисления у других народов. Вместо того, чтобы служить приложением к другим заранее подготовленным методам, чтобы проникать внутрь, как при помощи ключа, в скрытый или подразумеваемый смысл, который содержится в предложениях, записанных буквами, — как это по сей день делают посвященные брамины, когда читают свои священные книги, — еврейская система счисления, как рассказывает нам автор "Еврейской метрологии", является самым Священным Писанием: "Тем самым методом, *in esse* [по своей сути], которым и из которого, и благодаря постоянному смешанному использованию которого, был получен в конце концов истинный текст Библии, как и все ее формулировки, от первого слова Бытия до последнего слова Второзакония".

Это, воистину, столь правдиво, что авторы Нового Завета, которым было необходимо связать свою систему как с еврейской, так и с языческой, должны были перенять свои наиболее метафизические символы не из Пятикнижия, и даже не из каббалы, но из арийской астросимвологии. Будет достаточно одного примера. Откуда происходит двойной смысл Перворожденного, Агнца, Нерожденного и Вечного — и все это, в отношении Логоса, или Христа? Мы говорим, что от санскритского *Аджа*, слова, значение которого таково: (а) Овен, или Агнец, первый знак Зодиака, называемый в астрономии *Меша*; (б) Нерожденный, название первого Логоса, или Брахмы, самосущей причины всего, описанного таким образом и определенного в Упанишадах.

Еврейская каббалистическая Гематрия, Нотарикон и Т'мура являются весьма искусными методами, дающими ключ к тайному значению еврейского символизма, ключ, который применяется в отношении их священной образности только с одной стороны природы — а именно, с физической стороны. Их мифы, имена и события, приписываемые их библейским персонажам, были соотнесены с астрономическими кругообращениями и с сексуальной эволюцией, и не должны были иметь никакого отношения к духовным состояниям человека; потому и не следует искать такого рода взаимосвязей при чтении их священного канона. Реальные Моисеевы евреи содалий, чьими прямыми наследниками *по линии посвящения* были саддукеи, не имели внутри себя духовности, и, очевидно, не ощущали в ней необходимости. Читатель, чьи представления о посвящении неразрывно связаны с таинствами посмертной жизни и спасения души, увидит теперь смысл этих великих, но все же естественных несообразностей, которые встречаются на каждой странице Библии. В "Книге Иова", каббалистическом трактате о египетско-арабской инициации, мы находим такой многозначительный и чисто материалистический стих: "Человек, рожденный женщиной ... как цветок, он выходит и падает; убегает, как тень, и не останавливается" (14:1,2). Но Иов говорит здесь о *личности*, и он прав; ибо никто из посвященных не сказал бы, что личность переживает смерть физического тела; один лишь только дух бессмертен. Но эта фраза в Книге Иова, древнейшем документе в Библии, производит лишь еще более грубо-материалистическое высказывание в Книге Екклезиаста, 3:19, и далее, — одной из последних ее книг. Автор, который выступает под именем Соломона и говорит, что "*участь сынов человеческих и участь скотов одинакова... как те умирают, так умирают и эти ...* и преимущества у человека перед скотом нет", — находится на одном уровне с современными геккелями, и выражает лишь то, что он думает.

Поэтому никакое знание каббалистических методов не может помочь обнаружению в Ветхом Завете того, чего там никогда не было, поскольку *Книга Закона* была переписана (скорее, чем найдена) первосвященником Хилкией. И это так же, как нельзя поспособствовать лучшему прочтению египетских символов при помощи средневековых каббалистических систем. Поистине, лишь слепота и набожные иллюзии могут привести кого-нибудь к открытию каких-либо духовных и метафизических взаимоотношений или значений в еврейском,

чисто астро-физиологическом, символизме. С другой стороны, если все так называемые древние языческие религиозные системы были построены на абстрактных духовных размышлениях, то их грубые внешние формы являлись, вероятно, наиболее безопасным покрывалом, который скрывал их внутренний смысл.

Основываясь на авторитете наиболее ученых каббалистов наших дней, можно показать, что Зогар и все остальные каббалистические труды прошли через христианские руки. Следовательно, что они не могут более рассматриваться как универсальные, но становятся просто сектантскими. Это хорошо выразил тезис Пико делла Мирандолы о том, что "никакая наука не может предоставить лучших доказательств божественности Христа, чем магия и каббала". Это истинно по отношению к божественности Логоса, или Христоса гностиков; потому что этот Христос остается тем же самым СЛОВОМ вечно-непроявленного Божества, называем ли мы его Парабрахмом или Эйн Соф, и каким бы именем он сам себя не называл — Кришной, Буддой или Ормуздом. Но этот Христос не является ни Христом церковей, ни Иисусом Евангелий — это лишь *безличный Принцип*. Тем не менее, латинская церковь нажила себе капитал на этом тезисе, результаты которого были такими же, как и в нашем столетии, так что и сегодня он имеет место и в Европе, и в Америке. Каждый каббалист сегодня верит в *личного* Бога, в реальные останки первоначально *безличного* Эйн Соф, и является, более того, более или менее неортодоксальным, но все же — христианином. Это происходит из-за полного неведения большинства людей о том, что (а) каббала, и особенно Зогар, который мы имеем, не является оригинальной "Книгой Сияния", записанной из устных наставлений Симона бен Иохан; и (б) последние, которые, поистине, являлись изложением скрытого смысла писаний Моисея (так называемого), были при том столь же хорошим толкованием эзотерического значения, содержащегося под оболочкой буквального смысла Писаний любой языческой религии. Также современные каббалисты, по-видимому, не осознают того, что каббала в том виде, в котором она пребывает сегодня, с ее более чем исправленными текстами, ее добавлениями, сделанными как в связи с Новым, так и с Ветхим Заветом, ее цифровым языком, составленным заново также для приложения к ним обоим, и ее хитрыми прикрытиями, — неспособна более представить нам все эти древние и

первоначальные значения. Короче говоря, никакая из тех каббалистических работ, которые имеются сегодня у западных народов, не может обнаружить каких-либо великих тайн природы кроме тех, которые пожелали раскрыть Ездра и К°, а также поздние сотоварищи Мозеса де Леона; каббала содержит в себе не большее, чем хотели обнаружить в ней сирийские и халдейские христиане и экзгностики тринадцатого века. И то, что они обнаружили, вряд ли может оправдать то усилие, которое заставляет потратить всю свою жизнь на их изучение. Ибо если то, что они могли делать и делали, и представляет безусловный интерес для масонов и математиков, то вряд ли они могли бы научить чему-либо того, кто жаждет знания духовных тайн. Применение всех семи ключей для того, чтобы раскрыть тайны Бытия в этой жизни, в жизни грядущей, как и в той, что уже минула, показывает, что халдейская Книга Чисел и Упанишады, без сомнения, скрывают в себе наиболее божественную философию — поскольку это есть Универсальная Религия Мудрости. Но Зогар, ныне столь искаженный, не может дать нам ничего из этой области. Кроме того, кто из западных ученых имеет *все* эти ключи в своем распоряжении? Они доверены нынче лишь высшим посвященным в *Гупта Видью*, великим адептам; и, конечно, не новичок-самоучка, и даже не уединившийся мистик, сколь бы ни был велик его гений и его естественные силы, является тем человеком, кто мог бы надеяться раскрыть *в одной жизни* более чем один или два из этих утерянных ключей.¹

1 Таким образом, автор статьи в "*Masonic Review*" совершенно прав, когда он говорит, что "поле деятельности каббалы представляет собой ту область, в которой астрологи, некроманты, белые и черные маги, предсказатели судьбы, хироманты и тому подобные, наслаждаются и требуют сверхъестественного *ad nauseam* [до омерзения]"; и он добавляет: "Христианин, копающийся в груди их мистицизма, привлекает его поддержку и авторитет последнего для решения наиболее запутанной из всех проблем, проблемы Святой Троицы, и запечатленного характера Христа. С такой же уверенностью, но еще с большим бесстыдством, мошенник от каббалы будет продавать амулеты и брелки, предсказывать будущее, рисовать гороскопы, и столь же охотно давать особые

наставления... для вызывания умерших, а в действительности — дьявола... Все же необходимо сначала открыть, из чего в действительности состоит каббала, прежде чем придавать этому имени какой-либо вес или авторитет. На этом открытии и будет основано решение вопроса о том, следует ли воспринимать это название как что-то имеющее отношение к тем предметам, которые заслуживают своего разумного признания". *"Автор утверждает, что такое открытие было сделано, и что то же самое содержит в себе и рациональная наука, обладающей трезвостью и высоким достоинством"*. Статья брата Дж. Рэлстона Скиннера (Ложа Макмиллиан, № 141) "Каббала" из "Masonic Review" за сентябрь 1885 г.

Ключ к еврейской метрологии был открыт, вне всякого сомнения, и это очень важный ключ. Но, как мы это можем заключить из слов самого исследователя, который был процитирован в нижеприведенном примечании, хотя этот ключ (скрытый в "Тайной метрологии") и обнаруживает тот факт, что "священное Писание" содержит *"рациональную науку, обладающую трезвостью и высоким достоинством"*, все же он помогает нам раскрыть духовную истину не большей высоты, чем та, на которой настаивали все астрологи в каждом веке; то есть, что существует тесная связь между звездными и всеми земными телами, включая и человеческие существа. История нашей земли и ее цивилизаций имеет небесные прототипы от начала и до конца, хотя Королевское физическое общество может и не осознавать это в течение веков, и даже тех, которые еще только наступят. Как показывает тот же самый исследователь, "содержимое этого тайного учения, этой каббалы, состоит из чистой истины и здравого смысла, ибо это геометрия с добавлением некоторых цифр из астрономии и системы измерений, а именно, масонского дюйма, двадцатичетырехдюймовой меры (или двойного фута), ярда и мили. Утверждалось, что все это было божественным откровением и даром, и благодаря тому, что Авраам обладал им и применял его, про него могло быть сказано: "Благословленный Всевышним Богом, Авраам, мерило небес и земли" — *"творящий закон измерений"*.

И это все, что содержала *первоначальная* каббала? Нет; ибо автор замечает также: "Кто может рассказать о том, каково было первоначальное и подразумеваемое правильное

прочтение текста [Пятикнижия]?" Это позволяет читателю сделать вывод, что значение, которое содержится в экзотерическом, или буквально понимаемом еврейском тексте, никоим образом не ограничивается лишь тем, которое открывает нам каббала. Поэтому мы имеем право говорить, что еврейская каббала с ее числовыми методами является ныне лишь *одним* из ключей к древним тайнствам, и что лишь восточные, или арийские системы могут предоставить нам остальные и раскрыть всю истину о *Творении*.¹

Мы оставим объяснение того, чем является эта числовая система, самому автору. По его словам:

Подобно любым другим человеческим произведениям такого рода, еврейский текст Библии был создан при помощи букв, которые могли послужить озвучивающими знаками для звукового выражения, или для той цели, которую выполняют буквы. Теперь, во-первых, все эти оригинальные буквенные знаки были также и рисунками, и каждый отличался от всех остальных; и сами такие рисунки символизировали идеи, с которыми можно было их соотнести, совершенно так же, как и оригинальные китайские иероглифы. Густав Сиффарт показывает, что египетские иероглифы насчитывают свыше 600 букв-рисунков, которые содержат в себе, при различном их использовании и с разделением по слогам, оригинальное число букв еврейского алфавита. Буквы еврейского текста священного свитка разделяли на классы, в которых буквы каждого класса были взаимозаменяемы; посредством этого одна форма могла быть заменена другой путем привнесения измененного обозначения при помощи букв, рисунков или цифр. Сиффарт обнаруживает различные формы самого древнего еврейского алфавита в древне-коптском при помощи этого закона о взаимозаменяемости букв.²

1 В таком виде, как сейчас, каббала, со своими особыми методами, может лишь привести в затруднение, предлагая свои различные версии; она никогда не может открыть всеобщую истину. Существует несколько прочтений даже одной только первой фразы Бытия. Прочитаем автора: "Следует читать: *Берашит бара Элохим*, и т. д., "В начале сотворил Бог небо и землю", причем здесь Элохим является существительным множественного числа, и к нему относится глагол третьего лица единственного числа. Нахманид обращал внимание на тот факт, что этот текст

может позволить и такое прочтение: *Бераиш итбара Элохим*, и т. д., "Во главе (в начале) сотворил (или развил) богов, небеса и землю" — и это будет более правильно с точки зрения грамматики" (*Там же*). И нас все еще призывают верить в еврейский монотеизм!

2 Однако прежде чем Сиффарт сможет надеяться на признание своей гипотезы, он должен будет доказать, что (а) израильтяне имели свой собственный алфавит в то время, когда египтяне или копты все еще не обладали им; и (б) что еврейский язык позднейших свитков является еврейским, или "таинственным языком" Моисея, — что отрицает Тайная Доктрина.

Полное объяснение этого закона дозволенной взаимозаменяемости букв можно найти в еврейских словарях... Хотя он и известен ... он все же является очень запутанным и трудным для понимания, поскольку мы утратили знание об особом применении и силе такой перестановки. [Именно так!] С другой стороны, эти буквы обозначали собой *цифры* и применялись для обозначения цифр так же, как мы используем для этого специальные цифровые знаки, хотя и существует при этом очень много доказательств того, что древние евреи обладали так называемыми арабскими цифрами, которые есть и у нас, от 1 до нуля, и все вместе составляют $1+9=10$... В-третьих, говорится о том, и это выглядит вполне доказанным, что эти буквы обозначали музыкальные ноты; при этом, например, расположение букв в первой главе Книги Бытия может быть представлено при помощи музыки или пения.¹ Другим законом еврейского письма было то, что изображались только согласные знаки — гласные не писались, но были замещены. Если кто-нибудь попытается проделать это, то он обнаружит, что сам согласный звук не может быть произнесен без помощи гласного;² таким образом ... согласные составляют каркас слова, но для того, чтобы дать ему жизнь или произнести его вслух, так же как и наделить его мыслью ума или чувством сердца, служат гласные.

1 Во всяком случае, не в еврейском языке с мазоретскими огласовками. Однако, см. далее.

2 И поскольку гласные вставлялись мазоретами *ad libitum* [произвольно], они могли сделать из слова все, что им угодно!

Теперь, даже если мы предположим, ради аргументации, что "каркас", то есть согласные буквы Пятикнижия ныне те же самые, что и во времена Моисея, какие же изменения должны были произойти с этими свитками, — написанными на столь простом языке, как еврейский, с его менее чем двумя дюжинами букв, — когда они время от времени переписывались, и их гласные и знаки пунктуации располагались каждый раз в новой комбинации! Нет двух одинаковых умов, и чувства сердца переменчивы. Что же могло остаться от оригинальных писаний Моисея (если таковой когда-либо существовал), спрашиваем мы, если они были утеряны на 800 лет и обнаружены тогда, когда любое воспоминание о них должно было исчезнуть даже из умов наиболее ученых людей, и первосвященник Хилкия переписал их при помощи писца Шафана? Когда, вновь утерянные, они были снова переписаны Ездрой; в 168 году до н. э. книги или свитки, были вновь уничтожены; и когда они вновь появились, мы видим их облаченными в мазоретские одежды! Мы можем узнать кое-что о бен Хаиме, который опубликовал мазоретский текст в пятнадцатом веке; но мы ничего не можем узнать о Моисее, и это безусловно, пока мы не станем — посвященными Восточной Школы.

Аренс, говорящий о расположенных таким образом буквах в еврейских священных свитках, — что они сами по себе были музыкальными нотами, — вероятно, никогда не изучал арийской индийской музыки. В санскритском языке нет необходимости в таком расположении букв в священных *аллах* для того, чтобы они становились музыкальными. Ибо весь санскритский алфавит и Веды, от первого слова и до последнего, представляют собой музыкальные ноты, сведенные к буквенным записям, и они неотделимы друг от друга.¹ Подобно тому, как Гомер делал различие между "языком богов" и *языком людей*,² так же поступают и индусы.

Деванагари, санскритское письмо, — это "речь богов", а санскрит — божественный язык.³ Что же касается иврита, то пусть современный Исайя кричит "Горе мне!" и уверяет, что "новооткрытый вид языка (еврейская метрология), сокрытый за словами священного Текста", ныне полностью доказан. Прочитайте "Источник мер", прочитайте все остальные талантливые сочинения того же автора. И тогда читатель обнаружит, что при максимально возможной доброй воле и в результате неустанных попыток, которые отняли многие годы его жизни, этот трудолюбивый ученый, проникая под

внешнюю маску этой системы, обнаружил там немногим большее, чем чистый антропоморфизм. Лишь в человеке и на одном только человеке покоится вся схема каббалы, и все в ней должно применяться только к человеку и его функциям, сколь бы велика не была эта шкала. Человек, как Архетипический Человек, или Адам, должен нести в себе всю каббалистическую систему. Он является великим символом и тенью, отбрасываемой проявленным Космосом, который сам есть отражение безличного и вечно непостижимого принципа; и эта тень предоставляет при помощи своего построения — личного, вырастающего из безличного — некоего рода объективный и осязаемый символ всего, что является видимым и невидимым во вселенной. "Поскольку Первопричина была совершенно непознаваема и неназываема, то такие имена, которые были признаны наиболее сакральными (в Библии и каббале) и обычно применялись в отношении Божественного Существа, были все же *не то*", но просто являлись проявлениями непостижимого,

в космическом, или природном смысле, в каком они могли стать известными людям. Следовательно, такие имена *не были сакральными, как это обычно утверждают*, ввиду того, что они вместе со всем сотворенным сами были лишь именами или обозначениями того, что уже было известно! Что же касается метрологии, то вместо того, чтобы быть полезным приложением к библейской системе ... весь текст Священного Писания книг Моисея не только переполнен ею, как системой, но и сама эта система является, *in esse* [по существу], тем же самым,

от первого до последнего слова.

Например, повествование о первом дне творения, о шести днях, о седьмом дне, о сотворении Адама, мужчины и женщины, об Адаме в Райском саду, о создании женщины из мужчины, о ... родословии страны Араратской, о ковчеге, о Ное с его голубем и вороном ... о путешествии Авраама из страны Ур ... в Египет Фараона, о жизни Авраама, о трех заветах ... о строении скинии и жилища Иеговы, о знаменитых 603 550 людях, способных нести оружие ... исходе из Египта, и тому подобном — все это представляет собой лишь столь многочисленные разновидности произношения в этой системе геометрии, применения числовых соотношений, мер и их разнообразных приложений.

1 См. "Теософист" за ноябрь 1879 г., статью "Индийская музыка", стр. 47.

2 *Thes.* xvi. 289, 290.

3 Санскритские буквы в три раза более многочисленны, чем бедные двадцать две буквы еврейского алфавита. Все они являются музыкальными и читаются, или скорее поются, в соответствии с системой, данной в очень древних тантрических работах (см. *Тантрашастра*); и они называются *деванагари*, "речь или язык Богов". И поскольку каждая из них отвечает некоторой цифре и имеет поэтому много больше возможностей для выражения и обозначения, этот язык должен быть необходимым образом более совершенным и много более древним, чем иврит, который следует этой системе, но может применять ее лишь в очень ограниченном виде. Если один из этих двух языков был дан человечеству богами, то, конечно, это скорее санскрит, — самый совершенный из всех совершенных языков на земле, — чем иврит, грубейший и беднейший. Ибо если мы поверим в *божественное* происхождение языка, то мы вряд ли сможем в то же самое время поверить в то, что ангелы, или боги, или какие-либо божественные посланники оказали бы предпочтение низшему перед высшим языком.

И автор "Еврейской метрологии" заканчивает словами:

Какими бы ни могли быть еврейские способы полного истолкования этих книг, христианская церковь взяла из них только то, что они показывали *на поверхностном уровне* — и ничего более. Христианская церковь никогда не приписывала этим книгам какое-либо свойство вне этих пределов; и в этом состоит *ее великая ошибка*.

Но западные, европейские и многие американские каббалисты (хотя, по-видимому, не все из них), требуют исправления этой ошибки своей церкви. Какого же успеха они достигают и в чем состоит свидетельство этого успеха? Прочитаем по порядку все книги по каббале, вышедшие в нашем веке; и если мы исключим несколько книг, опубликованных недавно в Америке, то мы обнаружим, что ни один из каббалистов не проник даже неглубоко, хотя бы чуть-чуть под этот "поверхностный уровень". Их изложения являются чистыми спекуляциями и гипотезами, и ничем более. Один основывает свои толкования на масонских откровениях Рагона; другой избирает себе пророком Фабра де Оливье — этот писатель

никогда не был каббалистом, хотя он и был гением с удивительной, совершенно чудесной эрудицией, и лингвистом-полиглотом большей величины, чем все, кто был после него и по сей день, даже среди филологов Французской Академии, которая отказывается даже от упоминания его работ. Другие, опять-таки, верят, что не было среди сыновей земли каббалиста более великого, чем ныне покойный Элифас Леви — очаровательный и остроумный автор, который, однако, скорее мистифицирует, чем обучает в своих многочисленных трудах по магии. Пусть читатель не сделает из этих утверждений вывода о том, что в Старом и Новом Свете нельзя найти истинных ученых каббалистов. Совершенно несомненно, что существуют посвященные оккультисты, которые являются каббалистами, рассеянные здесь и там, особенно — в Германии и Польше. Но они *не будут публиковать то, что они знают*, а также не будут называть себя каббалистами. "Содалийская клятва" третьей ступени держится сегодня столь же хорошо, как и всегда.

Но существуют и такие, кто не связан обещанием сохранять тайну. Такие писатели являются единственными людьми, чьей информации следует доверять каббалистам, сколь бы неполными не были бы их утверждения с точки зрения *полного откровения*, то есть семикратного эзотерического смысла. Это те, кто менее всего заботится о таких тайнах, к которым только и испытывают жажду современные герметисты и каббалисты — таким, как трансмутация в золото, и эликсир жизни, или философский камень — *для физических целей*. Ибо все главные тайны оккультных учений связаны с высшим духовным знанием. Они имеют дело с ментальными состояниями, а не с физическими процессами и их преобразованиями. Короче говоря, истинная, подлинная каббала, единственная оригинальная копия которой содержится в халдейской "Книге Чисел", имеет отношение к царству духа и учит о нем, а не о царстве материи.

Чем же тогда является каббала на самом деле, и в состоянии ли она предоставить откровение о таких высших духовных таинствах? Автор отвечает, делая на этом особенное ударение: НЕТ. Одно дело, каковы были каббалистические ключи и методы в оригинале Пятикнижия и других священных свитках и документах евреев, которые ныне более не существуют; но совершенно другое дело — в каком виде они находятся сегодня. Каббала — это многогранный язык, который, кроме того, определяется буквальным текстом записи, который

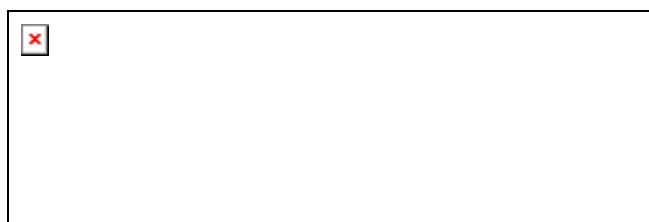
должен быть расшифрован. Она учит и помогает читать эзотерический истинный смысл, сокрытый под маской этого буквального текста; она не может *создать* некий текст или обнаружить его в документе при изучении, такой, какого там никогда не было с самого начала. Каббала — такая, какую мы имеем сегодня — неотделима от текста Ветхого Завета, переработанного Ездрой и другими. И так как еврейские Писания, или их содержимое, постоянно переделывались, — невзирая на древнюю гордость тем, что ни одна буква в Священном Свитке никогда не была изменена ни на йоту, — то никакие каббалистические методы не могут помочь нам прочесть в них что-либо кроме того, что в них есть. Тот, кто занимается этим — не каббалист, а мечтатель.

Наконец, непосвященный читатель должен изучить различие между каббалой и каббалистическими трудами, прежде чем он обратится к другим аргументам. Ибо каббала — это не какая-то особенная книга, и даже не некая система. Она состоит из семи различных систем, применяемых к семи различным толкованиям любого данного эзотерического труда или вопроса. Эти системы всегда *передавались изустно* от одного поколения посвященных к другому, с сохранением содалийской клятвы, и *они никогда никем не записывались в письменном виде*. Те, кто говорит о переводе каббалы на тот или другой язык, с тем же успехом могли бы говорить о переводе несловесных сигнальных песен бедуинов-разбойников на некий особый язык. Каббала — это слово, образованное от корня КБЛ (*кебел*), "передавать", или "получать" *изустно*. Ошибочно говорить, как это делает Кеннет Маккензи в своей "Королевской масонской энциклопедии", что "учение каббалы имеет отношение к системе, которая передавалась потомкам при помощи устной передачи, и является чем-то близким к *традиции*"; ибо в этом предложении лишь его первая часть является верной, в то время как вторая — нет. Она есть что-то близкое не к "традиции", но к семи покровам или семи истинам, *изустно открываемым при посвящении*. Из этих методов, принадлежащих к универсальному изобразительному языку, — под "изображениями" здесь понимаются любые цифры, числа, символы или другие глифы, которые могут быть представлены как объективно, так и субъективно (мысленно), — лишь три имеются в наличии в еврейской системе.¹ Таким образом, если каббала, как слово, является еврейской, то сама эта система

является не в большей степени еврейской, чем солнечный свет; она универсальна.

С другой стороны, евреи могут рассматривать книги Зогар, Сефер Иецира (Книгу Творения), Сифра Дицениута, и немногие другие, как свое собственное неоспоримое богатство, и как каббалистические труды.

1 Из этих трех методов ни один не может применяться к чистой духовной метафизике. Один из них раскрывает соотношения между звездными телами и телами земными, особенно — человеческими; другой относится к эволюции человеческих рас и полов; третий — к космогонии и является метрологическим.

ОККУЛЬТНАЯ ИЛИ ТОЧНАЯ НАУКА?

Esse Signum! Вот знак, который можно увидеть в ближайшем будущем, проблема, которая будет *тем самым* вопросом грядущего века, о котором спросит себя "каждый думающий серьезный отец, заботящийся о воспитании детей в XX веке. И давайте сразу же установим, что под "Оккультной наукой" здесь не имеется ввиду ни *жизнь челы*, ни самоограничение аскета, но лишь изучение того, что может дать ключ к тайнам природы и вскрыть проблемы вселенной и психо-физического человека — даже если кто-то не имеет склонности идти более глубоко.

Каждое новое открытие современной науки подтверждает истины древней философии. Истинный оккультист, если он

движется в правильном направлении, никогда не встретится с проблемой, которую не способна разрешить эзотерическая наука; научные общества Запада же до сих пор не могут проникнуть в глубину или объяснить со всех сторон какой-либо феномен естественной науки. Точной науке не удастся сделать это в *данном* цикле по причинам, которые будут изложены далее. Тем не менее, гордыня этого века, который восстает против проникновения в научную империю старых — и прежде всего трансцендентальных — истин, растет с каждым годом и становится все более нетерпимой. Скоро мир будет созерцать науку как бы плавающую в облаках самонадеянности, подобно новой Вавилонской башне, которая, возможно, разделит участь этого библейского памятника.

В одной современной научной работе по антропологии¹ можно прочесть следующее: "В конце концов, нам дано *знать* (?), понять, объяснить и измерить силы, которые, как утверждается, исходят от Бога... Мы сделали электричество нашим почтальоном, свет нашим рисовальщиком, сродство химических элементов нашим ремесленником" и т. д., и т. д. Это написано во французской работе. Тот, кто знает что-либо о затруднениях в точной науке, об ошибках и повседневных признаниях ее приверженцев, склоняется к тому, чтобы, после прочтения таких помпезных заявлений, воскликнуть вместе с недовольным человеком из Библии: "*Tradidit mundum ut non sciant*". Поистине, "мир предоставил им то, что *они никогда не узнают*".

О том, сколь легко могут ученые *достигать успеха* в этом направлении, можно заключить из того факта, что даже сам великий Гумбольдт мог высказывать такие ошибочные аксиомы, как например эта: "Наука начинается для человека только тогда, *когда его ум подчинил МАТЕРИЮ!*"² В этом выражении содержалась бы, вероятно, большая истина, если бы слово "материя" было заменено в нем на слово "дух". Но мосье Ренан не приветствовал бы тогда почтенного автора "Космоса" так, как он это сделал, если бы термин "материя" был заменен термином "дух".

1 *Bulletin de la Societ  d'Anthropologie*, 3 fasc. p. 384.

2 "Космос", том I, стр. 3 и 76.

Я намереваюсь привести несколько примеров, свидетельствующих о том, что знание одной лишь материи, с

ее ранее "неуловимыми" силами, — какое значение не имело бы это определение для Французской Академии наук или Королевского общества в то время, когда оно было предложено, — всего этого недостаточно для целей истинной науки. Этого никогда не будет достаточно для того чтобы объяснить самый простейший феномен даже в объективной физической природе, не говоря уж об аномальных случаях, к которым физиологи и биологи в настоящее время проявляют такой большой интерес. Как высказал в своей работе отец Сеччи, знаменитый римский астроном:¹ "Если бы были доказаны лишь некоторые из *новых* сил, это с необходимостью повлекло бы за собой допущение в эту область агентов *совсем иного рода*, чем силы гравитации".

1 "О силах, и т. д."

"Я прочел немало об оккультизме и изучил каббалистические книги: я не понял в них ни одного слова!" — таково замечание, сделанное недавно ученым экспериментатором, специалистом по "передаче мысли", "цвето-звукам" и т. п.

Очень может быть. Надо изучить буквы прежде чем иметь возможность говорить и читать, или понимать что написано.

Лет сорок назад я знала ребенка — маленькую девочку семи или восьми лет — которая пугала своих родителей, говоря:

"Теперь, мама, я люблю тебя. Ты очень хорошая и добрая по отношению ко мне сегодня, твои слова *совсем голубые*"...

"Что ты имеешь в виду?" — спрашивала мать.

"Твои слова совсем голубые, потому что они такие ласковые, но когда ты ругаешь меня, то *они красные*... такие красные! Но самое плохое, когда вы ссоритесь с папой, потому что тогда они оранжевые... ужасные... как это"...

И ребенок показал на камин с сильно шумящим огнем и огромными языками пламени. Мать побледнела.

После этого восприимчивой девочке очень часто слышались ассоциации звуков и цветов. Мелодия, которую ее мать играла на пианино, приводила ее в экстаз; она объясняла, что видит "такие прекрасные радуги"; когда играла ее тетя, это были "фейерверки и звезды", "звезды, выстреливаемые из ракетниц... и затем взрывающиеся".

Родители были испуганы и подозревали, что что-то произошло с мозгом ребенка. Был вызван семейный доктор.

"Избыток детской фантазии", — сказал он. — "Невинные галлюцинации... Не давайте ей пить чай и сделайте так, чтобы она больше играла со своими маленькими братьями — боролась бы с ними и имела какие-нибудь физические упражнения..." И он удалился.

В большом русском городе, на берегу Волги, стоит больница с примыкающим к ней сумасшедшим домом. Здесь жила бедная женщина, которая содержалась здесь более двадцати лет, то есть, фактически, до самой смерти, как "безобидная", хотя и *душевнобольная* пациентка. Никаких иных доказательств ее безумия нельзя было найти в истории болезни за исключением того, что плеск и бормотание волн на реке вызывало у нее видение "Божественной радуги"; а голос суперинтенданта заставлял ее видеть "черное и темно-красное" — *цвета Дьявола*.

Примерно в то же время, в 1840 году, французские газеты сообщали о чем-то сходном с этим феноменом. Такое аномальное состояние чувств — как думали тогда врачи — могло быть связано лишь с одной причиной; такие *впечатления*, если они проявлялись без какой-либо *явно прослеживаемой* причины, приписывались слабому мозгу и болезненно разбалансированному уму, с большой вероятностью приводящему такого человека к лунатизму. Таково было *утверждение* науки. Взгляды набожно настроенных людей, подтверждавшиеся уверениями местного кюре, склонялись к иному способу объяснения. Мозг ничего не мог поделать с этим "наваждением", потому что это были просто проделки "старого джентльмена" с раздвоенными копытами и сверкающими рогами. Как ученые люди, так и суеверные "порядочные женщины", должны были в какой-то мере изменить свои взгляды с 1840 года.

Даже в тот ранний период и до того, как "рочестерская" волна спиритуализма охватила значительную часть цивилизованного общества Европы, было показано, что то же самое явление можно вызвать посредством различных наркотиков и химических веществ. Некоторые отважные люди, которые не боялись ни обвинений в лунатизме, ни той неприятной перспективы, что их будут рассматривать как заключенных в "тенётах Дьявола", проделали опыты и публично объявили об их результатах. Одним из них был Теофиль Готье, знаменитый французский писатель.

Немного найдется знакомых с французской литературой того времени, кто бы не знал очаровательную историю, рассказанную этим автором, в которой он описывает видения человека, принявшего опиум. Чтобы проанализировать собственные *впечатления*, он принял большую долю *гашиша*. "Мой слух", — пишет он, — "приобрел удивительные способности: я слышал музыку *цветов*; звуки — зеленые, красные и голубые — втекали в мои уши ясно *различимыми* волнами *запаха* и *цвета*. Опрокинутый стакан, скрип кресла, слово, сказанное шепотом, вибрировали и звучали *внутри меня* как многочисленные удары грома. При самом легком прикосновении к какому-либо предмету — мебели или человеческому телу — я слышал длительные звуки, вздохи, подобные мелодичным вибрациям эоловой арфы..."¹

1 "La Presse", 10 июля 1840 г.

Без сомнения, силы человеческой фантазии велики; безусловно, иллюзии и галлюцинации могут быть созданы естественным или искусственным путем в течение короткого или длинного периода времени в мозгу самого здорового человека. Но существуют также естественные феномены, не укладывающиеся в эту "аномальную" группу; и они должны в конце концов привлечь к себе внимание научных умов. Явления гипнотизма, передачи мыслей, вызывания чувства, смешиваясь друг с другом и проявляя свою оккультную сущность в нашем феноменальном мире, в конце концов смогли привлечь к себе внимание нескольких выдающихся ученых. Под руководством знаменитого доктора Шарко, из госпиталя св. Петра в Париже, несколько знаменитых ученых во Франции, России, Англии, Германии и Италии занялись исследованием этих явлений. Более чем 15 лет они проводили эксперименты, исследовали и теоретизировали. И каков результат? Единственное объяснение данное публике, тем людям, которые жаждут познакомиться с истинной, сокровенной природой этих явлений, с их причинами и происхождением, заключается в том, что чувствительные люди, обнаруживающие такие феномены, являются истериками! Нам говорят, что они *психопаты*¹ и *неврастеники*,² — и нет никакой иной причины, лежащей в основе бесполезного разнообразия этих проявлений, кроме как причины физиологического характера.

Это выглядит удовлетворительным в настоящее время, и вполне возможно, что и в будущем.

Таким образом, "истерической галлюцинации" суждено стать, по-видимому, *альфой* и *омегой* всякого феномена. В то же время, наука определяет термин "галлюцинация" как "ошибку наших *органов чувств*, которая влияет и на наш *интеллект*".³ Такие галлюцинации чувствительного человека, вызванные, например, появлением "астрального тела", переживаются не только "*интеллектом*" этого человека (или медиума), но и воспринимаются сходным образом чувствами присутствующих. Следовательно, можно заключить, что все эти свидетели также являются *истериками*.

1 Сложный греческий термин, созданный на медицинских факультетах в России.

2 От слова "невроз".

3 "Медицинский словарь".

Мы видим, что мир находится в опасности в том смысле, что в конце этого столетия он может превратиться в огромный сумасшедший дом, в котором лишь ученые-физики будут представлять собой *здоровую* часть человечества.

Из всех проблем медицинской философии, галлюцинация представляет собой наиболее трудноразрешимую, от которой трудно отделаться. Это едва ли могло бы быть иначе, поскольку она является одним из таинственных результатов нашей двойственной природы, мостом, переброшенным через пропасть, которая отделяет мир материи от мира духа. Оценить или познать *ноумен* в ее феноменах не может никто кроме тех, кто стремится на другую сторону. Несомненно, проявления сбивают с толка всякого, кто свидетельствует о них впервые. *Галлюцинация*, являясь для материалиста доказательством творческой способности, *потенцией* человеческого духа, *воплощая* для деятеля церкви "чудеса" и объясняя *сверхъестественным* путем простейшие эффекты естественных причин, не может быть до сих пор принята за то, чем она является на самом деле, и вряд ли можно настаивать на принятии материалистической или церковной позиции, поскольку одна из них столь же сильна в ее отрицании, так же как другая — в ее подтверждении. "Галлюцинация", — говорит авторитетный источник, цитируемый Бриером де Буамоном,¹ — "это воспроизведение материального признака идеи".

Галлюцинация, как говорят, не имеет отношения к возрасту и добродетелям; или, если фатальный эксперимент чего-нибудь вообще стоит, то можно сказать, что: "врач, который уделил бы ей слишком много внимания, или изучал бы ее очень долгое время и *очень серьезно*, мог бы быть уверен, что он кончит свою карьеру среди своих собственных пациентов".

1 "Галлюцинация", стр. 3.

Это является дополнительным доказательством того, что "галлюцинацию" вряд ли когда-либо изучали *"слишком серьезно"*, поскольку самопожертвование вовсе не является примечательной чертой нашего века. Но *если* она столь опасна, почему бы нам не позволить себе такое смелое и непочтительное предположение, что биологи и физиологи школы д-ра Шарко стали жертвой собственной *галлюцинации*, основанной на односторонней научной идее о том, что все исследовавшиеся ими феномены галлюцинаций обусловлены *истерией!*

Как бы там ни было, по причине *коллективной галлюцинации* наших медицинских светил или импотенции материалистической мысли, этот простейший феномен, *признанный* и исследованный людьми науки в 1885 году, остается столь же необъясненным ими, как это было в 1840 году.

Если даже принять, что кое-кто из обывателей, помимо огромной почтительности (доходящей до *фетишизма*), действительно примут утверждение ученых том, что каждое явление, каждое "аномальное" проявление обусловлено выходками *эпилептической истерии*, - то что же остается делать остальной публике? Должны ли они верить, что грифель м-ра Эглинтон, движущийся *сам по себе*, также действует в припадке эпилепсии, как и его медиум, хотя бы он даже и *не касался его!* Или, что пророческие высказывания провидцев, великих апостолов всех веков и религий, были просто патологическими результатами истерии? Или, опять-таки, что "чудеса" Библии, а также Пифагора, Аполлония и других, принадлежат к тому же семейству *аномальных* проявлений, как и галлюцинации мадемуазель Альфонсины (или как бы ее ни называли) у д-ра Шарко, и ее эротических описаний и поэтических опусов, "вследствие *наполнения газами ее большой кишки*" (дословно)? Такая претензия, по-видимому, обречена на неудачу. Прежде всего следовало бы

объяснить саму "галлюцинацию", когда она в действительности имеет физиологическую причину, — но *это никогда не было сделано*. Выбрав случайным образом некоторые из множества определений, данных видными французскими медиками (у нас нет под рукой соответствующих английских), мы хотели бы спросить — а что на основании их мы можем узнать о "галлюцинации"? Мы привели выше "определение" (если его можно так назвать) д-ра Бриера де Буамона; рассмотрим еще некоторые из них.

Д-р Лелю называет ее — "безумие в *ощущениях и восприятиях*"; д-р Чомиль — "общая иллюзия *ощущения*";¹ д-р Лере — "иллюзия, промежуточная между ощущением и представлением" ("Психологические фрагменты"); д-р Мишо — "сумасшествие восприятия" ("Иллюзия чувств"); д-р Калмель — "иллюзия, вызванная неправильным изменением нервной ткани" ("Безумие", т. I) и т. д., и т. д.

1 См. "Словарь медицинских терминов".

Я сожалею, что все вышеприведенные мнения не сделали мир мудрее, чем он есть. Со своей стороны, я верю, что теософы сохранили старое определение галлюцинации (теофании)¹ и безумия, которое было создано около двух тысячелетий назад Платоном, Вергилием, Гиппократом, Галеном и медицинскими и теологическими школами древних. "Есть два вида безумия, один из которых создается телом, а другой посылается нам *богами*".

1 Общение с богами.

Около десяти лет назад, когда я писала "Разоблаченную Изиду", наиболее важной целью работы являлась демонстрация следующего: (а) реальность *оккультного* в природе; (б) тщательное ознакомление со всеми оккультными сферами у "определенных людей" и мастерством в этой области; (в) недостаточность искусства или науки нашего времени, которые даже не упоминают Веды; (г) что сотни вещей, особенно тайн природы, — *in abscondito*, как это называли алхимики, — были известны ариям в домабхаратовский период, и они же не известны нам, современным мудрецам XIX века.

Новое доказательство этого поступает сейчас. Оно является результатом некоторых современных исследований во

Франции, проведенных учеными "*специалистами*" (?) в связи с тем смещением цвета и звука, *музыкальных и цветовых впечатлений*, которое наблюдается у некоторых "невротиков и психо-маньяков".

Д-р Ньюбемер впервые начал исследовать этот особый феномен в Австрии в 1873 году. После него он начал серьезно изучаться в Германии Блавером и Леманном, в Италии — Велларди, Барегги и некоторыми другими, и в наше время — д-ром Педронно во Франции. Однако, наиболее интересные сообщения о *цвето-звуковых* феноменах можно найти в статье А. де Роша ("La Nature", 1885, No. 626, стр. 406 и далее), который работал с неким джентльменом по имени "Н. Р."

Далее следует короткое резюме этой работы.

Н. Р. — это человек 57 лет, адвокат по профессии, проживающий ныне в предместье Парижа, страстный любитель естественных наук, которые он изучал очень серьезно, любитель музыки, хотя и не являющийся сам музыкантом, путешественник и крупный лингвист. Н. Р. никогда не читал чего-либо о том удивительном явлении, которое приводит к тому, что некоторые люди сочетают звук и цвет, но он был подвержен этому с самого детства. Любое описание чего-либо, воспринимаемое на слух, возбуждало в нем цветовые впечатления. Так, звучание гласных вызывало у него: буква **А** казалась ему темно-красной, **Е** — белой, **И** — черной, **О** — желтой, **U** — голубой; **Ai** — цвет грецкого ореха, **Ei** — бледно-серый, **Eu** — светло-голубой, **Oi** — темно-желтый, **Ou** — желтоватый. Почти все согласные имели темно-серый цвет, тогда как гласная или дифтонг, образуя вместе с согласной слог, окрашивала этот слог своим собственным цветом. Таким образом, **ba, ca, da** — все имеют серо-красный цвет, **bi, ci, di** — цвет золы, **bo, co, do** — желто-серый и т. д. **S** в конце слова, произносимый как шипящая, подобно испанским словам *los campos*, придает слогу, который ему предшествует, металлический блеск. Цвет слова зависит таким образом от цвета образующих его букв, поэтому человеческая речь представляется Н. Р. в виде многоцветных пестрых лент, выходящих изо рта человека, цвета которых определяются окраской гласных, отделенных друг от друга сероватыми полосками согласных.

В свою очередь, разные языки приобретают общую окраску благодаря тем буквам, которые доминируют в каждом из них. Например, немецкий, в котором много согласных, производит

в целом впечатление темно-серого мха; французский выглядит серым, сильно смешанным с белым; английский кажется почти черным; испанский кажется многоцветным с преобладанием желтого и ярко-красного оттенков, итальянский — желтым, смешанным с алым и черным, но с более тонкими или гармоничными сочетаниями оттенков, чем испанский.

Низкий голос производит у Н. Р. впечатление темно-красного цвета, постепенно переходящего в цвет шоколада, а пронзительный звонкий голос предполагает голубой цвет; голос, расположенный между этими двумя крайними вариантами, воспринимается как очень светлый желтый.

Звуки инструментов также имеют характерные для них цвета: звуки пианино и флейты окрашены в голубой, виолончель — в черный, гитара в серебристо-серый и т. д.

Названия музыкальных нот, произнесенных вслух, влияют на Н. Р. так же, как слова. Окраска поющего голоса зависит от его высоты и диапазона, а также от аккомпанирующего инструмента.

Так обстоит дело и с *образами*, произносимыми вслух; но при чтении в уме они окрашиваются для него в тот цвет, которым они написаны или напечатаны. Таким образом форма сама по себе не имеет ничего общего с этими цветовыми феноменами. Тогда как эти впечатления в общем не имеют места вне его самого, но осуществляются в его собственном мозгу, известны и другие чувствительные люди, обнаруживающие еще более любопытные феномены, чем "Н. Р."

Помимо интересной главы, написанной по этому вопросу Гальтоном в его книге "Проблемы человеческих способностей и их развития", мы находим в "London Medical Record" следующее описание впечатлений чувствительного человека: "Как только я *слышу* звуки гитары, я *вижу* колеблющиеся струны, окруженные цветными парами". Пианино вызывает то же самое: "цветные образы начинают парить над клавишами". Один из пациентов д-ра Педронно в Париже¹ постоянно имеет цветные впечатления *вне* его самого. "Как только я слышу хор, составленный из нескольких голосов", — говорит он, — "я *чувствую* большое количество цветных точек, парящих над головами певцов. Я *чувствую* их, потому что мои глаза не получают определенного ощущения; тем не менее я вынужден *смотреть* на них, и когда я *исследую* их, я *чувствую* себя смущенным, потому что я не могу найти эти ярко светящиеся

точки там, где я на них *смотрю*, или скорее там, где я их *чувствую*".

1 "Annales d'Oculistique", ноябрь и декабрь 1882 г.

— "Jornal de Medicine l'Ouest", 4-й квартал за 1882 г.

Наоборот, имеются чувствительные люди, у которых при виде цвета немедленно возникает звуковое ощущение, а также такие, у которых одно особое ощущение создает два других. Некий чувствительный человек не может слышать ударный инструмент без того, чтобы не почувствовать вкус меди во рту во время концерта, и при этом он видит также темно-золотые облака.

Наука исследует такие проявления, признает их реальность и, тем не менее, остается бессильной объяснить их. "*Невроз и истерия*" — это единственный ответ, который можно получить; "собачьи галлюцинации" французских академиков, упоминаемые в "Изиде", до сих пор сохраняют свою ценность в качестве объяснения или *универсальной разгадки* всех подобных феноменов. Но все это кажется естественным, а именно то, что наука бесспорно не способна объяснить этот своеобразный феномен ассоциации *света* и *-мука*, поскольку теория света сама по себе никогда не была целиком доказана и не является до сих пор полностью завершенной.

Пусть наши ученые оппоненты еще немного поиграют в жмурки среди феноменов, находясь без каких-либо оснований на своих вечных физиологических позициях. По-видимому, недалеко то время, когда они будут вынуждены изменить свою тактику или признать себя побежденными даже в случае таких *элементарных* феноменов, как вышеописанные. Но что бы ни сказали или ни сделали физиологи, каковы бы ни были их научные объяснения, гипотезы или заключения в настоящем или в будущем, современные феномены находят свое истинное объяснение при обращении к древним Ведам и другим "Священным книгам Востока". Ибо весьма несложно показать, что ведийские арии были хорошо знакомы со всеми такими тайнами звука и света. *Мысленные корреляции* между "зрением" и "слухом" были в то время столь же известным фактом, как и в наше время, когда человек смотрит на находящиеся перед ним объективные предметы в полдень широко раскрытыми глазами.

Любой изучающий оккультизм, даже самый молодой *чела*, который начал *эзотерически* читать свои Веды, может предположить, что на самом деле означает этот феномен; это просто *циклическое возвращение человеческих организмов к их примитивной форме* во время третьей или даже четвертой коренных рас так называемого допотопного периода. Все говорит в пользу этого, даже исследования таких точных наук, как филология и сравнительная мифология. Со времен седой античности, с периода самого глубокого упадка великих цивилизаций этих рас, предшествовавших нашей пятой расе, следы которых лежат сейчас на самом дне океанов, было известно явление, о котором идет речь. То, что сейчас рассматривается как аномальное явление, было, скорее всего, нормальным для допотопного человечества. И это не пустые слова, чему свидетельством являются два нижеприведенных доказательства.

Благодаря многочисленным данным, полученным в лингвистических исследованиях, филологи начинают поднимать свои голоса и указывать на некоторые наводящие на мысль, хотя и не объясненные до сих пор, факты. 1). Все слова, указывающие на восприятие человеком *света* и *звука* и на связанные с ними понятия, как было показано, *происходят от одних и тех же корней*.¹ 2). В свою очередь, *мифология* обнаруживает очевидный закон (единообразие которого исключает возможность случайности), который привел древних символистов к тому, чтобы представлять всех своих богов *солнца* и все свои *лучезарные* божества — таких как Утренняя Заря, Солнце, или Аврора, Феб, Аполлон и так далее — связанными тем или иным образом с музыкой и пением, то есть со *звуком*, и ассоциированными также с сиянием и цветом.²

1 Воеводский, "Введение в мифологию "Одиссеи".

2 "Эссе о вакхических культах индоевропейских народов".

Если это можно рассматривать только лишь как предположение, то существует и лучшее доказательство в Ведах, где такие понятия, как "звук" и "свет", "слышать" и "видеть", *всегда связаны друг с другом*. В гимне X, 71, 4-й стих, мы читаем: "Кто-то, хотя *и смотрит, не видит речи, а* другой, хотя *и видит, не слышит* ее". И опять-таки в седьмом стихе, в котором встреча друзей представлена как соревнование друг с

другом в пении, они характеризуются двумя определениями, помещенными рядом друг с другом, — *акшаванта* и *карнаванта*, — то есть "тот, кто снабжен глазами" и "тот, кто снабжен ушами". Последнее естественно — певец имеет *хороший музыкальный слух*, и этот эпитет вполне уместен в свете музыкального состязания. Но какой же смысл может иметь в этом случае акшаванта, то есть хорошее зрение, помимо того, что имеется связь и смысл, не объясненные до сих пор, поскольку этот гимн относится к зрению в тем времена, когда *зрение* и *слух* были синонимичными понятиями? Более того, филолог и начинающий приобретать известность ориенталист¹ говорит нам, что "глагольный санскритской корень *arc* имеет два значения — *петь* и *светиться*, то есть испускать лучи. Существительные *rc* и *arka*, производные от корня *arc*, используются для обозначения, во-первых, *песни* и *гимна*, и во-вторых, *сверкания*, луча, солнца... По представлениям древних, речь могла быть видимой"... — объясняет он. Что скажет на это Эзотерическая доктрина, дающая универсальное решение всем научным проблемам и тайнам? Она отошлет нас к главе об "Эволюции Рас", в которой древний человек показан в процессе его эволюции, протекающей в физическом плане путем развития одного чувства в каждой из последующих рас (которых всего семь), начиная с первой Коренной расы в течение 4-го цикла на этой планете.²

1 Профессор Овсяннико-Куликовский, автор эссе "О вакхических культах".

2 См. "Эзотерический буддизм" — циклы, мировые периоды и подрасы. Глава, на которую дается ссылка, появится в "Тайной Доктрине", которая вскоре будет опубликована.

Человеческая речь, как нам известно, возникла в Коренной расе, предшествовавшей нашей — *четвертой*, или расе "атлантов", — в самом ее начале, в первой подрасе; и одновременно с ней развилось зрение, как физическое чувство, — тогда как другие четыре чувства (с двумя дополнительными — шестым и седьмым — о которых наука пока ничего не знает) оставались в своем латентном, недоразвитом состоянии в физическом смысле, хотя они и были полностью развиты в духовном отношении. Наше чувство *слуха* развилось только в третьей подрасе. Таким образом, если человеческая "речь", из-

за отсутствия чувства слуха, была вначале даже чем-то меньшим чем то, что мы сейчас могли бы назвать как шепот, поскольку это было скорее мысленное произнесение звуков, чем что-либо другое, что-то похожее на те системы, которые разработаны сейчас для глухих и немых, то легко понять, как, начиная с тех далеких дней, "речь" становилась связанной со "зрением", или, другими словами, люди могли понимать друг друга и *говорить* с помощью одного лишь *зрения* и *прикосновения*. "Звук *видишь* до того, как он услышан", — говорится в книге *Киу-ти*. Вспышка молнии предшествует удару грома. По мере того как движется время, человечество все ниже и ниже погружается в *материальное*, физическую пелену, закрывающую духовное, до тех пор, пока весь набор чувств — который сформировал во время первых трех Коренных рас лишь одно Чувство, а именно *духовное восприятие* — в конце концов окончательно распадается, образуя таким образом пять отдельных чувств...

Но мы принадлежим к пятой расе и уже миновали верхнюю точку цикла нашей подрасы. Со временем, когда эти явления и увеличение числа чувствительных органов в нашем веке будут доказаны, это человечество будет быстро двигаться по пути чистой духовности и достигнет вершины (*нашей* расы) в конце седьмой подрасы. Выражаясь более ясно и *полно* (я боюсь, что более *ясно* и *полно* — лишь для некоторых теософов), мы должны быть в этот период на том же уровне духовности, который был свойственен и естественен для первой подрасы третьей Коренной расы 4-го цикла; и вторая половина его (то есть та, в которой мы сейчас находимся), согласно с законом соответствия, будет протекать параллельно с *первой* половиной 3-его цикла. По словам того, в ком живут Истина и Мудрость (хотя Его слова часто недопонимают и критикуют не только невежественные люди, но даже некоторые теософы), "в первой половине 3-его цикла примордиальная духовность человека померкла вследствие ее омрачения нарождающейся ментальностью"; человечество находилось в первой половине этого цикла в *фазе спада*, а во второй половине — в фазе роста: это значит, что "его (человека) *гигантская* фигура уменьшилась, а его тело улучшилось по своей структуре; и он стал более разумным существом, хотя и все еще более близким к человекообразной обезьяне, чем к бого-человеку". И если это так, то, согласно тому же самому закону соответствия, неизбежному в системе циклов, мы должны придти к следующему заключению: что последняя половина нашего

цикла (соответствующая, как это показано, первой половине 3-его цикла) должна снова стать покрытой возрождающейся "примордиальной" духовностью, которая в конце 4-го цикла почти затмит нашу действительную ментальность, то есть холодный *человеческий* Разум.

На основе того же закона соответствий — как это будет показано и подробно объяснено в "Тайной Доктрине", которая вскоре будет опубликована, — цивилизованное человечество скоро начнет обнаруживать себя менее "рациональным" в *мирском плане*, и, во всяком случае, скорее бого-подобными, чем "похожими на обезьян" — какими мы являемся, к нашему глубокому сожалению, сейчас.

Я могу закончить замечанием о том, что, поскольку наши естественные склонности, являющиеся все еще "обезьяноподобными", вынуждают нас (в индивидуальном и коллективном аспекте) опасаться, что мы будем выброшены общественным мнением из той области, где все небольшие тела притягиваются к центру нашей общественной солнечной системы — к Науке и ее авторитетам, — то следует изыскать какое-либо средство против такого бедственного положения дел. Поэтому я намереваюсь показать в этой статье, что, поскольку мы находимся лишь в пятой подрасе Пра-расы, и никто из нас не доживет до седьмой, когда все улучшится естественным путем, — то не имеет смысла возлагать наши надежды на науку, будь она ортодоксальной или полуеретической. Люди науки не могут помочь миру понять основную причину явлений, которую им невозможно будет объяснить даже самим себе, поскольку они находятся в этом цикле. Они не смогут ни понять, ни объяснить ее, так же как и все остальные, не знакомые с оккультизмом и скрытыми законами, которые управляют природой и человечеством. Люди науки беспомощны в этом случае, и несправедливо обвинять их в дурных намерениях, или в отсутствии доброй воли, как это часто делается. Их *рациональность* (которую в этом случае следует рассматривать как *интеллект*, но не разум) никогда не может помочь им обратить свое внимание на оккультное исследование. Поэтому бесполезно требовать или ожидать от ученых нашего века того, что они абсолютно неспособны сделать для нас, до тех пор, пока следующий цикл не изменит полностью их *внутреннюю* природу путем "усовершенствования структуры" их духовного ума.

Выше уже было отмечено, что ни медицинские факультеты, ни научные организации в области физических наук ни в коей мере не могут объяснить *primum mobile*, или основную причину даже простейшего явления, за исключением причин чисто физиологического характера; и если они не обратятся за помощью к оккультизму, они будут повергнуты ниц еще до конца XX столетия.

Это кажется чересчур смелым утверждением. И тем не менее оно полностью подтверждается заявлениями некоторых авторитетов в области медицины о том, что *никакое явление не существует, если оно не вызвано физиологическими и чисто физическими причинами*. Они могли бы перевернуть это заявление и сказать, что *никакое окончательное исследование невозможно, если оно основано лишь на физиологических и физических причинах*. Это было бы правильно. Они могли бы добавить также, что, будучи людьми точной науки, они не могут использовать других методов исследования. Поэтому, проводя свои опыты в определенных рамках, они могли бы воздерживаться от того, чтобы объявлять о решении *своей* задачи. В этом случае эти явления могли бы перейти в ведение трансценденталистов и философов, рассуждающих о них. Если бы они высказывались в таком чистосердечном духе, никто не имел бы права упрекать их в том, что они не выполняют своего долга: ибо они сделали бы максимум того, что могут в данных обстоятельствах, и, как это будет сейчас показано, они и не могли бы сделать большего. Однако, в наше время врачи, которые сводят все к "невропатии", препятствуют прогрессу истинно психологического познания. Пока имеется отверстие, хотя и очень небольшое, для проникновения луча от высшего *Эго* человека, изгоняющего темноту чисто материалистических концепций из месторасположения его интеллекта, и заменяющего ее светом, исходящим из того плана бытия, который совершенно неизвестен обычным чувствам, — эти врачи никогда не будут иметь полного успеха. И, поскольку, для того, чтобы все такие аномальные случаи проявились для наших физических и духовных чувств, другими словами, для того, чтобы они стали объективными, — для этого порождающие их причины всегда должны быть смешаны между двумя сферами, или планами бытия — физическим и духовным, — то вполне естественно, что материалист будет различать лишь те из них, с которыми он знаком, и останется слеп ко всем остальным. Нижеследующий пример сделает это ясным для всякого интеллектуального читателя.

Когда мы говорим о свете, тепле, звуке и т. д., — что мы имеем ввиду? Каждое из этих естественных явлений *существует per se* [само по себе]. Но для нас оно не существует независимо от наших органов чувств, и оно существует только в той степени, в какой воспринимается соответствующими ему чувствами. Ни в коей мере не будучи глухими или слепыми, некоторые люди обладают гораздо менее острым слухом и зрением, чем окружающие; и это хорошо известный факт, что наши чувства могут развиваться и быть подвергнуты тренировке так же, как и наши мышцы, — посредством упражнений. Это старая аксиома: нужен глаз для того, чтобы солнце могло проявить свой свет; и хотя солнечная энергия существует начиная с первой вибрации нашей манвантары и будет существовать вплоть до мертвящего дыхания пралайи, все же, если определенная часть этой энергии не произведет в нас те изменения, которые мы называем восприятием света, то киммерийская тьма заполнит космос, и мы будем отрицать само существование солнца. Наука делает различие между двумя энергиями — тепловой и световой. Но та же самая наука учит нас, что создание, или существо, в котором соответствующие внешние воздействия произвели бы одинаковые изменения, не смогло бы обнаружить какую-либо разницу между теплом и светом. С другой стороны, то создание, или существо, в котором темные лучи солнечного спектра вызвали бы изменения, которые в нас производятся яркими лучами, увидело бы свет там, где мы не видим ничего.

А. Бутлеров, профессор химии и выдающийся ученый, дает нам много примеров такого рода. Он указывает на наблюдения, сделанные Джоном Леббоком в отношении чувства цвета у муравьев. Этот выдающийся ученый обнаружил, что муравьи не позволяют своим яйцам оставаться на свету, и немедленно уносят их из освещенного участка в темное "место. Но когда луч *красного* цвета был направлен на эти яйца (личинки), муравьи не трогали их, как если бы они были в полной темноте: они хранят свои яйца независимо от того, падает ли сверху красный свет, или же существует полная темнота. Красный свет для них как бы не существует: поскольку они его не видят, он для них все равно, что темнота. Впечатления, оказываемое на них яркими лучами, очень слабы, особенно, если они близки к красному, то есть в оранжевой и желтой части спектра. Наоборот, они кажутся исключительно восприимчивыми к таким лучам, как голубой, синий и фиолетовый. Когда их гнезда освещали частично фиолетовым

и частично красным светом, они немедленно переносили свои яйца из фиолетовой в красную область. Таким образом, для муравья наиболее яркими из всех лучей солнечного спектра являются фиолетовые, поэтому их чувство цвета совершенно противоположно аналогичному чувству человека.

Этот контраст еще более усиливается благодаря другому факту. Помимо видимой части солнечного спектра, в нем содержатся так называемые тепловые лучи (ультракрасные) и химические (ультрафиолетовые). Мы не видим ни тех, ни других и называем их невидимыми *лучами*; муравьи же воспринимают их прекрасно. Поскольку, как только их яйца подвергаются действию этих невидимых лучей, муравьи утаскивают их из этого совершенно темного (для нас) поля в то, которое освещено *красным светом*; таким образом, для них *химические лучи являются фиолетовыми*. "Благодаря такой особенности, предметы, которые видят муравьи, выглядят для них совершенно по-другому, чем для нас; очевидно, что эти насекомые обнаруживают в природе такие цвета и оттенки, о которых мы не имеем и не можем иметь ни малейшего понятия. Примем на мгновение, что в природе существуют такие объекты, которые поглощали бы все лучи солнечного спектра и отражали бы только химические лучи: такие предметы остались бы *совершенно невидимыми для нас*, тогда как муравьи воспринимали бы их очень хорошо", — говорит этот профессор.

И опять-таки, пусть читатель вообразит на мгновение следующее: что во власти человека имелась бы такая возможность, с помощью тайных знаний, во-первых, изготовить некий "предмет" (назовем его *талисманом*, если угодно), который, удерживая на тот или иной период времени лучи "солнечного спектра" в некоторой определенной точке, позволит владеющему им оставаться невидимым для всех, поскольку он помещает и удерживает себя внутри химических, или невидимых, лучей спектра; и во-вторых, наоборот, приобрести способность с помощью тех же самых невидимых лучей видеть то, что обычный человек, не имеющий такого "талисмана", никогда не сможет увидеть своим обычным невооруженным глазом! Это может быть простым предположением, или же серьезным утверждением, о чем знают все люди науки. Они протестуют лишь против того, что называется существующим сверхъестественно, то есть выше *их* Природы или вне ее; они не имеют права возражать против

принятия *сверхчувственного*, поскольку оно показывает ограниченность нашего чувственного мира.

То же самое хорошо видно и в акустике. Многочисленные наблюдения показали, что муравьи совершенно глухи к тем звукам, которые мы слышим; но это вовсе не является поводом для того, чтобы мы думали, что муравьи вообще не имеют слуха. Совсем наоборот; основывая свое утверждение на многочисленных наблюдениях, тот же ученый полагает, что необходимо признать тот факт, что муравьи слышат звуки, "но только не те, которые можем воспринимать мы сами".

Каждый орган слуха чувствителен к вибрациям определенной частоты, но в случае различных творений такие частоты могут очень легко не совпадать. И это верно не только в отношении тех существ, которые полностью отличаются от людей, но даже и у тех смертных, которые имеют необычную организацию — *ненормальных*, как их называют — либо естественным образом, либо посредством тренировки.¹

1 Пример жителей Кашмира, особенно это касается девушек, которые производят платки, приведен в "Изиде". Они воспринимают на 300 оттенков больше, чем доступно европейцам.

Наше *обычное* ухо, например, не воспринимает вибрации превосходящие 38 000 колебаний в секунду, в то время как органы слуха не только муравьев, но также и некоторых смертных — *тех, кто знает способ предохранения среднего уха от причинения ему вреда и способ возбуждения определенных взаимосвязей в эфире* — могут быть очень чувствительны к вибрациям много превышающим 38 000 колебаний в секунду; таким образом, такой орган слуха — "ненормальный" лишь в рамках точной науки — может давать своему хозяину (человеку или муравью) возможность наслаждаться звуками и мелодиями природы, которые среднее ухо обычного человека вовсе не воспринимает. "Там, где для наших органов чувств царит глубокое молчание, тысячи разнообразных звуков могут доставлять удовольствие слуху муравья", — говорит профессор Бутлеров,¹ цитируя Леббока; — "и эти крошечные, смысленные насекомые могут, таким образом, рассматривать нас с теми же основаниями, как и мы их, — то есть, как глухих и полностью неспособных наслаждаться музыкой природы, только лишь потому, что они

остаются невосприимчивы к звукам выстрела, человеческого крика, свиста и т. п."

Вышеприведенные примеры убедительно показывают, что научное знание о природе неспособно соответствовать полностью и целиком всему тому, что существует в ней и может быть обнаружено. Даже не пересекая границ иных разнообразных сфер и планет и оставаясь строго в пределах нашего земного шара, становится очевидно, что в нем существуют тысячи и тысячи вещей, которые невидимы, неслышимы и неосязаемы для обычных человеческих органов чувств. Но если мы примем, только в качестве аргумента, что может существовать — в стороне от сверхъестественного — наука, которая обучает смертных тому, что может быть названо сверхчувственной химией и физикой; выражаясь яснее — *алхимией* и *метафизикой конкретной*, а не абстрактной, природы, — то многие затруднения исчезнут. Ибо тот же профессор доказывает: "Если мы видим свет там, где другое существо пребывает погруженным во тьму; и не видим *ничего* там, где оно испытывает воздействие световых волн; если мы слышим один вид звуков и остаемся глухими к другому виду, который, тем не менее, слышат крошечные насекомые — не ясно ли то, что не природа в ее, так сказать, первичном незащищенном виде, является предметом изучения нашей науки и ее анализа, но просто те изменения, чувства и восприятия, которые она в нас пробуждает? И лишь в соответствии с этими изменениями мы можем делать наши заключения о внешних вещах и природных силах, и таким образом создается нами самими представление об окружающем нас мире. То же самое и в отношении какого-либо "ограниченного" существа: суждение о внешнем складывается только благодаря изменению, которое создается в нем таким же образом".

1 "Научные письма", X.

И то же, мы думаем, относится и к материалисту: он может судить о психических феноменах только по их внешнему виду, и никакое изменение не создается (и не может быть создано) в нем для того, чтобы открыть его внутренний взор для духовного аспекта этих явлений. Невзирая на обоснованную позицию ряда выдающихся деятелей науки, которые, будучи убежденными в истинности "духовных явлений", стали спиритуалистами; несмотря на то, что они — подобно

профессорам Уоллесу, Хэеру, Цельнеру, Вагнеру, Бутлерову — использовали по этому поводу все аргументы, которые могли предложить им их большие познания, — их оппоненты все же имели до сих пор лучшие аргументы. Некоторые из них не отрицают факт появления феноменов, но считают, что основным моментом в этом великом споре между трансценденталистами спиритуализма и материалистами является просто природа *действующей силы*, *primum mobile* или движущей энергии. Они настаивают на таком основном пункте: спиритуалисты неспособны доказать, что это действие производится *разумными духами* или *бестелесными человеческими существами* "так, чтобы удовлетворить требованиям точной науки, или неверующей публики по существу этого вопроса". Если смотреть с этой точки зрения, то их позиция представляется неуязвимой.

Читатель-теософ легко поймет, что не является существенным, есть ли это отрицание просто "духов" или какого-либо другого разумного существа, будь оно человеческим, недочеловеческим, или сверхчеловеческим, или даже Силой — если это неизвестно науке, или *a priori* отрицается ей. Ибо она пытается точно ограничить такие проявления только теми силами, которые находятся в сфере естественных наук. Коротко говоря, она категорически отрицает возможность математически доказать то, в отношении чего спиритуалисты настаивают, что они это уже продемонстрировали.

Поэтому становится очевидным, что позицию теософа, или скорее оккультиста, намного труднее соотнести с современной наукой, чем даже позицию спиритуалиста, ибо большинство людей науки питают отвращение не к явлениям как таковым, но к природе предполагаемого действующего фактора. Если, в случае "спиритических" феноменов против них выступают только материалисты, то в нашем случае это не так. Теория "духов" должна спорить только с теми, кто не верит в сохранение души человека. Оккультизм поднимает против себя целый легион академий; поскольку, помещая на второе место (если вообще не на задний план) любой сорт "духов", добрых, злых и безразличных, он отваживается отрицать несколько наиболее существенных научных догм; и в этом случае равным образом возмущены и идеалисты, и материалисты от науки, ибо и те и другие, сколь бы не расходились они по своим личным взглядам, выступают под одним и тем же знаменем. Имеется лишь одна наука, даже если в ней и существуют две различные школы — *идеалистическая* и *материалистическая*;

и обе они равным образом являются авторитарными и *ортодоксальными* в научных вопросах. Немного было среди нас тех, кто требовал научного мнения об оккультизме, кто думал об этом, или понимал важность этого. Наука, пока она полностью не перестроится, не может вмешиваться в оккультные исследования. Оккультные явления, если даже их исследовать самыми современными научными методами, окажутся во много раз более трудными для объяснения, чем ясные и простые спиритические.

После того, как мы в течение почти десяти лет пытались разобраться в аргументах многих ученых оппонентов, которые или признавали, или отрицали эти феномены, сейчас делается попытка решительно поставить этот вопрос перед теософами. После того, как они прочтут то, что я должна сказать, до конца, им останется использовать свои

суждения по существу дела и решить, имеется ли у нас хотя бы капля надежды получить в этой четверти века если не эффективную помощь, то во всяком случае возможность быть беспристрастно выслушанными для пользы оккультных наук. Мне кажется, что мы не можем ожидать этого ни от кого, и даже от тех, чье внутреннее чувство заставило их принять реальность медиумических явлений.

И это естественно. Каковы бы они ни были, они являются людьми современной науки, хотя бы до того они и были спиритуалистами; и если не все, то, во всяком случае, некоторые из них скорее отреклись бы от своей связи и своей веры в медиумов и спиритов, чем от каких бы то ни было значительных догм ортодоксальной науки. И они отвергли бы тех немногих, которые обратились бы к оккультизму и приблизились к порогу великой Тайны, движимые духом истинного исследования.

В этом и состоит та сложность, которая лежит в основе нынешних затруднений теософии; и несколько слов, сказанных по этому вопросу, не могут быть несвоевременными, тем более, что вся эта проблема пребывает в скрытом виде. Те теософы, которые не являются оккультистами, не говоря уж о людях науки, не могут помочь исследователям. Оккультисты-теософы работают по определенным направлениям, за пределы которых *они не осмеливаются выйти*. Их уста замкнуты, их объяснения и демонстрации ограничены. Что они могут сделать? Наука никогда не удовлетворится объяснением наполовину.

Знать, сметь, хотеть и хранить молчание — это столь хорошо известный девиз каббалистов, что кажется совершенно излишним повторять его здесь. Все же это может иметь смысл как напоминание. Ибо мы говорим или *слишком много*, или *слишком мало*. И я очень сильно опасаюсь, что справедливо первое. Если это так, то мы уже искупили нашу вину за это, поскольку мы первые пострадали за то, что говорили *слишком много*. Даже эта малость позволила ввергнуть нас в ужасные трудности четверть века назад.

Наука (я имею ввиду западную науку) должна продвигаться по строго определенным направлениям. Она гордится своей силой наблюдения, индукции, анализа и способностью делать выводы. Если ей предстоит исследовать явление аномальной природы, она должна проанализировать его. До самого основания, или оставить его в покое. Именно это она и должна делать, и, как мы показали, она не может использовать какие-либо другие методы, кроме индуктивных, основанных исключительно на показаниях физических чувств. Если же эти чувства, вместе с научной *проницательностью*, окажутся не соответствующими задаче, то исследователи обратятся за помощью к полиции и не решатся ее использовать, как это было в истории на примере Лоудана, салемского дела о ведьмах, Морзина и др.: Королевское общество, призывающее Скотланд-Ярд, и Французская академия — своих собственных *стукачей*, которые будут, конечно, действовать своим собственным путем, похожим на работу детективов, для того, чтобы помочь науке выйти из затруднений. Будут выбраны два-три случая "исключительно подозрительного характера" (разумеется, с внешней стороны), а остальные будут объявлены не имеющими значение и как зараженные от этих избранных. Показания очевидцев будут отвергнуты, а свидетельства недоброжелательных людей, говорящих на основании слухов, будут приняты как "неопровержимые". Пусть читатель обратится к двадцатитомным трудам де Мирвиля и де Мюссе, охватывающим свыше ста лет напряженных исследований различных явлений, проводимых наукой, и он сможет лучше оценить способы, которыми в таких случаях действовали люди науки, и часто — весьма почтенные.

Чего же можно ожидать в таком случае даже от *идеалистической* школы науки, приверженцы которой составляют столь малое меньшинство? Они являются трудолюбивыми исследователями, и некоторые из них

открыты любой истине без исключения. Даже в том случае, если бы они не утратили свое лицо, если бы имевшиеся у них взгляды оказались ошибочными, в ортодоксальной науке имеются такие догмы, через которые они *никогда бы не осмелились переступить*. Таковы, например, их аксиоматические представления о законе, гравитации, а также современной концепции Силы, Материи, Света и т. д., и т. п.

В то же время мы должны иметь ввиду действительное состояние цивилизованного человечества, и не забывать о том, каково отношение его культурных классов к любой идеалистической школе мысли, не говоря уж о какой-нибудь оккультной проблеме. С первого же взгляда мы обнаруживаем, что две трети из их числа поражены тем, что может быть названо грубым и практическим материализмом.

"Теоретическая материалистическая наука не признает ничего, кроме МАТЕРИИ. Материя — это ее божество, ее единственный Бог". Нам говорят, что практический материализм, с другой стороны, имеет дело лишь с тем, что прямо или косвенно приводит к личной пользе. "Золото является ее идолом", — справедливо отмечает профессор Бутлеров¹ (спиритуалист, который, однако, никогда не мог принять даже элементарных истин оккультизма, поскольку он "не может понять их"). — "Груда материи", — добавляет он, — "любимая субстанция теоретических материалистов, превращается в кучу мусора в нечистых руках этического материализма. И если первые придают лишь небольшое значение внутренним (психическим) состояниям, которые недостаточно совершенно обнаруживаются во внешних показателях, то последние полностью игнорируют внутренние состояния жизни... Духовный аспект жизни не имеет никакого значения для практического материализма, поскольку все заключено для них во внешнем. Восхищение этим внешним находит свое главное оправдание в догмах материализма, который его и легализовал".

¹ "Научные письма", X.

Это дает ключ к пониманию всей ситуации. Теософам, и особенно оккультистам, нечего, таким образом, ожидать от материалистической науки и материалистического общества.

Поскольку такое положение вещей принято в качестве *повседневного распорядка* нашей жизни, — хотя мы и верим,

что то, что мешает высочайшим нравственным устремлениям человечества, не может быть долговечным, — что же мы можем поделать кроме того, чтобы смотреть вперед с надеждами на лучшее будущее? Вместе с тем, никогда не следует терять мужества; ибо если материализм, который разрушил небеса и стихии, и чей выбор состоял в том, чтобы сделать из безграничного Космоса не вечное жилище, но темную и ограниченную могилу, отказывается взаимодействовать с нами, мы не можем сделать ничего лучшего, чем оставить его в одиночестве.

Но, к сожалению, этого не происходит. Никто не говорит больше, чем материалист, о точности научного наблюдения, о правильном использовании чьих-либо чувств или разума, тщательно освобожденных от каких-либо предвзятостей. Однако, привилегия говорить в пользу феноменов, исследованных в том же самом научном духе беспристрастия и справедливости, будет дана ученому не ранее, чем его показания станут не заслуживающими внимания. "Однако, если столько научных умов", — пишет профессор Бутлеров, — "привыкших за многие годы обучения к тончайшим наблюдениям и проверкам, удостоверяют определенные факты, тогда кажется *prima facie* [на первый взгляд] невероятным, что бы они все вместе ошибались". "Но они *ошибаются*, и наиболее смехотворным образом", — отвечают его оппоненты; и в этот раз мы с ними заодно.

Это возвращает нас к старой аксиоме эзотерической философии: "*ничто из того, что не существует где-либо — в видимом или невидимом космосе, — не может быть воспроизведено в действительности или даже в человеческой мысли*".

"Что это за бессмыслица?" — воскликнул бы воинственный теософ, выслушав это. — "Предположим, я думаю об одушевленной башне с комнатами внутри нее и о человеческой голове, приближающейся ко мне и говорящей со мной. Может ли быть такое во вселенной?"

"Или попугай, вылупляющиеся из миндальных орехов?" — скажет другой скептик. Почему бы и нет? — был бы ответ, — но, конечно, не на этой земле. Но откуда мы знаем, что не может быть таких существ, которые вы описываете — башнеподобных тел и человеческих голов, — на какой-либо другой планете? По словам Пифагора: воображение — это ни что иное, как память о предшествующих рождениях. Вы сами

могли быть таким "человеком-башней" для тех, кого вы Знаете, с комнатами внутри вас, в которых ваша семья находит убежище, подобно маленьким кенгурятам. Что касается попугаев, вылупляющихся из миндальных орехов, — то никто не может поклясться, что такого никогда не было в природе, в далекие-далекие дни, когда эволюция в большом количестве порождала еще более удивительные явления. Птица, вылупляющаяся из древесного плода, — это может быть одно из тех бесчисленных слов, утраченных эволюцией так много лет назад, что даже последний отголосок его эха исчез в шуме Потопа. "Минерал становится растением, растение — животным, животное — человеком", и т. д., — говорят каббалисты.

Говоря о показаниях и о надежности чувств, следует отметить, что даже величайшие люди науки были некогда уличены в том, что они не только верят в это, но и учат этому *как истинно научному факту*.

"Когда же это было?" — последовал бы недоверчивый вопрос. "Не так уж давно, в конце концов; примерно 280 лет назад, в Англии". Странная вера в то, что существует некий вид морских птиц, которые вылупляются из определенного плода, до самого конца XVI века ограничивался не только жителями английских портовых городов. Было время, когда большинство ученых твердо считали это фактом. Определенные деревья, произрастающие на побережье моря (походящие на магнолию), ветви которых, обычно, были погружены в воду, имели плоды, которые, как это утверждалось, постепенно превращались в определенный вид ракообразных, из которых уже через некоторое время возникала морская птица, известная в старых книгах по естественной истории как "Морская утка". Некоторые натуралисты считали эту историк) бесспорным фактом. Они наблюдали и исследовали ее многие годы, и "это открытие" было принято и одобрено величайшими авторитетами своего времени, и опубликовано под покровительством некоторых ученых обществ. Одним из таких ученых, верящих в "морскую утку", был Джон Джерард, ботаник, который известил мир об этом удивительном феномене в своей ученой работе, опубликованной в 1596 году. В этой книге он описывает это явление и объявляет его *"фактом, о котором свидетельствуют его собственные чувства"*. "Я видел это сам", — говорит он, — "проверяя плод-яйцо день за днем", лично наблюдая за его ростом и развитием, и ему удалось присутствовать при рождении одной такой

птицы. Сначала он увидел ноги птицы, медленно выползающие из разбитой скорлупы, затем и все тело маленькой морской утки, "которая сразу же начала плавать".¹ Ботаник был столь уверен в истинности всего этого, что он оканчивает свое описание приглашением к любому, кто сомневается в реальности того, что он видел, придти и встретиться с ним, Джоном Джерардом, и тогда он сделал бы его очевидцем всего происходящего. Другой английский ученый, бывший в свое время авторитетом, Роберт Мюррей, ручается за реальность трансформации, очевидцем которой он также был.² Другие ученые, современники Джерарда и Мюррея — Фанк, Алдрованди и многие другие, — разделяли это убеждение.³ Итак, что же можно сказать об этой "морской утке"?

1 Из "Научных Писем", письмо XXIV, "Против научного доказательства в вопросе о феноменах".

2 Он говорит об этом превращении в таких словах (перевод с латинского): "В каждой раковинке, которую я открывал, после превращения плода в ракушку, я находил точную, хотя и миниатюрную копию морской птицы: маленький клюв, похожий на гусиный, и хорошо различимые глаза; голова, шея, грудь, крылья, уже сформированные ноги, хорошо выраженные перья хвоста, окрашенные в темный цвет, и т. д., и т. п."

3 Очевидно, что эта идея была общепринятой во второй половине 17-го века, поскольку она нашла свое место в "Гудибрасе", прекрасно отражающем взгляды своего времени:

*Как слизняки в петухов индейских
Превращаются на островах
Оркнейских.*

Ну, я, скорее, назвала бы это "уткой Джерарда-Мюррея", и этим все сказано. И нет никакой причины смеяться над такими ошибками ученых старого времени. Не пройдет и двухсот лет, как наши потомки будут иметь гораздо лучший повод посмеяться над современными поколениями академиков и их последователями. Но отвергающий эти феномены, тот, кто цитировал историю "о морской утке", совершенно прав; хотя этот пример прокладывает, конечно, оба пути, и если кто-то

рассматривает это как доказательство того, что даже научные авторитеты, верящие в спиритуализм и феномены, могут сильно заблуждаться несмотря на все свои наблюдения и научное образование, то мы можем направить это оружие в другую сторону и считать приведенные факты доказательством того, что никакая "проницательность" и поддержка со стороны науки не могут доказать феномен, "относящийся к мошенничеству и излишней доверчивости", хотя бы очевидцы и принимали его по меньшей мере за факт. Это лишь показывает, что доказательства, полученные от научных и хорошо тренированных чувств и наблюдений, могут быть столь же ошибочными, как и у любых других смертных, особенно в тех случаях, когда феноменальные проявления пытались опровергнуть. Даже коллективное наблюдение не приводит ни к чему, если феномен относится к плану бытия, названному (в данном случае неуместно) некоторыми учеными четвертым измерением пространства, и когда другие ученые, исследующие его, не имеют *шестого чувства*, соответствующего этому плану.

В литературной полемике, произошедшей несколько лет назад между двумя выдающимися профессорами, было немало сказано об этом, ныне вновь знаменитом, четвертом измерении. Один из них, говорящий читателям, что он признает возможность лишь "земных естественных наук", то есть, точной или индуктивной науки, "или точного исследования только тех феноменов, которые имеют место в наших *земных состояниях пространства и времени*", утверждает, что он никогда не сможет позволить себе проглядеть возможности будущего. "Я бы напомнил моим коллегам", — добавляет профессор-спиритуалист, — "что наши выводы из того, что мы уже установили благодаря исследованию, должны идти много дальше нашего чувственного восприятия. Границы нашего чувственного знания должны быть подвергнуты постоянному расширению, и границы дедукции — еще большему. Кто сейчас осмелится определить эти границы в будущем? Существовая в трехмерном мире, мы можем проводить наши исследования и делать наши наблюдения лишь относительно того, что находится в этих трех измерениях. Но что же мешает нам думать о пространстве с большим числом измерений и создавать геометрические построения в соответствии с этим? Оставляя реальность пространства четвертого измерения на время в стороне, мы можем все же перейти к исследованию возможности, нельзя ли

в нашем трехмерном мире иногда встретиться с феноменами, которые могут быть объяснены лишь при предположении существования четырехмерного пространства". Другими словами, "нам следует установить, может ли что-либо принадлежащее к четырехмерным сферам проявиться в нашем трехмерном мире и не может ли оно отражаться в нем"?

Оккультист ответил бы, что наши чувства совершенно неоспоримым образом могут достигать этого плана, и не только в четырехмерном, но даже в пяти и шестимерном мире. Эти чувства должны стать достаточно *спиритуализированными* для этого, поскольку только наше внутреннее чувство может стать медиумом для такой передачи. Подобно тому, как "проекция объекта, существующего в пространстве трех измерений, может появиться на плоской поверхности двухмерного экрана", — четырехмерные существа и предметы могут *отражаться* в нашем трехмерном мире грубой материи. Но, как и от опытного физика требуется убедить свою аудиторию в том, что вещи, "реальные как жизнь", которые они видят на экране, это не тени, но реальности, так же потребовался бы более мудрый человек, чем кто-нибудь из нас, чтобы убедить какого-либо человека науки (и тем более группу ученых), что то, что он видит отраженным на нашем трехмерном "экране", может быть иногда и при определенных условиях вполне реальным явлением, созданным "силами четырехмерного пространства" и отраженным от них для его собственного удовольствия и для того, чтобы убедить его. "Ничто так не обманчиво с виду, как голая правда", — гласит каббалистический афоризм; — "истина часто причудливей, чем любой вымысел", — это всемирно известная аксиома.

Требуется кто-то больший, чем человек нашей современной науки, чтобы осознать такую возможность, как взаимный обмен феноменами между двумя мирами, видимым и невидимым. Необходим в высшей степени духовный или исключительно тонкий, впечатлительный интеллект, чтобы интуитивно отличить реальный от нереального, естественный от искусственно изготовленного "экрана". Однако, наш век является реакционным, висящим на самом конце циклического витка, или того, что от него осталось. Этим объясняется поток феноменов, так же как и слепота определенных людей.

Что же отвечает материалистическая наука на идеалистическую теорию четырехмерного пространства? "Как", — восклицает она, — "неужели вы можете заставить

нас, ограниченных внутри трехмерного пространства, даже думать о пространстве с большим числом измерений! Как это возможно думать о том, что наша человеческая мысль никогда не может вообразить или представить даже в самом туманном виде? Необходимо быть существом совершенно отличным от человека, одаренным совершенно другой психической организацией; коротко говоря, нужно быть не человеком для того, чтобы быть способным мысленно представить четырехмерное пространство, то есть нечто, обладающее длиной, шириной, толщиной — и чем еще?"

Воистину, "что еще?" — поскольку никто из людей науки, защищающих ее, вероятно лишь потому, что они являются искренними спиритуалистами, озабоченными объяснением феноменов посредством этого пространства, по-видимому сами этого не знают. Является ли это "прохождением материи через материю"? Тогда почему они должны настаивать на том, что это является "пространством", тогда как это просто другой *план существования*, — или, во всяком случае, то, что следовало бы подразумевать под этим, — если это имеет какой-либо смысл. Мы, оккультисты, говорим и настаиваем на том, что если требуется некое имя для того, чтобы оно удовлетворяло материальным представлениям о человеке в нашем низшем плане, давайте называть его индийским именем *махас* (или махалока), — именем четвертого мира высшей семеричности, тем, которое соответствует *расатала* (четвертой из семи струн низших миров), — четырнадцати миров, которые "возникают из пятикратного набора элементов"; поскольку оба эти мира окружают современный нам мир четвертого цикла. Каждый индус поймет, что это означает. *Махас* — это высший мир, или, скорее, план существования; а тот план, к которому принадлежит муравей, о котором говорилось выше, он, возможно, самый низкий из низших семеричных систем. И если они назовут его так — они будут правы.

Поистине, люди говорят об этом четырехмерном пространстве, как будто оно является местностью — сферой, вместо того, чтобы быть тем, что оно есть — то есть совершенно отличным состоянием бытия. С тех самых пор, когда это представление воскресло в сознании людей благодаря профессору Цельнеру, это приводило к бесконечной путанице. Как же это произошло? Благодаря глубокому математическому анализу, спиритуалистически мыслящий ученый наконец пришел к достойному похвалы заключению, что наши представления о

пространстве не могут быть непогрешимыми, и что совершенно не доказано то, что, исходя из наших математических вычислений, невозможно допустить существования во Вселенной пространств с большим или меньшим числом измерений. Но, как это хорошо выразил один скептик, — "признание возможности существования пространств с иным количеством измерений, чем наше, не дает нам (высшим математикам) ни малейшего представления о том, чем являются эти измерения в действительности. Принятие существования высшего "четырёхмерного" пространства похоже на признание бесконечности: такое признание не дает нам ни малейшей помощи благодаря которой мы сами смогли бы представить какое-либо из них... все, что мы знаем о таких высших пространствах — это то, что они не имеют ничего общего с нашими представлениями о пространстве" ("Научные письма").

"Наше представление" — означает, конечно, представление *материалистической* науки, оставляющее весьма много места для других, менее научных, но вместе с тем более духовных умов.

Для того, чтобы показать безнадежность использования материалистически мыслящего ума для познания или даже для попытки понять в наиболее далеком и туманном смысле существование среди нас, в нашем трехмерном мире иных высших планов бытия, я процитирую наиболее интересные возражения, сделанные одним из двух наших ученых оппонентов,¹ уже упомянутым ранее, в отношении этого "пространства".

1 "Научные письма", 1883 г., опубликованы в "Новом времени", Санкт-Петербург.

Он спрашивает: "Можно ли представить как объяснение определенных феноменов действие такого фактора, о котором мы совершенно ничего не знаем, и мы являемся несведущими даже в отношении его природы и способностей?"

Может быть, есть такие люди, которые могут что-то "знать", которые не являются столь безнадежно несведущими. Если бы обратились с этим к оккультисту, он бы сказал: "Нет; *точная* физическая наука должна отвергнуть саму эту возможность, иначе такая наука стала бы *метафизической*. Это явление не может быть подвергнуто анализу" — и поэтому объяснено на

основании биологических или даже физиологических данных. Тем не менее, это возможно с помощью индукции — как, например, *гравитация*, о которой мы знаем не больше чем то, что ре таты ее действия могут наблюдаться в нашем трехмерном мире".

Опять-таки, во-первых, "говорят" (защитники этой теории), "что мы живем *исключительно* в нашем трехмерном пространстве! Может быть" (*исключительно*) "поэтому мы имеем возможность осознавать только такое пространство и абсолютно неспособны, в соответствии с нашей организацией, к познанию каким-либо иным, кроме нашего трехмерного, способом!"

Во-вторых, другими словами, "даже наше трехмерное пространство не является чем-то *существующим независимо*, но представляет собой лишь продукт нашего понимания и восприятия".

На первое утверждение оккультизм отвечает, что "невозможность познания" какого-либо другого пространства, кроме трехмерного, приводит к тому, что мы оставляем все остальные в покое. Но она вовсе не "обусловлена нашей (человеческой) организацией", но лишь строением интеллекта тех людей, кто не способен понять чего-либо иного; тех людей, чей организм неразвит духовно и даже ментально в правильном направлении. На второе утверждение следует возразить, что "оппонент" абсолютно ошибается в первой и совершенно прав во второй части своего заявления. Ибо, хотя "четвертое измерение" — если мы должны называть его таким образом — существует не в большей степени *независимо* от нашего восприятия и чувств, нежели наше *воображаемое* трехмерное пространство; оно представляется для существ, рожденных и развившихся в нем, не только некой местностью, но "продуктом *их* понимания и восприятия". Природа никогда не проводит столь строгих линий разделения, не возводит непреодолимых стен, и ее непроходимые "пропасти" существуют лишь в скучных концепциях некоторых натуралистов. Два (и более) "пространства", или плана бытия, являются в достаточной степени смешанными друг с другом для того, чтобы сделать возможной связь между теми из их обитателей, кто способен познавать и высший, и низший планы. И могут быть интеллектуальные существа с двойственной природой так же, как есть и земные амфибии.

Возражающий против существования плана с четырьмя измерениями жалуется на то, что раздел высшей математики, известной сегодня под именем "метаматематика", или "метагеометрия", неправильно используется спиритуалистами. Они "хватаются и держатся за него, как за спасительный якорь". Его аргументы, по меньшей мере, странны. "Вместо того, чтобы доказать реальность своих медиумических феноменов", — говорит он, — "они объясняют их с помощью гипотезы о четвертом измерении". Видим ли мы руку Кэти Кинг, которая исчезает в "неизвестном пространстве" — немедленно на авансцене — то есть *четвертом* измерении; развязываем ли мы узлы на веревке, оба конца которой скручены и склеены — опять-таки это четвертое измерение. С этой точки зрения пространство рассматривается как нечто объективное. Верят, что в природе действительно существуют трех, четырех и пятимерное пространства. Но, во-первых, таким образом мы можем достигнуть с помощью математического анализа бесконечной серии *пространств*. Подумать только, что стало бы с точной наукой, если бы для объяснения феноменов призывались на помощь такие гипотетические *пространства*. "Если бы одно не помогло, мы могли бы обратиться к другому, более высшему, и так далее..."

О, бедный Кант! и все же нам говорят, что одним из его фундаментальных принципов было то, что наше трехмерное пространство не является абсолютным; и что "даже в отношении таких аксиом, как аксиомы эвклидовой геометрии, наше знание и наука могут быть лишь относительно точными и реальными".

Но почему в том, что спиритуалисты пытаются объяснить свои феномены на этом плане, видят опасность для точной науки? И каким иным способом могли бы они объяснить то, что необъяснимо, и что мы анализируем с помощью трехмерных представлений земной науки, если не посредством концепции четвертого измерения? Никакой здравомыслящий человек не станет объяснять "Демона" Сократа формой носа мудреца; или приписывать вдохновение "Света Азии" формой черепа м-ра Эдвина Арнольда. Что стало бы с наукой на самом деле, если бы феномены оставались объясненными с помощью таких гипотез? Мы надеемся, что с наукой не произойдет ничего худшего, чем уже случилось после принятия Королевским обществом современной теории *света* на основании гипотезы универсального *эфира*. Эфир — это не в меньшей мере "продукт нашего представления", чем пространство. И если мы

принимаем первое, то почему мы отрицаем второе? Потому ли, что одно может быть воплощено в наших представлениях, или, как мы скажем, должно быть воплощено, поскольку не было другого способа для объяснения света; и что другое, будучи бесполезным в качестве гипотезы для целей точной науки, — нет?

Поскольку это имеет отношение к оккультистам, они действуют вместе с приверженцами строгой ортодоксальной науки, когда на предложение проделать "эксперимент и наблюдать, могут ли встречаться в нашем трехмерном мире феномены, объяснимые только гипотезой о существовании пространства четырех измерений", отвечают согласием. "Да", — говорят они, — "но даст ли эксперимент и наблюдения нам удовлетворительный ответ на наш вопрос о реальном существовании высшего четырехмерного пространства? или, решит ли он для нас дилемму, неразрешимую со всех сторон, с какой бы к ней подходить? Каким образом могут наше человеческое наблюдение и наши человеческие эксперименты, возможные только *исключительно* в пределах трех измерений, послужить нам отправной точкой для познания феномена, который может быть объяснен *"только если мы примем существование четырехмерного пространства!"*

Мы полагаем, что вышеприведенное возражение совершенно справедливо; и спиритуалисты были бы в проигрыше, если бы они когда-нибудь доказали существование такого пространства или его вмешательства в своих феноменах. Посмотрите, что тогда получится! В том, что, например, кольцо проходит через плоть и переходит из рук медиума на руки исследователя, держащего его за обе руки; или, опять-таки, что цветы или другие материальные предметы проносят через закрытые двери или стены; и что, поэтому, благодаря определенным исключительным условиям, материя может проходить сквозь материю, — показать это и убедить людей науки в этом факте можно будет не раньше, чем вся теория спиритического действия и разумного вмешательства рассыплется в пыль. Трехмерное пространство не могло бы ничему помешать, поскольку прохождение одного тела через другое не имеет отношения даже к метагеометрическим измерениям, и материя при этом была бы наделена учеными людьми еще одним свойством, что усилило бы позиции материалистов. Стал бы мир ближе к решению тайны психики? Будут ли ближе к осуществлению самые благородные устремления человечества после того, как они узнают о действительном духовном

существовании тех планов бытия, которые ныне смешаны с "четырёхмерным пространством", благодаря тому, что точная наука примет как физический закон действие одного человека, умышленно проходящего через физическое тело другого человека, или через каменную стену? Окультисты учат нас, что в конце четвертой расы, материя, которая эволюционирует, прогрессирует и видоизменяется, как и мы вместе с остальным царством природы, приобретет свое четвертое чувство, как это происходит с каждой новой расой. Поэтому, для оккультиста нет ничего удивительного в идее, что физический мир должен развиваться и приобретать новые способности, — то есть произойдет простая модификация материи, новая, как это кажется сегодня науке, столь же непостижимая, сколь были вначале силы течения, звука, электричества. Но что кажется удивительным, так это духовный застой в интеллектуальном мире и в мире высшего экзотерического знания.

Тем не менее, никто не может воспрепятствовать прогрессу даже в малейшем цикле или ускорить его. Но, вероятно, прав был Тацит, говоря: "Истина создается благодаря исследованию и времени; ложь процветает благодаря опрометчивости". Мы живем в век пара и безумной активности, и истина вряд ли может рассчитывать на понимание в этом столетии. Оккультист ожидает благоприятного времени для себя.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИКА

Нашумевшая книга профессора Цельнера¹ об экспериментальном исследовании теории о четвертом измерении пространства при содействии д-ра Генри Слейда,

американского медиума, является одной из наиболее ценных работ, которые когда-либо появились в связи с медиумическими феноменами. Современный спиритуализм произвел практически столько же книг, сколько икры могла бы создать самка сельди, но лишь немногим из них стоило бы появляться на свет. Однако, снова и снова исследование этой проблемы приносит нам такие работы, которые по праву являются безусловным и постоянным вкладом в научный прогресс.

1 "Трансцендентальная физика". Отчет об экспериментальных исследованиях, из научных трудов Иоганна Карла Фридриха Цельнера, профессора физической астрономии Лейпцигского Университета; члена Саксонского Научного Общества, и т. д., и т. д., перевод с немецкого, с предисловием и заключением Чарльза Массея, вице-президента Теософского общества.

Сочинение профессора Цельнера принадлежит к их числу. Это запись серии сеансов с человеком, обладающим одними из самых удивительных "психических способностей" в наше время. Слейд — это человек, который кажется окруженным некой аурой, или магнетической атмосферой, способной до такой степени пропитать предметы около него, что они могут стать субъектами разрушения или восстановления по воле некой разумной силы, которая слышит, соглашается, изъявляет желание и наказывает. Он воображает, что это находящаяся рядом душа его умершей жены, которая, однако, как полагают, время от времени уступает свое место другим "духам", чтобы записать их собственные послания своим (живым) друзьям на их языках, — языках, которые никогда не были известны ни Слейду, ни ей. Большинству медиумов свойственна одна или две формы феноменов. Так, Уильям Эдди создает ходящие и, время от времени, говорящие фигуры умерших людей; мадам Тайер,¹ из Америки, и Гуппи-Волкмен, из Англии, производят целые ливни цветов; Давенпосты показывали из окна кабинета руки, не связанные с телом, и музыкальные инструменты, парящие в воздухе; Фостер показывал написанные кровью имена, которые постепенно исчезали под кожей его руки, и выбирал те же самые имена из разбросанных на столе листков, на которых были написаны различные имена; и так далее.

1 Миссис Мэри Бэкер Тайер из Бостона, шт. Масс., изучению феноменов которой полковник Олькотт посвятил около пяти недель летом 1875 года. См. его отчет в "Old Diary Leaves", том 1. — *Прим. ред.*

Главная особенность Слейда состоит в создании автоматических надписей на грифельных досках в условиях доскональной проверки; но временами он также бывает ясновидящим, вызывает появление в комнате туманных фигур, и, под наблюдением профессора Цельнера, он вызвал серию неизвестных и поразительных феноменов, показывающих прохождение материи через материю. Следует отметить, что этот лейпцигский ученый является одним из наиболее выдающихся астрономов и физиков. Он также глубокий метафизик, друг и коллега самых ярких умов современной Германии. В течение долгого времени он подозревал, что кроме длины, ширины и глубины, существует четвертое измерение пространства, и если это так, то это подразумевает наличие другого бытийного мира, отличного от нашего трехмерного мира, с его собственными обитателями, приспособленными к его четырехмерным законам и условиям, как и мы приспособлены к нашим трехмерным. Он не был изобретателем этой теории; Кант и, позднее, метафизический геометр Гаусс, предвидели возможность этой концепции. Но, из-за отсутствия экспериментальной демонстрации, она оставалась просто интеллектуальным предположением, пока Цельнер не смог решить эту проблему и убедить своих великих коллег: Вебера, Фехнера и Шайбера. Публикация данных этих экспериментов вызвала сильный интерес повсюду в научном мире и породила активные, и даже гневно-обличительные, дискуссии между партиями прогрессивных и консервативных мыслителей. Размеры нашей статьи не позволяют нам дать исчерпывающий обзор книги профессора Цельнера, и поскольку она должна быть в библиотеке каждого человека, который хотел бы придерживаться разумных представлений о силе, материи и духе, мы должны предоставить читателю искать большую часть ее удивительных сообщений на ее страницах.

Вкратце эти факты таковы: Цельнер начал с предположения о том, что, если принять ради аргумента существование мира четырех измерений с его четырехмерными обитателями, то эти последние должны быть способны выполнить простой опыт по завязыванию крепких узлов на веревке без концов (то есть, со связанными концами). Ибо четвертое измерение пространства

— или, должны сказать мы, четвертое качество материи — должно быть проницаемостью. Так, когда он узнал, что медиум Слейд прибыл в Лейпциг, он взял веревку, связал два ее конца вместе и залил их воском, который запечатал своей собственной печатью. Слейд пришел, и профессор Цельнер сел вместе с ним за стол, средь бела дня, их четыре руки лежали на столе, ноги Слейда также были видны, а веревка с запечатанными концами находилась у профессора, причем петля свисала вниз на его колени. Слейд впервые услышал о такого рода эксперименте, и никто не испытывал этот опыт с каким-либо другим медиумом. Через несколько секунд профессор почувствовал слабое движение веревки, (до которой никто не дотрагивался) и, взглянув на нее, к своему удивлению обнаружил, что его желание было удовлетворено. Только, вместо одного узла, на его веревке было завязано сразу четыре. Для такого ученого как он, этот результат; хотя и неизмеримо менее сенсационный, чем сотни медиумических феноменов, был убедительным и очень важным доказательством теории четырех измерений, как падение одного лишь яблока было для Ньютона подтверждением его бессмертной теории притяжения. Это был явный пример прохождения материи сквозь материю, короче говоря, — краеугольного камня всей системы космической философии. Этот эксперимент он повторял много раз в присутствии нескольких свидетелей. В качестве следующего теста он задумал предложить ему освободить два кольца из цельных кусков дерева разного рода (одно из дуба, другое из ольхи), которые он связал кетгутовой веревкой. Он также одел на нее чехол, который он вырезал из резиновой камеры. Затем он запечатал концы веревки, как и в предыдущем эксперименте, и, как и прежде, поместил печать перед собой на столе, позволив петле с двумя деревянными кольцами и чехлом свисать между его коленями. Слейд и он сели — опять-таки, средь бела дня — по обе стороны от стола, все четыре их руки были на виду, также профессор мог видеть и ноги медиума. У дальнего конца стола стояла небольшая подставка с круглым верхом, или чайный столик, с одной прочной ножкой, к которой крепился верх, и с тремя отходящими от нее вниз ножками. Через несколько минут раздался сильный звук, доносившийся со стороны небольшой подставки, как если бы дерево ударялось о дерево, и этот звук повторялся трижды. Они оставили свои сидения и огляделись вокруг; деревянные кольца исчезли с кетгутовой веревки; сама веревка была завязана двумя незатянутыми узлами, через

которые свисала неповрежденная резиновая оболочка. Два цельных деревянных кольца были — где бы вы думали? Они были надеты на главную ножку подставки, без малейшего разрыва или нарушения последовательности своих волокон или волокон этой ножки! Это было наиболее неопровержимое свидетельство того, что материя *может* проходить сквозь материю; короче, для простых людей — "чуда".

В ходе тридцати сеансов, проведенных профессором Цельнером со Слейдом, были получены и многие другие феномены такого рода. Среди них: изъятие монет из герметично закрытой коробки и их проникновение через стол на грифельную доску, которая лежала горизонтально под нижней поверхностью крышки стола; одновременно два кусочка грифеля, которые лежали на ней в начале опыта, были обнаружены в его конце внутри запечатанной коробки. Опять-таки, две кожаные полоски без концов, свободно лежащие под руками профессора Цельнера на столе, соединились друг с другом прямо под его руками, при этом не были нарушены печати и не произошло изменение в волокнах кожи. Книга, взятая с книжной полки и положенная на грифельную доску, которую Слейд частично держал под краем стола, исчезла, и после того, как участники сеанса безуспешно искали ее в течение пяти минут по всей комнате, а затем вновь уселись за стол, она упала прямо с потолка комнаты на стол с громким звуком. В комнате было светло, сеанс происходил в восемь часов утра, и книга упала из точки, противоположной тому месту, где сидел Слейд, поэтому никакая человеческая рука не могла бросить ее. Маленький столик, или подставка, о которой уже упоминалось и до которой никто не дотрагивался, начала медленно качаться. О том, что произошло дальше, пусть расскажет сам д-р Цельнер:

Очень скоро движения усилились, и весь столик, приближаясь к карточному столу, оказался под последним, причем три его ножки были обращены в мою сторону. Ни я, ни, по-видимому, м-р Слейд, не знали о том, как будет дальше развиваться этот феномен,¹ поскольку в течение следующей минуты ничего не произошло. Слейд должен был взять доску и грифель, чтобы спросить своих "духов", должны ли мы ожидать еще чего-либо, в то время как я захотел ближе рассмотреть положение круглого столика, лежащего, как я полагал, под карточным столом. К моему великому удивлению, а также к удивлению м-ра Слейда, мы обнаружили пространство под карточным столом совершенно пустым, и мы не могли найти во всей остальной комнате

этого столика, который еще минуту назад был доступен для нашего восприятия. В ожидании его появления мы вновь уселись за стол, Слейд сел ближе ко мне, в том самом углу стола, который был противоположен тому, у которого стоял до того круглый столик.

1 Движение тяжелых предметов без какого-либо возможного контакта со стороны Слейда было столь обычным, что мы рассматривали перемещение стола лишь как начало дальнейшей последовательности феноменов. — *Прим. Цельнера.*

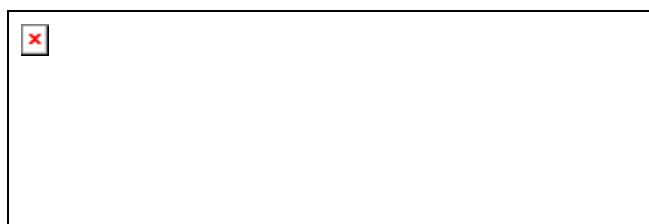
Мы просидели пять или шесть минут в напряженном ожидании его появления, когда внезапно Слейд снова заявил, что он видит свечение в воздухе. Хотя я, как и обычно, был не восприимчив к такого рода вещам, все же я непроизвольно направил свой взгляд в том направлении, куда повернул свою голову Слейд, и в течение всего этого времени наши руки постоянно оставались на столе, сложенные вместе (*übereinander liegend*); под столом моя левая нога во всю ее длину касалась правой ноги Слейда, что было совершенно непреднамеренно и вызвано тем, что мы сидели рядом у одного и того же угла стола. Смотря в воздух с напряжением и удивлением в различных направлениях, Слейд спросил меня, не вижу ли я сильного свечения. Я уверенно ответил, что нет; но как только я повернул мою голову, следя за взглядом Слейда в сторону потолка комнаты за моей спиной, я внезапно обнаружил на высоте около пяти футов до сих пор невидимый стол с ножками, обращенными вверх, очень быстро опускающийся по воздуху на поверхность карточного стола. Хотя мы непроизвольно отдернули наши головы в стороны, Слейд налево, а я направо, чтобы падающий стол не причинил нам вреда, все же мы оба, прежде чем столик приземлился на поверхность карточного стола, столь сильно ударились своими головами с одной стороны, что я чувствовал боль в ее левой половине в течение четырех часов после этого происшествия, которое имело место около половины одиннадцатого.

Англоязычная публика многим обязана м-ру Массею за его перевод и краткий обзор немецкого издания работы д-ра Цельнера. Эта задача, возложенная им на себя добровольно и безо всякой заинтересованности со своей стороны (он не получил за нее никакого денежного вознаграждения), была тем более сложна, поскольку он совершенно самостоятельно выучил немецкий язык, и потому его хороший перевод этой

книги заслуживает еще большего восхищения. В почти сорокастраничном введении м-р Массей знакомит нас с несколькими личностями, которые связаны с достопамятными лейпцигскими экспериментами, и с очевидностью показывает их честность и надежность; в то же время в послесловии более чем в двадцать страниц, он со всей ясностью излагает вопрос о двух сторонах предположения о том, что доказательство, чтобы оно внушало уважение, должно быть пропорциональным возможности и невозможности того факта, который должен быть доказан.

Нашим читателям, а, быть может, и публике будет небезынтересно узнать о тех обстоятельствах, которые повлекли за собой визит м-ра Слейда в Европу в 1877 году, в результате которого были получены столь поразительные результаты. Зимой 1876/77 года профессора Императорского Санкт-Петербургского Университета в России были вынуждены — под давлением самого императора — сформировать комитет для научного исследования медиумических феноменов. Достопочтенный Александр Н. Аксаков, русский государственный советник, а ныне должностное лицо в Теософском обществе, который долго изучал этот предмет, был приглашен для помощи. Поэтому он попросил полковника Олькотта и руководителя этого журнала, которые были в Америке, выбрать из числа лучших американских медиумов одного, кого они могли бы порекомендовать комитету. Был проведен тщательный поиск, и м-р Слейд был избран по следующим причинам: (1) Все его феномены происходили на полном свету; (2) Они были такого характера, который убедил бы людей науки в действительном присутствии силы и в отсутствии шарлатанства или ловкости рук; (3) Слейд был согласен находиться в любых имеющих смысл условиях для проверки и помогал в попытках проведения научных экспериментов, поскольку он был достаточно умен для того, чтобы понимать их важность. После этого он предоставил себя на три месяца для исследования специальным комитетом наших членов, специально избранных президентом Олькоттом из числа наших скептиков; когда был получен благоприятный отчет комитета, мы посоветовали м-ру Аксакову заняться им. Вскоре наш выбор был утвержден, необходимые деньги для оплаты проезда Слейда были посланы нам, и медиум отплыл из Нью-Йорка в Россию через Англию. Его последующие приключения, включая его арест, суд над ним в Лондоне по умышленному обвинению в попытке

мошенничества, его освобождение и триумфальное подтверждение его психических сил в Лейпциге и других европейских столицах, — все это хорошо известно. Не будет слишком сильным заявление о том, что в данном случае деятельность Теософского общества произвела благотворное воздействие на связи точной науки с психологическими исследованиями, важность которых ощущалась в течение многих лет. Слейд не только был первоначально избран теософами для европейских экспериментов и послан за границу, но и в лондонском суде его защищал адвокат-теософ, м-р Массей; в Санкт-Петербурге о нем заботился другой теософ, м-р Аксаков; и теперь м-р Массей передал по наследству будущим поколениям английских читателей полную историю его удивительного психического дара.

ДРЕЙФ ЗАПАДНОГО СПИРИТУАЛИЗМА

Последние сообщения из различных стран мира, по-видимому, показывают, что, в то время как существует возрастающий интерес к феноменам спиритуализма, особенно среди выдающихся людей науки, также наблюдается все увеличивающееся желание изучать взгляды теософов. Первоначальный импульс враждебности почти истощил себя, и приближается время, когда наши аргументы смогут быть терпеливо выслушаны. Мы это предвидели с самого начала. Основателями Общества были главным образом ветераны-спиритуалисты, которые переросли свое первоначальное изумление перед странными феноменами и почувствовали необходимость постигнуть законы медиумизма до самого дна. Чтение средневековых и древних трудов по оккультным

наукам показало им, что наши современные явления являются лишь повторением того, что видели, изучали и постигали в прошедшие эпохи. Из жизнеописаний аскетов, мистиков, чародеев, пророков, экстатиков, астрологов, "прорицателей", "магов", "колдунов" и других, изучающих оккультные силы, применяющих их на практике или подвергнутых их воздействию, они нашли достаточно доказательств тому, что западный спиритуализм можно понять лишь благодаря созданию науки сравнительной психологии. Благодаря сходному синтетическому методу филологи, под руководством Эжена Бёрнуфа, раскрыли тайны религиозной и филологической преемственности, и подорвали западные теологические теории и догмы, ранее считавшиеся незыблемыми.

Продолжая в том же духе, теософы полагали, что они обнаружили некоторые причины сомневаться в корректности спиритуалистической теории о том, что все феномены в кругах должны с необходимостью приписываться *исключительно* действию духов наших умерших знакомых. Древние знали и классифицировали другие сверх-телесные существа, способные перемещать предметы, переносить тела медиумов по воздуху, предоставляющие несомненные доказательства идентичности с умершим человеком, и руководящие сенситивами, когда они писали и говорили на странных языках, рисовали картины и играли на незнакомых музыкальных инструментах. И не только знали их, но и показывали, как человеку контролировать эти невидимые силы и совершать эти чудеса по своей воле. Кроме того, они обнаружили, что в оккультизме имеются две стороны — добрая и злая; и что это опасное и ужасное дело — не обладая опытом прибегать к последней, — опасное как для нашей нравственности, так и для нашей физической природы. Тогда в их умах возникло убеждение в том, что хотя сверхъестественные чудеса спиритуализма относятся к важнейшим из всех, доступных изучению, медиумизм чреват опасностями, если самым тщательным образом не учесть все сопутствующие условия.

Размышляя таким образом, убежденные в большой важности глубокого знания месмеризма и всех других областей оккультизма, основатели создали Теософское общество, чтобы читать, узнавать, сравнивать, изучать, экспериментировать и объяснять тайны психологии. Этот уровень исследования включал в себя, разумеется, изучение ведической,

брахманической и другой древней восточной литературы; ибо в ней — особенно в первой, величайшем хранилище мудрости, когда-либо доступном человечеству, — содержатся все тайны природы и человека. Короче, для понимания современного медиумизма необходимо поближе ознакомиться с йогической философией; и афоризмы Патанджали являются даже более значимыми, чем "Божественные откровения" Эндрю Джексона Дэвиса. Мы никогда не узнаем, сколь многие из медиумических феноменов мы *должны* приписать бестелесным душам, пока не определим, сколь многое может быть сделано телесными, человеческими душами и слепыми, но активно действующими силами в тех областях, которые все еще не объяснены наукой. И мы даже не получим доказательства загробного существования, если оно должно придти к нам в виде феноменов. Мы думаем, что это будет признано безоговорочно при условии, что исторические данные будут приняты в качестве подтверждения тех заявлений, которые мы сделали.

Читатель увидит, что первое разногласие между теософской и спиритуалистической теориями относительно медиумических феноменов состоит в том, что теософы полагают, что феномены могут создаваться более чем одной действующей силой, а последние признают лишь одну силу, а именно — бестелесные души. Существуют и другие различия, — например, что *может* происходить уничтожение человеческой индивидуальности в результате исключительно злого окружения; что добрые духи редко, если вообще когда-либо, вызывают физические "проявления", и т. д. Но первый пункт — основополагающий; и мы продемонстрировали, как и в каких направлениях, по мнению теософов, необходимо проводить изыскания.

Наши восточные читатели в Индии, в отличие от таковых в западных странах, которым попадутся на глаза эти строки, не знают, сколь горячо и решительно обсуждались эти разногласия в последние три-четыре года. Достаточно сказать, что когда наступил такой момент, что аргументы показались далее бесполезными, противостояние прекратилось; и нынешний визит теософов из Нью-Йорка и их руководства в бомбейскую штаб-квартиру, с ее библиотекой, лекциями и "Теософистом", является заметным результатом этого. Бесспорно, что этот шаг должен иметь очень большое воздействие на западную психологическую науку. Достаточно ли компетентен наш Комитет для того, чтобы изучать и

толковать восточную психологию, или нет, — вряд ли кто будет отрицать, что западная наука неизбежно должна обогатиться вкладом индийских, сингалезских и других мистиков, которые ныне получили на страницах нашего журнала возможность дойти до тех, кто изучает оккультизм в Европе и Америке, возможность, о которой нельзя было ранее даже мечтать, не говоря о том, чтобы воплотить это воочию. Мы питаем искреннюю надежду и веру, что когда правильно поймут общие принципы нашего Общества, его важность и исключительные возможности для сбора восточной мудрости, это заставит задуматься спиритуалистов, и привлечет в наши ряды наиболее умных из них и широко мыслящих.

Теософию можно называть врагом спиритуализма с не большим основанием, чем месмеризма, или любой другой области психологии. В этой небывалой вспышке феноменов, которая захлестнула западный мир, начиная с 1848 года, открывается такая возможность для исследования скрытых тайн бытия, какая вряд ли была предоставлена миру когда-либо до этого. Теософы лишь настаивают на том, что бы эти феномены изучались как можно более тщательно, потому что наша эпоха не может оставить эти глобальные проблемы нерешенными. Все, что бы ни препятствовало этому, — ограниченность мнимой учености, догматизм теологии или предрассудки любого другого класса, — следует отбросить в сторону как нечто враждебное общественным интересам. Теософию, с ее намерением искать доказательства в исторических документах, можно рассматривать как естественное следствие феноменистического спиритуализма, или как пробирный камень, удостоверяющий ценность их чистого золота. Необходимо знать и то, и другое, чтобы понять, что такое Человек.

АСТРАЛЬНЫЙ ПРОРОК

Каждый образованный англичанин слышал имя генерала Ермолова, одного из величайших военачальников нашего века, и если он вообще знаком с историей Кавказских войн, то он должен знать о подвигах одного из главных победителей этой страны неприступных крепостей, в которой Шамиль и его предшественники многие годы боролись против мастерства и стратегии русских армий.

Как бы то ни было, странное событие, случившееся там и рассказанное самим героем Кавказа, может заинтересовать изучающих психологию. Ниже приводится дословный перевод из русскоязычной работы В. Потто "Война на Кавказе". Во втором томе, в главе "Кончина Ермолова" (стр. 829-832) есть такие строки:

"Тихо и незаметно прошли в Москве последние дни, отпущенные герою. 19 апреля 1861 года он умер на 85-ом году жизни, сидя в своем любимом кресле, положив одну руку на стол, а вторую на колено; но за несколько минут до этого он по своей старой привычке постукивал ногой по полу".

Невозможно лучше выразить те чувства, которые возникли в России в связи с этой смертью, чем это сделано в некрологе из (русской) газеты "Кавказ", в котором не сказано ни одного лишнего слова:

"12 апреля в 11.45 в Москве закончилась жизнь генерала артиллерии, знаменитого во всей России, Алексея Петровича Ермолова. Каждый русский знает это имя; оно связано с самыми яркими событиями нашей славной истории: Ватутино, Бородино, Кульм, Париж и Кавказ всегда будут связаны с именем героя — гордости и украшения русской армии и русского народа. Мы не будем приводить здесь послужной список Ермолова. Его имя и титул: истинный сын России, в полном смысле этого слова".

Любопытный факт заключается в том, что его смерть оказалась связанной с преданием странного и мистического свойства. Вот что пишет друг, хорошо знавший Ермолова:

"Однажды, покидая Москву, я позвал Ермолова, чтобы попрощаться с ним, и обнаружил, что не смогу скрыть свои эмоции при расставании.

— Не бойся, — сказал он мне, — мы еще встретимся; я не умру до твоего возвращения.

Это было за 18 месяцев до его смерти.

— Один Бог властен в нашей жизни и смерти, — заметил я.

— А я тебе точно говорю, что моя смерть случится не в течение года, а несколькими месяцами позже, — ответил он.

— Пойдем со мной, — и с этими словами он повел меня в свой кабинет; здесь, достав из закрытого ящика исписанный листок бумаги, он положил его передо мной и спросил:

— Чей это почерк?

— Твой, — сказал я.

— Тогда прочти это. Я согласился.

Это была своего рода памятная записка, содержащая различные даты с того времени, когда Ермолов был произведен в чин подполковника, и показывающая, как в программе, каждое значительное событие, которое должно было случиться в его жизни, столь богатой такими событиями. Он следил за моим чтением, и когда я подошел к последнему параграфу, он закрыл рукой последнюю его строчку.

— Это тебе не надо читать, — сказал он, — на этой строчке записаны год, месяц и день моей смерти. Все, что ты прочел, было написано мной заблаговременно и произошло именно так, вплоть до мельчайших деталей. Сейчас я расскажу, как я это написал. Когда я был еще молодым подполковником, меня послали по делу в небольшой городок. Мое жилище состояло из двух комнат — одной для слуг, а второй лично для меня. В мою комнату можно было пройти только через комнату прислуги. Однажды поздно ночью, когда я писал, сидя за столом, я впал в задумчивость, и, внезапно подняв глаза, вдруг увидел стоящего передо мной по ту сторону стола незнакомого мужчину, который, судя по его одежде, принадлежал к низшим слоям общества. Прежде чем я успел спросить его, кто он или чего ему угодно, незнакомец сказал: "Возьми свое перо и пиши". Чувствуя себя под влиянием неодолимой силы, я молча повиновался. Тогда он продиктовал мне все, что должно было случиться со мной в течение всей жизни, включая дату и час моей смерти. С последним словом он внезапно исчез. Прошло несколько минут, прежде чем я полностью пришел в себя и, вскочив со стула, бросился в соседнюю комнату, через которую незнакомец обязательно должен был бы пройти. Распахнув дверь, я увидел моего писаря, пишущего при свете свечи, и ординарца, спящего на полу возле входной двери, которая была крепко заперта на замок и задвижку. На мой вопрос "кто это только что был здесь?" — удивленный писарь ответил: "Никого". До сего дня я никогда и никому не говорил об этом;

я заранее знал, что некоторые заподозрили бы, что я все это придумал, а другие сочли бы, что я подвержен галлюцинациям. Но для меня лично вся эта история является абсолютно неопровержимым фактом, объективным и достоверным, доказательство которого содержится в этом самом документе.

После смерти генерала оказалось, что последняя дата в его записке была верна. Он умер в тот же самый год, день и час, как это было указано в его рукописи.

Ермолов похоронен в Орле. Неугасимая лампа, изготовленная из корпуса бомбы, горит перед его могилой. На ее железной поверхности неискусной рукой написаны слова: "Кавказские солдаты, служившие в Гунибе".¹

1 "Гуниб" — это название последнего укрепления черкесов, в котором был побежден и взят в плен русскими, после многих лет отчаянной борьбы, великий шейх горцев — Мюрид Шамиль. Гуниб — это гигантская скала, которая долгое время казалась неприступной, но, в конце концов, была взорвана и взята русскими солдатами ценой огромных жертв. Ее захват на самом деле положил конец войне на Кавказе, которая длилась более 60-ти лет, и стал гарантией его завоевания.

Вечно горящая лампа была создана благодаря усердию и благодарной любви нижних чинов Кавказской армии, собравших необходимую сумму из своего скудного жалования (поистине, по копейке). И этот простой памятник представляет большую ценность и вызывает большее восхищение, чем самый богатый мавзолей. Другого памятника Ермолову в России нет. Но гордые и величественные скалы Кавказа представляют собой бессмертный пьедестал, на котором для всякого истинно русского человека всегда будет Находиться величественный образ генерала Ермолова, окруженный ореолом вечной славы".

Теперь несколько слов о природе этого видения.

Без сомнения, каждое слово яркого и четкого рассказа генерала Ермолова является абсолютно правдивым. Он был выдающимся приверженцем фактов, искренним и ясномыслящим человеком, без малейшего оттенка мистицизма, настоящим солдатом, благородным и прямолинейным. Более того, этот эпизод из его жизни был удостоверен его старшим

сыном, лично знакомым мне и моей семье в течение многих лет, когда мы жили в Тифлисе. Все это является надежным доказательством истинности этого явления, удостоверенного, к тому же, письменным документом, оставленным генералом, в котором содержится точная дата его смерти. И что же можно сказать о таинственном посетителе? Спиритуалисты, конечно, увидят в нем бестелесную сущность, "материализованный дух". Они будут заявлять, что *человеческий дух* сам по себе может предсказать целую серию событий и абсолютно ясно видеть будущее. Мы тоже так считаем. Но, соглашаясь в этом, мы расходимся во всем остальном; то есть, тогда как спиритуалисты говорят, что это видение было видением духа, отличного от высшего эго генерала и независимого от него, мы придерживаемся совершенно обратной точки зрения и говорим, что это было именно то самое эго. Давайте обсудим это беспристрастно.

Но какова же *raison d'être* [разумное основание, *франц.*], основная причина такого видения пророка; и каким образом вы или я, например, после смерти, появившись перед совершенно незнакомым человеком ради удовольствия сообщить ему то, что должно с ним случиться? Если бы генерал узнал в своем госте какого-либо близкого родственника, собственного отца, мать, брата или закадычного друга, и получил бы от него некое предостережение, слабый намек на то, как могло бы быть, — тогда мы получили бы что-нибудь в пользу этой теории. Но ничего подобного не было: просто "незнакомый мужчина, принадлежащий, судя по его одежде, к низшим слоям общества". Если это так, то почему душа бедного утратившего тело торговца или рабочего озабочена тем, чтобы появиться перед каким-либо незнакомцем? И если только "дух" *предполагает* такое появление, к чему тогда вообще этот маскарад и *посмертная* мистификация? Если такие посещения происходят по свободной воле "духов", если такие откровения могут происходить для удовольствия бестелесной сущности и независимо от каких-либо законов общения между двумя мирами, — тогда какова же может быть причина, побуждающая этот "дух" играть с генералом в прорицательницу Кассандру? Ничего подобного. Настаивать на этом — значит добавить еще одно абсурдное и отталкивающее свойство к теории "посещения духов" и внести дополнительный элемент насмешки в сакральность смерти. *Материализация нематериального духа* — божественного дыхания — спиритуалистами стоит в одном ряду с

антропоморфизацией Абсолюта теологами. Именно эти утверждения вырыли почти непроходимую пропасть между теософами-окультистами и спиритуалистами с одной стороны, и теософами и церковными христианами с другой.

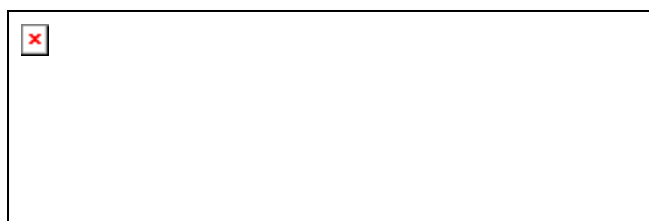
Теперь о том, как теософ-окультист объяснил бы видение в соответствии с эзотерической философией. Он бы напомнил читателю, что высшее сознание в нас, со своими *sui generis* [особого рода, *лат.*] законами и условиями проявления, является почти полностью *terra incognita* [неизвестной землей, *лат.*] для всех (включая спиритуалистов), и для людей науки, прежде всего. Далее он бы напомнил читателю об одном из основных учений оккультизма. Он сказал бы, что, кроме того, что божественное всеведение присуще его собственной природе и сфере его действий, для *индивидуального* бессмертного эго в вечности не существует ни *Прошлого*, ни *Будущего*, а только одно бесконечно длящееся НАСТОЯЩЕЕ. И, раз эта доктрина принята, или хотя бы постулирована, оказывается вполне естественным, что вся жизнь личности, которую одушевляет эго, от рождения до смерти, должна быть столь же ясно видна высшему эго, как она невидима и скрыта от того ограниченного зрения, которое имеет его временная и смертная форма. Таким образом, вот что, скорее всего, произошло в соответствии с представлениями оккультной философии.

Генерал Ермолов сказал другу, что когда он писал *поздно ночью*, он внезапно впал в *задумчивость*, и, подняв глаза, внезапно увидел незнакомца, стоящего перед ним. Эта задумчивость представляла собой внезапно наступившее дремотное состояние, вызванное усталостью и чрезмерной работой, и во время его происходило некое механическое действие чисто сомнамбулического характера. Когда *личность*, внезапно становится восприимчивой к присутствию своего высшего ЭГО, тогда спящий человек автоматически подпадает под влияние индивидуальности, и тотчас рука, которая в течение нескольких часов до того была занята писанием, механически возобновляет свою работу. При пробуждении *личности* кажется, что документ, лежащий перед ней, написан под диктовку посетителя, чей голос она слышала, тогда как на самом деле это была просто запись наиболее глубоких внутренних мыслей (или, скажем, знания) ее собственного божественного "эго", пророческого, в силу всеведения *духа*. "Голос" последнего был просто трансляцией в момент пробуждения, посредством памяти, ментального знания

относительно жизни смертного человека, переданного низшему сознанию от *высшего*. Все другие детали, сохраненные в памяти, также допускают естественное объяснение.

Так, незнакомец, одетый как бедный мелкий торговец или рабочий, говоривший с ним *стоя перед ним*, принадлежит, также как и "голос", к тому классу хорошо известных явлений, которые знакомы нам как *ассоциации идей* и *реминисценции* в наших сновидениях. Картины и сцены, видимые нами во сне, события, длящиеся в наших снах часами, днями, а иногда и годами, — все это на самом деле занимает меньше времени, чем вспышка света в момент пробуждения и возвращения к полному сознанию. Физиология дает многочисленные примеры таких случаев сильных мгновенных фантазий. Мы протестуем против материалистических дедукций современной науки, но никто не может опровергнуть ее факты, накопленные за долгие годы тщательных экспериментов и наблюдений ее ученых, и эти факты подтверждают наш аргумент. Генерал Ермолов провел несколько дней в маленьком городе, занимаясь расследованием, в ходе которого его главным занятием был, вероятно, опрос множества людей низших классов; это объясняет, почему в его воображении — столь же живом, как и сама реальность — возник образ мелкого торговца.

Давайте обратимся к опытам и объяснениям большой группы философов и посвященных, глубоко знакомых с тайнами внутреннего эго, вместо того чтобы возлагать ответственность на действия "духов умерших", побуждения которых нельзя объяснить никаким разумным образом.

ПСИХИЧЕСКОЕ ОПОВЕЩЕНИЕ

"Не может ли кто-нибудь из многочисленных читателей "Теософиста" просветить меня относительно влияния, оказанного на меня в случае, о котором пойдет речь ниже? Я, конечно, категорически отрицаю, что это было некое духовное проявление, но без сомнения здесь действовала какая-то необыкновенная сила, объяснить и постичь которую я не смог до сих пор.

Я учился в школе с мальчиком приблизительно того же возраста; затем мы расстались и встретились опять лишь, примерно, через тридцать пять лет. Это произошло в Агре, где он служил помощником сборщика налогов, а я — главным клерком в том же учреждении. Наша дружба возобновилась, и вскоре мы очень привязались друг к другу; между нами фактически не было секретов. Это продолжалось несколько лет, и почти каждый день мы видели друг друга. Я имел возможность посетить моего зятя, богатого землевладельца в Мератхе, во время праздников Дасара, и после своего возвращения я рассказал своему другу о празднованиях, которые я там видел. Мой друг обещал, что если ему удастся это устроить, то он тоже хотел бы поехать вместе со мной к моему зятю на следующие праздники Дасара. Между тем, и особенно когда праздники стали приближаться, мы многократно обсуждали наши планы, и когда наступило время, мы сделали все необходимое для успеха нашего предприятия. Однако в последний рабочий день в офисе, когда я попросил, чтобы мой друг встретил меня со своим багажом в определенное время вечером на железнодорожной станции, то к моему крайнему удивлению и разочарованию он сказал, что очень сожалеет, но не сможет поехать со мной, потому что его семья предложила изменить эти планы, и он собирается отправиться вместе со своими близкими в Рамбах (горный курорт на другом конце Агры). При расставании он пожал мне руку, еще раз выразил свое сожаление и сказал, что "хотя и не телесно, но мысленно и духовно будет присутствовать рядом со мной". Пока мы с женой ехали в поезде, мы решили: сперва поехать в Мератх, и, проведя там четыре дня, отправиться в Дели, где моя жена еще не бывала, затем провести один день в Алигархе вместе с родственниками, после чего вернуться в Агру накануне начала моей работы. Наша программа была окончательно определена. Спустя два дня мы прибыли к моему зятю, где провели время с большим удовольствием. Рано утром на третий день, после того, как мы выпили освежающие напитки и уселись вместе, чтобы подумать о развлечениях на этот вечер, вдруг, совершенно внезапно у меня возникло очень странное ощущение, я почувствовал уныние и меланхолию, и сказал зятю, что должен возвратиться в Агру немедленно. Он был чрезвычайно удивлен. Поскольку я собирался провести

этот и следующий день с ним, то вся семья возражала против моего внезапного предложения и пришла к естественному заключению, что я на что-то обиделся. Но все попытки удержать меня хотя бы на один день оказались безуспешными, и уже через час я был вместе с багажом на вокзале Мератха. Но прежде чем мы взяли билеты до Агры, моя жена уговорила меня поехать только до Газиабада (откуда отходит железнодорожная ветка на Дели). Однако прежде чем поезд отправился в путь, страстное желание ехать в Агру возвратилось ко мне. Не затягивая нашего путешествия, по прибытии в Газиабад я взял билет прямо до Агры. Это очень удивило мою жену, она чувствовала себя совершенно обескураженной, и всю дорогу до Алигарха мы просидели, не обменявшись ни одним словом. В Алигархе она настойчиво упрашивала меня посетить ее родственников. Я отпустил ее, но она не смогла уговорить меня составить ей компанию, и я поехал в Агру; и в ночь моего прибытия я, как ударом грома, был поражен ужасным известием о том, что мой друг именно тем утром внезапно скончался от апоплексического удара в Рамбахе, вероятно в то же самое время, когда я пил освежающие напитки в Мератхе. На следующее утро я был очевидцем того, как останки моего дорогого друга обрели свое последнее пристанище. Каждый, кто был на похоронах и знал, что я не собирался возвращаться сюда до открытия офиса, засыпал меня вопросами, как я мог услышать об этом печальном событии и кто послал мне телеграмму об этом. Но я со всей искренностью уверяю, что никакого сообщения мне не было послано, и даже не была сделана такая попытка, кроме душевной депрессии, страстного и непреодолимого желания прибыть в Агру как можно скорее.

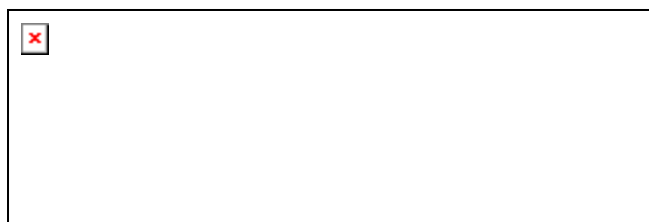
А. Константин,
Эсквайр".

Нет необходимости приписывать вышеприведенное "оповещение" чему-то сверхъестественному. В жизни есть много разнообразных психических феноменов, которые непреднамеренно или как-либо иначе приписываются действию бестелесных "духов", или же полностью и намеренно *игнорируются*. Говоря так, мы вовсе не намереваемся лишить теорию духов ее *raison d'être* [разумного основания, *франц.*]. Но кроме этой теории в нашей повседневной жизни имеются другие проявления той же самой психической силы, на которые обычно не обращают внимания или же ошибочно

трактуют их как результат простого совпадения; ибо единственная причина этого состоит в том, что мы не можем немедленно дать этой силе логическое и уместимое объяснение, хотя сами проявления, без сомнения, обнаруживают признаки научного характера и принадлежат к тому классу психо-физиологических феноменов, которыми сейчас заняты люди с большими научными заслугами, и даже такие специалисты, как доктор Карпентер. Причину этого необыкновенного явления следует искать в оккультном (и все же бесспорном) влиянии, оказываемом активной волей одного человека на волю другого, даже если воля последнего застигнута в момент отдыха или пассивного состояния. Мы имеем в виду *предчувствия*. Если бы каждый человек привлек свое пристальное внимание (с опытной и научной целью, разумеется) к своим повседневным поступкам и проследил бы за своими мыслями, разговорами и вытекающими из них действиями, и тщательно бы проанализировал их, не пропуская даже тех деталей, которые кажутся ему ничтожными, тогда для большинства этих действий и мыслей он нашел бы *причины*, основанные на взаимном психическом влиянии, оказываемом друг на друга разумами, заключенными в тело.

Можно добавить здесь несколько примеров, более или менее знакомых каждому благодаря его *личному* опыту. Мы приведем лишь два из них. Два друга, или даже просто знакомых, не встречаются друг с другом годами. Один из них, остававшийся дома и никогда не думавший о своем давнем знакомом, вдруг вспоминает о нем. Он вспоминает его без какой-либо видимой причины, и давно забытый образ проносится по молчаливым коридорам ПАМЯТИ и предстает перед его глазами так живо, как если бы он действительно был здесь. Через несколько минут, или может быть через час после этого, этот пропавший человек *вдруг наносит ему неожиданный визит*. Другой пример: А. дает почитать Б книгу. Б., прочитав эту книгу, откладывает ее в сторону и больше не думает о ней, хотя А. просил вернуть ее немедленно после того, как она станет не нужна. В течение дней, а может быть и месяцев после этого, мысль Б., занятая важными делами, внезапно возвращается к этой книге, и он вспоминает о своем упущении. Автоматически он покидает свое место, идет в свою библиотеку и достает книгу, думая о том, чтобы в этот раз обязательно отослать ее обратно. И в тот же самый момент открывается дверь, входит А., говоря, что он пришел специально, чтобы забрать книгу, которая ему нужна.

Совпадение? Вовсе нет. В первом случае дело было в госте, который, решив навестить старого друга или знакомого, *сконцентрировал свою мысль на нем*, и эта мысль, благодаря своей собственной активности, оказалась энергетически достаточной, чтобы преодолеть *пассивную*, в тот момент, мысль хозяина дома. То же самое объяснение хорошо подходит и для случая с А. и Б. Но м-р Константин может возразить: "Мысль моего покойного друга не могла повлиять на мою, так как он был уже мертв, когда меня неудержимо тянуло в Агру". Наш ответ очевиден. Не существовала ли самая теплая дружба между автором письма и умершим? Не обещал ли последний быть с ним "мысленно и духовно"? И это приводит к положительному выводу, что перед смертью его мысль была сильно занята тем, кого он ненамеренно огорчил. Сколь бы внезапной ни была эта смерть, мысль все же гораздо быстрее ее. Более того, в момент смерти она, конечно, была усилена в сотни раз. Мысль — это последнее, что умирает или скорее затухает в мозгу умирающего человека; а мысль, как показано наукой, является материальной, так как она представляет собой лишь вид энергии, которая меняет свою форму, но является вечной. Таким образом, эта мысль, сила и мощь, которая всегда пропорциональна ее интенсивности, стала, так сказать, конкретной и ощутимой, и благодаря большой близости между обоими друзьями, она охватила и подчинила себе все чувства и мысли м-ра Константина и заставила волю последнего действовать в соответствии с желанием умершего. Думающая субстанция была мертва, и инструмент, порождающий мысли, лежал разбитым навсегда. Но его последний звук еще жил и не мог полностью погибнуть в волнах эфира. Наука говорит, что колебание одной-единственной музыкальной ноты будет задержано в своем движении по коридорам вечности; а теософия полагает, что последняя мысль умирающего человека превращается в него самого; она становится его *эйдолоном*. Нас не удивило бы, если бы скептики взаправду обвинили бы м-ра Константина либо в предрассудках, либо в том, что, находясь в галлюцинаторном состоянии, он видел перед собой *мысленный образ*, или так называемый "призрак" своего умершего друга. Ибо этот "призрак" не был ни сознательным духом, ни душой умершего человека, а просто его на мгновение *материализованной* мыслью, проецируемой бессознательным образом, при помощи всего лишь мощи его собственной энергии, в направлении того, кто занимал эту МЫСЛЬ.

ЦАРСТВО СНОВ И СОМНАМБУЛИЗМ

"Это письмо вызвано сообщением об одном сновидении в "Chamber's Journal". Я выражаю надежду, что вы напечатаете его и любезно согласитесь дать исчерпывающие объяснения нижеследующим темам.

1. Всегда ли сны являются реальными? Если это так, что порождает их; если они нереальны, то не может ли быть, что они все же несут в себе некий глубокий смысл?
2. Не могли бы вы подробнее рассказать нам об антинатальной стадии существования и о трансмиграции души?
3. Не сообщите ли вы нам что-либо заслуживающее внимание с точки зрения психологии в дополнение к этой статье?

*Искренне преданный вам, Джехангир Курсетджи Тарачанд,
член Теософского общества.*

Бомбей, 10 ноября 1881 г."

Если сформулировать данную просьбу более точно, нас просят дать в пределах одной статьи "исчерпывающие объяснения" фактов, охватывающих все тайны подлунного мира. Они включали бы:

1. Всю философию сновидений, прослеженных в их физиологическом, биологическом, психологическом и оккультном аспектах.
2. Буддийские *джатаки* (рассказы о перерождениях и воплощениях нашего Господа Шакьямуни), вместе с

философским эссе о трансмиграции 387.000 будд, "вращавших колесо веры" в течение того периода, на протяжении которого миру последовательно открылись еще 125.000 других будд, святых, которые могли "брать под контроль и распутывать завязанные тысячей узлов нити нравственной цепи причинности", добавив к тому же трактат о *ниданах*, цепи из двенадцати причин, снабженный полным перечнем двух миллионов их следствий, а также обширные дополнения архатов, "достигших потока, истекающего в нирвану".

3. Вся совокупность мечтаний всемирно-известных психологов: от египетского Гермеса и его "Книги Мертвых", определения души Платоном, в "Тимее", и т. д., до "Ночных бесед в будуаре с бесплотным духом", преп. Адрамелеха Ромео Тибериуса Тафскина из Цинциннати.

Вот какую скромную задачу поставили перед нами. Но сперва мы приведем фрагмент из данной статьи, которая вызвала столь великую жажду философской информации, а затем попытаемся сделать то, что в наших силах. Это весьма любопытный случай —если только он не является полной литературной выдумкой:

"У автора данной статьи есть родной брат, который чувствует, что некоторые из его снов носят удивительный и многозначительный характер; и его опыт показывает, что существует странная и необъяснимая связь между такими снами и состоянием сомнамбулизма. Прежде чем во всех деталях привести некоторые примеры сомнамбулизма, проявленные им и его дочерью, я дам описание одного из его снов, который был четыре раза повторен в своих удивительных и особенных деталях с разными интервалами в течение последних тридцати лет. Он был в своей юности практикующим агрономом, но теперь уже на пенсии. Всю свою жизнь он был художавым, активным, доброжелательным и очень дружелюбным человеком, и ни в каком отношении не может быть назван книжным червем. Его сон состоял в следующем: он обнаружил себя в одиночестве стоящим перед монументом, сложенным из очень твердого камня, и рассеянно глядящим на его северную сторону, когда, к его изумлению, средние камни на уровне его глаз постепенно раздвинулись и один за другим соскользнули вниз, пока отверстие не стало достаточно большим для того, чтобы там смог поместиться человек. Внезапно внутри отверстия возник маленький человечек, одетый в черное и с большой лысой головой, который, по-видимому, удерживался там при помощи своих ног, замурованных по колено в монументе. Выражение его лица

было мягким и интеллигентным. Они смотрели друг на друга, как показалось, очень долго, и ни тот, ни другой не пытался заговорить; изумление моего брата все время возрастало. Наконец, как это выразил сам спящий, "Маленький человечек в Черном, с лысой головой и спокойным выражением лица", сказал: "Вы меня не знаете? Я тот человек, которого вы убили на *антинатальной стадии существования*, и я ожидал, когда вы придете, и буду ждать этого, не сомкнув глаз. Нет доказательства дурного поступка в вашем состоянии человеческого существования, поэтому вам не надо опасаться в вашей смертной жизни, — сокройте меня обратно во тьме".

Спящий принялся, по его мнению, складывать камни в их первоначальное положение, заметив маленькому человечку, как он сам это выразил: "Все это — ваш сон, ибо нет никакой *антинатальной стадии существования*". Маленький человечек, который выглядел все меньше и меньше, сказал: "Закрой меня и убирайся". В этот момент спящий проснулся.

Прошли годы, и сон, как водится, забылся, и вот — обратите внимание! — без какой-либо предшествующей мысли по этому поводу, он увидел во сне, что он стоит при свете солнца перед старинной стеной сада, прилегающего к большому необитаемому дому, как вдруг камни перед ним начинают падать вниз медленно и плавно, и скоро открылась та же самая таинственная фигура, со всеми присущими ей чертами, включая и произношение, такое же, как и в первый раз, хотя минуло уже много лет. Тот же самый сон повторялся еще дважды за некоторый период времени; но выражение лица человечка в черном не менялось".

Мы не чувствуем себя достаточно компетентными, чтобы обсуждать достоинства или недостатки этого специфического сна. Его интерпретацию можно благополучно оставить Даниилам от физиологии, которые, подобно У. А. Хаммонду, доктору медицины из Нью-Йорка, объясняют сновидения и сомнамбулизм как результат *возбужденного состояния спинного мозга*. Он может быть бессмысленным, случайным сном, вызванным взаимодействием мыслей, которые механически занимают мозг в течение сна:

Когда	рассудок	угасает,	
И разум	лишь едва	мерцает,	—
Причудливо	расцветит	ночь	
Игры воображенья дочь...			

— когда наши мысленные действия продолжают совершаться независимо от наших сознательных желаний.

Наши физические чувства — это агенты, при помощи которых астральный дух, или "нечто сознающее" внутри нас, получает посредством контакта с внешним миром знание о фактическом существовании; тогда как духовные чувства астрального человека являются посредниками, "телеграфными проводами", через которые он поддерживает связь со своими высшими принципами и получает от них способность ясного и зрительного восприятия царств невидимого мира.¹ Буддийская философия утверждает, что благодаря практике *дхиан* можно достигнуть "просветленного состояния ума, проявляющего себя в непосредственном восприятии священной истины, так, что, открывая Писания (или вообще любую книгу?), их истинное значение сразу же вспыхивает в сердце".²

1 См. статью: "Являются ли сны лишь бесполезными видениями?"

2 Seal's "Catena, & c.", стр. 255.

Однако если в первом случае вышеприведенный сон был бессмысленным, то в трех последующих случаях он мог быть повторен благодаря внезапному пробуждению той части мозга, которой он был обусловлен, поскольку во время сновидений или в сомнамбулическом состоянии мозг спит лишь частично и пробуждается к деятельности под воздействием внешних чувств, вызванных некой особой причиной: произнесенное слово, мысль или картина, запавшая в латентном состоянии в одну из клеток памяти и пробудившаяся от внезапного звука падающего камня, мгновенно порождает у дремлющего человека видение кирпичных стен, и т. д. Когда человек внезапно пугается во сне, при этом полностью не пробуждаясь, он не начинает и не заканчивает свой сон с одним этим простым звуком, частично его разбудившим, но часто переживает в своем сновидении длительную череду событий, сконцентрированных в узком отрезке времени, которое занимает этот звук, и приписываемый единственно этому звуку. Как правило, сновидения вызываются ассоциациями бодрствующего состояния, которое им предшествовало. Некоторые из них производят такое впечатление, что малейшая идея, касающаяся какого-либо предмета, связанного с определенным сновидением, может вызвать его повторение годами позже.

Тартини, знаменитый итальянский скрипач, создал свою "Дьявольскую сонату" под впечатлением своего сновидения.

Во сне он увидел дьявола, явившегося перед ним и предложившего ему испытать искусство игры на его собственной, личной скрипке, принесенной им прямо из адских обителей; Тартини принял вызов. Когда он проснулся, мелодия "Дьявольской сонаты" столь живо запечатлелась в его уме, что он тут же записал ее; но когда он приблизился к ее *финалу*, все дальнейшие воспоминания внезапно оборвались, и он должен был отложить в сторону неоконченное музыкальное произведение. Два года спустя ему приснилось то же самое, и в нем он попытался заставить себя вспомнить *финал* при пробуждении. Сон повторился из-за того, что слепой уличный музыкант играл на своем инструменте под его окном.

Сходным образом Колридж написал во сне свою поэму "Кублай-хан". Проснувшись, он обнаружил знаменитые ныне строки столь сильно врезавшимися в свой разум, что он тут же записал их. Причиной этого сна было то, что поэт заснул в своем кресле, прочитав следующие строки из "Странствия" Перча: "Здесь Кублай-хан приказал построить дворец... окруженный стеной".

Популярную веру в то, что среди большого количества бессмысленных снов есть и такие, в которых часто содержатся предсказания о будущих событиях, разделяют и многие широко образованные люди, но не наука. И все же существуют бесчисленные хорошо документированные примеры сновидений, которые были подтверждены последующими событиями, и которые, таким образом, могут быть названы пророческими. Сочинения греческих и латинских классиков пестрят сообщениями о знаменитых сновидениях, некоторые из которых стали историческими. Вера в духовную природу сновидения была столь же широко распространена среди языческих философов, как и среди христианских отцов церкви; вера в предсказания и толкования снов (онейромантия) вовсе не ограничивалась языческими народами Азии, поскольку ими наполнена сама Библия. Вот что говорит о таких предсказаниях, видениях и пророческих снах великий современный каббалист Элифас Леви:¹

"Сомнамбулизм, предчувствия и ясновидение — это лишь случайная или унаследованная предрасположенность видеть сновидение и пробуждаться во время произвольного, специально вызванного, или же естественного сна; т. е. воспринимать [и интуитивно постигать] аналогичные отражения астрального света... Атрибуты и инструменты для

предсказаний — это просто средства для установления [магнетической] связи между предсказателем и тем, кто просит у него совета; они служат для того, чтобы фиксировать и концентрировать две воли [одинаково направленные] на одном и том же знаке или предмете; странные, сложные, движущиеся фигуры помогают собрать отражения астрального флюида. Таким образом, человек может иногда видеть в кофейной гуще или в облаках, и белке яйца и т. д. фантастические формы, существующие лишь в транслюциде [или воображении ясновидящего]. Видение в воде порождается усталостью ослепленного ярким светом оптического нерва, которая приводит к передаче его функций транслюциду и созданию церебральной иллюзии, заставляющей простые отражения астрального света выглядеть как реальные образы. Поэтому, для такого рода предсказаний наиболее подходят люди с нервным темпераментом, со слабым зрением и живым воображением, лучше всего приспособлены к нему дети. Но *никоим образом не следует неправильно интерпретировать природу той функции, которую мы приписываем воображению в искусстве предсказания.* Несомненно, мы видим посредством нашего воображения, и это является естественным аспектом данного чуда; но мы видим действительные и подлинные вещи, и именно в этом заключается чудо данного природного феномена. За подтверждением сказанного нами мы обращаемся к свидетельству всех адептов..."

1 "Догма и ритуал высшей магии", том I, стр. 356-357.

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ СНЫ ЛИШЬ БЕСПОЛЕЗНЫМИ ВИДЕНИЯМИ?

"Несколько месяцев назад один бабу, Джагат Чандр Чаттерджи, помощник налогового инспектора Моршедабада, был pro tempore [временно, *лат.*] назначен на службу в Канди — провинцию округа Моршедабад. Он покинул свою жену и детей в Бахрампуре, столице округа, и остановился в Канди в доме бабу Сурджи Кумар Басакха (помощника налогового инспектора провинции).

Получив предписание проделать некоторую работу в месте, расположенном примерно в десяти милях от Канди, внутри страны, бабу Джагат Чандр условился соответственно отправиться на следующий день. Ночью он увидел во сне свою жену, терзаемую холерой в Бахрампуре и сильно страдающую. Это привело его в беспокойство. Он рассказал утром свой сон бабу Сурджи Кумару, и они оба решили, что это был бессмысленный сон, и приступили без каких-либо посторонних мыслей к своей работе.

После завтрака бабу Джагат Чандр удалился, чтобы немного отдохнуть перед дорогой. Во сне он увидел то же самое сновидение. Он увидел свою жену, сильно страдающую от ужасной болезни, став свидетелем той же самой сцены, и, вздрогнув, проснулся. Теперь он обеспокоился и, встав, рассказал снова сон № 2 бабу Сурджи, который не знал, что на это сказать. Было решено, что, так как бабу Джагат Чандр должен отправиться в то место, куда он был послан, его друг бабу Сурджи Кумар будет пересылать ему без промедления любое письмо или извещение, которое он получит на свой адрес из Бахрампуре, и предпримет специальные меры для этой цели; бабу Джагат Чандр уехал.

Едва ли минуло несколько часов после его отправления, как прибыл курьер из Бахрампуре с письмом для бабу Джагата. Его друг вспомнил то настроение, в котором он покинул Канди, и, опасаясь дурных новостей, открыл письмо и обнаружил в нем подтверждение повторенного дважды сна. Жена бабу Джагата заболела холерой в Бахрампуре в ту самую ночь, когда ее муж видел ее во сне, и все еще страдала от нее. Получив эти вести, посланные со специальным курьером, бабу Джагат сразу же вернулся в Бахрампур, где была оказана немедленная помощь, и заболевшая, в конце концов, выздоровела.

Этот рассказ мне довелось услышать в доме бабу Кал Кори Мукерджи, в Бахрампуре, в присутствии самого бабу Джагат

Чандра и Сурджи Кумара, которые пришли туда с дружеским визитом, и эта история была, таким образом, подтверждена свидетельством того, кто был здесь и слышал об этом в то время, когда никто из них двоих еще и не помышлял о том, что что-то случилось.

Я убежден, что вышеописанный случай может рассматриваться как прекрасный пример присутствия постоянно бодрствующей астральной души человека, обладающей разумом, не зависящим от разума его собственного физического мозга. Однако я был бы весьма обязан, если бы вы любезно согласились дать объяснение этого феномена. Бабу Лал Кори Мукерджи является подписчиком "Теософиста", и поэтому он, конечно, сможет прочитать его. Если он вспомнит даты или увидит какое-либо обстоятельство, пропущенное или ошибочно привнесенное сюда, автор будет очень обязан ему за предоставление дополнительных деталей и исправление, если это необходимо, каких-либо ошибок, которые я мог допустить, при передаче его рассказа.

Насколько я могу припомнить, это происшествие случилось в 1881 году.

Навин К. Сарман Банерджи, член Теософского общества".

"Сны — это интерлюдии, которые создает фантазия", — говорит нам Драйден; вероятно, показывая, что даже поэт иногда ставит свою музу на службу псевдонаучному предубеждению.

Вышеприведенный пример является лишь одним из целой серии таких явлений, которые могут рассматриваться как исключительные случаи во время сна, среди общей массы снов, являющихся поистине лишь "интерлюдиями, которые создает фантазия". Это политика материалистической, сухой науки — всеми возможными способами игнорировать такие исключения, может быть, на том основании, что исключения подтверждают факты, но мы полагаем, что, скорее для того, чтобы избежать неприятной работы по объяснению подобных исключений. На самом деле, если один единственный пример упорно не поддается определению как "странное совпадение" — что обрадовало бы скептиков, — тогда пророческие, или проверенные, сновидения потребовали бы полной реконструкции физиологии. И, что касается френологии, то признание и принятие наукой пророческих снов (а,

следовательно, и утверждений теософии и спиритуализма), что впрочем, маловероятно, "принесло бы с собой новую педагогическую, социальную, политическую и теологическую науку". Следовательно: наука никогда не признает сновидения, спиритуализм или оккультизм.

Человеческая природа — это пропасть, которую физиология и человеческая наука в целом изучила в меньшей степени, чем те, кто никогда не слышал даже самого слова физиология. Никогда еще высшие цензоры Королевского общества не были столь сбиты с толку, чем когда они лицом к лицу столкнулись с этой непостижимой тайной — внутренней природой человека. Ключ к ней — это дуальное человеческое существо. Это тот ключ, который они не решаются использовать, опасаясь, что если когда-либо дверь в святая святых распахнется, они будут вынуждены одну за другой отбросить свои излюбленные и взлелеянные теории и заключения, которые, как это было неоднократно доказано, являются не большее, чем хобби, ложными, как что-либо построенное на основе недостоверных или неполных предпосылок и исходящее из них. Если мы должны удовлетвориться половинчатыми объяснениями физиологии относительно бессмысленных снов, *как, в таком случае, рассматривать многочисленные реальные сны, подтвержденные фактами?* Сказать, что человек является дуальным существом; что в человеке, используя слова св. Павла: "Есть природное тело, и есть духовное тело", и что поэтому он должен, по необходимости, иметь двойную структуру органов чувств, — в глазах образованных скептиков равносильно тому, чтобы высказать непростительное и в высшей степени ненаучное заблуждение. И все же это необходимо сказать — невзирая на науку.

Человек, бесспорно, наделен двойным набором органов чувств: природных, или физических, которые можно благополучно оставить физиологии для ее занятий; и субприродных, или духовных, полностью принадлежащих к области психологической науки. Пусть будет правильно понято, что латинская приставка "суб" была использована здесь в смысле, диаметрально противоположном тому, в котором она применяется, например, в химии. В нашем случае это не предлог, а префикс, как в словах "субтон" или "суббас" в музыке. Фактически, совокупный звук природы является, как было показано, одним ясным тоном, заданная вибрация которого исходит из вечности и через вечность; он имеет

неоспоримое существование *per se* [сам по себе, *лат.*], но все же обладает высотой, доступной лишь "для исключительно тонкого слуха",¹ — так же определенная гармония или дисгармония внешней природы человека выглядит для наблюдателя всецело зависящей от характера основной тональности, издаваемой *внутренним* человеком для *внешнего*. Это духовное ЭГО, или ЛИЧНОСТЬ, служит фундаментальной базой, определяющей тональность всей жизни человека — этого наиболее капризного, неопределенного и переменчивого из всех инструментов, который в большей степени, чем любой другой требует постоянной настройки; это один его голос, который подобно суббасу органа лежит в основе мелодии всей его жизни — будь его тона благозвучными или грубыми, гармоничными или беспорядочными, *legato* или *pizzicato*.

1 Этот тон, как утверждают специалисты, является средним *фа* фортепиано.

Таким образом, мы говорим, что человек в добавление к физическому мозгу имеет также мозг духовный. Если первый, с одной стороны, целиком зависит по своему уровню восприимчивости от своей собственной физической структуры и развития, то с другой стороны, он полностью подчиняется последнему, поскольку тот является единственным духовным эго, и в соответствии с тем, устремлен ли он в направлении двух своих высших принципов,¹ или же, скорее, в направлении своей физической оболочки, он более или менее живо запечатлевает во внешнем мозгу восприятие вещей чисто духовных и нематериальных. Следовательно, от остроты ментальных ощущений внутреннего эго, от степени духовности его способностей зависит перемещение впечатлений о том, что воспринимает полудуховный мозг, слова, которые слышит, и то, что чувствует спящий физический мозг внешнего человека.

1 Шестой принцип, или духовная душа, и седьмой — Чистый духовный принцип, "Дух", или *Парабрахм*, эманация из бессознательного АБСОЛЮТА. (См. "Фрагменты оккультной истины").

Чем выше духовность способностей последнего, тем легче будет для эго пробудить спящие полушария, вызвать

активность в сенсорных ганглиях и мозжечке и запечатлеть в первом — находящемся всегда в состоянии полной неактивности и покоя в течение глубокого сна — живые картины того, что таким образом переносится. В чувственном, бездуховном человеке, в том, чей образ жизни и чьи животные привязанности и страсти полностью разрушили связь между его пятым принципом, или животным, астральным эго, и его высшей "духовной душой"; а также в том, чей тяжелый, физический труд столь истощил его материальное тело, что сделал его временно невосприимчивым к голосу и прикосновению астральной души, — в течение сна их мозги остаются в состоянии анемии, или полной пассивности. Такие люди очень редко, если вообще когда-нибудь, видят какие-либо сны, и реже всего — "видения, отражающие действительность". У первого, когда приближается время пробуждения и его сон становится менее глубоким, начинают возникать ментальные изменения, создающие сновидения, в которых разум не играет никакой роли; его наполовину пробужденный мозг производит только картины, являющиеся лишь смутными, гротескными репродукциями его диких жизненных привычек; в то время как у последнего — если только его мозг не занят какой-либо исключительно важной мыслью — вечно присутствующий в нем инстинкт активной жизни не позволит ему остаться в таком полудремотном состоянии, в течение которого происходит возвращение сознаниями мы видим сны разного рода, но когда мы разбудим его, он сразу же и без всякого промедления вернется в состояние полного бодрствования. С другой стороны, чем выше духовность человека, тем сильнее активность его фантазии и больше вероятность того, что он получит в видении правильное впечатление, переданное ему его всевидящим, вечно бдительным эго. Духовные чувства последнего, не имеющие препятствий со стороны физических органов чувств, находятся в непосредственной близости с его высшим духовным принципом; последний, хотя он *per se* есть квази-подсознательная часть совершенно не наделенного сознанием, потому что полностью *нематериального*, Абсолюта,¹ — все же содержащего в себе врожденные способности к Всеведению), Вездесущности и Всемогуществу, который, как только чистая сущность приходит в контакт с чистой сублимированной и (для нас) неощутимой материей, — передает ему эти свойства в некоторой степени как чистое астральное эго. Следовательно, духовно высокоразвитые люди будут наблюдать видения и

сновидения в течение сна и даже в часы бодрствования: таковы сенситивы, прирожденные ясновидящие, ныне неопределенно именуемые "духовными медиумами", причем не проводится различие между субъективным ясновидящим, *нейрипнологическим* субъектом, и даже адептом — тем, кто сделал себя независимым от своих физиологических идиосинкразии и полностью подчинил внешнего человека *внутреннему*. Те люди, которые менее развиты духовно, будут видеть такие сны лишь изредка, и точность последних зависит от интенсивности их ощущений, относящихся к воспринимаемому объекту.

1 Любое исключение в этой области будет приниматься теистами и вызовет различные возражения у спиритуалистов. Очевидно, что мы не можем дать в узких рамках короткой статьи полное объяснение этого в высшей степени непонятого и эзотерического учения. Сказать, что **АБСОЛЮТНОЕ СОЗНАНИЕ** является *бессознательным* в отношении собственного осознания, и, следовательно, для ограниченного интеллекта человека должно быть "**АБСОЛЮТНОЙ БЕССОЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ**", — это все равно, что говорить о квадратном треугольнике. Мы надеемся развить это утверждение более полно во "Фрагментах оккультной истины". Тогда мы, вероятно, докажем, для того, чтобы удовлетворить непредубежденных читателей, что *Абсолют*, или *Необусловленное*, и (особенно) *несказанное* — это просто прихотливая абстракция, выдумка, если только мы не посмотрим на нее с точки зрения и в свете более сведущего пантеиста. Чтобы сделать это, мы должны будем рассматривать "Абсолют" просто как скопление всех разумов, совокупность всех существ, неспособный проявить себя кроме как через взаимодействие своих частей, так как Он абсолютно не познаваемый и не существующий вне своих феноменов, и полностью зависит от своих постоянно коррелирующих Сил, которые, в свою очередь, зависят от **ЕДИНОГО ВЕЛИКОГО ЗАКОНА**.

Если бы расследовать случай с бабу Джагат Чандром более пристально, мы бы наверняка выяснили, что так или иначе, либо он, либо его жена, были сильно привязаны друг к другу; или, что вопрос о жизни и смерти имел величайшую важность для одного из них, или для обоих. Древняя пословица гласит: "Душа душе весть подает". Отсюда — предчувствия, сны и видения. Во всех событиях этого рода, по крайней мере, в таких снах действовали вовсе не "бестелесные" духи, причем предупреждение имело отношение либо к одному, либо к другому, либо к обоим из двух живущих и воплощенных эго.

Таким образом, в этом вопросе о подтвердившихся снах, как и в столь многих других, наука стоит перед нерешенной проблемой, непонятная природа которой была создана ее собственным материалистическим упрямством и ее излюбленной рутинной политикой. Ибо, хотя очевидно, что человек — это дуальное существо, с заключенным в него внутреннем эго,¹ причем это эго — "истинный" человек, отличный и независимый от внешнего человека в той степени, в какой в нем преобладает или недостает его материальное тело; эго, сфера чувствительности которого простирается далеко за пределы, "дозволенные для физических чувств человека; эго, которое переживает разрушение своих внешних покровов, по крайней мере, на время, даже когда дурной образ жизни не дает ему возможности достигнуть совершенного единства со своим духовным высшим Я, то есть, сочетать свою *индивидуальность* с ней (*личность* постепенно угасает в каждом случае); и, наконец, есть свидетельства миллионов людей, охватывающие несколько тысячелетий; доказательства предоставлялись и в нашем столетии сотнями наиболее образованных людей — часто величайшими светилами науки, — но мы видим, что все это ни к чему не приводит. За исключением маленькой кучки научных авторитетов, окруженной нетерпеливой толпой скептиков и псевдоученых, которые никогда ничего не видели, и поэтому требуют себе право отрицать все — мир обречен, как гигантский сумасшедший дом! В нем, однако, существует особое отделение. Оно предназначено для тех, кто, доказав нормальность своего разума, должен с необходимостью рассматриваться как ОБМАНЩИК и ЛЖЕЦ...

¹ С одним ли единственным эго, или душой, как утверждают спиритуалисты, или с несколькими —

то есть, состоящими из семи принципов, как учит восточный эзотеризм, — это в данном случае не является вопросом для обсуждения. Сначала мы докажем, используя наш общий опыт, что в человеке существует нечто, выходящее за пределы бюхнеровской силы и материи.

Изучен ли феномен сновидений наукой столь досконально, что больше нечего узнать о нем, отчего она и говорит столь авторитетным тоном об этом вопросе? Вовсе нет. Явления ощущения и воли, интеллекта и инстинкта, безусловно, проявляют себя посредством каналов нервных центров, важнейшим из которых является мозг. Особая субстанция, посредством которой происходят такие действия, имеет две формы — везикулярную и фиброзную, причем последняя из них, так сказать, является просто проводником впечатлений, передающихся к везикулярному веществу и от него. Все же, хотя эта физиологическая структура различается, или подразделяется наукой на три разновидности— моторную, сенситивную и связующую, — таинственная деятельность интеллекта остается столь же непостижимой и приводит в затруднение великих физиологов, как и во времена Гиппократов. Научное предположение о том, что может существовать четвертая структура, связанная с мыслительной деятельностью, не помогло в решении проблемы; оно не смогло пролить даже малейший луч света на эту непостижимую тайну. Наши ученые никогда не поймут ее, пока они не примут гипотезы ДУАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА.

ФРАГМЕНТЫ ОККУЛЬТНОЙ ИСТИНЫ

Мы получили от одного собрата-теософа весьма интересное сдержанное замечание о некоторых возможных ошибках оккультистов, имеющих дело с феноменом спиритуализма. Эта тема пользуется всеобщим интересом, а потому мы можем без каких-либо специальных объяснений опубликовать здесь фрагменты уроков, преподанных нам на эту тему в оккультных школах, которые, вероятно, смогут одновременно помочь устранить некоторые затруднения и сообщить спиритуалистам в целом более ясное представление о причинах многих феноменов, ими переживаемых.

"Теософов, отрицающих вполне законное участие бесплотных духов в чудесных феноменах", на самом деле весьма немного, ибо подавляющее большинство теософов весьма слабо интересуются спиритуализмом или же не знают о нем вовсе. В сущности, наших членов можно разделить на пять основных классов, и описать следующим образом.

(1). Люди, глубоко увлеченные восстановлением первоначальной чистоты своих религиозных философий — убежденные буддисты здесь численно превышают остальных. Они либо вообще не знают о спиритуализме, либо он их не заботит.

(2). Люди, изучающие различные философии, ищущие истину повсюду, где она может находиться. Они ни верят, ни не верят в духов. Они открыты для убеждения, но ничего не принимают из вторых рук.

(3). Материалисты, свободомыслящие, агностики, которых столь же мало заботит оккультизм, как и спиритуализм. Единственное, что их интересует — как освободить массы от оков невежества и суеверия и дать им образование. Многие, нет, большинство из них — это филантропы, считающие более целесообразным тратить свои силы на помощь живым людям, чем проводить время в беседах с умершими.

(4). Спиритуалисты и спиритисты, которых, разумеется, нельзя обвинить в подобной "ереси". И, наконец —

(5). Оккультисты, не составляющие и половины процента среди членов Теософского общества.

Эти последние только и являются "теософами", действительно открытыми для вышеприведенного обвинения; но даже они,

если взглянуть поверх словесного покрова, в большей или меньшей степени скрывающего идеи спиритуалистов и оккультистов, будут меньше отличаться по этим пунктам от воззрений философских спиритуалистов, чем это кажется на первый взгляд. Ибо, как в столь многих случаях, это в значительной мере обусловлено тем, что две разные партии используют различные обозначения для одних и тех же понятий, а вовсе не непримиримыми расхождениями между ними. Бэкон говорит: "Слова сильнее всего затуманивают и усложняют мудрость мудрейшего, подобно луку татарина, стреляющему назад, в умы тех, кто следует за ним"; и потому конфликт мнений между спиритуалистами и оккультистами связан единственно с тем фактом, что первые, переоценивая качество и характер общающихся с ними сущностей, величают именем "духи" некие останки умерших человеческих существ, тогда как оккультисты оставляют имя "Дух" для высшего принципа человеческой природы и рассматривают эти останки как простые эйдоконы или астральные подобия подлинного Духа.

Для того чтобы лучше понять точку зрения оккультистов, необходимо сказать несколько слов об устройстве живого человеческого существа. Даже спиритуалистическая теория учит, что человек — тройственен, и состоит из: (1) высшего духа или, как его называли древние философы, "духовной души"; (2) его оболочки — эфирной формы или тени человеческого тела, которую неоплатоники называли "животной душой"; и (3) физического тела.

Хотя с одной точки зрения такое деление в целом, верно, все же, согласно оккультистам, для того, чтобы яснее изложить наши представления об этой истине и успешнее следовать по пути, открывающемуся перед человеком в посмертии, необходимо дополнительно подразделить три эти сущности и разложить их на составляющие принципы. Такой анализ практически неизвестен западным народам, а потому в некоторых случаях чрезвычайно трудно подобрать английские слова для обозначения оккультных подразделений, однако мы приводим их здесь, используя более простую терминологию, чем имеется в нашем распоряжении.

<p style="text-align: center;">РАЗДЕЛЫ, ВЫДЕЛЯЕМЫЕ</p>	<p style="text-align: center;">ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ</p>
---	---

СПИРИТУАЛИСТАМИ	ОККУЛЬТИСТОВ
1. Тело.	<p>1. Физическое тело — состоит целиком из материи в ее самой грубой и наиболее ощутимой форме.</p> <p>2. Жизненный Принцип (или дживатма) — неразрушимая форма силы. Когда прерывается ее связь с одной системой атомов, она немедленно притягивается другими.</p>
2. Животная душа, или <i>перисприт</i> .	<p>3. Астральное тело (линга шарира) — состоит из материи в тонкоэфирном состоянии. В своем обычном пассивном состоянии оно совершенным образом, но весьма туманно дублирует тело; его деятельность, консолидация и форма всецело зависят от камарупы.</p> <p>4. Астральная форма (камарупа) или тело желания — принцип, определяющий конфигурацию —</p> <p>5. Животного или психического разума, сознания или эго, аналогичного, хотя и</p>

	пропорционально более высокого, чем рассудок, инстинкт, память, воображение и т. д., существующие ¹ у высших животных.
3. Духовная душа, или дух.	<p>6. Высший или духовный разум или сознание, или духовное эго, в котором, главным образом, и находится состояние сознания <i>совершенного</i> человека, хотя низшее, более слабое животное сознание пребывает в № 5.</p> <p>7. Дух — эманация Абсолюта, несотворенная и вечная; это скорее некое состояние, чем сущность.</p>

¹ Западная наука, по этому поводу, как правило, утверждает, что животные не имеют сознательного эго, но мы знаем, что это не так; не имея духовного, они обладают животным сознанием. Если бы люди могли вступать с ними в общение, то обнаружили бы не только этот факт, но и то, что многие человекообразные обезьяны обладают разумом, сознанием и т. д., не в меньшей степени, чем безумные, сумасшедшие, а также некоторые особо злонамеренные и развращенные люди, ставшие, фактически, животными из-за временной или постоянной потери своего шестого и седьмого принципов, даже если комбинация пяти остальных принципов все еще остается незатронутой, хотя бы

и в течение этой жизни. Что это? Некая смутная традиция, представляющая истину, переданную посредством римско-католической церкви, которая всегда обладала неким тайным знанием учений античных мистерий? Или же совершенные душами великих поэтов проникновения в Астральный Свет, позволившие Данте изобразить души некоторых своих врагов уже пребывающими в "Аду", хотя сами эти люди еще жили тогда на земле? Конечно, этот фрагмент истины был совершенно разрушен пагубным влиянием преобладающего тогда суеверного представления о материальном аде, но вполне возможно, как все еще полагает современный Запад, что души некоторых таких зловерных людей могут уже отойти, (хотя и не в мифический Ад), тогда как сами люди все еще продолжают жить.

Изменение, которое мы называем смертью, непосредственно влияет лишь на первые три составляющие; тело распадается, чтобы перейти в новые комбинации, а жизненная сила рассеивается, чтобы помочь вдохнуть жизнь в новые организмы, тогда как астральная человеческая форма (линга шарира) умирает вместе с телом.

Остаются четыре принципа. Как правило (мы не рассматриваем случай высших адептов), в соответствии с всеобщим законом сродства осуществляется один из двух возможных вариантов. Если духовное эго в течение жизни было по своим наклонностям материальным, получая наибольшее удовольствие и сосредотачивая все свои устремления на материальных объектах и удовлетворении мирских желаний, тогда в момент смерти оно продолжает слепо прилепиться к низшим элементам своей бывшей комбинации, а истинный дух отделяется от них и отовсюду исчезает. Мы не можем в настоящей статье рассмотреть этот вопрос подробнее, поскольку остающиеся принципы, в которых сохраняется личное или животное сознание, навсегда отделяются от него (эго), и для того, чтобы детальнее рассмотреть его судьбу потребовалось бы полное изложение всей философии оккультизма; здесь же достаточно сказать, что оно исчезает — не унося с собой никакого фрагмента индивидуального сознания человека, с которым оно было временно связано, — чтобы исполнить свою миссию, все еще ведомое и направляемое неодолимым космическим импульсом,

впервые испустившим его сквозь покров первичной космической материи.

Но если, с другой стороны, тенденции эго были направлены к духовным материям, если его устремления обращались к небу — мы используем здесь этот общепринятый термин, — если оно обладало, будучи взвешенным как бы на весах, большим тяготением к духовным, чем к материальным составляющим той комбинации, в которой она недавно принимала участие, и все это сопровождалось соответствующими желаниями, тогда оно прилепится к духу и вместе с ним проникнет в соседний так называемый мир следствий (в действительности это некое состояние, а вовсе не место), и там, очищенное от большей части все еще сохраняющегося материального налета, "испустит" из себя при помощи духа новое эго, чтобы вновь родиться после краткого периода свободы и наслаждения в следующем высшем мире причин, объективном мире, похожем на наш земной мир, но расположенном выше по духовной шкале, где материя и материальные тенденции и желания играют намного более слабую роль, чем здесь, на земле.

В любом случае, все это не имеет отношения к суду, спасению и проклятию, небесам и аду, но всецело связано с действием универсального закона сродства или притяжения, заставляющего эго в одном случае прилепляться к более материальным, а в другом — к более духовным компонентам бывшего агрегата, ныне разделенного в результате смерти. Однако ни во время созревания в субъективном мире следствий, ни в течение временного периода наслаждения плодами добрых поступков, т. е. его земной кармы, в состоянии своего новорожденного эго, ни после того, как оно вступает в высший объективный мир причин, — эго не может, вновь попасть в наш земной мир. В течение первого периода оно, так сказать, дремлет, и так же не может выйти из состояния, в котором пребывает и претерпевает развитие, как и ребенок, который не может появиться из материнского чрева, прежде чем завершится период беременности. Во время второго периода, сколь бы эфирным и очищенным от грубой материи ни было возроденное эго, оно все еще находится под властью физического и универсального закона материи. Оно не может преодолеть той пропасти, которая отделяет его состояние от нашего. Люди могут духовно навестить его, однако само оно не может низойти в нашу грубую атмосферу и достигнуть нас. Оно притягивает, но не может быть притянуто; его духовная полярность является непреодолимым

препятствием. Переродившись в высшем мире, где не существует никакой физической возможности общения между этим миром и нашим миром ни для кого, кроме самых высших адептов, это новое эго становится новой личностью; оно утратило свое прежнее сознание, связанное с земными переживаниями, и приобрело новое сознание, которое, по прошествии некоего времени, проникнется его переживаниями в этой высшей сфере. И, несомненно, настанет такое время, когда, пройдя еще много ступеней вверх по лестнице, эго снова получит сознание всех своих прошлых уровней существования; но в следующем за нашим миром высшем мире причин, или деятельности (по отношению к нашему миру), новое эго имеет не больше воспоминаний о своем земном пути, чем помним здесь мы о своей прошлой жизни.

Таким образом, оккультисты утверждают, что никакие "духи" умерших не могут появляться в комнатах для сеансов или принимать участие в происходящих там явлениях. Тому же, что может в них появляться и участвовать в этих феноменах, оккультисты отказываются давать название "духи".

Однако можно задать справедливый вопрос: что же там все-таки может появляться?

Отвечаем: просто животные души или периспри́ты умерших. Из всего вышесказанного может показаться, что, согласно нашему объяснению, если это верно в случае духовно обращенных людей, то в случае материально-настроенных мы будем иметь и эти животные души, и духовное эго, или сознание. Однако это не так. Непосредственно после отделения духа в момент смерти или, на что мы уже намекали, в некоторых случаях — до смерти, духовное эго рассеивается и перестает существовать. Это является результатом воздействия духа на материю и может быть для большей ясности описано как некая комбинация духа и материи, подобно тому, как пламя есть результат сочетания кислорода с окисляемым веществом и легко может быть описано как комбинация двух этих элементов. Уберите кислород — и пламя исчезнет; уберите дух — и исчезнет духовное эго. В духе не может существовать чувство индивидуальности, если он не связан с материей. Поэтому чистые планетарные духи, когда они впервые начали

двигаться в цикле необходимости, не имели индивидуального сознания, но обладали лишь абсолютным сознанием, в котором они соучаствовали вместе со всеми фрагментами духа, до тех

пор совершенно не связанного с материей. По мере того как они, вступив в процесс порождения, опускаются вниз по лестнице и постепенно все глубже и глубже погружаются в материю, обособляясь от универсального духа, возрастает чувство^ индивидуальности, ощущение духовного эго. Каким же образом в конце концов, шаг за шагом вновь взойдя по этому циклу, они снова обретают, соединившись с универсальным, абсолютное сознание, а одновременно и все индивидуальные сознания, развитые ими на каждом этапе своего нисходящего и восходящего пути, — это одна из величайших тайн.

Но вернемся к состоянию духовного эго, развиваемому на этой земле; если оно слишком загрязнено материальным, чтобы следовать за духом на пути его восхождения, оно как бы отрывается от него. Оставаясь в земной атмосфере без поддерживающего духа, давшего ему существование, оно должно исчезнуть подобно тому, как исчезает пламя, когда израсходован весь кислород. Все материальные элементы, придававшие ему в сочетании с духом согласованность и связность, уносятся под действием закона сродства, чтобы присоединиться к трем другим принципам, которые составляют перисприт, или естественную душу, а духовное эго перестает существовать.

Таким образом, как и во всех остальных случаях, все, что может появиться — это лишь оболочки умерших, два принципа, называемые нами животными или выжившими астральными душами или животным эго.

Следует, однако, заметить по этому поводу следующее. Подобно тому, как, по словам Саади, глина кувшина, которому выпала честь принимать в себе розу, долго сохраняет ее аромат, так и эфиризированная материя, находившаяся в комбинации с духом, долго сохраняет силу сопротивляться распаду. Чем чище духовное эго, тем меньше материи, формировавшей его в сочетании с духом, он оставляет, прилипая к двум принципам; чем грязнее духовное эго, тем большая остается масса такой оживленной духом материи, чтобы придать силу останкам.

Таким образом, отсюда следует, что в случае чистого и доброго эго оболочки быстро распадаются, а животная душа, всегда находившаяся в зависимости, слаба и безвольна; и очень редко, если вообще когда-либо случается, что она произвольно появляется или проявляет себя, ибо их

жизненная сила, желания и устремления практически целиком существовали в том, что уже умерло. Несомненно, существует сила, которая может вызвать появление даже таких оболочек, сила, которой обучает зловредная наука некромантия, совершенно справедливо отвергаемая всеми добропорядочными людьми прошлого. Но почему же она зловредна, можно спросить? Потому что до тех пор, пока не рассеются такие оболочки, существует определенное соответствие между ними и умершим духовным эго, взращиваемым в бездонном чреве соседнего мира следствий; беспокоить такие оболочки при помощи некромантии — это значит в то же самое время побеспокоить эмбриональное духовное эго.

Мы говорили, что эти оболочки в подобных случаях быстро распадаются, причем скорость распада прямо пропорциональна чистоте умершего духовного эго; и мы можем добавить, что скорость созревания нового эго пропорциональна чистоте старого эго, из которого оно развивается. К счастью, некромантия неизвестна современным спиритуалистам, поэтому очень маловероятно, что останки доброго и чистого могут появиться в комнатах для сеансов. Несомненно, подобия некоторых духовных эго, уделом которых было постоянное колебание вокруг точки равновесия, чьи наклонности в сторону земного и небесного, используя популярную фразеологию, были практически одинаковыми, которые оставили позади слишком много материи, участвовавшей в их формировании, и которые долгое время будут находиться в эмбриональном состоянии, прежде чем смогут развиваться в новое эго, — несомненно, скажем мы, такие подобия могут выжить в течение долгого времени и изредка появляться при исключительных обстоятельствах в комнатах для сеансов, с весьма тусклым и смутным осознанием своих прошлых жизней. Но даже это, в связи с необходимыми для такого появления условиями, случается крайне редко; они никогда не будут активными или мыслящими, поскольку более сильные части их воли, высшие части их разума, удалились в какое-то другое место.

Природа не проводит никаких твердых линий, хотя в балансе сил весьма незначительные различия в противоборствующих энергиях могут вызвать очень далеко отстоящие друг от друга следствия. Все сущности, двигаясь от одного конца цепи к другому, незаметно переходят с одной неразличимой ступени на следующую, и человек не может точно установить тот

уровень чистоты умершего, на Котором становится невозможным произвольное появление его останков под воздействием медиума; но абсолютно верно, что, вообще говоря, лишь останки людей, настроенных не духовно, духовное эго которых погибает, появляются в комнатах для сеансов и возвеличиваются спиритуалистами под названием "духи умерших".

Такие оболочки, такие животные души, в которых все еще сохраняется большая часть разума, силы воли и знания, которыми они обладали, когда воплощались в человеческой комбинации, к тому же усиленные посредством повторной ассимиляции одухотворенной материи, некогда сочетавшейся с духом при образовании их духовного эго, часто обладают некой силой и являются исключительно разумными в течение продолжительного периода времени, причем сильное влечение к земной жизни позволяет им извлекать из распадающихся подобий обильный и непрочный материал для продолжения своего существования.

Оккультисты называют такие эйдолоны элементариями; именно они при помощи привлекаемых ими полуразумных сил природы совершают большинство чудес в комнатах для сеансов. Итак, именно в отношении таких эйдолонов, утративших свое бессмертие, чья божественная сущность исчезла навсегда, спиритуалисты настойчиво употребляют наименование "духи умерших"; это вовсе не духи, они тленны и смертны, это то, что остается от умерших, когда отлетают их души, однако понимать все это и, тем не менее, предпочитать именно такое их название, которое прямо противоположно их природе, — это, прежде всего, просто грубая терминологическая ошибка.

Но пусть здесь даже и нет ошибки в отношении того, чем они являются; сотни и тысячи умерших и распавшихся мужчин и женщин по всей земле свидетельствуют о деградации, к которой слишком часто приводит их подчинение влиянию в среде медиумов, и мы, знающие истину, не выполним свой долг, если самым решительным образом не предупредим всех спиритуалистов о недопустимости неправильного употребления терминов, вводящих их в заблуждение относительно подлинной природы и характера бесплотных сущностей, с которыми они постоянно столь тесно имеют дело.

Теперь, возможно, спиритуалисты согласятся, что наши взгляды вполне объясняют огромное количество всевозможной

ерунды, пустой нелепицы и лжи, сообщаемое через медиумов, а равным образом и то, как многие из них, будучи сначала вполне добрыми и искренними людьми, постепенно превращаются в безнравственных обманщиков. Но здесь могут возникнуть многие возражения. Один человек скажет: "Я постоянно общался со своим покойным отцом; никогда не существовало другого столь добросердечного и духовно мыслящего человека, как он; и однажды он сообщил мне один факт, неизвестный мне ранее, как, я думаю, и никому другому из живых людей, в истинности которого я впоследствии удостоверился".

Нет ничего более простого — образ отца находился в уме его сына. Таким образом, при установлении связи во время сеанса бесплотный элементарий, если он принадлежит к одному из более-менее разумных классов, мельком улавливает вещи в астральном свете и может то там, то тут смутно различить картины, на которых отражено каждое деяние, слово и мысль, — картины, которые все мы непрестанно и бессознательно создаем, картины, которые сохраняются еще долгое время после исчезновения своих создателей. Этот элементарий, говорим мы, который, рассматривая их, легко собирает достаточное количество фактов для своей цели и по своей воле материализуется — частично из материи, почерпнутой из тела медиума, частично из инертного космического вещества, доставленного ему при помощи элементалов, или полуслепых сил природы, которые он, а быть может и медиум, привлеч, — создает двойника умершего отца и сообщает о вещах, известных лишь этому умершему отцу. Конечно, если сообщаемое было известно кому-либо из присутствующих, элементарий и медиум в состоянии транса также могут узнать это, но мы нарочно предложили здесь один из тех редких случаев, которые считаются сильнейшими доказательствами, так сказать, "идентичности" этих "духов". Само собой разумеется, также, что все, что однажды прошло перед разумом сына — интонация голоса, особенности поведения, недостатки характера и, быть может, в тот момент было забыто, в действительности неизгладимо записано в его памяти. Это прекрасно доказывает тот факт, что они немедленно вспоминаются, когда их воспроизводит элементарий, извлекая их из таких скрытых записей.

При этом следует напомнить, что такие сильные и совершенные случаи крайне редки, и что элементарий, если они принимают вид каких-либо известных людей, обычно

делают грубые ошибки и практически всегда тем или иным образом выдают свой обман, — Шекспир и Мильтон, несущие всякую чушь, Ньютон, совершенно невежественный в своих собственных "Principia", Платон, который учит бледной неоплатонической или сентиментальной христианской философии, и тому подобное. В то же самое время несомненно, что в редких случаях призрачные остатки очень умных, очень злонамеренных и решительных людей образуют высокоинтеллектуальные бесплотные сущности, которые продолжают существовать еще долгое время, и чем более порочны и материальны они во всех своих устремлениях, тем дольше избегают они разрушения.

Православная церковь ближе к истине, называя "демонами" те сущности, с которыми главным образом и имеют дело в комнатах для сеансов, чем спиритуалисты, именующие их "духами". Мы вовсе не имеем в виду, что все они активно злонамеренны, однако магнетически они тяготеют к злу; они склоняют и ведут тех, с кем часто общаются, к тем же самым дурным материальным страстям, которые были причиной их собственной гибели.

Естественно, спиритуалисты будут возражать, что это не может быть правдой, поскольку кроме массы всего того глупого, нечленораздельного или ложного, что часто слышится в комнатах для сеансов, нередко через медиумов высказываются в высшей степени чистые и действительно возвышенные идеи и наставления.

При этом, однако, надо не упускать из виду следующие моменты. Во-первых, элементарии никоим образом не являются активно и во всех отношениях обращенными к злу, хотя они и непригодны для дальнейшего развития и, таким образом, в большинстве случаев обречены, в соответствии с вечным законом выживания наиболее приспособленных, на то, чтобы после разрушения и утраты индивидуального сознания снова трудиться в низших мирах в новых комбинациях. Если взвесить их на "весах", окажется, что их природа намного ближе к материи, чем к духу, а потому они неспособны к дальнейшему прогрессу; однако когда они имеют дело со спиритическим кругом, состоящим из чистых людей, и говорят через еще более чистого медиума, — а ведь поистине лишь немногие из медиумов сохраняют это качество в процессе своей деятельности, — проявляется лучшая и наименее испорченная сторона их природы, и элементарии вполне могут

иметь совершенное интеллектуальное знание, высоко ценить добродетель и чистоту и обладать весьма просвещенными представлениями об истине, внутренне оставаясь порочными в своих тенденциях. Мы встречали множество людей, которые сентиментально любили добродетель, и все же их жизнь проходила в непрерывном потакании своим страстям и желаниям, и какими были эти люди, таковы же будут и элементарии, их останки. Мы иногда весьма резко отзываемся о распространенном современном христианстве именно потому, что знаем, что, при всех остальных своих облагораживающих и спасительных тенденциях, в этом исключительно важном вопросе оно приводит к разрушению мириады душ. Ибо приводит людей к вере, что деяния человека значат совсем немного, если только он верит, что грехи прощаются ему и, положившись на заслуги Иисуса Христа, он может избежать Божьего возмездия. Однако не существует ни антропоморфного Господа, ни возмездия, ни прощения; есть просто действие закона природы, установленного Абсолютом во вселенной, это просто вопрос соотношения свойств или влечений; и те, чьи поступки и общие наклонности являются земными и материальными, опускаются вниз по шкале и лишь редко, крайне редко снова поднимаются вверх в своих собственных индивидуальностях, тогда как те, кто обладают духовными устремлениями, восходят ввысь.

Однако мы не можем подробнее рассмотреть здесь те важнейшие вопросы, о которых мы вкратце упомянули, а потому возвратимся к теме высоких, или относительно высоких учений, передаваемых через медиумов.

Никоим образом не следует впадать в заблуждение, что все, слышимое нами от последних, исходит от элементарнее. Прежде всего, великое множество знаменитых медиумов являются искусными обманщиками. Существует целый ряд известных трансовых медиумов, главным образом женщин, которые постоянно разрабатывают и репетируют свои так называемые трансовые речи; это и на самом деле искусные люди, пишущие хорошие книги, создающие вполне приличные, а порой и замечательные эссе. Здесь не происходит никакого духовного влияния; единственное очевидно аномальное явление в таких случаях — это то, что лица, обладающие такими прекрасными способностями, хотят таким образом их протитуировать, и что люди, которые могут столь хорошо и трогательно говорить об истине и чистоте, ведут в то

же самое время столь лживую и аморальную жизнь. Девиз "*Video meliora proboque, deteriora sequor*" ["Вижу и одобряю лучшее, а следую худшему", Овидий, *лат.*] всегда находил отклик в слишком многих человеческих сердцах и во все века звучал похоронным звоном полного уничтожения столь многих индивидуальностей.

Во-вторых, в случае чистых и подлинных медиумов, которые находятся в состоянии транса под влиянием своего собственного седьмого принципа, *аугозйда* греков, все наставления исходят из души самого медиума, и лишь очень редко можно получить таким образом что-либо более возвышенное, чем то, что может произвести в состоянии духовного возбуждения собственный разум медиума.

Можно сказать, что во многих подобных случаях медиум сам говорит, что его (или ее) учит судья Эдмондс или покойный епископ такой-то, однако это происходит просто из-за вмешательства вредных элементариев, которые постоянно клубятся вокруг любого медиума и, даже если он и слишком чист, чтобы позволить им овладеть собой, все же запутывают и обманывают его, вечно стремясь всюду сунуть свой "нос". Лишь адепт может ясно, сознательно и всецело поставить духовное эго под власть духа. Медиумы, которые неосознанно достигают состояния транса, не имеют ни малейшего представления об источнике собственных ощущений. На них может оказать влияние любой элементарий и, используя любую слабую точку в их характере, заставит поверить, что эти ощущения исходят от него. То же самое, хотя и в меньшей степени, имеет место в случае с теми редкими и возвышенными, по причине своей особой чистоты, медиумами, чьи эго и дух могут воспарить вверх, в астральный свет, в то время когда их остальные составные части находятся в состоянии транса, и прочитать там все самые высокие мысли, которые только могут появиться в уме человека. Действительно, эго высочайших, лучших медиумов могут воспроизвести в этом материальном мире лишь фрагментарным и искаженным образом то, чтобы было прочитано ими в астральном свете; и все же даже такое воспроизведение иногда намного превосходит по своему характеру способности как самого медиума, так и всех присутствующих на сеансе. Каким образом происходит, что медиум часто начинает приписывать духам такие мысли, выловленные из астрального света подобно жемчужинам, мы уже объяснили.

Но еще более распространенным источником инспирации медиумов является разум одного или нескольких из присутствующих. Пребывая в трансе, духовная душа — шестой и седьмой принципы — может читать все то, что записано в уме и в памяти тех, к кому она каким-либо образом тяготеет, и высказывания медиума будут в таких случаях в высшей степени соответствовать мыслям тех людей, с кем он находится таким образом *en rapport* [в контакте, *франц.*]. Если это чистые, высокоразвитые люди, полученные таким путем наставления будут равным образом чистыми и интеллектуальными. Однако, опять-таки, бессознательный медиум, как правило, не знает, откуда исходит все, что им воспринято. Своей духовной душой он, несомненно, понимает это, но в комбинации с остальными принципами — комбинации, необходимой для того, чтобы записывать такие впечатления или говорить о них — он находится в полной темноте, и первый попавшийся элементарий, обладающий достаточной силой, может внушить ему любое представление о том, что он хочет сообщить.

Действительно, медиумизм — это опасная, а зачастую и фатальная способность; и если мы выступаем против спиритуализма с такой настойчивостью и с таким постоянством, то вовсе не потому, что мы отрицаем реальность таких феноменов, которые, как нам известно, могут происходить, и происходят в реальности, несмотря на множество мошеннических подражаний, и которые наши адепты могут воспроизводить по своей воле и без какой-либо для себя опасности, но из-за того неисправимого духовного вреда (не говоря уже о простых физических страданиях), который наносит девяти десяткам практикующим медиумам их приверженность к спиритуализму. Мы знали десятки, нет, сотни необыкновенно добрых, чистых, искренних мужчин и женщин, которые, по всей вероятности, во всем, кроме культивирования этой дьявольской способности получать впечатления от элементариев, вели достойную и возвышенную жизнь; однако под постепенным вредоносным влиянием этих низших, связанных с землей сущностей, опускались все ниже и ниже, заканчивая, зачастую преждевременно, свои жизни, которые могли привести лишь к духовной гибели.

Все это вовсе не спекуляции — мы говорим о том, что знаем, — даже если один из пяти медиумов, постоянно использующих эту способность, и избегает этой судьбы, уготованной столь многим, эти исключения вовсе не могут

оправдать спиритуалистов, поддерживающих и подстрекающих толпу профессиональных медиумов, которые рискуют потерять свое бессмертие ради низших материальных влияний. Одно дело — это практика медиумических способностей с благими целями, изредка осуществляемая добродетельными медиумами, которые постоянно заботятся об укреплении своей нравственной и духовной природы, ведут чистую жизнь и имеют самые высокие устремления; совсем другое дело — обычная практика, совершаемая беззаботно и бесчестно, ради выгоды. Нельзя переусердствовать в осуждении этой последней практики, и это в высших интересах как самих медиумов, так и пользующихся их услугами.

"Дурные связи портят хорошие манеры" — это вечная истина, хотя, быть может, несколько затасканная и банальная, и никакие дурные связи не является столь вредоносными, как эти тонкие влияния, исходящие от низких, бестиальных элементариев, клубящихся в комнатах для сеансов у безнравственных или в какой-то мере деморализованных медиумов, слишком слабых и подавленных, чтобы мочь что-либо увидеть или услышать, но достаточно сильных в своих исключительно материальных наклонностях, чтобы ввести нравственный яд в ментальную атмосферу всех присутствующих.

В том, что люди, заблудившиеся в обветшавших руинах пришедших в упадок религий, будут исступленно хвататься за каждую нить, в которой увидят проблеск надежды проникнуть в закрытый облаками лабиринт тайны вселенной, нет ничего удивительного и достойного осуждения; но вовсе не через медиумов — добычу любого свободного призрака и элементария — может быть достигнута эта великая истина, но тем суровым и строгим путем учения, самодисциплины и самоочищения, которому учат в храме оккультизма, самым прямым путем к которому в настоящее время является теософия.

II

Из чего состоит подлинное знание? Этот вопрос лежит на пороге оккультного обучения. В реальной практике, он первым ставится перед обычным изучающим оккультизм человеком,

который попадает к учителям оккультного мира. Его учат (или ему показывают), что существует два вида знания, реальное и нереальное; реальное связано с вечными истинами и первичными причинами, нереальное — с иллюзорными следствиями. До тех пор, пока кажется, что это утверждение связано лишь с некими туманными абстракциями, едва ли кто-нибудь будет его отрицать. Любая школа мыслителей легко признает его, оставляя за собой предположение о том, что иллюзорными следствиями являются те соображения, которые пленяют ее соперников, а вечные истины — это ее собственные умозаключения. Но с достаточной ясностью понять, какие из ментальных построений следует классифицировать как иллюзорные следствия, мы сможем не раньше, чем обнаружим, что эта первая предпосылка оккультной философии находится в полном противоречии со всей совокупностью повседневной мировой практики в том, что касается всех разновидностей научного исследования. Вся физическая наука и львиная доля того, что западный мир предпочитает называть метафизической спекуляцией, покоится на грубой и поверхностной вере в то, что единственный путь, по которому идеи могут проникнуть в разум — это каналы органов чувств. Физик все свои усилия тратит на тщательное исключение из массы тех материалов, на которых он строит свои выводы, всего, что не попадает в разряд того, что он считает реальными фактами. А реальными фактами он считает все то, что явным образом воздействует на органы чувств, — то есть то, что мудрая философия восточного оккультизма особо и с самого начала осуждает как иллюзорный, по самой своей природе, результат, временное, вторичное следствие реального факта, стоящего за ним. Поступая таким образом, не совершает ли оккультная философия некоего произвольного выбора между соперничающими методами, подобно тому, как химик может выбрать тот или иной из двух разных методов анализа? Вовсе нет. Подлинная философия не может делать никакого выбора произвольно; существует лишь одна вечная истина и в ее поисках мысль вынуждена идти одним-единственным путем. Знание, которое обращается к органам чувств, не может иметь дело ни с чем иным, кроме иллюзорных следствий, ибо все формы этого мира и его материальные комбинации суть лишь отдельные картинки в великой, постоянно изменяющейся панораме эволюции; ни в одной из них нет ничего от вечности. Делая простой вывод из физических фактов, наука, исходя из своих собственных

методов, поймет, что было некое время, предшествовавшее тому моменту, когда какие-то зародыши жизни, какими бы они ни были, приняли формы, в которых они проявляются сегодня. Разумеется, наступит такое время, когда все эти формы исчезнут в процессе космического изменения. Что предшествовало им, вызвав их эволюцию из огненной туманности, какие следы оставят они за собой? Из ничего они появились, в ничто и возвратятся — так звучит дважды иррациональный ответ, который является единственным логическим выводом из физической философии, делающей из них реальные факты, единственную основу реального знания.

Следует помнить, конечно, что нереальное знание, происходящее из наблюдения иллюзорных, поскольку временных и вторичных, следствий, успешно работает лишь в отношении короткой цепи событий, которую оно может сконструировать. Именно это приводит столь многие, в других отношениях могучие умы к слепой удовлетворенности этим знанием. Некоторые из законов материи можно хотя бы обнаружить, если не понять, простым наблюдением материи; однако очевидно, что то, из чего произошла материя, и то, к чему она возвратится, нельзя обнаружить материальными органами чувств. Каким же иным образом можно распространить наблюдение за рамки материальных чувств? Лишь если оно будет расширено, для человека станет доступно знание, связанное с вечными истинами и первичными причинами — реальное знание, отличное от временного и нереального. Физик же, пребывая в полном неведении относительно методов, благодаря которым наблюдаемая область может быть расширена за пределы чувств, немедленно заявит: "О гипотетических вечных истинах вы можете лишь мечтать и предаваться иллюзорным догадкам — все это просто порожденная мозгом фантазия". Таким образом, весь мир в целом, не довольствуясь излюбленными иллюзиями и называя их реальностями, с презрением отказывается от реальности и отвергает ее, как иллюзию.

Но может ли быть достигнута вечная истина? Даже если самые строгие факты считать иллюзией, поскольку они преходящи, не следует ли из этого, что то, что свободно от изменения, находится за пределами наблюдения? Не должны ли мы восходить к теоретическому допущению о возможности реального знания через практическое допущение, что никакой человек никогда не сможет иметь к нему никакого отношения? Последовательный материалист, который искренне верит, что

человек — это просто состоящая из газа, фосфатов и химических элементов структура, функционирующая только внутри себя самой, получит ответ, основанный на фактах, повторять которые нет необходимости, встретившись со спорщиками, понимающими, во всяком случае, что живое тело содержит в себе некий духовный принцип, и что этот духовный принцип способен жить отдельно от тела, когда последнее умирает. Не вызовет возражения у спиритуалиста такая концепция, согласно которой, если дух человека живет, наблюдает, мыслит и сообщает свои впечатления после того, как тело сожжено или захоронено, то при определенных условиях тот же самый дух может временно отделиться от тела еще при жизни и тем самым установить такие отношения с духовным миром, что получит абсолютное знание о его феноменах. Теперь, совершенно ясно, что, во всяком случае, для нас самих такой мир является миром вечных истин. Мы знаем, что этот мир мимолетный и преходящий. Легко понять, и все аналогии подразумевают этот вывод, подкрепляемый всеми возможными духовными утверждениями, что мир духа более прочный и долговременный. То знание реально, которое сохраняется, а нереально то, которое исчезает, — как в случае посвященного адепта, принесшего с собой обратно на землю четкие, ясные, детально выверенные воспоминания о собранных фактах и информацию, полученную в невидимой сфере реальности; дух человека, вступившего в прямые и сознательные отношения с духовным миром, обретает реальное знание, тогда как дух человека, который живет в темнице собственного тела и питается лишь крошками знания посредством своих органов чувств, обладает лишь нереальным знанием.

Но если заключенный в темницу дух не восходит к прямому общению с духовным миром, но его посещает некая эманация, исходящая из этого мира, — или некий дух, если принять на мгновение гипотезу спиритуалистов, — дает ли это нам право признать, что он получает реальное знание? Конечно, нет. Ибо хоть он и обсуждает духовные вещи, знание, обретенное таким путем, ничем, в сущности, не отличающимся от метода, которым получают знание чисто физического сорта, знание иллюзорных следствий, будет поверхностным. Спиритуалист, даже если он сам является медиумом, получающим сообщения, имеет дело со знанием столь же нереальным, неправдоподобным и подверженным искажениям при каких-

либо ошибках наблюдения, как и то, с которым связан совершенно бездуховный наблюдатель материального мира.

"Кто же тогда обладает реальным знанием, противоположным нереальному?" — спрашивают изучающего оккультизм, и у него есть единственный, как мы уже показали, вариант ответа на этот вопрос: "Только адепты обладают реальным знанием, только их разум находится *en rapport* с универсальным Разумом". Согласно учению адептов, спиритуалисты ошибаются в девяносто девяти случаях из ста, полагая, что контактируют с духами умерших друзей или благожелательными существами из иной сферы; для тех, кому известно что-либо о том, кем или чем являются адепты, это знание столь же достоверно, как факт. Но если это факт, то любая концепция спиритуалистов, ему противоречащая, должна быть развенчана, то есть должна существовать возможность свести любой случай, касающийся спиритуализма, к некоторой группе феноменов, относительно которых можно будет показать, что они являются вовсе не тем, что воображают спиритуалисты. Поскольку феномены спиритуализма столь бесцеремонно отвергаются во всех отношениях, практически невозможно расследовать их в каждом случае, и, что касается всей этой темы в целом, лучше испытать их и объяснить, почему феномены спиритуализма не могут быть тем, что понимают под ними сами спиритуалисты, чем разбираться с каждым отдельным случаем. Прежде всего, это касается автоматического письма. Нам нет надобности выходить за рамки личного опыта, чтобы показать, что создание рукой медиума рукописи, факсимиле которой воспроизводится мнимым духом — это вовсе не доказательство мнимой идентичности этого духа или даже его индивидуальности. Одна русская дама, страдавшая в юности от медиумизма, или наоборот, одаренная этой способностью, пусть уж решает читатель, что ему ближе, "контролировалась" в течение примерно шести лет неким "духом", который появлялся каждый вечер и обычным автоматическим способом исписывал посредством детской руки целые кипы бумаги. Дух этот убеждал в том, что он является некой старой дамой, которая жила в регионе России, весьма удаленном от того, в котором она проявилась теперь. Она приводила многочисленные подробности о своей жизни и своей семье, рассказав в том числе и о том, как ее сын покончил жизнь самоубийством. Иногда сам этот сын являлся "в духе", овладевал детской рукой и писал длительные отчеты о своем

раскаянии и о тех страданиях, которые последовали за его самоубийством. Старая дама красноречиво рассказывала о небесах и их обитателях, включая Деву Марию. Не нужно говорить о том, сколь словоохотлива была она относительно обстоятельств своей собственной смерти и интересной церемонии последнего таинства. Однако она писала и о вполне мирских материях. Она привела подробный отчет о петиции, поданной ею императору Николаю, а также дословный ее текст. Она писала частично по-русски, частично по-немецки, причем последний язык девочка-медиум знала в то время очень слабо. В конце концов, один из родственников юной дамы отправился в то место, где жил этот дух. Да: ее прекрасно помнили; она очень страдала из-за беспутного сына, покончившего с собой; она уехала в Норвегию, где, как полагали, и умерла, и так далее. Короче говоря, все автоматически записанные сообщения подтвердились, а петиция оказалась в архиве Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге. Рукопись была воспроизведена совершенно точно. Мог ли иметь какой-либо дух лучшее доказательство своей идентичности? Разве не может сказать спиритуалист о подобном опыте: "Я знаю, что духи умерших людей могут вступать в общение и доказать сохранение собственной индивидуальности"? Спустя год после опознания умершей в том месте, где она жила, а также проверки петиции, туда, где жила девочка-медиум и ее родственники, прибыл некий офицер, оказавшийся племянником этого "духа". Он показал ребенку одну миниатюру. Она узнала в ней этого духа.

Затем последовало объяснение и оказалось, что тетюшка офицера вовсе не умерла, как, впрочем, и ее сын. Во всех остальных отношениях медиумические сообщения были точны и обоснованны. Сын пытался покончить с собой, но пуля, которой он в себя выстрелил, была извлечена, и его жизнь оказалась спасена.

Самой этой истории, как простого изложения фактов, вполне достаточно, чтобы ответить на утверждения спиритуалистов, касающиеся автоматического письма. Она показывает, что феномен автоматического письма, приписываемый спиритуалистами деятельности "духов" умерших людей, может иметь место вовсе без участия подобных "духов"; таким образом, опыты, на которые ссылаются спиритуалисты, теряют свою убедительность. Но мы можем пойти еще дальше и попытаться объяснить эту русскую историю, во всяком случае, с точки зрения оккультной "гипотезы", как, несомненно,

назовут эту точку зрения некоторые из наших читателей. Кем или чем был тот разум, который писал рукою русской девочки-медиума? Дьявол? — как утверждают православные священники. Некий лживый дух? — как могут предположить спиритуалисты. Элементарий? — как могут подумать некоторые читатели оккультной литературы. Вовсе нет. Это был пятый принцип самого медиума, ее животная или физическая душа, частичка универсального Протея; она действовала точно так же, как действует душа ясновидящего во время сна его тела. Офицер, показавший, в конце концов, миниатюру, познакомился с этой семьей несколькими годами раньше. Медиум видела эту картинку, будучи еще совсем маленьким ребенком, но совершенно забыла об этом. Она играла также с разными вещами, имевшими отношение к этому "духу" и находившимися в распоряжении ее (т. е. "духа") племянника.

Добросовестно храня память обо всем увиденном и услышанном в "астральном свете", или в "душе вещей", — многие читатели, несомненно, поймут содержащийся здесь намек на книгу Дентона с таким же названием, — во время игры с миниатюрой и другими безделушками, несколькими годами позже внутренняя личность девочки-медиума из-за некоторых ассоциаций, возникших в ее памяти, начала бессознательно воспроизводить эти картинки. Мало-помалу внутренняя личность, или пятый принцип, втянулась в поток такого рода личных или индивидуальных ассоциаций и эманации, и, как только был дан медиумический импульс, ничто не могло остановить его развитие. Факты, аккуратно наблюдаемые "летучей душой", были сложнейшим образом перемешаны с чистой фантазией, источником которой было получаемое медиумом обучение — отсюда рассказ о небесах и Деве Марии.

Mutatis mutandis [с известными оговорками, *лат.*] сходное, по всей видимости, объяснение получил бы не только случай автоматического письма, но также и некоего руководящего или покровительствующего духа, оказывающего на медиума ментальное влияние, и которого наблюдали провидцы. Тот факт, что учение об этой разумной сущности в общем подтверждает спиритуалистическую доктрину о пространственных перемещениях и тому подобное, — это серьезное свидетельство в пользу того, что в действительности эта сущность есть эманация собственного разума медиума; а то, что мнимого духа видели ясновидящие медиумы, вовсе не

может быть сочтено доказательством его объективного существования. Картины, появляющиеся в астральном свете, имеют вид совершенной реальности для тех, кто их видит; так, облик того "духа", о котором мы говорили, был столь же реален для нашей девочки-медиума, как и вид любого из духов, когда-либо материализовавшихся в удивительной комнате для сеансов братьев Эдди в Америке, хотя сама эта добрая дама провела все это время, спокойно занимаясь своим вязанием, и просторы Европы пролегали между ней и ее семейным кругом, который она бессознательно навещала в виде призрачного гостя.

Трудность различения между созданиями мозга самого ясновидящего и призрачными или духовными, по отношению к нему действительно внешними, феноменами, по-видимому, и является причиной того смущения и той путаницы, в которую попадают необученные, непосвященные наблюдатели, когда естественный медиумический дар позволяет им перешагнуть за порог астрального мира и воспринять удивительные вещи, подобно ауре окружающие физическую планету. От Сократа до Сведенборга, от Сведенборга до ясновидящего наших дней никакой непосвященный провидец никогда не мог вести наблюдения с полной точностью и достоверностью. Какие бы вредные и смущающие влияния не испытывали на себе естественные провидцы прошлых веков, никто из них не был окружен таким количеством искусственной путаницы и неразберихи, которыми омрачена деятельность современного медиума-спиритуалиста. Масса всевозможных предубеждений с самого начала овладевает его умом; любому наблюдению он придает форму разработанной, заранее предусмотренной теории; любая картина, представшая перед его тонкими и изощренными органами чувств, искажается, чтобы она соответствовала ожиданиям его фантазии, и раскрашивается цветами предварительно сформулированного символа веры. Спиритуалист может искренне считать себя искателем истины, однако тот спиритуалист, который сам в какой-то степени является медиумом, пленяется созданиями своей собственной веры и уносится вызванным им потоком в фантасмагорический мир, населенный образами своего воображения. Их кажущаяся реальность подтверждает те предположения, из которых они и возникли, и все предложения, вызывающие сомнение в характере этих видений, кажутся такому ревностному фанатику почти что кощунством. Но изучающему оккультизм наиболее прекрасным кажется последовательное обучение

адепству, а вовсе не возбуждение медиумического откровения, поскольку над ним воссияет тогда священный свет абсолютной Истинности. Медиумизм может дать лишь внезапные вспышки неожиданного чуда, подобно тому, как фрагменты некоего странного ландшафта на мгновение ока освещаются молнией, однако наука адепства освещает постоянным дневным светом все окружающее пространство. Конечно, спиритуалисты, которые по своему разумению, по крайней мере, на голову выше простых материалистических кротов своего подслеповатого поколения, поскольку понимают, что существует некий ландшафт, который можно увидеть, если только его должным образом осветить, осмотрительно не станут оказывать предпочтение методу выстраивания догадок о его особенностях при помощи случайных вспышек света медиумизма, но воспользуются тем прекраснейшим освещением, которое возвышенный гений и неустанная работа тайных мудрецов Востока предоставили тем, чьи духовные интуиции позволяют воспринять всю его тонкость и верить свои устремления его водительству.

III

Какой же ответ мы можем дать тому, кого совершенно не удовлетворили наши объяснения спиритуалистических феноменов, кто все еще тяготеет к теориям спиритуалистов и отрицает факты оккультистов?

Он может вполне естественно заявить, что это вовсе не доказательство, и что он не видит причины, по которой доктрины, предложенные последними должны скорее приниматься за факты, чем те, которых придерживаются первые.

Посмотрим, как же все обстоит на самом деле. Предложите некоторому количеству людей прийти посмотреть на представление фокусника; показываются все виды удивительных трюков; наиболее интеллигентные зрители начнут выдвигать гипотезы, чтобы объяснить, каким образом все это делается; представления повторяются каждый вечер, хотя их детали часто меняются. Самые умные зрители также приходят сюда каждый вечер, все с большей и большей настойчивостью пытаюсь обнаружить *разумное объяснение* чудес, свидетелями которых они являются. Они постепенно

разрабатывают теорию, которая кажется достаточно последовательным объяснением всего того, что столь их изумляло, и, заводя разговор с некоторыми из участников представления, обнаруживают, что они в значительной степени подтверждают их выводы. Вслед за тем они убеждаются, что их взгляды правильны, и принимают свои теории как факты. Но при всем при том они все еще находятся лишь перед огнями рампы, они так никогда и не были за занавесом, они никогда не видели в действительности, как реально получаются те удивительные результаты, свидетелями которых они были; их так называемые факты все еще остаются простыми теориями.

Но вот некоторые наблюдатели познакомились с людьми, обычно находившимися за сценой, которые досконально изучили аппаратуру, могли попросить воспроизвести для них любой трюк, какой им захочется увидеть, могли при помощи своей аппаратуры совершить подобные и еще более поразительные чудеса, и эти люди рассказали изобретательным зрителям, что их теории совершенно ошибочны, а фактическая сторона этого дела обстоит так-то и так-то.

Теперь, конечно, все признают, что это вовсе не несостоятельное доказательство и не предположение со стороны тех, кто получил *доступ* за сцену, но простая истина, когда они утверждают, что их знание основывается на фактах, тогда как заключения обычных зрителей — это всего лишь теории.

Именно таково взаимное положение спиритуалистов и оккультистов, если иметь в виду под последними, разумеется, не скромных учеников, сочиняющих статьи, подобные нашей, но их пастырей, учителей и живых духовных руководителей.

"Но каким образом я узнаю", — может спросить спиритуалист, — "что эти ваши Учителя действительно находятся за сценой? Так говорите вы. Но каковы тому доказательства?"

Прежде всего, это факт, и любой человек может на собственном опыте убедиться, что все без исключения в течение жизни получают подтверждения присутствия Учителей, и таким образом, отпадает необходимость в наших доказательствах и свидетельствах других людей.

Также фактом является то, что, как нам известно, Учителя обладают силой контролировать всех элементалов и элементарнее, с которыми, за некоторыми исключениями, а

вовсе не с сознательной или бессознательной деятельностью медиумов, и связаны объективные феномены в комнатах для сеансов. Именно обладание и проявление этой силы позволяет нам считать их утверждение о том, что они были за сценой и знают все о ней, доказанным, а также побуждает нас принять их утверждения о том, что происходит, в качестве фактов.

Стоит напомнить о том, что мы никогда не отрицали, что в некотором смысле возможно установить связь между людьми и подлинными духами умерших. Мы лишь утверждали, что, за исключением определенных случаев, о которых мы еще будет говорить впоследствии, лишь оболочки, а вовсе не истинные духи могут появляться и действовать в комнатах для сеансов.

В нашем первом "Фрагменте" мы говорили о таком духе: "Люди могут духовно навестить его, однако сам он не может низойти в нашу грубую атмосферу и достигнуть нас. Он притягивает, но не может быть притянут".

Мы никогда не спорили о том, что существует некое состояние, с которым, вне всякого сомнения, связаны представления спиритуалистов о Саммерлэнде, в котором духи ушедших получают воздаяние за свои заслуги. Именно это состояние, известное тибетским оккультистам как девакхан, мы и имели в виду в первой статье, когда говорили: "ни в течение временного периода наслаждения плодами добрых поступков, т. е. его земной кармы, в состоянии своего новорожденного эго...".

Таким образом, мы вовсе не собираемся оспаривать утверждение одного корреспондента о том, что при помощи магнетического действия он преуспел, войдя, по его словам, *en rapport* с некоторыми нетелесными принципами определенных сенситивов — по крайней мере, с некоторыми духовными сущностями — и миром духовным, — миром, поистине, необъятным.

Совершенно верно, что в случае чистых сенситивов этого можно достигнуть, но мы утверждаем, что полученная таким образом информация никогда не будет достоверна. Тому есть несколько причин. Во-первых, принципы, осуществляющие познание в этом случае, отличны от тех, которые дают внешнее выражение познанных предметов, и в случае неопытного ясновидящего легко может произойти перенос впечатлений от духовных способностей, их зафиксировавших, к простым физическим способностям, которые их и проявляют вовне. Даже если предположить, что и сенситив, и магнетизер

совершенно свободны от каких-либо предубеждений или ожиданий в отношении изучаемых предметов, все же в процесс простой передачи наблюдений от одного к другому классу способностей могут вкрасться ошибки и искажения.

Кроме того, не будет преувеличением сказать, что в первую очередь сами духовные способности нетренированного ясновидящего не позволяют ему что-либо правильно зафиксировать. Даже наши физические органы наблюдения требуют тщательной тренировки, прежде чем они смогут должным образом служить нам. Посмотрите, сколь слабыми способностями к определению расстояний, как правило, обладает ребенок; и точно так же, как у ребенка не разработаны физические способности, так и у магнетического сенситива не тренированы духовные способности. Несомненно, с течением времени, если здоровье и обстоятельства позволят им постоянно исследовать невидимый мир, даже такие нетренированные сенситивы могут приобрести некоторый опыт и тренировку, а также способность к сравнительно точным наблюдениям. Но таких сенситивов немного, и даже лучшие из них испытывают явный недостаток в точности. Так что даже при исключительно благоприятных условиях вы имеете, во-первых, несовершенную фиксацию наблюдений; и, во-вторых, более или менее ошибочное выражение этой несовершенной записи.

Однако в девяносто девяти случаях из ста либо сенситив, либо магнетизер, либо оба они имеют четкие предубеждения о том, с чем, как они полагают, они имеют дело; поэтому сколь бы искренними и сознательными они ни были, эти предубеждения будут в той или иной степени искажать переданные сведения. Поистине, это столь несомненно, что, вообще говоря, возможность ошибки в случае магнетизированного сенситива удваивается по сравнению с ясновидящим, который без вмешательства магнетизера может при помощи "гипнотизма" того или другого рода вступить *en rapport* с духовными сущностями. Таким образом, Сведенборгу было намного сложнее ошибиться, чем даже лучшим сенситивам, требующим вмешательства магнетизера, чтобы пробудить свои сверхчувственные способности.

Но существует и другой источник ошибок. Даже лучшие и чистейшие сенситивы могут контактировать только с отдельной духовной сущностью и могут узнать, увидеть и почувствовать лишь то, что отдельная сущность знает, видит и

чувствует. Неодухотворенная сущность, находясь в девакхане, вынужденно бездействует в ожидании избавления от груза земного притяжения, т. е. пребывает в состоянии неопределенности; а ведь, собственно говоря, лишь с такими существами сенситив может входить *en rapport*. Она живет в раю или во сне собственного творения, и совершенно неспособна дать какое-либо представление о том, что происходит с остальными. Каждый индивидуальный дух в девакхане видит свой собственный сон, живет в своем собственном Саммерлэнде (только это некое состояние, а вовсе не страна), окруженный теми людьми и предметами, которые он любил и к которым стремился. Но все они идеализированы, и каждый из людей, которые, по его мнению, его окружают, быть может, также видит свой собственный сон в своем собственном идеальном раю, или же некоторые из них могут все еще находиться на земле или даже пройти через безжалостные колеса полного уничтожения. И через покровы, окружающие счастливый сон каждого духа, нельзя увидеть землю, хотя бы мимолетный проблеск которой непременно добавил бы горькую кашпо в чашу блаженства. Также не возможно никакое сознательное общение с душами живых людей, покинувших телесную оболочку для того, чтобы выяснить, где находятся духи умерших, что они делают, и что они думают, чувствуют и видят.

Что, тогда, означает *en rapport*? Это отождествление молекулярных вибраций между астральной частью воплощенного сенситива и астральной частью развоплощенной личности. Дух сенситива как бы "одиализируется" аурой духа, когда последний пребывает в состоянии бездействия и земной области или видит сны в девакхане; устанавливается тождество молекулярных вибраций, и на короткое время сенситив становится умершей личностью и пишет ее почерком, используя ее выражения и думая ее мыслями. В такие моменты сенситивы могут уверовать, что те, с кем они сию минуту находятся *en rapport*, спустились на землю и общаются с ними, тогда как в действительности это просто их собственные духи, которые, настроенные в унисон с духами других, как бы проникают в них на некоторое время.

В случае если сенситив — честный и чистый человек, многие из его субъективных коммуникаций являются подлинными; но в любом случае они лишь отражают представления одного-единственного духа, не способного заглянуть за рамки своего собственного ментального кокона или идеального рая; кроме

того, необученный сенситив в целом не может наблюдать и фиксировать с точностью то, что он видит и слышит во время такого соединения; равным образом сенситив не может передать неискаженными впечатления, полученные посредством его сверхчувственных способностей, к органам чувств, через которые он только и способен передавать сообщения миру, и такие сообщения будут еще сильнее искажаться и подавляться представлениями или убеждениями, уже предварительно существующими в уме сенситива, магнетизера или их обоих.

Однако наш критик скажет, что, сравнивая описания материй, духовным образом переданные ему разными сенситивами в состоянии транса, он обнаружил общую гармонию, что "каждый из описанных миров или сфер, более прекрасных, чем этот, населен формами, имеющими человеческий облик и более высокий уровень интеллектуального развития". Но чего же еще он может ожидать, он, честный и добропорядочный европеец нашего времени, имеющий дело с чистыми и более или менее образованными сенситивами? Если он подвергнет испытанию сенситива из австралийских аборигенов и старательно будет держать свой собственный разум в пассивном состоянии, он услышит совсем другой рассказ. Более того, хотя определенный костяк истины (но не всей истины) и содержится во всех подлинных сообщениях, он обнаружит сильнейшие расхождения в деталях между мнимыми фактами, установленными им самим, и теми, которые установлены не менее внимательными наблюдателями со столь же безупречными медиумами во Франции, в Германии и Америке.

Однако нет никакой необходимости настаивать на этом и дальше; все, что мы хотим в настоящий момент, — это объяснить, что, никоим образом не оспаривая подлинность такого рода коммуникаций, исходя из вышеизложенных причин, мы знаем, что они с необходимостью должны быть недостоверными, в той или иной степени неточными и искаженными.

Теперь, что касается автоматического письма высшего порядка, мы должны отметить, что действительно имеется возможность существования некой вполне определенной духовной сущности, оказывающей влияние на разум записывающего. Другими словами, это, насколько нам известно, может быть некий дух, с которым его духовная

природа приходит на некоторое время в состоянии тесной гармонии, чьи мысли, чей язык и т. д. на время становится его собственным, а в результате кажется, что этот дух общается с ним. Мы говорили ранее, что объяснение, сходное с предложенным нами в отношении фактов, относящихся к одному из случаев, по всей видимости, было бы удовлетворительно и в случае с этим корреспондентом. Но если он уверен, что это объяснение к его случаю не подходит, тогда возможно, хотя вовсе и не обязательно, что он, как правило, попадает в состояние *rapport* с подлинным духом и на некоторое время отождествляет себя с ним, и, в значительной степени, хотя и не до конца, думает его мыслями и пишет его почерком.

Но даже в этом случае не следует полагать, что такой дух вступает с медиумом в сознательное общение или что он тем или иным образом знает что-либо о нем или о любом другом человеке или предмете на земле. С установлением *rapport* он просто временно отождествляется с этой другой личностью и думает, говорит и пишет так, как это происходило бы на земле.

Что же касается фигуры красивого, интеллигентного и на вид благожелательного человека, которого постоянно наблюдают провидцы, это вполне может быть реальным астральным изображением земной формы этого самого духа, появившимся в ауре нашего корреспондента благодаря синхронизации его природы и природы этого духа.

Можно дать и многие другие объяснения; разнообразие причин таких феноменов исключительно велико, и надо быть адептом и действительно исследовать происходящее, чтобы смочь объяснить в каждом таком случае, что же именно за ним скрывается; однако совершенно точно, что никакой добрый и благожелательный человек, удалившийся в высшие миры столет тому назад, не может навещать медиума, давать ему советы и утешать его. Молекулы его астральной природы могут время от времени вибрировать в унисон с молекулами духа такого человека, пребывающего в тот момент в девакхане, а в результате может сложиться впечатление, что он общается с этим духом и получает от него советы; при этом ясновидящие могут видеть в астральном свете изображение земной формы этого духа, но, согласно полученным нами наставлениям, это самое благоприятное из всех возможных объяснений данной спиритуалистической гипотезы.

Если бы этот "гид", о котором упоминает один из корреспондентов, покинул землю не столь давно, тогда, несомненно, было бы возможно другое объяснение, более отвечающее взглядам спиритуалистов, хотя это и представляется нам исключительно маловероятным, но мы вернемся к этому позже.

Если принять еще одну точку зрения, то несмотря даже на их не вызывающий сомнений характер, наставления могут исходить от простых *reliquiae* [останков, лат.] людей или индивидуальностей, недостаточно духовных для дальнейшего прогресса. В первом "Фрагменте" мы показали с достаточной определенностью, что "все элементарии никоим образом не являются активно и во всех отношениях обращенными к злу. Когда они говорят через наиболее чистого медиума — а ведь, поистине, лишь немногие из медиумов сохраняют это качество в процессе своей практики, — проявляется лучшая и наименее испорченная сторона их природы, и элементарии вполне могут иметь совершенное интеллектуальное знание, высоко ценить добродетель и чистоту и обладать весьма просвещенными представлениями об истине, внутренне оставаясь порочными в своих тенденциях".

Вполне возможно, что замечательные наставления, приведенные нашим критиком, могут исходить от некой личности высшего разряда, слишком интеллектуальной, чтобы показаться в истинном свете перед ним и его друзьями, и все же способной сыграть совершенно иную роль в менее чистом кругу.

Но намного более вероятно, что дух медиума действительно вступил *en rapport* с неким духовным существом в девакхане, мысли, знания и чувства которого образовали содержание коммуникации, а собственная индивидуальность медиума и имеющиеся у него идеи — его форму. Мы не придаем особого значения той словесной форме, в которой было выражено сообщение. Она может быть вкладом самого медиума, когда он временно отождествляет свою духовную природу с природой духовного существа.

Однако, как правило, такие видения имеют место лишь в течение нескольких минут после физической смерти или незадолго до ее наступления. Конечно, мы имеем в виду настоящую смерть; последняя часть человеческой структуры, которая умирает — это мозг, который нередко продолжает жить и переполняться своими образами долгое время или, по

крайней мере, в течение многих часов или дней после того, как было объявлено о кончине человека. Действительно, период между смертью и вступлением в состояние созревания варьируется в случае людей, умерших естественной смертью, от нескольких часов до нескольких лет, но для духа было бы совершенно ненормальным появиться где-либо в это время, не считая очень непродолжительного периода сразу после смерти. Оставляя в стороне случаи адептов и тех, кого они подготовили к такому концу, эго через несколько мгновений после смерти впадает в бессознательное состояние, из которого оно не возвратится до тех пор, пока в нем не завершится борьба между высшей и низшей природой; в сфере земного притяжения — в кама-локе, царстве желания — остается лишь оболочка, либо (в редком случае индивидуальности, обреченной на полное уничтожение) оболочка из двух с половиной принципов, либо (в случае, когда высшие принципы одержали победу и увлекли с собой лучшие элементы пятого принципа) оболочка из полутора принципов, которая вскоре должна распасться.

Даже когда "дух" появляется "через несколько дней после смерти", это в действительности всего лишь бессознательный призрак. Дух, пребывающий в своем *post-mortem* [посмертном, лат.] трансе (конечно, при всей его сравнительной эфирности и бесплотности, это все еще занимающая определенное пространство материальная сущность), рождается благодаря магнетическим токам, кружащимся повсюду подобно мертвым листьям, уносимым водным потоком. В этот момент он может попасть в поле зрения какого-либо провидца или его отражение в астральном свете может быть уловлено внутренним взором ясновидящего. Сам дух при этом будет иметь столь же слабое представление о таком появлении, как человек, который, двигаясь через комнату и не зная, что в ней находится зеркало, вдруг видит свое изображение в нем. Обычно положение и вид этих форм со всей очевидностью указывают на бессознательное состояние духа, но бывают и другие случаи; ментальная активность духа может возродиться в последовательности сновидений, сохраняющих субъективную сознательность, в то время как все еще продолжает преобладать объективная бессознательность, и в таких случаях форма может принимать сознательный, одушевленный или даже преображенный облик; все зависит от характера и интенсивности сновидений, а они в свою очередь зависят от духовного уровня и чистоты умершего.

Вовсе не обязательно (и, согласно вышеизложенной нами гипотезе, не факт), что всякая реальная сознательная коммуникация должна происходить между почившим духом и провидцем. Для последнего достаточно войти в прямой *rapport* с духом или его астральным образом, чтобы думать точно так же и то же, что думал бы этот дух, если бы он все еще был в сознании и обитал на земле.

В случае коммуникации, достигаемой при помощи магнетических сенситивов, магнетизер, осторожно присоединяясь к умершему напряжением своей магнетической силы, бессознательно приводит сенситива *en rapport* с духом умершего, с которым дух сенситива отождествляется в течение некоторого времени более или менее совершенным образом; при этом сенситив приходит к убеждению, что он видит умершего таким, каким он был обычно на земле, и получает от него сообщения или указания, осознаваемые им лишь тогда, когда оба эти духа на мгновение соединились.

Превращения, происходящие при одних и тех же условиях, имеют менее сомнительный характер, и есть три способа объяснить это.

Во-первых: гипнотическое воздействие магнетизера приводит дух сенситива *en rapport* с духом его нежно любимого покойного друга. Затем, когда на время устанавливается тождество двух этих духов, и если природа умершего, принятая сенситивом, намного более духовна и могущественна, чем его собственная, а природа его физической конституции допускает такие изменения, тело этого человека сразу же начинает показывать аналогичную перемену, соответствующую тому изменению, которое претерпела его духовная природа в связи с произошедшим смешением.

Во-вторых: превращение напрямую зависит от интенсивности и четкости изображения лица умершего друга в сознании оператора. Поскольку это лицо столь сильно запечатлелось в его памяти, вполне естественно, что его память, из-за своей чрезвычайно активной деятельности во время сеанса, должна излить необычное количество энергии и, так сказать, укрепить (сделать более плотным) близкий образ эфирными волнами его ауры. Таким образом, сам того не осознавая, он может побудить ее к соответствующему действию, которое, трансформируя изображение из субъективного в объективное, в конце концов заставляет его двигаться под влиянием тока

притяжения до тех пор, пока оно не останавливается и не отражается в лице медиума. Изображения, встречаемые нами в бесконечных галереях пространства, которые прибиты к нерушимым стенам акаши, — это всего лишь безжизненные и пустые маски, образные записи наших мыслей, слов и деяний. В случае, о котором недавно упомянул один из наших корреспондентов, невидимая реальность в ауре магнетизера нанесла некий объективный отпечаток на пластичные черты его сенситива, и таким образом был вызван этот феномен.

В-третьих: мысль, память и воля являются энергиями мозга и, подобно всем остальным силам природы (если использовать язык современной науки), имеют две основные энергетические формы: потенциальную и кинетическую. Потенциальная мысль посредством ясновидения различает и выбирает себе предмет в астральном свете; воля становится движущей силой, которая приводит ее в движение, направляет и ведет ее, куда бы ей ни захотелось, и таким образом адепт производит свои оккультные феномены физического или духовного характера. Однако последние могут происходить и без какого-либо вмешательства разумной воли. Пассивное состояние медиума делает его легкой добычей для проделок элементарнее, а также тех полумразумных стихийных существ (элементалов), которые постоянно нежатся и маскируются в сидерическом свете и легко могут сами вызвать подобный феномен, просто благодаря окружающим их благоприятным условиям. Сидерический образ человека, по нашему мнению, сохранится бледным и неподвижным, оставаясь неким неизгладимым отпечатком в эфире до тех пор, пока его атомы не активизируются сильным магнетическим притяжением, которое исходит от молекулярных сплетений медиума, как бы пропитанных мыслями магнетизера об этом образе. Отсюда и феномен превращения.

Такие превращения сравнительно редки, однако мы знаем прекрасные примеры этого явления; некоторые наиболее любопытные примеры можно найти в книге полковника Олькотта, озаглавленной "Люди из иного мира".

Изложенное нами, вероятно, объясняет все особенности упомянутого выше частного случая; но для того, чтобы получить возможность в любом таком случае высказать положительное утверждение о том, что случившееся было вызвано той или иной причиной, исключительно важно ознакомиться с каждой его деталью в отдельности. А пока мы

имеем дело лишь с самым общим описанием, все, на что мы можем претендовать, — это дать более или менее вероятные разъяснения.

Один из критиков говорит нам, что даже если мы и объясним один или два таких случая, он все же найдет целый ряд упрямых фактов, противоречащих нашим объяснениям, в смысл которых он неспособен проникнуть. Мы можем лишь пообещать ему, что если он предоставит нам точное описание подробностей всех случаев, известных ему лично, которые, по его мнению, не могут быть объяснены с точки зрения оккультных доктрин, мы покажем ему, что они столь же объяснимы, или же вовсе покинем поле битвы.

Но мы должны поставить здесь два условия. Во-первых, мы примем лишь те случаи, о которых он обладает собственной и полной информацией; мы не примем случаи, описания которых извлечены из книг и статей. Наш критик — это заслуживающий доверия, философски мыслящий исследователь, от которого мы надеемся получить факты, полученные в результате тщательного наблюдения и аккуратно записанные. Разобраться с такими фактами нам будет несложно. Но что касается случаев, записанных там-то и там-то, многие из них, по нашему мнению, являются просто измышлениями, тогда как остальные, хотя и записанные вполне добросовестно, столь сильно трансформировались в процессе наблюдения и записи, что обсуждать их — совершенно безнадежное дело.

Во-вторых, он не должен удивляться, если в ходе наших объяснений будет упомянуто множество новых фактов самого разного рода, до сего момента не затронутых. Предмет этот чрезвычайно обширен. Существуют сложнейшие взаимосвязи, взаимопереплетения законов и исключения из них. До сих пор мы намеренно следовали лишь самому общему представлению о наиболее важных особенностях этой истины. Если требуется большая точность и детальность, то к каждому нашему общему закону необходимо добавить определенные условия и ограничения. Детальное изложение того, что нам известно об этих духовных феноменах, полностью заняло бы несколько номеров "Теософиста", а если в наше объяснение включить описание всей системы элементалов — будущих людей в течение грядущего цикла — и других малоизвестных сил, которые даже не были нами упомянуты, потребовалось бы несколько томов *in octavo* [ин-октаво, лат. — формат издания

в 1/8 долю печатного листа, что в 4 раза больше формата данной книги], чтобы вместить весь этот материал.

Тот же критик говорит:

Если доказательство может быть получено лишь путем отречения от мира, отказа от всех человеческих качеств, привязанностей и обязанностей, какую же пользу имеет оно для человечества? Лишь один из миллиона может воспользоваться им, и сколько человек из оставшихся девяносто девяносто девяти тысяч девяносто девяти поверят в его свидетельство?

Мы вынуждены заметить, что он ошибается в своих предположениях, и что его выводы, даже если его предположения справедливы, являются необоснованными. Даже если принять, что лишь один человек из миллиона сможет воспользоваться возможностями, предоставляемыми полученным доказательством, будет ли тогда у оставшихся девяносто девяносто девяти тысяч девяносто девяти человек какая-либо причина отказаться принять его свидетельство? Разве так бывает на практике? Конечно, нет. В наше время не более одного человека из миллиона (а может и того меньше) хотят воспользоваться возможностями от полученного ими доказательства астрономических фактов. И все же остальные признают эти факты, совершенно удовлетворенные тем, что кто-либо, решивший пройти необходимый курс обучения, смог получить такое доказательство, и что все, кто прошел через такой же курс обучения, согласны с обоснованностью этого доказательства.

Астрономия — это наука, с названием и основным содержанием которой знакомы все достаточно образованные люди. Оккультизм — это наука, до сих пор скрывавшаяся в глубочайшей тайне, о которой не знал никто, кроме самих оккультистов. Но раз человечество познакомилось с его идеями, пусть оно знает, что доказательства может получить лишь тот, кто решился пойти на необходимые жертвы, и что те, кто получил эти доказательства, считают их убедительными, и тогда остальное человечество легко согласиться признать эти факты, даже основываясь на свидетельстве одного человека из миллиона, который предпринял проверку утверждений своих предшественников.

Однако предположения нашего корреспондента ошибочны; практический отказ от мира в том смысле, какой в него вкладывали апостолы, убеждая всех христиан быть в этом

мире, но не от мира сего, — несомненно, очень существенен, однако для этого вовсе не требуется разрывать все человеческие связи и привязанности, тем более что совершенно непозволительно, и еще менее необходимо, отказаться от человеческих обязанностей. Эти последние [христиане] могут пересмотреть свои взгляды, могут — и даже должны — с возрастанием знания и силы охватить значительно большую сферу, и привязанности должны расшириться и стать более космополитичными, однако именно самоотречение, а вовсе не эгоизм, а также деятельность, направленная на благо остальным, — вот что помогает идти по пути адептства.

Что же касается свободы от ошибок, которой, как мы утверждаем, обладают доктрины оккультизма, нет необходимости отмечать здесь разницу между эмпиризмом и наукой, ведь в данном случае непосвященные являются эмпириками, а оккультисты — учеными. Это станет вполне очевидным, если принять во внимание, что в течение многих тысячелетий сотни посвященных исследовали невидимый мир; что результаты их исследований были записаны и собраны вместе, а разногласия сглажены новыми исследованиями; что установленные факты были обобщены и на их основании были выведены законы, ими управляющие, а правильность этих выводов была проверена экспериментально. Таким образом, оккультизм является точной наукой в любом значении этого слова, в то время как учения даже самых способных, но необученных провидцев; работающих без посторонней помощи, могут иметь лишь эмпирический характер.

Когда в нашей первой статье мы сказали, что "мы знаем" (выражение, которое, возможно справедливо, вызвало протест со стороны критика), мы имели в виду лишь следующее: говоря с людьми, несведущими в математике, мы можем заявить, что знаем, что кривая, которую описывает луна в пространстве, имеет форму эпициклоиды, выраженной таким-то и таким-то уравнением, при этом вовсе не утверждая, что мы сами исследовали эту достаточно темную и неясную проблему, но лишь подразумевая, что мы знакомы с методом, благодаря которому она была решена, и что все остальные пришли к тому же заключению. Конечно, те, кто незнаком ни с математикой, ни с математическими действиями, могут выдвинуть вполне обоснованное возражение, что, насколько им известно, орбита луны выглядит совершенно иначе. Опыт, которому мы столь доверяем, — это вовсе не наш личный опыт, хотя так думают многие, в том числе, по-видимому, и

наш критик. Насколько нам известно, его опыт может превосходить наш собственный и, по этой причине, мы никогда бы не осмелились авторитетно отвергать его взгляды в силу нашего собственного опыта или наших знаний. То, чему мы доверяем, — это обобщенные результаты опыта, полученного в течение продолжительного периода времени членами огромной организации обученных парапсихологов, главным устремлением которых всегда было достижение истины в изучении духовных материй, и первейшим долгом которых, хоть и тайно, было всячески способствовать росту благосостояния всего человечества.

Теперь, попытавшись ответить на некоторые возражения, вызванные нашими предыдущими "Фрагментами", мы полагаем, что имеет смысл перейти к дальнейшему рассмотрению доктрины, описание которой мы начали в первой статье, и более детально объяснить, почему мы столь активно выступаем против укоренившегося медиумизма.

Вообще говоря, объективные феномены спиритуалистов (о субъективных коммуникациях мы уже говорили раньше) — это результат, или по крайней мере следствие, деятельности или вмешательства элементалов, полуразумных сил природы, существ, которые в некоем достаточно удаленном цикле, пройдя через все низшие объективные царства, в конце концов будут рождены как люди; а также элементариев, или оболочек. Такие оболочки бывают двух типов: во-первых, оболочки, принадлежащие людям, шестой и седьмой принципы которых, притянув к себе также и как бы квинтэссенцию пятого принципа, удалились с тем, чтобы претерпеть новое развитие. Такие оболочки состоят из четвертого и частично пятого принципов. Они лишены половины или еще большей части своей личной памяти, и все, что у них осталось — это лишь животные и материальные инстинкты. Этот остаток, этот шлак, забытый в тигле после того, как оттуда было извлечено очищенное золото, обычно и является "ангелом-водителем" среднего медиума. Конечно, такие существа продолжают жить лишь временно; постепенно все их сознание угасает, и они разрушаются. Только медиумы высшего класса могут привлечь их, причем лишь некоторых из них. Чем чище личности, тем слабее их жизненная сила, тем меньше срок их посмертного существования и шанс принять участие в медиумических проявлениях. Чем в большей степени личность запятнана грехом, искажена пороком и животными страстями, тем выше жизненная сила ее остатков, тем дольше срок их

существования и тем больше шанс, что они проникнут в комнату для сеансов. Человек, в целом, мог быть достаточно добрым, добро могло активно преобладать в нем, и все же все дурные части его натуры, его низшие и животные инстинкты, выступая теперь обособленно и уже не нейтрализуясь всеми добрыми частями, могут быть весьма зловредными.

Совершенно исключено, чтобы из общения даже с этим классом оболочек могло получиться какое-либо реальное добро; они не будут активно злонамеренными, для этого они слишком слабы и несовершенны, но все же их длительное влияние не может быть возвышающим. И, кроме того, весьма опасно возбуждать активность таких оболочек или сообщать им новый импульс — подобный тому, который они часто получают от медиумов, — поскольку между личностью умершего и ее останками продолжает существовать сильная симпатическая связь, и любое стимулирование этих останков, любая их гальванизация и возвращение к обновленной выдуманной жизни — как часто и происходит с ними через медиумов, — несомненно, мешает созреванию личности, препятствует развитию ее нового эго и таким образом отодвигает момент ее вступления в состояние блаженства (девакхан), в котором, в своем новом эго-обличье, она пожинает плоды своих добрых деяний, прежде чем перевоплотиться и вновь родиться здесь, в нашем мире — если еще не окончилась определенная ей чередой земных жизней, — или же на следующей высшей планете.

Но, как правило, намного более опасно, иметь дело с другим типом элементарнее. В том случае, когда личность человека должна быть уничтожена, четвертый и пятый принцип остаются незатронутыми, и более того, пятый ассимилирует все то, что может остаться от личных воспоминаний и от восприятия собственной индивидуальности в шестом. Этот второй класс во всех отношениях намного более выносливый, более активный и, в большинстве случаев, определенно зловредный. Несомненно, он никоим образом не пострадает от своего общения с людьми, но вот последние неизбежно будут испорчены в результате общения с оболочками этого типа. К счастью, они сравнительно немногочисленны; конечно, если говорить вообще, существуют миллионы миллионов таких оболочек, но к чести человеческой природы следует отметить, что личности, обреченные на полное уничтожение, составляют лишь небольшой процент от их общего количества.

Кроме того, оболочки, обладающие подобной природой, не остаются в земной атмосфере неопределенно долгое время, но подобно соломинкам, кружащимся в водовороте, уносятся этим ужасным вихрем, влекущим всех неудачников к уничтожению на планете материи и смерти — так же ментальном, как и физическом спутнике нашей земли!

Что же касается элементаров, этих, несомненно, недоразвитых, зачаточных людей, находящихся в еще более эмбриональном состоянии, чем дух, дремлющий в минерале, которые, хотя и способны стать могущественными силами, соединившись с оболочками под чарами колдунов или водительством адептов, являются, как правило, безответственными, тупыми, нейтральными существами, получающими нравственные и ментальные черты от доминирующего и более развитого духовного существа, с которым, или под контролем которого, они работают; но даже они, хотя сами и неспособны причинить вред, могут стать очень опасными для медиумов, обладающих склонностью к злу.

Таким образом, можно сказать, что именно элементары и элементарии совершают большую часть физических феноменов, о которых говорят спиритуалисты. В любом случае, связь ни с одним из этих трех этих классов не может принести благо человечеству в целом. Разнообразие в природе столь бесконечно, что мы не станем утверждать, что не было ни единого случая, в результате которого человек не извлек бы пользу от общения с каким-либо отдельным представителем одного из этих классов. Но мы заявляем, что от подобных связей, вообще говоря, не следует ожидать ничего, кроме вреда. Более того, медиумическое общение с любым из этих трех классов влечет за собой очевидный вред для наивных существ.

Но хотя элементары и элементарии и составляют значительный процент исполнителей, существуют и другие классы действующих лиц. Мы не претендуем на то, чтобы представить здесь полное изложение этого вопроса, впрочем, и не обещаем сделать это, однако все же можно упомянуть об одном из наиболее важных классов существ, которые принимают участие в объективных феноменах помимо элементаров и элементариев.

Этот класс включает в себя духов сознательных самоубийц, совершивших этот акт в здравом уме. Они являются духами, а не оболочками, потому что в их случае не происходит, во

всяком случае, пока, полного и безвозвратного разрыва между четвертым и пятым принципом с одной стороны, и шестым и седьмым — с другой. Отделенные друг от друга, они существуют порознь, и все же некая связь все еще соединяет их, они могут снова воссоединиться, и тогда эта личность, находящаяся под жестокой угрозой исчезновения, может попытаться предотвратить свою гибель; ее пятый принцип все еще держит в своих руках ту нить, следуя за которой через лабиринт земных грехов и страстей она может снова достигнуть священной обители. Но в этот момент, хотя она и на самом деле является духом и может так называться, она, в сущности, еще совсем недалеко ушла от оболочки.

Духи этого класса, несомненно, могут общаться с людьми, но, как правило, они должны дорого заплатить за пользование этой привилегией, несмотря на то, что сделать это они могут не иначе, как, ослабив и обесценив моральные качества тех, с кем и через кого они осуществляют это общение. Большой или меньший вред нанесет подобное общение — это, вообще говоря, лишь вопрос степени; случаи, в которых был реальный, неизменно благой результат, столь уникальны, что не стоит принимать их в расчет.

Рассмотрим, как происходят такие случаи. Несчастное существо, восставшее против жизненных испытаний (испытаний, являющихся результатом его собственных прошлых поступков, испытаний, которые суть милостивое снадобье небес, исцеляющее ментальные и духовные болезни), решает — в отличие от большинства людей, ведущих борьбу с морем окружающих их трудностей, — опустить занавес и, как он воображает, покончить с ними.

Он разрушает тело, но обнаруживает, что ментально он столь же живой, как и прежде. У него есть отведенный ему жизненный срок, определенный сложнейшей сетью прошлых причин, которую не может разорвать его внезапный самовольный поступок. Этот срок должен быть истрачен до последней песчинки. Вы можете разбить нижнюю часть песочных часов так, что мельчайшие песчинки, струящиеся из верхней половины, будут рассеиваться сразу после появления из отверстия под давлением воздушных потоков, однако эта струйка будет продолжать незаметно течь до тех пор, пока не исчерпается весь запас в верхней части часов.

Точно так же вы можете разрушить тело, но не сможете прервать отмеренный срок сознательного существования,

который предопределен просто потому, что растворение личности является следствием множества причин; это должно протекать в течение установленного промежутка времени.

То же самое и в остальных случаях; таких, например, как жертвы несчастных случаев или насилия — они, также, должны завершить свой жизненный срок, но о них мы поговорим в следующий раз; здесь же достаточно будет отметить, что независимо от того, добрые они или порочные, их ментальное состояние во время смерти совершенно отлично от их последующего положения. Они, также, должны пребывать в ожидании в царстве желаний до тех пор, пока полна их жизни не достигнет назначенного берега; но ждут они либо окутанные снами утешения и блаженства, либо наоборот, в соответствии с их ментальным и нравственным состоянием в момент фатальной кончины и непосредственно перед ней. И хотя они практически свободны от дальнейших материальных соблазнов и, вообще говоря, неспособны, кроме как в момент реальной смерти, общаться *suo motus* [по своей воле, *лат.*] с человечеством, они все же доступны для высших форм "проклятой науки" — некромантии. Этот вопрос чрезвычайно глубокий и трудный для понимания. На остающихся в нашем распоряжении немногих страницах невозможно объяснить, сколь сильно отличаются друг от друга условия, в которых оказывается сразу после смерти человек, сознательно пожертвовавший (а не просто рискнувший) собственной жизнью из альтруистических побуждений в надежде сохранить жизни других людей, и тот, кто намеренно отказался от своей жизни из эгоистических мотивов в надежде избежать возникших перед ним испытаний и трудностей. Природа или Провидение, Судьба или Бог является просто самонастраивающимся механизмом, так что на первый взгляд может показаться, что результаты в обоих случаях Должны быть одинаковыми. Но хотя это и машина, мы должны помнить, что это машина *sui generis* [особого рода, *лат.*]:

Из себя он плетет

Вечную сеть правды и лжи,

И всегда ощущает слабейшее колыхание

Вдоль самой тонкой из нитей!

— машина, по сравнению с которой самая совершенная чувствительность и приспособленность наивысшего

человеческого интеллекта — всего лишь грубая неуклюжая копия.

И мы должны помнить, что мысли и побуждения являются материальными, а порой и удивительно мощными материальными силами, и тогда мы, быть может, начнем понимать, почему герой, принеший свою жизнь в жертву из чистого альтруизма, погружается, когда иссякает его жизненная сила, в сладкий сон, где

Все, кто ему дорог, и все, кого он любит,

Сопровождают улыбкой его солнечный путь,

но лишь до тех пор, пока он не пробудится в состоянии активного, или объективного, сознания, возродившись в Обители Счастья; тогда как бедный, несчастный и заблудший смертный, который, стремясь избежать судьбы, эгоистично порвал серебряную струну и разбил золотую чашу жизни, обнаружит себя, к своему ужасу, в полном сознании и бодрствующим, исполненным всеми худыми страстями и желаниями, которые отравляли его земное существование, но без тела, в котором он мог им потворствовать, к тому же способным получить лишь такое частичное облегчение, которое может принести более или менее удачный эквивалент удовольствия, — и все это под угрозой полного разрыва со своими шестым и седьмым принципами и последующего окончательного уничтожения после продолжительного периода страдания.

Однако не следует думать, что для духов этого класса — сознательных, умышленных самоубийц — не существует никакой надежды. Если, упорно неся свой крест, он терпеливо проходит через все страдания, борясь против плотских желаний — все еще присущих ему во всей своей силе, хотя, конечно, в той мере, насколько он был увлечен ими в земной жизни, — если, говорим мы, он смиренно переносит все это, никогда не позволяя себе соблазниться недопустимым удовлетворением греховных потребностей, тогда с наступлением предначертанного смертного часа его четыре высших принципа объединятся, и в конечном разложении на части, которое затем последует, все для него может закончиться благополучно, и он вступит в период созревания и дальнейшего развития.

До тех пор, пока в урочный час не прозвонят похоронные колокола, у него еще есть шанс; страданиями и раскаянием он

может стереть со страниц Кармы отметки о многих черных деяниях, но — и на этот пункт мы хотим обратить особое внимание спиритуалистов — он может добавить записи о сотнях еще более отвратительных поступков к тем черным пятнам, которые уже и так оскверняют эти страницы.

Это касается не просто медиумов или "тех, кто сидит с ними за одним столом", но, прежде всего тех несчастных наполовину потерянных братьев и сестер, которых мы призываем.

Внезапно оборвав свою жизнедеятельность, практически все сознательные самоубийцы — а мы говорим только о таковых, поскольку бессознательные самоубийцы являются всего лишь жертвами, — более или менее глубоко запятнанные одним из тяжелейших грехов — гневом, ненавистью, похотью или алчностью, — обнаруживают, что окружавшие их грехи преследуют их с неумолимой силой. В их среду проникают медиумы, многие из которых открывают себя тем, кого они неразумно считают ангелами-водителями. Им остается лишь овладеть этими ко всему готовыми добровольными помощниками, чтобы те приняли участие в их дьявольских развлечениях; или, собрав из своей ауры и слабосцементированных физических структур, и даже из еще более отвратительных источников — могил и боен, материал для создания своего собственного хрупкого физического организма, чтобы пуститься при содействии медиумов во все мыслимые греховные удовольствия. Это те, кого в средневековье называли инкубами и суккубами, те, кого в наше время называют "духами жен" и "мужей", и это те, которые, просто вселяясь в человека, не принимая какой-либо определенной объективной формы, становятся демонами пьянства, обжорства, ненависти и злобы, упоминания о дьявольских выходах которых мы находим равным образом, как в настоящем времени, так и в прошлых веках.

Вступив на путь зла и отмежевавшись (пусть и не до конца) от своего шестого и седьмого принципов, а также лишившись сдерживающих влияний, которые незаметно воздействовали на них, эти духи слишком часто деградируют, превращаясь в настоящих психических вампиров. Они подталкивают к разрушению одну жертву за другой, подстрекая к самым отвратительным, немыслимым преступлениям и получая от этого определенное наслаждение, до тех пор, пока не наступит окончательный час их смерти, когда приливная волна совершенных ими злодеяний унесет их далеко от земной ауры,

в сферы, где одно лишь полное их уничтожение завершит зоны невообразимых страданий. А ведь многие из них, прежде чем превратиться в настоящих монстров, были не такими уж очень, очень плохими при жизни — пользуясь современной фразеологией, это были, пожалуй, "темные лошадки", с неустойчивым, мятежным, вспыльчивым характером, который и привел их, в конечном счете, к самоубийству, однако им было еще очень далеко до тех демонов, которыми они впоследствии стали. И хотя отторжение высших принципов косвенным образом способствовало тому невероятно-ужасному превращению в демонические существа, которое с ними произошло, все же эта трансформация связана практически исключительно с искушениями и благоприятными условиями для удовлетворения их низменных желаний, созданными для них медиумами, дипломированными или нет, поглощенными низшими физическими проявлениями.

Увы! для большей части таких медиумов. Увы! Для слишком многих их спиритуалистических поклонников и партнеров. Мало кто из них может даже вообразить, что две трети всех самых чудовищных преступлений во всем мире происходят на почве этого низшего физического медиумизма. Непризнанные как таковые, сотни несчастных медиумов гибнут на эшафоте, заявляя, не без основания, что совершить преступления, за которые они обречены на такие страдания, их подстрекал дьявол, на самом деле это был вселившийся дух, обычно именно этого класса. Действительно, в тысячах и тысячах случаев можно проследить связь тяжелейших грехов — таких как пьянство, обжорство, половая распущенность, грубость во всех своих проявлениях, принесших горе и запустение в столь многие любящие человеческие сердца и ввергших в страдание и бесчестье не одну счастливую семью — с духами этого класса, которые обязаны своим происхождением как силе своих порочных желаний и грязных помыслов, так и той фатальной способности медиумизма, склонного к примитивным физическим манифестациям.

И этот медиумизм содержит подвох, так как, подобно ядовитой сорной траве, при общем попустительстве, разрастается с течением времени. Понимают ли и осознают ли до конца спиритуалисты, которые с таким усердием занимаются сами, более того, с таким рвением гоняются за медиумами, через которых возможны эти физические проявления, что они делают? В результате такого общения они подвергают опасности потерпеть нравственное кораблекрушение не только

самих себя, но и этих медиумов, — хотя от этого (правда, в исключительных случаях) можно защититься соблюдением совершенной чистоты в словах, мыслях и действиях; также и медиум может быть столь сильно предрасположен к добру (а это тоже случается крайне редко), что вселившийся в него дух, если только он уже не охвачен неистовой злобой, не причинит ему особого вреда; но вот то, что, безусловно, находится вне контроля со стороны медиума и его помощников, так это сопровождающее развитие медиумизма распространение в акашической атмосфере медиумических семян, которые, находя то там, то тут благоприятную почву в людях с неустойчивой или очень чувствительной психикой, принесут впоследствии урожай еще более испорченных медиумов, в число которых неминуемо попадут многие из отвратительных грешников, а то и самые отъявленные преступники этого века.

Такая форма медиумизма — это смертоносный сорняк, и вместо того, чтобы поощрять его размножение (а именно этим и занимаются спиритуалисты, собираясь вместе), необходимо искоренить его, повсеместно отказавшись от его использования. К сожалению, интерес к нему существовал всегда, спорадически возникая то там, то тут; и, задержавшись в своем развитии, он вносит немалый вклад в вызывающие отвращение анналы порока и преступлений; но по истине чудовищно оказывать помощь в распространении этого бедствия, усиливая его позиции, поддерживая и соучаствуя в развитии и функционировании этих вопиющих образчиков.

Пусть никто из занимающихся этим не обольщается, что его не коснутся неминуемые следствия. Все, кто принимал участие в действиях, в результате которых умножились беды, страдания и грехи других людей, могут действовать по неведению, из добрых побуждений, и потому избежать нравственного падения — самого ужасного из следствий причиненного зла, — но никоим образом не смогут избавиться от других следствий и будут вынуждены претерпеть в грядущих жизнях яростные удары карающей справедливости, которая хоть и дремлет в настоящее время в следующей жизни спать уже не будет.

ПОВСЕМЕСТНОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИДЕИ ПОСМЕРТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ДУШИ

В какую эпоху пробуждающийся интеллект человека впервые признал идею будущей жизни — это никому не известно. Но мы знаем, что с самого начала ее корни уходили так глубоко и столь тесно переплетались с человеческими инстинктами, что эта вера прошла через все поколения и включена в сознание любой нации и любого племени, цивилизованного, получивилизованного или дикого. Над ней размышляли величайшие умы; и самые грубые дикари, хотя они и не имели имени для божества, все же верили в существование духов и поклонялись им. Если в христианских странах, таких как Россия, Валахия, Болгария и Греция, православная церковь предписывает, чтобы в дни всех святых на могилы клались приношения в виде риса и напитков; и в "языческой" Индии делаются эти умиловительные подарки из риса для усопших, то сходным образом и бедный дикарь из Новой Каледонии приносит свою жертвенную пищу черепам своих любимых умерших.

В соответствии с Гербертом Спенсером, почитание душ и останков должно быть приписано "примитивной идее о том, что любое свойство, характеризующее какое-либо скопление, содержится во всех его частях... Душа, присутствующая в полностью сохраненном теле мертвого человека, наличествует также в отдельных частях его тела. Отсюда вера в останки". Это определение, хотя и приложимо по своей логике и к цивилизованному римско-католическому фанатику, поклоняющемуся украшенным золотом и драгоценностями мощам, и к идолопоклоннику с его пыльными, ветхими черепами, однако, первый, вероятно, стал бы отрицать это,

говоря, что он не верит в то, что душа присутствует в целом трупе, скелете или отдельных костях, и, строго говоря, он не поклоняется им. Он лишь уважает мощи как нечто, что, принадлежа тому, кого он считает святым, приобрело благодаря контакту с ним какое-то чудесное свойство. Поэтому определение м-ра Спенсера не кажется всеохватывающим. Профессор Макс Мюллер, в своей "Науке религии", также, показав нам при помощи многочисленных процитированных примеров, что человеческий разум с самого начала имел "смутную надежду на будущую жизнь", не в большей мере, чем Герберт Спенсер, объясняет, откуда и каким образом исходно возникла такая надежда. Он лишь просто указывает на врожденное свойство *нецивилизованных* народов превращать силы природы в богов и демонов. Он заканчивает свою лекцию о туранских легендах и универсальности верований в призраков и духов простым замечанием о том, что поклонение духам умерших — это наиболее широко распространенная во всем мире форма *суеверия*.

Итак, каким бы образом мы не захотели бы получить философское решение тайны; будем ли мы ожидать ответа от теологии, которая сама связана с верой в чудеса и учит сверхъестественному, или же мы спросим об этом у преобладающих сегодня школ современной мысли — величайших противников чудесного в природе; или же мы попросим объяснения этого у философии крайнего позитивизма, которая со времен Эпикура и до современной школы Джеймса Милля, взяв в качестве своего девиза псевдонаучный лозунг *"nihil in intellectu quod non ante fuerit in sensu"* ("нет ничего в сознании, чего бы не было раньше в ощущениях"), заставляет разум прислуживать материи, — мы не получили бы удовлетворительного ответа ни от кого из них!

Если бы данная статья имела ввиду простое сравнение фактов, непосредственно удостоверенных путешественниками и касающихся лишь "суеверий", рожденных в уме древнего человека, а сейчас распространенных только среди диких племен, тогда объединенные усилия таких философов, как Герберт Спенсер, могли бы решить наши проблемы. Мы могли бы удовлетвориться его объяснением, что в отсутствие гипотезы, "чуждой мышлению на его начальном этапе... примитивные идеи, возникающие из разных видов опыта, полученного при взаимодействии с неорганическим миром", — например, с ветром, эхо, собственной тенью человека, — служили для необразованного ума доказательством того, что

имеется "невидимая форма существования, которая обнаруживает силу", и были достаточны для того, чтобы создать подобное "неизбежное верование" (см. "Происхождение суеверия" Спенсера). Однако, мы озабочены сейчас чем-то более близким для нас и более высоким, чем примитивный человек каменного века; человек, который совершенно не знал "тех представлений о физической причинности, которые выросли лишь в результате опыта и лишь постепенно оформились в течении существования цивилизации". Мы имеем ввиду двадцать миллионов современных спиритуалистов, наших собратьев, живущих во всем великолепии просвещенного девятнадцатого века. Эти люди не игнорируют ни одно из открытий современной науки; нет, многие из них сами занимают высокое положение среди наиболее известных научных исследователей. И несмотря на все это, в меньшей ли степени они подвержены той же самой "форме суеверия", если это вообще суеверие, чем примитивный человек? По крайней мере, их объяснения физических явлений, хотя бы последние и сопровождались совпадениями, которые могли бы убедить их в существовании разумности, стоящей за физической силой, часто являются теми же самыми, что и возникавшие в представлении людей ранних и далеких времен.

"Что такое тень?" — спрашивает Герберт Спенсер. Ребенок и дикарь "думают о тени как о некоем существе". Бастиан рассказывает о бенинских неграх, что "они рассматривают тени людей как их души"... думая, "что они... наблюдают за всеми их действиями и свидетельствуют против них". Согласно Кранцу, у жителей Гренландии человеческая тень — это одна из двух душ, та, "которая выходит из тела ночью". У аборигенов Фиджи тень называется "темным духом, отличающимся от другого духа, которым обладает каждый человек". Прославленный автор "Принципов физиологии" объясняет, что "общность значений, которая будет в дальнейшем отмечена более полно, и которую проявляют различные далекие друг от друга языки в отношении тени и духа, свидетельствует о том же самом".

Однако, все это нам показывает с наибольшей очевидностью, что сколь бы ошибочными и противоречивыми не могли бы быть заключения, все же предпосылки, на которых они основываются, не являются выдумкой. Должно существовать нечто до того, как человеческий разум может подумать о нем или почувствовать его. Сама способность вообразить

существование чего-либо обычно невидимого и неосязаемого является доказательством того, что оно должно было быть проявлено в некоторое время. Обрисовывая в своей обычной искусной манере постепенное развитие идеи души, и в то же самое время показывая, как "*мифология* не только наполняет собой сферу религии... но и более или менее заражает царство мысли в целом", профессор Мюллер, в свою очередь, рассказывает нам, что когда люди впервые захотели выразить "отличие между телом и чем-то иным, находящимся внутри и отличным от него... было использовано слово *дыхание*, избранное сначала для того, чтобы отразить жизненный принцип, отличающийся от угасающего тела, и впоследствии бестелесную... бессмертную часть человека — его душу, разум, его личность... мы также говорим, что когда человек умирает, он испускает дух, и этот дух первоначально означал душу, которая имела значение дыхания". В качестве примеров приводятся рассказы различных миссионеров и путешественников. Никарагуанские индейцы, которых отец Р. де Бобадилла спрашивал, вскоре после испанского завоевания, об их представлениях, связанных со смертью, рассказали ему, что "когда люди умирают, из их рта выходит нечто, напоминающее человеческую личность и называемое *юлио* (на языке ацтеков *ули* означает "жить", — поясняет М. Мюллер). Это существо похоже на человека, но не умирает и не оставляет трупа..." В одной из своих многочисленных работ Эндрю Джексон Дэвис, некогда признанный крупнейшим американским ясновидящим и известный как "Видящий-сквозь-стены", предоставляет нам прекрасную иллюстрацию верования никарагуанских индейцев. Его книга — "Смерть и последующая жизнь" — имеет гравированный фронтиспис, на котором представлено смертное ложе некой старой женщины. Это изображение называется "Образование духовного тела". Из головы умершей появляется светящийся призрак — ее собственная фигура в молодом возрасте.¹

¹ "Вообразите умирающего человека", — говорит Эндрю Дэвис: "Ясновидящий видит прямо над его головой то, что может быть названо магнетическим гало — эфирную эманацию золотого цвета, трепещущую как нечто сознательное... Дыхание человека прекращается, пульс замирает, и эманация вытягивается и приобретает очертания человеческой фигуры! Внутри нее происходит

соединение с мозгом... благодаря исходящему из него импульсу. Я видел умирающего человека, который даже при последнем слабом ударе пульса внезапно пробудился и приподнялся для того, чтобы говорить, но в следующее мгновение умер, — его мозг последним испустил из себя жизненный принцип. Золотистая эманация... связана с разумом очень тонкой жизненной нитью. Когда она поднимается, появляется нечто *белое и светящееся*, похожее на человеческую голову; затем слабые очертания *божественного* лица; далее *прекрасные* шея и плечи; далее в быстрой последовательности появляются все остальные части нового тела вплоть до ступней — блестящий сияющий образ, немного меньший, чем физическое тело, но совершенный его прототип... похожий на него во всем, кроме физических недостатков. Тонкая жизненная нить продолжает быть прикрепленной к старому мозгу. И последним является удаление электрического принципа. Когда эта нить обрывается, духовное тело освобождается (!) и готово сопроводить своего подопечного в Саммерленд".

Некоторые индусы полагают, что дух остается в течение десяти дней на карнизе того дома, где он отделился от тела. Так как он может купаться и пить, на карниз выставляют две чаши из банановых листьев — одну с молоком, другую с водой. "В первый день мертвый, как полагают, обретает свою голову; во второй день — глаза, уши и ноздри; в третий — свои руки, шею и грудь; в четвертый — свое туловище; в пятый — свои ноги и ступни; в шестой — свои жизненно важные органы; в седьмой день — кости, костный мозг, вены и артерии; в восьмой — свои ногти, волосы и зубы; в девятый — все остальное, включая половые признаки; и на десятый день — голод и жажду в обновленном теле". (Кришнанатх Рагхунатджи, "The Pátane Prabhus"; в "Government Bombay Gazeteen" за 1879 год).

Теория м-ра Дэвиса принимается всеми спиритуалистами, и на основании этой модели ясновидящие сегодня описывают отделение "неразлагающегося от разлагающегося". Но здесь спиритуалисты и ацтеки следуют двумя разными путями; ибо, в то время как первые утверждают, что душа в каждом случае является бессмертной и сохраняет свою индивидуальность в вечности, ацтеки говорят, что "если умерший жил хорошо,

юлио поднимается в вышину с нашими богами; но если он жил плохо, юлио умирает вместе с телом, и это — его конец".

Вероятно, некоторые люди могут обнаружить, что "примитивные" ацтеки более последовательны в своей логике, чем наши современные спиритуалисты. Саами и финны также утверждают, что в то время как тело распадается, умершему дается *новое*, которое может быть видимо лишь шаманом.

Хотя дыхание, или дух, или душа, — говорит далее профессор Мюллер, — являются наиболее общеупотребимыми именами... мы все же говорим о *теньях* умерших, которые первоначально означали их человеческие тени... Те, кто впервые использовал это выражение (а мы находим его в наиболее удаленных странах света), очевидно, рассматривали тень как явление, наиболее близкое к тому, что они хотели выразить; как нечто такое, что было бы бестелесным, и все же тесно связанным с телом. Греческий *эйдолон* также не является ничем иным, кроме как тенью... но при этом любопытно... что люди, говорящие о жизни или о душе как о тени тела, сами убедили себя в том, что мертвое тело не отбрасывает тени, потому что тень отделилась от него; это становится по существу похожим на случай Петра Шлемиля. ("Наука религии".)

Только ли амазулу и другие племена Южной Африки верят в это? Конечно, нет; эта идея популярна также среди славянских христиан. Если замечают, что труп отбрасывает тень при свете солнца, то его считают греховной душой, отвергнутой самими небесами. С этого времени она обречена искупать свои грехи как дух, связанный с землей, вплоть до дня Воскресения.

Ландер и Кетлин описывают диких манданов, которые помещают в круг черепа своих мертвых. Каждая жена или мать знает череп своего бывшего мужа или ребенка, и редок тот день, когда бы она не навестила его, принеся с собой блюдо хорошо приготовленной пищи... Едва ли есть в благоприятный день такое время, когда нельзя было бы увидеть большее или меньшее число таких женщин, сидящих или лежащих возле черепов своих детей или мужей — говорящих с ними наиболее ласковым языком, на который они способны (как они делали обычно в прежние дни), "*и, по-видимому, получающих ответ*". (Цитируется Гербертом Спенсером в "Идолопоклонстве").

То, что делают матери и жены этих бедных, диких манданов, ежедневно совершают миллионы цивилизованных спиритуалистов, и это лишь еще лучше доказывает универсальность убеждения в том, что наши мертвые слышат и

могут ответить нам. Кроме того, с теософской, магнетической — и, однако, лишь в некотором смысле научной — точки зрения первые имели много больше оснований предполагать это, чем последние. Череп умершего человека, которому задают вопросы таким образом, конечно имел большую близость и был теснее связан с покойным, чем доска, наклоня которую мертвый отвечает живому человеку; доска, которую дух, во время своей жизни в теле, в большинстве случаев никогда не видел и до которой он не дотрагивался. Но спиритуалисты не единственные среди тех, кто соперничает с манданами. В любой части России, оплакивая тело недавно умершего человека, сопровождая его при погребении или в течение шести недель после смерти, сельские женщины так же, как и женщины из богатого торгового сословия, голоса на могиле, или, согласно библейской фразеологии, "возвышают голоса свои". При этом они ритмично причитают, обращаясь по имени к усопшему, задавая ему вопросы и умолкая как бы для того, чтобы выслушать ответ. Не только древние поклонявшиеся идолам египтяне и перуанцы имели любопытное представление о том, что дух или душа умершего человека либо находится в мумии, либо что сам труп обладает сознанием, но сходное убеждение существует сегодня среди ортодоксальных христиан греческой и римской церковью. Мы попрекаем египтян за то, что они помещали на стол своего бальзамированного умершего; и язычников-перуанцев, которые носили высохшее тело отца вокруг поля, чтобы он мог увидеть и оценить состояние урожая. Но что сказать о современном мексиканском христианине, который под руководством своего священника одевает тела своих умерших в богатые одежды; украшает их цветами, и в том случае, если умерший — женщина, даже красит ее щеки румянами. Далее, тело помещается в кресло, стоящее на большом столе, в котором мертвенно-бледный труп сидит во главе поминающих его людей, как это обычно бывает; люди сидят вокруг стола, всю ночь едят, пьют и играют в различные игры в карты и кости, советуясь с умершим о своих шансах на успех. С другой стороны, в России является всеобщей традицией увенчивать лоб умершего длинной лентой позолоченной и изукрашенной бумаги, называемой венчиком (короной), на которой витиеватыми буквами написана молитва. Эта молитва представляет собой вид сопроводительного послания, с которым приходской священник представляет тело умершего

святому, ему покровительствующему, обеспечивая умершему помощь последнего.¹

1 Она гласила таким образом: "Святой Николай (святая Мария, или такая-то), святой покровитель (следует полное имя и титул), получи душу раба Божиего и помоги в отпущении его (или ее) грехов".

Баски-католики пишут письма к своим умершим друзьям и родственникам, адресуя их в рай, чистилище или ад, в соответствии с наставлениями, данными духовным отцом покойного, и, помещая их в гроб недавно умершего человека, просят его благополучно доставить их в мир иной, предлагая посыльному в качестве вознаграждения то или иное количество молитв за успокоение его души.

На недавнем сеансе, проведенном хорошо известным медиумом в Америке (см. "Знамя Света", Бостон, 14 июня 1879г.):

Мерседес, покойная королева Испании, объявила себя и появилась в полном свадебном одеянии, удивительно богатом кружевами и драгоценностями, и разговаривала на некоторых различных языках с присутствующим лингвистом. Ее сестра, принцесса Кристина, также появилась, но в более скромном одеянии и с видом застенчивой школьницы.

Таким образом, мы видим, что умершие люди могут не только доставлять письма, но и вернуться из своих небесных жилищ, взяв с собой свои "кружева и драгоценности". Так же, как древний грек-язычник населял свои олимпийские небеса пирующими и флиртующими божествами; и у американского краснокожего индейца было его счастливое загробное существование, где духи храбрых вождей седлали своих мертвенно-бледных коней и охотились на свои призрачные жертвы; и у индуса — его многочисленные высшие локи (миры), где бесчисленные боги жили в золотых дворцах, окруженные всеми видами чувственных удовольствий; и у христианина — его Новый Иерусалим, с улицами "из чистого золота, как бы из прозрачного стекла", и с фундаментом стены города, "украшенным... драгоценными камнями"; где бестелесные щебечущие херувимы и избранные с золотыми арфами возносят хвалу Иегове; так и у современных спиритуалистов есть их "Зона Солнечной Страны (Саммерленда) на Млечном Пути",¹ как бы нечто более

высокое, чем небеса у других людей.² Там, среди городов и селений, изобилующих дворцами, музеями, виллами, колледжами и замками, проходит вечность. Юный воспитывается и обучается, неразвившийся на земле созревает, старый становится молодым, и каждый индивидуальный вкус и желания удовлетворяются; духи ухаживают друг за другом, вступают в браки и имеют детей.³

1 См. "Звездный ключ к Саммерленду" Эндрю Джексон Дэвиса.

2 В другой работе того же автора, "Спиритуальный Конгресс", Гален говорит через ясновидящего: "Между Домом Духа и землей существуют, разбросанные по этому пространству... более *четырёхсот тысяч* планет и *пятидесяти тысяч* солнечных тел меньшей величины".

3 Последним сообщением из Америки является информация о замужестве духовной дочери полковника Итона из Левенворта, Канзас, известного члена Национального Демократического Комитета. Эта дочь, умершая в возрасте трех недель, выросла за 20 лет в Саммерленде в молодую прекрасную девушку и ныне вышла замуж за духовного сына Франклина Пирса, покойного президента Соединенных Штатов. Свадьба, по свидетельству знаменитого нью-йоркского ясновидящего, была великолепна. "Духовная невеста" была "облачена в платье нежно-зеленого цвета". Свадебный ужин происходил в соответствии с обычаями духов, со вспышками и букетами, и тарелками, выставленными для счастливой четы. Гости собрались, и вступающие в брак духи полностью "материализовали" себя и сели с ними за стол. (Нью-Йорк Таймс, 29 июня 1879 г.).

Воистину, воистину мы можем воскликнуть вместе с Павлом: "О смерть, где твое жало; о могила, где твоя победа!" Вера в продолжение жизни предков — наиболее древняя и освященная временем из всех верований.

Путешественники рассказывают, что все монгольские, татарские, финские и тунгусские племена, кроме духов

природы, обожествляют, также, духов своих предков. Китайские историки, рассказывая о туранцах, гуннах и тукуях (предшественников современных турок), показывают их поклоняющимися "духам неба, земли, и духам умерших". Медхарст таким образом перечисляет различные классы китайских духов:

Главными являются небесные духи (*tien shin*); земные (*ti-ki*); и духи предков, или блуждающие духи (*jin kwei*). Среди них наиболее почитаются духи умерших императоров, великих философов и мудрецов. Они являются народным достоянием всей нации в целом, и частью государственной религии, "в то время как каждая семья, кроме них, имеет своих собственных *манов*, к которым относятся с большим уважением; перед их останками воскуривают благовония и совершают многочисленные суеверные ритуалы.

Но если все народы верят в своих умерших, и многие поклоняются им, то их взгляды на желательность прямого общения с этими покойными гражданами сильно различаются. По существу, среди образованных людей лишь современные спиритуалисты постоянно ищут связи с ними. Мы приведем несколько примеров, относящихся к наиболее удаленным друг от друга людям. Индусы, как правило, считают, что никакой чистый дух человека, который умер примирившись со своей судьбой, никогда не вернется телесно для того, чтобы тревожить смертных. Они утверждают, что лишь *бхуты* — души тех, кто покинул эту жизнь неудовлетворенным, имеющим неутолимые плотские желания, короче говоря, дурных, греховных мужчин и женщин — становятся "привязанными к земле". Неспособные сразу достигнуть мокши, они должны задерживаться около земли либо до своего следующего преобразования; либо до полного уничтожения; и, таким образом, они используют всякую возможность, чтобы преследовать людей, особенно слабых женщин. Поэтому появление или возвращение таких духов является для них столь нежелательным, что они применяют любые средства для того, чтобы предотвратить его. Некоторые из них верят, что если женщина умерла при родах, то она вернется, чтобы видеть своего ребенка и наблюдать за ним. Поэтому при своем возвращении с гор, после сожжения тела, плакальщики разбрасывают большое количество зерен горчицы вдоль дороги, ведущей от погребальной скалы до дома умершей. Ибо, по каким-то непостижимым причинам они думают, что дух будет чувствовать необходимость поднять на своем пути

домой каждое из этих зерен. И, так как эта работа очень медленна и утомительна, то бедная мать никогда не достигнет своего дома до того, как запоет петух, когда она обязана — в соответствии с законами духов — исчезнуть до следующей ночи, снова рассыпав весь свой урожай. У чувашей, народа, живущего в России (Кастрен, "Финская мифология", стр. 122), сын, когда он совершает жертвоприношение духу своего отца, использует следующее заклинание: "Мы приносим в твою честь угощение; смотри, вот хлеб для тебя, и разные виды продуктов; у тебя есть все, что ты можешь желать: но не тревожь нас, не возвращайся к нам". У саами и финнов эти бестелесные духи, которые становятся видимыми и осязаемыми, считаются очень вредоносными, и "наиболее вредными являются духи священников". Делается все возможное для того, чтобы не подпустить их к живым людям. Согласие, которое мы обнаруживаем между слепым народным инстинктом и мудрыми заключениями некоторых великих философов, и даже современных специалистов, — весьма удивительно. "Уважайте духов и — держите их на расстоянии", — говорил Конфуций в 6 веке до нашей эры. Семью веками позднее, Порфирий, знаменитый анти-теургист, описывая природу различных духов, высказал свое мнение о духах умерших и сказал, что *он не знает такого зла*, которое не были бы готовы совершить эти вредоносные демоны. И в нашем веке каббалист и величайший из современных магнетизеров, барон Дюпюте, предупреждает в своей книге "Дьявольская магия" спиритистов, чтобы они не нарушали покой умершего. Ибо "вызванная тень может *сама привязаться* к вам, преследовать вас, и впоследствии постоянно оказывать на вас влияние; и вы сможете успокоить ее только при помощи соглашения, которое свяжет вас с ней — вплоть до самой смерти!"

Но все это — лишь частное мнение; то, что нас интересует в данный момент — это просто понять, как смог бы столь важный факт, как вера в выживание души после смерти, распространяться в каждом последующем столетии, — несмотря на все нелепости, приплетаемые к этой вере, — если он является лишь туманным и иллюзорным интеллектуальным представлением, возникшим у "примитивного человека". Из всех современных людей науки, единственный удовлетворительный ответ дан профессором Максом Мюллером в его введении к "Науке религии", хотя он и достигает этого в книге, где данное убеждение названо

простым "суеверием". И этого его решения мы должны придерживаться из-за отсутствия чего-то лучшего. Однако, лишь он смог сделать это, перешагнув границы сравнительной филологии и смело вторгаясь в область чистой метафизики; короче говоря, он следовал путем, запретным для точной науки. Одним ударом он разрубил гордиев узел, которым Герберт Спенсер и его школа связали колесницу "непознаваемого". Он показывает нам, что: "существует философская дисциплина, которая исследует условия чувственного, или интуитивного, знания", и "другая философская дисциплина, которая изучает условия рационального, или концептуального, знания"; и тогда для нас открывается третья способность...

Способность понимания бесконечного, не только в религии, но и во всех вещах; сила, независимая от чувства и разума, сила, в некотором смысле противоречащая чувству и разуму, но все же поистине реальная, которая сохраняет себя саму с самого начала мира, и ни чувство, ни разум не способны превзойти ее, в то время как она одна может превозмочь их обоих.

Вряд ли может быть лучше определена способность к *интуиции*, которая полностью лежит вне поля зрения наших современных биологов. И все же, завершая свою лекцию о суевериях и ритуалах китайцев и их храмах, предназначенных для поклонения духам предков, наш великий филолог отмечает:

Все это происходит медленно и постепенно; это начинается с принесения цветов на могилу; это заканчивается — поклонением духам...

ДИАЛОГ О ТАЙНАХ ПОСМЕРТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

О строении внутреннего человека и его делении

М. Конечно, это очень трудно, и, как вы говорите, "загадочно" правильно понимать и видеть различия между разными *аспектами*, которые мы называем "принципами" истинного Эго. Это тем более сложно, так как существует значительное отличие в определении числа этих принципов в разных Восточных школах, хотя в целом во всех них имеется одинаковый субстрат для обучения.

Х. Вы имеете ввиду ведантистов? Я полагаю, что вместо наших семи "принципов" они выделяют пять?

М. Да, это так; но хотя я бы не осмелилась дискутировать по этому поводу с учеными ведантистами, я могу все же сказать в качестве собственного мнения, что у них есть очевидная причина для этого. Для них только сложный духовный агрегат, состоящий из различных ментальных аспектов, называется *Человеком* в целом, в то время как физическое тело является чем-то презренным, и просто *иллюзией*. Веданта — это не единственная философия, которая придерживается такого мнения. Лао-цзы в "Дао де цзине" упоминает только пять принципов, потому что он, подобно ведантистам, избегает включать еще два принципа, а именно, дух (Атма) и физическое тело, последний из которых он кроме того называет "трупом". Далее, существует школа раджа-йоги Чараки. Это учение рассматривает только три принципа как действительно существующие; но тогда, в реальности, их *Стхулопадхи*, или физическое тело в своем *джаграта*, или состоянии пробужденного сознания, их *Сушумнопадхи*, то же тело в *свапна*, или сонном состоянии, и их *Каранопадхи*, или "каузальное тело", или то, что проходит через одно перерождение к другому, — все они являются дуальными в своих аспектах, и таким образом их становится шесть. Добавив к ним Атма, внеперсональный божественный принцип, или бессмертный элемент в Человеке, неотделимый от Вселенского Духа, вы получите те же самые семь, опять-таки, как в эзотерическом разделении.¹

1 Более подробно это изложено в "Тайной Доктрине".

Х. Тогда это выглядит почти таким же, как деление у христианских мистиков: тело, душа и дух?

М. Именно таким же. Мы могли бы легче сделать тело носителем "витальной Пары"; последнюю — носителем Жизни, или *Праны*; *Камарупу*, или (животную) душу — носителем *высшего* и *низшего* разума, и получить таким образом шесть принципов, увенчивая их всех одним бессмертным духом. В оккультизме каждое квалифицированное изменение сознания предоставляет человеку новый аспект, и если он распространяется и становится частью живого и действующего Эго, ему может быть дано (и дается) специальное имя, отличающее человека, находящегося в этом особенном состоянии, от человека, который помещает себя в иное состояние.

Х. Это именно то, что очень трудно понять.

М. Напротив, это кажется мне очень легким с тех пор, как я поняла важную идею, то есть то, что человек действует на этом или ином плане сознания в точном соответствии со своим ментальным и духовным состоянием. Но таков материализм нашего века, что чем больше мы объясняем, тем меньше люди становятся способны понимать то, что мы говорим. Можете разделять телесное существо на три главных аспекта, если хотите; но хотя вы делаете из него чистое животное, вы не можете сделать его меньше. Возьмите свое объективное *тело*; чувственный принцип в нем — который только немного выше, чем *инстинктивный* элемент в животном — или витальную элементарную душу; и то, что помещает его столь неизмеримо дальше и выше животного — то есть, его *сознающую* душу, или "дух". И если мы возьмем эти три группы, или характерные сущности, и перераспределим их в соответствии с оккультным учением, то что же мы получим?

Прежде всего, Дух (в смысле Абсолюта, и таким образом неделимого ВСЕГО), или Атма. Так как его нельзя ни поместить где-либо, ни обусловить чем-то в рамках философии, потому что он является просто тем, что ЕСТЬ в Вечности, и так как ВСЕ не может отсутствовать даже в наимельчайшей геометрической или математической точке материальной вселенной или субстанции, его на самом деле не

следует называть "человеческим" принципом в общем смысле. Лучше сказать, что это та точка в метафизическом Пространстве, которую человеческая Монада и ее носитель-человек занимает в течение каждой жизни. Эта точка столь же воображаема, как и сам человек, и на самом деле является иллюзией, или *майей*; но для самих себя и для других личных эго мы являемся реальностью в течение этого припадка иллюзорности, называемого жизнью, и мы должны принимать во внимание самих себя — по крайней мере в нашем собственном воображении, если даже другие не делают этого. Для того, чтобы сделать это более понятным для человеческого интеллекта и решения всех человеческих тайн, оккультизм называет его *седьмым* принципом, синтезом шести, и предлагает его в качестве носителя для *Духовной Души, Буддхи*. Последнее скрывает тайну, которая никогда не давалась каким-либо людям, за исключением связанных вечным обещанием *чел*, по крайней мере тем, кому можно безопасно доверять. Без сомнения, было бы меньше путаницы, если бы об этом только лишь говорили; но так как его непосредственно связывают с силой продвижения чьей-либо пары, сознательно и произвольно, и так как этот дар, подобно "кольцу Гигеи", может оказаться фатальным для людей в целом и для его обладателя в особенности, его тщательно оберегали. Только адепты, которые были испытаны и никогда не могли в чем-то нуждаться, обладали всеми ключами мистерий... Пусть мы избегнем разногласий и, таким образом, останемся верными "принципам". Божественная душа, или Буддхи, — это Носитель Духа. Вместе эти два являются одним, безличным и безатрибутным (конечно, на этом плане), и создают два духовных "принципа". Если мы перейдем к *Человеческой Душе (манас людей)*, каждый согласится с тем, что интеллект человека, по крайней мере, *дуален*: например, высокоразумный человек вряд ли станет человеком со слабо развитым умом; высокоинтеллектуальный и духовный человек отделен целой пропастью от тупого, глупого и материального, если не сказать, мыслящего как животное, человека. Почему тогда такой человек не может характеризоваться двумя "принципами", или, скорее, двумя аспектами? Каждый человек содержит в себе эти два принципа, один из которых более активен, чем другой, и в очень редких случаях один из них полностью приостанавливает свое развитие; тогда он, так сказать, парализуется силой и Преобладанием другого *аспекта* в течение жизни человека. Таким образом, существует то, что

мы называем двумя принципами, или аспектами *Манаса*, высшим и низшим; первый, или мыслящее, сознающее Эго, испытывает притяжение в направлении Духовной Души (Буддхи); и последний, или инстинктивный принцип, стремится к *Каме*, вместилищу животных желаний и страстей в человеке. Таким образом, мы объяснили *четыре* "принципа"; три последние являются: (1) "Пара", которую мы согласились называть Протеевой, или Пластической Душой; носитель (2) жизненного *принципа*; и (3) физическое тело. Конечно, никакой физиолог или биолог не примет эти принципы и не сможет понять их. И, вероятно, поэтому никто из них до сих пор не понимает функций селезенки, физического носителя Протеевой Пары, или функций некоторого органа на правой стороне человека, вместилища вышеназванных желаний, или не знает кое-чего о шишковидных железах, которые мы описываем как мозолистые железы, содержащие мелкие песчинки, и которые являются ключом к высшему и божественному сознанию в человеке — его всевластному, духовному и всепроникающему разуму. Этот на первый взгляд бесполезный придаток представляет собой маятник, который, как только заводится часовой механизм *внутреннего* человека, переносит духовное видение эго на высшие планы восприятия, где горизонт, открывающийся перед ним, становится почти безграничным...

Х. Но научные материалисты утверждают, что после смерти человека ничего не остается; что человеческое тело просто разрушается на составляющие его элементы, и что то, что мы называем душой — это просто временное самосознание, создаваемое как совместный продукт органического поведения, который испарится как пар. Не является ли странным это утверждение?

М. Не совсем странным, как мне кажется. Если они говорят, что самосознание исчезает вместе с телом, в этом их случае они просто произносят неосознанное предсказание. Ибо если они твердо убеждены в том, что они заявляют, никакое сознание после жизни невозможно для них.

Х. Но если человеческое самосознание как правило переживает смерть, то почему могут быть исключения?

М. В фундаментальном законе духовного мира, который бессмертен, невозможны никакие исключения. Но существуют правила для тех, кто видит, и для тех, кто предпочитает оставаться слепым.

Х. Совершенно верно, я понимаю. Существует искажение зрения у слепого человека, который отрицает существование солнца потому, что не может видеть его. Но после смерти его духовные глаза заставят его видеть?

М. Они не заставят его, и он не будет ничего видеть. Предварительно отрицая посмертное существование в течение этой жизни, он не будет способен ощутить его. Его духовные чувства, развитие которых было заторможено, не смогут развиваться после смерти, и он останется слепым. Когда вы утверждаете, что он *должен* видеть нечто, вы очевидно имеете ввиду одно, а я другое. Вы говорите о духе из Духа, об огне из Огня, — короче, об Атма, — и смешиваете ее с человеческой душой — Манасом... Вы не понимаете меня, и позвольте мне попробовать объяснить это. Суть вашего вопроса состоит в том, чтобы понять, каким образом возможно в случае отъявленного материалиста полное исчезновение самосознания и самовосприятия после смерти? Не так ли? Я говорю: Это возможно. Ибо, твердо веря в нашу Эзотерическую Доктрину, которая рассматривает *Посмертный* период времени, или интервал между двумя жизнями или рожденьями, как просто промежуточное состояние, я говорю: — Длится ли этот интервал между двумя актами иллюзорной драмы жизни один год или миллион лет, это *посмертное* состояние может, не нарушая какого-либо фундаментального закона, оказаться таким же состоянием, как у человека, находящегося в смертельном обмороке.

Х. Но если вы сказали сейчас, что фундаментальные законы посмертного состояния не допускает исключений, как же это может быть?

М. Я и не сказала, что они допускают исключения. Но духовный закон продолжения приложим только к тем вещам, которые действительно существуют. Для того, кто прочитал и понял Мундака-упанишаду и Сара-веданту, все это становится ясно. Я должна сказать больше: достаточно понять то, что мы обозначаем как Буддхи и дуальность Манаса, чтобы иметь ясное понимание того, почему человек может не обладать самосознанием, сохраняющимся после смерти: потому что Манас, в своем низшем аспекте, является вместилищем земного разума, и поэтому может предоставить лишь такое восприятие Вселенной, которое базируется на основе этого разума, а не на нашем духовном видении. В нашей эзотерической школе говорят, что между Буддхи и Манасом,

или Ишварой и Праджней,¹ на самом деле не больше разницы, чем *между лесом и его деревьями, озером и его водой*, — как учит Мундака. Одно или сотни деревьев, умерших от утраты жизненных сил или от вырывания с корнем, не способны воспрепятствовать тому, что лес все же будет оставаться лесом. Разрушение или *посмертная* смерть одной личности, исчезающей из длинной серии, не будет причиной даже малейшего изменения в Духовном божественном *эго*, и оно всегда останется тем же самым Эго. Только, вместо переживания *Девачана*, оно должно будет немедленно перевоплотиться.

1 Ишвара — это коллективное сознание проявленного божества, Брахмы, то есть коллективное сознание Воинства Дхиан Коганов; и Праджня — это их индивидуальная мудрость.

Х. Но, как я это понимаю, эго-Буддхи представляет здесь равным образом и лес, и личные разумы деревьев. И если Буддхи бессмертно, как же может то, что сходно с ним, то есть Манас-тайджаси,¹ полностью утрачивать свое сознание вплоть до дня нового воплощения? Я не могу понять этого.

1 *Тайджаси* означает испускающего свет вследствие единства с Буддхи Манаса, человека, светящегося благодаря излучению божественной души. Поэтому Манас-тайджаси может быть определен как излучающий разум; *человеческий* рассудок, светившийся благодаря свету духа; и Буддхи-Манас — это представление божественной *суммы* человеческого интеллекта и самосознания.

М. Вы не можете сделать этого, потому что смешиваете абстрактное представление целого с его обусловленными изменениями формы; и поэтому вы смешиваете *Манас-тайджаси*, *Буддхический* свет человеческой души, с последней, т. е. плотской душой. Помните, что если можно сказать о Буддхи, что оно безусловно бессмертно, то же самое не может быть сказано о Манасе, и еще меньше — о тайджаси, который является атрибутом. Никакое *посмертное* сознание или Манас-тайджаси не может существовать отдельно от Буддхи, божественной души, потому что первый (*Манас*) — это, в своем низшем аспекте, характерный атрибут земной

индивидуальности, и второй (*тайджаси*) идентичен с первым, и что это тот же самый Манас, только со светом Буддхи, отраженным от него. В свою очередь, Буддхи могло бы оставаться лишь как безличный дух без того элемента, который он заимствует из человеческой души, которая обуславливает и делает из него в этой иллюзорной Вселенной *нечто как бы отдельное* от универсальной души в течение всего периода цикла инкарнации. Правильнее было бы сказать, что *Буддхи-Манас* не может ни умереть, ни утратить составляющее его самосознание в Вечности, или воспоминание о своих предыдущих воплощениях, в которых оба — то есть духовная и человеческая души — были тесно связаны друг с другом. Но это не так в случае материалиста, чья человеческая душа не только ничего не получает от божественной души, но даже отказывается признавать ее существование. Вы вряд ли сможете приложить эту аксиому к атрибутам и характерным чертам человеческой души, ибо это было бы все равно, что сказать, что поскольку ваша божественная душа бессмертна, румянец вашей щеки должен быть также бессмертен; хотя этот румянец, как и тайджаси, или духовное излучение, — это просто преходящий феномен.

Х. Правильно ли я понял ваши слова, что мы не должны смешивать в наших умах ноумен с феноменом, причину со следствием?

М. Я говорю так и повторяю, что, ограничиваясь одним Манасом, или человеческой душой, излучение самого тайджаси становится не более чем вопросом времени; потому что бессмертие и сознание после смерти становится для земной индивидуальности человека просто обусловленным атрибутом, так как они полностью зависят от условий и верований, создаваемых самой человеческой душой в течение жизни его тела. Карма действует непрестанно; мы пожинаем *в нашей последующей* жизни только те плоды, которые мы сами посеяли, или, скорее, создали в течение нашего земного существования.

Х. Но, если мое эго после разрушения моего тела может погрузиться в состояние полной бессознательности, то где же будет наказание за грехи моей прошлой жизни?

М. Наша философия учит, что кармическое воздаяние постигает эго только в последующем воплощении. После смерти оно получает только воздаяние за незаслуженные страдания, которые оно претерпело в течение только что

прошедшего существования.¹ Наказание в полной мере, которое бывает после смерти, даже для материалистов состоит таким образом в отсутствии всякого вознаграждения и в полной потере осознаваемого блаженства и покоя. Карма — это дитя земного эго, плод деятельности дерева, представляющего собой видимую всем объективную личность, а также плод всех мыслей и даже побуждений духовного "Я"; помимо этого, карма — это также нежная мать, которая залечивает раны, причиненные ей в предыдущей жизни, прежде чем она начнет мучить это эго, нанося ему новые раны. Если можно сказать, что в жизни смертного человека не бывает ментального или физического страдания, которое не являлось бы плодом и следствием некоторых грехов в этом или предыдущем существовании, и с другой стороны, поскольку он не хранит ни малейшего воспоминания об этом в своей теперешней жизни и чувствует себя не заслуживающим такого наказания, но искренне верит, что он страдает не по своей собственной вине, — то одного этого абсолютно достаточно, чтобы дать право человеческой душе на полное утешение, покой и блаженство в своем *посмертном* существовании. Смерть всегда приходит к нашим духовным эго как освободитель и друг. Для материалиста, который невзирая на свой материализм был неплохим человеком, интервал между двумя жизнями будет похож на ненарушаемый мирный сон ребенка, или полностью лишенный сновидений, или со снами, о которых он не имеет ясного представления. Для верующего это будет сон, столь же живой, как сама жизнь, полный реальных видений и блаженства. Что касается дурного и грубого человека, будь он материалистом или кем-нибудь другим, он немедленно переродится и будет страдать на земле, как в аду. Возможность вхождения в *Авичи* — это исключительно редкое явление.

1 Некоторые теософы возражали против этой фразы, но это — слова Учителей, и значение, придаваемое слову "незаслуженные", таково, как оно дается выше. В "Брошюре Т. И. О." № 6 была использована фраза, впоследствии подвергнутая критике в "Люцифере", которая намеревалась выразить ту же самую идею. Однако, она была неудобной по своей форме и открытой для прямой критики; но по существу идея была в том, что люди часто страдают от последствий действий,

совершенных другими людьми — и за эти страдания они конечно заслуживают компенсации. Если справедливо говорить, что все, что с нами случается, не может быть вызвано ничем, кроме кармы, — или прямым, или косвенным следствием причины, — было бы большой ошибкой полагать, что злые или добрые случаи происходят с нами *только* благодаря *нашей* личной карме (см. далее).

Х. Насколько я помню, последовательные инкарнации Сутратмы¹ уподобляются в некоторых Упанишадах жизни человека, периодически колеблющейся между сном и бодрствованием. Это не кажется мне очень ясным, и я объясню вам, почему. Для человека, который пробуждается, начинается новый день. Но сам человек остается тем же самым, душевно и телесно, каким он был за день до того; тогда как при каждом новом перерождении происходит полное изменение не только его внешней оболочки, пола и личности, но даже его ментальных и психических способностей. Таким образом, это уподобление не кажется совершенно правильным. Человек, встающий ото сна, совершенно ясно помнит, что он делал вчера, позавчера и даже несколько месяцев и лет назад. Но никто из нас не имеет ни малейшего воспоминания о предшествующей жизни или о каком-либо факте или событии, связанном с ней... Я могу забыть утром, что я видел во сне этой ночью, но все же я знаю, что спал, и имею уверенность, что я был живым во время сна; но какое воспоминание имею я о своем последнем перерождении? Как вы можете согласовать все это?

1 Наш бессмертный принцип перевоплощения вместе с манасическими воспоминаниями о предыдущих жизнях, называется Сутратма, что буквально означает Нить-Душу, поскольку длинные серии человеческих жизней, нанизанных на одну и ту же нить, подобны жемчужинам. Манас должен стать *тайджаси*, излучающим, прежде чем он сможет "повиснуть" на Сутратме, как жемчужина на своей нити, и обрести полное и абсолютное восприятие самого себя в Вечности. Как говорилось выше, слишком близкая связь человеческой души с земным разумом приводит к полной утрате этого излучения.

М. Все же некоторые люди действительно помнят о своих последних перерождениях. Это то, что архаты называют Самма-Самбуддха, или знание о целой серии последовательных перерождений.

Х. Но такие простые смертные, как мы, которые не достигли Самма-Самбуддха, как могли бы понять это уподобление?

М. При помощи изучения этого вопроса и попыток более правильного понимания особенностей трех состояний сна. Сон — это общий и неизменный закон, которому подчиняется как человек, так и животные, но существуют разные виды сна, и еще более разнообразный набор сновидений и видений.

Х. Пусть так. Но это уводит нас от предмета нашего разговора. Давайте вернемся к материалисту, который, не отрицая сны, что он конечно вряд ли смог бы сделать, тем не менее отрицает бессмертие в общем, и сохранение его собственной индивидуальности — в особенности.

М. Материалист прав по меньшей мере в одном, ибо для того, у кого нет внутреннего восприятия и веры, невозможно и бессмертие. Для того, чтобы жить в мире сознания, человек прежде всего должен верить в такую жизнь во время своего земного существования. На этих двух афоризмах Тайной Науки построена вся философия *посмертного* сознания и бессмертия души. Это получает всегда по своим заслугам. После разрушения тела для него наступает или период совершенно ясного сознания, или состояния хаотических сновидений, или же сон, полностью лишенный сновидений и неотличимый от уничтожения; и это — три состояния сознания. Физиологи видят причину сновидений и видений в той бессознательной подготовке к ним, которая происходит во время бодрствования; почему нельзя признать то же самое в отношении сновидений *после смерти*! Я повторяю, что *смерть — это сон*. После того, как начинается умирание, перед духовными глазами души происходит представление, соответствующее тому, что было бессознательно создано заранее нами самими; практическое доведение до конца *правильных* верований или иллюзий, которые мы создали сами. Последователь методистской церкви будет методистом, мусульманин — мусульманином, — конечно, лишь на время, — в совершенном иллюзорном рае, созданном каждым человеком. Таковы *посмертные* плоды дерева жизни. Естественно, что наша вера в бессмертие сознания или отсутствие такой веры неспособны повлиять на безусловную

реальность самого этого факта, поскольку он существует; но вера или неверие в бессмертие, касающееся продолжения существования или исчезновение отдельных сущностей, не могут не повлиять на каждую из этих сущностей. Ну как, начинаете вы понимать это?

Х. Я думаю, что да. Материалист, не верящий во что-либо, в чем он не может быть убежден при помощи своих пяти органов чувств или научных доводов, и отрицающий любые духовные проявления, принимает жизнь как единственное, что обладает сознанием. Таким образом, в соответствии с их верой, с ними произойдет именно это. Они утратят свои личные эго и погрузятся в сон без сновидений вплоть до нового пробуждения. Так ли это?

М. Почти так. Вспомним универсальное эзотерическое учение о двух формах сознательного бытия: земном и духовном. Последнее должно рассматриваться как реальное исходя из того факта, что это область вечной, неизменной, бессмертной причины всего; тогда как перевоплощающееся эго переодевается в новые одежды, совершенно непохожие на то, что было в предыдущем воплощении, в которых все, кроме духовного прототипа, осуждено на столь глубокое изменение, что за ним не остается никакого следа.

Х. Стоп!.. Может ли сознание моих земных эго погибнуть не только на время, как сознание материалиста, но и в такой степени, чтобы не оставить никакого следа?

М. Согласно учению, оно должно погибнуть, и во всей своей полноте, — все, за исключением того принципа, который, объединившись с монадой, становится таким образом чисто духовной и неподверженной разрушению сущностью, единой с ним в Вечности. Но в случае несомненного материалиста, в личном "Я" которого нет никакого отражения Буддхи, — как же он может перенести в бесконечность хотя бы одну частицу этой земной личности? Ваше духовное "Я" является бессмертным; но из вашего теперешнего эго оно может перенести в посмертное существование лишь то, что достойно бессмертия, а именно, лишь аромат цветка, который скосила смерть.

Х. Хорошо, а что же с цветком, земным "Я"?

М. Цветок, как и все прошлые и будущие цветы, которые распускаются и погибают, и снова будут расцветать на материнском растении, то есть *Сутратме*, как и все дети

одного корня Буддхи, обратится в прах. Ваше теперешнее "Я", как вы сами знаете, это не то тело, которое сейчас сидит передо мной, и не то, что я бы назвала Манас-Сутратма, но — Сутратма-Буддхи.

Х. Но это вовсе не объясняет мне, почему вы называете жизнь после смерти бессмертной, бесконечной и реальной, а земную жизнь — просто призраком или иллюзией, так как даже эта *посмертная* жизнь имеет границы, хотя и гораздо более широкие, чем у земной жизни.

М. Без сомнения. Духовное эго человека движется в Вечности как маятник в часах жизни и смерти. Но, если эти часы, отмечающие периоды земной и духовной жизни, ограничены в своей длительности, и если само число таких стадий между сном и бодрствованием, иллюзией и реальностью, имеет свое начало и свой конец в Вечности, то духовный "пилигрим", напротив, является вечным. Поэтому часы его *посмертной* жизни, когда, лишенный тела, он стоит лицом к лицу с истиной, а не иллюзией своих временных земных существований во время того странствия, которое мы называем "циклом перерождений", являют собой единственную реальность по, нашим представлениям. Такие интервалы не мешают эго, находящемуся в процессе самосовершенствования, неуклонно, хотя и постепенно и медленно, следовать по пути, ведущему к его последней трансформации, когда это эго достигнет своей цели и станет божественным ВСЕМ. Эти интервалы и стадии помогают движению к этому конечному результату, вместо того, чтобы мешать ему; и без таких ограниченных во времени интервалов божественное эго никогда не достигло бы своей конечной цели. Это эго является актером, а его многочисленные и разнообразные инкарнации — теми ролями, которые он играет. Будете ли вы называть эти роли, вместе с их костюмами, индивидуальностью самого актера? Подобно этому актеру, эго вынуждено играть в течение Цикла Необходимости вплоть до порога *Пара-нирваны* много ролей, и в том числе — неприятных для него. Но как пчела собирает мед с каждого цветка, оставляя его затем как пищу для личинок, так же поступает и наша духовная индивидуальность, назовем ли мы ее Сутратма или эго. С каждой земной личности, в которую карма заставляет ее переродиться, она собирает нектар, состоящий лишь из духовных качеств и самосознаний, и объединяет их всех в единое целое, которое возникает из "куколки", как победоносный дхиан коган. И тем хуже для тех

земных личностей, от которых она не может собрать ничего. Такие личности наверняка не смогут сознательно продолжить свое земное существование.

Х. Таким образом, отсюда следует, что для земной личности бессмертие все же условно. Не является ли тогда само бессмертие *обусловленным*?"

М. Вовсе нет. Однако, оно не может иметь отношения к *несуществующему*. Ибо для всего, что существует как Сат и постоянно стремится к Сат, бессмертие и Вечность являются абсолютами. Материя — это противоположный полюс духа, и оба они представляют собой единое. Сущность всего этого, т. е. Дух, Сила и Материя, или они трое в единстве, не имеет ни конца, ни начала; но форма, приобретаемая этим тройным единством во время его инкарнации, его внешность — это, конечно, лишь иллюзия наших личных представлений. Таким образом нам следует называть существование после смерти единственно реальным, в то время как земную жизнь, включающую земную индивидуальность, рассматривать как фантом царства иллюзий.

Х. Но почему же в таком случае не называть, наоборот, сон реальностью, а пробуждение — иллюзией?

М. Потому что мы используем это выражение, чтобы помочь пониманию вопроса, и с точки зрения земных представлений оно вполне корректно.

Х. Тем не менее, я не могу понять. Если будущая жизнь основывается на справедливости и является справедливым воздаянием за все наши земные страдания, то в случае материалистов, многие из которых совершенно честные и милосердные люди, от их личности не должно остаться ничего, кроме остатков увядших цветов!

М. Никто никогда не говорил этого. Никакой материалист, если он хороший человек, пусть даже и неверующий, не может навсегда умереть во всей полноте своей духовной индивидуальности. То, что было сказано, — это что сознание какой-нибудь жизни может исчезнуть полностью или частично; в случае последовательного материалиста, никакого следа этой неверующей личности не останется в сериях перерождений.

Х. Но для эго это не является уничтожением?

М. Конечно, нет. Некто может спать мертвым сном в течение железнодорожного путешествия, пропустить одну или

несколько станций без малейшего воспоминания или осознания их, проснуться на какой-то станции и продолжить путешествие, вспоминая другие пункты остановки вплоть до конца своего путешествия, когда его цель будет достигнута. Нами были упомянуты три вида снов: без сновидений, с хаотическими сновидениями, и со сновидениями столь реальными, что для спящего человека его сны становятся полной реальностью. Если вы верите в последний, почему вы не можете поверить в первый? Состояние, которое человек получит после смерти, соответствует тому, во что он верит и чего он ожидает. Тот, кто не ожидает жизни после смерти, получит абсолютную пустоту, доходящую до полного исчезновения в интервале между двумя перерождениями. Это как раз выполнение той программы, о которой мы говорили, и которая создается самим материалистом. Но, как вы говорите, существуют разнообразные виды материалистов. Безнравственный эгоист, который никогда не пролил ни одной слезы о ком-то, кроме себя самого, тем самым добавляя к своему неверию еще и полное безразличие ко всему миру, должен навсегда оставить на пороге смерти свою индивидуальность. Его индивидуальность не имеет симпатии к окружающему миру, и поэтому ему нечем прицепиться к нити Сутратмы, и всякая связь между ними рвется с последним дыханием. Для такого материалиста не будет девачанского состояния, и Сутратма немедленно переродится. Но тот материалист, который не заблуждался ни в чем, кроме своего неверия, проспит лишь одну станцию. Кроме того, наступит время, когда экс-материалист почувствует себя в Вечности и, вероятно, раскается, что он отнял хотя бы один день, или станцию, от вечной жизни.

Х. Все же, не будет ли более правильно сказать, что смерть — это рождение в новую жизнь, или еще одно возвращение к порогу вечности?

М. Можно, если хотите. Но только помните, что рождения различны, и что есть рождения "мертворожденных" существ, которые являются *ошибками*. Кроме того, в связи с вашими установившимися западными идеями о материальной жизни, слова "живущий" и "существующий" совершенно неприложимы к чисто субъективному состоянию *посмертного* существования. Именно благодаря таким идеям, — кроме как у некоторых философов, которых мало кто читает и которые сами не могут представить отчетливую картину этого, — все ваши представления о жизни и смерти в конце концов

становятся столь ограниченными. С одной стороны, они приводили к грубому материализму, а с другой, к все еще материальным представлениям о другой жизни, которые спиритуалисты отразили в своем Саммерлэнде. Там души людей едят, пьют и вступают в браки и живут в Раю почти столь же чувственном, как Рай Мухаммеда, но даже еще менее философичном. Не лучше и обычная концепция необразованных христиан, но они еще более материальны, насколько это возможно. Что касается почти бестелесных ангелов, медных труб, золотых арф, улиц райских городов, мощеных драгоценностями, а также адского пламени, то все это выглядит как сцена из рождественской пантомимы. Ваши трудности понимания обусловлены именно этими узкими представлениями. И как раз потому, что жизнь бестелесной души, обладая всей живостью и реальностью, как в некоторых сновидениях, лишена какой-либо грубой объективной формы земной жизни, восточные философы сравнивали ее с видениями во время сна.

МЫСЛИ О КАРМЕ И РЕИНКАРНАЦИИ

"В человеческом теле есть артерии, тонкие, как тысячекратно расщепленный волос, наполненные флюидами голубого, красного, зеленого, желтого и др. цветов. В них размещается тонкая оболочка (основа, или эфирный каркас астрального тела), которая наследует мысленные остатки переживаний прошлых воплощений (или инкарнаций), *сопровождающих ее при переходе от одного тела к другому*".

УПАНИШАДЫ

"Судите о человеке скорее по его вопросам, чем по ответам", — поучал хитроумный Вольтер. В нашем понимании этот совет действует лишь наполовину. Для его завершения и чтобы сделать его всеобъемлющим, нам следует добавить: "установите мотивы, которыми руководствуется вопрошающий". Один человек может спрашивать из искреннего побуждения научиться чему-либо и что-то узнать. Другой будет задавать нескончаемые вопросы с единственной целью — придраться к своему оппоненту и доказать, что он неправ.

Немалое число так называемых "интересующихся теософией", как они сами себя называют, принадлежит именно к этой последней категории. Мы встретим среди них материалистов и спиритуалистов, агностиков и христиан. Некоторые из них, хотя их и немного, говорят о себе, что они "открыты для переубеждения"; иные, полагая вместе с Цицероном, что никакой либеральный, стремящийся к истине человек никогда не обвинит в непостоянстве того, кто изменил свое мнение, — становятся *действительно* обращенными и вступают в наши ряды. Но имеются и такие — и они составляют большинство, — кто, выдавая себя за *спрашивающих*, являются в действительности *придирчивыми критиками*. Либо из-за ограниченности ума, либо из-за его отсутствия, они прячутся за своими собственными предвзятыми и нередко поверхностными мнениями и верованиями, и от них ни на шаг не отступят. Такой "искатель" безнадежен, так как его желание исследовать истину — это предлог, даже не мужественная маска, но всего лишь *фальшивый нос*. Он не обладает ни открытой решимостью убежденных материалистов, ни спокойным хладнокровием "сэра Оракула". Но —

...скорее океану
Вы возбраните гнаться за луной
Волной прилива, чем в его уме
Разрушите заклатьем иль советом
То, что построил он воображеньем..."¹

1 Шекспир, "Зимняя сказка", акт I, сцена 2, в переводе К. К. Случевского.

Поэтому лучше всего оставить в одиночестве такого "искателя истины". Он неуступчив и неисправим, поскольку он либо толстокожий дилетант, претендующий на ученость, самонадеянный теоретик, либо глупец. Как правило, он уже

говорит о реинкарнации, не узнав еще даже о разнице между *метемпсихозом*, трансмиграцией человеческой души в животную форму, и реинкарнацией, или повторным рождением того же самого эго в последующих человеческих телах. Не зная *истинного* значения этого греческого слова, он даже не подозревает, сколь абсурдна с философской точки зрения эта чисто экзотерическая доктрина трансмиграции в животных. Бесплезно говорить ему, что природа, движимая кармой, никогда не отступает назад, но всегда стремится вперед в своей работе на физическом плане; что она может поместить человеческую душу в тело человека, в моральном отношении в десять раз более низменного, чем любое животное, но она не станет переворачивать порядок, установленный в ее царствах; и, возведя неразумную монаду зверя высокого порядка в человеческую форму в первый час манвантары, она не станет низводить это эго, раз оно стало человеком, пусть даже и самого низменного типа, обратно в животный мир, — во всяком случае, не в продолжение этого цикла (или кальпы).¹

1 Оккультная наука учит, что один и тот же порядок эволюции для человека и животных — от первой до седьмой планеты цепи, и от начала до конца седьмого цикла — имеет место в каждой *цепи* миров в нашей солнечной системе, с самого нижнего до самого высшего. Таким образом, как самое высокое, так и самое низкое эго из монад, избранных для того, чтобы стать людьми новой цепи в Манвантаре, переходя от низшей к высшей "цеди", должно, разумеется, пройти через все животные (и даже растительные) формы. Но, вступив в свою череду рождений, никакое человеческое эго не станет животным в течение любого периода из семи циклов. — См. "Тайную Доктрину".

Перечень сомнительных "исследователей" никоим образом не исчерпывается этими безобидными *искателями*. Есть еще два класса — христиане и спиритуалисты, причем последние в некотором отношении ужаснее, чем кто-либо другой. Первые из них, по рождению и воспитанию верующие в Библию и сверхъестественные "чудеса" на основании *авторитета*, или, используя народную поговорку, "подтверждения из тридцать

седьмых рук", часто вынуждены отступать перед лицом непосредственного свидетельства своего собственного разума и органов чувств; после этого они способны к вразумлению и переубеждению. Они создали априорные мнения и окаменели в них, подобно мухе в куске янтаря. Но этот янтарь раскололся и, как один из признаков этого, они задумываются об отчасти запоздалом, но искреннем поиске, чтобы либо удостоверить истинность своих старых суждений, либо расстаться с ними. Обнаружив, что их религия — подобно религии подавляющего большинства их товарищей — была построена на *человеческом*, а не *божественном* основании, они приходят к нам, как к хирургам, веря, что теософы могут удалить всю застарелую путаницу из их сбитых с толку мозгов. Иногда именно так и происходит; однажды увидев ошибочность того, что некогда они приняли и отождествили себя с какой-либо формой веры, и лишь потом, спустя многие годы, собрались проверить ее, они вполне естественно пытаются не впасть снова в ту же самую ошибку. Однажды они уже удовлетворились такими интерпретациями своих освященных временем догматов, поскольку это позволила сделать ошибочность, а часто и абсурдность последних; но теперь, прежде чем поверить, они стремятся узнать и понять.

Это правильное и совершенно теософское состояние ума; оно полностью соответствует заповеди Господа Будды, который учил никогда не верить просто на основании авторитета, но проверять последний средствами нашего личного разума и высшей интуиции. Лишь такие искатели вечной истины могут извлечь пользу из уроков древней Восточной Мудрости.

Поэтому наш долг помочь им защитить свои новые идеалы, снабдив их наиболее подходящим и серьезным оружием. Ибо им придется не только столкнуться с материалистами и спиритуалистами, но и сразиться со своими собратьями по религии. Последние используют против них весь свой арсенал, состоящий из пугачей библейской казуистики и истолкований, основанных на буквальном понимании текстов и изворотливом переводе *псевдо* откровения. Они должны быть готовы ко всему этому. Им скажут, например, что в Библии нет ни единого слова, которое подкрепляло бы веру в реинкарнацию или более чем однократную жизнь на этой земле. Биологи и физиологи посмеются над такой теорией и уверят их, что ей противоречит уже сам тот факт, что ни один человек не имеет ни одного даже мимолетного воспоминания о *прошлой* жизни. Неглубокие метафизики и сторонники беззаботной церковной

этики этого века будут серьезно рассуждать, сколь несправедливым было бы наказывать в данной жизни за поступки, совершенные нами в предыдущем бытии, о котором нам ничего неизвестно. Все подобные возражения отменяются и выглядят явно ошибочными для любого человека, серьезно изучающего эзотерические науки.

Но что же нам сказать о наших яростных противниках, последователях Кардека, или реинкарнационистах Французской школы, а также *анти*-реинкарнационистах, т. е., о большей части спиритуалистов старой школы. Тот факт, что первые верят в повторное рождение, но с их собственной грубой, нефилософской точки зрения, делает нашу задачу еще более сложной. Они вбили себе в голову, что человек умирает, и его "дух", после нескольких утешительных визитов к тем смертным, которых умерший оставил, может по своей собственной доброй воле перевоплотиться в кого он захочет и когда он захочет. На их взгляд, девакханический период, продолжающийся не менее чем 1 000, а, как правило, 1 500 лет, — это мучительная ловушка для разума. У них ничего подобного не будет. То же самое думают спиритуалисты. Они в высшей степени философски возражают, что "*сие попросту невозможно*". Почему? Потому что эта перспектива неприятна для большинства из них, особенно для тех, кто знает о себе, что он персональный аватар, или перевоплощение некоего великого с исторической точки зрения героя или героини последних веков (вероятность появиться на свет от, или среди, отбросов Уайтчепела (лондонские трущобы. — *Прим. редактора*), для них этот вопрос не стоит). И "это так жестоко", видите ли, говорить любящим родителям, что фантазия о том, что *мертворожденный* ребенок, их дочка, которая, как они воображают, выросла в "детской" Саммерлэнда, а теперь спустилась вниз и ежедневно навещает их в семейной комнате для сеансов, — это абсурдная вера, независимо от того, есть реинкарнация или нет. Мы не должны *оскорблять их чувства*, настаивая на том, что любой ребенок, умерший до наступления разумного возраста — когда только он и становится ответственным созданием, — перерождается сразу же после своей смерти, поскольку, не имея личных заслуг или недостатков в любом из своих действий, он не может претендовать на девакханическое воздаяние и блаженство. Кроме того, поскольку он не является ответственным, скажем, до семилетнего возраста, вся тяжесть кармических последствий, вызванных его короткой жизнью,

падает прямо на тех, кто его выращивает и направляет. Они не хотят слышать ни о каких подобных философских истинах, основанных на вечной справедливости и действии кармы. "Вы оскорбляете наши лучшие, наши самые благочестивые чувства. Прочь!" — вопиют они, — "мы не признаем ваших учений".

E pur si muove! ["А все-таки она вертится!", *ит.*] Такие аргументы напоминают одно из любопытных возражений против сферической формы земли и отрицание таковой некоторыми мудрыми древними отцами церкви. "Как же может земля быть круглой?" — доказывали святой умник, "достопочтенный Бэда", и манихей Августин. — "Если бы это было так, то люди *внизу* должны бы были ходить вниз головой, подобно мухам на потолке. Хуже всего, они не могли бы увидеть Господа, нисходящего в своей славе в день второго пришествия!" Так же, как эти очень логичные аргументы казались неопровержимыми христианам первых веков нашей эры, столь же правдоподобными выглядят и глубокие философские возражения наших друзей, теоретиков *Саммерлэнда*, в наш век неотеософии.

Нас могут спросить: а каковы же ваши доказательства, что действительно имеет место подобный ряд жизней, или что вообще существует такая вещь, как реинкарнация? Мы отвечаем: (1) свидетельство любого провидца, мудреца и пророка, на протяжении бесконечной череды человеческих циклов; (2) масса фактов, *выведенных логически* и очевидных даже для непосвященного. Правда, этот тип доказательств — хотя нередко люди опираются именно на такое *логическое* свидетельство — не является абсолютно надежным. Ибо, как сказал Локк: "Сделать вывод — это означает не что иное, как при помощи одного предположения, принятого за истинное, вывести истинность другого". Однако все зависит от характера и силы этого первого предположения. Те, кто верит в предопределение, могут считать истинной свою доктрину Судьбы — то милое верование, согласно которому каждому человеческому существу заранее определен нашим "Всемиловитым Отцом Небесным" либо вечный адский огонь, либо "Золотая Арфа", по принципу игры с завязанными руками. Предположение, из которого выводится и на котором утверждается истинность этого любопытного убеждения, основывается, в данном случае, всего лишь на ночных кошмарах Кальвина, которых у него было множество. Но тот факт, что его последователи насчитывают миллионы человек, не дает основания называть всеобщей и универсальной верой

ни теорию тотальной вседозволенности, ни теорию предопределения. Они все же ограничиваются лишь небольшой частью человечества и о них никогда не слышали до появления этого французского реформатора.

Существуют пессимистические учения, порожденные отчаянием; верования, искусственно привитые человеческой природе, которые, поэтому, не могут служить добру. Но кто учил человечество переселению душ? Вера в последовательные перерождения человеческого эго в ходе жизненных циклов в разные тела — это универсальная вера, несомненно, укорененная в самом сердце человечества. Даже сегодня, когда теологические догмы человеческого происхождения задушили и почти что изгнали эту естественную, врожденную идею из ума христианина, даже сегодня сотни самых выдающихся западных философов, писателей, артистов, поэтов и глубоких мыслителей все же твердо верят в реинкарнацию. По словам Жорж Санд, мы:

Брошены в эту жизнь, как в перегонный куб, где, после предшествующего существования, о котором мы забыли, мы обречены переделываться, обновляться, закаляться страданием, борьбой, страстью, сомнением, болезнью, смертью. Все эти бедствия мы терпим ради наших богов, ради нашего очищения, и, так сказать, чтобы стать совершенными. Из века в век, от расы к расе, мы совершаем медленный прогресс, медленный, но очевидный, и, несмотря на все, что говорят скептики, появляются доказательства его успеха. Если все несовершенства нашего бытия и все горести нашего положения вселяют в нас ужас и повергают в уныние, то с другой стороны, все более благородные качества, которыми мы одарены, чтобы стремиться к совершенству, работают на наше спасение и освобождают нас от страха, нищеты и даже смерти. Да, божественный инстинкт, который всегда возрастает в свете и силе, помогает нам понять, что ничто во всем этом мире не умирает целиком, и что мы лишь исчезаем из одного круга вещей, окружающих нас в нашей земной жизни, чтобы вновь появиться в условиях, более благоприятных для нашего вечного возрастания в добре.

Профессор Фрэнсис Боуэн, изложение великой истины которого цитируется в "Реинкарнации; истории забытой истины",¹ пишет:

"Можно с уверенностью утверждать, что доктрина метемпсихоза является естественной и врожденной идеей человеческого разума, судя по ее широкому распространению

среди народов земли и ее преобладанию во все исторические эпохи".

1 Мы призываем всех, кто не верит в реинкарнацию, прочитать доказательства ее существования в замечательной книге Э. Д. Уолкера. Это наиболее полное, из опубликованных, собрание доказательств и свидетельств всех времен.

Не счесть миллионы индусов, египтян, китайцев, уже ушедших с этой земли, и миллионы тех, кто верит в реинкарнацию сегодня. Та же доктрина есть и у евреев; более того, тот, кто молится *личному*, или поклоняется в безмолвии *безличному*, божеству или Принципу и Закону, скорее верит в эту доктрину, чем не верит. Вера заставляет нас считать "Бога" или "Закон" синонимом справедливости, давая маленькому и бедному человеку более чем один шанс на праведную жизнь и искупление грехов, действует он или бездействует. Наше неверие наделяет Невидимую Силу вместо справедливости дьявольской жестокостью. Она делает из *нее* своего рода небесного Джека Потрошителя или Нерона, соединенного с человеческим монстром. Если *языческая* доктрина почитает Божество, а христианская отказывает ему в почтении, какую из них следует принимать? И почему тот, кто предпочитает первую, называется — *неверующим*?

Но мир сегодня меняется, он менялся всегда, и вместе с ним изменяются идеи в головах консерваторов. Вопрос не в том, соответствует ли этот природный факт некоему индивидуальному хобби, или нет, но в том, действительно ли это *факт*, основанный, по крайней мере, на логическом доказательстве. Эти люди, *увлеченные своим индивидуальным хобби*, говорят нам, что это не так. Мы отвечаем: изучайте вопросы, вами отвергнутые, попытайтесь понять нашу философию, прежде чем будете отбрасывать наши учения *a priori* [заведомо, *лат.*]. Спиритуалисты жалуются, и не без оснований, на людей науки, которые, подобно Гексли, отрицают все их феномены в целом, при этом не зная о них практически ничего. Почему же они поступают точно так же с предположениями, основанными на психологическом опыте тысяч поколений провидцев и адептов? Знают ли они что-либо о законах кармы, великого Закона Воздаяния, таинственного, и все же — по своим последствиям — совершенно очевидного и

ощутимого процесса в Природе, который, раньше или позже, возвращает обратно все наши хорошие и дурные поступки, как возвращается рикошетом мяч, брошенный в стену, к тому, кто его бросил? Нет, не знают. Они верят в личного Бога, которого они наделяют разумом, и который вознаграждает и наказывает, по их мнению, за каждое наше действие, совершенное в этой жизни. Они признают это *гибридное* божество (конечное, потому что они совершенно нефилософски наделяют его обусловленными атрибутами, упорно продолжая называть его Бесконечным и Абсолютным), не замечая тысяч ошибок и противоречий, в которые ввергают их теологические учения об этом божестве. Но когда им предлагают последовательную, философскую и логическую замену для столь несовершенного Бога, полное решение большинства неразрешимых проблем и тайн человеческой жизни, — они отворачиваются, исполнившись идиотского ужаса. Они остаются безразличными к этому нашему предложению или выступают против него лишь потому, что имя ему — КАРМА вместо Иеговы; а также потому, что это учение исходит из арийской философии — самой глубокой и мудрой из всех философий мира, — а не из семитского лукавства и интеллектуального жонглирования, превратившего астрономический символ в "единого живого Бога Богов". "Нам не нужно *безличное* Божество", — говорят они нам, — "негативный символ, такой как Не-Бытие, недоступен и непонятен для Бытия". Совершенно верно. "И свет во тьме светит, и тьма не объяла его" [От Иоанна, 1:5]. Поэтому они и будут многословно рассуждать о своих *бессмертных* душах, и, исходя из того же самого принципа, согласно которому они называют личного Бога *бесконечным* и делают его исполинским *мужчиной*, они будут считать человеческий фантом — "духом" полковника Цицерио Трикла, или "духом" миссис Аманды Джеллибэг,¹ со смутной идеей о том, что оба они, по крайней мере, вечны.

1 "Treacle" в переводе с английского означает патока, "Jelly-bag" — марлевый мешочек для процеживания желе. — *Прим. редактора.*

Бесполезно, вследствие этого, пытаться и убедить таких людей. Если они не могут или не хотят получить пусть даже самое общее представление о том, что содержится в термине *карма*, как же они смогут понять тонкие различия в доктрине реинкарнации, хотя, как показал наш преподобный брат, жрец

Йалу Найдугу из Хайдарабада, карма и реинкарнация является, "в действительности, азбукой Религии Мудрости". Эта мысль совершенно ясным образом выражена им в январском номере "Теософиста": "Карма — это общая сумма наших действий, как в настоящей жизни, так и в прошлых рождениях". Утверждая, что карма бывает трех видов, он продолжает:

Санчита карма включает в себя человеческие заслуги и недостатки, накопленные в предыдущей жизни и во всех остальных прошлых рождениях. Та часть *санчиты кармы*, которая предназначена влиять на человеческую жизнь ... в данном воплощении, называется *праарабдха*. Третий вид кармы — это результат заслуг или недостатков действий, совершенных в данной жизни. *Агами* распространяется на все ваши слова, мысли и поступки. То, что вы думаете, говорите, делаете, а также все те следствия, которые возникают из-за ваших мыслей, слов и поступков в вас и тех людях, на кого они воздействуют, попадают в категорию данной кармы, которая, несомненно, окажет влияние на баланс добра и зла в вашей жизни в вашем будущем развитии [или воплощении].¹

1 "Теософист", том X, январь 1889 г., с. 235. —
Прим. редактора.

Таким образом, карма — это просто *действие*, цепь *причин и следствий*. То, что соединяет каждое следствие с его непосредственной причиной; то, что невидимо и столь же безошибочно руководит этими следствиями, чтобы они избрали для своей деятельности *надлежащего субъекта в надлежащем месте*, — все это мы называем *законом кармы*. Что же это такое? Не вернее ли будет назвать его рукой провидения? Это недопустимо, особенно в христианских странах, поскольку этот термин был связан здесь с *предвидением* и *личным замыслом* личного бога, и теологически интерпретировался как таковой; и в действующих законах кармы — *абсолютной Справедливости*, — основанных на Универсальной Гармонии, не существует ни предвидения, ни желания; и кроме того, именно наши собственные действия, мысли и поступки *управляют этим законом*, а вовсе не он управляет ими. "Что посеет человек, то и пожнет" [Послание к Галатам, 6:7]. Лишь совершенно нефилософская и нелогичная теология может говорить одновременно и о *свободной воле*, и о милости или проклятии, *предопределенных* для каждого человека *от (?) вечности*, как будто вечность может иметь какое-то начало, чтобы

отправляться от! Но этот вопрос завел бы нас слишком далеко в метафизические изыскания. Достаточно сказать, что карма ведет нас к перерождению, и что это перерождение порождает новую карму, освобождаясь от старой, *санчита* кармы. Обе они неразрывно связаны друг с другом, одна из них заключена в другой. Давайте освободимся от кармы, если хотим избавиться от всех страданий перерождений, или — РЕИНКАРНАЦИИ.

Чтобы показать, как вера в реинкарнацию нашла себе почву даже среди не отличающихся особой интуицией западных авторов, мы приведем здесь следующие выдержки из одного англо-индийского ежедневного издания.

МЕТЕМПСИХОЗ

1 Обширная статья, опубликованная в аллахабадском "Pioneer". — *Прим. редактора.*

...В одной претенциозной миссионерской публикации была предпринята попытка всерьез опровергнуть теорию "переселения душ", которая показывает, что неспособность к метафизическим изысканиям и невежество в области психологии обрекает на неудачу всякого, кто примется за такую задачу... Аргументы, выдвигаемые в этой статье, заслуживают того, чтобы рассмотреть их один за другим.

"Во-первых, метемпсихоз **пренебрегает свидетельством памяти**... Так случилось, что психологи начиная с Платона привлекали внимание к привычным ментальным феноменам, в которых люди, впервые в своей жизни попавшие в специфические обстоятельства, внезапно были поражены осознанием того, что уже испытывали такое же переживание раньше... Здесь нет никакого противоречия с высшим философским учением, или с нравственными уроками или подлинным переживанием Христа; у самого Христа, даже в зрелом возрасте, случались помрачения памяти, когда он, попадая в сложные физические условия, на время полностью забывал свое состояние до воплощения... — почему не допустить, что любой другой человек, не наделенный божественной сущностью, может забывать на более или менее продолжительные периоды времени свое состояние пред-существования, если оно у него было?.. Теологи приписывают незрелости разума то видимое отсутствие сознания у младенцев, в котором более острая интуиция

может различить неизбежную пропасть между разными состояниями человеческого сознания...

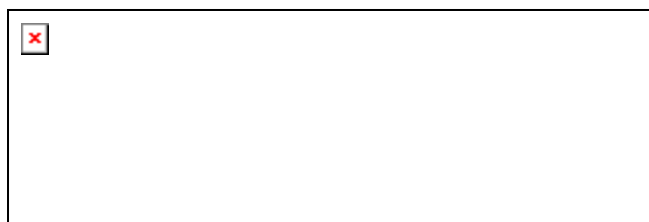
Второй аргумент заключается в том, что теория метемпсихоза содержит **клевету на божественную справедливость**. Мнимая вера индусов в то, что страдание в одном состоянии бытия искупает грех в другом, которая, в сущности, не является несправедливой и ни на йоту не менее нравственна, чем догма об унаследованном и приобретенном грехе, может быть обоснованной, а может не быть таковой; однако первый же вопрос, который возникает — разве искупление, совершенное Христом, несовместимо с трансмиграцией?.. Каким мыслимым образом может теория о том, что человек является падшим духом или возвысившимся животным, или и тем, и другим, противоречить тому, что Христос на самом деле сказал?..

Третий аргумент состоит в том, что **метемпсихоз противоречит любой здоровой психологии**. Девять десятых религиозных проповедников, многословно рассуждающих именно таким образом ... испытали бы большие затруднения, пытаясь объяснить, каким образом многие высшие человеческие обязанности согласовываются между их собственными психическими и духовными природами; а также, что происходит с единством индивидуальной ответственности перед лицом такого трехстороннего распределения.

Четвертый аргумент против трансмиграции состоит в том, что **это противоречит здоровой этике**. Все, чего может требовать система со здоровой этикой, — это, конечно, чтобы личная ответственность касалась любого разумного проявления индивидуальной воли... Каждый разумный человек должен осознавать возрастание собственного нравственного сознания, благодаря которому преодолевается пропасть между его прошлым и настоящим: если его индивидуальность сохраняется для его собственной идентификации, он осознает разные уровни в своей нравственной природе, к которым относятся различные степени ответственности.

Каким же образом может выступать этот факт против здоровой этики?

Пятое возражение против метемпсихоза состоит в том, что **он не соответствует научным данным**... Но что здесь противоречит в науке этой идее, если ее можно подтвердить на примере естественного отбора, согласно которому, если вообще существует какая-либо душа, то индивидуальная душа низшего организма может перейти поэтапно в высшие организмы?"

ПАМЯТЬ ПРИ УМИРАНИИ

В одном очень старом письме Учителя,¹ написанном много лет назад члену Теософского общества, мы находим такие наводящие на размышление элементы ментального состояния умирающего человека:

"В последний момент вся жизнь целиком отражается в нашем сознании и всплывает из всех забытых закоулков и уголков, картина за картиной, одно событие за другим. Умиравший мозг встряхивает память сильным толчком, и память правдиво восстанавливает каждое впечатление, запечатленное в ней во время активной работы мозга. То впечатление и мысль, которые были самыми сильными, естественно становятся наиболее живыми и, можно сказать, переживают все остальные, которые исчезают навсегда, но вновь появляются в девакхане. Никто не умирает в состоянии умопомрачения или бессознательности, как утверждают некоторые физиологи. Даже *сумасшедший* или человек в припадке *белой горячки* имеют вспышку полной просветленности в момент смерти, хотя они и не могут сказать об этом тем, кто находится рядом. Часто кажется, что человек мертв. Но после прекращения пульса, в период между последним ударом сердца и моментом, когда последняя капля животного тепла покидает сердце, *мозг думает* и *это* живет, и в эти несколько коротких секунд вся жизнь человека проходит перед ним. Говорите шепотом, те, кто стоит у постели умирающего и находится в молчаливом присутствии Смерти. Особенно надо хранить спокойствие сразу после того, как Смерть положила на тело свою холодную руку. Говорите шепотом, повторяю я, иначе вы нарушите спокойное течение мысли и воспрепятствуете тому, чтобы Прошлое оставило свое отражение на покрывале Будущего..."

1 Имеется в виду письмо Кут Хуми, полученное А. П. Синнеттом в Симле осенью 1882 г. Это письмо явилось ответом на вопросы, заданные Синнеттом в своем письме Учителю. Оба эти письма (88 а и б) можно найти в полном объеме в сборнике "Письма махатм". — *Прим. редактора.*

Против этого утверждения неоднократно энергично выступали материалисты; было заявлено, что биология и (научная) психология — обе они против этой идеи; и хотя психология не имеет убедительных данных подняться до этой *гипотезы*, биология отрицает саму идею как пустой "предрассудок". Тем не менее, даже биология подвержена прогрессу, и вот что мы можем извлечь из ее последних достижений. Д-р Ферре сообщил недавно Биологическому обществу в Париже очень интересное наблюдение о ментальном состоянии умирающего человека, которое удивительным образом подтверждает вышеприведенную точку зрения. Поскольку речь идет о таком специфическом явлении, как воспоминание о жизни и внезапном появлении на чистых стенках памяти "картины за картиной", возникающих из "углков и закоулков", долгое время находившихся в забвении, д-р Ферре специально привлекает внимание к этому явлению.

Достаточно отметить лишь два из довольно большого количества примеров, приведенных этим ученым в его "Докладе", чтобы показать, как корректны в научном отношении учения, которые мы получаем от наших восточных Учителей.

Первый пример — это умирающий от чахотки человек, болезнь которого развилась вследствие поражения спинного мозга. Сознание уже покинуло его, когда, возвращенный к жизни двумя последовательными инъекциями эфира, больной слегка поднял голову и начал быстро говорить по-фламандски, на языке, которого не понимали ни окружающие его, ни он сам. Получив карандаш и кусок белой бумаги, он с большой скоростью написал несколько строк на этом языке — притом довольно грамотно, как это было установлено позже, — а затем упал навзничь и умер. После перевода оказалось, что написанное им относится к очень прозаическому событию. Он писал, что внезапно вспомнил о том, что он должен какому-то человеку 15 франков с 1868 года (то есть более 20 лет) и хотел бы, чтобы эти деньги были заплачены.

Но почему он написал свое последнее желание на фламандском? Родиной покойного был Антверпен, но он покинул эту страну в младенчестве, не зная этого языка, и провел всю свою жизнь в Париже, умея говорить и писать только по-французски. Очевидно, его возвратившееся сознание, эта последняя вспышка памяти, которая представила перед ним всю его жизнь, как в ретроспективной панораме, и даже столь пустяковый факт, как то, что он одолжил у своего друга 20 лет назад 15 франков, — все это появилось не из одного *физического* ума, а скорее из его духовной памяти, из *высшего эго* (манаса перерождающейся личности). Тот факт, что он писал и говорил по-фламандски, то есть на языке, который он мог слышать лишь в те времена, когда сам еще не мог говорить, является еще одним доказательством. ЭГО *обладает полным всеведением по своей бессмертной природе*. Ибо все это в действительности не более чем "последняя степень и как бы тень существования", как Равесон, член Французского Института, говорит нам.

Теперь о втором случае.

Другой больной, умирая от туберкулеза легких, сходным образом приведенный в чувство инъекцией эфира, повернул голову по направлению к своей жене и быстро сказал ей: "Ты не сможешь теперь найти эту булавку; весь пол был заменен с тех пор". Это было связано с потерей булавки для шарфа восемнадцать лет назад, фактом столь ничтожным, что он был почти полностью забыт, но, тем не менее, ему удалось ожить в последней мысли умирающего человека, выразившего словами то, что он увидел, после чего он внезапно замолчал и его дыхание оборвалось. Таким образом, любое из тысячи мелких ежедневных событий и происшествий, случившихся в течение жизни, могут возникнуть в мерцающем сознании в наивысший момент его распада. Долгая жизнь, прожитая, по-видимому, еще раз за одно краткое мгновение!

Можно упомянуть третий случай, еще лучше подтверждающий то утверждение оккультизма, которое приписывает все такие воспоминания мысленной силе индивидуума, а не личного (низшего) эго. Молодая девушка, которая ходила во сне вплоть до своего двадцатидвухлетия, во время сомнамбулического сна занималась разнообразной домашней работой, о чем она совершенно не помнила после пробуждения.

Среди других психических импульсов, которые проявлялись только во время сна, была одна скрытая тенденция,

совершенно не свойственная ей в бодрствующем состоянии. Во время бодрствования она была открытой и чистосердечной, и мало заботилась о том, что ей принадлежит; но в сомнамбулическом состоянии она могла брать предметы, принадлежащие ей или просто находящиеся около нее, и прятать их с большим мастерством. Поскольку эта привычка была хорошо известна ее друзьям и родственникам, и двум сиделкам, следившим за ее действиями во время ночных прогулок в течение многих лет, то ничего не пропадало или легко могло быть возвращено на положенное место. Но однажды в душную ночь сиделка заснула; девушка встала и отправилась в кабинет отца. Ее отец, знаменитый нотариус, работал этой ночью допоздна. Сомнамбула вошла в тот момент, когда отец ненадолго вышел из комнаты; она не спеша завладела завещанием, лежавшим на столе, а также суммой в несколько тысяч фунтов в бонах и банкнотах. Затем она спрятала их внутри двух фальшивых колонн, установленных в библиотеке наряду с настоящими, прокралась из кабинета прежде, чем вернулся ее отец, и добралась до своей комнаты и кровати, не разбудив сиделку, все еще спавшую в кресле.

В результате, поскольку сиделка решительно отрицала, что ее молодая хозяйка покидала комнату, подозрение с нее было снято, а деньги так и пропали. Однако потеря завещания повлекла за собой судебный процесс, который почти полностью разорил ее отца и совершенно разрушил его репутацию, так что семья попала в очень бедственное положение. Через девять лет девушка, которая в предшествующие семь лет уже не была сомнамбулой, заболела чахоткой и, в конце концов, умерла от нее. На смертном одре покрывало, висящее перед ее физической памятью, поднялось, пробудилась ее божественная интуиция; картины ее жизни стремительно пронеслись перед ее внутренним взором, и среди прочих она увидела сцену своего сомнамбулического воровства. Внезапно она пробудилась от летаргического сна, в котором пребывала несколько часов, на ее лице появились следы ужасного переживания, и она закричала: "Ох! Что же я наделала?.. Ведь это я взяла завещание и деньги... Поищите в фальшивых колоннах в библиотеке, я..." Она не закончила своей фразы, потому что ее собственные эмоции убили ее. Но, тем не менее, провели поиски, и было найдено завещание и деньги внутри дубовых колонн, как она и сказала. Однако этот случай оказался весьма странным потому, что колонны были столь высоки, что, даже встав на стул и имея в своем

распоряжении больше времени, чем несколько минут, сомнамбула не смогла бы дотянуться до пустых колонн и бросить вещи в них. Однако можно отметить, что люди в экстатическом и конвульсивном состоянии (см. "*Convulsionnaires de St. Medard et de Morizine*"), видимо, могут с необычайной легкостью взбираться на глухие стены и даже перепрыгивать через вершины деревьев.

Если мы примем эти факты, то не вынуждают ли они поверить в то, что сомнамбула обладает своего рода интеллектом и памятью в их грубом проявлении на физическом уровне бодрствующего низшего эго; и что эта сомнамбула заявляет о себе *in articulo mortis* [на смертном одре, *лат.*], когда тело и физические чувства личности перестают функционировать и ум, перед тем как полностью улетучиться, перебирает в сознании вереницу психических, а затем и духовных переживаний? А почему бы нет? Даже материалистическая наука начинает признавать в психологии многие факты, которые не могли быть приняты двадцать лет назад. "Истинное существование — жизнь, по сравнению с которой всякая другая жизнь лишь бледный набросок или эскиз, — это существование души", — говорит Равесон. О том, что обычные люди называют "душой", мы говорим как о "перерождающемся эго". "Быть — значит жить, а жить — значит хотеть и думать", — говорит один французский ученый.¹ Но, если физический мозг действительно является более ограниченным, чем область, в которой возникают мгновенные вспышки неограниченной и бесконечной мысли, можно сказать, что ни воля, ни мысль не могут быть созданы *внутри* него, и непроходимая пропасть между материей и сознанием признается даже в соответствии с материалистической наукой Тиндалем и многими другими. Факт заключается в том, что человеческий мозг является просто каналом между двумя планами — психо-спиритуальным и материальным, — по этому каналу просачивается каждая абстрактная и метафизическая идея от манасического до более низкого человеческого сознания. Поэтому идеи о бесконечном и абсолютном не находятся, и не могут находиться, внутри *нашего* мозга. Они могут правдиво отражаться лишь нашим духовным сознанием, и оттуда в ослабленном виде проецируются на плоскости нашего восприятия на этом плане. Так, хотя из нашей памяти часто исчезают даже очень важные события, никакой даже самый ничтожный поступок в нашей жизни не может исчезнуть из

памяти "души", поскольку для нее это не ПАМЯТЬ, но постоянно присутствующая реальность на этом плане, который находится вне наших представлений о пространстве и времени. "Человек есть мерило всех вещей", — сказал Аристотель; и конечно он не имел в виду человека, состоящего из мяса, костей и мускулов!

Наилучшим образом из всех глубоких мыслителей эту идею выразил Эдгар Кине, автор *"La Création"*.² Говоря о человеке, полном чувств и мыслей, которые он либо вообще не осознает, либо ощущает как туманные и смутные впечатления, он показывает, что человек реализует лишь малую часть своего духовного существа. "Мысли, которые мы создаем, но не можем определить и сформулировать, изгоняясь, находят убежище в самой глубине нашего существа"... Постоянно преследуемые нашей волей, "они отступают перед ней все дальше и глубже — кто знает, куда — в самые фибры души, где они сохраняют свою власть и влияют на нас так, что мы этого не замечаем..."

1 "Rapport sur la Philosophie en France au XIX-me Siècle".

2 "Творение", том II, стр. 377-378. — Прим. редактора.

Да, они становятся невоспринимаемыми и недостижимыми для нас, так же как колебания звука и света, выходящие за пределы нашего восприятия. Невидимые и неуловимые, они, тем не менее, работают, и таким образом лежат в основе наших будущих действий и мыслей, приобретая власть над нами, хотя мы, возможно, никогда не думаем о них и часто игнорируем само их наличие. Нигде Кине, виднейший естествоиспытатель, не кажется более правым в своих наблюдениях, чем тогда, когда он говорит о тайнах, которыми мы все окружены:

"Тайнами не земли или неба, а тайнами, содержащимися внутри наших костей, в клетках нашего мозга, в наших нервах и волокнах. Нет никакой нужды в том", — говорит он, — "чтобы в поисках неведомого забираться в мир звезд, поскольку именно здесь, около нас и в нас самих, есть столько недостижимого... Как наша земля состоит большей частью из невоспринимаемых сущностей, которые в действительности и образуют ее континенты, так же и человек".

Истинно так; хотя человек является пучком темных, им самим неосознаваемых, ощущений, неопределенных чувств и неправильно понятых эмоций, забытых воспоминаний и знания, которое становится на поверхности этого плана — *неведением*. Все же, хотя физическая память у здорового человека часто затемнена, и более сильные воспоминания вытесняют более слабые, в момент великого изменения, которое человек называет смертью, то, что мы называем "памятью", по-видимому, возвращается к нам во всей своей силе и свежести.

Не может ли это быть связано просто с вышеупомянутым фактом, что, по крайней мере, на несколько секунд обе наши памяти (а скорее, два состояния сознания, высшее и низшее) соединяются вместе и образуют, таким образом, одно, и что умирающий человек оказывается на плане, где нет ни прошлого, ни будущего, но лишь одно настоящее? Память, как известно, сильнее всего проявляется в отношении наиболее ранних ассоциаций, возникающих тогда, когда будущий человек является всего лишь ребенком, и в нем больше души, чем тела; и если память — это часть нашей души, тогда она необходимым образом должна быть вечной, как сказал где-то Теккерей. Ученые отрицают это; мы, теософы, утверждаем, что это так. Они обосновывают свои взгляды лишь отрицательными доказательствами; мы же, напротив, имеем в нашу поддержку многочисленные факты подобного рода, как те, что содержались в трех вышеизложенных случаях. Звенья цепи причин и следствий, связанных с разумом, являются *terra incognita* [неизвестной землей, *лат.*] и останутся таковой навсегда для материалистов. Ибо если они уже приобрели глубокое убеждение в том, что, как говорит Поп:

"До времени забытые в бесконечных закоулках мозга Звенья наших мыслей сплетаются в единую *невидимую* цепь..."

— и все еще неспособны обнаружить эти цепи, то как же они могут надеяться раскрыть тайны высшего, духовного разума!

ЕСТЬ ЛИ ДУША У ЖИВОТНЫХ?

I

Постоянно насыщаемая кровью, вся земля —
это всего лишь огромный алтарь,
на котором *должно приноситься в жертву*,
беспреданно и бесконечно, *все, что живет...*

*Граф Жозеф де Местр, "Петербургские вечера...", I-II, 35,
1821*

Много есть "устарелых религиозных предрассудков" Востока, которые западные народы часто и неразумно осмеивают; но ни над чем не смеялись столь много и ничто не подвергалось такому полному пренебрежению, как уважение восточных народов к жизни животных. Любители *мяса* не могут симпатизировать тем, кто абсолютно отказывается от него. Мы, европейцы, представляем собой нацию цивилизованных варваров, и между нами и нашими предками, жившими в пещерах, которые высасывали кровь и костный мозг из невареных костей, лежит всего лишь несколько тысячелетий. Таким образом, вполне естественно, что те, кто столь мало ценит человеческую жизнь во время частых и несправедливых войн, не обращают никакого внимания на смертельную агонию животных и на ежедневное принесение в жертву миллионов невинных безобидных животных; ибо мы слишком большие эпикурейцы, чтобы поглощать жаркое из тигров или крокодиловые котлеты, но желаем есть нежных ягнят и фазанов с золотыми перьями. Все это — единственное, чего следует ожидать в нашу эру крупновских пушек и научных вивисекторов. И совсем не удивительно, что дерзкий европеец

будет смеяться над мягким индусом, который содрогается при одной только мысли об убийстве коровы, или же откажется симпатизировать буддисту или джайну, которые уважают жизнь любого чувствующего существа, от слона до комара.

Но если мясная пища становится жизненной необходимостью — "довод тиранов!" — среди западных народов; если в каждом большом городе, пригороде и деревне цивилизованного мира ежедневно должно погибать множество жертв в храмах, посвященных тому божеству, которое отрицал св. Павел и которому поклоняются люди, "чьим Богом является их желудок", — если всего этого и многого другого нельзя избежать в наш "век Железа", то кто же будет настаивать на том же "оправдании" в случае спортивной охоты? Рыбная ловля и охота — наиболее привлекательные "удовольствия" цивилизованной жизни — конечно являются наиболее предосудительными с точки зрения оккультной философии, и наиболее греховными в глазах последователей тех религиозных систем, которые имеют прямое отношение к эзотерической доктрине, то есть индуизма и буддизма. Есть ли *какое-либо* основание у приверженцев этих двух старейших в мире религий рассматривать представителей животного мира — от огромного четвероногого до бесконечно малого насекомого — как своих "младших братьев", сколь смехотворной ни казалась бы эта идея европейцу? Этот вопрос и будет подробно рассмотрен далее.

Сколь бы преувеличенным ни казалось это мнение, тем не менее ясно, что лишь немногие из нас способны без содрогания вообразить те сцены, которые каждое утро происходят на бесчисленных бойнях так называемого цивилизованного мира, или даже те сцены, которые ежедневно разыгрываются во время "охотничьего сезона". Первый солнечный луч еще не пробудил спящую природу, когда со всех сторон света готовятся мириады гекатомб, чтобы приветствовать восходящее светило. Никогда языческий Молох не радовался таким крикам агонии своих жертв, как жалостные вопли, которые во всех христианских странах звучат каждый день с утра до вечера, подобно долгому гимну страдающей природы. В древней Спарте — чьи суровые граждане вряд ли были чувствительны к деликатным проявлениям человеческого сердца — ребенка, обвиненного в том, что он мучил животное для своего удовольствия, подвергали смерти, как того, чья природа до такой степени испорчена, что ему нельзя позволить жить. Однако в

цивилизованной Европе, быстро прогрессирующей во всем, кроме христианских добродетелей, "сила" до сих пор остается синонимом "правоты". Абсолютно бесполезная грубая практика убийства с чисто спортивной целью бесчисленного количества птиц и зверей нигде не сопровождается большей горячностью, чем в протестантской Англии, где милосердное учение Христа вряд ли сделало человеческие сердца более мягкими, чем во времена Нимврода, "великого охотника перед Богом". Христианская этика столь же легко перешла к парадоксальным силлогизмам, как и этика "язычников". Один спортсмен однажды сказал автору, что поскольку "ни один воробей не упадет на землю без воли Отца", тот, кто убивает ради спорта, скажем, сотню воробьев, сотню раз действует по воле своего Отца!

Жалкий жребий для бедных животных, превращенный рукой человека в неумолимую неизбежность. *Разумная* душа человеческого существа рождается, по-видимому, для того, чтобы стать убийцей *неразумной* души животного — в полном смысле этого слова, так как христианская доктрина учит, *что душа животного умирает вместе с его телом*. Не может ли легенда о Каине и Авеле иметь двойной смысл? Взглянем еще на одно бесчестье нашего культурного века — научные боины, называемые "комнатами для вивисекции". Войдем в одно из таких помещений в Париже и посмотрим на Поля Берта или кого-либо другого из тех людей — которых так справедливо называют "учеными мясниками института" — за их ужасной работой. Я могу привести убедительное описание, сделанное очевидцем, который тщательно изучал *modus operandi* [способ действия] таких "эскутодоров", хорошо известным французским писателям:

Вивисекция, — говорит он, — это специальность, в которой *пытка*, научно используемая нашими палачами-академиками, применяется в течение дней, недель и даже месяцев к жилам и мышцам одной и той же жертвы. Он (мучитель) использует любой вид оружия, проводит свой анализ перед безжалостной аудиторией, каждое утро распределяет свою задачу сразу между десятью учениками, один из *которых работает с глазом*, другой — с ногой, третий — с головным мозгом, четвертый — с костным мозгом; и их неопытным рукам удастся тем не менее к ночи, после тяжелой дневной работы, обнаружить целостность живого трупа, который им приказали *расчленить*, и вечером его тщательно убирают в погреб для того, чтобы с раннего утра с ним снова можно было работать, если в жертве сохранится, конечно, хотя бы

капля жизни и чувствительности. 'Мы знаем, что сторонники закона защиты животных пытались протестовать против этой мерзости; но Париж показал себя более безжалостным, чем Лондон и Глазго.'¹

И все же эти джентльмены хвастаются тем, какую *великую* цель они преследуют, и какие *огромные* тайны открываются с их помощью.

Ужас и ложь! — восклицает тот же автор. — Относительно таких тайн (за исключением того, что касается локализации способностей и движений в головном мозгу) мы знаем лишь об одной тайне, которая принадлежит им по праву: тайна увековеченного мучения, по сравнению с которым ужасный естественный закон *аутофагии* [взаимного поедания], ужасы войны, жертвы спортивной охоты, страдания животного под ножом мясника, — все это ничто! Слава нашим людям науки! Они превзошли все известные формы мучений и останутся навсегда, без какого-либо соперничества, королями искусственного страдания и отчаяния!²

1 "De la Resurrection et du Miracle" Э. де Мирвиля.

2 Там же.

Обычное оправдание убийства и даже легального мучения животных — такого как вивисекция, — это один-два стиха из Библии и их плохо усвоенный смысл, искаженный так называемой схоластикой, представленной Фомой Аквинским. Даже де Мирвиль, этот горячий защитник прав церкви, называет такие тексты "наполненные библейской терпимостью, *навязанными*, как и многое другое, Богом после потопа и вызванными упадком нашей силы". Как бы то ни было, такие тексты откровенно противоречат другим текстам той же Библии. Человек, который ест мясо, спортсмен и даже вивисектор (если последний верит в творение и Библию), — все они обычно цитируют для своего оправдания тот стих из Бытия, где Бог дает *дуальному* Адаму власть "над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всякими животными, пресмыкающимися по земле" (Бытие, I, 28), и таким образом, как это понимает христианин, он дает ему власть над жизнью и смертью каждого животного на земном шаре. Более философичные брахман и буддист могли бы ответить на это: "Это не так. Эволюция начинает лепить будущие человечества внутри самых низших ступеней бытия. Поэтому, убивая животное или даже насекомое, мы останавливаем прогресс единого целого по направлению к его

конечной цели в природе — ЧЕЛОВЕКУ"; и на это изучающий оккультную философию может сказать "Аминь", добавляя, что это не только задерживает эволюцию единого целого, но и мешает тому, чтобы возникла последующая, более совершенная человеческая раса.

Кто из оппонентов прав, кто из них более логичен? Ответ зависит, конечно, прежде всего от личных верований посредника, избранного для решения этого вопроса. Если он верит в (так называемое) творение, то в ответ на простой вопрос: "Почему убийство человека должно рассматриваться как самый ужасный грех против Бога и природы, а убийство миллионов живых существ просто как спорт?" — он выдаст ответ: "Поскольку человек создан по образу Бога и смотрит *вверх* на своего Творца и место своего рождения — небеса (*os homini sublime dedit*), а взор животного направлен *вниз*, на место *своего* рождения — землю; ибо сказал Бог: "Да произведет земля душу живую по роду ея, скотов, и гадов, и зверей земных" (Бытие 1:24)". И кроме того, "поскольку человек имеет бессмертную душу, а немая тварь не обладает бессмертием, и после смерти не проживает даже малого времени".

На это неискушенный мыслитель мог бы ответить, что если Библия должна быть авторитетом для нас в этом деликатном вопросе, то в ней не в большей степени содержится доказательство того, что место рождения человека находится на небесах, чем то же в отношении земных тварей, — как раз наоборот: в Бытие мы находим, что если Бог создал "человека" и благословил "их" (Бытие 1:27-28), то он же создал "огромных рыб" и "благословил их" (21-22). Более того, "создал Господь Бог человека из праха земного" (2:7); и "прах" — это, конечно, размельченная земля? Соломон, король и проповедник, является общепризнанным авторитетом и мудрейшим из библейских мудрецов; и он высказывает ряд истин в Екклесиасте (гл. III), которые следует использовать до сих пор при любом обсуждении этого вопроса.

"Чтобы они [сыны человеческие] видели, что они сами по себе — животные" (стих 18) ... "участь сынов человеческих и участь животных — участь одна ... и нет у человека преимущества перед скотом" (стих 19) ... "Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвратится в прах" (стих 20). "*Кто* знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных *сходит* ли вниз, в землю?" (стих 21).

Воистину, "кто знает"! Во всяком случае, не наука и не "божественная школа".

Если бы целью этих строк была проповедь вегетарианства на основании авторитета Библии или Вед, то это было бы очень легкой задачей. Ибо, если это верно, что Бог дал *дуальному* Адаму — "мужчине и женщине" главы I Бытия, — (который имел мало общего с нашим "предком-подкаблучником" из главы 2) "власть над всяким живым существом", однако нигде мы не найдем, чтобы "Господь Бог" повелел Адаму, или кому-либо другому, поедать живые творения или убивать их из спортивного интереса. Как раз наоборот. Ибо указывая на растительное царство и "плод древесный, сеющий семя", Бог говорит совершенно ясно: "вам [людям] *сие* будет в пищу" (1:29).

Первые христиане столь ревностно воспринимали эту истину, что в течение первых веков нашей эры они никогда не ели мяса. В "Octavio" Тертуллиан пишет Минуцию Феликсу: "нам не позволено ни быть свидетелями, ни даже слушать рассказы об убийстве, мы — христиане, и *отказываемся пробовать пищу, к которой могла быть примешана кровь животного*".

Автор этих строк не проповедует вегетарианство, просто защищая "права животных", но пытается показать ошибочность непризнания таких прав, опираясь на авторитет Библии. Кроме того, спорить с теми, кто рассуждает исходя из целого ряда ошибочных интерпретаций, было бы совершенно бесполезно. Тот, кто отрицает учение об эволюции, всегда будет идти по дороге, вымощенной препятствиями; поэтому мы никогда не согласимся с тем, что это в большей степени согласуется с фактами и логикой, чем рассмотрение физического человека просто как сознательный образец животного, а духовное эго, которое *информирует* его, — как принцип, находящийся на полпути между душой животного и божеством. Было бы бесполезно говорить ему, что если он не примет не только те стихи, которые он цитирует в качестве своего доказательства, но и Библию в целом в свете эзотерической философии, которая примиряет целый ряд противоположностей и положений, *кажущихся* абсурдными в ней, он никогда не получит ключ к истине, ибо он не поверит ей. Библия, в целом, изобилует милосердием к людям и добротой и любовью к животным. Оригинальный еврейский текст главы 24 книги Левит переполнен этим. Вместо стихов 17 и 18, так переведенных в Библии: "Кто убьет скотину,

должен заплатить за нее, скотину за скотину" в оригинальном тексте говорится: "жизнь за жизнь", или, скорее, "душу за душу", *нефеш такхат нефеш*.¹ И если суровость закона не доходила до такой меры, как убийство (как в Спарте, человеческая "душа" за "душу" скота), все же, хотя он и заменял убитую душу душой живущего существа, на виновного налагалось тяжелое добавочное наказание.

1 Сравните, также, переводы этих же стихов в Вульгате и текстах Лютера и де Ветте.

Но это еще не все. В Исходе покой праздного дня распространялся на скот и других животных:

"День седьмой — суббота ... не делай в онный никакого дела ни ты, ни ... скот твой" (20:10); и праздный год "...в седьмой [год] оставляй ее [землю] лежать в покое ... чтобы отдохнул вол твой и осел твой" (23:10,12),

— эта заповедь, если она что-либо означает, показывает, что даже животные не были исключены древними евреями из участия в поклонении их божеству, и что это участие во многих случаях происходило наравне с самим человеком. Многие вопросы происходят из непонимания, что "душа", *нефеш*, совершенно отлична от "духа", *руах*. И все же ясно утверждается, что "Бог вдохнул в ноздри (человека) *дыхание жизни* и человек стал живой душой", *нефеш*, не в большей и не в меньшей степени, чем животное, ибо душа животного также называется *нефеш*. И только благодаря развитию *душа* становится *духом*, и оба они являются ступенями, более низкой и более высокой, одной и той же лестницы, основа которой — Универсальная Душа, или дух.

Это утверждение испугает тех добрых мужчин и женщин, которые, хотя многие из них и могут любить своих кошек и собак, все же слишком привержены учениям своих уважаемых церквей, всегда признающих его ересью. "*Неразумная душа собаки или лягушки божественна и бессмертна так же, как и наши собственные души?*" — безусловно, воскликнут они, но именно так и обстоит дело. И сказал так не скромный автор сей статьи, но такой авторитет для всех добрых христиан, как король проповедников — св. Павел. Наши оппоненты, которые с таким негодованием отказываются выслушивать аргументы современной или эзотерической науки, все же могли бы с большей доброжелательностью прислушаться к тому, что сказали по этому вопросу их собственные святые и апостолы;

кроме того, правильная интерпретация их слов должна быть дана не теософами и не их оппонентами, но тем, кто был столь же добрым и набожным христианином, таким как, например, другой святой — Иоанн Златоуст, тот, кто объяснил и прокомментировал послания Павла, и кто пользуется высшим уважением у богословов обеих церквей, римско-католической и протестантской. Христиане уже обнаружили, что экспериментальная наука не на их стороне; они могли бы быть еще в большей степени неприятно удивлены, обнаружив, что никакой индус не мог бы защищать жизнь животных серьезнее, чем это делает св. Павел в послании к римлянам. Индус, по существу, призывает к милосердию к бессловесному животному только исходя из доктрины о перевоплощении и, следовательно, из сходства принципа, или элемента, который одушевляет и человека, и животное. Св. Павел идет дальше: он показывает животное *надеющимся и живущим в ожидании такого же "освобождения от оков разложения"*, как и любой добрый христианин. Это ясное выражение великого апостола и философа будет цитироваться в дальнейшем, и будет показано его истинное значение.

Тот факт, что столь многие толкователи — отцы церкви и средневековые схоластики — пытались обойти истинное значение слов св. Павла — это доказательство, направленное не против их внутренней интуиции, но скорее против уверенности теологов, чья непоследовательность и будет показана в этом разделе. Но некоторые люди до конца поддерживают их предположения, какими бы ошибочными они ни были. Другие, осознав свою ранее допущенную ошибку, как Корнелий Лапид, приносят бедным животным *amende honorable* [публичное извинение]. Рассуждая о той области, которая отведена природой животным в великой драме жизни, он говорит: "Цель всех творений — это служба человеку. Следовательно, вместе с ним (своим хозяином), они ожидают своего воскресения" — *cum homine renovationem suam expectant*.¹ "Служение" человеку, конечно, не может означать пытки, убийства, бессмысленные расстрелы и другого рода злодеяния; в то же время совершенно не нужно объяснять слово "воскресение". Христиане понимают под ним телесное воскресение после второго пришествия Христа; и ограничивают его людьми, исключая животных. Изучающие Тайную Доктрину объясняют его как последующее воскресение и усовершенствование форм на шкале объективного и субъективного бытия, и в течение длинной

серии эволюционных трансформаций от животного к человеку и выше...

1 *Commen. Apocal.*, гл. V, 137.

Это положение, конечно, будет снова с негодованием отвергнуто христианами. Нам будут говорить, что это совсем не то, что объясняет им Библия, и что это утверждение никогда не будет иметь смысла. Бесполезно настаивать на этом. Много было повлекших горькие последствия ошибочных интерпретаций того, что люди приветствовали как "Слово Божье". Предложение "проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих" (Бытие 9:25), породило столетия страданий и незаслуженных мучений несчастных рабов — негров. Именно духовенство Соединенных Штатов противостояло борьбе против рабства *с Библией в руках*. Однако доказано, что рабство всегда было причиной упадка любой страны; и даже гордый Рим пал, поскольку "большинство в древнем мире составляли рабы", — как справедливо отмечает Геер. Но во все времена даже лучшие и наиболее образованные христиане были столь сильно пропитаны множеством ошибочных толкований Библии, что даже один из их величайших поэтов, защищая право человека на свободу, лишает бедных животных такого права.

Бог дал нам власть над царствием природы: Животные На суше, рыбы в море и птицы в небе Служить нам будут вечно по воле высшей;

Но власть над человеком человеку Он не дал,
За собой оставив право карать и миловать,
И кроме Бога над нами быть не может никого.

— говорит Мильтон.

Но, подобно убийству, ошибка "всплывет", и неизбежно обнаружится несоответствие, независимо от того, говорят ли ошибочные заключения за или против относительно этого заранее осужденного вопроса. Оппоненты восточного *филозоизма* дают своим критикам сильное оружие, опровергающее их аргументы посредством такого несовпадения между предпосылками и заключениями, между постулированными фактами и сделанными выводами.

Наша задача состоит в том, чтобы пролить луч света на этот исключительно серьезный и интересный предмет. Писатели католической церкви для того, чтобы подтвердить множество

чудесных воскрешений животных, произведенных их святыми, сделали их предметом бесконечных дебатов. По мнению Боссюэ "душа в животных — это наиболее трудный и наиболее важный из всех философских вопросов".

Противостоя церковной доктрине о том, что животные, хотя и не являющиеся бездушными, не имеют в себе *постоянной* или бессмертной души, и что принцип, который оживляет их, умирает вместе с телом, — интересно понять, каким образом ученые и церковные богословы согласуют это утверждение с тем, что животные могут быть воскрешенными, и часто были воскрешены чудесным образом.

Будучи лишь слабой попыткой (ибо более полная потребовала бы написания многих томов), данный очерк имеет целью убедить людей, показывая непоследовательности схоластических и теологических интерпретаций Библии, в преступности отбирания жизни у животных, особенно со спортивными целями и ради вивисекции. Его цель состоит в том, чтобы, во всяком случае, показать, что как бы абсурдно не было мнение о том, что человек или животное могут быть воскрешены после того, как жизненный принцип навсегда покинул тело, такие воскрешения — если они действительно происходили — были бы не в большей степени невозможны в случае бессловесного животного, чем в случае человека; ибо или оба они наделены природой тем, что неопределенно называется нами "душой", или ни один ни другой не обладают ею.

II

Что за странное существо — человек! что за хаос, что за субъект всяческих противоречий! опытный судья всего сущего и в то же время слабый земной червь! величайшее хранилище и страж истины, и в то же время простое скопище неопределенностей! *слава и скандал вселенной!*

Блез Паскаль

Перейдем далее к тому, каковы взгляды христианской церкви на природу души в животном, и рассмотрим, каким образом

она примиряет противоречия между воскрешением умершего животного и предположением, что его душа умирает вместе с ним, и опишем некоторые чудеса, связанные с животными. По-видимому, прежде чем будет нанесен последний и решительный удар по тому эгоистическому учению, которое стало столь отягощенным грубой и немилосердной практикой по отношению к бедным животным, читатель должен познакомиться с колебаниями самих отцов церкви в отношении правильной интерпретации слов, высказанных по этому вопросу апостолом Павлом.

Любопытно отметить, как карма двух из наиболее неутомимых защитников латинской церкви — Муссо и де Мирвиля, в работах которых содержатся записи о нескольких чудесных событиях — снабдила их оружием, используемым сейчас против их же искренних, но исключительно ошибочных взглядов.¹

1 Было бы справедливым отметить здесь, что де Мирвиль был первым, кто признал ошибку церкви в этом вопросе, и кто защищал жизнь животных, насколько он на это осмеливался.

Поскольку в будущем предстоит великая битва между "сотвористами", или христианами, а также всеми, верящими в особое творение и личного бога, и эволюционистами, или индусами, буддистами, всеми свободомыслящими и, наконец, большинством людей науки, то разумно было бы пересмотреть их позиции.

1). Христианский мир постулирует свое право на жизнь животных: во-первых, исходя из вышецитированных библейских текстов и более поздних схоластических интерпретаций этих текстов; и во-вторых, основываясь на предполагаемом отсутствии у животных чего-либо подобного божественной или человеческой душе. Человек переживает смерть, а животное — *нет*.

2). Восточные эволюционисты, исходящие в своих выводах из своих великих философских систем, считают греховным по отношению к деятельности природы убивать какое-либо живое существо по причинам, изложенным на предыдущих страницах.

3). Западные эволюционисты, вооруженные последними открытиями науки, не обращают внимания ни на христиан, ни

на язычников. Некоторые ученые верят в эволюцию, другие — нет. Тем не менее все они соглашаются в одном: в том, что физическое точное исследование не дает оснований предполагать, что человек наделен бессмертной божественной душой в большей степени, чем собака.

Таким образом, тогда как азиатские эволюционисты ведут себя по отношению к животным в точном соответствии со своими научными и религиозными взглядами, ни церковь, ни материалистическая школа науки, не обнаруживают логики при практическом применении своих теорий. Первая из них поучает, что каждое живое существо специально создано Богом, так же как создается человеческий ребенок, и что от рождения до смерти оно находится под неустанной заботой мудрого и благого Провидения, и в то же время позволяет низшим творениям иметь лишь временную душу. Последняя, рассматривая и человека, и животное, как бездушный продукт до сих пор неоткрытых естественных сил, все же на практике создает пропасть между ними обоими. Человек науки, наиболее последовательный материалист, занимающийся вивисекцией на живом животном с полным бесстрашием, все же содрогнулся бы при мысли о том, чтобы нанести увечье (не говоря уже о том, чтобы замучить до смерти) своему собрату. Среди тех крупных материалистов, которые имели склонность к религии, нельзя найти никого, кто показал бы себя последовательным и логичным в определении истинного, морального статуса животного и прав человека на него.

Далее следует привести ряд примеров для подтверждения выдвинутых обвинений. Обращаясь к серьезным и образованным умам, следует отметить, что взгляды разных авторитетов, цитируемых здесь, не являются незнакомыми читателю. Поэтому будет достаточно дать лишь короткие извлечения из некоторых выводов, к которым они пришли, начиная с представителей церкви.

Как уже отмечалось, церковь *требует* веры в чудеса, совершенными ее великими святыми. Среди различных чудес мы выберем сейчас лишь те, которые непосредственно относятся к нашему вопросу, то есть чудесные воскрешения умерших животных. Тот, кто наделяет человека бессмертной душой, независимой от тела, которое она одушевляет, легко может поверить, что посредством некоторого божественного чуда душа может быть вызвана и погружена обратно в то жилище, которое она оставляет, по-видимому, навсегда. Но как

он может принять ту же возможность в случае животного, поскольку его вера учит его, что животное не имеет независимой души, так как она исчезает вместе с телом? В течение двухсот лет, начиная с Фомы Аквинского, церковь авторитетно учила, что душа животного умирает с его организмом. Что же тогда вызывается обратно в тело и оживляет его? Именно в этом самом месте схоластики включаются в решение проблемы и примиряют непримиримое.

Они начинают с того, что чудеса воскрешения животных многочисленны и так же хорошо документированы, как "воскрешение Господа нашего Иисуса Христа".¹ Болландисты приводят бесконечное число примеров такого рода. Отец Бьюрини, агиограф² 17 века, шутливо замечает о дрофах, воскрешенных св. Реми:

Мне могут сказать, без сомнения, что я сам — гусь, если я доверяю таким историям о "синей птице". В таком случае я отвечу шутнику и скажу, что если он оспаривает это, то он должен вычеркнуть их жизни св. Исидора Испанского утверждение о том, что он воскресил после смерти лошадь своего хозяина; из жизнеописания св. Николая Толентинского — то, что он вернул жизнь куропатке вместо того, чтобы съесть ее; из биографии св. Франциска — то, что он вытащил из печи ягненка, которого жарили, и оживил его, и что *варившиеся* рыбы, которых он оживил, начали *плавать в кипятке*", и т. д., и т. д. Кроме того, этот скептик должен был бы обвинить более ста тысяч очевидцев — среди которых, по крайней мере, немногие должны были иметь здравый смысл — в том, что они или лжецы, или простофили..

Гораздо более высокий авторитет, чем отец Бьюрини, — папа Бенедикт (Бенуа) XIV, подтверждает вышеприведенные высказывания. Кроме того, имена очевидцев воскрешения — св. Сильвестра, Франсуа де Поля, Северина из Кракова и множества других — упоминаются у болландистов. "Он лишь добавляет", — говорит кардинал де Вентура, цитирующий его, — "что для того, чтобы это можно было полностью признать воскрешением, требуется *идентичное и количественное* воспроизведение формы,³ а также материала умершего существа; а поскольку эта форма (или душа) животного исчезает вместе с его телом, в соответствии с учением св. Фомы, то в каждом таком случае Бог должен создать для совершения чуда новую форму для воскрешаемого животного; отсюда следует, что воскрешенное животное *не полностью идентично* с тем, кем оно было до смерти (*non idem omnino esse*)".⁴

1 "De Beatificatione, etc" папы Бенедикта XIV.

2 Составитель жизнеописаний святых. — *Прим. ред.*

3 В схоластической философии слово "форма" применяется к нематериальному принципу, *который оживляет тело.*

4 "De Beautificatione, etc" I, IV, с. XI, Art. 6.

Все это выглядит очень похожим на одну из магических иллюзий. Хотя проблема и не становится совершенно ясной, можно сделать следующее заключение: принцип, который одушевляет животное в течение жизни, называемый душой, умирает или разрушается после смерти тела, и другая душа — "некий вид *бесформенной души*", как говорят нам папа и кардинал — *создается с целью* совершения чуда Богом; кроме того, эта душа отличается от души человека, которая представляет собой "независимую, эфирную и вечно длящуюся сущность".

Помимо естественного возражения по поводу того, что "чудо" совершается святым, поскольку это просто Бог стоит за его спиной и "создает" с целью своего прославления совершенно новую душу так же, как и новое тело, — все учение томистов¹ открыто для возражений. Ибо, как разумно замечает Декарт: "Если душа животного столь отлична (в своей нематериальности) от своего тела, мы полагаем, что едва ли возможно не рассматривать ее как духовный принцип — то есть, как нечто разумное".

1 Последователи учения Фомы Аквинского. — *Прим. ред.*

Вряд ли нужно напоминать читателю, что Декарт рассматривал животное просто как автомат, "хорошо заведенный часовой механизм", согласно Мальбраншу. Поэтому тот, кто принимает теории Декарта о животных, должен одновременно принимать и взгляды современных материалистов. Ибо, поскольку такой автомат способен иметь чувства, такие как любовь, благодарность и т. д., и, несомненно, наделен памятью, — все такие качества должны быть "свойствами материи", как учит нас материализм. Но если животное является "автоматом", то почему не человек? Точные науки — анатомия, физиология и т. п. — не находят ни малейшей разницы между телами

животных и человека; и кто знает, — справедливо вопрошает Соломон, — поднимается ли дух человека кверху намного выше, чем дух животного? Таким образом, метафизика Декарта столь же непоследовательна, как и всякая другая.

Но что скажет на это св. Фома? Позволяя животному иметь душу (*anima*) и объявляя ее *нематериальной*, он в то же самое время отказывается признать *духовные* качества в ней. Он говорит: "В таком случае, следовало бы предполагать в ней *разумность* — специфическое свойство, присущее только душе человека". Но поскольку на четвертом Латеранском Соборе было решено, что "Бог создал две отдельные субстанции — телесную (*mundanam*) и духовную (*spiritualem*)", и что нечто невещественное должно быть по необходимости духовным, св. Фома должен был прибегнуть к помощи некоего компромисса, который можно не называть уловкой только потому, что это было сделано святым. Он говорит: "Эта душа животного — не дух, и не тело; она имеет промежуточную природу".¹ Это очень неудачное, утверждение. Ибо в другом месте св. Фома говорит, что "все души — даже души растений — имеют субстанциональную форму своих тел"; и если это верно для растений, то почему не для животных? Очевидно, что она не является ни "духом", ни чистой материей, но состоит из того вещества, которое св. Фома называет "промежуточной природой". Но почему, находясь на правильном пути, надо отрицать ее возможность переживания смерти, не говоря уж о ее бессмертии? Это противоречие столь вопиющее, что де Мирвиль в отчаянии провозглашает: "Здесь мы находимся в присутствии трех субстанций, а не двух, как это установлено Латеранским Собором!"; и он продолжает спорить, в той мере, насколько осмеливается, с "Ангельским Доктором".

¹ Цитата из "Философии христианства" кардинала де Вентуры, т. II, стр. 386. См. также "Воскрешение животных" де Мирвиля.

Великий Боссюэ в своем "Трактате о познании Бога и себя самого" анализирует и сравнивает систему Декарта и св. Фомы. Никто не может обвинить его в том, что он оказывает предпочтение логике Декарта. Он считает, что "открытие" Декарта, касающееся автоматов, "позволяет лучше преодолеть трудность, чем учение св. Фомы, полностью принятое католической церковью; отец Вентура чувствует возмущение

против Боссюэ, совершившего "такую несчастную и ребяческую ошибку". И, хотя он верен своему учителю, св. Фоме, признавая у животных душу, обладающую всеми способностями чувств и ощущений, он также отказывает им в разуме и способности к рассуждению. "Боссюэ", — говорит он, — "должен быть осужден тем более, что сам он говорил: "Я предвижу, что готовится великая война против церкви, под знаменем картезианской философии". В этом он прав, ибо из "чувствующей материи" мозга животного естественно происходит *мыслящая материя* Локка, а из нее — все материалистические школы нашего столетия. Но в чем он неправ, так это в поддержке учения св. Фомы, которая полна слабых мест и противоречий. Ибо, если душа животных, как учит Римская католическая церковь, является бесформенным нематериальным принципом, то становится очевидным, что, будучи независимой от физического организма, она может "умереть вместе с животным" не в большей степени, чем в случае человека. Если же мы примем, что она сохраняется и переживает смерть, то в чем же она будет отличаться от души человека? И она является вечной — как только мы признаем авторитет св. Фомы по этому вопросу, хотя он и противоречит сам себе. "Душа человека является бессмертной, а душа животного погибает", — говорит он ("Summa" т. 5, стр. 164), — и это после того, как на вопрос, заданный в томе 2 того же труда (стр. 256): "Имеются ли какие-нибудь существа, которые вновь могут появиться в небытии?" — он отвечал самому себе: "Нет, ибо в Екклесиасте сказано: "То, что делает Бог, пребывает вечно" [3:14]. "У Бога нет никаких изменений" [Иаков, 1:17]". "Поэтому", — продолжает Фома, — "ни естественным путем, ни посредством чуда какое-либо существо не может перейти в небытие (быть уничтожено); *нет ничего в живом существе, что бы исчезало*, ибо то, что обнаруживает божественная доброта с великим сиянием, — это постоянное сохранение живых существ".¹

¹ "Summa" — издание Дриго в 8-ми томах.

Это предложение комментируется и подтверждается в аннотации аббата Дриго, его переводчика. "Нет", — отмечает он, — "ничто не уничтожается; это принцип, который стал аксиомой благодаря современной науке".

Если это так, то почему же должно быть сделано исключение из этого неизменного закона природы, признаваемого и

наукой, и теологией? — исключение, касающееся только души животного. Только потому, что *она не обладает разумом!* — предположение, которое беспристрастный мыслитель будет постоянно оспаривать.

Посмотрим, однако, переходя от схоластической философии к естественным наукам, каковы же возражения натуралистов относительно того, что животные имеют в себе разумную, и поэтому независимую душу.

"Чем бы ни было то, что думает, понимает и действует, — это нечто небесное и божественное, и потому с необходимостью должно быть вечным", — писал Цицерон примерно две тысячи лет назад. Мы должны понять, вопреки Гексли, что Фома Аквинский, "король метафизиков", твердо верил в чудеса воскрешения, совершенные св. Патриком.¹

1 Считается, что св. Патрик христианизировал "наиболее сатанинскую страну земного шара — Ирландию, невежественную *во всем, кроме магии*", превратив ее в "остров святых", посредством воскрешения "шестидесяти человек, умерших задолго до того". "Suscitavit sexaginta mortuos" (*Lectio* I, ii из "Roman Breviary", 1520). В рукописи, представляющей из себя знаменитую исповедь этого святого, сохранившейся в кафедральном соборе в Солсбери (*Descript. Hibern.* I. ii, с. 1), св. Патрик пишет: "Мне, последнему из людей, величайшему грешнику, Бог, тем не менее, дал дар совершать чудеса, какой не был дан даже величайшим из наших апостолов, так как Он (Бог) допустил, чтобы среди прочего (такого, как воскрешение животных) я мог *воскрешать мертвые тела, превращенные в золу много лет назад*, для того, чтобы преодолеть магическую практику этого варварского народа". Поистине, перед таким чудом воскрешение Лазаря кажется незначительным событием.

Поистине, когда делаются такие потрясающие заявления, как эти вышеприведенные чудеса, и когда церковь призывает верить в них, то теологи должны как следует позаботиться о том, чтобы высшие церковные авторитеты по крайней мере не противоречили сами себе, обнаруживая невежество в некоторых вопросах, поднятых тем не менее до уровня учения.

Таким образом, животному отказывают в прогрессе и бессмертии, поскольку оно является автоматом. Согласно Декарту, оно не имеет разума, что соответствует представлениям средневековых схоластов; оно не имеет ничего, кроме инстинкта, под которым имеются ввиду произвольные импульсы, как это считают материалисты, но отрицает церковь.

Однако, уже Фредерик и Жорж Кювье широко обсуждали разум и инстинкты у животных.¹ Их взгляды на эту тему были собраны и опубликованы Флоуренсом, ученым секретарем Академии наук. Вот что писал в журнале "Jardin des Plantes" (Париж) Фредерик Кювье, который в течение тридцати лет был директором Зоологического отделения и музея естественной истории. "Ошибка Декарта, или скорее общее заблуждение состоит в отсутствии должного разделения между разумом и инстинктом. Сам Бюффон впал в такое заблуждение, вследствие чего всякое положение его "Философии зоологии" содержит в себе противоречие. Признавая у животного чувство, более высокое, чем наше собственное, также как осознание своего реального существования, он отрицал у него в то же время мысль, рефлексию и память, и соответственно — всякую способность к размышлению" (Бюффон, "Трактат о природе животных", VII, стр. 57). Но, поскольку он вряд ли мог остановиться на этом, он принял, что животное имеет некий вид памяти, активной, экстенсивной и более точной, чем наша (человеческая) память (там же, стр. 77). Таким образом, после того, как он отказал ему в разуме, он тем не менее признал, что животное "советуется со своим хозяином, задает ему вопросы и прекрасно понимает все, что он хочет" (том X, "История собаки", стр. 2).

1 Совсем недавно д-р Романес и д-р Батлер прекрасно осветили этот вопрос.

Вряд ли можно было бы ожидать от великого ученого более великолепного набора противоположных заявлений.

Знаменитый Кювье прав, замечая в свою очередь, что "этот новый механизм Бюффона еще менее понятен, чем автомат Декарта".¹

1 "Biographie Universelle". Статья, написанная Кювье о жизни Бюффона.

Как отмечает критик, следует производить разграничение между инстинктом и разумом. Постройка улья пчелами, возведение дамбы бобрами как в реке, так и на сухом полу, — все это результаты инстинктивной деятельности, совершенно не подверженной изменениям, тогда как разумные акты следует искать в действиях, очевидно обдуманных животным, в которых вступает в игру не инстинкт, а разум, и которые вызваны обучением и доступны к усовершенствованию и развитию. Взрослый человек наделен разумом, а новорожденный ребенок — инстинктами; молодое животное проявляет и то и другое в большей мере, чем ребенок.

На самом деле, каждый из тех, кто спорит, знает так же хорошо как и мы, что это так. Если какой-либо материалист отказывается верить в это, то причина этому лишь в гордости. Отрицая душу и у человека и у животного, он не хочет признать, что последнее наделено разумом как и он сам, хотя бы и в бесконечно меньшей степени. В свою очередь, церковник, религиозно настроенный натуралист, современный метафизик, отказываются от того, чтобы признать, что и человек и животное наделены душой и способностями, которые, хотя и неравны по своему развитию и совершенству, но, по меньшей мере, одинаковы по своему названию и сути. Каждый из них знает, или должен был бы знать, что инстинкт и разум — это две способности, полностью противоположные по своей природе, два врага, находящиеся в постоянном конфликте друг с другом, и что если они не признают наличия двух душ или принципов, то они, во всяком случае, должны принять наличие двух потенциалов в душе, имеющих различные местоположения в мозгу, хорошо известные им, поскольку они могут выявить их и временно вывести из строя, — в зависимости от того, какой орган : или какую часть органа им удастся подвергнуть мучениям во время их ужасных вивисекционных опытов.

То, что за всем этим стоит лишь человеческая гордость, побудило Попа сказать :

Спроси, зачем и для чего цветет прекрасная земля;
И звезды светят для кого?
Гордыня скажет: Для тебя.
Лишь для *тебя* природы гений лелеет каждый
лепесток,
И распускаться заставляет лишь для тебя любой
цветок.

* * *

Рудник откроет древний клад, что для меня в земле
 зарыт;
 Источник чистый твою жажду, когда захочешь,
 утолит;
 Тебя разбудит солнца свет, откроет море сто дорог;
 Трава — для ног твоих ковер, а небо — голубой
 полог!

И та же самая бессознательная гордость побудила Бюффона высказать свои парадоксальные замечания о различиях между человеком и животным. Это различие, говорит он, состоит в "отсутствии рефлексии, поскольку животное не чувствует то, что оно ощущает". Откуда Бюффон знает это? "Оно не думает о том, что оно думает", — добавляет он после того, как он сообщил аудитории, что животное вспоминает, часто произвольно, сравнивает и выбирает!¹ Кто когда-либо претендовал на то, чтобы считать корову или собаку создателем идей? Но животное может думать и знать, что оно думает, и тем более сильно, что оно не может выражать свои мысли. Как может Бюффон или кто-либо еще знать об этом? Однако, кое-что известно благодаря точным наблюдениям натуралистов, а именно то, что животное наделено разумом; и как только это установлено, мы должны лишь повторить определение разума — прерогативы бессмертной души человека — данное Фомой Аквинским, чтобы понять, что то же самое присуще животному.

1 "Discours sur la nature des Animaux".

Но, отдавая должное *истинной* христианской философии, мы можем показать, что первоначально христианство никогда не поклонялось таким ужасным доктринам, которые явились причиной отпадения столь многих лучших и высокоинтеллектуальных людей от учения Христа и его учеников.

III

О, философия, ты — путеводитель жизни, ты — открыватель
 добродетели!

Цицерон

Философия — это скромная профессия, это истинность и прямота; я терпеть не могу важности и претенциозности, в основе которых нет ничего, кроме спеси.

Плиний

Удел человека — и самого грубого, звероподобного, и в высшей степени святого — это быть бессмертным, согласно теологическому учению; а какова же судьба бесчисленных представителей животного царства? Различные католические писатели (кардинал Вентура, граф де Местр, и многие другие) говорят нам, что "душа животного — это *Сила*".

Хорошо установлено, — говорит их "эхо" де Мирвиль, — что душа животного создана *землей*, ибо так учит Библия. Всякая живая движущаяся душа ("нефеш", или жизненный принцип) происходит из земли; но, пусть я буду правильно понят, не только из праха, из которого сделаны тела животных, так же как и наши, но и из силы, или потенции земли, то есть из ее нематериальной силы, какими являются и все другие силы — а именно силы *океана, воздуха* и т. д., представляющие собой те *Элементарные Принципы* (*principipantes élémentaires*, о которых мы говорили в другом месте.¹

1 "Esprits", 2m. mem., Ch. XII, *Cosmolatrie*.

Под этим термином маркиз де Мирвиль понимает то, что каждый "элемент" природы — это область, заполненная и руководимая своими невидимыми духами. Западные каббалисты и розенкрейцеры называли их *сильфами*, *ундинами*, *саламандрами* и *гномами*; а христианские мистики, такие, как де Мирвиль, дают им еврейские имена и распределяют их среди различных видов демонов под руководством Сатаны — конечно, с разрешения Бога.

Он, также, восстает против решения св. Фомы, согласно которому душа животного разрушается вместе с телом. Он говорит: "Нас призывают уничтожить некую силу, наиболее *существенную* силу на земле, называемую *животной душой*",

которая, согласно преподобному отцу Вентуре, является "наиболее достойной уважения душой после души человека".¹

Он только что назвал ее нематериальной силой, и теперь он же называет ее "наиболее существенной вещью на земле".²

Но что такое эта "сила"? Жорж Кювье и академик Флоуренс раскрывают нам ее секрет.

Форма, или сила тел (отметим, что форма в этом случае означает душу), — пишет Кювье, — гораздо более существенны для них, чем материя, поскольку последняя постоянно меняется (не разрушаясь по существу), тогда как форма сохраняется вечно.

Флоуренс добавляет к этому:

Во всем, что имеет жизнь, форма является более устойчивой, чем материя; ибо то, что образует Сущность живого тела, его идентичность и его сходство с самим собой — это его форма.³

Как замечает в свою очередь де Мирвиль, поскольку форма является "основным принципом, философским основанием нашего бессмертия",⁴ то отсюда следует, что под этим вводящим в заблуждение термином понимается душа человека или животного. Я предполагаю, что скорее это то, что мы называем Единством Жизни.

1 Там же.

2 "Esprits", стр. 158.

3 "Longevity", стр. 49 и 52.

4 "Воскрешения", с. 62, 1.

Как бы там ни было, как мирская, так и религиозная философия подтверждает утверждение о том, что души человека и животного идентичны. Лейбниц, философ, которого любил Боссюэ, по-видимому в некоторой степени верил в "воскрешение животных". Поскольку смерть для него — это "просто *временное сворачивание личности*", он сравнивает ее с сохранением идей во сне или с бабочкой, содержащейся в гусенице. "Для него", — говорит де Мирвиль, — "воскрешение" — это общий закон природы, но если оно совершается чудотворцем, то сразу становится большим чудом из-за своей преждевременности, окружающих обстоятельств и способов, которыми он действует". В этом отношении Лейбниц является истинным оккультистом, хотя и не подозревает этого. Рост и распускание цветка или растения за

пять минут вместо нескольких дней или недель, усиленное развитие растения, животного или человека, — эти факты содержатся в записях оккультистов. Они только по видимости являются чудесами; естественные силы ускорили и во много раз усилили эти процессы при помощи особых условий и под воздействием оккультных законов, понятных для посвященного. Ненормально быстрый рост осуществляется силами природы, слепыми или обладающими незначительным разумом, подчиняющимся оккультной силе человека, силами, совместно действующими на развитие чего-либо из хаотических элементов. Но почему нужно одно называть божественным *чудом*, а другое — сатанинской уверткой или просто обманным действием?

И все же, как истинный философ, Лейбниц даже в этом опасном вопросе о воскрешении мертвых чувствует себя обязанным включить сюда все животное царство в целом, говоря: "Я верю, что души животных неразрушаемы... и я думаю, что это лучше всего способно доказать нашу собственную бессмертную природу".²

1 Оккультисты называют это "трансформацией" в течение последовательных жизней, а конечный этап — *нирваническим воскрешением*.

2 Лейбниц, "Opera philos., etc."

Дан, викарий Мидлтона, опубликовал по этому вопросу два небольших тома, в которых он поддержал Лейбница. Подводя итог своим взглядам, он говорит, что "священные тексты содержат намеки на то, что животные будут жить в будущей жизни. Эта доктрина поддерживалась рядом отцов церкви. Разум, говорящий нам, что животные имеют душу, одновременно учит нас, что они должны переходить в будущее состояние. Взгляды тех, кто верит, что Бог уничтожает души животных, не имеет никаких прочных оснований", и т. д. и т. п.¹

Немало ученых последнего столетия защищало гипотезу Дана, объявляя ее в высшей степени вероятной, и прежде всего — протестантский теолог Шарль Боннэ из Женевы. Сейчас этот теолог является автором исключительно интересной книги, названной им "Палингенезис",² или "Новое рождение", которое имеет место, как он старается доказать, благодаря невидимому зародышу, существующему в каждом; и, как и Лейбниц, он не

может понять, почему животных следует исключить из этой системы, ибо в таком случае она утратит свое единство, а система означает "собрание законов".³

1 См. том XXIX "Научной библиотеки", 1-й квартал 1768 г.

2 Образовано от двух греческих слов: *genesis* — происхождение и *palin* — опять.

3 См. том II "Палингенезиса", а также "Воскрешения" де Мирвиля.

Животные, — пишет он, — это удивительные книги, в которых творец собрал самые потрясающие черты своего верховного разума. Анатом должен изучать их с *уважением*, и даже если он слабо наделен чувством деликатности и способностью к рассуждению, характерными для нравственного человека, он никогда не будет представлять себе, что имеет дело с грифельной доской или с булыжником. Он никогда не забудет, что все то, что живет и чувствует, имеет право на его милосердие и жалость. Человек стал бы избегать риска идти на компромисс со своим этическим чувством, если бы он познакомился со страданиями и кровью животных. Эта истина настолько очевидна, что правительства никогда не должны упускать ее из виду... Что касается гипотезы об автоматизме животных, то я склонен рассматривать ее как философскую ересь, которая была бы очень опасна для общества, если бы она не противоречила столь сильно здравому смыслу и чувствам, становясь тем самым безопасной, ибо она никогда не может быть признана.

Что касается предназначения животных, то, если моя гипотеза верна, провидение предусматривает в их будущих состояниях крупные компенсации за их теперешнюю жизнь...¹ Для меня их воскрешение — это следствие той души или формы, наличие которой мы обязаны признать у них, ибо душа является простой субстанцией, которая не может быть *ни разделена, ни разложена на составные части, ни уничтожена*. Нельзя избежать такого заключения без того, чтобы не впасть в автоматизм Декарта; а в этом случае каждый быстро и неизбежно перешел бы от автоматизма животных к автоматизму человека...

1 Мы также верим в "будущие состояния" для животного, от самого высокоорганизованного до *инфузории*, но путем серии перерождений, причем каждое последующее — в более высокой форме, вплоть до человека, а затем — выше человека, — короче говоря, мы верим в *эволюцию* в самом полном значении этого слова.

Наша современная биологическая школа дошла до теории "человека-автомата", но ее последователи могут иметь свои собственные схемы и заключения. То, чем я в настоящее время занимаюсь, это окончательное и полное доказательство того, что ни Библия, ни ее наиболее философские интерпретаторы (хотя бы по другим вопросам у них и не было ясных взглядов) *никогда не отрицали, исходя из библейского авторитета, наличия бессмертной души у животных*, более того, они находили в ней убедительное доказательство существования такой души у человека. Следует прочесть некоторые стихи в книге Иова и Екклесиасте (3:17-22), чтобы прийти к этому заключению. Суть дела состоит в том, что там ни единого слова не говорится о будущем состоянии ни животного, ни человека. Но если в Ветхом Завете содержится лишь негативное свидетельство относительно бессмертной души животных, то в Новом Завете это утверждается так же прямо, как и для самого человека; и именно для пользы тех, кто насмехается над индуистским *филозоизмом*, кто утверждает свое право убивать животных по собственному произволу и для своего удовольствия и не признает у них бессмертной души, — дается сейчас окончательное и определенное доказательство такого рода.

В конце 1-й части упоминался св. Павел как защитник бессмертия всякого животного творения. К счастью, это утверждение не из тех, которыми христиане могут пренебречь как "богохульными и еретическими интерпретациями святого писания группой атеистов и свободомыслящих". Если бы каждое из высшей степени глубоких и мудрых слов апостола Павла — посвященного в той мере, в какой он мог быть таковым — было понято столь же ясно, как и те отрывки, которые относятся к животным! Ибо тогда было бы показано, что неразрушимость материи, о которой говорит материалистическая наука; закон вечной эволюции, резко отрицаемый церковью; вездесущность Единой Жизни, или единства Единого Элемента и его наличие во всей природе, как это проповедуется эзотерической философией, и тайный смысл

послания к римлянам св. Павла (7:18-23), — все это, очевидно, одно и то же. Поистине, что еще мог иметь ввиду этот великий исторический персонаж, столь явно пропитанный неоплатонической александрийской философией, говоря то, что я расшифровываю и комментирую в духе оккультизма, чтобы дать более ясное понимание моих взглядов?

Апостол начинает, говоря (Рим. 8:16,17): "Сей *Самый Дух (Параматма)* свидетельствует духу нашему (*атман*), что мы — дети Божий", и "*если* дети, то и наследники" — наследники, конечно, вечности и неразрушимости вечной или божественной сущности в нас. Далее он говорит нам:

Нынешние временные страдания ничего не стоят в *сравнении с тою славой, которая откроется в нас* (стих 18).

Под "славой" мы имеем ввиду не "новый Иерусалим", символическое представление будущего в каббалистическом Откровении св. Иоанна, но *девичанские* периоды и серии рождений в последовательных расах, когда после каждого нового перерождения мы будем обнаруживать себя выше и совершеннее как физически, так и духовно, и когда в конце концов мы все действительно станем "сыновьями" и "детьми" Бога при "последнем воскрешении", назовут ли его люди христианским, нирваническим или парабрахмическим, поскольку все это одно и то же. Так как воистину:

Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих (стих 19).

Под тварью здесь имеется ввиду животное, как это будет показано далее исходя из авторитета св. Иоанна Златоуста. Но кто эти "сыны Бога", появления которых страстно желают все твари? Являются ли они "сыновьями Бога", с которыми "пришел также Сатана" (см. кн. Иова), или это "семь ангелов" из Откровения? Имеют ли они отношение только к христианам, или же к "сынам Бога" по всему миру?¹ Такое появление обещается в конце каждой *манвантары*,² или мирового периода, писаниями каждой великой религии, и хранится в *эзотерических* интерпретациях всех их, но наиболее ясно — в Ведах. Ибо здесь говорится, что в конце каждой *манвантары* наступает *праляйя*, или разрушение мира — лишь одно из которых известно христианам и ожидается ими, — когда будут оставлены *сишты*, или останки, семь риши и один воин, а также все семена для будущей "приливной волны следующего цикла".³

1 См. "Изиду", том I.

2 То, что на самом деле подразумевалось под "сынами Бога" в древности, сейчас полностью раскрывается в 1 -и части "Тайной Доктрины", в разделе "Архаический период".

3 Эта версия настолько же ортодоксально индуистская, сколь и эзотерическая. В своей лекции в Бангалоре "Что такое индуистская религия" Деван Бахадур Рагхунат Рао, из Мадраса, говорит: "В конце каждой манвантары происходит уничтожение мира, но один воин, семь риши и семена избегают разрушения. Им Бог (или Брахм) сообщает основной Закон, или Веды ... как только начинается манвантара, эти законы оглашаются и становятся обязательными ... до конца этой *манвантары*. Эти восемь называются сиштами, или останками, поскольку только они остаются после разрушения всего остального. Их действие и наставление известно поэтому как "Сиштакар". Они обозначаются также "Садакхар", поскольку такие действия и наставления — это единственное, что существует всегда".

Такова ортодоксальная версия. Тайная говорит о семи посвященных, достигших состояния дхиан коганов к концу седьмой расы, которые остаются на земле во время ее "помрачения", вместе с зародышами всех минералов, растений и животных, которые не имели времени для того, чтобы эволюционировать в человека в предыдущий мировой период. См. "Эзотерический буддизм" А. П. Синнетта, 5-е издание, аннотации, стр. 146, 147.

Но главное, чем мы сейчас заняты, состоит не в том, чтобы показать, какая из теорий, христианская или индуистская, более верная; но в том, чтобы доказать, что брамины, которые учат, что семена всех существ сохраняются, несмотря на периодическое полное разрушение всех видимых вещей, вместе с "сыновьями Бога", или риши, которые должны проявить себя для будущего человечества, — говорят не больше и не меньше того, что проповедует сам св. Павел. Оба учения рассматривают жизнь животных с надеждой на новое рождение и переход в более совершенное состояние, когда

каждая тварь, которая сейчас "ожидает", будет радоваться "появлению сынов Божиих". Как объясняет св. Павел:

"Сама [*ipsa*] тварь *освобождена будет* от рабства тления", то есть можно сказать, что зародыш, или неразрушимая душа животного, которая не достигла Девачана, пребывая в элементарном или животном состоянии, будет переходить в более высокую форму вместе с человеком, достигая еще более высоких состояний и форм, и как человек, так и животное, достигая "свободу славы" детей Божиих (стих 21).

Эта "свобода славы" может быть достигнута только путем эволюции, или кармического прогресса всех живых существ. Бессловесное животное, развившееся из наполовину чувствительного растения, постепенно превращается в человека, духа, Бога — *et seq.* и *ad infinitum* [и так далее, и до бесконечности]! Ибо св. Павел говорит:

Мы знаем ["мы", посвященные], что вся тварь (*omnis creatura* или *животное* в Вульгате) совокупно стенает и мучится [при рождении ребенка] доныне¹ (стих 22).

1 "...ingemiscit et parturit usque adhuc" в оригинальном латинском переводе.

Это прямое признание того, что человек и животное уравнены между собой на земле в том, что касается страдания, и в своих эволюционных усилиях достигнуть цели в соответствии с кармическим законом. "Доныне" — означает до пятой расы. Чтобы сделать это еще более ясным, великий христианский посвященный дает следующее объяснение:

Не только *она* [тварь], но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего (стих 23).

Да, это мы, люди, "имеющие начаток Духа", или прямой парабрахмический свет, нашу атму, или седьмой принцип, благодаря усовершенствованию нашего пятого принципа (манаса), который гораздо менее развит у животного. Как компенсация этого, их карма, однако, гораздо легче, чем наша. Но это не является основанием для того, чтобы они не могли однажды достигнуть того усовершенствования, которое дает полностью развитому человеку форму дхиан когана.

Ничто не может быть более ясным — даже для несведущего, непосвященного критика — чем эти слова великого апостола, независимо от того, интерпретируем ли мы их в духе эзотерической философии, или средневековой схоластики.

Надежда на искупление или переживание духовной сущности, освобожденной от "рабства тления", или от ряда временных материальных форм, существует для *всех живых* существ, а не только для одного человека.

Но нельзя ожидать от "образца" для животных, как известно, неоднозначного, что он легко согласился бы разделить свои надежды со своим домашним скотом и домашней птицей. Знаменитый комментатор Библии, Корнелий Лапид, впервые отметил и обвинил своих предшественников в том, что они сознательно сделали все возможное, чтобы избежать применение понятия *creatura* к низшим созданиям в этом мире. Мы узнаем у него, что св. Григорий Нисский, Ориген и св. Кирилл (вероятно, единственный, кто отказывался видеть человеческое существо в Ипатии и обращался с ней так, как если бы она была диким животным) настаивали на том, что слово *creatura* в цитированных выше стихах применялось апостолом просто к ангелам! Но, как отмечает Корнелий, обращаясь за поддержкой к св. Фоме, "это мнение является слишком искаженным и произвольным (*distorta et violenta*); кроме того, оно обесценивается тем фактом, что ангелы как таковые уже освобождены от рабства тления". Не более удачно и предложение св. Августина, ибо он выдвигает странную гипотезу, что "существа", о которых говорит св. Павел, это "неверные и еретики" всех времен! Корнелий возражает против уважаемого отца церкви так же хладнокровно, как и против его более ранних святых собратьев. "Ибо", — говорит он, — "в цитируемом тексте те *создания*, о которых говорит апостол — это безусловно создания, отличные от людей: *и не только они, но и мы сами отличны от них*; и тогда это означает не освобождение от греха, но освобождение от *грядущей смерти*".¹ Но даже храбрый Корнелий в конце концов пугается общего сопротивления и решает, что термином "создания" св. Павел мог обозначать — как утверждают св. Амвросий, св. Илларион и другие — *элементы* (! !), то есть солнце, луну, звезды, землю, и т. д., и т. п.

¹ Корнелий, I. IX, стр. 114.

К сожалению для святых мыслителей и схоластиков, и к счастью для животных, — если вообще бывает польза от полемики, — их взгляды были опровергнуты еще более великим мыслителем, чем они сами. Это — св. Иоанн Златоуст, упоминавшийся выше, которого, по утверждению

епископа Прокла, бывшего его секретарем, особенно высоко почитает римско-католическая церковь. На самом деле, св. Иоанн Златоуст был "медиумом", если такое светское в наши дни слово можно употребить в отношении святого, апостола "для язычников". В отношении своих комментариев к посланиям св. Павла, св. Иоанн ведет себя так, как если бы он был непосредственно вдохновлен самим апостолом, другими словами, как если бы он написал свои комментарии под диктовку св. Павла. Вот что мы читаем в этих комментариях к 3-ей главе Послания к Римлянам.

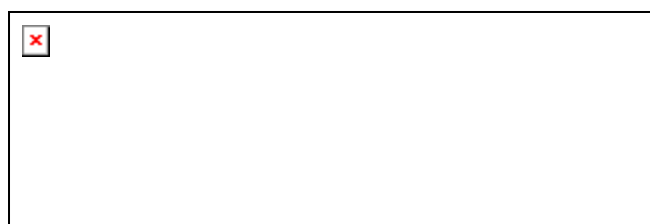
"Мы должны постоянно страдать из-за промедления в нашем исходе (смерти); ибо, как сказал апостол, если существо, лишенное разума (*mente*, а не *anima*, то есть "души") и речи (*nam si hoc creatura mente et verbo carens*), страдает и ожидает, тем больше стыд для нас, если мы не делаем так".¹

К сожалению, мы так и поступаем, и ведем себя исключительно бесславно в этом желании исхода в неизвестные земли. Если бы люди изучали древние тексты всех народов и толковали бы их значение в свете эзотерической философии, то не осталось бы того, кому бы не удалось стать безразличным по отношению к смерти, если не перестать вообще бояться ее. Тогда мы нашли бы более полезный способ использования времени, которое мы проводим на этой земле, спокойно подготавливая себя к будущему рождению путем накопления доброй кармы. Но человек является софистом по своей природе. И даже после знакомства с мнением св. Иоанна Златоуста — человека, который ставит вопрос о бессмертной душе животных, или мог бы, во всяком случае, поставить его в сознании каждого христианина, — мы опасаемся, что бедные бессловесные животные не много выиграют благодаря этому уроку. Действительно, изощренный казуист, осужденный своими собственными словами, может сказать нам, что какова бы ни была природа души у животного, он все же совершает благо и делает похвальный поступок, убивая бедное животное, поскольку таким образом он кладет конец его "страданиям о промедлении с исходом" в вечную славу.

1 "Homélie" XIV, "О Послании к Римлянам".

Автор не настолько прост, чтобы воображать, будто весь Британский музей, заполненный трактатами, направленными против мясной диеты, мог бы хотя бы в малейшей степени

остановить цивилизованные нации от того, чтобы они культивировали бойни, или заставить их отказаться от своего бифштекса и рождественского гуся. Но если эти скромные строки позволили бы кому-либо из читателей осознать истинное значение благородных слов св. Павла, и таким образом всерьез обратить свои мысли ко всем ужасам вивисекции, тогда автор получил бы удовлетворение. Ибо поистине, когда мир убедится (и невозможно избежать того, чтобы однажды он не пришел к такому убеждению) в том, что животные — такие же вечные существа, как и мы сами, тогда возникнет волна проклятий и угроз со стороны общества против вивисекции и других мучений, ежедневно совершаемых над бедными животными, и это заставит все правительства положить конец этой варварской и постыдной практике.

ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ СТРАДАЮТ?

Вопрос. Возможно ли для меня, любящего животных, узнать, как получить больше силы, чем у меня есть, чтобы облегчить их страдания?

Ответ. Врожденная бескорыстная ЛЮБОВЬ, объединенная вместе с ВОЛЕЙ, — это "сила" сама по себе. Тем, кто любит животных, необходимо проявлять свое чувство более мудро и умело, чем украшать своих любимцев ленточками и посылать их выть и царапаться на выставках.

Вопрос. Почему благороднейшие животные так сильно страдают в руках человека? Мне не нужно распространяться или пытаться объяснить этот вопрос. Города являются местами мучения для животных, которые могли бы быть использованы

человеком для дела или для удовольствия! и это касается самых благородных животных.

Ответ. В Сутрах, или Афоризмах *кармапы*, секты, являющейся боковой ветвью великой гелугпы (желтых шапок) в Тибете, чье название объясняет ее принципы ("верящие в силу кармы", то есть действия, или добрые дела), один упасака спрашивает своего Учителя, почему судьба бедных животных так изменилась за последнее время? Поблизости от буддийских или других храмов в Китае в старые времена животное никогда не убивали и не обращались с ним плохо, а сейчас их мучают и свободно продают на рынках разных городов, и так далее. Ответ наводит на размышления:

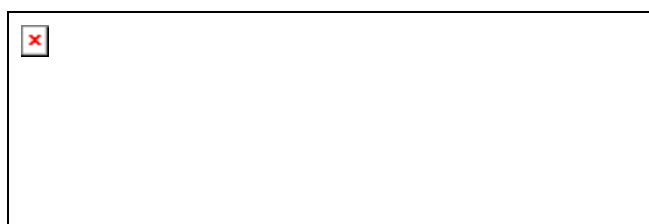
"...Не обвиняйте природу в этой беспримерной несправедливости. Не ищите понапрасну кармические следствия для объяснения грубости, ибо *тенбрел кхугний* (причинная связь, *нидана*) не будет учить ничему подобному. Нежелательный приход *пелинга* (христианского чужестранца), три свирепых бога которого отказались предоставить защиту слабым и *малым* (животным), в ответе за непрестанные и душераздирающие страдания наших бессловесных товарищей..."

Ответ на вопрос, поставленный выше, содержится здесь как бы внутри ореховой скорлупы. Он может быть полезным (и в то же время неприятным) для некоторых религиозных людей, утверждая, что ответственность за это универсальное страдание полностью падает на западную религию и начальное образование. Каждая восточная философская система, каждая религия и секта в древности — брахманическая, египетская, китайская и, наконец, самая чистая и благородная из всех этических систем, буддизм — внушает доброту и защиту каждого живого существа, от зверей и птиц до пресмыкающихся. Одна лишь западная религия находится в изоляции, как памятник наибольшего эгоизма человека, когда-либо созданного человеческим мозгом, не содержащий ни одного слова для блага бедного животного. Как раз наоборот. Ибо теология, подчеркивающая одно предложение в иеговистической главе "Творения", истолковывает его как доказательство того, что животные, как и все остальное, были созданы для человека! *Ergo* [следовательно, *лат.*] — спорт стал одним из *благороднейших* развлечений верхушки общества. Отсюда — бедные невинные птицы, которых ранят, мучают и убивают каждую осень миллионами для отдыха людей во всех христианских странах. И отсюда же жестокость,

и часто хладнокровная грубость, по отношению к молодым лошадям и быкам, грубое безразличие к их судьбе, когда годы делают их непригодными для работы, неблагодарность к ним после многих лет тяжелого труда на службе у человека. В какую бы страну не приходили бы европейцы, там начинается мучение животных и их бессмысленное уничтожение.

"Убивал ли когда-либо заключенный животное *для своего удовольствия*?" — спросил буддийский судья у человека, обвиненного в убийстве своей сестры, в пограничном китайском городе, *зараженном* благочестивыми европейскими церковниками и миссионерами. И, получив утвердительный ответ, поскольку заключенный был слугой русского полковника, "могущественного охотника перед Господом", судья не потребовал какого-либо дополнительного доказательства, и убийца был признан "виновным" — и справедливо, как показало его последующее признание.

Должно ли христианство или средний христианский обыватель нести ответственность за это? Никким образом. Пагубная теологическая система, многие века теократии и ужасный, всевозрастающий эгоизм в западных цивилизованных странах повинны в этом. Что *можем* мы сделать?

ТЕОРИИ О РЕИНКАРНАЦИИ И ДУХАХ

Множество раз в течение первых десяти лет существования Теософского общества возникал этот трудный для понимания, спорный вопрос о перерождении или перевоплощении. При этом ссылались на *prima facie* [на первый взгляд] очевидные свидетельства значительных разногласий, обнаруженных между утверждениями, сделанными в "Разоблаченной Изиде",

том I, стр. 492-493, и более поздними наставлениями, вышедшими из-под того же пера и сделанные под влиянием того же учителя.¹

1 См. это обвинение и ответ на него в "Теософисте" за август 1882 г.

Утверждают, что в "Изиде" отрицается перевоплощение. Допускается лишь случайное возвращение "порочных духов". "За исключением этой редкой и весьма сомнительной возможности, "Изида" допускает только три случая — аборт, смерть в очень раннем возрасте и идиотизм — при которых происходит перевоплощение на этой земле". ("Light" за 1882 г.)

На это обвинение был дан ответ тогда же и там же, как это может увидеть каждый, кто обратится к августовскому номеру "Теософиста" за 1882 год. Тем не менее, ответ либо оказался бессильным удовлетворить некоторых читателей, либо остался незамеченным. Оставляя в стороне странность заявления о том, что *реинкарнация* — то есть серия периодических перерождений каждой индивидуальной *монады* от *пралайи* к *пралайе*,¹ — отрицается перед лицом того факта, что это учение является частью, составным элементом и одной из фундаментальных особенностей индуизма и буддизма, обвинение фактически сводится к следующему: автор данной статьи, открытый поклонник индийской философии, так же как и последователь буддизма за много лет до того, как была написана "Изида", отрицая перевоплощение, должна сходным образом с необходимостью отрицать и КАРМУ! Ибо последняя — это *краеугольный камень* эзотерической философии и восточных религий; это величественное и единственное основание, *на котором зиждится вся философия перерождений*, и если отрицать последние, то все учение о карме превращается в бессмыслицу.

1 Цикл существования в течение манвантары — периода после начала и перед завершением которого каждая такая "монада" поглощается и вновь поглощается ЕДИНОЙ ДУШОЙ, *anima mundi*.

Тем не менее, оппоненты, не останавливаясь для того, чтобы подумать о несомненном "разногласии" между обвинением и фактом, обвинили буддистов в том, что они исповедуют веру,

отрицающую перевоплощение, а следовательно, что подразумевается, — и карму. Не желая спорить с человеком, который был ее другом, и в то же время привлекать для защиты детали и доказательства, относящиеся к сути дела — из-за недостатка времени — автор ответил тогда просто несколькими фразами. Но сегодня необходимо лучше определить суть учения. Наши критики избрали ту же самую линию, и, благодаря неправильному пониманию отрывков из "Изиды", относящихся к этому вопросу, они и пришли к столь удивительным заключениям.

Для того, чтобы положить конец этим бесполезным разногласиям, предлагается объяснить доктрину более ясным образом.

Хотя с точки зрения более поздних подробных толкований эзотерических учений является совершенно несущественным то, что могло быть написано в "Изиде" — энциклопедии оккультных предметов, в который *вряд ли мог быть обрисован каждый из них*, — позвольте в то же время сказать о том, что автор утверждает правильность каждого слова, высказанного по данному вопросу в ее более ранних трудах. И то, что было сказано в "Теософисте" за август 1882 года, может быть повторено и сегодня. Отрывок, процитированный отсюда, может быть, и вероятнее всего является "неполным, хаотическим, смутным, возможно бестактным, как и многие другие пассажи в этой работе, первой пробой пера иностранца, который и сегодня едва ли может гордиться своим знанием английского языка". Тем не менее он совершенно правилен в отношении косвенных признаков реинкарнации, о которых в нем говорится.

Я приведу теперь отрывок из "Изиды" и продолжу толкование каждого из критикуемых отрывков, о которых говорят, что "некоторые *фрагменты* этой таинственной доктрины реинкарнации *отличаются от* метемпсихоза", фразы, объясняемые теперь, даются курсивом.

Реинкарнация, то есть появление той же самой личности, *или, скорее, ее астральной монады, второй раз на той же самой планете* — это не правило в природе, а исключение, подобно тератологическому феномену двухголового ребенка. Ей предшествует *нарушение законов гармонии в природе*, и она случается лишь когда последняя *пытается восстановить свое нарушенное равновесие, насильственно возвращая в земную жизнь астральную монаду, которая была выброшена из круга необходимости преступлением или несчастным*

случаем. Таковы случаи абортов, умирания детей до достижения ими определенного возраста, и врожденный и неизлечимый идиотизм, когда первоначальный замысел природы о создании совершенного человеческого существа был нарушен. Таким образом, в то время как грубая материя каждого из этих обособленных существ страдает, разрушаясь при смерти повсюду в обширном царстве бытия, бессмертный дух и астральная монада личности — последняя, пребывая отдельно, одушевляла организм, и первый, распространявший свой божественный свет на телесную структуру, — должны во второй раз попытаться выполнить намерение творящего разума. ("Изида", том I, стр. 492).

Здесь имеется ввиду "астральная монада", или тело умершей личности — скажем, Джона или Томаса. Это то, что в учениях эзотерической философии индуизма известно под именем *бхут*; в греческой философии называется *симулакрум* (подобие) или *умбра* (тень); и во всех остальных философиях имеет соответствующее имя и, согласно учению первой, исчезает после некоторого более или менее продолжительного периода в *камалоке* — *Лимбе* католиков, или *Гадесе* греков.¹ Это есть "нарушение законов гармонии природы", хотя это и является решением законов *кармы*, — каждый раз, когда астральная монада, или *симулакрум* личности Джона или Томаса, вместо движения к концу своего естественного периода пребывания в теле, обнаруживает себя (а) насильственно выброшенной из него либо ранней смертью, либо несчастным случаем; или (б) принужденной в связи с невыполнением своей задачи к появлению вновь (то есть, *то же самое астральное тело соединяется с той же самой бессмертной монадой*) на земле для того, чтобы завершить незаконченную работу. Таким образом "она должна во второй раз попытаться выполнить намерение творящего разума", или *закона*.

Если разум был столь сильно развит, чтобы стать активным и различающим, тогда нет² (*немедленного*) *перерождения* на земле, ибо три части триединого человека объединены друг с другом, и он способен двигаться по пути. Но в том случае, когда новое существо не вышло из состояния монады, или когда, как в идиоте, троика не была закончена на земле, и поэтому не могла быть таковой и после смерти, бессмертная искра, которая осветила ее, должна вновь вернуться на земной план, так как ее первая попытка была тщетной. Иначе смертная, или астральная, и бессмертная, или божественная, души не могли бы развиваться в унисон и двигаться вверх к

*высшей сфере*³ (*Девачану*). Дух следует по пути, параллельному пути материи; и духовная эволюция идет рука об руку с физической.

1 Гадес, конечно, никогда не имел значения АДА. Он всегда был обиталищем страдающих ТЕНЕЙ, астральных тел умерших личностей. Западному читателю следует помнить, что камалока не есть КАРМА-лока, поскольку *кама* означает ЖЕЛАНИЕ, а *карма* — нет.

2 Если бы это слово "немедленного" было внесено между словами "нет" и "перерождения" во время публикации "Изиды", тогда было бы меньше поводов для споров и разногласий.

3 Под "высшей сферой", безусловно, подразумевается "Девачан".

Оккультная Доктрина учит, что:

1). Для монады нет *немедленного перевоплощения* на земле, как этому ложно учат спиритисты-реинкарнационисты; или же, нет никакого вторичного воплощения для какого-либо "*личного*" или *ложного* эго — *перисприита* — кроме как в упомянутых исключительных случаях. Но (а) существуют перерождения, или периодические перевоплощения для бессмертного эго ("эго" в течение цикла перерождений, и *не-эго* в нирване или мокше, когда оно становится *безличным* и *абсолютным*); ибо это эго есть корень каждого нового воплощения, веревка, на которую нанизаны, одна за другой, ложные индивидуальности или иллюзорные тела, называемые людьми, в которые монада-эго воплощается в течение цикла рождений; и (б) такие перевоплощения происходят не раньше, чем через 1 500, 2 000 или даже 3 000 лет девачанской жизни.

2). Манас является местопребыванием дживы, той искры, которая проходит весь Цикл рождений и перерождений вместе с монадой от начала до окончания манвантары — это и есть истинное эго. (а) *Джива* следует божественной монаде, которая дает ей духовную жизнь и бессмертие в Девачане, — именно поэтому она не может быть вновь рождена прежде отмеренного ей периода времени и не может вновь появиться на земле *видимой* или *невидимой* в это время; и (б) если осуществление, духовный аромат манаса, или все такие высшие устремления и духовные качества и атрибуты, которые

составляют высшую ЛИЧНОСТЬ человека, не объединяются с ее монадой, то последняя становится как бы НЕ-существующей; поскольку она *in esse* [по существу] "безлична" и *per se* [сама по себе] лишена эго, и, так сказать, получает свою духовную окраску, или запах эгоизма, лишь от каждого *манаса* в течение воплощения, и после этого развоплощается и отделяется от всех своих низших принципов.

3). Остальные четыре, или, скорее, два с половиной принципа, — так как они состоят из земной части *манаса*, его носителя *камарупы* и *линга шариры* — тела, которое немедленно распадается, и *праны*, или жизненного принципа, вместе с ним, — эти принципы, принадлежа к *ложной* индивидуальности, непригодны для Девачана. Последний представляет собой состояние Блаженства, воздаяния за все незаслуженные земные горести,¹ и то, что побуждает людей ко злу, а именно — земная, полная страсти, природа — не может присутствовать в нем.

1 Читатель должен держать в уме, что эзотерическое учение утверждает, что кроме случаев злых поступков, когда человеческая природа достигает высшей точки Зла, и человеческая земная злоба принимает *сатанинский* универсальный характер, как, можно сказать, это происходит у *некоторых колдунов*, — для большинства людей нет наказания после смерти. Закон возмездия под видом *кармы* ожидает человека на пороге его нового воплощения. Человек — это в лучшем случае несчастное орудие зла, беспрестанно создающее новые причины и следствия. Он не всегда (если вообще когда-либо) является ответственным. Отсюда и период отдыха и блаженства в Девачане, с его полным забвением на время всех горестей и страданий жизни. *Авичи* — это *духовное* состояние величайшего страдания, и оно предназначено только тем людям, которые *сознательно* посвятили свои жизни нанесению вреда другим людям и таким образом достигли высшего духовного развития ЗЛА.

Таким образом, не подверженные перерождению принципы остаются в *камалоке*, сперва как материальный остаток, а впоследствии — как зеркальное отражение астрального света.

Обладающие *иллюзорным* действием до того дня, когда они, постепенно утратив свою силу, исчезнут — что это, как не греческий *эйдолон* и *симулакрум* греческих и латинских поэтов и классиков?

Какое воздаяние или наказание может быть в этой сфере бестелесных человеческих существ для *фoэтуса* (зародыша) или эмбриона, который даже не имел времени подышать на этой земле, но все же был лишен возможности развить божественные качества своего духа? Или для не отвечающего за себя ребенка, чья бесчувственная монада, оставаясь в дремлющем состоянии внутри астральной и физической оболочки, не смогла помочь ему уберечься от самосожжения, как это сделал бы другой человек? Или опять-таки, для идиота с рождения, количество мозговых извилин у которого составляет лишь двадцать или тридцать процентов от нормы, и который поэтому не отвечает ни за свои склонности и действия, ни за несовершенство своего блуждающего, наполовину развитого интеллекта. ("Изида", т. I).

Таким образом, существуют "исключения", оговоренные в "Изиде", и учение сохраняется сегодня таким же, как это было сделано тогда. Более того, это не "противоречие", но лишь *несовершенство* — следовательно, недоразумения, выросшие из более поздних наставлений. И опять-таки, в "Изиде" есть некоторые очень важные ошибки, которые, так как печать данной работы была *стереотипной*, не были исправлены в последующих изданиях.

Противоречие между первой частью утверждения и последней должно было породить идею об очевидной ошибке. Оно адресовано спиритистам, *реинкарнационистам*, которые принимают более чем двусмысленный отрывок из Апулея за подтверждение своих претензий в отношении их "духов" и перевоплощения. Пусть сам читатель рассудит,¹ не подтверждает ли Апулей скорее *наши* утверждения. Нас обвиняют в отрицании перевоплощения, и ведь это именно то, о чем мы говорим здесь и говорили тогда в "Изиде"!

¹ Апулей говорит: "Душа рождается в этом мире после оставления души мира (*anima mundi*), в которой ее существование предвляло существованию того, кого мы все знаем (на земле). Таким образом, боги, которые рассматривают ее поступки во всех фазах разнообразных

существований и в целом, наказывают ее время от времени за грехи, совершенные в течение *прошлой* жизни. *Она умирает*, когда она отделяется от тела, в котором она пересекла эту жизнь, как в непрочной лодке. И в этом, если я не ошибаюсь, тайный смысл таинственной надписи, столь простой для посвященного: "*Богам манов, которые жили*". Но этот вид смерти не уничтожает душу, она лишь трансформируется (ее часть) в *лемура*. "Лемуры" — это *маны*, или духи, которые известны нам под именем *лары*. Когда они появляются и *оказывают нам благотворное покровительство*, мы чтим их как божественных покровителей семейного очага; но если их преступления приговаривают их ко греху, мы называем их *лярвами*. Они становятся бедствием для грешника и внушают страх праведному". ("Du Dieu de Socrate" Апул. класс., стр. 143-145).

Философия учит, что природа *никогда не оставляет свой труд незавершенным; если не удастся первая попытка, она пробует еще раз*. Когда она создает человеческий эмбрион, ее намерение состоит в том, чтобы человек был совершенным — физически, интеллектуально и духовно. Его тело должно расти, созреть, стариться и умирать; его разум — раскрываться, становиться зрелым, и быть гармонически уравновешенным; его божественный дух — освещать внутреннее "я" и свободно сочетаться с ним. Никакое человеческое существо не завершит своего большого цикла, или "круга необходимости", пока все они не станут совершенными. Так же, как в гонках медлительные люди отстают и тащатся, делая свои первые шаги, в то время как победитель уже промчался мимо цели, так и на пути бессмертия некоторые души обогнали остальных и достигли конца, в то время как мириады их конкурентов медленно плетутся под тяжестью материи невдалеке от места старта. Некоторые несчастные совершенно пали и утратили всякие шансы на победу; некоторые же вернулись по своим следам и начали снова.

Кое-кто мог бы сказать, что все это довольно ясно. После неудачи природа *пробует снова*. Никто не может покинуть этот мир (или землю), не став совершенным "*физически, нравственно и духовно*". Как же это может быть сделано, если не существует серии перерождений, требующихся для

необходимого развития в каждой области, поскольку развитие в "круге необходимости", конечно, никогда не может быть совершенно в одной человеческой жизни? И все же это предложение сопровождается без какого-либо промежутка следующим утверждением:

Это именно то, чего индусы боятся превыше всего остального — *трансмиграция* и *реинкарнация*, но лишь на других и низших планетах, и никогда — на этой земле!!!.

Последняя сентенция является фатальной ошибкой, могущей ввести в заблуждение лишь несведующего читателя, который ничего не знает об индийской философии и может перепутать "планету" с *циклом*; ошибкой, за которую автор *не должен* нести ответственность, так как у него не было возможности заглянуть в "Изиду" во время ее публикации по причине занятости, иначе в листе опечаток было бы внесено следующее исправление:

Индусы боятся трансмиграции в другие *низшие* формы на этой планете.

Это исправление привело бы в согласие фразу с предыдущим предложением и показало бы, каким образом *эзотерические* представления индусов позволяют им верить и опасаться возможности перевоплощения человека и, в свою очередь, животного, от человека к зверю и даже к растению и *vice versa* [наоборот]; в то время как *эзотерическая* философия учит, что природа никогда не возвращается вспять в своем эволюционном прогрессе, и раз человек развился из какого-либо рода низших форм — минерального, растительного или животного царства — в человеческую форму, он никогда не сможет стать животным кроме как нравственно, и следовательно — *метафорически*. Человеческое воплощение — это циклическая необходимость и закон; и никакой индус не боится его — сколь бы он не мог сожалеть об этой необходимости. Этот закон и периодическое повторение человеческих перерождений показаны на той же самой странице и в том же самом непрерывном абзаце, который заканчивается такими словами:

Но существует путь для того, чтобы избежать этого. Будда говорил о нем в своем учении о бедности, ограниченности чувств, о полном безразличии к объектам этой земной юдоли скорбей, свободе от страстных желаний, и о частом собеседовании с Атмой — о душевном самосозерцании. *Причина перевоплощений*¹ — это неведение наших чувств и представление о том, что существует что-либо реальное в

мире, что-то, кроме абстрактного существования. От органов чувств происходит "галлюцинация", которую мы называем прикосновением; "от прикосновения — желание; от желания — ощущение (которое также является обманом нашего тела); от ощущения — расщепление на существующие тела; от этого расщепления — воспроизведение, болезнь, разрушение и смерть.

1 "Причина перевоплощений — это неведение", таким образом "перерождения" существуют, раз автор объясняет их причины.

Это должно решить вопрос и показать, в чем должна была быть ошибка, незамеченная по небрежности, и если этого недостаточно, то можно продемонстрировать и кое-что еще, ибо далее в тексте следует:

Таким образом, подобно вращению колеса, *существует регулярное чередование смертей и рождений*, нравственная причина которых состоит в расщеплении на существующие объекты, в то время как создающей причиной является карма (сила, которая контролирует вселенную, побуждая ее к деятельности), достоинство и недостаток. Поэтому величайшим желанием всех существ, которые освободились *от страданий последовательных перерождений*, является разрушение моральной причины расщепления на существующие объекты, или злого желания.

Те, в ком желание зла полностью уничтожено, называются *архатами*. Свобода от желания зла обеспечивает обретение *сверхъестественной* силы. После своей смерти архат никогда не перевоплощается; он неизменно достигает нирваны — это слово, между прочим, неправильно истолковано христианскими учеными и скептически настроенными комментаторами. Нирвана — это мир *причины*, в котором исчезают все обманчивые следствия и иллюзии наших чувств. Нирвана — это высшая из достижимых сфер. *Питри* (до-Адамовы духи) рассматриваются буддийским философом как совершавшие перевоплощения, хотя и на много более высоком уровне, чем земной человек. Не умирали ли они в свою очередь? Радовались ли и страдали ли их астральные тела, и чувствовали ли они то же самое проклятие иллюзорных ощущений, как наделенные телом существа?

И сразу после этого мы снова приводим слова Будды и его Учения о "Достоинстве и Недостатке", или карме:

Но эта *первая жизнь*, в которую верят буддисты, не есть жизнь на *этой планете*, ибо буддийский философ в большей

степени, нежели любые другие люди, понимает великое учение о циклах.

Исправьте "жизнь на этой планете" на "*жизнь в том же самом цикле*", и вы получите правильное прочтение: поскольку, что бы дало понимание "великого учения о циклах" буддийской философии, если бы великий мудрец верил лишь в одну короткую жизнь на этой земле и в данном цикле. Но вернемся к истинной теории о перевоплощениях, в том виде, как она содержится в эзотерическом учении, и сравним ее с неудачным отражением в "Изиде".

Таким образом, истинное значение того, что было написано в этой книге, состоит в том, что принцип, который *не перевоплощается* — кроме отмеченных исключительных случаев — это *ложная* личность, иллюзорное человеческое Существо, определенное и индивидуализированное в течение этой нашей короткой жизни под некоторой специфической формой и именем; но то, что *перевоплощается* и должно перевоплотиться *nolens volens* [волей-неволей] по неумолимому строгому правилу кармического закона — это истинное Эго. Такое смешение истинного бессмертного эго в человеке с ложной и эфемерной *индивидуальностью*, в которой оно обитает в течение манвантарического развития, лежит в основе всех подобных недопониманий. Теперь о том, чем же является первое, а чем — последнее? Первая группа — это:

1. Бессмертный Дух — бесполоя, бесформенная (арупа) эманация Единого универсального ДЫХАНИЯ.
2. Его носитель — *божественная* душа — называемая "бессмертное эго", "божественная монада", и т. д., и т. д., которая благодаря добавлениям из *манаса*, в котором сгорает вечно существующая *джива* — бессмертная искра, — присовокупляет к самому себе в конце каждого перерождения сущность той индивидуальности, *которая была*, аромат сорванного цветка, которого больше не существует.

Что такое *ложная* индивидуальность? Это узел, состоящий из желаний, устремлений, привязанностей и ненависти, короче говоря, *действий*, проявленных человеческим существом на этой земле в течение одного воплощения и в форме одной индивидуальности.¹ Конечно, не все *то*, что предстает для нас как факт заблуждающегося, материального и материально мыслящего большинства — в виде м-ра такого-то или еще какой-либо миссис — остается бессмертным или постоянно перерождающимся.

1 Доказательство того, что наши теософские учения пустили корни во всех классах общества и даже в английской литературе, можно увидеть, прочитав статью м-ра Нормана Персона "До рождения" в августовском номере "Девятнадцатого века" за 1886 г. В ней обсуждаются теософские идеи и учения без признания, или даже малейшего упоминания, теософии, и среди всего прочего, мы видим в связи с теорией автора об *эго* следующее: "Сколь многое от *личной индивидуальности*, как предполагается, попадает на небеса или в ад? Весь ли умственный багаж, добрый или дурной, благородные качества и отвратительные страсти, сопровождают душу в ее будущем? Конечно нет. Если, с другой стороны, душа — это нечто отличное от всего нашего умственного наполнения, кроме чувства личности, то не встречаемся ли мы здесь с непостижимым представлением о личности, не обладающей никакими признаками?"

На этот вопрос автор отвечает так, как это сделал бы любой истинный теософ: "Трудность этого вопроса в действительности проистекает от неправильного понимания истинной природы таких признаков. Составные части нашего умственного багажа — аппетит, отвращение, ощущения, вкусы и качества вообще — имеют не абсолютное, но относительное существование. Голод и жажда, например, являются состояниями сознания, которые появились как ответ на воздействие физических потребностей. Они не являются врожденными элементами души и *исчезнут* или будут преобразованы, и т. д." (стр. 356 и 357). Другими словами, как это признается теософским учением, Атма и Буддхи, собирая из *манаса* аромат индивидуальности, или *человеческую душу*, — попадают в Девачан; в то время как низшие принципы, астральный *симулакрум*, или ложная индивидуальность, покинув свою Божественную монаду, или дух, останутся в *камалоке* — в "Саммерленде".

Весь этот узел эгоизма, это видимое и мимолетное "Я" исчезает после смерти, как исчезает с тела актера костюм, в котором он играл свою роль, после того, как он покинул театр и отправился спать. Этот актер вновь станет тем же самым "Джоном Смитом" или Греем, каким он был с самого своего рождения, и не будет больше Отелло или Гамлетом, которого он изображал в течение нескольких часов. Ничего не осталось теперь от этого "узла", чтобы перейти в новое воплощение, кроме *семян для будущей кармы*, которые *манас* может соединить со своей бессмертной группой, создав из нее бестелесную *Высшую Личность* в "Девачане". Сведения о том, что касается четырех низших принципов и что получается из них, содержатся в сочинениях многих классиков, которые мы и собираемся подробно процитировать для своей пользы. Доктрина *периспри*, "ложной индивидуальности", или пребывание умерших в их астральной форме — угасающих, чтобы исчезнуть в определенное время, — является крайне невыносимой для спиритуалистов, которые настойчиво продолжают смешивать временное и бессмертное ЭГО.

К сожалению для них и к счастью для нас, не современные оккультисты изобрели эту доктрину. Они защищают себя и доказывают то, что говорят, то есть, что никакая "*индивидуальность*" никогда не "*перевоспощалась*" "на той же самой планете" (*нашей земле*, в этот раз это *не* является ошибкой), кроме как в трех исключительных случаях, приведенных выше. Добавляя к ним четвертый случай, который является *преднамеренным, сознательным действием адепта*; и то, что такое *астральное* тело не принадлежит *ни к телу, ни к душе*, и еще меньше — к бессмертному духу человека, мы выдвигаем нижеследующие утверждения, сопровождаемые доказательствами.

Прежде чем кто-либо выскажет на основании неких неопровержимых проявлений теории о том, *каким образом* они были созданы, и будет утверждать *prima facie* [на первый взгляд] очевидность того, что это именно *духи* умерших вновь посещают нас, ему следует сперва изучить то, что было сказано по этому вопросу древними. Духи и .призраки, материализованные и наполовину материальные "ДУХИ", не произошли от Аллана Кардека или Рочестера. Если такие существа, чьей постоянной привычкой является выдавать себя за *души* и призраки умерших, захотят это сделать и преуспеют в этом, то это произойдет потому, что предостережения древней философии ныне заменены априорными

самонадеянными и недоказанными предположениями. Должен быть решен первый вопрос: "Облекают ли духи себя в какого-либо рода субстанцию?" *Ответ:* То, что сегодня называют *перисприт* во Франции, и "материализованная форма" в Англии и Америке, называлось в древние времена *пери-псюхе* и *пери-нус*, и, следовательно, они были хорошо известны древним грекам. Обладают ли они *телами* газообразными, флюидными, эфирными, материальными или полуматериальными? Нет; мы говорим это на основании авторитета оккультных учений всего мира в целом. Ибо, согласно индусам, *атма*, или *дух* — это *арупа*, лишенная тела, и у греков мы видим то же самое. Даже в римско-католической церкви ангелы Света, как и ангелы Тьмы, *являются абсолютно бестелесными*: "*meri spiritus, omnes corporis expertes*", и, по выражению *Тайной Доктрины*, примордиальными. Эманации недифференцированного Принципа, дхиан коганы ЕДИНОЙ (первой) категории, или чисто Духовной Сущности, составлены из *Духа одного Элемента*; вторая категория — из вторичной Эманации Души Элементов; третьи имеют "*разумное тело*", которому они не подчиняются, но то, чей вид они могут принять и чем они могут руководить как телом, подчиняется им, будучи податливым их воле по форме и по существу. Отделяясь от этой (третьей) категории, они (духи, ангелы, девы или дхиан коганы) обладают ТЕЛАМИ, группируется первая рупа, состоящая из одного элемента *эфира*; вторая — из двух, эфира и огня; третья — из трех, эфира, огня и воды; четвертая — из четырех, эфира, воздуха, огня и воды. Тогда возникает человек, который, кроме четырех элементов, имеет пятый, преобладающий в нем элемент — землю: поэтому он и страдает. У ангелов, как говорили св. Августин и Петр Ломбард, "их тела созданы для *действия*, а не для страдания. Это земля и вода, *humor et humus*, придают склонность к страданию и покорности, *ad patientiam* [терпению], а *эфир* и *огонь* — к действию". Духи, или человеческие *монады*, принадлежащие к первой, или недифференцированной сущности, являются, поэтому, бестелесными; но те, которые относятся к третьему принципу (или человеческому пятому — *манасу*), могут вместе со своим носителем стать *камарупа* и *майявирупа* — телом желания, или "иллюзорным телом". После смерти лучшие, благороднейшие, чистейшие качества *манаса*, или *человеческой души*, восходят вместе с божественной монадой в Девачан, откуда никто не появляется вновь, или не возвращается, кроме как во время

перевоплощения, — что же тогда появляется под двойной маской духовного эго, или души умершей личности? *Элемент камарупа при помощи элементалов*. Ибо нас учили, что такие духовные существа, которые могут принимать форму по своей воле и возникать, то есть, делать себя материальными и даже осязаемыми — это лишь одни ангелы (дхиан коганы) и *нирманакая*¹ адептов, чей дух облачен в тонкую материю. Астральные тела — *остатки* и *отбросы* смертного существа, которое было лишено тела, когда они появляются, представляют собой не индивидуальности, на что они претендуют, но лишь их подобия. И таково убеждение всей древности, от Гомера до Сведенборга; от *третьей* расы вплоть до наших времен.

1 *Нирманакая* — это имя, данное астральным формам (*во всей их полноте*) адептов; тех, кто столь высоко вознесся на пути знания и абсолютной истины, что вошел в состояние Девачана; и, с другой стороны, добровольно отказался от блаженства нирваны для того, чтобы помочь Человечеству при помощи невидимого руководства и содействия на том же самом пути прогресса избранных людей. Но такие *астралы* — это не пустые оболочки, но наполненные содержанием монады, состоящие из 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го принципов. Однако, существует и другое строение *нирманакайи*, о котором будет рассказано в "Тайной Доктрине". — Е.П.Б.

Тем не менее, многие спиритуалисты цитировали Павла в качестве подтверждения своего мнения о том, что духи могут появиться и появляются. "Есть тело душевное, есть тело и духовное", и т. д., и т. д. [*1 Кор.*, 15:44]; но нужно лишь более тщательно изучить стихи, предшествующие и следующие за цитируемым, чтобы понять, что то, что имеет ввиду св. Павел, совершенно отлично от того, что ему приписывается. Безусловно, существует *духовное* тело, но оно не идентично *астральной* форме, содержащейся в "естественном" человеке. "Духовное" создается лишь благодаря нашей собственной индивидуальности, которая *разоблачается* и *трансформируется после смерти*; ибо апостол позаботился объяснить это в строфах 51 и 53: "*Immut abimur sed non omnes*".

Говорю вам *тайну*: не все мы умрем, но все изменимся... ибо тленному сему надлежит облечься в нетленное, и смертному сему — облечься в бессмертие.

Но это не является доказательством ни для кого, кроме христиан. Посмотрим, что думали по этому поводу древние египтяне и неоплатоники, и те, и другие — "теургисты" *par excellence* [преимущественно]. Они разделяли человека на три основных группы, которые состояли из отдельных принципов, как это делаем и мы: чистый бессмертный дух; "призрачную душу" (*светящийся призрак*) и грубое материальное тело. Отделенные от последнего, которое рассматривалось как земная оболочка, эти группы разделялись на шесть принципов: (1) *Юга*, "жизненное тело"; (2) *Khaba*, "астральная форма", или тень; (3) *Khou*, "животная душа"; (4) *Akh*, "земной интеллект"; (5) *Sa*, "божественная душа" (или *буддхи*); и (6) *Sah*, или мумия, функции которой начинались после смерти. Осирис был высшим, несотворенным духом, ибо это было, в одном смысле, родовое имя, поскольку каждый человек становился после своего перемещения *осирифицированным*, то есть поглощенным Осирисом-Солнцем, или великолепным божественным состоянием. Это был *Khou*, который вместе с низшей частью *Akh*, или *камарупа*, с добавлением отбросов *манаса*, остающихся в астральном свете нашей атмосферы, создавал аналог ужасных, страшных *бхутов* индусов (или наших "элементалов"). Это видно в переводе так называемого "Магического папируса Харриса" (*магический папирус*, переведенный Чабасом), который называет их *Koueу* или *Khou*, и объясняет, что в соответствии с иероглифами, они назывались *Khou*, или "вновь ожившие мертвые", "воскресшие тени".¹

1 Проведя подобные параллели с разделением, принятым в эзотерическом учении, мы увидим, что (1) Осирис — это атма; (2) *Sa* — это буддхи; (3) *Akh* — это манас; (4) *Khou* — это кама-рупа, вместилище земных желаний; (5) *Khaba* — это линга шарира; (6) *Kha* — это пранатма (жизненный принцип); (7) *Sah* — это мумия или тело.

Когда говорили о человеке, что он "имеет *Khou*", подразумевалось, что он одержим "духом". Были два вида *Khou* — оправданные, которые, после проживания в течение короткого времени *второй жизни* (*nam onh*), угасали и

исчезали; и те *Khou*, которые были осуждены на блуждание безо всякого отдыха во тьме *после смерти во второй раз* — *tut, et, nat* — и кого называли *H'ou-metre* ("дважды-умершие"), что не мешало им хвататься за эту ненастоящую жизнь, подобно вампирам. О том, сколь ужасны они были, рассказывается в нашем приложении о египетской магии и "китайских духах" (в "Тайной Доктрине"). Они изгонялись египетскими жрецами так же, как изгоняют злых духов римско-католические кюре; или же, китайский гу-ен, идентичный с *Khou* и "элементарием", так же как и с *ларами* и *лярвами* — это последнее слово было получено из первого грамматиком Фестусом, который объясняет, что они были "теньями умерших, которые не давали покоя в доме ни хозяевам, ни слугам". Такие создания, когда их вызывали в теургических и, особенно, *некромантических* ритуалах, рассматривались, и все еще рассматриваются в Китае не как дух, душа или что-то, принадлежащее к умершей личности, которую они представляют, но просто как ее отражение — *симулакрум*.

"Человеческая душа", — говорит Апулей, — "это *бессмертный бог*" (буддхи), который, тем не менее, имеет свое начало. Когда смерть освобождает ее (душу) от ее земного материального организма, она называется *лемуром*. Среди последних есть немало благодетельных, которые становятся богами или демонами семейства, то есть, его домашними божками: в этом случае они называются *ларами*. Но они оживают, и о них говорят как о *лярвах*, когда они, приговоренные судьбой к скитаниям, распространяют вокруг себя зло и бедствия. (*Inane terriculamentum, ceterum noxium malis*); или, если их истинная природа была неопределенна, они рассматривались как просто *маны* (Апулей, см.: "О божестве Сократа"). Выслушайте мнение Ямвлиха, Прокла, Порфирия, Пселла и десятка других писателей об этих таинственных существах.

Маги Халдеи верили и учили *тому, что небесная, или божественная душа* разделяла бы сияние вечного света, в то время как животная, или *чувственная душа*, если она добрая, быстро распалась бы, а если злая, отправилась бы в блуждание по земной сфере. В этом случае, "она (душа) принимала на время формы различных человеческих призраков и даже животных". То же самое говорили об *эйдолоне* греки и о своем *нефеш* — раввины. (См. "Оккультные науки" графа де Рези, V, 11). Все *иллюминаты* средних веков рассказывают нам о нашей *астральной душе*, отражении умершего, или его

призраке. При натальной смерти (рождении) чистый дух остается притянутым к промежуточному, или светящемуся телу, но, так как его низшая часть (физическое тело) умерла, первый поднимается на небеса, а последняя нисходит в низшие миры, или камалоку.

Гомер показывает нам тело Патрокла — истинный образ материального тела, убитого Гектором — восставшее в своей духовной форме, а Лукреций показывает старого Энния, представляющего самого Гомера, льющего горькие слезы среди *теней и человеческих подобий* на берегах Ахеруза, "*где не живут ни наши тела, ни наши души*", но только наши образы.

...Esse Acherusia templa,

...Quo neque permanent animae, neque corpora nostra,

Sed quaedam simulacra...

Вергилий назвал его "образом" (*imago*), и в Одиссее (I, XI) автор относится к нему как к типу, модели, и в то же самое время, копии тела; поэтому Телемах не признает Улисса и хочет покинуть его, говоря — "Нет, не отец мой! Меня обольщает демон какой-то!" ("Одиссея", I, XVI, строфа 194). "Римляне не испытывают недостатка в соответствующих выразительных именах, чтобы обозначить все разнообразие своих демонов; так, они называют их по порядку: *ларами, лемурами, гениями* и *манами*". Цицерон, в своем переводе платоновского "Тимея", перевел слово "даймоны" как "лары"; и грамматик Фестус, объясняя, что низшие боги были *душами людей*, проводил различие между этими двумя видами, как и Гомер, и между *anima bruta* и *anima divina* (животной и божественной душами). Плутарх (в "Proble. Rom.") показывает лар, которые обитают в домах (с привидениями) и возглавляют их, и называет их жестокими, суровыми, назойливыми, и т. д., и т. д. Фестус полагает, что среди ларов существуют как добрые, так и злые. Ибо он называет их в одно время *proestites*, когда они изредка появляются и тщательно наблюдают за предметами (*direct apports*), и в другое — *hostileos*.¹ "Как бы то ни было", — говорит своим странным старофранцузским языком Лелойер, — "они являются не больше, чем нашими дьяволами, которые, если они и оказывают помощь некоторым людям и дарят им какие-либо вещи, — это лишь для того, чтобы им было легче причинить вред впоследствии. *Лемуры* также являются дьяволами и *лярвами*, ибо они появляются ночью в различных человеческих и животных формах, но еще

более часто — с отличительными признаками, которые *они заимствуют от умерших людей*". ("Livre des Spectres". V, IV, стр. 15 и 16).

1 Потому что они прогоняют врагов.

Оказывая небольшие почести христианским представлениям о том, что Сатана есть повсюду, Лелойер говорит подобно оккультисту и очень эрудированному человеку.

Совершенно очевидно, что *гении*, и никто другой, имели своей миссией наблюдение за каждым новорожденным, и что они назывались *гениями*, как говорит Цензорий, потому что они имели на своем попечении нашу расу, и *руководили* не только каждым из смертных, но и всеми поколениями и родами, будучи *гениями людей*.

Идея ангелов-хранителей людей, народов, местностей, городов и наций, была взята католиками от дохристианских оккультистов и язычников. Симмахус (Epistol., I, X) пишет:

Так же как душа дается тому, кто родился, так и *гении* распределяются по народам. Каждый город имеет своего гения-покровителя, которому люди приносят жертвы.

Существуют многие надписи, на которых можно прочесть: *Genio civitates* — "гению города".

Древний непосвященный был не в большей степени, нежели современный, уверен в том, является ли призрак *эйдолоном* родственника или *гением* местности. Энний, увидевший во время празднования юбилея своего отца Анхиса змею, ползущую по его гробу, не знал, был ли это *гений* его отца или *гений* места (Вергилий). "Маны"¹ были многочисленны и разделялись на добрых и злых; те, которые были *злыми*, и которые Вергилий называет *numina larva*, умиротворялись при помощи жертвоприношений, чтобы они не совершали зла, такого, как насылание дурных снов на тех, кто не обращает на них внимания, и т. д.

1 От слова "manus" — "добро", *антифразис*, по объяснению Фестуса.

Тибулл в свою очередь показывает:

Ne tibi neglecti mittant insomnia manes. (Eleg., I, II)

Язычники думали, что *низшие* души преобразуются после смерти в *дьяволических эфирных духов*". (Лелойер, стр. 22)

Термин *Eteroprosopos*, разделенный на составляющие его слова, даст нам целое выражение: "другой, нежели Я, со свойствами моей личности".

И именно в отношении этого земного принципа — *эйдолона*, *лярвы*, *бхута* — назовите его любым именем, — отрицалась реинкарнация в "Изиде".¹

1 Страница 30 в 1-м томе "Изиды"; вера в перевоплощение утверждается с самого начала, как составная часть универсальных верований. "Метемпсихоз" (или трансмиграция, переселение душ) и реинкарнация являются, в конце концов, одним и тем же.

Учение теософии является просто достоверным эхом учений античности. Человек есть *единое* только в своем происхождении и конце. Все духи, все души, боги и демоны исходят и имеют в качестве своего корневого принципа ДУШУ ВСЕЛЕННОЙ — говорит Порфирий ("Жертвоприношения"). Нет такого сколько либо известного философа, который бы не верил: (1) в перевоплощение (метемпсихоз); (2) в множественность человеческих принципов, или в то, что у человека есть *две* души с обособленной и совершенно различной природой; одна тленная, *астральная душа*, другая — нетленная и бессмертная; и (3) что первая не была человеком, которого она представляла — "ни его телом, ни его духом, но лишь, в лучшем случае, его *отражением*". Этому учили брамины, буддисты, евреи, греки, египтяне и халдеи; слепопотопные наследники допотопной Мудрости: Пифагор и Сократ, Климент Александрийский, Синезий и Ориген, древнегреческие поэты так же, как и гностики, о которых Гиббон говорит как о наиболее чистых, ученых и просвещенных людях за все времена (см. "Закат и падение..."). Но толпа была одной и той же во все века: суеверной, чрезмерно самоуверенной, материализующей каждую духовную и наиболее благородную концепцию, и низводящей ее до ее собственного низшего уровня, и — всегда враждебной философии.

Но все это не противоречит тому факту, что наш человек "пятой Расы", эзотерически распознаваемый как септенарное творение, был всегда понимаем *экзотерически* как маниан, суб-маниан, земной и супра-маниан, и Овидий наглядно описал его так:

Bis duo sunt hominis; *manes, caro, spiritus, umbra*
Quatuor ista loca bis duo suscipiunt.
Terra tegit camem, tumulum circumvolat umbra,
Orcus habet manes, spiritus estra petit.

ТИБЕТСКИЕ УЧЕНИЯ

Те, кто находятся на вершине горы, могут видеть всех людей; подобным образом те, кто обладают разумом и свободны от печали, способны взойти выше рая богов; и когда они увидели там подверженность человека рождению и смерти и печали, которыми он поражен, они открыли двери бессмертия.

*"Уданаварга" (udanavarga, ched-du mjod-pa'i tshoms) из
Данчжура*

В январском номере "Теософиста" за 1882 год мы обещали изложить мнения преподобного коган-ламы — главного архивариуса библиотек, содержащих манускрипты по эзотерическим учениям, принадлежащих ринпоче ламам Талой и Ташилунпо в Тибете — относительно некоторых выводов, сделанных автором работы "Будда и ранний буддизм". Благодаря братской доброте ученика высокоученого когана, который более, чем кто-либо в Тибете, сведущ в науке эзотерического и экзотерического буддизма, мы имеем сегодня возможность дать некоторые учения, которые имеют прямое отношение к этим выводам. Мы твердо убеждены, что письма ученого когана и сопровождающие их примечания не могли быть получены в более благоприятное время. Кроме многочисленных и разнообразных неправильных

представлений о наших учениях, мы были сильнее, чем когда-либо, озадачены тем, что некоторые из наиболее разумных спиритуалистов были введены в заблуждение относительно действительной позиции и веры индусов и буддистов в отношении "духов умерших". На самом деле, согласно некоторым спиритуалистам, "буддийская вера пропитана отчетливыми и специфическими признаками современного спиритуализма, связанными с существованием и руководящей ролью духов умерших[^] и теософы были обвинены в неправильном представлении этой веры. Так, теософы имели смелость утверждать, например, что эта "вера в проникновение бестелесных человеческих духов" была *anathema maranatha* [предметом осуждения] на Востоке, тогда как "на самом деле, это есть основополагающий принцип буддизма".

То что думает всякий индус, к какой бы касте он не принадлежал и какое бы образование не имел, по поводу "проникновения духов умерших", столь хорошо известно повсюду в Индии, что было бы пустой тратой времени повторять это. Существует несколько людей, обратившихся в современный спиритуализм, таких, как Бабу Пири Чанд Митра удивительная личная чистота жизни которого сделала безвредным ДTM него такое общение, даже если бы он не был безразличен к физическим феноменам, придерживаясь лишь духовной, субъективной стороны такого общения. Но поскольку это есть исключения, то мы вновь решительно заявляем то, что мы всегда утверждали: что нет ни одного индуса, который не испытывал бы отвращения к самой идее о появлении бестелесных "духов", которых он всегда будет считать нечистыми; и что за этими исключениями никакой индус не верит в то, что кроме как в случае самоубийства, или смерти в результате какого-нибудь несчастного случая, какой-либо дух, за исключением дьявольского, может вернуться на землю. Поэтому, освободив от ответа индусов, МЫ представим идеи северных буддистов по этому вопросу надеясь в благоприятное время добавить к ним и представления южных буддистов. И, когда мы говорим о "буддистах", мы не включаем сюда многочисленные еретические секты, распространенные повсюду в Китае и Японии которые утратили всякое право носить такое название.

С ними мы не имеем ничего общего. Мы подразумеваем лишь буддистов Северного и Южного храмов — так сказать, католиков и протестантов в буддизме.

Тема, о которой пишет наш ученый тибетский корреспондент, основывается, на нескольких прямых вопросах, предложенных ему нами с покорной просьбой о том, чтобы они не были оставлены без ответа, и на следующих параграфах из статьи "Будда и ранний буддизм":

Я довольно подробно остановился на этом супернатурализме, потому что он очень важен для нашей темы. Буддизм безусловно был тщательно разработанным инструментом для того, чтобы свести к нулю действия злых духов при помощи добрых духов, совершающим свое воздействие в наибольшей степени при помощи трупа или части трупа главного духа-помощника. Буддийские храмы, буддийские ритуалы, буддийская литургия, — все они основаны, по-видимому, на этой идее о необходимости целого тела, или же части тела умершего. Что же это были за духи-помощники? Любой буддист, древний или современный, немедленно сказал бы, что дух, который все еще не достиг *бодхи*, или духовного пробуждения, не может быть добрым духом. Он не может делать добра; более того, он должен совершать дурные поступки.

Ответ Северного буддизма состоит в том, что добрые духи — это будды, умершие пророки. Они приходят с некоторых "полей будд", чтобы общаться с землей.

Наш ученый тибетский друг пишет:

Позвольте мне сразу же сказать, что монахи и миряне распространяют в высшей степени нелепое и абсурдное изложение Закона Веры, популярное среди верующих Тибета. Отчет капуцина делла Пенны о братстве "Бианг-цзиуб" является полным абсурдом. Взяв из Бхагчжура и других книг тибетских законов некоторые буквальные описания, он приукрасил их своими собственными толкованиями. Так, он говорит о легендарных мирах "духов", где живут "лха, которые подобны богам"; добавляя, что тибетцы представляют себе "эти места, расположенными над великой горой, имеющей около ста шестидесяти тысяч лиг в высоту и тридцати двух лиг в окружности; она состоит из четырех частей: из кристалла — на востоке, из красного рубина — на западе, из золота — на севере, и из зеленого драгоценного камня (лазурита) — на юге. В этой обители счастья они (лха) остаются столь долго, сколь пожелают, и далее переходят в рай других миров".

Это описание намного больше напоминает (если воспоминания о периоде времени, проведенном в миссионерской школе в Лахуле не обманывают меня) "новый Иерусалим, нисходящий с небес от Бога" в видении Святого

Иоанна, — этот город, размеры которого насчитывают "двенадцать тысяч фарлонгов", чьи стены были из "яшмы", здания из "чистого золота", фундаменты стен "украшены всеми видами драгоценных камней" и "двенадцать врат были двенадцатью жемчужинами", — чем город Джанг-Чхуб, как в Данчжуре, так и в представлениях тибетцев. Надо сказать, что священный канон тибетцев, Ганчжур, и комментарии к нему, Данчжур, включают в себя 1707 отдельных произведений (350 томов, состоящих из 1083 произведений для общего пользования, и 77 томов, содержащих 624 тайных сочинения).

Я могу заверить теософов, что даже если бы они случайно увидели их, то содержание этих томов осталось бы непонятным для любого человека, кому не был дан ключ к их специфическим буквам и к их скрытому значению.

Каждое описание местности имеет в нашей системе метафорический смысл; каждое имя и слово тщательно сокрыто; и ученик, перед тем как ему дадут любые дальнейшие инструкции, должен сперва изучить способ расшифровки, а уже затем — способ понимания и изучения равнозначных тайных терминов или синонимов почти для каждого слова в нашем религиозном языке. Египетская демотическая или иероглифическая системы — это детская игра по сравнению с расшифровкой наших сакральных загадок. И даже в тех книгах, которые доступны массам, каждое предложение имеет двойное значение, одно — обращенное к необученному человеку, другое же — к тому, кто получил ключ к этим записям.

Даже попытки таких высокообразованных, ученых и добросовестных людей, как авторы работ "Буддийские летописи о западном мире" и "Будда и ранний буддизм" — поэтические гипотезы которых могут быть очень легко расстроены и одна за другой опровергнуты — не привели ровным счетом ни к чему, поистине точно так же, как и предшественники и последователи аббата Хука, Габе и других доказали свое прискорбное бессилие; хотя последние и хотели достигнуть некой цели в преднамеренном искажении непревзойденного и великолепного учения нашего благословенного учителя, Шакьямуни, а первые — нет.

В "Теософисте" за октябрь 1881 года корреспондент правильно сообщает читателям, что мудрый Гаутама Будда "настаивал на том, что посвящение должно быть открыто для всех, кто готов к нему". И это правда; такова была первоначальная цель, которую в течение некоторого времени осуществлял на практике великий Будда-Сангиас, и перед тем, как он обрел Всеведение. Но через три или четыре столетия после того как он покинул свою земную оболочку, когда Ашока, великий покровитель нашей системы, оставил

этот мир, посвященные архаты, из-за скрытого но постоянного противодействия их системе со стороны брахманов, были вынуждены один за другим уходить из этой страны и искать себе защиты за Гималаями. Таким образом, хотя народный буддизм и не был распространен в Тибете до седьмого века, буддийские посвященные в мистерии и эзотерическую систему арийского дваждырождения, оставляя свою родину, искали себе убежища у добуддийских аскетов; у тех, кто обладал Благим Учением даже до Шакьямуни. Эти аскеты с незапамятных времен жили за хребтами Гималайских гор. Они были прямыми последователями тех арийских мудрецов, которые вместо того, чтобы последовать вместе со своими брахманскими братьями во время доисторической эмиграции от озера Манасаровара, через Снежный Хребет в долины Семиречья, предпочли остаться в своих недостижимых и неизвестных цитаделях. И не надо удивляться, если арийская эзотерическая доктрина и наши архатские учения обнаруживают полную идентичность друг с другом. Истина, подобно солнцу над нашими головами, одна; но, по-видимому, поскольку этот вечный трюизм должен был постоянно создавать как темное, так и светлое, люди помнят его. Лишь та истина может быть сохранена в чистоте и незагрязненной человеческими преувеличениями, — поскольку ее поклонники сразу же стали стремиться принять ее, и исказить и извратить ее прекрасное лицо для своих собственных эгоистических целей, — которая сокрыта вдалеке от глаз непосвященных. Со времени самых ранних универсальных мистерий до дней нашего великого Шакья Татхагаты Будды, который приспособил и объяснил эту систему для всеобщего спасения, божественный Голос Личности, известный как Куан-йин, был слышим лишь в священном уединении приготовительных мистерий.

Наш почитаемый во всем мире Цзонхава, завершая свой пятый Дангаг, напоминает нам, что "каждая священная истина, которую не может понять правильным образом непосвященный, должна быть сокрыта в тройной оболочке, пряча себя, как черепаха, которая прячет свою голову в свой панцирь; ее лицо следует показывать лишь тому, кто полон желания обрести состояние *ануттара самьяк самбодхи*", — человеку с наиболее сострадательной и просветленной душой.

Далее, существует двойной смысл и в том каноне, который открыт для народа, и, совсем недавно, стал открытым для западных ученых. Я не буду сегодня пытаться исправить ошибки, — слишком умышленные и преднамеренные, с сожалением должен сказать я, в случае авторов-иезуитов. Без всякого сомнения, даже тибетские и китайские писания, так

называемые образцовые труды Китая и Японии, некоторые из которых написаны нашими наиболее учеными авторами, многие из которых (поскольку они не были посвященными, хотя и были искренни и набожны) истолковывали то, что сами не понимали правильным образом, — содержат массу мифологических и легендарных 'мотивов, более пригодных для детских сказок, чем для толкования Религии Мудрости, как она была проповедана Спасителем мира. Но не следует искать никого из них в каноне; и, хотя они и хранятся в большинстве библиотек ламаистских монастырей, их читают и в них безоговорочно верят только легковверные и набожные люди, чья наивность не позволяет им совершить ни малейшего шага за порог действительности. К сочинениям этого класса принадлежит "Буддийский космос", написанный бонзой Джин-чаном в Пекине; "Шинг-Тао-ки", или "Рассказы о просветлении Татхагаты" Ванг-Пу, книга, написанная в седьмом веке, сутра "Хи-шай", или "Книга Творения", различные сочинения о небесах и об аде, и так далее, — поэтические выдумки, группирующиеся вокруг символизма, появившегося в качестве дополнения к учению.

Но труды, которые цитирует (или, я скорее сказал бы, из которых приводит ложные цитаты) наш ученый автор, монах делла Пенна, не содержат выдумок, а просто являются информацией для последующих поколений, которые смогут в свое время обрести ключи для их правильного прочтения. "Лха", о которых говорит делла Пенна лишь для того, чтобы высмеять эту басню, те, кто "достигли состояния святости в этом мире", были просто посвященными архатами, адептами многочисленных и разнообразных уровней, обычно известными под именем бхантов, или братьев. В книге, которую знают как "Аватамсака Сутра", в главе о "Высшем Атмане — Личности — как он проявлен в характере архатов и пратьекабудд", утверждается, что "Поскольку с самого начала, все чувствующие создания помрачили истину и избрали ложь, поэтому начало существовать скрытое знание, называемое Алая Виджняна". "Кто обладает истинным скрытым знанием?" "Великие учителя Снежной Горы", — дается ответ в "Книге Закона". Снежная Гора — это "гора высотой сто шестьдесят тысяч лиг". Посмотрим, что это значит. Если просто отбросить последние три цифры, то мы получим сто шестьдесят лиг; тибетская лига составляет около пяти миль; это дает нам семьсот восемьдесят миль от некоего святого места по определенной дороге на запад. Это становится ясно для каждого, кто имеет в себе хотя бы малейший проблеск истины, — даже из дальнейшего описания делла Пенны. "Согласно их закону", — пишет этот монах, — "на западе этого мира существует некий вечный мир, рай, и в нем — святой, называемый Хопан, что означает

"Святой великолепного и безграничного света". Этот святой обладает многочисленными "силами", которые все вместе именуются "чанг-чуб", и которые, — как добавляет он в примечании, — означают "духов тех, кто, в связи со своим совершенством, не заботятся о том, чтобы стать святыми, и тренируют и наставляют тела вновь рожденных лам так, чтобы они могли помочь живым людям".

Все это показывает, что эти предполагаемые умершие "чанг-чубы" являются живыми бодхисаттвами, или бхантами, которые известны под различными именами в тибетском народе; среди всех остальных, лха, или "духи", как полагают, скорее существуют в духовном виде, чем телесно. После смерти они часто отказываются от нирваны — блаженства вечного успокоения, или забвения индивидуальности — чтобы остаться в виде духовных астральных эго для совершения добра своим ученикам и человечеству в целом.

По крайней мере некоторым теософам должно быть ясно мое объяснение, хотя другие, конечно, будут протестовать против такого толкования. И все же мы утверждаем, что нет никакой возможности для полностью очищенного "эго" остаться в земной атмосфере после своего освобождения от физического тела в своей собственной личности, в которой оно передвигалось по земле. Из этого правила могут быть лишь три исключения:

Если священные намерения побуждают бодхисаттву, шраваку или рахата помочь в достижении того же блаженства тем, кто оказался позади него, живым людям; в этом случае он задержится, чтобы давать им наставления, как изнутри, так и извне; или, во-вторых, это те, кто, будучи чистыми, безобидными и сравнительно свободными от греха людьми в течение своих жизней, были столь поглощены какой-либо специфической идеей, связанной с одной из человеческих майя, что даже умерли среди этих всепоглощающих мыслей; и, в-третьих, люди, в которых сильная и святая любовь, такая как любовь матери к своим осиротевшим детям, создает неодолимую волю, поддерживаемую этой безграничной любовью, чтобы задержаться среди живых людей в своих внутренних эго.

Периоды времени, предназначенные для этих исключительных случаев, различны. В первом случае благодаря знанию в них достигается состояние *ануттара самьяк самбодхи* — наиболее святой и просветленной души — и бодхисаттва не имеет установленного предела времени. Привыкший во время своей жизни оставаться в течение часов и дней в своей астральной форме, он обладает силой создавать после смерти вокруг себя свои собственные условия, рассчитывая воспрепятствовать естественной

тенденции других принципов восстановить свои соответствующие элементы, и может опускаться или даже оставаться на земле сотни и тысячи лет. Во втором случае этот период будет продолжаться вплоть до того момента, когда всевластное магнетическое притяжение субъекта его мысли — столь сильно сконцентрированное в момент смерти — ослабнет и постепенно исчезнет. В третьем случае притяжение разрушится либо благодаря смерти, либо вследствие морального недостойнства того, кого любят. Во всяком случае, оно не может длиться дольше, чем время человеческой жизни.

Во всех остальных случаях появлений или взаимоотношений любого рода, "дух" окажется злобным "бхутом" или, в лучшем случае, "ролангом" — лишенной души оболочкой некоего "элементария". "Благое Учение" отвергается из-за неправомерных обвинений в том, что лишь одни "адепты" претендуют на обладание бессмертием. Никто из восточных адептов или посвященных никогда не выдвигал подобной претензии. На самом деле, наши Учителя учат нас, "что бессмертие является обусловленным", и что шансы адепта, который стал знатоком Алая Виджняны, высшей мудрости, вдесятеро выше, чем у того, кто невежественен относительно возможностей, заключенных внутри своего Эго, и позволяет им оставаться в дремлющем и не потревоженном виде вплоть до того момента, когда уже слишком поздно, чтобы пробудить их в этой жизни. Но адепты знают на земле не больше, и их силы здесь не сильнее, чем будут знания и силы среднего доброго человека, когда он достигнет своего пятого и, особенно, шестого цикла или раунда. Наше нынешнее человечество все еще находится в четвертом из семи великих циклических раундов. Человечество — это ребенок, который вряд ли еще освободился от своих пеленок, и высший адепт настоящего века знает меньше, чем он будет знать в детском возрасте в седьмом раунде. И так как человечество является коллективным младенцем, то таков же и отдельный человек в его нынешнем развитии. И, поскольку вряд ли стоит ожидать, что маленький ребенок, хотя бы и развитый не по годам, будет помнить свое существование с момента рождения, день за днем, каждый из которых содержит какое-либо переживание, и различные одежды, которые он носил в каждый из этих дней, так же и "эго", если оно не принадлежит адепту, достигающему состояния *самма-самбуддхи*, — в течение которого озаренный видит длинную серию своих прошедших жизней во всех своих предыдущих рождениях в других мирах, — никогда не способно вспомнить разнообразные жизни, через которые оно проходило. Но такое время должно наступить однажды. Если человек не является непоправимым сенсуалистом, обрекающим себя по

этой причине на полное уничтожение после одной из таких греховных жизней, этот день настанет тогда, когда, достигая состояния полного освобождения от любого греха или желания, он увидит и воскресит в памяти все свои прошлые жизни столь же легко, как человек нашего века обращается назад и просматривает, день за днем, каждый день своего существования.

Мы можем добавить несколько слов для объяснения предыдущего отрывка, относящегося к Куан-йин. Эта божественная сила была в конце концов превращена антропоморфизмом китайских буддийских ритуалистов в определенное двуполое божество с тысячей рук и тысячей глаз, и названа бодхисаттвой Куан-шай-йин, Голос-Божество, но в действительности она означает голос вечно присутствующего скрытого божественного сознания в человеке; голос его истинного Эго, который может быть в полной степени вызван и услышан только благодаря великой нравственной чистоте. Следовательно, Куан-йин должен быть, так сказать, сыном Будды Амитабхи, который порождает этого Спасителя, милосердного бодхисаттву, "Голос", или "Слово", которое распространено повсюду, "Звук", который вечен. Он имеет то же самое мистическое значение, что и Вач у брахманов. В то время как брахманы охраняют вечность Вед от вечности "звука", буддисты утверждают при помощи синтеза вечность Амитабхи, следовательно, он был первым, кто доказал вечность Само-рожденного, Куан-йин. Куан-йин — это Вачишвара, или Голос-Божество, у брахманов. Оба они имеют то же самое происхождение, что и Логос греков-неоплатоников; "проявленное божество" и его "голос", обнаруживаемые в человеческом Эго, его сознании; в Эго, являющемся невидимым Отцом, и "голосе Эго" — Сыном; каждый из них связан с другим и соотносится с ним. И Вачишвара и Куан-йин играли, и все еще играют, выдающуюся роль в ритуалах посвящения в брахманической и буддийской эзотерических доктринах.

Мы можем также отметить, что адептам не нужно быть бодхисаттвами или рахатами; и еще меньше им нужно быть брахманами, буддистами, или даже "азиатами", — поскольку адепты есть просто святые и чистые люди любой нации и вероисповедания, которые устремляют все свои жизни на то, чтобы принести добро человечеству.

ДОПОЛНЕНИЯ К "ЛАКШМИБАИ"

"Этот рассказ выдается за подлинную историю *бхута*. Тетя рассказчика заболела, и ей с каждым днем становилось все хуже, пока надежды на ее выздоровление почти не осталось. За день до своей смерти она сказала сестре, что чувствует, что проживет от силы день-два, и выразила желание, чтобы ее перенесли перед смертью в какое-нибудь другое помещение, потому что, по ее словам, "каждый, кто умирал в этой комнате, становился бхутом", а ей хотелось избежать этой ужасной участи. На другой день она умерла в той самой комнате, и никто даже не вспомнил о ее просьбе. Через шесть месяцев невестку рассказчика охватила сильная дрожь, и ее тело стало очень горячим. Предполагая, что ею овладел какой-то злой дух, ее свекровь стала задавать вопросы этому духу; призрак назвался именем умершей тети — Лакшмибаи. В конце рассказа следует вопрос: осталась ли душа Лакшмибаи привязанной к земле из-за ее обеспокоенности тем, чтобы ее переместили из дурной комнаты, в которой, как она верила, отошедшая душа обязательно должна была стать бхутом?"

"Бхут" — это *призрак*, привязанный к земле дух, или "элементарий". Мы привели эту занимательную историю, чтобы, в который раз, показать западным спиритуалистам, что индусы, веря в возможность возвращения "духов", боятся и ненавидят их, называя их "дьяволами", а не "ангелами умерших", и рассматривают такое возвращение в каждом случае как *бедствие*, которое надо по возможности избегать и устранять.

Утверждения призрака, сделанные *через его медиума*, в данном случае ничего не доказывают. Одержимая леди знала об умершей столько же, сколько и об остальных членах этой семьи. Это мог бы быть любой дух, знакомый со всеми домочадцами рассказчика, *выдающий себя* за Лакшимбаи, и правильные ответы ни о чем не говорят.

"Призрак ответил, что она страдает от мысли, сильно поразившей и мучившей ее разум во время смерти, что ее не перенесли из дурной комнаты".

Это опять же может привести к предположению (а мы говорим сейчас с точки зрения восточного оккультизма), что именно последняя мысль умирающей женщины, *idée fixe* [навязчивая, подавляющая все другие, мысль, *франц.*] (сила, которая делает из живых людей маньяков и распространяет в течение неопределенного времени свое болезненное магнетическое влияние после того, как мозг, ее породивший, давно уже перестал существовать), — та мысль, которая столь беспокоила ее угасающий разум, а именно, что она *может* стать *бхутом*, если ее не перенести в другое помещение, — заразила также и разум ее родственницы. Некий человек умирает от заразного заболевания через месяцы или, скажем, годы после его смерти предмет одежды или вещь, до которой он дотрагивался, будучи тяжело больным, может передать болезнь человеку, физиологически более чувствительному, чем окружающие его люди, в то время как на последних она не окажет никакого воздействия. И почему же некая идея, *мысль*, не может оказать такого же воздействия? Мысль *не менее материальна и не менее объективна*, чем неуловимые и таинственные микробы, вызывающие различные инфекционные заболевания, причины которых столь озадачивают науку. Поскольку разум живого человека способен так влиять на другой разум, что первый может заставить последнего думать и верить во все, что он захочет — короче, *психологизировать* другой разум, — то же самое может сделать и мысль уже умершего человека. Однажды возникшая и направленная, эта мысль будет жить за счет своей собственной энергии. Она обретает Независимость от мозга и разума, породивших ее. До тех пор, пока не растратится энергия, сконцентрированная ею, она сможет оказывать потенциальное влияние, приходя в соприкосновение с живым мозгом и нервной системой человека, достаточно впечатлительного и предрасположенного к этому. Вызванное таким образом вредное воздействие может временно привести сенситива к болезненному самообману, полностью затмевающему чувство его собственной индивидуальности. Стоит только начаться такому болезненному затмению, как вся беспорядочная масса мыслей умершего человека нахлынет в мозг сенситива, и он будет выдавать, как может показаться, одно подтверждение присутствия умершего за другим, убеждая предрасположенного к тому исследователя, что

самость этого *контролирующего*, "руководящего" или поддерживающего общение разума достоверно установлена.

УЧЕНИЯ О СВЯТЫХ "ЛХА"

Формы, в которых могут быть вновь рождены какие-либо живые существа, шестиричны. Высшим классом являются лха, "духи, высшие существа, боги"; они занимают место за буддами и населяют шесть небесных областей. Две из этих областей относятся к земле; но четыре остальные, которые рассматриваются как высшие дворцы, расположены в атмосфере далеко за землей.

"Бардо" продолжается как следствие преждевременной кончины. Это промежуточное состояние между смертью и новым рождением, — рождением, которое не наступает немедленно, но между ними существует некий интервал, который короче для доброго человека, чем для дурного.

Эмиль Шлагинтвейт, "Буддизм в Тибете"

Следующие замечания, составленные, или, скорее, переведенные (столь внимательно, насколько это позволяют идиоматические трудности) из тибетских писем и рукописей, которые были получены в качестве ответа на некоторые вопросы, имеющие отношение к неправильным западным представлениям о северном буддизме, или ламаизме. Информация получена от гелонга [настоятеля] Внутреннего Храма, приверженца, Тайной Доктрины — Дхармабаспа.

Поскольку братья, живущие в *Gya-P-heling* (Британской Индии) почтительно привлекли внимание моего учителя к некорректным и вводящим в заблуждение утверждениям по поводу Благого Учения нашего благословенного *Phag-pa Sang-gyas* (самого святого будды), о которых заявлялось, что они якобы распространены в *Bhod-Yul* (на тибетской земле), я был послан преподобным *Ngag-pa*, чтобы ответить им. Я сделаю это настолько, насколько позволят мне наши правила открыто обсуждать столь священный вопрос. Я не могу сделать большего, поскольку до того дня, когда наш *Pban-chhen-rin-po-che* воплотится в стране *P-helings* (иностранцев) и, появившись как великий *Chom-den-da* (победитель), разрушит своей могущественной рукой все ошибки и все невежество веков, было бы немного толку — если вообще какой-либо — от попыток искоренения подобных заблуждений.

Пророчество Цзонхавы приводит в Тибете к такому впечатлению, что истинное учение будет сохраняться во всей своей чистоте лишь столь долго, сколько Тибет будет свободен от вторжения западных народов, чьи грубые представления о фундаментальных истинах неизбежно помрачили бы последователей Благого Закона. Но, если западный мир скорее устремлен в направлении философии, то когда произойдет воплощение Панчен Римпоче — Великого Сокровища Мудрости — одного из таши-лам, сияние истины осветит весь мир. Именно в этом подлинный ключ к тибетской исключительности.

Наш корреспондент продолжает:

Из многочисленных ошибочных взглядов, представленных на рассмотрение нашего учителя, мне было позволено обратиться к следующим: во-первых, к ошибке, широко распространенной среди *Ro-lang-pa* (спиритуалистов), что те, кто следует Благой Доктрине, имели общение и испытывали благоговение к духам *Ro-lang*, — или призракам умерших людей; и, во-вторых, что *Bhante* (братья) или, как их называют в народе, "лха", — это либо бесплотные духи, либо боги.

Первая ошибка обнаруживается в книге "Будда и ранний буддизм", поскольку эта работа дала начало неправильному мнению о том, что спиритуализм исходит из того же основания, что и буддизм. Вторая ошибка находится в "Кратких заметках о великом хаосе тибетских законов" капуцина делла Пенны и в отчете, составленном его компаньоном, чьи абсурдные клеветнические измышления о

тибетской религии и законах, написанные в прошлом столетии, были недавно переизданы в "Тибете" м-ра Маркхема.

Я начну с первой ошибки, — пишет наш корреспондент. — Ни южные, ни северные буддисты, будь то на Цейлоне, в Тибете, Японии или Китае, не признают западных идей о возможностях и свойствах "лишенных [тела] душ".

Ибо мы безусловно и абсолютно осуждаем все неквалифицированные общения с Ro-lang. Поскольку, чем же являются те, которые возвращаются? К какому роду созданий принадлежат те, кто может по своей воле иметь общение посредством волевого воздействия или при помощи физического проявления? Они являются нечистыми, в высшей степени греховными, душами "a-tsa-ras" (самоубийц) и тех, кто преждевременно скончался в результате несчастного случая и должен задержаться в земной атмосфере вплоть до полного истечения естественного срока своей жизни.

Никакой здравомыслящий человек, будь то лама или Chhipa (небуддист), не отважится защищать практику некромантии, которая благодаря некоторой естественной интуиции была осуждена во всех великих Дхармах (законах или религиях), а вступление с ними в связь и использование сил этих привязанных к земле душ является обыкновенной некромантией.

Далее, существа, включенные во второй и третий классы — самоубийцы и жертвы несчастных случаев — не завершили естественного срока своих жизней; и, в результате этого, хотя они и не должны быть обязательно злыми, они все же привязываются к земле. Преждевременно изгнанная из тела душа пребывает в неестественном состоянии; первичный импульс, благодаря которому существо развивалось и было ввергнуто в эту земную жизнь, еще не исчерпал себя — и необходимый цикл не был завершен, но он должен быть тем не менее закончен.

И все же, хотя эти несчастные существа, вольные или невольные жертвы, и привязаны к земле, они все же лишь подвешены, так сказать, в поле магнетического притяжения земли. В отличие от первой группы, они не привязываются к живым существам из-за сильного стремления питаться их жизненной силой. Их единственное побуждение — слепое, поскольку они находятся в совершенно ошеломленном и оглушенном состоянии — это войти в круговорот перерождений как можно быстрее. Их состояние мы называем ложным *Bar-do* (периодом между двумя перевоплощениями). В зависимости от кармы — на которую

влияют возраст и заслуги человека в прошлом рождении — этот интервал будет длиннее или короче.

И только лишь некоторое непреодолимо сильное притяжение, такое как святая любовь к дорогому существу в великой опасности, может привести их, с их согласия, к живым существам; но месмерическая сила *Va-po* (некроманта) — это слово использовано преднамеренно, поскольку некромантические чары — *Dzu-tul*, или то, что вы называете месмерическим притяжением — может заставить их появиться перед нами. Такое призывание, однако, полностью отвергается теми, кто придерживается Благого Учения; ибо вызванная таким образом душа неминуемо совершает только злые дела, даже если это не она сама, а лишь ее образ, который был вырван или оторван от нее для того, чтобы стать привидением; из-за ее преждевременного отделения от тела в результате насилия, *jang-khog* (животная душа) все еще сильно нагружена материальными частицами, — поскольку не произошло естественного отделения крупных молекул от более мелких, — и некромант, искусственно завершая такое разделение, почти всегда заставляет ее страдать так же, как и любого из нас, если бы он снял с него кожу живьем.

Таким образом, вызывать существа первого класса — чрезвычайно зловредные души — опасно для живых; заставить появиться существа второго и третьего класса — крайне мучительно и жестоко по отношению к мертвым.

В том случае, если человек умер естественной смертью, существуют совершенно различные состояния; душа почти всегда, а в случае своей исключительной чистоты, полностью находится вне досягаемости некроманта; следовательно — и вне сферы деятельности круга вызывающих, или спиритуалистов, которые, сами того не осознавая, практикуют настоящий *Sang-nyag* некромантов, или магнетическое колдовство. В соответствии с кармой прошлого рождения, период скрытого состояния — обычно проходящий в оцепенении — будет продолжаться от нескольких минут до, как правило, нескольких недель, возможно, нескольких месяцев. В течение этого времени *jang-khog* (животная душа) готовится в торжественном спокойствии к своему перемещению либо в высшую сферу, — если она достигла своего седьмого человеческого локального уровня эволюции, — или к своему более высокому перерождению, если она еще не прошла последнего локального раунда.

При всем том, она не хочет и не обладает силой в это время для того, чтобы передать какую-либо мысль живым людям. Но после завершения этого периода скрытого существования новое эго в полном сознании вступает в блаженную страну

Девачан, — где рассеиваются все земные заблуждения, и перед его духовным взором в удивительной ясности проходят картины прошлой жизни, — тогда оно может, при внезапной встрече с теми, кого оно любило на земле и кто любил его, побудить к общению при помощи одного только притяжения любви духи живых людей, которые, возвращаясь в обычное состояние, воображают, что оно спускалось к ним.

Таким образом, мы радикально отличаемся от западных *Ro-lang-pa* (спиритуалистов) так же как и от того, что они видят и с чем вступают в общение в своих кругах и при помощи своей бессознательной некромантии. Мы говорим, что это лишь материальные отбросы, или лишенные духа останки умершего существа; то, что было выделено, отброшено и оставлено позади, когда его тонкие частицы перешли в загробную жизнь.

В них задерживаются некоторые фрагменты памяти и интеллекта. Безусловно, все это было когда-то частью существа и потому обладает некоторым интересом; но в действительности и на самом деле это не есть существо. Образованное из материи, пусть даже отчасти наполненной эфиром, оно должно быть рано или поздно вовлечено в водоворот, в котором существуют условия для его атомического уничтожения.

Другие принципы исчезают из мертвого тела. Несколькими часами позже второй принцип — принцип жизни — полностью угасает и обособляется от человеческой и эфирной оболочек. Третий — витальный двойник — в конце концов рассеивается, когда разрушаются последние частицы человеческого тела. Тогда остаются четвертый, пятый, шестой и седьмой принципы: тело воли; человеческая душа; духовная душа, и чистый дух, который является аспектом Вечного. Оба последних, соединяясь с личным эго или обособляясь от него, создают вечно длящуюся индивидуальность и не могут исчезнуть. Оставшееся переходит в состояние созревания — астральную душу и в то, что сохранилось в ней от воли перед разрушением физического тела.

Следовательно, для любого сознательного действия в этом состоянии требуется квалификация адепта или сильная, непреходящая, возвышенная и святая любовь к тому, кого умерший оставил на земле; так как в другом случае астральное эго либо становится бхутом, — *ro-lang* по-тибетски, — либо приступает к дальнейшему перемещению в высшие сферы.

В первом случае лха, или "человеко-дух", может проживать среди живых людей неопределенное время по своему

собственному выбору; во втором случае так называемый "дух" будет жить и задержит свое окончательное перемещение лишь на небольшой период времени; желаемое тело удерживается в плотном состоянии пропорционально силе любви, которую испытывает душа, и ее нежеланию расстаться с любимыми существами.

При первом же ослаблении воли оно разрушится, постепенно утрачивая свою индивидуальность и все воспоминания о ней, поднимаясь в высшие области. Таково учение. Никто не может защитить смертных, кроме одних только избранных, "достигших", "*Byang-tsiub*", или "бодхисаттв", — тех, кто проник в великую тайну жизни и смерти, — поскольку они способны по своей воле продлить свое пребывание на земле после "смерти". Используя простонародную фразеологию, такие защитники должны "рождаться вновь и вновь" для блага человечества.

Если бы спиритуалисты, вместо того чтобы наделять силой "контролирующих" и "руководящих" живых личностей каждого духа, называющего себя "Джоном" или "Питером", ограничились бы способностями перемещения и воздействия, свойственные немногочисленным избранным чистым мужчинам и женщинам, лишь кругом таких бодхисаттв или святых посвященных — рожденных на земле буддистами или христианами, брахманами или мусульманами — и, в исключительных случаях, святыми и безгрешными людьми, которые имеют некое устремление, некую поистине благотворную миссию, которую они должны выполнить после своей кончины, — тогда они были бы ближе к истине, чем они находятся сегодня.

Приписывать сакральное превосходство (как они это делают) каждому "элементария" или "элементалу", вырядившемуся в одолженный плюмаж и появившемуся для цели не более достойной, чем просто сказать: "Как поживаете, м-р Снукс?" и пить чай с тостами, — это кощунственная и весьма прискорбная точка зрения для того, кто обладает интуитивным ощущением величественной сакральности таинства физического перемещения, не говоря уж об учении адептов.

Далее делла Пенна пишет:

"Эти *chang-chub* (ученики высшего святого) еще не стали святыми, но они овладели в высшей степени пятью добродетелями — милосердием, как мирским, так и духовным, ясным пониманием закона, великим терпением, великим усердием в работе по совершенствованию, и наиболее возвышенным созерцанием".

Мы хотели бы знать, каким образом они могли бы овладеть всеми этими качествами, и особенно последним — трансом — если они физически мертвы?!

Эти *chang-chub* завершили свой путь и освободились от последующих трансмиграций, переходя из тела одного лама в тело другого; но лама [имеется ввиду далай-лама] всегда наделен душой того же самого *chang-chub*, хотя последний и может пребывать в телах других существ для пользы живых, чтобы обучать их Закону, — что и является причиной их нежелания становиться святыми, поскольку тогда они не будут иметь возможность наставлять их. Движимые жалостью и состраданием, они хотят остаться *chang-chub*, чтобы учить живых людей Закону, позволяющему им побыстрее завершить трудный путь своих перерождений. Кроме того, если эти *chang-chub* пожелают, они свободны перемещаться в те или иные миры, и в то же самое время перемещаться в другие места с той же целью.

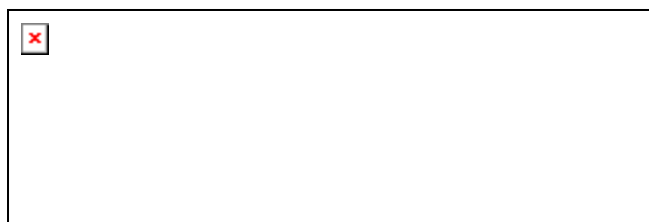
Это довольно запутанное описание содержит в своем внутреннем значении два факта: во-первых, что тибетские; буддисты — мы говорим об образованных классах — не верят в возвращение духов умерших, если душа не стала на земле столь чистой, что сотворила в себе состояние бодхи-саттвы (высшей степени совершенства, следующей за состоянием будды), и даже святые, в обычном понимании этого термина, неспособны руководить живыми или учить их после своей смерти; и, во-вторых, что отрицая теории о творении, Боге, душе — в их христианском и спиритуалистическом смысле — и о дальнейшей жизни индивидуальности после смерти, они все же наделяют человека такими возможностями его воли, что именно от него становится зависящим — стать ли бодхисаттвой и обрести силу для того, чтобы регулировать свои будущие состояния либо в физической, либо в полуматериальной форме.

Ламаисты верят в неразрушимость материи, как некоего элемента. Они отрицают бессмертие и даже выживание *персонального* эго, и учат тому, что лишь одно только *индивидуальное* эго — то есть, составной агрегат многочисленных персональных эго, которыми было представлено это Единое в течение долгой серии разнообразных существований — может выжить после смерти. Последнее может даже стать вечным — слово "вечность", употребляемое в этой связи, охватывает лишь период великого цикла, — вечным в своей целостной индивидуальности, но это может быть достигнуто только путем становления дхиан-

коганом, "небесным буддой", или тем, кого христианские каббалисты могли бы назвать "планетарным духом", или одним из элохим; некой частицей "сознательного целого", состоящего из совокупности разумов в их универсальном единстве, в то время как нирвана является "бессознательным целым". Тот, кто становится *Tong-ra-nui* (тем, кто достиг состояния абсолютного освобождения от любого желания личного бытия, высшего состояния святости), пребывает в не-существовании и больше неспособен приносить пользу смертным. Он есть "*Nipang*", ибо он достиг конца "*Thar-lam*", пути освобождения или спасения от перевоплощений. Он не может совершать *Tul-ra* (произвольное воплощение, временное или на срок всей жизни) в тело живого человеческого существа; ибо он является "*Dang-ma*", полностью Очищенной душой. С этого времени он освобожден от опасности "*Dal-jor*", человеческого перерождения, поскольку семь форм существования — лишь шесть из них доступны непосвященному, — подверженных трансмиграции, были благополучно пройдены им. "Он с безразличием взирает в каждой из сфер пути восхождения в течение всего периода времени, охватывающего краткие периоды личного существования", — говорит Книга *Khiu-ti*.

Но, так как "необходимо большое мужество для того, чтобы принять бытие вместо небытия, жизнь вместо смерти", существуют и такие среди бодхисаттв и лха — "и их можно встретить столь же редко, как цветы удамбара", — кто по своей воле отказывается от блаженства достижения совершенного освобождения и остается в своем персональном эго либо видимым, либо невидимым для человеческого взгляда, чтобы помогать своим бедным братьям и учить их.

Некоторые из них продолжают свою жизнь на земле, хотя и не до какого-то сверхъестественного предела; другие становятся "дхиан-коганами", классом планетарных духов, или "дэвов", которые, будучи, так сказать, ангелами-хранителями людей, являются единственным классом из семеричной иерархии духов в нашей системе, которые сохраняют свою персональность. Эти святые лха, вместо того, чтобы наслаждаться плодами своих деяний, приносят себя в жертву в невидимом мире, как господь *Sang-gyas* (Будда) сделал это на земле, и остаются в Девачане — мире блаженства, наиболее близком к земле.

КИТАЙСКИЕ ДУХИ

Нижеследующие заметки были заимствованы отчасти из старой работы одного французского миссионера, который прожил в Китае около сорока лет; отчасти из очень любопытной неопубликованной работы одного американского джентльмена, любезно предоставившего автору свои записи; и отчасти из информации, переданной аббатом Хуком шевалье де Мюссе и маркизу де Мирвилю, за точность которой отвечают два последних джентльмена. Однако большая часть фактов была предоставлена китайским джентльменом, уже несколько лет проживающим в Европе.

Человек, в соответствии с представлениями китайца, состоит из четырех корневых субстанций и трех приобретенных "подобий". Это магическая и универсальная оккультная традиция, возникшая в древности, происходит из тьмы времен. Один латинский поэт обнаруживает тот же самый источник информации в своей стране, утверждая, что:

Bis quo sunt hominis: manes, caro, spiritus, umbra;

Quatuor ista loca bis duo suscipiunt.

Terra tegit carnem, tumultum circumvolat umbra,

Orcus habet manes, spiritus astra petit.

Призрак, который был известен и описан в Небесной Империи, является совершенно ортодоксальным в соответствии с оккультными учениями, хотя в Китае и существовало несколько теорий о нем.

Человеческая душа, согласно главному (храмовому) учению, помогает человеку стать разумным существом, но она не является ни простой (гомогенной), ни духовной; это смесь всего, что является тонким по своей сущности. Такая "душа"

разделяется по своей природе и действию на две принципиальные части: ЛИНГ и ХУЭН. Из них *линг* больше приспособлен для духовных и интеллектуальных действий, и имеет над собой "высший" *линг*, или душу, являющуюся божественной. Кроме того, помимо объединения низшего *линг* и *хуэн* в течение человеческой жизни формируется третье, смешанное существо, пригодное и для интеллектуальных, и для физических процессов, для добра и зла, в то время как *хуэн* является абсолютно дурным. Таким образом, в этих двух "субстанциях" мы имеем четыре принципа, которые, очевидно, соотносятся с нашим буддхи, божественным "высшим" *линг*; манасом, низшим *линг*, чей двойник, *хуэн*, означает камарупу — тело страсти, желания и зла; и поэтому наше "смешанное существо" представляет собой результат и является потомком *линг* и *хуэн* вместе взятых — "майяви", астральным телом.

Здесь мы приходим к определению третьей корневой субстанции. Она связана с телом только в течение жизни, причем тело является четвертой субстанцией, чистой материей; и после смерти последнего, отделяя себя от трупа — но не раньше его полного распада, — она бесследно исчезает, как тень, вместе с последней породившей ее частицей субстанции. Это, безусловно, прана, жизненный принцип, или витальная форма. Когда человек умирает, происходит следующее: "высший" *линг* восходит на небеса — в нирвану, рай Амитабха, или любую другую область блаженства в соответствии с тем, к какой секте принадлежит китаец, — унесенный Духом Дракона Мудрости (седьмой принцип); тело и *его* принцип постепенно исчезают и уничтожаются; остаются *линг-хуэн* и "смешанное существо". Если человек был добрым, то "смешанное существо" также исчезает через некоторое время; если человек был злым и полностью находился под властью *хуэн*, принципа абсолютного зла, тогда последний превращает его "смешанное существо" в *куэйс* — что соответствует представлениям католиков о проклятой душе,¹ — и, наделенный ужасной жизненной силой и мощью, *куэйс* становится *alter ego* (вторым я, *лат.*) и исполнителем *хуэн* во всех его злонамеренных деяниях. *Хуэн* и *куэйс* объединяются в призрачное, но имеющее силу единство, и могут, разделяясь по своей воле и действуя в двух различных местах одновременно, творить ужасное зло.

Куэйс — это *anima damnata* (проклятая душа, *лат.*) добрых миссионеров, сделавших, таким образом, из миллиардов умерших "некрещеных" китайцев армию дьяволов, которые,

если рассматривать их имеющими материальную субстанцию, должны теперь занимать пространство между землей и луной и чувствовать себя столь же непринужденно, как селетки в консервной банке.

"Куэйс, будучи по своей сущности злобными", — говорится в *Mémoire*, — "делают все то зло, на которое они способны. Занимая промежуточное положение между человеком и животным, они имеют свойства обоих, обладая всеми пороками человека и всеми опасными инстинктами животного. Приговоренные к тому, чтобы не подниматься выше нашей атмосферы, они собираются вокруг могил, поблизости от шахт, болот, низин и боев, везде, где обнаруживается гниение и распад. Эманации последних являются их любимой пищей, и именно с помощью таких элементов и атомов, и трупных испарений, они создают для себя видимые и фантастические фигуры для того, чтобы приводить людей в ужас... Эти несчастные духи с иллюзорными телами постоянно ищут средство, чтобы люди не смогли получить спасение" (то есть, получить крещение), "...и толкают их на то, чтобы они стали проклятыми, как и они сами" (стр. 222, *Mémoires concernant l'histoire, les sciences, les arts, les mœurs, etc., des Chinois, par les Missionnaires de Pékin*, 1791).²

1 После смерти духовная часть *линг* становится *чен* (божественной и святой), чтобы стать *хиен* — абсолютным святым (нирваническим, после полного объединения с "Драконом Мудрости").

2 В соответствии с наиболее древними магическими учениями, смерть от насилия и оставление тела на земле, вместо его погребения или сожжения, приносит за собой беспокойство и боль для *астрального тела* (линга шарира), умирающего только после распада последней частицы материи, из которой состояло тело. Говорят, что колдун или черный маг всегда пользуется этим знание для некромантических или иных греховных целей. "Колдуны предлагают неуспокоенным душам разлагающиеся останки животных для того, чтобы вынудить их проявиться" (см. "Жертвоприношения" Порфирия). Святой Афанасий был обвинен в черной магии, ибо он сохранил руку епископа Арсения для совершения магических действий. "Patet quod

animas illa; quas, post mortem, adhuc, relictis corpora diligunt, quemadmodum ahimaeae sepultura carentium, et adhuc in túrbido illo humidoque spiritu [духовное, или флюидное тело, *хуэн*] circa cadavera sua oberrant, tanquam circa *cognatum* aliquod eos alliciens", и так далее. См. "Оккультную философию" Корнелия Агриппы, стр. 354-355; "Le Fantôme Humain" де Мюссе. Гомер и Гесиод многократно описывали подобные вызывания духов. В Индии подобное практикуется и по сей день некоторыми *тантриками*. Таким образом, современное колдовство, так же как и белая магия, оккультизм и спиритуализм, с их ответвлениями — месмеризмом, гипнотизмом и т. д., показывают, что их учения и методы связаны с таковыми же во времена высокой античности, поскольку те же самые идеи, верования и практики обнаруживаются как сегодня, так и в древней Арьяварте, Египте и Китае, Греции и Риме. Прочитайте трактат П. Тири "Loca Infesta", полезный и правдивый в отношении фактов, однако ошибочный в том, что касается авторских заключений, и вы обнаружите, что места, наиболее благоприятные для вызывания духов, — это место, где было совершено убийство, кладбище, пустырь, и т. д.

Вот как наш старый друг, аббат Хук, лазарист, лишенный сана за то, что он вывел происхождение некоторых ритуалов римского католицизма из Тибета и Индии, описывает *хуэн*. "Что такое *хуэн* — это вопрос, на который сложно дать ясный ответ... Это, если угодно, нечто неопределенное, нечто промежуточное между *духом, гением и витальностью*" (см. "Путешествие в Китай" Хука, том 2, стр. 394). Он, по-видимому, рассматривает *хуэн* как нечто совершающее воскрешение посредством притяжения к нему атомической субстанции тела, которое таким образом будет воссоздано в момент воскрешения. Это вполне отвечает христианской идее о воскрешении одного тела и только *одной* индивидуальности. Но если *хуэн* должен объединить в этот день все тела монады, которые она пережила и в которых обитала, тогда даже это "очень хитрое создание" может почувствовать себя не совсем пригодным для такого случая. Однако — так как в то время как *линг* погружается в блаженство, его *экс-хуэн* остается за пределами счастья и страдания — очевидно, что *хуэн* и

"элементарий" идентичны. Поскольку несомненно, что если бы бестелесный человек обладал способностью пребывать в одно и то же время в девахане и в камалоке, откуда он мог бы являться нам, возникая иногда в комнате для сеансов или где-либо еще, то человек (как это было показано на примере *линга* или *хуэна*) обладал бы двойной способностью переживания *одновременного и различного ощущения* двух противоположностей — *блаженства и мучения*. Древние хорошо понимали абсурдность такой теории, зная, что никакое абсолютное блаженство невозможно там, где есть малейшая примесь страдания; допуская, что высшее эго Гомера пребывает в *Элизиуме*, они представляли плачущим в Ахерусии не более чем [подобие] поэта, его пустой и обманчивый образ, или то, что мы называем "оболочкой ложной индивидуальности".¹

В каждом человеке существует лишь *одно* истинное эго, и оно необходимым образом должно пребывать в том или ином месте, в блаженстве или печали.²

1 См. Лукреций: "О природе вещей", I, 1, где он называет это *simulacrum*.

2 Хотя античность (как и эзотерическая философия), по-видимому, подразделяет душу на божественную и животную, *anima divina* и *anima bruta*, называя первую *ноус*, а вторую — *френ*, все же она считалась лишь дуальным аспектом единого. Диоген Лаэртский ("De Vit. Ciar. Vire.", I, 8, 30) приводит общее принятое убеждение, что животная душа, *френ* — *φρην*, более известная как диафрагма — пребывает в желудке, причем Диоген называет *anima bruta* — *θυμος*. Пифагор и Платон также производили подобное разделение, называя божественную, или разумную, душу *λογον*, а неразумную — *αλογον*. Эмпедокл наделяет людей и животных дуальной душой, а не двумя душами, как полагают. Тео софы и оккультисты подразделяют человека на семь принципов и говорят о божественной и животной душе; но они добавляют, что Дух является единым и неделимым, и все эти "души" и принципы — лишь его аспекты. Один Дух бессмертен, бесконечен и представляет собой единственную реальность, — все остальное

мимолетно и преходяще, это иллюзии и заблуждения. Де Мюссе сильно разгневался на покойного барона дю Поте, который поместил разумный "дух" в каждый из наших органов, просто потому, что он неспособен ухватить идею, выраженную бароном.

Возвращаясь к *хуэну*, он, как говорят, терроризирует людей; в Китае "этот ужасный призрак" беспокоит живых людей, *проникая* в дома и закрытые помещения, и *овладевает* людьми, точно так же ведут себя и "духи" в Европе и Америке, — причем *хуэны* детей проявляют еще большую агрессию, чем *хуэны* взрослых. Эта вера в Китае столь сильна, что когда они хотят избавиться от хуэна ребенка, они заводят его подальше от дома, надеясь таким образом сбить с его толку и заставить потерять дорогу в их дом.

Так как *хуэн* — это флюидное или газообразное подобие своего умершего тела, судебные медицинские эксперты используют это подобие в случаях подозрения в убийстве для выяснения истины. Формула, используемая для вызывания *хуэна* человека, умершего при подозрительных обстоятельствах, была официально принята, и к этому средству прибегали довольно часто, согласно Хуку, который рассказывал де Мюссе (см. *"Les Médiateurs de la Magie"*, стр. 310), что ведущий дело судья, после того, как он совершил вызывание духа около трупа, использовал уксус, смешанный с некоторыми таинственными ингредиентами, как поступил бы и любой другой некромант. *Хуэн*, при появлении, всегда был подобием жертвы, такой, какой *она была* в момент смерти. Если тело было сожжено прежде, чем оно было *допрошено*, то *хуэн* воспроизводит на *своем* теле раны и ожоги, полученные убитым человеком, — преступление доказано, и правосудие делает заявление об этом. Священные книги, хранящиеся в храмах, содержат полные формулы таких вызываний, и даже имя убийцы может быть вытянуто из услужливого *хуэна*. Однако в этом китайцы следуют за христианскими народами. В средневековье судьи помещали предполагаемых убийц перед жертвами, и если в этот момент кровь начинала струиться из открытых ран, это рассматривалось как знак того, что обвиняемый является преступником. Эта вера сохранилась до наших дней во Франции, Германии, России и во всех славянских странах.

"Раны убитого человека вновь откроются при приближении его убийцы", — говорится в книге по юриспруденции (Бинсфельд, *"De Conf. Malef."*, стр. 136).

"Хуэн не может быть ни похоронен, ни утоплен; он путешествует *над поверхностью* земли и предпочитает находиться дома".

В провинции Хонань учение отличается. Делаплейс, епископ Китая,¹ рассказывает о "языческом Китае" наиболее удивительные истории относительно этого вопроса. "Они говорят, что каждый человек имеет внутри себя три *хуэна*. Во время смерти один из *хуэнов* воплощается в тело, которое он для себя выбирает; другой остается в семье и с семьей, и становится *ларом*; а третий сторожит могилу своего тела. В честь последнего жгутся бумаги и воскуряются благовония как жертвоприношения *манам*; домашний *хуэн* обитает в семейных памятных табличках, среди выгравированных иероглифов, и ему также предлагаются жертвоприношения, *хьянги* (палочки благовоний) зажигаются в его честь, и для него готовится трапеза; в этом случае эти два *хуэна* остаются спокойными", — если **они принадлежат взрослому человеку**, *nota bene* [следует заметить, *лат.*].

1 *"Annales de la propagation de la foi"*, № 143, июль, 1852.

Далее следует серия ужасающих историй. Если мы прочитаем всю литературу о магии, от Гомера до Дюпотэ, мы везде обнаружим утверждения подобного рода: Человек является *троичным*, а эзотерически *семеричным*, и состоит из души" разума и эйдолона, и эти три (в течение жизни) есть одно. "Я называю душевным идолом ту силу, которая оживляет и управляет телом, от которой происходят чувства и через которую душа проявляет силу чувств и ПИТАЕТ ТЕЛО ВНУТРИ ДРУГОГО ТЕЛА" ("Magie Dévoilée" Дюпотэ, стр. 250).

"Triplex unicuique homini dæmon, bonus est proprius custos", — говорит Корнелий Агриппа, от которого Дюпотэ взял идею "одухотворенного *идола*". Ибо Корнелий пишет: *"Anima humana constat mente, ratione et idolo. Mens illuminat rationem; ratio fluit in idolum; idolum autem animæ est supra naturam quæ corporis et animæ quodam modo nodus est. Dico autem animæ idolum, potentiam illam VIVICATIVAM et rectricem corporis"*

sensuum originem, per quam ... alit in corpore corpus" ("Оккультная философия", стр. 357-358).

Таков китайский *хуэн*, если мы лишим его нароста обывательских предрассудков и фантазий. Тем не менее, замечание брахмана, сделанное в обзоре "Павший идол" ("Тео-софист", сентябрь 1886 г., стр. 793), — как бы ни относился к нему сам автор, — что "если точно и во всех деталях не следовать правилам [или математическим пропорциям и измерениям], *идолом* может овладеть какой-либо могучий злой дух", — вполне справедливо. И так как моральный закон природы — двойник закона математического, то, если законы гармонии в мире причин и следствий не соблюдаются в течение жизни, то наш *внутренний* идол способен превратиться в злого демона (*бхута*) и попадет во власть других "злых" духов, которых мы называем "элементариями", хотя сентиментальные невежды рассматривают их почти как богов.

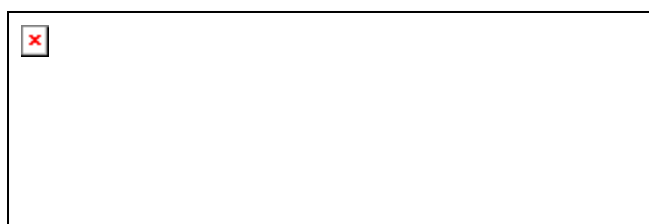
Между ними и теми, кто подобно де Мюссе и де Мирвилю написали тома — целую библиотеку! — чтобы доказать, что, за исключением немногочисленных видений в Библии и у некоторых почитаемых христианских святых и благочестивых католиков, никогда не было призрака, привидения, духа или "бога", который, появившись, не был бы выдан ими за *самозванца* и *узурпатора* — за Сатану, короче, одного из их маскарадов, — таков долгий путь и таковы широкие границы для изучающего оккультные законы и эзотерическую философию. "Бог, который ест и пьет, и принимает жертвоприношения и поклонение, может быть лишь злым духом", — доказывает де Мирвиль. "Тела злых духов, бывших ангелов, выродились из-за их падения и приобрели свойства уплотненного воздуха" [эфира?], — учит де Мюссе ("*Le Monde magique*", стр. 287). "И в этом причина их аппетита, когда они пожирают еду заупокойной трапезы, которую китайцы ставят перед ними чтобы умиловить их; они — демоны".

Хорошо, если мы вернемся назад к предполагаемым истокам иудаизма и еврейского народа, мы обнаружим *ангелов* света, делающих все то же самое, — если "хороший аппетит" считать признаком сатанинской природы. И тот же самый де Мюссе неосознанно ставит ловушку, как для себя, так и для своей религии. "Смотрите", — восклицает он, — "ангелы Божий спустились под зеленые кроны деревьев рядом с шатром Авраама. Они с *аппетитом* ели хлеб и мясо, масло и молоко,

приготовленные для них патриархом" (Бытие, 18:2, и далее). Авраам зажарил целого "теленка, нежного и хорошего" (стих 7 и 8); испек лепешки, и, кроме того, подал молоко и масло. Был ли их "аппетит" более *божественным*, чем у "Джона Кинга", который пил чай с ромом и поедая тосты в комнате некоего английского медиума, или же чем аппетит китайского *хуэна*!

Нас уверяют, что церковь сама может разобраться в этом; что она знает разницу между этими тремя и судит по их телам. Давайте посмотрим. "Последние [библейские] являются истинными, подлинными духами"! Без всякого сомнения (*поистине*), это ангелы, доказывает де Муссо. "Это тела, которые, расширяясь, могли бы, несомненно, стать прозрачными вследствие исключительной тонкости своей субстанции, затем раствориться, утратить цвет, стать все менее и менее видимыми, и, наконец, полностью исчезнуть из нашего поля зрения" (стр. 388).

Нас уверяют, что на это способен "Джон Кинг", и, без сомнения, пекинский *хуэн*. Кто или что в этом случае может научить нас различению, если мы не умеем изучать непрерывные свидетельства классиков и теургистов, и пренебрегаем оккультными науками?

Мысли ОБ ЭЛЕМЕНТАЛАХ

Автор посвятил долгие годы изучению этих невидимых существ — сознательных, полусознательных и полностью нечувствительных, — называемых многими именами во всех странах света и известных под общим названием "духи". Наименования, относящиеся к этим обитателям добрых и злых миров в одной римско-католической церкви бесчисленны. Великая кириология их символических имен это еще предмет

изучения. Откройте любое сообщение о творении в первой же Пуране, какая окажется под рукой, и вы увидите разнообразие имен, которыми наделены эти божественные и полубожественные создания (произошедшие в результате первого и второго творения *пракриты* и *вайкриты*, или *падмы*), которые развились из тела Брахмы. Только *урдхвашроты*,¹ третье творение, объемлют в себе разнообразие существ с характерными чертами и особенностями, достаточными для того, чтобы посвятить их изучению целую жизнь.

1 Урдхвашроты, боги, называемые так потому, что один вид пищи поддерживает их вместо самой еды; "ибо они довольствуются всего лишь созерцанием амброзии", говорит комментатор Вишна-Пураны.

То же самое наблюдается в египетских, халдейских, греческих, финикийских или любых других описаниях. Множества этих созданий неисчислимы. Известно, что древние язычники, и особенно александрийские неоплатоники, проводили различие между их отдельными группами. Никто не рассматривал их с такой сектантской точки зрения, как это делает христианская церковь. Напротив, они поступали с ними намного мудрее, так как они проводили более тщательное и правильное различие между характерами этих существ, чем это делали отцы церкви. В соответствии с мнением последних, все те ангелы, которые не признавались слугами еврейского Иеговы, провозглашались *дьяволами*.

Последствия этой веры, в дальнейшем переросшей в догму, мы обнаруживаем сегодня в карме многих миллионов спиритуалистов, принятых и воспитанных в духе общепризнанных верований их церквей. Хотя спиритуалист может оттолкнуть от себя на несколько лет теологические и клерикальные верования; хотя он может быть либеральным или нелиберальным христианином, деистом или атеистом, весьма мудро отрицающим веру в дьяволов, и слишком разумным, чтобы рассматривать своих "гостей" как чистых ангелов, и думать, что он придерживается общепринятых оснований, — все же он не будет признавать иных духов, кроме духов умерших людей.

Это и его *карма*, а также и *карма* церкви. В последней такой упрямый фанатизм, такая *parti pris* [предвзятость мысли] вполне естественны; это ее политика. В свободном

спиритуализме — это непростительно. Не может быть двух мнений по этому вопросу. Это либо вера в существование каких-либо "духов", либо их полное отрицание. Если человек является скептиком и неверующим, нам нечего сказать ему. Как только он поверит в голоса и духов вообще — ситуация изменится. Если этот мужчина или эта женщина свободны от предубеждений и предвзятости, кто же может поверить, что в бесконечной вселенной жизни и бытия — скажем, в одной солнечной системе, — что в этом безграничном пространстве, в котором спиритуалисты размещают свой "Саммерленд", существуют лишь *два вида сознательных существ* — люди и их духи; обладающие телами смертные и бестелесные бессмертные.

Будущее держит про запас для человечества удивительные сюрпризы, и теософия, или скорее ее последователи, будут полностью оправданы в не столь уж отдаленные времена. Нет смысла спорить о вопросе, который был столь полно обсужден теософами и принес лишь посрамление, преследования и ненависть к пишущим на эту тему. Поэтому мы не будем сходить с нашего пути и повторяться. Элементалы и элементарии каббалистов и теософов были достаточно осмеяны. От Порфирия до демонологов прошлого столетия предоставлялся факт за фактом, одно доказательство громоздилось на другое, но с тем же эффектом, какой бывает от рассказа сказочной истории в детской.

Эксцентричная книга о похождениях графа де Габалиса, увековеченная аббатом де Вилларом, была вновь переведена и напечатана в Бате. Тем, кто имеет склонность к юмору, предлагается прочитать ее и поразмышлять о ней. Такой совет дается нами с целью проведения параллели. Я прочитала ее много лет назад, и перечитала ее теперь снова с много большим вниманием, чем в первый раз. И мое скромное мнение в отношении этого труда — если кто-нибудь соблаговолит выслушать его — это то, что кто-то может месяцами искать и никогда не обнаружить линию разграничения между "духами" комнат для спиритических сеансов и сильфами и ундинами французской сатиры.

Существует зловещий разомкнутый круг в веселых замечаниях и островах ее автора, который, в то время как он высмеивает то, во что верит, вероятно, имеет предчувствие своей скорой *кармы*,¹ которая будет иметь вид убийства.

1 Этот труд был опубликован в Париже в 1670 году, а в 1675 году автор был жестоко убит по дороге в Лион из Лангведока, своей родины.

Достоин внимания его введение к "Графу де Габалису".

"Я был весьма удивлен в один Замечательный День, когда я увидел человека, вошедшего с чрезвычайно взволнованным видом; он важно поприветствовал меня, сказав мне по-французски с акцентом иностранца: "Поклонись моему сыну; поклонись самому великому Богу мудрецов; и пусть *твое эго не станет самодовольно наполненным гордостью от того, что он посылает тебе одного из детей мудрости, принимает тебя в члены их общества, и делает тебя обладателем чудес всемогущества*".¹

1 В "Истории духов" в главе "Субмандейны, или элементарии каббалы", Роберт Г. Фрайер цитирует аббата де Виллара, физио-астро-мистика, в который утверждает, что на земле действительно существуют разумные существа помимо человека. Бат, 1886.

Лишь одно может послужить в качестве ответа тем, кто ради своей выгоды использует такого рода материал для высмеивания оккультизма. "Сервитиссимо" дается самим аббатом де Вилларом в "Послании к милорду" в виде иронического введения к вышеупомянутой работе.

"Я настоятельно порекомендовал бы ему (автору "Габалиса") в корне изменить форму его повествования, ибо шутливая манера, присущая автору, не кажется мне уместной в данном случае. Эти мистерии каббалы представляют собой серьезные вещи, которые многие из моих друзей серьезно изучают ... насмехаться над которыми безусловно опасно".

Verbum sat sapienti [Для умного достаточно].

Они "опасны", совершенно верно. Но с тех пор, как история начала накапливать мысли и факты, одна половина человечества всегда глумилась над другой половиной и высмеивала ее наиболее чтимые верования. Это, тем не менее, не может превратить факт в выдумку, или не может уничтожить сильфов, гномов или ундин в природе; ибо последние в союзе с саламандрами могли много легче уничтожить неверящих или нанести ущерб страховым компаниям, невзирая на то, что они верят в мстительных

саламандр еще меньше, чем в огонь, который возникает благодаря случайности и несчастью.

Теософы верят в духов не меньше, чем спиритуалисты, но, в духов, столь же различающихся в своем многообразии, как и пернатые обитатели неба. Среди них есть кровожадные ястребы и летучие мыши-вампиры, так же как голуби и соловьи. Они верят в "ангелов", ибо многие видели их

...в изголовье постели больных;
Их походка легка, голос мягок и тих.
И пока дух истерзанный бьется, как свеча на ветру,

—

За жизнь его со смертью они ведут борьбу!

Но они не были трехпалыми материализациями современного медиума. И если бы все наши доктрины были сделаны из "шутки" де Виллара, они не могли бы противоречить утверждениям оккультистов о том, что их учение — это *исторические и научные факты*, в каком бы одеянии они не представляли перед взором непосвященного. С тех пор, как первые короли начали править "по милости Бога", миновали бесчисленные поколения шутов, предназначенных для развлечения их высочеств и величеств; и большинство этих недостойных людей имели больше мудрости в основании своих горбов и на кончиках своих пальцев, чем все их королевские хозяева вместе взятые имели в своих безмозглых головах. Лишь они имели неоценимую привилегию говорить *истину* при дворе, и над этими истинами всегда смеялись...

Это отступление; но такие работы, как "Граф де Габалис", должны быть спокойно проанализированы, и должен быть показан их истинный смысл для того, чтобы они не превратились в "кувалду" для разбивания тех работ, которые не допускают юмористического тона в отношении мистических, или даже священных, предметов, и говорят то, что они должны сказать. Утверждают, что больше истины содержится в остроумных *шутках* и *хвастовстве* этой "сатиры", полной оккультных и истинных фактов, чем хотело бы это признать большинству людей.

Одного-единственного факта, приведенного в качестве примера и существующего в настоящее время среди медиумов, будет достаточно для того, чтобы доказать нашу правоту.

Ранее говорилось, что белая магия очень мало отличается от колдовской практики, за исключением своих *последствий* и

результатов — добрых или злых побуждений. Многие из предварительных правил и условий, необходимых для вступления в общество адептов, также идентичны во многих отношениях независимо от того, идет ли речь о левом или о правом путях. Так, "Габалис" говорит автору:

Мудрые никогда не примут тебя в свое общество, если ты не откажешься с этого самого момента от вещи, которая не выносит соревнования с мудростью. Вы должны отказаться от всех плотских отношений с женщинами (стр. 27).

Это *sine qua non* [необходимое условие] для *практикующих* оккультистов — розенкрейцеров или йогов, европейцев или азиатов. То же самое для *дугна* и *фаду* из Бутана и Индии, для *вуду* и *нагуалей* из Нового Орлеана и Мексики,¹ с некоторыми дополнениями в последнем случае. И они могут иметь телесные отношения с мужскими и женскими джиннами, элементалами, или демонами, называемыми любым именем по вашему усмотрению.²

"Я не буду объяснять тебе ничего, кроме принципов древней каббалы", — говорит Габалис своему ученику. И он сообщает ему, что элементалы (которых он называет *элементариями*), населяющие четыре элемента, а именно сильфы, ундины, саламандры и гномы, живут много веков, но их души не являются бессмертными. "По отношению к Вечности ... они должны в конце концов превратиться в ничто"... "Наши отцы, философы", — продолжает *soi-disant* [так называемый] розенкрейцер, — "говоря с Богом лицом к лицу, жаловались ему на несчастье этого народа (элементалов), и Бог, чье милосердие безгранично, объявил им, что представляется возможным найти средство против этого зла. Он внушил им, что таким же образом, как человек был сделан участником божественного благодаря тому союзу, который он заключил с Богом, так же и сильфы, гномы, нимфы и саламандры тоже могут быть сделаны участниками бессмертия посредством союза, который они могут заключить с человеком. Так, нимфа или сильфида становится бессмертной и способной к блаженству, к которому мы стремимся, *если ей удастся выйти замуж за мудреца*; гном или сильф перестанет быть смертным с того момента, когда он женится на одной из наших дочерей".

¹ Мы говорим здесь о хорошо известных древних законах колдовства в Азии, так же как демонологии — в Европе. Ведьма должна была отказаться от своего мужа, а колдун — от своих супружеских

прав в отношении своей законной человеческой жены, так же как дугпа по сей день отказывается от отношений с живыми женщинами; то же делает новоорлеанский *вуду*, когда он совершает ритуал. Каждый каббалист знает это.

2 Еврейский каббалист из Польши и Галиции, желающий отомстить, призывает женский дух *нергала помочь ему и вселить в него силу*, мусульманский колдун призывает женскую *джини*, а русский колдун — *ведьму*. Китайский злой колдун имеет в своем доме и под своим началом женскую *гу-ен*. Считается, что эти связи придают *магическую мощь и высшую силу*.

Подойдя к этому щекотливому вопросу практического колдовства, "мудрец" заключает следующим образом:

"Нет, нет! Наши мудрецы никогда не ошибались так, чтобы приписывать падение первых ангелов их любви к *женщинам*, или утверждать, что они толкнули мужчин во власть Дьявола... Во всем этом не было ничего криминального. Они были *сильфами*, которые попытались стать бессмертными. Их невинные занятия, достаточно далекие от того, чтобы шокировать философов, появились специально для нас, чтобы мы могли путем всеобщего совета полностью отказаться от женщин; и полностью *отдать себя тому, чтобы обессмертить* нимф и *сильфов*" (стр. 33).

И так же поступают некоторые медиумы, особенно в Америке и во Франции, которые хвастаются тем, что они являются мужьями или женами духа. Мы лично знаем таких медиумов, мужчин и женщин, *и невозможно отрицать этот факт*, столь еще свежий в памяти и имеющий отношение к нашим коллегам и единоверцам, которые избежали смерти или безумия только став теософами. Лишь следуя нашему совету, они смогли окончательно избавиться от своих "духовных супругов" того или иного пола.

Должны ли мы в данном случае сказать также, что это все клевета и выдумка? Пусть в таком случае те посторонние, кто вместе со спиритуалистами не склонны видеть в этих общениях днем и ночью с "духами мертвых" ничего, кроме невинного времяпрепровождения, попробуют понаблюдать. Пусть те, кто смеется или насмехается над нашими предостережениями и учением и потешается над нами, объяснят с помощью беспристрастного анализа тайну и смысл таких фактов, как наличие в мозгу некоторых медиумов и

сенситивов представления о том, что они на самом деле состоят в браке с мужскими или женскими духами. Объяснения лунатизма и галлюцинации ничего не дадут, если их поставить лицом к лицу с *неопровержимыми фактами МАТЕРИАЛИЗАЦИИ ДУХА*. Если существуют "духи", способные пить чай и вино, есть яблоки и печенье, целовать и касаться посетителей комнаты для спиритических сеансов, и все эти факты доказаны так же, как и существование самих этих гостей, — *почему те же самые духи не могут также выполнять и супружеские обязанности?* И кем являются эти "духи", и какова их природа? Пусть нам говорят спиритисты, что привидения мадам де Севиньи, или Дельфины (мы воздерживаемся от упоминания ее фамилии из-за того, что ее родственники еще живы), являются действительными "духами" этих двух умерших леди, и что последняя почувствовала "духовное сродство" с идиотическим, старым, неряшливым канадским медиумом, и таким образом стала его *счастливой женой*, как он об этом публично заявляет, и результатом этого союза стало множество "духовных" детей, *порожденных этим святым духом*. И кто является астральным мужем, ночным супругом хорошо известной нью-йоркской женщины-медиума, которую автор знает лично? Пусть читатель получит любую, информацию, какую он только сможет, об этом последнем развитии *духовных* (!) связей. Пусть он подумает об этом серьезно, а затем прочтет "Графа Габалиса", и особенно примечания к нему с включениями латинского текста; тогда может быть он сможет лучше оценить всю серьезность *предполагаемой* "болтовни" в рассматриваемой работе¹ и понять истинное значение содержащихся в ней шуток. Тогда он ясно увидит ужасную связь, существующую между фавнами, сатирами и инкубами св. Иеронима, сильфами и нимфами графа де Габалиса, "элементариями" каббалистов — и всеми этими поэтическими духовными "Лили" "Общины Гарриса", астральными "Наполеонами" и другими бестелесными Дон-Жуанами из "Саммерленда", "духовными симпатиями из-за могилы" в современном мире медиумов.

1 "Субмандейны, или элементарии каббалы": с иллюстрированным приложением из работы "Демонизм, или инкубы и суккубы", написанной преподобным отцом Синистрари из Амандо. Ответ, данный (стр. 133) предполагаемым дьяволом

святому Антонию в отношении телесности инкубов и суккубов, вероятно мог бы быть таким: После того, как "благочестивый святой Антоний" спросил, кем он является, маленький лесной гном ответил: "Я смертный, один из обитателей дикой природы, чьим многочисленным разновидностям поклоняются люди, называя их фавнами, сатирами и инкубами", или "духами мертвых", — мог бы добавить этот элементар, носитель некоторых элементариев. Это рассказ святого Иеронима, который полностью верил в это, и в то же верим и мы с некоторыми коррективами.

Невзирая на этот ужасный набор фактов, в журнале спиритуалистов нам каждую неделю говорят, что в лучшем случае мы не знаем и не понимаем того, о чем говорим. "Платон" (наглый псевдоним, между прочим), неудовлетворенный экс-теософ, говорит спиритуалистам (см. "Свет", 1 января 1887 года), что не только не существует перевоплощения — как об этом говорил ему астральный "дух" умершего друга (поистине ценное и беспристрастное доказательство), но и то, что вся наша философия обесценивается этим самым фактом! Карма, говорят нам, это чепуха. "Без кармы перевоплощение не может состояться", — и, поскольку его *астральному* осведомителю "был задан вопрос о теории перевоплощения, и он сказал, что не может найти даже одного факта или его следа, говорящего в пользу этого...", то этот "астральный" информатор *заслуживал полного доверия*. Он *не может* лгать. Ибо "человек, который изучал химию, имеет право на собственное мнение, он заслужил право высказываться о различных фактах и теориях в этой области ... особенно если во время своей земной жизни он пользовался уважением и восхищением благодаря своему изучению тайн природы, а также своей правдивости".¹

1 Аргументы и факты, выдвинутые против восточной философии, любопытны. Бесспорно, это хорошее доказательство того, что оккультисты правы, когда они говорят, что большинство этих "духов" — это даже не "лгущие" духи, но просто пустые бесчувственные оболочки, говорящие разумные вещи только с помощью мозгов

участников сеанса и мозга медиума, как связующего звена.

Поверим, что "астралы" таких выдающихся химиков, как Крукс и Бутлеров, хотя и бестелесные, будут воздерживаться от возобновления слишком частого общения со смертными. Ибо *post mortem* [посмертное] общение людей, столь хорошо изучивших химические проблемы, приобрело бы непогрешимую репутацию в большей степени, чем это могло бы принести пользу для прогресса человечества и развития интеллектуальных способностей. Но доказательства являются достаточно убедительными и неоспоримыми для нынешнего поколения спиритуалистов, если имя, принятое с помощью "астрального контроля друга", было именем правдивого и уважаемого человека. Все это привело к тому, что более чем сорокалетний опыт общения с духами, которые больше лгали, чем говорили правду, и делали много больше зла, чем добра, — не привел ни к чему. И таким образом, в "духов-мужей и духов-жен" следует верить, если они говорят, что являются тем-то или той-то. Поэтому, как справедливо доказывает "Платон": "Нет прогресса без знания, и знание истины, основанное на факте, — это прогресс в высшей степени, и если астралы прогрессируют, как *утверждает* этот дух, то философия оккультизма в отношении реинкарнации с этой точки зрения является ложной; и откуда мы знаем, что многие другие точки зрения корректны, если они не имеют доказательства?"

Это — высокая философия и логика. "Конец мудрости— это консультация и совещание" ... с "духами", мог бы добавить Демосфен, который знал, где ожидать их, — но все это оставляет открытым вопрос о том, "кто эти духи". Ибо там, "где доктора расходятся во мнениях", должна быть почва для сомнений. И кроме того зловещего факта, что духи разделяются в своих взглядах на реинкарнацию — так же, как спиритуалисты и спиритисты, "любой человек не является достойным защитником для истины и не подходит для того, чтобы принять вызов в установлении истины", — говорит сэр Т. Браун. Это не непочтительный выпад против "Платона", кто бы он ни был, но аксиома. Выдающийся ученый профессор У. Крукс дал однажды очень мудрое определение истины, показав, каким необходимым является проведение различия *между истиной и точностью*. "Человек может быть настолько правдивым", — замечает он, — "что может быть полон желания одновременно и получать истину, и учить ей; но хотя этот

человек и имеет большие естественные способности к наблюдению, или даже он был обучен благодаря научным занятиям некоторым видам наблюдения, замечания, сравнения и аккуратного детального изложения, он не способен дать заслуживающий доверия, аккуратный и поэтому истинный отчет о своих опытах. Его намерения могут быть честными, но если он имеет хоть искру энтузиазма, он вероятно всегда будет переходить к обобщениям, которые могут быть как ложными, так и опасными". Короче, как это выразил другой известный человек науки, сэр Джон Гершель: "Главное и поистине единственное свойство истины — это способность вынести проверку универсального опыта и остаться неизменной при любом возможном способе честной дискуссии".

Ныне очень немногие спиритуалисты (если вообще какие-либо) содержат в себе эти драгоценные качества, требуемые профессором Круксом; другими словам, их энтузиазм всегда ограничивает правдивость; это и приводило их к ошибкам в последние сорок лет. Отвечая на это, мы могли бы с большой справедливостью сказать (и это следует признать), что такое научное определение отрезает сразу оба пути; то есть, что теософы, если сказать коротко, оказываются в одной коробке со спиритуалистами; что они исполнены энтузиазма, и поэтому также доверчивы. Но в первом случае ситуация меняется. Вопрос заключается не в том, что думают лично спиритуалисты или теософы о природе духов и степени их правдивости; но в том, что говорит "универсальный опыт", требуемый сэром Джоном Гершелем. Спиритуализм — это философия (если он вообще таков, что мы до сих пор отрицали) лишь вчерашнего дня. Оккультизм и философия Востока, абсолютно ли истинные, или относительно, — это учения, пришедшие к нам из времен седой античности; и если — в писаниях и традициях Востока; в многочисленных фрагментах и манускриптах, оставленных нам неоплатоническими теософами; в жизнеописаниях таких философов, как Порфирий и Ямвлих; в жизнеописаниях средневековых теософов и так далее, *ad infinitum* [до бесконечности]; — если мы обнаруживаем во всех них те же самые идентичные свидетельства о крайне разнообразной и часто опасной природе всех этих гениев, демонов, богов, лар и "элементариев", ныне смешанных в одну кучу под названием "Духи"; мы не можем потерпеть неудачу в отношении какой бы то ни было "выносимости проверки универсальным

опытом" и "сохранения неизменности" при любой форме наблюдения и опыта.

Теософы создают лишь продукт опыта, освященного веками; спиритуалисты придерживаются своих собственных взглядов, появившихся около сорока лет назад, и основываются на своем неуклонном энтузиазме и эмоциональности. Но пусть спросят любого беспристрастного, непредвзято мыслящего свидетеля того, что вытворяют "духи" в Америке, не принадлежащего ни к теософам, ни к спиритуалистам: "В чем разница между невестой-вампиром, от которой Аполлоний Тианский, как говорят, получил маленького друга, который медленно убивал ночных суккубов, и духами-женами и духами-мужьями медиумов?" Конечно, никакой — был бы правильный ответ. Тот, кто не содрогается от этого отвратительного возрождения средневековой демонологии и колдовства, может по крайней мере понять причину того, почему из всех многочисленных врагов теософии — которые разоблачают тайны "мира духов" и срывают маски с тех духов, которые скрываются под именами знаменитостей — никто не является столь же ожесточенными и непримиримыми, как спиритисты-протестанты и спиритуалисты стран римско-католической церкви.

"Monstrum horrendum informe cui lumen ademptum"...¹ — это подходящий эпитет, который можно отнести к большинству "Лили" и "Джо" мира духов. Но мы не беремся в полной мере — следуя примеру спиритуалистов, которые не различают веру в каких-либо иных "духов", кроме "дорогих усопших", — утверждать, что кроме природных духов, или элементаров, оболочек, или элементариев, "богов" и гениев, не существует никаких других духов из невидимого царства; или, что нет в действительности святых и великих духов, которые общаются со смертными. Ибо это не так. То, что оккультисты и каббалисты говорили всегда, и теософы повторяют сейчас, — это то, что эти святые духи не посещают различные комнаты для сеансов, и они не будут вступать в брак с живыми мужчинами и женщинами.

¹ "Ужасное чудище, уродливое, отлученное от света" (лат.) — Вергилий, "Энеида", III, 658.

Вера в существование невидимых, но столь часто появляющихся гостей из миров, лучших или худших, чем наш собственный, слишком глубоко укоренилась в сердцах людей,

чтобы ее можно было вырвать оттуда холодной рукой материализма или даже с помощью науки. Груз предрассудков, связанных с насмешками, лучше всего служил для воспитания дополнительного ханжества и общественного лицемерия среди образованных классов. Ибо существует немного людей (если они вообще есть), на самом дне души которых вера в сверхчеловеческие и сверхчувственные создания не остается пребывать в скрытом виде, но пробуждается к жизни при первом же благоприятном случае. Много есть таких людей науки, которые отказались от своей детской веры в короля эльфов и сказочную королеву и покраснели бы от стыда, будучи обвиненными в вере в колдовство, — и тем не менее стали жертвой обмана "Джо", "Дейзи" и других привидений и "духов". И, хотя они и перешли Рубикон, они боятся насмешек не меньше. Эти ученые так же отчаянно отстаивают реальность воплощенных и других духов, как если бы это были математические законы. Такие душевные устремления выглядят врожденными для человеческой природы, и кажется, что спящий просто пробуждается к активной деятельности; такие стремления пересечь границы материи превращают многих убежденных скептиков в неистово верящих при первом появлении того, что им неоспоримо доказано (все подобные психологические феномены человеческого темперамента), и нашли ли наши современные физиологи ключ к ним? Останется ли приговором *"non compos mentis"* ["не владеющий рассудком"] или "жертва обмана и психологии"? и т. д., и т. д. Когда мы говорим, имея ввиду неверующих, что они всего лишь "горстка", — это утверждение не содержит в себе никакой недооценки; ибо это не те, кто громко восклицает против унижительных предрассудков, "окультурного безумия" и тому подобного, кто является наиболее сильным в своем скептицизме. При первой возможности они будут во главе тех, кто падет и сдастся. И если кто-нибудь тщательно подсчитает всевозрастающие миллионы спиритуалистов, оккультистов и мистиков в Европе и Америке, он не станет оплакивать вместе с Каррингтоном "Уход фей". Их время прошло, говорит поэт:

"...Они растаяли как дым,
 Прекрасные и хрупкие виденья, —
 В канву из суеверий вплетены
 В начале всех начал времен тех дальних,
 Воспеты трепетно легендами отцов, —
 Они ушли, растаяли как дым,
 Гонимые науки жезлом!.."

Мы утверждаем, что они ничего подобного не сделали; и что напротив, существуют такие "феи" — много более прекрасные, нежели ужасные, — которые серьезно угрожают под своими новыми масками и именами разоружить науку и сломать ее "жезл".

Вера в "духов" законна, потому что она вырастает на авторитете опыта и наблюдения, и кроме того она подтверждает другое верование, также рассматриваемое как предрассудок: а именно, *политеизм*. Последний основывается на факте: духов, спутанных с богами, люди видели в каждом веке — отсюда вера в многочисленных и разнообразных богов. Монотеизм, с другой стороны, основывается на чистой абстракции. Кто видел Бога — мы имеем ввиду Бога, Бесконечного и Всемогущего, того, о котором столь много говорят монотеисты? Политеизм — если человек утверждает право божественного воздействия от своего имени — логичен и согласуется с философиями Востока, которые, будучи пантеистическими или деистическими, провозглашают ЕДИНОГО как бесконечную абстракцию, абсолютное Нечто, которое полностью трансцендентно концепции конечности. Без сомнения, такая вера более философична, чем те религии, чьи теологии, провозглашая с одной стороны Бога, таинственное и даже Непостижимое Существо, которое *"никто не может увидеть и остаться живым"* [Исход, 33:20], показывают его в то же самое время столь человеческим и столь незначительным Богом, который сам заботится о нижнем белье для своего избранного народа, и в то же время отказываются сказать что-либо определенное о бессмертии собственных душ, или о их воскресении после смерти!

Таким образом, вера в множество и множества духовных существ, обитающих на различных планах и сферах вселенной, в *сознающие интра-космические существа*, на самом деле, логична и осмысленна, в то время как вера в *экстра-космического* Бога абсурдна. И если Иегова, который так ревниво относился к своим евреям и приглядывал за тем, чтобы они не имели никакого другого Бога, кроме него, был столь великодушен, что наделил Моисея титулом выше фараона (*"Смотри, Я поставил тебя Богом фараону, и Аарона... твоим пророком"* — Исход, 7:1) как египетского королевского божества, почему бы не позволить "язычникам" выбор своих собственных богов? Когда мы верим в существование наших эго, мы можем легче поверить в дхиан коганов. Как об этом пишет Хэер: "человек — это *смешанное* существо, состоящее

из духовного и плотского тела; ангелы — это чистые духи, пребывающие неподалеку от Бога, и являются сотворенными и ограниченными во всех отношениях, в которых Бог *бесконечен и несотворен*". И если Бог таков, как в последнем случае, то он представляет собой не "Существо", но *бестелесный Принцип*, который не может быть богохульно антропоморфным. Ангелы, или дхиан коганы — это "живые существа"; этот принцип "само-сущей", вечной, всепроникающей ПРИЧИНЫ причин — это лишь абстрактный ноумен "Реки Жизни", чьи вечно катящиеся волны сотворили равным образом и ангелов, и людей, и первое существо — это просто "человек высшего порядка", как интуитивно замечает Юнг.

1 "И сделай им нижнее платье льняное для прикрытия телесной наготы от чресел до голеней" [Исход, 28:42]. Бог — прядильщик льна и портной!!

Многие народы совершенно оправданно верят в множественность богов; как бы не называли их сегодня — духами, ангелами или демонами, — христианские народы не менее политеистичны, чем их языческие братья. Двадцать или тридцать миллионов существующих сегодня спиритуалистов и спиритистов совершают служение своим мертвым так же тщательно, как современные китайцы и индусы служат своим гу-ен,¹ бхутам и пишачи, — язычество, однако, лишь предохраняет их от *посмертного* зла.

1 Гу-ен в Китае — это "вторая душа, или человеческая витальность, принцип, который оживляет призрака", — как объясняет китайский миссионер; то есть, попросту *астрал*. Гу-ен, однако, так же отличается от "предка", как бхуты отличны от питри в Индии.

Хотя эти боги, как утверждают, и "превосходят человека в некоторых отношениях", не следует делать вывод, что скрытые силы человеческого духа во всем ниже таких сил у дева. Их способности более развиты, чем способности обычного человека; но в конечном счете им предписан предел их развития, которому не подвержен человеческий дух. Этот факт прекрасно отражен в символическом виде в Махабхарате, где Арджуна, выступающий под именем Нара (человека) одержал без какой-либо помощи победу над целым скопищем дева и

дева-йони (низших элементаров). И мы обнаруживаем отражение той же самой силы в человеке в Библии, ибо апостол Павел прямо говорит своим слушателям: "Разве вы не знаете, что мы будем судить ангелов?" [1 Коринф., 6:3]; и говорит об астральном теле человека, *soma psychikon*, и духовном теле, *soma pneumaticon*, которые "не имеют плоти и костей", но все же обладают внешней формой.

Класс существ, называемых девами — чьи разновидности столь многочисленны, что здесь не может быть приведено никакое их описание, — представлен в некоторых оккультных трудах. Существуют высшие и низшие девы, высшие элементары и элементары, которые много ниже людей и даже животных. Но все они или были, или будут людьми, и первые будут снова рождены на высших планетах и в других манвантарах. Однако следует отметить одну особенность. Питри, или наши "лунные предки", и взаимоотношения смертных с ними использовались некоторое время спиритуалистами как аргумент в пользу того, что индусы верили в "духов" и даже поклонялись им. Это большая ошибка. Они всегда советовались не с индивидуальными питри, но с их коллективно *накопленной мудростью*; эта мудрость мистически и аллегорически проявляется на светлой стороне луны.

Те, кого призывают брахманы, — это не "духи" бестелесных *предков*, полный смысл наименования которых можно будет найти во 2-ом томе "Тайной Доктрины", где объясняется происхождение человека. Наиболее высокоразвитый человеческий дух всегда заявит, оставляя свою обитель тела, — "*nacha purârvarti*" — "я не вернусь назад", — и таким образом окажется за пределами досягаемости любого живого человека. Но для того, чтобы полностью понять природу "лунных" предков и их связи с "луной", было бы необходимо открытие оккультных тайн, которые не предназначены для ушей простых обывателей. Поэтому нами может быть дано не больше, чем несколько намеков, которые и следуют далее.

Одним из имен луны в санскрите является сома, которая также представляет собой, как это хорошо известно, название мистического напитка брахманов и показывает взаимосвязь между ними. "Пьющий сому" обретает силу, которая обеспечивает ему непосредственные *взаимоотношения* со светлой стороной луны, и таким образом получается вдохновение от *концентрированной интеллектуальной энергии*

сверкающих предков. Эта "концентрация" и луна, являющаяся накопителем этой энергии, — это тайна, чье значение не может быть обнаружено за многочисленными фактами, упоминающими продолжительное воздействие определенного рода, оказываемое на землю со светлой стороны лунного диска.

То, что кажется (несведущим) одним потоком, имеет *двойную природу* — одна из них дарует жизнь и мудрость, другая же смертельна. Тот, *кто может отделить первую от последней, как Калахамса отделил молоко от воды, смешанных вместе, проявив таким образом великую мудрость, — будет вознагражден.* Слово "питри", без сомнения, означает предка; но то, что вызывают, — это эзотерическая *лунная мудрость*, а не "лунный предок". Это та Мудрость, которая была вызвана благодаря Ку-та-ми, астрологу в "Набатейской агрокультуре", который записал "откровение Луны". И тому есть и *другая сторона*. Если большинство брахманических религиозных церемоний связаны с полной луной, то черные церемонии колдунов совершаются в новолуние или в последнюю четверть. Ибо сходным образом, когда злонамеренный человек или колдун достигает завершения своей вредоносной деятельности, вся дурная карма и все злое вдохновение сойдет на него как темный инкуб зла из "*темной стороны луны*", которая является *terra incognita* науки, но хорошо изученной местностью для адепта. Колдун, душа, который всегда совершает свои адские ритуалы в ночь новолуния, когда добрые воздействия питри находятся в наиболее ослабленном состоянии, кристаллизует часть сатанинской энергии своих предшественников в зло и использует его для своих собственных низменных целей; в то время как брахман, с другой стороны, следует соответствующим благотворным курсом, используя энергию, переданную ему его питри... Таким образом, именно это и есть подлинный спиритуализм, сердце и душа которых остались полностью незамеченными современными спиритуалистами. Когда придет день полного откровения, будет видно, что так называемые "предрассудки" брахманизма и древнего язычества в целом были просто естественными и психическими науками, сокрытыми от глаз непосвященных невежественных миллионов (из-за опасности их осквернения и неправильного употребления) с помощью символической и аллегорической маскировки, которую неспособна раскрыть современная наука.

Мы заявляем, что не является теософом тот, кто всегда верил в "унизительные предрассудки" или помогал им распространяться в большей степени, чем это делают философские или научные общества. Единственное различие между "духами" других обществ, сект и организаций и нашими заключается в их именах и в догматических утверждениях относительно их свойств. В тех, кого миллионы спиритуалистов называют "духами умерших", и в ком католическая церковь видит дьяволов сатанинского войска — мы не видим ни того, ни другого. Мы называем их дхиан коганами, девами, питри, элементалами, высшими и низшими, — и знаем их как "богов" язычников; временами наше знание несовершенно, но оно никогда не бывает полностью ложным. Каждый класс имеет свое имя, свое место, свои функции, определенные ему в природе; и каждый из них — это наполнение и завершение своей собственной определенной сферы, так же как человек является наполнением и вершиной на земле; такова естественная и логическая необходимость, существующая в Космосе.

ЭЛЕМЕНТАЛЫ

I

В глазах древних, Универсальный Эфир представлял собой не что-то безлюдное, охватывающее все небесное пространство; для них это был безграничный океан, населенный, как наши обычные земные моря, богами, планетарными духами, огромными и мелкими существами, содержащий в каждой своей молекуле зародыши жизни, от потенциально возможных до наиболее высокоразвитых. Подобно рыбам, которые кишат

в океанах и других водоемах, причем каждый вид имеет свое *место обитания*, к которому он удивительным образом приспособлен, и некоторые из них дружелюбны, а некоторые враждебны человеку, некоторые приятны на вид, а другие пугающи, некоторые ищут убежища в спокойных уголках и глубоких гаванях, тогда как другие пересекают огромные пространства воды, — так и различные расы планетарных, элементарных и других духов, как верили в древности, населяют разные части великого эфирного океана и прекрасно приспособлены к соответствующим условиям.

Согласно древним учениям, каждый член этой разнообразной эфирной популяции, от самых высоких "богов" и до бездушных элементаров, получил развитие вследствие беспрестанного движения, присущего астральному свету. Свет является силой, а последняя создается *волей*. Поскольку эта воля проистекает из разума, который не может ошибаться, так как он является абсолютным и неизменным, и не имеет в себе ничего от материальных органов *человеческого* мышления, будучи сверхтонкой, чистой эманацией ЕДИНОЙ ЖИЗНИ, — она вызывает развитие с самого начала времен в соответствии с неизменными законами элементарных структурных предпосылок для последующих поколений того, что мы называем человеческими расами. Эти последние, принадлежат ли они нашей планете или какой-нибудь другой из мириад, находящихся в космосе, имеют свои земные тела, которые развились в исходной среде из тел определенного класса элементарных существ (первичных зачатков богов и людей), которые удалились в невидимые миры. В древней философии не было недостающего звена, которое следовало бы создать при помощи того, что Тиндаль называет "просвещенным воображением"; никакого разрыва, который следовало бы заполнить огромным количеством материалистических спекуляций, ставших необходимыми из-за абсурдной попытки решить уравнение с помощью лишь одного набора величин, — наши "невежественные" предки видели действие закона эволюции во всей вселенной. Они прослеживали одну непрерывную серию сущностей как при постепенном переходе от звездного облака до развития физического тела человека, так и от Универсального Эфира — до воплощенного человеческого духа. Эти превращения происходили из мира Духа в мир грубой Материи, и через посредство этого — обратно к источнику всех вещей. "Происхождение видов" было для них нисхождением Духа, первичного источника всего, до

"деградации Материи". В этой всеохватывающей цепи преобразования элементарные духовные существа занимали особое место посреди двух крайностей, как недостающее звено Дарвина — между обезьяной и человеком.

Никто в мировой литературе не дал когда-либо более правдивого и более поэтического описания этих существ, чем Э. Бульвер-Литтон, автор "Занони". Поскольку он сам не столько "материальное существо", сколько "идея радости и света", то его слова более похожи на достоверное эхо памяти, чем на всплеск чистого воображения. Он заставляет мудрого Мейнура сказать Глиндону:

Человек является самонадеянным пропорционально своему невежеству. В течение нескольких веков он видел в бесчисленных мирах, которые мерцают в пространстве как пузырьки бесконечного океана, только маленькие свечи ... которые Провидение зажгло без какой-либо иной цели, кроме как сделать ночь более приятной для человека... Астрономия исправила это заблуждение человеческого тщеславия, и сейчас человек неохотно признает, что звезды — это целые миры, более крупные и более величественные, чем его собственный... Повсюду, в этой необъятной конструкции, наука выявляет все новую жизнь... Рассуждая, путем очевидной аналогии, что если и лист, и капля воды не в меньшей степени, чем вон та звезда, представляют собой обитаемый и дышащий мир, если и сам человек является миром для других жизней, миллионы и мириады которых живут в реках его крови и населяют его тело так же, как люди населяют землю, то достаточно было бы здравого смысла (если наши ученые его вообще имеют), чтобы учить тому, что окружающая нас со всех сторон бесконечность, которую мы называем пространством, безграничная и неосязаемая, которая отделяет землю от луны и звезд, наполнена также соответствующей жизнью. Не является ли очевидным абсурдом предположение о том, что эти существа имеются на каждом листе, и в то же время они отсутствуют в безграничном пространстве! Закон великой системы запрещает исчезновение хотя бы одного атома; он не знает ни одного места, где не было бы дыхания какой-либо жизни... Таким образом, можете ли вы понять, что одно лишь космическое пространство, являющееся бесконечным и в то же время пустым, безжизненным, и менее пригодным для замысла универсального существования ... чем населенный лист, чем капля, наполненная живыми существами? Микроскоп показывает вам существа, находящиеся на листе; однако не изобретено такого устройства, чтобы можно было обнаружить более благородные и более одаренные объекты,

которые парят в безграничном пространстве. И все же между этими последними и человеком существует таинственное и ужасное сродство... Но прежде чем проникнуть через этот барьер, восприятие, которое осуществляется вашей душой, должно быть обострено с помощью сильного энтузиазма и очищено от всех земных желаний... Когда это совершенно, наука может быть призвана на помощь; сам взгляд может быть сделан более тонким, нервы более острыми, дух более одухотворенным и направленным наружу, и сама стихия — воздух, пространство — может, с помощью определенных секретов высшей химии, быть сделана более ощутимой и ясной. И это не является магией, как ее называют легковверные; как я многократно говорил ранее, магии (науки, которая нарушает законы природы) не существует; это лишь наука, посредством которой можно контролировать природу. Так, в пространстве, где имеются миллионы существ, духовных не в буквальном смысле слова, поскольку все они имеют определенные материальные формы (подобно мельчайшим животным, невидимым невооруженным глазом), хотя материя эта столь нежна и тонка, соткана из воздуха, что кажется лишь пленкой, паутиной, покрывающей дух... Все же, на самом деле, эти существа исключительно широко отличаются друг от друга ... некоторые из них обладают исключительной мудростью, другие ужасной зловредностью; некоторые враждебны к человеку, как демоны, другие добры и ласковы, как посредники между землей и небесами.¹

Таков краткий очерк элементарных существ, лишенных Божественного Духа, данный одним из тех, в ком многие резонно видят человека, знающего больше, чем он готов сообщить перед лицом скептически настроенной публики. Здесь можно выделить несколько строчек, *дающих наиболее яркое изображение описываемого*. Посвященный, имеющий личное знание об этих существах, не смог бы сделать это лучше.

1 Бульвер-Литтон, "Занони".

Теперь мы можем перейти к "богам", или даймонам древних египтян и греков, а от них — к девам и питри еще более древних индийских ариев.

Кем или чем были боги или даймоны греков и римлян? Это название было монополизировано и искажено для своей выгоды отцами христианской церкви. Постоянно следуя по стопам древних языческих философов, по проторенным путям их спекуляций, и в то же время постоянно пытаюсь перенести

их на девственную почву и представить себя первопроходцами в этом до сих пор нехоженном лесу вечных истин, они повторили уловку зороастрийцев: чтобы разделаться со всеми индийскими богами и божествами, Зороастр назвал всех их дэвами и использовал это имя для обозначения только злых сил. *То же самое сделали и христианские отцы.* Они применили священное имя даймонов (божественного эго человека) — к своим дьяволам, выдумке большого мозга, и таким образом обесславили антропоморфизированные символы естественных наук мудрой античности и сделали их отталкивающими для несведущего и необученного человека.

Что собой на самом деле представляли боги и даймонии, или даймоны, мы можем узнать у Сократа, Платона, Плутарха и многих других известных мудрецов и философов дохристианского, также как и послехристианского времени. Рассмотрим некоторые из их взглядов.

Ксенократ, который обнародовал многие из незаписанных теорий своего учителя и превзошел Платона в своем определении учения о невидимых величинах, считал, что даймоны — это промежуточные существа, находящиеся между божественным совершенством и человеческой греховностью;¹ он разделял их на несколько классов, которые, в свою очередь, делил на более мелкие категории. Он специально отмечал, что индивидуальная, или личная душа каждого человека является ведущим и охраняющим даймоном, и что никакой даймон не имеет над нами большей власти, чем наш собственный. Таким образом, даймоний Сократа — это бог, или *божественная сущность*, которая вдохновляла его всю жизнь. От человека зависит — открыт или закрыт он восприятию божественного голоса.

¹ Плутарх, "De Isid.", XXV, стр. 360.

Гераклит, который полностью принял пифагорейские и платоновские взгляды на человеческую душу, ее природу и свойства, говоря о духах, называет их "даймонами, тела которых состоят из воздуха и пара", и утверждает, что души населяют Млечный Путь, прежде чем стать "рожденными" в подлунном мире.

Опять-таки, когда автор "Эпиномиса" располагает между самыми высшими и самыми низшими богами (воплощенными душами) три класса даймонов и населяет вселенную

невидимыми существами, он поступает более разумно, чем наши современные ученые, которые видят между двумя крайностями пустое пространство, арену слепых сил, или же христианские теологи, которые называют каждого языческого бога — демоном, или дьяволом. Из этих трех классов первые два являются невидимыми; их тела представляют собой чистый эфир и огонь (планетарные духи); даймоны третьего класса покрыты парообразными телами; они обычно невидимы, но иногда, отвердевая, становятся видимыми на несколько секунд. Это земные духи, или наши астральные души.

Факт состоит в том, что слово "даймон" употреблялось древними, и особенно философами Александрийской школы, для обозначения всех видов духов, добрых или злых, человеческих или имеющих другой вид, но это название часто было синонимом с именами богов или ангелов. Например, "самофраками" называли храмовых божеств, которым поклонялись во время мистерий в Самофракии. Они считаются идентичными с кабирами, диоскурами и корибантами. Их имена были мистическими, обозначающими Плутона, Цереру или Прозерпину, Бахуса и Эскулапа или Гермеса, и всех их считали даймонами.

Апулей, говоря столь же символическим и скрытным языком о *духу душах*, человеческой и божественной, отмечает:

Человеческая душа — это демон, которого наш язык может назвать гением. Она является *бессмертным божеством*, хотя в определенном смысле она рождается в тот же момент, что и человек, в котором она заключена. Следовательно, мы можем сказать, что она умирает точно так же, как и рождается.

Древние называли богами также и выдающихся людей. Обожествленные в течение жизни, даже их "оболочки" были почитаемыми в определенной части мистерий. Вера в богов, лярв и умбр была тогда универсальной, так же как она стремительно возрождается в наше время. Даже величайшие философы, которые известны своим потомкам как самые строгие материалисты и атеисты, — только потому, что они отрицали гротескную идею личного не-всеобъемлющего бога, — такие как, например, Эпикур, верили в богов и невидимых существ. Продвигаясь в еще большую древность, из огромного количества философов дохристианской эры мы можем упомянуть Цицерона, которого менее всего можно обвинить в предрассудках и доверчивости. Говоря о тех, кого он называет

богами, и кто является или человеческими, или атмосферными духами, он отмечает:

Мы знаем, что из всех живых существ человек имеет наиболее высокоорганизован, и, поскольку боги относятся к последним, они должны иметь человеческое обличье... Я не собираюсь сказать, что боги имеют тело и кровь; но я говорю, что они *выглядят* так, как будто они имеют тела, наполненные кровью... Эпикур, для которого скрытые вещи были столь же легко ощутимыми, как если бы он касался их своими пальцами, учит нас, что боги в общем являются невидимыми, но что они *постижимы*; что они не являются телами с определенной плотностью ... но мы можем распознать их посредством их *преходящих* образов; что, поскольку в бесконечном пространстве имеется достаточно *атомов*, чтобы *создать такие образы*, они возникают перед нами и дают нам понять, что представляют собой эти счастливые бессмертные существа.¹

Если, переходя от Греции и Египта к колыбели всемирной цивилизации, Индии, мы обратимся к брахманам и их наиболее замечательным философским учениям, то обнаружим, что они называют своих богов и даймониев таким количеством разнообразных наименований, что тридцать три миллиона этих божеств потребовали бы целой библиотеки только для того, чтобы перечислить их имена и атрибуты. Выберем сейчас лишь два имени из этого пантеона. Эти группы являются наиболее важными и наименее изученными ориенталистами, причем их истинная природа специально затуманена нежеланием брахманов раскрывать свои философские тайны. Мы будем говорить сейчас лишь о девах и питри.

1 "De Natura Deorum" (О природе богов), кн. I, гл. XVIII.

Первые воздушные существа могут быть как высшими, так и низшими по отношению к человеку. Этот термин буквально означает нечто "сверкающее", блестящее; он относится к духовным существам разной степени, включая сущности из предыдущих планетарных периодов, которые принимают активное участие в образовании новой солнечной системы и обучении человечества, находящегося в периоде детства, а также и неразвивающихся планетарных духов, которые на спиритуалистических сеансах будут принимать облик человеческих божеств " даже героев человеческой истории.

Что касается дева-юни, то они представляют собой элементаров низшего сорта по сравнению с космическими "богами", подчиняющихся даже воле колдуна. К этому классу принадлежат гномы, сильфы, феи, джинны и т. д. Они являются душой элементов, непостоянными силами природы, действующими в соответствии с вечным законом, присущим *центрам силы*, с неразвитым сознанием и телами пластичной формы, которые могут менять свой облик в соответствии с сознательной или бессознательной волей человека, который вступает в *некие отношения* с ними. Именно путем привлечения некоторых существ этого рода современные спиритуалистические медиумы наделяют оболочки умерших человеческих существ неким видом индивидуальной силы. Эти существа никогда не были людьми, но они будут развиваться в человека в течение огромного количества лет. *Они принадлежат к трем низшим царствам* участвуют в мистериях вследствие своей опасной природы.

Мы обнаружили крайне ошибочные мнения, распространенные не только среди спиритуалистов, которые повсюду видят духов своих бестелесных последователей, но даже среди рядов востоковедов, которым следовало бы знать об этом больше. Они в целом уверены в том, что санскритский термин "питри" обозначает духов наших прямых предков, людей, лишенных тела. Отсюда аргумент некоторых спиритуалистов, что факиры и другие восточные чародеи являются *медиумами*; что они сами верят в свою неспособность создать что-либо без помощи питри, по отношению к которым они являются лишь послушными инструментами. Это ошибочно во многих отношениях, причем эта ошибка возникла впервые, как мы полагаем, благодаря мосье Л. Жаколио, который описывает в своей книге "Мир спиритизма" феномен Говинда Свами, или, как он его называет, "факира Ковиндасами". Питри — это предки не ныне живущих людей, они являются предками людей первичной расы, духами *человеческих* рас, которые предшествовали нынешним расам людей на великой шкале нисходящей эволюции, и как физически, так и духовно были намного выше наших современных пигмеев. В Манавад-хармашастре они называются *лунными предками*. Индус — и, менее всего, гордый брахман — не имеет такого страстного желания вернуться в страну изгнания после того, как он сбросил свои смертные путы, как обычный спиритуалист; и смерть для него не содержит того ужаса, как для христианина. Таким образом, наиболее высокоразвитые умы в Индии,

покидая свою смертную оболочку, всегда озабочены тем, чтобы заявить: "Нахапунараварти" — "Я не вернусь обратно"; этим самым заявлением он делает себя недостижимым для любого живого человека или медиума. Но, можно спросить, что же следует понимать под питри? Они являются девами, лунными и солнечными, тесно связанными с эволюцией человека, поскольку *лунные питри* — это те, кто дает свои чхайя как образцы Первой Расы Четвертого Круга, тогда как *солнечные питри* одаряют человечество интеллектом. Более того, эти *лунные девы* проходят через все царство земной Цепи в Первом Круге, а во время Второго и Третьего Круга они "ведут и представляют человеческий элемент".¹

¹ Пусть изучающий обратится по этому вопросу к "Тайной Доктрине", в которой он найдет полное объяснение.

Краткое исследование той роли, которую они играют, должно предотвратить смешение питри и элементалов в уме изучающего этот вопрос. В Ригведе, Вишну (*или всепроникающий Огонь, Эфир*) показан прежде всего шагающим через семь областей мира в *три* шага, будучи проявлением *Центрального Солнца*. Позже он становится проявлением *нашей* солнечной энергии и связан с семеричной формой и с богами Агни, Индрой и другими солнечными божествами. Поэтому, тогда как "Сыны Огня", изначальные Семь нашей Системы, исходят из первичного Пламени, — "семь строителей" нашей Планетарной Цепи являются "Разумом-рожденными Сынами" последних, а также — *их наставниками*. Ибо, хотя с одной стороны все они являются богами и называются питри (питарами, отцами, предками), между ними имеется большое, хотя и очень тонкое различие (*окультурного характера*), которое следует отметить. В Ригведе они разделяются на два класса: питри агни-дагдха ("огонь-дающие") и питри анагни-дагдха ("огонь-не-дающие"),¹ то есть, как это объясняется *экзотерически*, — питри, которые приносят жертвы богам и те, которые этого не делают. Но эзотерический и истинный смысл этого состоит в следующем. Первые, или первичные питри, "семь сыновей огня", или *пламени*, разделяются на семь классов (подобно семи сефиротам, и т. п., см. *Вайа-пурану* и *Хари-вамсу*, а также *Ригведу*); три из этих классов — *арупа*, то есть бесформенные,

"состоящие из интеллектуальной субстанции", а четыре являются телесными.

1 Чтобы затемнить, или набросить покрывало на тайну первичной эволюции, последние брахманы, также с целью служения ортодоксии, объяснили этих двоих с помощью такой выдумки: первые питри были "сынами Бога" и обидели Брахму, отказавшись принести ему жертву, за что Творец проклял их, *и они стали глупыми*, и они могли избежать этого проклятья только принимая своих собственных сынов как учителей и обращаясь к ним как к своим творцам — *питри*. Такова экзотерическая версия.

Первичные питри— это чистый *агни* (огонь), или *санта-джива* ("семь жизней", теперь становятся *санта-джихва*, семьязыкими, поскольку Агни представляется с семьей языками и семьей ветрами, которые являются колесами его повозки). Будучи бесформенными и чисто духовными сущностями, они *не могли создать то, чьей прототипической формы уже не было бы в их разуме*, и могли произвести лишь "порожденных разумом" существ, своих "сынов", второй класс питри (или праджапати, или риши и т. п.), на одну ступень более материальных; а они, в свою очередь, породили третий и последний среди класса *арупа*. И только эти последние с помощью Четвертого принципа Универсальной Души (Адити, Акаша) были способны создать вещественные и имеющие форму существа.¹ Но когда они появились на свет, обнаружилось, что они обладают столь малой частью божественной вечной Души, или Огня, что их стали рассматривать как неудачу. "Третий взывает ко второму, второй к первому, и все *Три* должны стать *Четырьмя* (совершенный квадрат или куб, представляющий "квадратуру круга", или погружение чистого Духа), прежде чем первый может быть обучен" (санскритское толкование). Только тогда могут быть созданы *Существа*, совершенные в интеллектуальном и физическом отношении. Это, хотя в значительной степени и философская, но все же — аллегория. Но ее смысл ясен, сколь бы абсурдным не могло бы показаться это объяснение с научной точки зрения. Доктрина говорит о Наличии Универсальной Жизни (или движения), *внутри которой пребывает все, и вне которой не может быть ничего*.

Это — чистый Дух. Его проявлением является космическая первичная Материя, существующая одновременно с ним. Наполовину духовная по сравнению с первым, это оболочка Жизни-Духа, это то, что наука называет *эфиром*, который заполняет безграничное пространство и является по своей сути мировым веществом, которое порождает все атомы и молекулы того, что называется материей.

1 Мы находим отражение этого в "Назарейском Кодексе". Бахак-Зиво, "отцу Гениев" (семи), предписано создавать существа. Но, поскольку он "не знает об Орке" и не знаком с "всепоглощающим огнем, который нуждается в свете", он не может этого сделать и призывает на помощь Фетахила, чистейшего духа, который делает еще хуже, сидя в *грязи* (Илус, Хаос, Материя), и удивляется, почему так изменился *жизненный огонь*. И только тогда, когда на арену творения вступает "Дух" (Душа) — женская *Anima Mundi* назареев и гностиков — и пробуждает Караб-таноса (духа материи и страстных желаний), который соглашается *помочь* своей матери, "Дух" понимает и порождает "*Семь Образов*", и опять "Семь", и еще раз "Семь" (Семь Добродетелей, Семь Грехов и Семь Миров). Затем Фетахил погружает свою руку в Хаос и создает *нашу* планету. (См. "Разоблаченную Изиду", том I, стр. 430-432).

Однако гомогенный по своему вечному происхождению, этот Универсальный Элемент после того, как его излучение попадает в пространство *проявленной* Вселенной, то центробежные и центростремительные силы вечного движения, силы притяжения и отталкивания приводят к быстрой поляризации рассеянных частиц, приобретающих свои особенные свойства, которые сейчас рассматриваются наукой как множество элементов, отличных друг от друга. Как гомогенное целое, мировое вещество в своем первичном состоянии является совершенным; после дезинтеграции оно утрачивает способность творческой силы, *не ограниченной никакими условиями*, и должно соединиться со своей *противоположностью*. Таким образом, первые миры и космические существа, хотя и "само-сущие", — это тайна, которую никто не пытается затронуть всерьез, поскольку она

воспринимается лишь божественными глазами самых высших посвященных, которую никто не может объяснить при помощи человеческого языка детям нашего времени, — эти первые миры и существа *не удались*; ввиду того, что одни утратили присущую им творческую силу, необходимую им для последующего развития эволюции, а другие — свою бессмертную душу. Будучи частью *Anima Mundi* (Мировой Души) в практическом аспекте, элемент Пуруши был в них слишком слаб, чтобы дать им возможность иметь сознание в интервалах (перерывах) между существованиями во время эволюционного периода и цикла Жизни. Эти три порядка существ — питри-риши, сыны пламени — должны были объединить три своих высших принципа с Четвертым (Кругом) и Пятым (*микрокосмическим*) принципом для того, чтобы получить необходимый союз и достичь результата. "Были древние миры, которые погибали, как только они начинали существовать; они были бесформенными как то, что называют "искрами". Эти "искры" представляют собой первичные миры, которые не могут продолжаться, поскольку Святой Старец не придал им форму"¹ (совершенных противоположностей, не только в виде противоположных полов, но и — космической полярности). "Почему разрушились эти первичные миры? Потому", — отвечает "Зогар", — "что человек, представленный десятью сефиротами еще не существовал тогда. Человеческая форма содержит все [дух, душу и тело], и поскольку ее до того времени не было, миры были разрушены".

1 "Индра-сутра", "Зогар", III, 292 b.

Далеко отстоящими от питри и охотно принимаемыми публикой являются различные проявления мастерства факиров, фокусников и т. п., явления, в сотни раз более разнообразные и удивительные, чем все, с чем встречалась когда-либо цивилизованная Европа и Америка. Питри не имеют ничего общего с такими демонстрациями перед широкой публикой и не являются "бестелесными духами". Мы должны лишь познакомиться со списком основных даймонов, или элементарных духов, чтобы обнаружить, что их имена указывают на их род занятий, или, выражаясь более ясно, на трюки, к которым каждый из них лучше всего приспособлен. Так, имеются *маданы* — это родовое имя, означающее злых элементарных духов, наполовину животных, наполовину чудовищ, поскольку "мадан" обозначает того, кто выглядит как

корова. Он является приятелем злобных волшебников и помогает им осуществлять свои злые мстительные намерения посредством поражения людей и домашних животных внезапным заболеванием, приводящим к смерти.

Шудала-мадан, или кладбищенский демон, соответствует нашим вурдалакам и вампирам. Он любит находиться там, где совершаются преступления и убийства, поблизости от мест захоронения и экзекуций. Он помогает фокусникам в разнообразных чудесах, связанных с огнем, так же как *кутти-шаттан*, маленький озорной чертенок. Шудала, как говорят, является наполовину огненным, наполовину водным демоном, поскольку он получил от Шивы разрешение принимать любую форму и превращать один предмет в другой; и если он не находится в огне, он пребывает в воде. Это тот, кто не дает людям "видеть то, что они не видят". Шула-мадан — это другое вредоносное привидение. Это *печной* демон, искусный в изготовлении керамики и приготовлении пищи. Если вы находитесь с ним в дружбе, он не повредит вам; но горе тому, кто навлечет на себя его гнев. Шула любит похвалу и лесть, и так как он обычно находится под землей, то именно у него должен просить помощи фокусник в том, чтобы за четверть часа вырастить из ростка дерево и получить плоды от него.

Кумил-мадан — это, собственно, ундина. Это элементарный дух воды, и его имя означает "бурлящий, как пузырьки". Он очень веселый и смешной чертенок, который может помочь другу в чем-либо, что относится к его владениям. Он может вызвать дождь и показать будущее и настоящее тем, кто прибегает к гаданию на воде.

Поруту-мадан — это демон "борьбы"; он самый сильный из всех; и там, где нужно мастерство, требующее физической силы, например, левитация и дрессировка диких животных, он будет помогать исполнителю, приподнимая его над землей или оказывая на дикое животное сильное воздействие, прежде чем дрессировщик начнет действовать на него своими чарами. Таким образом, каждое "физическое проявление" имеет свой собственный класс элементарных духов, надзирающих за ними. Помимо вышеуказанных в Индии имеются *пишачи*, даймоны гномов, гигантов и вампиров; *гандхарвы*, добрые даймоны, небесные серафимы, певцы; и *асуры* и *наги*, титанические духи и драконы, или змееголовые духи.

Их нельзя путать с элементариями, душами и оболочками бестелесных человеческих существ; и здесь мы опять-таки

должны различать между тем, что было названо астральной душой, то есть низшей частью двойственного пятого принципа, соединенной с животным, и истинным Эго. Ибо учение посвященных состоит в том, что астральная душа, даже если она принадлежала чистому и добродетельному человеку, не является бессмертной в строгом смысле слова; "она была создана из элементов — и к элементам она должна возвратиться". Остановимся здесь и не скажем более ничего: каждый ученый брахман, каждый чела и разумный теософ поймет, почему. Ибо они *знают*, что тогда как душа грешного человека исчезает, поглощается без освобождения, то душа другого человека, даже умеренно чистого, просто меняет свои эфирные частицы на еще более эфирные, и поскольку в ней остается дух *Божественного, богоподобного* человека, или скорее его индивидуальное Эго, то она не может умереть. Прокл говорит:

После смерти душа (дух) продолжает пребывать в воздушном теле (астральной форме), пока она полностью не очистится от всех злых и чувственных страстей ... тогда она освобождается путем второго умирания от воздушного тела так же, как она освободилась от земного. Тогда, говорят древние, образуется небесное тело, всегда соединенное с душой, которая является бессмертной, лучезарной и подобной звезде,

— тогда как чисто человеческая душа, или низшая часть пятого принципа, *не такова*. Эти объяснения, а также знание значения, *истинных* атрибутов и миссии питри, могут помочь лучшему пониманию нижеследующих отрывков из Плутарха:

"И из этих душ луна является стихией, потому что в ней растворяются души, когда тела погребенных оказываются в земле. Те, кто были добродетельны и честны, вели спокойный и философский образ жизни, не вовлекали себя в сомнительные дела, растворяются быстро; жизнь, потеряв разум (осмысление) и не используя более телесные страсти, тотчас же угасает".¹

¹ За последнее время некоторые ограниченные критики — неспособные понять высшую философию вышеизложенной доктрины, эзотерический смысл которой открывает широчайшие горизонты в астрофизических и психологических науках — подвергали осмеянию и относились с презрением к идее о восьмой сфере, которую они, затуманенные старыми,

заплесневелыми догмами антинаучной веры, восприняли так, что *nauta* "луна представилась в виде мусорного ящика для собирания грехов человечества"!

Древние египтяне, получившие свое знание от индийских ариев, глубоко продвинули свои исследования в царства "элементальных" и "элементарных" существ. Современные археологи решили, что рисунки, изображенные на различных папирусах Книги Мертвых, и другие символы, относящиеся к предметам, изображенным на саркофагах, стенах подземных храмов, скульптуры на зданиях, все это просто фантастические изображения их богов, с одной стороны, а с другой — доказательства того, что египтяне поклонялись кошкам, собакам и разнообразным пресмыкающимся. Эта современная идея полностью ошибочна, она проистекает из незнания астрального мира и его странных обитателей.

Имеется много различных классов "элементарнее" и "элементалов". Самые высокие по своей разумности и ловкости среди первых — это так называемые "земные духи". Сейчас достаточно сказать о них, что это лярвы, или тени тех, кто жил на земле, равным образом как добрых, так и злых. Они являются низшим принципом всех бестелесных существ, и их можно разделить на три группы. Первая включает в себя тех, кто полностью отказался от духовного света и умер глубоко погруженный в трясину материи, и от греховных душ которых постепенно отделялся бессмертный дух. Собственно говоря, они являются бестелесными душами развращенных людей; их души, отделившись за некоторое время до смерти от своего божественного духа, утратили таким образом свой шанс на бессмертие. Элифас Леви и некоторые другие каббалисты делали лишь очень небольшое различие между элементарными духами, которые были людьми, и теми существами, которые населяют стихии и являются слепыми силами природы. Разлученные со своими телами, эти души (называемые также "астральными телами"), особенно в случае чисто материалистических личностей, неукротимо притягиваются к земле, где получают временную жизнь среди стихий, соответствующих их природе. Из-за того, что в течение своей естественной жизни они никогда не культивировали свою духовность, но подчиняли ее материальному, они не приспособлены и не годятся для возвышенной деятельности чистого бестелесного существа, для которого земная атмосфера является удушающей и зловонной. Силы,

притягивающие ее, не только удалены от земли, но и она сама не может, даже если бы и хотела, благодаря своему девачанскому состоянию, иметь каких-либо *сознательных* взаимоотношений с землей и ее обитателями. Исключения из этого правила будут указаны далее. После более или менее продолжительного периода времени эти "материальные" души начнут распадаться, и наконец, подобно туману, они рассеются, атом за атомом, среди окружающих элементов.

Они являются "оболочками", которые остаются в течение долгого времени в Камалоке; насыщенные всеми земными испарениями, их камарупы (тела желаний), растолстевшие от чувственности и ставшие непроницаемыми для одухотворяющего влияния высших принципов, долго не гибнут и угасают с трудом. Нас учат, что иногда они могут сохраняться в течение столетий, прежде чем произойдет окончательный распад на соответствующие элементы.

Вторая группа включает всех тех, кто, имея в себе определенную долю духовности, однако в большей или меньшей степени привязан к земным вещам и земной жизни, и чьи устремления и пристрастия сконцентрированы в большей степени не на небе, а на земле; пребывание в Камалоке *останков* этой группы людей, принадлежащих к средним человеческим существам, имеет гораздо меньшую длительность, и все же достаточно длинную и зависящую от интенсивности их желания жить.

Оставшиеся, то есть третий класс, бестелесные души тех, чьи тела погибли от насилия; они представляют собой людей во всем, за исключением физического тела, пока не исчерпается срок их жизни.

Среди элементариев каббалисты признают также то, что мы называем психическими эмбрионами, — "перво-образец" формы у ребенка, который *должен существовать*. В соответствии с учением Аристотеля имеется три принципа естественных тел: "первообразец" (парадигма), содержание и форма. Эти принципы можно использовать и в данном конкретном случае. "Первообразец" нерожденного ребенка располагается в невидимом разуме Универсальной Души, в которой от вечности существуют все виды и формы. "Первообразец" рассматривается философией Аристотеля не как принцип, участвующий в построении тел, но как некое внешнее, по отношению к ним, свойство; ибо в этом случае материя не переходит из той формы, которую она имеет, в ту

форму, которую она должна получить. Хотя "первообразец" формы неродившегося ребенка, так же как в случае предполагаемой формы несделанных часов, это то, что не является ни субстанцией, ни протяженностью, ни качеством, ни каким-либо видом существования, — и все же это *нечто*, что существует, хотя для того, чтобы приобрести внешний вид, оно должно приобрести объективную форму — коротко говоря, абстрактное должно стать конкретным. Таким образом, поскольку этот "первообразец" материи передается энергетическим путем универсальному эфиру, он обретает материальную форму, хотя и сублимированную. Если современная наука учит, что человеческая мысль "влияет одновременно и на вещество другой вселенной", как может тот, кто верит в Универсальный Разум, отрицать, что божественная мысль передается посредством того же самого энергетического закона нашему общему посреднику, универсальному эфиру — низшему Миру-Душе? Поистине верно, что оккультная философия отрицает разум и сознание, присущее этим конечным и зависящим от условий проявлениям этого мира материальных феноменов. Но ведантическая и буддийская философии, говоря об этом как об *Абсолютном Сознании*, показывают, что форма и прогресс каждого атома обусловленной вселенной должны существовать в нем в течение бесконечных циклов Вечности. И если это так, то отсюда должно следовать, что когда Божественная Мысль проявляется объективно, то ее энергия достоверно воспроизводит внешний вид того, чей "первообразец" уже содержится в божественном разуме. Не следует однако понимать это таким образом, что эта Мысль *создает* материю, или даже ее "первообразец". Нет; она развивает из скрытого в ней эскиза лишь замысел будущей формы; материя, которая служит для того, чтобы исполнить этот замысел, уже имеется в наличии и готовится к тому, чтобы сформировать человеческое тело через серию прогрессивных трансформаций в ходе эволюции. Формы проходят; идеи, которые создают их, и материал, который дает им объективность, остаются. Эти модели, поскольку они еще лишены бессмертного духа, являются "элементами" — или, лучше, *психическими эмбрионами*, — которые, когда приходит их время, погибают для невидимого мира и рождаются в видимом, как человеческие младенцы, получающие *in transitu* Божественное Дыхание, называемое Духом, которое придает

окончательную форму совершенному человеку. Этот класс не может субъективно или объективно общаться с людьми.

Существенное различие между телами такого эмбриона и элементала состоит в том, что эмбрион — будущий человек — содержит в себе частицу каждого из четырех великих царств, то есть: огня, воздуха, земли и воды; в то время как элементал имеет частицу лишь одного из этих царств. Так, например, саламандра, или огненный элементал, имеет лишь часть первоначального огня и ничего более. Человек выше их, и закон эволюции проявляет в нем наличие всех четырех царств. Поэтому элементалы огня не могут быть обнаружены в воде, а воздушных элементалов нельзя найти в огне. И так как частица воды обнаруживается не только в человеке, но и в других телах, элементалы реально существуют внутри и вне всякой субстанции подобно тому, как духовный мир существует в материальном. Но последние представляют собой элементалов в их наиболее первичном и латентном состоянии.

II

Другой класс представляет таких элементарных существ, которые никогда не разовьются в человеческие существа в этой манвантаре, но занимают, так сказать, определенную ступеньку на лестнице бытия и, по сравнению с другими, могут быть правильно названы природными духами, или космическими действующими силами природы, причем каждое существо ограничено своей собственной стихией и никогда не может пересечь границы других. Это те, которых Тертуллиан назвал "принцами воздушных стихий".

В учениях восточных каббалистов, западных розенкрейцеров и алхимиков о них говорилось как о созданиях, развившихся из четырех царств — земли, воздуха, огня и воды, и их соответственно называли гномами, сильфами, саламандрами и ундинами. Эти силы природы могут действовать как послушные работники всеобщего закона, или же могут служить, как это показано выше, бестелесным духам — чистым или нечистым — и живым адептам магии и колдовства, производя желаемые феноменальные результаты. Такие существа никогда не становятся людьми.¹

¹ Люди, которые верят в силу ясновидения, но склонны отвергать существование в природе каких-

либо других духов, кроме бестелесных человеческих духов, будут заинтересованы отчетом о некоторых наблюдениях ясновидения, которые появились в лондонском "Спиритуалисте" за 29 июня 1877 г. Приближается гроза, и провидцы видят "светящегося духа, возникающего из темного облака и пересекающего с быстротой молнии небо, и, несколькими минутами позже, диагональную линию темных духов в облаках". Таковы маруты в Ведах.

Широко известный лектор, автор и ясновидящая, миссис Эмма Хардинг Бриттен опубликовала отчет о своих знаменитых опытах с такими элементарными духами. Если спиритуалисты примут к сведению ее "духовный" опыт, они вряд ли смогут отрицать ее доказательства в пользу оккультных теорий.

Под общим названием фей, или волшебниц, эти духи стихий появляются в мифах, баснях, преданиях и поэзии всех народов, древних и современных. У них существует целый легион имен — пери, девы, джинны, сильваны, сатиры, фавны, эльфы, дварфы, тролли, норны, ниссе, кобольды, брауни, карлы, ундины, никсы, гоблины, понки, бань-ши, келпи, пикси, лешие, добрый народ, домовые, дикие женщины, мирные люди, белые леди — и многие другие. Их видели, их боялись, восхваляли и проклинали, их вызывали во всех странах во все века. Должны ли мы из этого сделать вывод о том, *что все*, кто встречались с ними, были в состоянии галлюцинации?

Эти элементарлы являются главными действующими силами бестелесных и *никогда не видимых* "оболочек", вызывающихся в качестве духов во время спиритических сеансов, и они, как показано выше, производят все феномены, кроме субъективных.

В рамках данной статьи мы принимаем термин "элементал" для обозначения только таких природных духов, не присоединяя к ним никаких других духов, воплощенных в человеческую форму. Элементарлы, как уже говорилось, не имеют формы, и, пытаясь сказать о том, что они из себя представляют, лучше всего говорить, что они являются "*средоточиями* силы", имеющими инстинктивные желания, но не обладающими сознанием, как мы его понимаем. Поэтому их

поступки могут быть как добрыми, так и дурными, без разницы.

Верят, что этот класс обладает лишь одним из трех главных атрибутов человека. Они не имеют ни бессмертного духа, ни материального тела, но только астральную форму, которая действует в разной мере в стихии, к которой она принадлежит, а также в эфире. Они представляют собой комбинацию сублимированной материи и рудиментарного разума. Некоторые из них остаются неизменными в течение нескольких циклов, но все же не имея индивидуальности и действуя, так сказать, коллективно. Другие, принадлежащие к определенным стихиям и видам, изменяют форму в соответствии с точным законом, объясненным каббалистами. Наиболее плотные из этих тел обычно все же достаточно нематериальны, чтобы избежать восприятия с помощью обычного физического зрения, но в то же время достаточно субстанциональны, чтобы быть прекрасно различимыми с помощью внутреннего видения, или ясновидения. Они не только существуют и могут обитать в эфире, но могут руководить и управлять им для получения физических эффектов столь же легко, как мы можем сжимать воздух или воду для подобных целей с помощью пневматических и гидравлических машин; в таких занятиях они легко могут помочь "человеческим элементариям", или "оболочкам". Более того, они могут так сгущать их, что образуют для себя материальные тела, которые благодаря их Протеевой силе могут принимать такое сходство, какое они захотят, благодаря тому, что они принимают в качестве модели изображения, которые они обнаруживают в памяти живых людей. Не обязательно думать о человеке в момент его "воплощения". Его образ может стереться за многие годы до этого. Разум получает неизгладимое впечатление даже от случайных встреч или от человека, с которым столкнулся лишь однажды. Как для чувствительной фотографической пластинки достаточно экспозиции в течение нескольких секунд, чтобы навсегда сохранить облик снимаемого человека, то же самое верно и для разума.

В соответствии с учением Прокла, высшая область от Зенита Вселенной до Луны принадлежит богам, или планетарным духам, в соответствии с их иерархией и классами. Высшими среди них были двенадцать *гипер-уранидов*, или трансцендентальные боги, с целым легионом подчиненных даймонов под их командой. За ними по рангу и силе следовали

эжкосмиои, или космические боги, каждый из которых руководил огромным количеством даймонов, которым они передают свою силу/и видоизменяют ее в соответствии со своей волей. Эти очевидные персонифицированные силы природы в их взаимоотношениях, представленных тремя классами, или элементаров, мы уже описывали.

Далее Прокл показывает в соответствии с герметической аксиомой — о типах и прототипах, — что низшие сферы имеют свои подразделения и классы существ так же, как и высшие небесные, и первые существа всегда подчинены более высшим. Он полагает, что четыре стихии наполнены даймонами, соглашаясь с Аристотелем, что вселенная полна, и в природе нет пустоты. Даймоны земли, воздуха, огня и воды представляют собой эластичные, эфирные и полу-телесные существа. Существуют такие классы существ, которые исполняют роль посредников между богами и людьми. Хотя они и обладают низшим разумом, чем *шестой* порядок высших даймонов, эти существа непосредственно управляют элементами и органической жизнью. Они управляют ростом, цветением, свойствами и различными изменениями растений. Они являются персонифицированными идеями или свойствами, которые были спущены из небесной *Гили* в неорганическую материю; и, так как царство растений — это более высокая ступень, чем царство минералов, эти эманации небесных богов обрели форму и существование в растениях, они стали их "душами". И это то, что названо в учении Аристотеля "формой" в трех принципах естественных тел, которые классифицированы им как "первообразец", материя и форма. Его философия учит, что кроме подлинной материи необходимо наличие другого принципа для завершения триединой природы каждой частицы, и это — форма, невидимая, но все же, в онтологическом смысле слова, субстанциональная сущность, на самом деле отличная от самой материи. Таким образом, в животном или растении — кроме костей, мяса, нервов, мозга и крови в первом; и кроме мясистого вещества, тканей, жилок и соков во втором, кровь и соки которых, циркулируя по венам и жилкам, питают все части животного и растения; и кроме духов животного, которые являются принципами движения, и химической энергии, которая преобразуется в жизненную силу в зеленом листе, — в них должна быть субстанциональная форма, которую Аристотель в случае лошади назвал лошадиной *душой*; Прокл — *даймоном* какого-либо минерала, растения

или животного; и средневековые философы — *элементарными духами* четырех царств.

Все это в нашем веке считается "поэтической метафизикой" и великим суеверием. Согласно точным, онтологическим принципам, в этих старых гипотезах все же есть некоторая тень вероятности, некоторый ключ к обретению недостающего звена, приводящего в недоумение точную науку, которая стала в последнее время столь догматичной, что все то, что лежит за пределом круга знаний *индуктивной* науки, объявляется нереальным. И, как утверждает профессор Джозеф Ле Конт, некоторые известные ученые "высмеивают использование термина "жизненная сила", или витальность, как *пережиток суеверий*.¹ Де Кендолл предлагает термин "жизненное движение", вместо жизненной силы;² таким образом подготавливается последний научный скачок, который преобразует бессмертного, мыслящего человека в автомат с часовым механизмом внутри него. "Но", — спрашивает Ле Конт, — "можем ли мы представить себе движение без силы? И если движение индивидуально, то оно также является *формой силы*".

1 Дж. Ле Конт, "Взаимоотношения жизненной силы с химической и физической силами".

2 "Archives des Sciences", xiv, декабрь 1872 г.

В еврейской каббале природные духи были известны под общим именем *шедим* и разделялись на четыре класса. Индусы называли их бхутами или девами, и персы также называли их всех дивами; греки невнятно обозначали их даймонами; они были известны египтянам как африты. По словам Кайзера, древние мексиканцы верили в многочисленные жилища духов, в одном из которых пребывали тени невинных младенцев вплоть до их рождения; в другое, находящееся на солнце, восходили доблестные души героев; в то время как ужасные призраки неисправимых грешников были приговорены к блужданиям и отчаянию в подземных пещерах, находясь в оковах земной атмосферы, не желающие и не способные освободить себя. Это замечательным образом доказывает то, что "древние" мексиканцы знали кое-что о доктринах Камалоки. Эти духи проводили свое время, общаясь со смертными и пугая тех, кто мог их видеть. Некоторые африканские племена знали их под именем *йоваху*. В индийском пантеоне, как мы уже не раз отмечали, имеется не

менее 330 000 000 духов разных видов, включая элементаров, и некоторых из них брахманы называли дайтьями. Эти существа, как известно адептам, притягиваются к определенным четвертям неба благодаря такому же таинственному свойству, которое заставляет магнитную иглку поворачиваться к северу; некоторые растения также подчиняются этому притяжению. Если учесть тот факт, что продвижение планет в космическом пространстве должно производить какое-то нарушение в пластичной и разреженной эфирной среде, подобно тому, которое пушечный выстрел производит в воздухе, пароход — в воде; то можно сделать вывод, что на космическом плане определенные планетарные конфигурации могут вызвать гораздо более сильные колебания и привести к тому, что в данном направлении будут течь более сильные токи, чем в других. Становится также очевидным, почему, посредством различных сочетаний звезд, массы дружественных или враждебных элементаров могут спуститься в нашу атмосферу или в какой-то определенный ее участок. Их появление можно определить по тем эффектам, которые они вызовут. Если наши английские астрономы иногда способны предсказывать катаклизмы, такие как землетрясения и наводнения, то индийские астрологи и математики могут делать то же самое и делают это с гораздо большей точностью, хотя они руководствуются при этом тем, что нашим современным, скептикам кажется в высшей степени абсурдным. Считается, что различные виды духов имеют особую симпатию к определенным человеческим темпераментам, на которые они и действуют наиболее охотно. Так, люди жёлчного, лимфатического, нервного или сангвинического темпераментов будут подвергаться благоприятному или неблагоприятному влиянию в зависимости от условий астрального света, зависящего в свою очередь от различных аспектов планетарных тел. Усвоив этот общий принцип благодаря наблюдениям, длящимся на протяжении многих веков, адепту-астрологу нужно было только установить, какой была конфигурация планет в предшествующей дате, и соотнести свои данные с последующими фазами движения небесных тел, после чего он мог набросать с достаточной точностью судьбу человека, гороскоп которого составлялся, и даже предугадать будущее. Точность гороскопа зависела, естественно, не только от астрономической эрудиции, но и от его знания оккультных сил и природных явлений.

Пифагор учил, что вся Вселенная представляет собой одну обширную серию математически точных комбинаций. Платон описывает Божество, исходя из геометрических принципов. Мир держится тем же самым законом равновесия и гармонии, при помощи которого он был создан. В гармоничных круговращениях сфер центростремительная сила не может проявить себя без центробежной, и все формы являются продуктом этой двойственной природной силы. Таким образом, чтобы проиллюстрировать это, мы можем рассмотреть дух в качестве центробежной, а душу — центростремительной духовных энергий. Находясь в совершенной гармонии, обе силы дают один результат; нарушение центростремительного движения земной души, стремящейся к центру, который ее притягивает, остановка ее движения посредством того, что ее нагружают более тяжелым грузом материи, чем она способна нести; и гармония целого, которая и была жизнью — разрушена. Индивидуальная жизнь может продолжаться только тогда, когда она поддерживается этой двойственной силой. Малейшее отклонение от гармонии повреждает ее; когда она разрушается без надежды на восстановление, силы обособляются, и форма постепенно исчезает. После смерти развратных и грешных людей наступает критический момент. Если в течение времени человек не обращает внимания на последние и безуспешные попытки внутреннего эго воссоединиться со слабо-мерцающими лучами своей божественной монады; если он допускает, что эти лучи все более и более загораживаются увеличивающимся материальным панцирем — душа, однажды освободившись от тела, следует земному притяжению и магнетически вовлекается и содержится в плотных оковах материальной атмосферы Камалоки. Затем она начинает опускаться все ниже и ниже, до тех пор, пока не обнаружит себя, когда к ней вернется сознание, в том, что древние называли Гадесом, а мы — Авичи. Исчезновение такой души никогда не происходит мгновенно; оно может длиться столетия; поскольку природа никогда не развивается прыжками и толчками, и астральная душа личности формируется из элементов, закон Эволюции должен ожидать своего времени. И тогда начинает действовать суровый закон воздаяния, Йинь-юань буддийских посвященных.

Этот класс духов называется "земным", или "земными элементариями", в противоположность другим классам, как мы это показали в начале. Но существует другой, еще более

опасный класс. На Востоке они известны как "братья теней", живые люди, захваченные земными элементариями; некогда — их *хозяева*, но в конце концов они всегда становятся жертвами этих ужасных существ. В Сиккиме и Тибете их называют дугпами (красношапочниками), в противоположность гелугпам (желтошапочникам), причем к последним принадлежит большинство адептов. И здесь мы должны попросить читателей правильно понять нас. Ибо, хотя Бутан и Сикким в целом принадлежат к древней религии бон, ныне обычно известной как дугпа, это вовсе не значит, что мы должны думать, что ей охвачено все население, *en masse*, или что все они являются колдунами. Среди них можно обнаружить столько же добрых людей, как и в любом другом месте, и мы говорили выше лишь об элите их ламства, о ядре их священнослужителей, "танцующих дьяволах" и идолопоклонниках, чьи страшные и таинственные ритуалы совершенно неизвестны большей части населения. Существуют два класса этих ужасных "братьев теней" — *живые* и *мертвые*. Оба они представляют коварных, низких, мстительных людей, которые хотят отплатить человечеству за свои страдания; они становятся, после конечного уничтожения, вампирами, вурдалаками, и основными действующими лицами на спиритических сеансах. Это главные "звезды" великого театра "материализации" духов, феномены которого они создают при помощи наиболее разумных и подлинных "элементальных" созданий, кружащихся вокруг и с удовольствием откликающихся на приглашения их в их собственных сферах. Великий немецкий каббалист Генри Кунрат в своей замечательной работе "Амфитеатр Вечной Мудрости" поместил табличку с изображением четырех классов этих "элементарных духов". Однажды переступив порог святилища посвященных, тот, перед кем адепт приподнял "Покрывало Изиды", таинственной и ревливой Богини, никогда не почувствует страха; но он все же находится в постоянной опасности.

Маги и теургические философы особенно резко возражали против "вызывания душ". "Не вызывай ее (душу) назад, чтобы в момент кончины она не удержала что-нибудь", — говорит Пселл. "Вы не должны узреть их *до вашего посвящения*, так как, используя обаяние, они соблазняют души непосвященных", — говорит тот же философ в другом месте.

Они возражали против этого по следующим веским причинам:

1) "исключительно трудно отличить доброго даймона от

злого", — говорит Ямвлих; 2) если личина доброго человека успешно проникает через плотную земную атмосферу — всегда тягостную для нее, часто ненавистную, — все же существуют опасности, которых она не сможет избежать. Душа не способна сблизиться с материальным миром и в момент "кончины не удержать что-либо", иначе говоря, она оскверняет свою чистоту, из-за чего она должна будет в большей или меньшей степени пострадать после ее исхода. Поэтому истинный теургист будет избегать причинять любое большее страдание этому чистому обитателю высшей сферы, чем это безусловно требуется для интересов человечества. И только тот, кто практикует черную магию — подобно дугпам в Бутане и Сиккиме — подчиняет с помощью могущественных заклинаний некромантии порочные души людей, которые прожили дурные жизни и готовы помогать их эгоистичным замыслам.

Об общении с Аугоэйдос при помощи медиумических сил *субъективных* медиумов мы поговорим в другой раз.

Теургисты используют химические и минеральные вещества для вызывания злых духов. Из них одним из наиболее сильных был камень, называемый Мнизурином. "Когда вы увидите приближающегося *земного* даймона, вскрикните и принесите в жертву камень Мнизурин", — возвестил Зороастрийский Оракул (Пселл, 40).

Эти "даймоны" пытаются проникнуть в тела полоумных и идиотов, и остаются там вплоть до их изгнания могущественной и *чистой* волей. Иисус, Аполлоний и некоторые другие адепты имели силу для того, чтобы изгнать "дьяволов" посредством очищения атмосферы *внутри* пациента и *вокруг* него, и таким образом принудить непрошенного обитателя улететь. Некоторые нестойкие соли особенно неприятны им; слова Зороастра об этом подтверждаются м-ром К. Ф. Варлеем, и древняя наука находит объяснение в современной. Воздействие некоторых химикатов, помещенных в блюдо, находящемся под кроватью, согласно м-ру Варлею из Лондона,¹ с целью предохранения ночью от неприятных физических явлений, объясняется им совершенно правильным образом. Не надо бояться чистых или даже просто безобидных человеческих духов, ибо они освободили себя от *земной* материи, и земные компоненты никоим образом не могут влиять на них; такие

духи похожи на *дыхание*. Но не таковы земные души и природные духи.

1 М-р Кромвель Ф. Варлей, известный специалист по электричеству из Атлантической кабельной компании, сообщил результаты своих исследований в ходе дебатов в Психологическом обществе Великобритании, которые были освещены в "Спиритуалисте" (Лондон, 14 апреля 1876 года, стр. 174, 175). Он полагает, что воздействие свободной азотной кислоты в атмосфере может изгонять то, что он называем "неприятными духами". Он считает, что те, кто испытывают трудности с неприятными духами в доме, почувствовали бы облегчение, смешав одну унцию купороса с двумя унциями порошкообразной селитры в блюде и поставив эту смесь под кровать. Он — ученый, чью репутацию признают на двух континентах, и он дает рецепт для изгнания злых духов! Однако широкая публика осмеивает как "суеверия" различные травы и ароматические средства, используемые для достижения той же самой цели индусами, китайцами, африканцами и другими народами!

В отношении этих плотских земных лярв, деградировавших человеческих духов, древние каббалисты питали надежду на *перевоспложение*. Но когда и как? В подходящий момент, и если этому помогает искреннее желание его исправления и раскаяния со стороны какой-либо сильной симпатизирующей личности, или воли какого-нибудь адепта, или даже вследствие желания, исходящего от самого заблуждающегося духа, при условии, что он достаточно силен, чтобы сбросить с себя груз греховной материи. Целиком утрачивая сознание, когда-то яркая монада вовлекается еще раз в водоворот нашей земной эволюции, проходит через низшие царства и снова начинает дышать в виде живого ребенка. Было бы невозможно определить время, необходимое для завершения этого процесса. Поскольку в вечности чувство времени отсутствует, такая попытка была бы пустой затратой труда.

Говоря об элементариях, Порфирий отмечает:

Эти невидимые существа почитались людьми как боги; ... всеобщая вера признает их способными становиться

исключительно злобными; считается, что их гнев направляется против тех, кто не оказывает им законного поклонения.¹

Гомер описывает их в следующих выражениях:

Ибо всегда нам открыто являются боги...
С нами они пировать без чинов за трапезу садятся;
 Даже когда кто из них и один на пути феакийским
 Странником встретится — *он не скрывается*, боги считают
Всех нас родными, как диких циклопов, как племя гигантов.²

1 "О жертвоприношениях богам и даймонам", гл. II.

2 "Одиссея", VII, перевод В. А. Жуковского.

Последнее доказывает, что эти боги были добрыми и благотворными даймонами, и что, были ли они *бестелесными* духами или элементарными существами, они не были "дьяволами".

Язык Порфирия, который был непосредственным учеником Плотина, еще более ясно выражает природу этих духов:

Даймоны невидимы; но они знают, *как придать себе* формы и конфигурации, подверженные разнообразным изменениям, которые могут быть объяснены их природой, *имеющей в себе много телесного*. Их жилища находятся в непосредственной близости от земли ... и *когда они могут избежать бдительности добрых даймонов, нет такого вреда, которого они бы не совершили*. Иногда они будут использовать грубую силу, в других случаях — хитрость.¹

Далее он говорит:

Для них детская забава пробуждать в нас низкие страсти, вносить в общества и народы сумасбродные учения, вызывающие войны, призывы к мятежу, и другие общественные бедствия, и затем свалить все на "работу богов"... Эти духи проводят время в обмане смертных, создании вокруг них иллюзий и чудес; *их величайшей амбицией* является то, чтобы выступать в качестве *богов и душ* (бестелесных духов).²

Ямвлих, крупный теургист неоплатонической школы, человек, искусный в священной магии, учит, что:

Добрые даймоны являются нам *на самом деле*, тогда как злые могут проявляться лишь *в призрачной форме фантомов*.

Далее он подтверждает Порфирия, говоря:

*Добрые даймоны не боятся света, тогда как злые нуждаются в темноте... Чувства, которые они вызывают в нас, заставляют нас поверить в реальность вещей, которые они нам показывают, хотя бы эти вещи отсутствовали.*³

1 Порфирий, "О жертвоприношениях богам и даймонам", гл. II.

2 Там же.

3 Ямвлих, "Египетские мистерии".

Даже наиболее опытные теургисты иногда видели опасность в своих сношениях с определенными элементариями; Ямвлих говорит, что:

Боги, ангелы и даймоны, также как и *души*, могут быть вызваны путем призывания и молитв... Но если во время теургического действия происходит ошибка, — берегитесь! Не воображайте, что вы общаетесь с благодетельными божествами, которые отвечают на вашу искреннюю мольбу; нет, ибо это — злые даймоны, только под личиной добрых, ибо элементарии часто прикидываются добрыми и делают вид, что они принадлежат к гораздо более высокому рангу, чем они занимают на самом деле. Их выдает хвастовство.¹

1 Там же, "О различии между даймонами, душами", и т. д.

Древние, которые давали имя только четырем элементам, сделали эфир пятым. Будучи невидимым по своей сущности, он рассматривался как божественный посредник между этим и следующим мирами. Они считали, что когда управляющие разумные силы перемещаются из какой-либо области эфира, то есть одного из четырех царств, которыми они обязаны управлять, то пространство оказывается во владении *зла*. Адепт, который приготовился к общению с "невидимыми", должен хорошо знать свой ритуал и быть знакомым с условиями, которые требуются для состояния совершенного равновесия четырех элементов в астральном свете. Прежде всего, он должен очистить сущность и уравновесить элементы внутри круга, в который он хочет привлечь чистых духов, так, чтобы предотвратить вторжение элементаров в эти сферы. Но горе тому опрометчивому вопрошающему, который по незнанию нарушает границу запретной земли; опасности будут подстерегать его на каждом шагу. Он вызывает силы, которые не способен контролировать; он будит часовых, которые

позволят пройти только мастеру. Ибо, по словам бессмертного розенкрейцера:

Как только ты решил сотрудничать с духом *живого* Бога, заботься о том, чтобы не мешать Ему в Его работе; ибо, если твой пыл превысит естественные соотношения, ты возбудишь гнев *влажных*¹ натур, и они могут восстать против *центрального огня*, и центральный огонь против них, и тогда возникнет ужасное разделение и хаос.²

1 Мы даем буквальное написание терминов этого каббалиста, который жил и публиковал свои труды в семнадцатом веке. Обычно он рассматривается как один из наиболее знаменитых алхимиков среди герметических философов.

2 Наиболее позитивные из материалистических философов соглашались с тем, что все существующее развилось из эфира; таким образом, воздух, вода, земля и огонь, четыре первичных элемента должны также происходить из эфира и хаоса первой *диад*ы; все не поддающиеся учету невесомые сущности, известные нам сегодня или неизвестные, происходят из того же источника. Если в материи содержится духовная сущность, и эта сущность заставляет ее воплощаться в миллионах индивидуальных форм, то почему же кажется нелогичным признать, что каждое из таких духовных царств в природе населено существами, развившимися из их собственного вещества? Химия учит нас, что в человеческом теле есть воздух, вода, земля и тепло, или огонь, — *воздух* является первым из его компонентов; *вода* в выделениях; *земля* в неорганических составляющих; и *огонь* в животном тепле. Каббалист знает на опыте, что элементарный дух содержит лишь один из них, и что каждое из четырех царств имеет своих собственных специфических элементарных духов; человеческое существо выше, чем они, и закон эволюции находит свое выражение в том, что все четыре элемента комбинируются в нем.

Дух гармонии и единства исчезает из элементов, приведенных в беспорядок неосторожной рукой; и потоки слепых сил станут

немедленно заражены бесчисленными созданиями материи и инстинктов — злыми демонами теургистов, дьяволами теологии; гномы, саламандры, сильфы и ундины нападут в виде разнообразных воздушных форм на неразумного исполнителя. Неспособные придумать что-либо новое, они обыщут его память до самой ее глубины; отсюда следует нервное истощение и ментальная депрессия некоторых чувствительных людей в спиритуальных кругах. Элементалы выносят на свет давно забытые воспоминания прошлого, формы, образы, любимые моменты и хорошо знакомые изречения, давно исчезнувшие из наших собственных воспоминаний, но живо сохранившиеся в непостижимых глубинах нашей памяти и на астральных скрижалях вечной "Книги Жизни".

Создатель гомеомерической системы философии, Анаксагор Клазоменский, твердо верил в то, что духовные прототипы всех вещей, так же как и их элементов, могут быть обнаружены в безграничном эфире, где они были созданы, откуда они развились и куда они возвратятся с земли. Так же, как и индусы, которые персонифицировали Акашу и рассматривали его как божественную сущность, греки и латиняне также обожествили Эфир. Вергилий называл его Зевс, Отец Всемогуший Эфир,¹ Магнус — Великий Бог, Эфир.

И этих существ, элементарных духов каббалистов,² христианское духовенство осуждает как "дьяволов", врагов человечества!

1 Вергилий, "Георгики", книга II.

2 Порфирий и другие философы объясняют природу "обитателей". Они вредоносны и лживы, хотя некоторые из них и могут быть добрыми и безвредными, но они столь слабы, что имеют величайшие трудности в общении со смертными, чьей компании они непрестанно ищут. Первые не опасны своей разумной злобой. Закон духовной эволюции не развил их инстинкты в интеллект, чьим высшим светом обладают только бессмертные духи, их способность осознания находится в скрытом состоянии, и поэтому они являются сами по себе безответственными.

Но римская церковь противоречит каббалистам. Святой Августин даже имел дискуссию по этому поводу с неоплатоником Порфирием. "Эти духи", — говорит он, — "являются лживыми *не по своей природе*, как это утверждает теургист Порфирий, но из-за злобы. Они выдают себя за *богов и души умерших*" ("Civ. Dei", X, 2). До сих пор Порфирий согласен с ним; "но они не претендуют на то, чтобы быть "демонами" [читай дьяволами], ибо они являются таковыми на самом деле!" — добавляет епископ Гиппонский. Пока все хорошо, и он прав в этом. Но в этом случае, к какому же классу мы должны отнести людей "без головы", которых, как просит нас поверить Августин, он видел сам; или сатиров святого Иеронима, которые, как он утверждает, долгое время встречались в Александрии? Они были, рассказывает он, "людьми с козлиными ногами и хвостами"; и, если мы можем поверить ему, один из этих сатиров был на самом деле *засолен* и прислан в бочке императору Константину!!!

III

Каждый организованный объект в этом мире, как видимый, так и невидимый, содержит свойственный ему элемент. Рыба живет и дышит в воде; растение потребляет углекислый газ, который убивает животных и людей; некоторые существа приспособлены для разреженных слоев воздуха, другие же существуют только в самых плотных. Жизнь иных зависит от солнечного света, других же — от темноты; таким образом, мудрая экономика природы приспособливает к любым имеющимся условиям определенные формы жизни. Такие аналогии подтверждают заключение о том, что не только не существует незаселенных областей во всеобъемлющей природе, но и то, что каждому живому существу предоставляются особые условия, и, будучи предоставленными, они становятся необходимыми. Далее, если мы примем во внимание существование невидимой стороны вселенной — определенные свойства природы говорят в пользу того утверждения, — что эта половина населена, подобно другой половине; и что каждая группа ее обитателей

снабжена соответствующими условиями, необходимыми для ее существования. Было бы столь же нелогично воображать, что всем этим обитателям предоставлены одинаковые условия, как и в отношении обитателей видимой природы. То, что существуют "духи", подразумевает, что существуют и разновидности "духов"; ибо люди различны, и человеческие "духи" — это лишь люди, освобожденные от телесной оболочки.

Говорить, что все "духи" одинаковы, или что они приспособлены к одной и той же атмосфере, или обладают одинаковыми силами, или управляются благодаря одному и тому же притяжению — электрическому, магнетическому, одическому, астральному, неважно какому именно — это столь же абсурдно, как если бы кто-то утверждал, что все планеты имеют одинаковую природу, или что все животные — амфибии, или что всех людей можно кормить одинаковой пищей. Начнем с того, что ни элементалы, ни элементарии сами по себе не могут быть названы "духами" вообще. Имело бы смысл предположить, что вульгарнейшие из них будут опускаться в самые нижние слои духовной атмосферы — другими словами, могут быть обнаружены недалеко от земли. И наоборот, чистейшие из них будут в наибольшем удалении. Недопустимо полагать, что какое-либо из этих эфирных существ может занимать место другого — вводя новый термин, мы назовем это "психоматическим" оккультизмом, — или существовать в условиях, свойственных для иного существа, так же, как невозможно ожидать, что две жидкости с разными плотностями могут изменить свои показания на шкале гидрометра Бёме.

Жорес, описывая разговор, который состоялся у него с некими индусами на Малабарском полуострове, сообщает, что на вопрос о том, встречали ли они духов, получил такой ответ:

Да, но мы знаем, что они *злые бхуты* [духи, или скорее "пустышки", или "оболочки"] ... добрые духи едва ли когда-либо вообще появляются. Они главным образом являются *духами самоубийц* или *убийц*, или же тех, кто умирает насильственной смертью. Они постоянно в движении и возникают как призраки. Для них благоприятно ночное время, они соблазняют слабоумных и искушают остальных тысячью различных способов.¹

Порфирий представляет нам ужасные факты, достоверность которых подтверждается на опыте каждым изучающим магию. Он пишет:

Даже после смерти *душа*² сохраняет некоторую привязанность к своему телу, причем это сродство пропорционально тому насилию, с которой был разорван их союз; мы можем видеть духов, в отчаянии парящих над своими земными останками; можно видеть даже, как они жадно ищут разлагающиеся останки других тел, находясь над свежепролитой кровью, которая, по-видимому, дает им на мгновение некоторую жизнестойкость.³

1 Жоррес, "Мистика", III, 63.

2 Древние называли духов плохих людей "душами"; души были "лярвами" и "лемурами". Духи добрых людей становились "богами".

3 Порфирий, "De Sacrificiis", Глава об истинном поклонении.

Хотя спиритуалисты и отвергали всегда их существование, эти природные духи — так же, как "элементарии", или "пустые оболочки", как их называют индусы, — существуют на самом деле. Если гномы, сильфы, саламандры и ундины розенкрейцеров существовали в их время, они должны существовать и сейчас. "Житель Порога" Бульвер-Литтона — это современное представление, основывающееся на древней разновидности суланат евреев и египтян, о которой есть упоминание в "Книге Яшера".¹

1 Гл. LXXX, 19, 20. "Когда египтяне спрятались от тьмы насекомых, закрывших небо [одна из казней, которые предположительно были посланы на них через Моисея]... они закрыли за собой двери, и Бог приказал суланат... [морскому чудовищу, как наивно объясняет переводчик в примечании] выйти из моря и прийти в Египет... И были у нее длинные руки, десяти локтей в длину... и она взобралась на крышу, обнажила стропила и перерезала их... и протянула свою руку в дом, и удалила замок и засов, и открыла дома египтян... и тьма животных напала на них, и в высшей степени ужаснула их".

Христиане в высшей степени неправы, когда обозначают их без разбора "дьяволами", "детьми Сатаны", и дают им сходные наименования. Элементалы не имеют ничего общего с этим представлением, это просто существа из эфирной материи,

безразличные, ни хорошие и ни плохие, пока они не подвергнуты влиянию высшего разума. Очень странно слышать, как благочестивые католики поносят или неправильно толкуют природных духов, тогда как один из их величайших авторитетов, Климент Александрийский, описал эти существа как вполне реальные. Климент, который был вероятно теургистом так же, как и неоплатоником, и поэтому ссылаясь на авторитетные мнения, отмечает, что абсурдно называть их дьяволами,¹ поскольку они являются только *нижними* ангелами, "силами, которые населяют стихии, приносят ветры и распределяют дожди, и как таковые являются служителями Бога".² Ориген, который также принадлежал к платонической школе до того, как стал христианином, придерживался того же мнения. Порфирий, как мы видели, описывал этих даймонов наиболее тщательно, чем кто-либо другой.

1 "Строматы", VI, 17, § 159.

2 Там же, VI, 3, § 30.

Тайная Доктрина учит, что человек, если он достигает бессмертия, навсегда сохраняет *семеричную троицу*, которой он был в жизни, и останется таковым во всех сферах. Астральное тело, которое в этой жизни покрыто плотной физической оболочкой, становится — после того, как освободится от этого покрова посредством телесной смерти — в свою очередь оболочкой другого, более эфирного тела. Оно начинает развиваться с момента смерти и достигает совершенства, когда астральное тело земной формы окончательно отделится от него. Этот процесс, как утверждают, повторяется при каждом новом прохождении через ту или иную сферу жизни. Бессмертную душу, "серебряный призрак", д-р Фенвик наблюдал только в мозгу Маргрейва (в "Странной истории" Бульвер-Литтона), но не находил его у животных, всегда неизменное, остающееся неразрушимым "нечто, что разбивает сосуд его вмещающий". Описания духов животных, которые населяют астральный свет, сделанные Порфирием, Ямвлихом и другими, подтверждаются многими из наиболее правдоподобных и разумных ясновидящих. Иногда животные формы становятся видимыми даже для какого-либо человека, находящегося в спиритуальном круге, посредством материализации. В своей книге "Люди из иного мира" полковник Олькотт описывает

материализованную белку, которая сопровождала женщину-спирита перед взорами наблюдателей, некоторое время появлялась и исчезала перед их глазами, и наконец последовала в кабинет за спиритом. В современной спиритуалистической литературе даются многочисленные факты такого рода, и некоторые из них вполне правдоподобны.

В отношении *человеческого* духа точки зрения древних философов и средневековых каббалистов различались в деталях, но сходились в главном; поэтому учение одних можно рассматривать как учение и других. Наиболее существенные различия состояли в том, где находится бессмертный или божественный дух человека. В то время как неоплатоники утверждали, что Аугоэйдос никогда не спускается гипостатически в живых людей, но лишь в той или иной степени проливает свой свет на внутреннего человека — астральную душу, — каббалисты средних веков считали, что дух, самоотделившийся от океана света и духа, входит в человеческую душу, где и остается в течение жизни заключенным в астральную капсулу. Это различие было результатом того, что христианские каббалисты, в той или иной степени, верили в буквальный смысл аллегории о грехопадении человека. Они говорили, что душа из-за "падения Адама" становится загрязненной миром материи, или Сатаной. Прежде чем она, с заключенным в ней божественным духом, могла появиться перед лицом Вечного, она должна была очиститься от загрязнения темнотой. Они сравнивали —

Дух, заключенный внутри души, с каплей воды, находящейся внутри капсулы из желатина и брошенной в океан; пока капсула остается целой, капля воды изолирована; если разрушить оболочку, то капля станет частью океана — ее индивидуальное существование прекращается. То же самое и с духом. Пока он заключен в своем пластическом посреднике, или душе, он имеет индивидуальное существование. Если разрушить капсулу, что может произойти при агонии ослабленного сознания, преступлении или нравственном заболевании, — дух возвращается обратно в свое исходное местопребывание, его индивидуальность исчезает.

С другой стороны, философы, которые по-своему объясняли "падение в зарождение", рассматривали дух как нечто совершенно отличное от души. Они допускали его присутствие в астральной капсуле только в отношении того, что касалось духовных эманации или лучей "сверкающего единого". Человек и его духовная душа, или монада, — то есть, дух и его

носитель, — должны были завоевать свое бессмертие путем подъема к единому, с которым они, если бы все было удачно, в конце концов соединились, и в котором они бы, так сказать, растворились. Индивидуализация человека после смерти зависела от духа, а не от его астральной или человеческой души (манаса и его носителя — камарупы) и тела. Хотя слово "личность" в том смысле, в каком оно обычно употребляется, является абсурдным, если его буквально относить к нашей бессмертной сущности, поскольку она представляет собой ярко выраженное единство, бессмертное и вечное, *per se* [самостоятельное]; и когда (как в случае безнадежных преступников) сверкающая нить, которая связывает дух с душой с самого момента рождения ребенка, грубо разрывается, и утратившая тело личностная сущность остается, чтобы разделить судьбу низших животных и постепенно раствориться в эфире, попадая в ужасное *состояние авичи*, или полностью исчезая в восьмой сфере с полным уничтожением личности, — даже тогда дух остается отдельным, отличным от других существом. Он становится планетарным духом, ангелом; ибо боги язычников или архангелы христиан, прямые эманации Первопричины, невзирая на спорное заявление Сведенборга, *никогда не были и не будут людьми*, по крайней мере на нашей планете.

Эта специализация во все времена была камнем преткновения для метафизиков. Весь эзотеризм буддийской философии основан на этом таинственном учении, понятием столь немногими людьми, и совершенно искаженным многими из наиболее известных ученых. Даже метафизики чересчур склонны смешивать следствие с причиной. Человек может достигнуть бессмертной жизни и остаться в вечности с тем же самым *внутренним эго*, которое у него было и на земле; но это не предполагает с необходимостью, что он или должен остаться м-ром Смитом или Брауном, каким он был на земле, или утратить свою индивидуальность. Таким образом, астральная душа, то есть индивидуальность, подобно земному телу и низшей части *человеческой* души, может быть поглощена космическим океаном возвышенных элементов, и перестанет чувствовать свою личную индивидуальность, если она не заслужила парения в вышине; а божественный дух, или духовная индивидуальность, все равно остается неизменной целостностью, хотя его земной опыт может быть полностью уничтожен в момент отделения от своего недостойного носителя.

Если "дух", или божественная часть души, предсуществуют от вечности, как отдельная сущность, как этому учили Ориген, Синезий и другие отцы христианской церкви и философы, и если он представляет собой то же самое и ничего более кроме метафизически объективной души, как же может он быть чем-либо отличным от вечного? И какой же в таком случае смысл в том, ведет ли человек животную или чистую жизнь, если делая то, что он может, он никогда не утратит свою *индивидуальность*? Эта доктрина является столь же пагубной по своим последствиям, как и учение об искуплении чужой вины. Если бы эта догма вместе с ложной идеей о том, что все мы лично бессмертны, была бы представлена миру в своем истинном свете, человечество стало бы лучше благодаря ее распространению. Преступления и греха избегали бы не из-за страха перед земным наказанием, или из-за боязни ада, но ради того, что наиболее глубоко укоренилось в нашей природе — желания иметь личную и отдельную от других жизнь в будущем, уверенности, что мы не можем достигнуть этого до тех пор, пока мы "захватываем небеса с помощью насилия", и убеждения в том, что ни человеческие молитвы, ни кровь другого человека не спасут нас от личного разрушения после смерти, если во время нашей земной жизни мы не связали себя прочно с нашим собственным бессмертным духом — нашим *собственным* личным богом.

Пифагор, Платон, Тимей Локрийский и вся Александрийская школа связывали душу с универсальной мировой душой; согласно их учению, часть этой последней составлял эфир, то есть нечто имеющее столь тонкую природу, что его можно было воспринимать только нашим внутренним зрением. Поэтому, он не может быть сущностью монады, или причиной,¹ поскольку *anima mundi* представляет собою лишь следствие, объективную эманацию первого.

¹ Как говорит Кришна (который является пурушей и пракрити в ее целостности, и *седьмым* принципом, божественным духом в человеке), в Бхагавадгите: "Я есть *причина*. Я есть происхождение и исчезновение всей природы. На мне подвешена вся вселенная, как жемчужины на нитке" (гл. VII). "Хоть я нерожденный, непреходящий атман, хоть я владыка существ, превосходя собственную природу (пракрити), я

возникаю собственной майей [мистическое самообразование силой мысли, предвечная идея в предвечном разуме]" (гл. IV).

Как божественная духовная душа, так и человеческая душа, являются предсуществующими. Но тогда как первая существует как отдельная целостность, или индивидуальность, душа (носитель первой) существует лишь как предсуществующая материя, как бессознательная часть разумного целого. Обе они были исходно образованы из Вечного Океана Света; но, как это говорили теософы, в огне имеется как видимый, так и невидимый дух. Они видели разницу между *anima bruta* [животной душой] и *anima divina* [божественной душой]. Эмпедокл твердо верил, что все люди и животные имеют две души; у Аристотеля мы обнаруживаем, что он называет одну разумную душу — ноус, а другую, животную душу — псюхе. Согласно этим философам, разумная душа происходит *извне* универсальной души (то есть из источника более высокого, чем универсальная душа, в его космическом смысле: это универсальный дух, седьмой принцип вселенной в ее целостности), а другая душа — *изнутри*. Эта божественная и верховная область, в которой они располагали невидимое верховное божество, рассматривалась ими (самим Аристотелем, который не был посвященным) как пятый элемент, — тогда как это *седьмой*, чисто духовный и божественный элемент в эзотерической философии, или мулапракрити, а сама же *anima mundi* представляется как имеющая тонкую, огненную, эфирную природу, распространенную по всей вселенной, — коротко говоря, эфир.¹ Стоики, величайшие материалисты древности, исключали присутствие божественного принципа и божественной души в любом таком материальном организме. Их современные комментаторы и поклонники, жадно ухватываясь за эту возможность, строят на ее основе предположение, что стоики не верили ни в Бога, ни в душу, как сущность материи. Очевидно, что Эпикур не верил в Бога или душу в том смысле, как это понимали древние и понимают современные теисты. Но Эпикур, чья доктрина (прямо выступая против деятельности как Бога, так и богов в отношении создания и управления миром) поставила его намного выше стоиков в атеизме и материализме, тем не менее учил, что душа — это тонкая, нежная сущность, сформированная из однородных, круглых и мелких атомов, описание которых приводит нас все к тому же возвышенному

эфиру. Кроме того, он верил в богов. Арнобий, Тертуллиан, Ириней и Ориген, невзирая на свое христианство, верили, как и более близкие к современности Спиноза и Гоббс, что душа имеет материальную, хотя и очень тонкую природу — то есть нечто антропоморфное и индивидуальное, то есть вещественное, конечное и обусловленное. Может ли она становиться бессмертной в этих условиях? Может ли смертное стать бессмертным?

1 Эфир — это акаша индусов. Акаша — это пракрити, или целостность проявленной вселенной, в то время как пуруша — это универсальный дух, более высокий, чем универсальная душа.

Это учение о возможности утраты чьей-либо души и, следовательно, индивидуальности, борется с идеальными теориями и прогрессивными идеями некоторых спиритуалистов, хотя Сведенборг полностью принимал его. Они никогда не согласятся с каббалистической доктриной, которая учит, что только посредством наблюдения закона гармонии можно обрести индивидуальную жизнь; и что чем дальше внутренний и внешний человек отклоняются от этого источника гармонии, лежащего в нашем божественном духе, тем труднее ему вновь обрести основу.

Но хотя спиритуалисты и другие приверженцы христианства имеют слабое (если вообще какое-то) понимание факта смерти и уничтожения человеческой личности посредством отделения бессмертной части от тленного тела, некоторые последователи Сведенборга — по крайней мере те, кто следует духу философии, а не просто буквальному пониманию учения — полностью осознают это. Один из наиболее уважаемых священнослужителей новой церкви, преподобный Чонси Джайлз, доктор богословия из Нью-Йорка, недавно следующим образом осветил этот вопрос в своем публичном выступлении. Физическая смерть, или смерть тела, — это условие божественной экономии ради благополучия человека, условие, с помощью которого он достигает высшего завершения своего существования. Но существует и иная смерть, которая является прерыванием божественного порядка и разрушением всех человеческих элементов в организме и какой-либо возможности человеческого счастья. Это духовная смерть, которая наступает перед разрушением человеческого тела. "Может произойти чрезвычайно сильное развитие

естественного разума человека, не сопровождаемое какой-либо частицей божественной любви, или бескорыстной любви человека". Когда некто, возлюбив себя, любит мир ради своих собственных интересов, утрачивая божественную любовь к Богу и своим ближним, он претерпевает падение от жизни к смерти. Высшие принципы, которые составляют основные элементы его человеческого существа, умирают, и он живет лишь на заднем плане своих страстей. Физически он существует, духовно же он мертв. По отношению ко всему, что относится к высшей и длительной фазе существования, он столь же мертв, как его тело становится мертвым для любой деятельности, для всех желаний и ощущений в мире после того, как дух покидает его. Эта духовная смерть является результатом несоблюдения законов духовной жизни, которое сопровождается таким же наказанием, как и нарушение законов естественной жизни. Но духовно умершие имеют все-таки свои удовольствия; они обладают интеллектуальными способностями, силами и ведут бурную деятельность. Они подвержены всем животным желаниям, и для множества мужчин и женщин последние составляют высший идеал человеческого счастья. Неустанная погоня за богатством, за развлечениями и удовольствиями социальной жизни; культивирование изящества манер, вкусов в одежде или повышения своего положения в обществе, научной известности опьяняет и захватывает этих живых мертвецов; но, по выразительному замечанию проповедника, "эти создания, со всеми своими изящными, богатыми платьями и блестящими манерами, мертвы в глазах Господа и ангелов, и, измеренные при помощи единственной истинной и бессмертной меры, имеют не в большей степени настоящую жизнь, чем скелеты, чья плоть рассыпалась в прах".

Хотя мы и не верим в "Господа и ангелов" (во всяком случае, не в том смысле, который вкладывают в эти понятия Сведенборг и его последователи), тем не менее мы восхищены этими чувствами и полностью разделяем взгляды вышеупомянутого священника.

Высокое развитие интеллектуальных способностей не предполагает духовную или истинную жизнь. Присутствие в одном из высокоразвитых людей интеллектуальной души (пятого принципа, или манаса) вполне совместимо с отсутствием буддхи, или духовной души. Хотя первая и возникает из последней и развивается под ее благотворными и живительными лучами, она может навсегда остаться прямым

последователем земных, низших принципов, неспособной к духовному восприятию; великолепной, роскошной гробницей, полной сухих костей и разложившейся плоти внутри. Многие из наших величайших ученых являются лишь живыми трупами — они не обладают духовным зрением, потому что их дух покинул их, или, скорее, не смог пробиться к ним. Таким образом, мы могли бы пройти через все века, проверить все профессии, взвесить все человеческие достижения и исследовать все общественные формы, и мы везде бы обнаружили этих *духовных мертвецов*.

Хотя сам Аристотель, предвосхищая представления современных физиологов, рассматривал человеческий разум как материальную субстанцию и высмеивал гилозоистов, тем не менее он, безусловно, верил в существование "двойной" души, или слияние души с духом, как это можно увидеть в его "Метафизике" (Кн. II). Он смеялся над Стратоном, верящим, что любые частицы материи, *per se* [сами по себе] могут содержать в себе жизнь и интеллект, достаточные для того, чтобы сформировать такой разнообразный мир, как наш.¹ Аристотель обязан высоким основам морали своей "Никомаховской этики" тщательному изучению "Этических фрагментов" Пифагора; ибо в последних может быть легко найден источник, из которого произросли его идеи, хотя он мог и не присягать "основателю тетрады".² Но, поистине, наши люди науки не знают ничего определенного об Аристотеле. Его философия столь трудна для понимания, что он постоянно предоставляет читателям с помощью воображения восполнять недостающие звенья в своих логических выводах. Кроме того, мы знаем, что всегда перед тем, как его труды достигали ученых, которые восхищались его аргументами (на их взгляд, атеистическими) в поддержку учения о судьбе, они проходили через слишком многие руки, чтобы остаться незапятнанными. От Теофраста, его наследника, они перешли к Нелею, наследник которого оставил их разрушаться в подземной пещере почти на 150 лет; после этого, как мы знаем, эти манускрипты были скопированы и сильно дополнены Аппеликоном из Теоса, который восполнил те параграфы, которые стали неразборчивыми, при помощи своих собственных предположений, многие из которых, вероятно, были извлечены им из глубин своего собственного сознания. Наши ученые девятнадцатого столетия могли бы получить большую пользу благодаря примеру Аристотеля, если бы они пожелали подражать ему на практике, поскольку они могли бы

включить его индуктивный метод и материалистические теории в учение платоников. Мы призываем их собирать *факты* столь же тщательно, как это делал он, вместо того, чтобы отрицать те из них, о которых они ничего не знают.

1 "De Part.", 1,1.

2 Пифагорейская клятва. Пифагорейцы присягали своему Учителю.

То, что мы говорили здесь и в других местах о различиях "духов" и других невидимых существ, развивающихся в астральном свете, и то, что мы имеем ввиду, говоря о медиумах и тенденциях медиумизма, — все это основывается не на предположениях, но на реальном опыте и наблюдении. Едва ли существует хотя бы одна фаза медиумизма, один его вид, пример которого мы бы не видели за последние тридцать пять лет в различных странах, Индия, Тибет, Борнео, Сиам, Египет, Малая Азия, Америка (Северная и Южная) и другие страны света — каждая из них показала нам свойственные ей виды медиумистических феноменов и магических сил. Наш разнообразный опыт полностью подтвердил учения наших Учителей и "Тайной Доктрины" и научил нас двум важным истинам, а именно, — тому, что для "медиумических" упражнений совершенно необходимы личная чистота и тренированная и неукротимая сила воли; и что спиритуалисты никогда не могут убедить себя в истинности медиумистических проявлений, хотя они и происходят на свету и в таких разумно проверенных условиях, при которых любая попытка обмана была бы немедленно обнаружена.

Боясь быть непонятыми, мы бы отметили, что хотя, как правило, физические феномены создаются природными духами, их собственным движением и с помощью элементарнее, все же подлинные бестелесные человеческие духи могут в *исключительных* обстоятельствах — таких как стремление чистого, любящего сердца, или под влиянием напряженных мыслей или неудовлетворенного желания в момент смерти — проявить свое присутствие либо во сне, либо наяву, или даже вызвать свое объективное появление вскоре после физической смерти. Мы опасаемся, что точное описание этого может быть создано лишь рукой "духа", причем медиум оказывается под влиянием процесса столь же непонятного ему самому, сколь и современные спиритуалисты. Но что мы утверждаем и должны будем утверждать всегда, так это то, что

подлинный *человеческий* дух не может *материализоваться*, то есть облечь свою монаду в вещественную форму. Даже в том, что касается всего остального, должно существовать могучее притяжение, в действительности извлекающее чистый бестелесный дух из его лучистого девачанского состояния — его дома — в загрязненную атмосферу, из которой он освободился, покинув свое земное тело.

Тогда, когда возможная природа разумных проявлений, которые, как верит наука, являются "психическими силами", а для спиритуалистов — "духами мертвых", станет более известной, академики и верующие обратятся за информацией к древним философам. Они могут в своей неукротимой гордыне, которая столь часто становится упрямством и высокомерием, поступать так, как это сделал д-р Шарко из Сальпетриерского госпиталя в Париже: годами отрицать существование месмеризма и его феноменов, и признавать и проповедовать его в публичных лекциях, только под общепринятым названием — "гипнотизм".

Мы находили в спиритуалистических журналах многие примеры того, как наблюдались призраки умерших любимых собак и других животных. Поэтому, согласно таким спиритуалистическим доказательствам, мы должны думать, что такие "духи" животных могут появляться, хотя мы и оставляем за собой право соглашаться с древними, что эти формы являются проделками элементалов. Невзирая на какие-либо доказательства и неправдоподобие, спиритуалисты, тем не менее, будут утверждать, что это работа "духов" бестелесных человеческих существ, и даже в случае "материализации" животных. Мы не будем проверять с их разрешения *pro* и *con* [за и против] этих спорных вопросов. Вообразим на мгновение бестелесного разумного орангутанга или какую-либо африканскую человекообразную обезьяну, лишенных физического тела и обладающих астральным, если не бессмертным телом. Если открыть дверь для сообщения между земным и духовным миром, что же помешает обезьяне создавать такие же физические феномены, какие, как она видит, создают человеческие духи? И почему они не могут превзойти в мудрости и изобретательности многих из тех, кто был свидетелем в спиритуалистических кружках? Пусть на это ответят спиритуалисты. Орангутанг с Борнео стоит по развитию разума не намного ниже, чем дикарь. М-р Уоллес и другие известные натуралисты предоставили примеры их удивительной проницательности, хотя по объему мозга они и

находятся ниже даже самого малоразвитого дикаря. Этим приматам недостает лишь речи, чтобы быть людьми, стоящими на низшем уровне развития. Часовые, поставленные обезьянами; спальные помещения, выбранные и построенные орангутангами; их предвидение опасности и вычисления, которые выглядят чем-то большим, нежели инстинкт; их выбор вожака, которому они подчиняются; и использование многих способностей, которые дают им право находиться по крайней мере на одном уровне с многими из плоскоголовых австралийцев. М-р Уоллес говорит: "Ментальные потребности дикарей и проявляемые ими в действительности способности не намного выше, чем у этих животных".

Люди предполагают, что в другом мире не могут существовать человекообразные обезьяны, потому что они не имеют "души". Но обезьяны оказываются столь же разумными, как некоторые люди; почему же тогда эти люди, ни в чем не превосходящие обезьян, должны иметь бессмертный дух, а обезьяны нет? Материалист ответит, что ни те, ни другие не обладают духом, но все они претерпевают уничтожение при физической смерти. Но духовные философы всех времен были согласны, что человек занимает ступеньку выше, чем животное (будь он самым необразованным из дикарей или мудрейшим из философов), и обладает чем-то, чего недостает последнему. Древние, как мы видели, учили, что если человек является семеричной троицей, состоящей из тела, астрального духа и бессмертной души, то животное только двоично — то есть имеет лишь пять вместо *семи* принципов, обладает физическим телом с его астральным телом и жизненным принципом, и животной душой с оживляющим его носителем. Ученые могут не замечать разницы между элементами, составляющими тела людей и животных; и каббалисты согласны с ними, поскольку говорят, что астральные тела (или, как бы назвали их физики, "жизненные принципы") животных и людей *идентичны* по своей сути. Физический человек представляет собой лишь высшее развитие животной жизни. Если, как говорят нам ученые, даже *мысль* является материальной, и каждое ощущение боли или удовольствия, каждое мимолетное желание сопровождается волнением эфира; и такие смелые мыслители, как авторы "Невидимой вселенной" верят, что мысль следует рассматривать "воздействующей на вещество другой вселенной одновременно с веществом этой"; почему же тогда не может грубая животная мысль орангутанга или собаки, запечатляющая себя на эфирных волнах астрального

света так же, как и человеческая, обеспечить животному продолжение жизни после смерти, или "будущее состояние"?

Каббалисты утверждали и снова утверждают, что нефилософично признавать, что астральное тело человека может пережить телесную смерть, и в то же время заявлять, что астральное тело человекообразной обезьяны распадется на независимые молекулы. То, что может сохраниться как некая индивидуальность после смерти тела — это *астральная душа*, которую Платон в "Тимее" и "Горгии" называет *смертной* душой, ибо, в соответствии с герметической доктриной, она отбрасывает свои наиболее материальные части при каждом перемещении в высшую сферу.

Давайте поднимемся на следующую ступень в наших аргументах. Если есть существование в духовном мире после телесной смерти, тогда этот процесс должен происходить в соответствии с законом эволюции. И это снимает человека с занимаемого им места на вершине пирамиды материи и погружают его в сферу существования, где его преследует тот же самый неумолимый закон. И если он преследует его, то почему же не кого-то еще в природе? Почему не животных и растений, обладающих всеми жизненными принципами, и чьи организмы распадаются, как и у человека, после того, как жизненные принципы покидают их? Если его астральное тело становится более эфирным после достижения иной сферы, почему же это не происходит с их телами?..

[В этом месте статья внезапно обрывается — невозможно сказать, окончена ли она, или же утрачена какая-то часть рукописи. — *Прим. издателей "Люцифера".*]

ОБ ОДНОМ НЕДОРАЗУМЕНИИ В "ЭЗОТЕРИЧЕСКОМ БУДДИЗМЕ"

"Поскольку оба редактора "Люцифера" неоднократно заявляли о своей готовности беспристрастно публиковать даже "личные замечания" в свой адрес,¹ я воспользуюсь этой возможностью. С большим интересом ознакомившись с "Эзотерическим буддизмом" и одобряя его в целом, я хотел бы, с вашего любезного разрешения, сформулировать возражение по некоторым пунктам воззрения м-ра Синнетта на эволюцию, которые сильно потрясли меня и моих друзей. Они, как это может показаться, раз и навсегда разрушают теорию происхождения человека, выдвинутую столь популярным автором. Однако м-р Синнетт с таким постоянством выражал свою готовность ответить на искреннюю критику, что я, вероятно, могу надеяться на его помощь в преодолении этого затруднения. Между тем, несмотря на мое благосклонное отношение к теософии, я волей-неволей должен выразить мое убеждение в том, что один из аспектов эзотерической Доктрины (конечно, если м-р Синнетт может рассматриваться как абсолютный авторитет в этом вопросе) противоречит науке. Это одно из фундаментальных положений, признанное всеми — за исключением, быть может, немногих ... ну, таких вот слишком восторженных теософов.

1 См. "Люцифер", № 6, стр. 432.

В "Эзотерическом буддизме" мы сталкиваемся с принятием дарвинизма в целом. В частности, считается, что физический, человек произошел от обезьяньих предков.

"Человек, по словам Дарвина, когда-то был обезьяной, что до некоторой степени верно. Но обезьяна, подразумеваемая (??) Дарвином, остается обезьяной на протяжении многих поколений, ее хвост не отпадает, и руки ее не превращаются в ноги и так далее ... если углубиться достаточно далеко в прошлое, то мы попадем в период, в котором не было человеческих форм, готовых к развитию на земле. Когда духовные монады, проходящие самый ранний или самый низкий человеческий уровень, подходят, таким образом, к исходной точке круга (планетарной цепи этого земного шара), их непрерывное давление на мир, содержащий лишь животные формы, вызывает повышение уровня последних до требуемой формы, — о которой обычно говорят как о недостающем звене".¹

И снова:

"Минеральное царство не будет больше порождать растительное царство ... пока оно не получит импульс извне,

как и Земля смогла развить человека из обезьяны, только получив импульс извне".²

1 А. П. Синнетт: "Эзотерический буддизм", стр. 42-43, Лондон, 1883.

2 Там же, стр. 48.

Изложенная здесь теория полагает, что развитие человека из обезьяны было вызвано инкарнацией человеческих эго с последней планеты в семизвенной цепи небесных тел. Я могу здесь заметить, что, говоря о наших предполагаемых животных предках как об обезьянах, "подразумеваемых" Дарвином, м-р Синнетт превосходит в своей смелости самых отчаянных эволюционистов. Ибо это гипотетическое создание вообще неизвестно, причем подозрительным является его отсутствие во всех, до сих пор исследованных, отложениях. Это, однако, замечание, сделанное мимоходом. Настоящее обвинение, к которому я сейчас подошел, будет изложено далее.

Нам говорят, что оккультисты делят время человеческого существования на этой планете на семь великих периодов рас. В настоящее время, пятая из этих рас, арийская, находится в своей восходящей фазе, в то время как четвертая представлена все еще многочисленными популяциями. Третья уже почти исчезла. На 64-ой странице "Эзотерического буддизма" нам говорят относительно четвертой расы, что:

"В эоценовой эре, уже в самом ее начале, великий цикл четвертой человеческой расы — атлантов — уже достиг своей наивысшей точки".

Здесь нам указывается отчетливая отметка в эзотерической хронологии. Суммируя эти данные, мы сталкиваемся со следующими предположениями:

1. Человечество физически развилось из человекообразных обезьян.
2. Четвертая раса достигла расцвета в начале геологической эоценовой эры.
3. Три первые расы (первая, вторая и третья) должны, поэтому, предшествовать эоценовой эре на огромный отрезок времени, даже если мы примем, что они были гораздо короче четвертой и пятой. Первая раса должна была бы предшествовать третичному периоду на несколько миллионов лет.
4. Дотретичная первая раса произошла, таким образом, от обезьян, живших еще ранее.

В этот момент разрушается сама ткань теории. Необходимо отметить, что наука не сумела найти *ни одного* следа *человекообразной обезьяны ранее поздней миоценовой эры*. Эоценовые отложения предшествуют миоценовым, и первая раса, как это уже показано, должна была предшествовать эоцену; она должна уходить далеко назад вглубь далеких и темных времен, когда создавались меловые утесы мезозойского периода! Как же может м-р Синнетт утверждать, что его взгляды на эволюцию человечества являются просто "взаимодополняющими" с дарвиновскими, если он имеет дело с периодами времени неизмеримо большими, нежели те, которыми оперируют эволюционисты? Палеонтологи единодушно отказываются признать существование высокоорганизованных обезьян ранее третичного периода; над этим посмеялся бы и Дарвин. По существу, только *простейшие* млекопитающие появились к тому времени, как сформировались эоценовые слои. Таковы научные взгляды, к которым м-р Синнетт предлагает нам отнестись с должным уважением. По-видимому, сам того не сознавая, он пригнул гадюку у себя на груди, потому что теперь та же самая наука "обернулась против него и жалит его". Я спрашиваю, КАК ЖЕ МОГЛА ВОЗНИКНУТЬ ОТ ОБЕЗЬЯН ПЕРВАЯ РАСА ЗА ЗОНЫ ЛЕТ ДО ТОГО, КАК ЭТИ САМЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ ПОЯВИЛИСЬ? Если м-р Синнетт будет столь любезен, предложить удовлетворительный ответ на этот вопрос, он существенно поможет избавиться от интеллектуальных затруднений, возникших на пути —

АГНОСТИКА, ИЗУЧАЮЩЕГО ТЕОСОФИЮ.

20 апреля, Абердин

Это письмо представляет собой обвинение либо против Эзотерической Доктрины, либо против ее толкователей. Сама доктрина в наше время является неопровержимой, хоть ее толкователи и могут часто ошибаться при ее изложении; особенно это случается тогда, когда, как и в случае с автором "Эзотерического буддизма", пишущий недостаточно знаком с вопросами, о которых он трактует.

Предоставляя автору "Эзотерического буддизма" самому отвечать на критику, один из редакторов "Люцифера", косвенно связанная с этой работой, просит дать ей возможность сказать несколько слов на эту тему. Прежде всего, она хотела бы выразить удовлетворение по поводу того, что началось изучение вопросов, содержащихся в книге м-ра Синнетта; она была единственной из тех, кто имел отношение к этим исследованиям, и кто на протяжении многих лет был осведомлен о них. Поэтому никто лучше нее не может знать,

что содержится и что отсутствует в различных положениях этого учения.

Наш корреспондент должен иметь в виду, что:

а) во время публикации "Эзотерического буддизма" (слово *буддизм*¹ было бы более точным) автор имел весьма несовершенные познания в оккультизме; в противном случае он не прослеживал бы происхождение человека от человекообразных обезьян, ибо эта теория, по мнению Учителей, абсурдна и *неприемлема*;

¹ *Буддизм* означает "мудрость", от *будха*, "мудрый", "разумный", и повелительное наклонение глагола *будхьядхван*, "познай", а буддизм — это религиозная философия Гаутамы Будды. Как справедливо отмечает д-р Уилсон в своем переводе "Вишну пураны", "много ошибочных спекуляций появилось из-за смешения Будха, сына Сомы (Луны) и правителя планеты Меркурий — "того, кто знает", "знающего", — с Буддой, неким обожествленным (?) смертным, или "тем, который познал истину", или воплощенном в личности Гаутамы, или Шакья, сыном раджи Шуддходаны. Эти два термина не имеют ничего общего; эти имена становятся идентичными только благодаря той или иной ошибке". Буддизм, известный уже в доведийский период, на много лет предшествовал буддизму.

б) это была лишь первая попытка испытать готовность общества к восприятию эзотерической философии.

Ибо м-р Синнетт в основном использовал свои собственные источники и идеи, и следовал, естественно, движению собственного ума, который, хотя и склонен к эзотерической философии, но, тем не менее, определенно подвержен влиянию современной науки. Следовательно, то, что изложено в этой книге, имело своей целью взглянуть на это учение с высоты птичьего полета, а не детальное описание какой-либо конкретной проблемы. Само же учение не было дано вместе с публикуемой книгой. Это учение никогда не исследовалось систематически и не могло быть предложено вниманию обывателя; поэтому оно состоит из разрозненной информации в форме ответов на вопросы, заданные в частных письмах

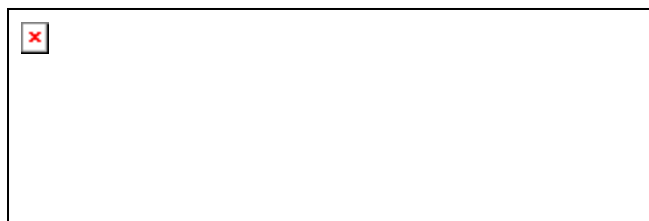
относительно самых разных предметов, таких, как космогония и психология, теогония и антропология и так далее. Более того, многие вопросы были оставлены без какого-либо ответа и полные объяснения специально обходились стороной, поскольку они относились к тайнам Восточного Посвящения. Эта политика, впоследствии, доказала свою мудрость. На этой стадии абсолютного материализма с одной стороны, осторожного агностицизма с другой, и разного рода неопределенностей в отношении индивидуальных идей, возникающих у наиболее видных деятелей науки, вряд ли было бы разумным *полное* откровение по поводу архаичной схемы антропологии. Во времена Пифагора гелиоцентрическая система была тайной, мыслимой лишь в тишине и уединенности внутренних храмов; а Сократ был приговорен к смерти за ее разглашение, под воздействием своего ДАЙМОНА. В наше время люди, открывающие системы, расходящиеся во взглядах с религией или наукой, не подвергаются физическому уничтожению, но их медленно угнетают, в течение всей жизни до их смертного часа, открытой клеветой и тайными преследованиями. Таким образом, полное разъяснение даже такой сокращенной и ограниченной версии "эзотерического буддизма" могло бы принести больше вреда, чем пользы.

Только *некоторые его части* могут быть даны, и они будут даны в ближайшем будущем.

Тем не менее, как признает и наш критик, невзирая на все эти трудности, м-р Синнетт проделал очень интересную и ценную работу. То, что в своем ярко выраженном восхищении современной наукой он, по-видимому, несколько материализовал учение — это признает каждый метафизик. Но верно также, что автор "Эзотерического буддизма" утверждает "*авторитарный* характер" своей книги лишь в той мере, в какой он создается благодаря некоторому количеству буквальных цитат, взятых из доктрин Учителя, в особенности тех, которые рассматривают такие сложные вопросы, как эволюция. Обстоятельство, на котором делает ударение его критик — неубедительность утверждений, сделанных в этой работе относительно происхождения человека на этой планете, — безусловно, обесценивает предпринятую м-ром Синнеттом попытку объединить дарвиновскую и эзотерическую схемы эволюции человечества. Но каждый истинный теософ, не ожидающий незамедлительного признания истин, в которые он верит, но уверенный в их триумфе в будущем, может только

порадоваться этому. Научные теории, или, скорее, *предположения*, на самом деле слишком материалистичны, чтобы можно было их соединить с "эзотерическим буддизмом".

Однако, поскольку вся эта проблема исключительно сложна, то невозможно разобраться в ней в рамках этой короткой заметки. "Буддизм" в архаические, *доисторические* времена — это не тот вопрос, который может быть изложен в одном небольшой томе. Достаточно сказать, что большая часть ожидаемой "Тайной доктрины" посвящена разъяснению истинных эзотерических взглядов на происхождение человека и развитие общества, о чем в "Эзотерическом буддизме" сказано вскользь. Именно к этому источнику мы и хотим направить всех, у кого возникнут вопросы.

"ЭЗОТЕРИЧЕСКИЙ БУДДИЗМ" И "ТАЙНАЯ ДОКТРИНА"

"В связи с различными замечаниями относительно "Эзотерического буддизма", которые, вероятно, возникают в ходе работы над Вашей новой книгой, "Тайной доктриной", я хотел бы привлечь Ваше внимание к некоторым высказываниям по тому же вопросу, появившимся ранее в "Теософисте", в то время, когда вы были редактором этого журнала.

В "Тайной доктрине" вы говорите об "Эзотерическом буддизме" как о "книге с очень неудачным названием", и, ссылаясь на отрывок в моем предисловии, в котором подчеркивается, новизна излагаемых здесь учений для европейского читателя, вы говорите, что в него вкралась ошибка, вызванная моей небрежностью. В последнем номере "Люцифера" вы обсуждаете этот вопрос в заметке,

следующей за письмом корреспондента. Позвольте мне напомнить Вам редакционную заметку в февральском номере "Теософиста" за 1884 год, очевидно, вышедшую из-под Вашего пера. Она была написана в ответ на реплику м-ра У. К. Джаджа о том, что почти все руководящие идеи доктрины, содержащейся в "Эзотерическом буддизме", могут быть найдены в Бхагавадгите. Вы писали:

"Мы не уверены в справедливости замечаний нашего американского брата. Знание, открытое в "Эзотерическом буддизме", несомненно, открывается в первый раз, поскольку аллегории, рассеянные в священной индийской литературе впервые оказались теперь объясненными миру непосвященных.¹ Со дня основания Теософского общества и публикации "Изиды", ежедневно повторяется, что вся эзотерическая мудрость прошлого содержится в скрытом виде в Ведах, Упанишадах и Бхагавадгите; и все же до появления "Эзотерического буддизма", так же, как и в течение многих предшествующих столетий, эти доктрины оставались письмом, *запечатанным для всех, кроме нескольких посвященных браминов*, которые всегда хранили их дух внутри себя".

1 Автор "Тайной доктрины" покорнейше напоминает, что она никогда не отрицала в отношении доктрин, разъясненных м-ром Синнетом, привилегию того, что они впервые были *ясно "ОБЪЯСНЕНЫ"*, в печати, в "Эзотерическом буддизме". Единственное на чем она решительно настаивает, это то, что они были *открыты* некоему *европейцу*, а через него и другим европейцам, *не в первый раз*. Имеется несомненная разница между "опубликовать" и "открыть"; прекрасная *зацепка*, используемая нашими общими врагами. Более того, автор "Тайной доктрины" не была первой, давшей естественное объяснение той самой сентенции, которую использовал наш высокочтимый друг и корреспондент; это было сделано многими критиками как *вне*, так и *внутри* Теософского общества. Речь идет здесь не о разногласиях между м-ром Синнетом и Е. П. Блаватской, но между ними, с одной стороны, и их критиками, с другой; причем, оба они связаны друг с другом (как теософы, верующие в эзотерические учения) обязательством защищать Священную Доктрину от

нападок с любых сторон — *посредством* ее разъяснения.

Таким образом, если я ошибался в своем утверждении, что это учение ранее не было известно европейцам, то делал я это в хорошей компании — с Вами вместе. Ваша заметка заставляет сказать далее, что учения "Эзотерического буддизма", конечно, находятся в скрытом виде в Бхагавадгите, "но", говорите вы:

"Что из этого? Что хорошего для м-ра У. К. Джаджа и любого другого человека может быть в алмазе, который лежит глубоко под землей? Конечно, каждый знает, что нет ни одного драгоценного камня, сверкающего сегодня в ювелирной лавке, который не лежал бы в скрытом виде в течение многих веков в недрах земли. Но, конечно, тот, кто впервые его нашел, расколол и отполировал, вероятно, имеет право сказать, что он впервые открыл миру этот алмаз".¹

1 Это доказывает, во-первых, что желание защититься в печати друга и товарища по работе *quand même* [во что бы то ни стало, *франц.*], даже если он не полностью прав, все же не всегда разумно; и, во-вторых, что всякий опыт приходит со временем. "Хороший адвокат не только слушает, но и исследует каждый случай, и если он опасается проиграть дело, он отказывается от него", — поучает Фуллер. Из меня не вышло "хорошего адвоката", и я несу свою *карму* за это; из "адвоката" я превратилась в "обвиняемого".

Что касается моего "неудачного названия", которое было (как Вам, я полагаю, известно) одобрено, и первоначально не возникло никакого вопроса относительно двух "д", — вы говорите в "Тайной доктрине":

"Это дало нашим врагам сильное оружие против теософии, поскольку, как это резко выразил известный палийский ученый, в книге, названной "Эзотерический буддизм", нет ни эзотеризма, ни буддизма".¹

Таким образом, вы повторяете ту же критику, что и в статье, опубликованной в "Теософисте" в ноябре 1883 года. Ваш текст по этому вопросу был основан на публикации в "St. James' Gazette", авторство которой вы приписываете д-ру Рис-Дэвидсу, и вы пишете:

"Но прежде чем востоковеды смогут доказать, что доктрины, излагаемые м-ром Синнеттом, не являются "буддизмом, ни

эзотерическим, ни экзотерическим", они должны будут разделаться с тысячами текстов браминской адвайты и других ведантистов — в особенности с работами Шанкарачарьи, — на основании которых можно доказать, что в этих трудах эзотерически даются те же самые доктрины".

В той статье вы говорили о том же замечании, которое вы сейчас считаете "очень важным"² и приписываете перу крупного палийского ученого, как о "злобной и беспочвенной критике".

1 "Тайная доктрина", том I, *Введение*, стр. 21. — *Прим. редактора*.

2 Так мы говорим теперь. И мы не отказываемся ни от одного слова, сказанного тогда; и "Тайная доктрина" подтверждает это. Но это вовсе не противоречит тому факту, что любое учение, вы сказанное когда-либо публично, не может далее рассматриваться как "эзотерическое". Эзотерические идеи, изложенные в "Эзотерическом буддизме" и "Тайной доктрине", стали теперь экзотерическими. Замечание о "злобной" критике не исключает того, что она была "очень важной"; таковы, например, большинство замечаний Карлейля. Несколько лет назад, в То время, когда наши доктрины были едва очерчены, и востоковеды ничего о них не знали, всякая дискуссия и критика такого рода была "бесполезной". Но сейчас, когда эти доктрины распространились по всему миру, пока мы не назовем вещи своими именами и не признаем наши ошибки (например, написание *буддизм* вместо "будхизм" — ошибка, кроме того, отчетливо приписанная *непосредственно нам*, "индийским теософам", а *вовсе не м-ру Синнетту*), наши критики будут иметь бесспорное право обвинять нас в том, что мы пустились в плавание под *фальшивым* знаменем. Нет ничего более пагубного для нашего дела. Если мы хотим, чтобы на нас смотрели как на *теософов*, мы должны защитить ТЕОСОФИЮ; мы должны защитить наше знамя, прежде чем мы подумаем о защите нашей собственной незначительной личности и *amour-propre* [самолюбия, *франц.*], и должны быть готовы

к тому, чтобы принести себя в жертву. Именно это я и пыталась сделать во *Введении* к "Тайной доктрине". Жалок знаменосец, закрывающий свое тело от вражеских пуль священным знаменем, которое ему доверили!

Уместность заголовка, данного моей книге, обсуждалась в статье в "Теософисте" за июнь 1884 года, снабженной замечаниями редактора. Автор говорил в ней:

"Название, данное книге м-ра Синнетта, не будет ошибочным или спорным, когда будет отчетливо понята полная идентичность между изложенными в ней доктринами и учениями древних индийских риши".¹

Эти цитаты показывают, что неблагоприятное мнение об "Эзотерическом буддизме", предложенное в настоящее время на суд читателей "Тайной доктрины", возникло у ее автора, по-видимому, относительно недавно.²

1 Поскольку "риши" не имеют никакого отношения, к "буддизму" — религии Гаутамы Будды, — это высказывание, несомненно, свидетельствует о том, что ошибка, связанная с двойным "д", в то время не казалась автору столь существенной, как это стало потом..

2 Это ошибка. То, о чем говорится ныне в "Тайной доктрине", мы знали и ранее, но с первого года после публикации "Эзотерической доктрины" хранили молчание; однако мы признаем, что с самого начала мы не понимали важности этой ошибки так отчетливо, как понимаем это сейчас. Большое количество критических замечаний, содержащихся в частных письмах и в письмах, присланных в "Люцифер", как от друзей, так и от недругов, заставило нас увидеть этот вопрос в его истинном свете. Если бы эта критика была направлена только против нас (м-ра Синнетта и Е. П. Блаватской) *персонально*, ее можно было бы полностью проигнорировать. Но поскольку она имела прямое отношение к исповедуемым нами доктринам — некоторые настаивали на том, что это *буддизм* в чистом виде, а другие считали, что это *новомодная доктрина*, изобретенная нами и приписываемая буддизму, — то опасность стала

совершенно очевидной, и без публичного объяснения уже никак нельзя было обойтись. Более того, впечатление, что это учение является слишком материалистичным — "Эзотерический буддизм" осуждали за поддержку дарвиновской гипотезы, — распространилось от индуистов и ведантистов до почти всех европейских теософов. Это мнение необходимо было опровергнуть, что мы и сделали в "Тайной доктрине".

Удовлетворившись заверением, полученным (как объяснено в предисловии к шестому изданию) от почтенного учителя, суть которого сводится к тому, что книга в целом представляет собой логичное и заслуживающее доверия изложение его учений, не нуждающееся в каком-либо последующем изменении или апологизации,¹ я до последнего времени оставлял без ответа всякую критику, высказываемую в ее адрес. Я знал с самого начала, что в ней содержатся ошибки, которые может обнаружить посвященный, но к тому времени, когда человек, изучающий книгу, сумеет оценить эти ошибки, он уже будет находиться в независимой позиции к этой книге, а до тех пор они не будут его смущать.² Однако сейчас я жалею, что "Тайная доктрина" посвящена не только распространению и развитию учения (то есть задаче, которая никем, не может быть выполнена лучше, чем Вами, что я охотно первым и признаю), но она прокладывает свой путь посредством замечаний об "Эзотерическом буддизме", и эти замечания касаются не только новых мыслей по поводу многих бесспорных недостатков моей книги, но и содержат в себе пренебрежительное отношение,³ высказываемое Вами по всякому поводу, и упреки другим за то, что они идут вперед.

Вы говорите, возражая против названия моей книги, что "эзотерические истины, представленные в книге м-ра Синнетта, перестали быть эзотерическими с момента их опубликования". Не должно ли то же самое странное возражение появиться на первой странице книги, названной "Тайная доктрина"? Не утратила ли доктрина права на это определение с того времени, как появилась Ваша книга?⁴

1 Никто никогда и не помышлял о том, чтобы отрицать, что "Эзотерический буддизм" является *в целом* "заслуживающим доверия изложением" учений Учителя. Утверждается лишь то, что некоторые *личные* спекуляции автора были неверны и приводили к ошибочным заключениям, (а) по причине их неполноты, (б) из-за того, что они

были ближе к современной *физической* науке, чем к метафизической философии. Весьма вероятно, что ошибки, проистекающие из желания отразить диаметрально противоположное, будут найдены и в "Тайной доктрине". Как же любой из нас, в том числе и наиболее сведущий в оккультном учении среди теософов, может претендовать на непогрешимость? Давайте скромно признаем вместе с Сократом, что "все, что мы знаем, это то, что *мы ничего не знаем*"; во всяком случае, ничего, в сравнении с тем, что мы должны узнать.

2 Не "смущать", а *вводить в заблуждение* — именно это и произошло.

3 Мы возражаем против этого выражения. Не "пренебрежительное отношение", но просто попытка прояснить некоторые идеи, излагаемые в наших работах. Без таких объяснений, утверждения, делаемые обоими авторами, неизбежно могли бы быть отвергнуты как противоречащие друг другу. Широкая публика редко достигает глубины в анализе таких трудных метафизических вопросов, но судит по внешности. Мы должны, в первую очередь, познакомить читателя со всеми сторонами учения, прежде чем позволить ему принять или даже усмотреть в одной из этих сторон некую *догму*.

4 Бесспорно, это *так*, если следовать логике. Наш корреспондент вряд ли задал бы этот вопрос, звучащий как сарказм, если бы он обратил внимание на то, что сказано во Введении к "Тайной доктрине" [стр. 21-22]: "Эзотерический буддизм" — это прекрасная работа с очень неудачным названием, хотя оно означает не более чем название данной книги, "*Тайная доктрина*"; другими словами, "*Эзотерический буддизм*", также как и те части "Тайной доктрины", ныне разъясненные в нашем издании, *перестали быть "тайными"* с момента их обнародования. Мы призываем логиков и литературных критиков разрешить этот вопрос.

Эти вопросы имеют совсем небольшое значение, хотя они и усложняют мое понимание того, почему Ваши взгляды на них

столь диаметрально изменились за последние годы.¹ Я вряд ли взялся бы за написание этого письма, если бы не пассаж из "Тайной доктрины", относящийся к "Эзотерическому буддизму".² Вы считаете, что моя попытка объяснить планетарную эволюцию неудачна из-за своей недостаточной метафизичности, цитируя при этом мое высказывание, что "чистая метафизика такого рода меня не привлекает", в связи с фразой из одного директивного письма, которое я получил во время работы над книгой. "В таком случае", — говорите вы, — "как отмечает Учитель в своем письме: почему проповедь наших доктрин является столь тяжелой работой и плаванием *adversum flumen* [против течения, *лат.*]"'. Любопытный читатель вообразит, что приведенный пассаж из этого письма имеет отношение к выражению, цитируемому из книги.³ На самом деле, ничего подобного далее нет. Мое замечание о "чистой метафизике" имеет ограниченную и специфическую сферу приложения, и на следующей странице я имею дело с периодом, предшествующим самым ранним проявлениям природы в сфере чувств, когда эволюция работала с "элементарными силами, лежащими в основе явлений природы, столь очевидных и воспринимаемых человеческими чувствами теперь".

Время от времени, от критиков "Эзотерического буддизма", которые, по-видимому, отмечают мой неверный подход, я слышал это обвинение в том, что я недостаточно оценил великую доктрину с метафизической точки зрения, что я "материализовал" ее концепции. Не думал, что я когда-нибудь возьмусь за перо, чтобы бороться с этой идеей, хотя она всегда казалась мне странной и ошибочной; но обвинения с Вашей стороны столь укрепили мою позицию по этому вопросу, что пришло время, во всяком случае, разъяснить, каковы же мои собственные соображения.⁴

1 *Vide supra* [см. выше, *лат.*] причины теперь ясны.

2 "Тайная доктрина", том I, стр. 232 и далее. — *Прим. редактора.*

3 Это замечание Учителя было сделано в общем, а не по какому-то конкретному поводу. Но что из этого?

4 Мы еще раз просим нашего друга и коллегу м-ра Синнетта поверить, что сказанное в "Тайной доктрине" не содержит замечаний, выражающих наши *личные возражения*, поскольку нам слишком хорошо знакома позиция нашего корреспондента, чтобы иметь какие-либо возражения. Они

адресованы нашим благожелательным критикам и направлены против них, особенно против тех, кто с достойной восхищения, хотя и заслуживающей лучшего применения, беспристрастностью пытаются поразить нас обоих, а *через* нас — всю Эзотерическую Доктрину. Не провозглашалась ли последняя некоторыми доброжелателями изобретением Е. П. Блаватской? Не утверждал ли даже такой исключительно умный и ученый человек, как покойный Ш. У. Кинг, в своей книге "Гностики и их реликвии", что у негр есть причины "предполагать, что прорицательница "Эзотерического буддизма" (т. е. ваш покорный слуга) извлекла свои первые идеи из анализа *Внутреннего человека* (т. е. наших семи принципов), изложенных в моем (его) первом издании"! И это потому, что большинство философских гностических работ, особенно учения Валентина и Маркиона, полны нашими древними эзотерическими идеями. Поистине, сейчас самое время, чтобы обвиняемый также мог "встать и объяснить" свою позицию в "Тайной доктрине", невзирая на чью-либо (в том числе ее собственную) личность.

Обвинение в "материализации" доктрины возникли, по-видимому, исключительно потому, что мне в какой-то мере удалось сделать некоторые ее части доступными для понимания. Широко распространен обычай рассматривать неясность изложения как эквивалент одухотворенности мысли; и большинство людей не привыкло уважать ту фразеологию, которую они могут понять. Не привыкшие воспринимать мысль с помощью образной интуиции, они полагают, что если эта мысль дается в живом виде, то тем самым она утрачивает свое привилегированное положение в идеальной сфере. Они обычно рассматривают некий кирпич как нечто, имеющее определенную форму и назначение, а идею — как тень Протея. Если идея имеет определенное место в природе, она будет казаться им материализованной, даже если она будет связана с жизненными условиями, столь далекими от материальных, как деваханическое чувство.

Последовательность Причины и Следствия, по-видимому, материализуется сама по себе — в той ментальной атмосфере, в которой я это обсуждаю, — если ее рассматривать в наиболее интересном аспекте, а именно, как прокладывающую путь из одного природного плана в другой.

Для такого рода читателей "Эзотерический буддизм", может быть, является материалистичным; но, поскольку я осмеливаюсь верить в то, что он является мостом, по которому уже перешли многие, и могло бы перейти еще больше, через пропасть, разделяющую материальные интересы этой жизни и царство духовных устремлений вне ее, я не вижу причины сожалеть о той форме, в которой она была написана, хотя многие из тех, кто использовал ее в свое время, сейчас презирают ее материалистическую конструкцию.¹ Это слишком перегрузило бы Ваш журнал, если бы я цитировал в полном объеме высказывания, показывающие, сколь постоянно я подчеркивал нематериалистические аспекты этого учения; однако я, вероятно, могу позволить себе привести одну цитату небольшого отрывка из главы о "вселенной", в котором говорится:

"Она (доктрина Эзотерической Мудрости) снисходит до материализма, как бы связывая свои методы с логикой этой системы, и поднимается в высшие сферы идеализма, чтобы охватить и выразить наиболее высокие духовные устремления".

Целостная истина этой доктрины прекрасно изложена в исчерпывающем виде в конце длинной статьи "Метафизическая основа эзотерического буддизма", которая опубликована в "Теософисте" за май 1884 г., с наводящей на размышления подписью, Дамодар К. Маваланкар. Она гласит:

"Читатель поймет теперь, что "Эзотерический буддизм" — это не система материализма. Это, как говорит м-р Синнетт, *трансцендентальный материализм*, который не является материализмом, так же, как абсолютное сознание — это отсутствие сознания".²

1 Мы не знаем никого, кто бы "презирал", но знаем, с другой стороны, многих, и таковых очень много, которые радуются, по тому что ее можно рассматривать как "материалистическую". Самое время опровергнуть их и вывести из заблуждения; и это письмо, в котором впервые излагаются истинные взгляды и позиция нашего корреспондента, — это один из первых хороших плодов, появившихся благодаря моим замечаниям в "Тайной доктрине". Это хороший способ остановить наших врагов.

2 Это — *verbatim* [слово в слово, *лат.*] выражение вашего друга и покорного слуги, Редактора. Дамодар лишь повторил наши взгляды. Но таких, как Дамодар мало, и наш корреспондент хорошо знает, что в Англии имеются другие брамины, заявившие, что "Эзотерический буддизм" *материалистичен в своей основе*, и постоянно поддерживающие эту мысль в других людях.

Всякая защита кого бы то ни было — это неприятное дело. По многим причинам я бы скорее оставил все эти вопросы в покое, но игнорировать неблагоприятные замечания, вышедшие из-под Вашего пера, означало бы отнестись к ним с меньшим уважением, чем содержат мои настоящие замечания.

В заключение, поскольку "Тайная доктрина" так часто обсуждает то, что говорится в "Эзотерическом буддизме" относительно дарвиновской эволюции, позвольте мне попытаться разъяснить этот пункт. Полученное мной учение о расовой эволюции, весьма ограничено. Было бы неточным назвать его "фрагментарным" (как это иногда делается); но оно имеет в своей основе рассмотрение проблем "космогенезиса", следовательно, занимается, прежде всего, космическим прогрессом духовных вопросов в различных царствах природы, начиная с минералов и завершаясь в человеке. Из этого элементарного утверждения следует, что на некой стадии великого эволюционного процесса происходит подъем из царства животных в человеческое царство,¹ независимо от того, где бы этот переход ни происходил. В этом отношении учение подтверждает дух дарвиновской идеи,² хотя дальнейшее выяснение этого вопроса Вашей данной работе показывает, что многие специфические предположения дарвинизма ошибочны, а его приложение к человеческой эволюции в этот мировой период в целом неоправданно. Необходимо сказать, что когда я писал "Эзотерический буддизм", я не знал позиции Вашего учения по этому вопросу, поэтому мое личное убеждение того времени состояло в том, что доктрина поддерживает гипотезу Дарвина в общем виде. Когда я писал "Эзотерический буддизм", я не слышал живого слова Индии, что и привело к противоположному эффекту.³

1 В первом Круге, частично во втором, но не на каком-либо этапе *четвертого* Круга. Для этого имеется чисто *математическая* или, скорее, алгебраическая причина: Настоящий (наш) Круг,

являющийся срединным (между 1-м, 2-м и 3-м с одной стороны, и 5-м, 6-м и 7-м, с другой), — это период приспособления духа и материи и конечного равновесия между ними. Это тот момент, когда царство *истинной* материи, ее величайшее состояние (так же не известное науке, как и ее противоположный полюс — гомогенная материя или субстанция) завершает свое развитие и приходит к концу. С этой точки зрения физический человек начинает сбрасывать "слой за слоем" свои материальные молекулы для пользы и последующего формирования животного царства, которое, в свою очередь, передает их растительному царству, а последнее — минеральному. Поскольку в *первом* Круге человек развился из животного *через посредство* двух других царств, следует полагать, что в данном Круге он должен появиться *прежде* мира животных *этого* манвантарического периода. Более подробно это изложено в "Тайной доктрине".

2 Что же знали Дарвин или дарвинисты о нашем эзотерическом учении о "Кругах"? "Дух" дарвиновской идеи — это "ирландский бык", поскольку этот "дух" является материализмом чистейшей воды.

3 Причина этого также изложена в "Тайной доктрине".

Таким образом, больше не осталось вопросов, заслуживающих обсуждения. Мои читатели должны были познакомиться с первичными принципами кармы, реинкарнации и космического прогресса, направленного к высшим состояниям существования. Весь космогенезис, необходимый для понимания этих принципов, содержится в данном учении. Многое было оставлено для дальнейшего развития, в надежде на перспективу. Первая книга Эвклида не может содержать также вторую, третью и четвертую. Я не сомневаюсь, что в "Тайной доктрине" мы получили эзотерическое учение, аналогичное более развитой геометрии. Но, вероятно, она будет менее всего оценена теми, кто, прочтя первые страницы, подумает, что в ней идет речь о треугольниках".

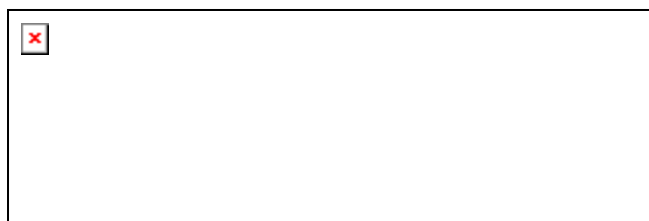
С уважением, Ваш
А. П. Синнетт

От всего сердца мы благодарим м-ра Синнетта за это письмо. Лучше позже, чем никогда. В только что опубликованном первом томе нашей "Тайной доктрины" [стр. 262], мы приводим цитату из письма члена Теософского общества:

"Я полагаю, вы понимаете, что три четверти теософов, и даже люди, не принадлежащие к Теософскому обществу, воображают, что в "Эзотерическом буддизме" по вопросу об эволюции человека дарвинизм и теософия пребывают в любовном согласии".

Мы горячо отвергаем эту мысль уже на следующей странице, но наше отрицание не пошло бы столь далеко без поддержки м-ра Синнетта. Письмо, содержащее цитируемое выше предложение, было написано более двух с половиной лет тому назад, и наш отказ от обвинения "Эзотерического буддизма" в материализме и дарвинизме был поддержан автором этого письма и многими другими. Однако для пользы дела не помешало бы, чтобы м-р Синнетт лично подтвердил это. Ныне наша цель достигнута, ибо автор "Эзотерического буддизма" формально опроверг обвинение, и мы надеемся, что у нас не будет больше столь резких расхождений в наших философских убеждениях.

Заканчивая, мы еще раз благодарим нашего уважаемого корреспондента за снисходительность, с которой он воспринял наши замечания, хотя, к нашему сожалению, он ошибочно приписывает их ничем не оправданному изменению в нашем отношении к нему. Мы отвергаем такое обвинение и надеемся, что наши объяснения рассеют последние следы любых подозрений подобного рода.

СОЗНАНИЕ И САМОСОЗНАНИЕ

Считается, что душа не может воспринимать более одного объекта в данный момент времени, поскольку душа является неким единством. Оккультизм учит, что наше сознание может одновременно получать не менее *семи* различных впечатлений и даже сохранять их в памяти. Это можно продемонстрировать, если извлечь в одно и то же время семь нот гаммы на музыкальном инструменте, скажем, на фортепиано. Семь звуков одновременно достигнут сознания; хотя нетренированное сознание может оказаться неспособным зарегистрировать их в первую же секунду, их продолжающиеся вибрации создадут в ухе семь различных звуков разной высоты. Все зависит от тренировки и внимания. Таким образом, передача ощущения от любого органа к сознанию происходит почти мгновенно, если ваше внимание сконцентрировано на нем; но если какой-либо шум нарушит ваше внимание, потребуется несколько секунд, прежде чем ощущение достигнет вашего сознания. Оккультист должен тренировать себя в том, чтобы получать и передавать вдоль по семи уровням своего сознания любое впечатление или впечатления одновременно. Тот, кто в наибольшей степени уменьшает интервалы физического времени, достигает наибольшего прогресса.

Названия и порядок этих семи уровней таковы:

1. Чувственное восприятие;
2. Самовосприятие (или апперцепция);
3. Психическое самовосприятие, которое приводит к
4. Витальному восприятию.

Таковы четыре низших уровня, принадлежащие психофизическому человеку. Далее следуют:

5. Манасическая интуиция;
6. Волевое восприятие и
7. Духовное сознательное самовосприятие.

Специальный орган сознания — это, конечно, мозг. При жизни оно находится в ауре шишковидной железы человека. В течение процесса разумной, или мыслительной, деятельности, проявляющейся в сознании, имеют место постоянные световые вибрации. Если бы ясновидящий смог заглянуть в мозг живого человека, он воочию смог бы различить семь оттенков

последовательных уровней света, от наиболее темного до самого светлого.

Сознание — это то, что не поддается психологическому определению. Мы можем анализировать и классифицировать его работу и следствия, но никогда не сможем понять его природу, если мы не примем существование некоего эго, отдельного от тела. Септенарная шкала состояний сознания отражается в сердце (или, скорее, в его поле), которое вибрирует и освещает *семь мозгов* сердца, так же, как она создает семь подразделений, или лучей, вокруг шишковидной железы.

Это сознание показывает нам различие между природой и сущностью, скажем, астрального тела и эго. Одно из них молекулярное, невидимое, если оно не сконденсировано, другое — атомарно-духовное. (См. пример курильщика — десять сигарет, причем дым каждой из них сохраняет свое свойство).

Одна лишь идея эго совместима с фактами физиологических наблюдений.

Разум или эго, *субъект* всех и каждого состояния сознания, по своей сущности является единым. Миллионы разнообразных подсостояний сознания представляют собой доказательства существования этого эго. Даже клетки мозга показывают нам такие состояния, которые доказывают нам, что существует бессмертная душа, и т. д.

Каждое из пяти осознаваемых чувств было первоначально ментальным чувством. Рыба, рожденная во тьме пещеры, слепа — отнесите ее наружу и выпустите в реку, и она почувствует, что начинает видеть, пока постепенно у нее не разовьется физический орган зрения, и она окончательно прозреет. Глухой и немой человек слышит внутренне, своим собственным способом. Узнавание, ощущение, желание — это не способности разума, но его коллеги...

ГЕНИАЛЬНОСТЬ

О, гениальность! ты богов подарок, ты свет небесный!
В каком жестоком мире твой рок — гореть!
Сколь часто дух твой истязает недуг телесный
И пламя жизни заставляет тлеть.
Твои измотанные нервы сколь часто не дают тебе
Победу одержать над болью в самоотверженной борьбе.
Увы! нужда — печальный гость...

Д. Краббе

Среди многих не решенных до сих пор проблем тайны разума существует столь важная, как проблема гениальности. Откуда она, и что это такое, каков ее *raison d'être* [смысл существования] и причины ее исключительной редкости? Действительно ли это "подарок богов"? И если это так, то почему такие подарки даются одному, тогда как тупость, или даже идиотство, — удел другого? Рассматривать появление гениальных людей среди мужчин и женщин как чисто случайное, как результат слепого случая или в зависимости только от физических причин — на это способен только материалист. Как справедливо говорит один автор, в этом случае имеется лишь одна альтернатива: согласиться с верующим в *личного бога* и "связывать появление каждого индивидуума со *специальным актом божественной воли и творческой энергии*", или же "осознавать, во всей последовательности появления таких индивидуумов, один великий акт некоей воли, выраженной в вечном нерушимом законе".

Гениальность, по определению Колриджа, это — по крайней мере с внешней стороны — "способность роста"; но для внутренней интуиции человека существует вопрос, является ли гениальность сверхнормальной способностью ума, который развивается и крепнет, или же физического мозга, *то есть его носителя*, который, благодаря некоему таинственному процессу, становится все лучше приспособленным к восприятию и проявлению внутренней и божественной природы сверх-души человека. Может быть, в своей

неизоощренной мудрости древние философы были ближе к истине, чем наши современные самодовольные дураки, которые наделяют человека ангелом-хранителем, духом, которого они называют *гением*. Субстанция этой сущности, не говоря уж о ее *сущности* — заметь разницу, читатель, — и наличие их обеих, проявляется в соответствии с организмом личности, которую она одушевляет. Как говорит Шекспир о гениальности великого человека — то, что мы принимаем за ее суть, "совсем не то, что есть на самом деле", ибо:

То, что доступно взору, лишь часть ее...
 Когда бы целиком она явилась,
 Была бы столь обширной, что
 Под сводом этим бы не поместилась...

Именно этому учит эзотерическая философия. Пламя гениальности зажигается не антропоморфной рукой, но лишь исключительно собственным духа. Сама природа духовной сущности, или нашего *эго*, вплетает нити новой жизни в полотно перевоплощения на ткацком станке времени, от начала до конца великого Цикла Жизни.¹ Благодаря его личности, это проявляется лучше, чем у среднего человека; таким образом то, что мы называем "проявлениями гениальности" в каком-либо человеке, это лишь более или менее удачные попытки его *Эго* утвердить себя во внешнем плане его объективной формы — телесного человека — по существу, в повседневной жизни последнего. *Эго* Ньютона, Эсхила или Шекспира состоят из той же самой сущности и субстанции, как и *эго* деревенщины, невежды, дурака, и даже идиота; а отстаивание своих прав *гениями*, одушевляющими их, зависит от материальной структуры физического человека. Никакая личность не отличается от другой личности по своей первичной сущности и природе. То, что делает одного смертного великим человеком, а другого — вульгарной и глупой личностью, является, так сказать, качеством физической оболочки, и способностью или неспособностью мозга или тела передавать и выражать реального, *внутреннего* человека; и его пригодность или непригодность к этому, в свою очередь, является результатом кармы. Или, если использовать другую аналогию, физический человек представляет собой музыкальный инструмент, а *эго* — играющего на нем музыканта. Потенциальные возможности совершенной мелодии заключены в первом — инструменте — и никакое мастерство последнего не может извлечь гармонию из сломанного или плохо сделанного инструмента. Эта

гармония зависит от надежности передачи словом или делом в объективный мир невысказанной божественной мысли, находящейся в самых глубинах субъективной, или внутренней, природы человека. Если продолжить наше сравнение, то физический человек может быть бесценной скрипкой Страдивари, или дешевым и разбитым инструментом, или же чем-то средним между ними в руках Паганини, который вселяет в него душу.

1 Период одной полной манвантары, состоящей из семи циклов.

Все древние народы знали это, но хотя все имели свои собственные мистерии и своих собственных жрецов, не все одинаково учили этой великой метафизической доктрине; и тогда как немногие избранные приобретали такие истины при своем посвящении, массам позволяли приближаться к ним лишь с огромными предосторожностями и только в весьма ограниченных пределах. "От ВСЕБОЖЕСТВЕННОГО произошел Амон, Божественная Мудрость ... не сообщай об этом недостойным", — говорит книга Гермеса.

Павел, "мудрый мастер-строитель",¹ [1 Кор., 3:10] лишь повторяет Тота-Гермеса, говоря коринфянам: "Мы говорим о Мудрости среди тех, кто совершенен (то есть посвященных) ... о божественной Мудрости в ТАЙНЕ, даже о сокрытой Мудрости" (там же, 2:7).

1 Абсолютно теургический, масонский и оккультный термин. Используя его, Павел обнаруживает себя как посвященного, имеющего право посвящать других.

Однако, до нашего времени древних обвиняют в богохульстве и фетишизме из-за их "культа героев". Но понимают ли современные историки истинную причину такого "культа"! Вряд ли. Иначе они были бы первыми, кто осознал бы, что то, чему "поклонялись", или скорее то, чему оказывали почести, — это был не телесный человек, не *личность* (герой или святой такой то), что все еще доминирует в католической церкви, которая канонизирует не столько душу, сколько тело, — но божественный, заключенный в тюрьму, дух, сосланный "бог", *пребывающий внутри* этой личности. Кто в этом невежественном мире осознает тот факт, что даже

большинство властителей (*архонты* Афин, ошибочно переведенные в Библии как "князья"), чьей официальной обязанностью была подготовка города к таким процессиям, были несведущи относительно истинного значения общепринятого "культа"?

Поистине, прав был Павел, заявляя, что "мы говорим о мудрости — не о мудрости этого мира — которую не знает ни один из *архонтов* этого (непосвященного) мира", но о *скрытой мудрости* МИСТЕРИЙ. Ибо, как это выражено в данном апостольском послании, язык посвященных и их тайны не знает никакой *профан*, и даже "архонт" или правитель, *находящийся вне храма* священных мистерий; никто "кроме духа человека (*эго*), который находится в нем" (*там же*, 5:11).

Если бы главы 2 и 3 первого послания к Коринфянам были бы когда-либо переведены в том духе, в котором они были написаны (даже их буквальный смысл искажен сейчас), то мир мог бы получить странное откровение. Помимо прочего, он приобрел бы ключ ко многим до сих пор не объясненным ритуалам древнего язычества, одним из которых является мистерия того самого культа героев. И он узнал бы, что если улицы города, который чествовал такого человека, были усыпаны розами на пути героя дня, если каждого гражданина призывали преклониться перед тем, кого чествовали, если и священник и поэт соперничали друг с другом, пытаясь обессмертить имя героя после его смерти, — то оккультная философия объясняет нам причину, по которой это происходило.

"Зри", — говорит она, — "в каждом проявлении гениальности — *которая сочетается с добродетелью* — в воине или барде, великом художнике, артисте, государственном деятеле или человеке науки, который парит высоко над главою толпы, бесспорное присутствие небесного изгнанника, божественного *эго*, тюремщиком которого являешься ты сам, о человек материи!" Таким образом то, что мы называем *обоожествлением*, относится к бессмертному богу внутри героя, а не к мертвым стенкам того человеческого сосуда, который его содержит. И это делалось с молчаливым признанием усилий, предпринятых божественным пленником, который в самых трудных условиях перевоплощения все же достиг успеха в проявлении себя.

Оккультизм не привносит ничего нового в утверждение вышеизложенной философской аксиомы. Разрастаясь до

широкого метафизического трюизма, он лишь наносит последний штрих, объясняя некоторые детали. Например, он учит, что наличие в человеке различных творческих сил, в совокупности называемых гениальностью, обусловлено не слепым случаем и не внутренними особенностями, передающимися по наследству (хотя то, что известно как атавизм, может часто усиливать эти способности), но накоплением индивидуальных опытов *личностью* в ее предшествующей жизни, или жизнях. Ибо, хотя гений и всеведущ по своей сути и природе, он все-таки нуждается в знании земных вещей из-за своей исключительности, земных в объективном плане, чтобы приложить к ним это абстрактное всеведение. И, добавляет наша философия, культивирование определенных склонностей в течение длинной череды прошлых перерождений должно в конце концов завершиться в некоей жизни появлением *гениальности* в той или иной области.

Великий Гений, если он является истинным и прирожденным гением, а не просто результатом патологической экспансии нашего человеческого интеллекта, никогда не копирует кого-то, никогда не опускается до имитации, — он всегда будет оригинальным, *sui generis* [исключительным] в своих творческих импульсах и их реализации. Подобно тем гигантским индийским лилиям, которые пускают ростки из щелей и трещин поднимающихся к небу голых камней на высочайшем плато Нилгири-хиллс, истинный гений нуждается лишь в возможности появиться в этом мире и расцвести на виду у всех на самой сухой почве, ибо он действует всегда безошибочно. Используя популярное выражение, можно сказать, что врожденная гениальность, подобно убийству, рано или поздно раскрывается, и чем больше она будет подвергаться угнетению и противодействию, тем больше будет поток света, вызванный ее внезапным проявлением. С другой стороны, искусственная гениальность, которую часто путают с предыдущей, и которая, на самом деле, является всего лишь результатом длительного обучения, никогда не будет больше, чем, так сказать, огонек лампы горящей за воротами храма; она может посылать долгий луч света через дорогу, но внутренность здания при этом остается в темноте. И, поскольку каждое свойство в природе является двойственным — то есть, любое можно заставить служить как доброду, так и злуду, — то искусственная гениальность не оправдывает надежд, возложенных на нее. Рожденная из хаоса земных ощущений,

способностей к восприятию и воспоминанию, но с ограниченной памятью, она всегда остается рабом своего тела; но и это тело, вследствие своей ненадежности и естественной склонности материи к смещению, не сможет привести того же величайшего *гения* назад к его собственному исходному элементу, который, опять-таки, является хаосом, или *злом*, или прахом.

Таким образом, между истиной и искусственной гениальностью — той, что рождена от света бессмертного Эго, и другой, рожденной от мимолетного обманчивого огонька земного, или чисто человеческого интеллекта и плотской души, — имеется глубокая пропасть, которая может быть преодолена только тем, кто постоянно стремится вперед, кто, даже пребывая в самых глубинах материи, никогда не теряет из вида эту путеводную звезду — божественную душу и разум, — то, что мы называем буддхи-манас. Эта истинная гениальность не требует какого-нибудь выращивания, как искусственная. Слова поэта, который уверяет, что:

...гениальности свеча, —
 Когда ее не защищают, фитиль сгоревший не
 срезают,
 Она погибнет на ветру, иль зачадит и замигает, —

можно отнести лишь к искусственной гениальности, представляющей собой лишь итог культурного и чисто интеллектуального развития. Это не прямой свет манасапутров, "сынов мудрости", ибо истинная гениальность, зажженная в пламени нашей высшей природы, или Эго, не может умереть. Вот почему это столь редкое явление. Лафатер подсчитал, что "отношение количества гениев (в целом) к обычным людям примерно один к миллиону; но то же в отношении гения без тиранства, без претензий, который судит слабого беспристрастно, начальствующего — человечно, и обоих — по справедливости, — таких найдется один на десять миллионов". Это действительно интересно, хотя и не является комплиментом человеческой природе, если Лафатер имеет ввиду под "гениальностью" лишь высший сорт человеческого интеллекта, раскрытый благодаря культивированию, который "защищали, подрезали и питали", а не ту гениальность, о которой говорим мы. Кроме того, такая гениальность всегда склонна доводить до крайности того, через кого проявляется этот искусственный свет земного разума. Подобно добрым и злым гениям древних, с которыми человеческая гениальность

делит свое название, она берет за руку своего беспомощного обладателя и ведет его сегодня — на вершину славы и торжества, а завтра — ввергает его в пропасть стыда, отчаяния, а часто — преступления.

Но, согласно этому крупному физиогномисту, так как в нашем мире имеется больше гениев первого вида, поскольку, как учит оккультизм, личность с ее острыми физическими чувствами и "таттвами" более легко притягивается к низшей четверке, чем поднимается к своей триаде, — современная философия, хотя и является сведущей в отношении этого низшего статуса гениальности, ничего не знает о ее высшей духовной форме ("один на десять миллионов"). Таким образом, вполне естественно, что смешивая одно с другим, даже лучшие западные писатели не могут дать определения истинной гениальности. По этой причине мы постоянно выслушиваем и читаем много такого, что кажется абсолютно парадоксальным для оккультиста. "Гениальность требует культивации", — говорит один; "Гениальность пуста и самодовольна", — объявляет другой, тогда как третий доходит до определения *божественного света*, но укладывает его в прокрустово ложе своей собственной интеллектуальной ограниченности. Он говорит об огромной эксцентричности гения, связывая это с "легковозбудимой структурой" и даже считая его "подверженным любой страсти, но редко обладающим деликатностью вкуса" (лорд Кеймс). Бесполезно спорить с ними или говорить им, что оригинальная и великая гениальность затмевает самые яркие лучи человеческой интеллектуальности подобно тому, как солнце гасит свет костра в открытом поле; что она никогда не бывает эксцентричной, хотя всегда является самой собой; что никакой человек, наделенный, истинной гениальностью, никогда не может дать ход своим физическим плотским страстям. С точки зрения скромного оккультиста, лишь такие в высшей степени альтруистические характеры, какими обладали Будда и Иисус, или очень немногие, подобные им, могут рассматриваться как полностью развитые Гении нашего исторического цикла.

Поэтому истинная гениальность имеет мало шансов на свое признание в нашем веке условностей, лицемерии и приспособленчества. Так же, как мир вырастает в цивилизацию, он увеличивает и свой неистовый эгоизм и побивает камнями своих истинных пророков и гениев ради благополучия своих обезьянничающих призраков. Одинокое человеческое сердце, способное интуитивно чувствовать

истинную "великую душу", полную божественной любви к человечеству и богоподобного сочувствия к страдающим людям, среди огромных многомиллионных масс невежественных людей. Только народ может распознать гения, и без этого никакой человек не имеет права на это имя. Гениальность не может быть обнаружена внутри церкви или государства, и это доказывается их собственными признаниями. Так обстоит дело уже очень давно, с тех пор, как в XIII веке "Ангельский Доктор" осадил папу Иннокентия IV, который, хвастаясь миллионами, полученными им от продажи отпущения грехов и индульгенций, заметил Аквинату, что "...прошло то время, когда церковь говорила: "Нет у меня ни серебра, ни золота"! "Верно", — последовал немедленный ответ, — "но прошло также и то время, когда она могла сказать парализованному: "Встань и иди". И вот, начиная с того самого времени, и много-много ранее, и до наших дней никогда не прекращалось постоянное распятие своего идеального Учителя церковью и государством. Если каждое христианское государство нарушает заповеди, данные в Нагорной проповеди, своими законами и обычаями при любом способе правления, то христианская церковь оправдывает и одобряет это при помощи своих собственных епископов, которые с отчаянием заявляют: "Христианское государство *не может существовать* на христианских принципах". Таким образом, в цивилизованных государствах невозможно жить в соответствии с заповедями Христа или Будды.

Оккультист, для которого "истинная гениальность является синонимом самосущего и бесконечного разума", отраженного более или менее верно человеком, не может найти в современных определениях этого понятия чего-либо, приближающегося к его точному значению. В свою очередь, эзотерическое истолкование теософии, конечно, воспринимается с насмешками. Сама идея о том, что каждый человек, имеющий "душу" внутри себя, является носителем гениальности, покажется в высшей степени абсурдной даже для верующих, а материалист вообще обругает ее как "грубое суеверие". Что касается мнения народа — единственного, которое можно рассматривать как более или менее корректное, поскольку оно является чисто интуитивным, — то оно вовсе не будет принято во внимание. Тот же самый эластичный и удобный эпитет "суеверие" будет еще раз использован для того, чтобы объяснить, почему до сих пор никогда не было признанного гения — того или иного рода — без

определенного вмешательства судьбы, фантастического и часто сверхъестественного, без историй и легенд, связанных со столь уникальным характером, следующих за ним и переживающих его. И все же только безыскусственные и так называемые "необразованные" массы, именно потому, что у них отсутствует софистическое мышление, чувствуют, приходя в контакт с необычным характером, что в нем есть Что-то большее, чем просто смертный человек, состоящий из плоти и интеллекта. И ощущая себя в присутствии того, что в большинстве случаев всегда скрыто, чего-то непостижимого для их здравого смысла, они испытывают то же самое благоговение, что и народные массы в древности, когда их фантазия, часто более безошибочная, чем цивилизованный разум, создавала богов из их героев и учила:

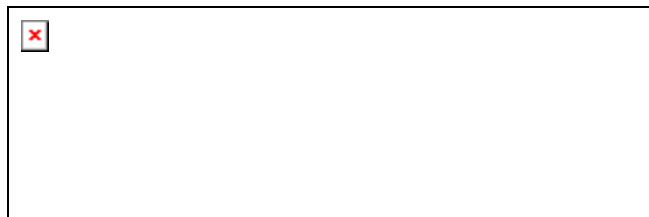
Слабого — подчиниться, гордого — поклониться
 Пред силами незримыми и их превосходящими...

И это называется сейчас Суеверием...

Но что такое суеверие? Верно, что мы опасаемся того, что мы не можем ясно объяснить себе. Подобно детям в темноте, мы все — образованные так же, как и невежды — склонны населять эту темноту призраками нашего воображения; но эти "призраки" не являются для умного человека доказательством того, что эта "темнота" — другое название неразличимого и *невидимого* — не содержит на самом деле ничего *присутствия*, кроме нас самих. Таким образом, если в своей крайней форме "суеверие" — это злой рок, вера в нечто, находящееся *выше* и *вне* наших физических чувств, однако это также скромное признание того, что во вселенной и кругом нас существуют вещи, о которых мы не знаем ничего. В этом смысле "суеверие" становится не неразумным ощущением, наполовину чудесного, наполовину страшного, смешанного с восхищением и уважением, или же с ужасом, в зависимости от требований нашей интуиции. И это куда более разумно, чем повторять вместе с чересчур учеными осликами, что нет ничего "в этой темноте", и что здесь не может находиться что-либо, поскольку они, эти "мудрецы", не смогли обнаружить его.

E pur si muove [И все-таки она вертится]! Там, где есть дым, должен быть и огонь. И там, где есть пароход, должна быть вода. Наше утверждение покоится лишь на одной вечной аксиоматической истине: *nihil sine causa* [нет ничего беспричинного]. Гений и незаслуженное страдание доказывают наличие бессмертного Эго и реинкарнации в нашем мире. Что

касается всего остального, то есть поношений и насмешек, с которыми встречаются такие теософские доктрины, то Филдинг (также гений своего рода) уже ответил за нас больше века назад. Никогда не говорил он большей истины, чем в тот день, когда написал: "*Если суеверие делает человека глупым, то скептицизм делает его безумным*".

КОСМИЧЕСКИЙ РАЗУМ

Все, что покидает состояние *лайя* (однородного), становится активной сознательной жизнью. Индивидуальное сознание проистекает из абсолютного сознания, которое является вечным Движением, и возвращается в него.

"Эзотерические аксиомы"

Чем бы ни было то, что думает, понимает, хочет и действует,
— это нечто небесное и божественное, и потому должно
необходимым образом быть вечным.

Цицерон

Концепция материи Эдисона уже упоминалась нами ранее. М-р Г. Парсонс Латроп сообщает в "Harper's Magazin", что великий американский специалист по электричеству высказал свое убеждение в том, что атомы "обладают некоторым количеством разумности", и проявил терпимость к другим

фантазиям такого рода. За этот полет фантазии февральский номер "Review of Reviews" делает выговор изобретателю фонографа и критически замечает, что "Эдисон чересчур предался мечтаниям", и что его "научное воображение" трудится неустанно.

Было бы хорошо, если бы люди науки побольше занимались своим "научным воображением", а догматическим и холодным отрицанием — немножко меньше. Мечты бывают разного рода. В том странном состоянии бытия, которое, как говорил Байрон, приводит нас к тому, что "мы можем видеть с закрытыми глазами", человек часто воспринимает более реальные факты, чем во время полного бодрствования. Воображение является одним из сильнейших элементов человеческой природы, или говоря словами Дугалда Стюарта — это "великий источник человеческой активности и основное средство улучшения человека... Стоит разрушить эту способность, и состояние человека станет таким же неизменным, как у животных". Оно является лучшим проводником для наших слепых чувств, и без него они никогда не могли бы вывести нас за пределы материи и ее иллюзий. Величайшие открытия современной науки обязаны своим появлением способности к воображению своих авторов. Но что бывает, когда постулируется что-либо новое, когда выдвигается теория, противоречащая своей хорошо прижившейся предшественнице, не соответствующая общепринятой науке, которая пытается подавить ее? Гарвея тоже вначале считали "мечтателем" и сумасшедшим в придачу. В конце концов, вся современная наука состоит из "рабочих гипотез", плодов "научного воображения", как это удачно определил м-р Тиндаль.

Поскольку идея о сознании в каждом атоме и о возможности полного контроля человека над клетками и атомами своего тела до сих пор не имели *imprimatur* [одобрения] "пап" точной науки, значит ли это, что эта идея должна быть отброшена как мечта? Аналогичные представления содержатся и в оккультизме. Оккультизм говорит нам, что каждый атом, подобно монаде Лейбница, включает в себе маленькую вселенную, и что каждый орган и каждая клетка человеческого тела обладают своим собственным мозгом, имеющим память, опыт и способности к различению. Идея Универсальной Жизни, состоящей из жизней отдельных атомов, — это одно из древнейших представлений эзотерической философии, и самая современная гипотеза нашей науки, а именно гипотеза о *жизни*

кристаллов, — это первый луч древнего светильника знания, который достиг наших ученых. Если можно показать, что растения имеют нервы, ощущения и инстинкты (что представляет собой лишь другое название сознания), почему бы не допустить то же самое и по отношению к клеткам человеческого тела? Наука разделяет материю на органическую и неорганическую части лишь потому, что она отрицает идею *абсолютной жизни* и жизненного принципа как единого целого: в противном случае, она бы первой увидела, что *абсолютная жизнь* не может создать даже геометрическую точку, или какой-либо атом, являющийся неорганическим. Но они говорят, что оккультизм "учит тайнам", а тайна — *это отрицание здравого смысла*, то есть это опять же метафизика, только в виде поэзии, как говорит м-р Тиндаль. Для науки не существует такой вещи, как тайна; и поскольку Жизненный Принцип является и всегда будет оставаться для интеллекта наших цивилизованных народов тайной на *физическом плане*, — те, кто занимаются этим вопросом, с необходимостью должны быть или дураками, или мошенниками.

Dixit (сказано). Несмотря на это, мы можем повторить вместе с французским проповедником: "Тайна — это неизбежность в науке". Официальная наука окружена со всех сторон и огорожена недостижимыми тайнами, в которые никогда нельзя будет проникнуть. А почему? Просто потому, что физическая наука обрекает сама себя на развитие, подобное бегу белки в колесе материи, ограниченное нашими пятью чувствами. Хотя она несведуща как в образовании материи, так и простой клетки; хотя она бессильна объяснить, чем является это, то или что-либо другое, все же она будет превращать в догму и настаивать на том, чем на самом деле не являются ни жизнь, ни материя и все остальное. Получается, что слова отца Феликса, адресованные пятьдесят лет назад французским академиком, стали почти бессмертными как трюизм. "Джентльмены", — сказал он, — "вы вкладываете в наши уста упрек, что мы учим тайнам. Но вообразите науку, какую вы хотите; последуйте за всем великолепием ее выводов ... и когда вы достигнете ее истинного источника, вы столкнетесь лицом к лицу с неизвестным!"

Теперь для того, чтобы раз и навсегда покончить с этим проклятым вопросом в умах теософов, мы собираемся доказать, что современная наука благодаря физиологии сама находится накануне открытия того, что сознание является универсальным, подтверждая таким образом "мечты" Эдисона.

Но прежде чем мы это сделаем, мы намерены показать, что хотя многие из людей науки все более и более проникаются таким убеждением, очень немногие являются достаточно смелыми, чтобы, открыто признать его, как это сделал покойный доктор Пирогов из Санкт-Петербурга в своих посмертных "Воспоминаниях". Этот великий хирург и патолог поистине вызвал своей публикацией взрыв осуждения со стороны своих коллег. Как это может быть, спрашивала публика? Доктор Пирогов, которого мы считали почти полным воплощением европейской мысли, может разделять суеверия безумных алхимиков? Тот, кто по словам своего современника:

был истинным воплощением точной науки и ее методов мышления; тот, кто рассекал сотни и тысячи человеческих органов, знакомясь таким образом со всеми тайнами хирургии и анатомии так, как мы знакомы с нашей обычной мебелью; ученым, для которого не было секретов в физиологии, и кто превыше всех людей был одним из тех, у которого Вольтер мог бы спросить иронически, не нашел ли он бессмертную душу между мочевым пузырем и слепой кишкой, — тот же самый Пирогов, как это выяснилось после его смерти, посвятил целые главы своего литературного Завещания научной демонстрации... ("Новое время" за 1887 год).

...Демонстрации чего? Ну конечно, существования в каждом организме *отдельной* "ЖИЗНЕННОЙ СИЛЫ", независимой от какого-либо физического или химического процесса. Как и Либих, он признал всеми осмеянную и запрещенную однородность природы — Жизненный Принцип — эту преследуемую и злополучную телеологию, или науку о конечных причинах вещей, которая является столь же философской, сколь и *ненаучной*, если доверять имперским и королевским академиям. Его непростительный грех в глазах догматической современной науки состоял, однако, в следующем: великий анатом и хирург имел "наглость" заявить в своих мемуарах:

У нас нет причины отрицать возможность существования организмов, наделенных такими свойствами, которые сделали бы из них — *непосредственным воплощением универсального разума* — усовершенствование, недоступное для нашего собственного (человеческого) разума... Ибо, мы не имеем права считать, что человек является последним выражением божественной творческой мысли.

Таковы главные еретические мысли того, кто занимал высокое положение среди людей точной науки этого века. Его

"Воспоминания" откровенно показывают, что он не только верил в Универсальное Божество, божественное Мышление, или герметическую Божественную Мысль и Жизненный Принцип, но и учил этому и пытался продемонстрировать это научным образом. Так, он доказывает, что Универсальный Разум не требует ни физико-химического, ни механического мозга в качестве органа передачи. Он заходит даже столь далеко, что признает это в таких глубоких словах:

Наш разум должен *со всей необходимостью, признать* бесконечный и вечный Разум, который руководит и управляет океаном жизни... *Мысль и божественное мышление, в полном согласии с законами единства и причинности, с достаточной очевидностью проявляются в универсальной жизни без участия жирного вещества, называемого мозгом...* Направляя силы и элементы на образование организмов, этот *жизненный принцип становится самоощущающим, самосознающим, присущим целому народу или индивидуальным. Вещество, руководимое и направляемое жизненным принципом, организуется в определенные типы в соответствии с неким общим планом...*

Он объясняет это убеждение признанием в том, что за всю свою долгую жизнь, заполненную изучением, наблюдением и опытами, он никогда не мог

приобрести уверенность в том, что наш мозг является единственным органом мысли во всей Вселенной; что все остальное в этом мире, за исключением *этого* органа, должно быть бесчувственным, и что одна лишь человеческая мысль должна вносить смысл во Вселенную и разумную гармонию — в ее целостность.

A propos материализма Молешотта он добавляет:

Сколько бы рыб и гороха я не съел, я никогда не соглашусь отдать мое *эго* в заточение к продукту, извлекаемому современной *алхимией* из мочи. Если, согласно нашим представлениям о Вселенной, наша судьба заключается в том, чтобы впасть в иллюзии, тогда моя "иллюзия" имеет по крайней мере то преимущество, что она является весьма утешительной, ибо она рисует мне разумную Вселенную и деятельность Сил, работающих в ней гармонично и разумно, и то, что мое "Я" — это не продукт химических и гистологических элементов, но *воплощение всеобщего универсального Разума*. Я чувствую и рассматриваю этот последний как действующий при помощи свободной воли и сознания в соответствии с теми же законами, которые руководят моим собственным разумом, но лишенный тех

ограничений, которые мешают нашей сознательной человеческой индивидуальности.

Ибо, как замечает в другом месте этот философ и великий ученый:

Безграничность и вечность — это не только постулат нашего разума и рассудка, но и сам по себе факт гигантского значения. Что стало бы с нашими этическими и моральными принципами, если бы их основанием не служила бы вечная и всеобщая истина!

Вышеприведенные отрывки, переведенные *буквально* и отражающие убеждения того, кто в течение своей долгой жизни был звездой первой величины в области патологии и хирургии, показывают, что он был целиком пропитан философией разумного и научного мистицизма. Читая "Воспоминания" этого человека, пользовавшегося научной славой, мы чувствуем гордость оттого, что обнаруживаем в нем признание почти в полном объеме фундаментальных доктрин и убеждений теософии. Имея в рядах мистиков такой исключительно научный ум, мы принимаем почти как комплимент идиотские насмешки, дешевую сатиру и резкие нападки некоторых европейских и американских "свободомыслящих" на нашу великую Философию. Более чем когда-либо они представляются нам похожими на испуганный и неблагозвучный крик ночной совы, торопящейся укрыться в своих темных руинах до того, как возникнет свет утреннего солнца.

Прогресс самой физиологии, как мы только что сказали, является убедительной гарантией того, что уже близка заря того дня, когда полное признание повсеместно распространенного разума будет установленным фактом. Это *только* вопрос времени.

Ибо, невзирая на заявления физиологов о том, что целью их исследований является только объединение всех жизненных функций для того, чтобы привести их в определенный порядок, обнаруживая их взаимоотношения и связи с законами физики и химии, то есть в своей конечной форме, с механическими законами, — мы опасаемся, что существует немало противоречий между признаваемой целью и рассуждениями ряда наших лучших современных физиологов. Хотя немногие из них могли бы отважиться на то, чтобы столь открыто, как это сделал д-р Пирогов, вернуться к "отвергнутому предрассудку" *витализма* и решительно изгнанному

жизненному принципу — *principum vitae* Парацельса, — все же физиология стоит в крайнем недоумении, в лице своих наиболее талантливых представителей, перед определенными фактами. К нашему сожалению, этот век не способствует развитию нравственной смелости. Не настало еще время для того, чтобы большинство могло действовать, руководствуясь благородной идеей "*principia non homines*". И все же есть исключения из этого общего правила, и физиология, чья судьба — стать служанкой оккультных истин, не оставила их без своих свидетельств. Уже есть такие люди, которые смело протестуют против некоторых до сих пор излюбленных утверждений. Например, некоторые физиологи уже не признают того, что в живых существах действуют исключительно силы и субстанции так называемой "неодушевленной" природы. Ибо, как они хорошо доказывают:

Тот факт, что мы отказываемся от вмешательства других сил в живые существа, *полностью зависит от ограниченности наших органов чувств*. Действительно, мы используем одни и те же органы для наблюдения как одушевленной, так и неодушевленной природы, и эти органы могут обнаружить проявления лишь ограниченного набора движений. Колебания, проходящие по волокнам наших зрительных нервов к мозгу, достигают нашего восприятия при помощи нашего сознания как ощущения света и цвета; колебания, влияющие на наше сознание посредством слуховых органов, производят на нас впечатление звуков; все наши чувства, через какой бы из наших органов они не приходили, обусловлены ничем иным, кроме движений.

Таковы представления физической науки и таковы же были в самых грубых очертаниях представления оккультизма в очень далеком прошлом. Однако между этими двумя взглядами существует различие, и в высшей степени существенное: официальная наука видит в движении лишь слепую неразумную силу, или закон; оккультизм, прослеживая движение вплоть до его источника, отождествляет его с Универсальным Божеством и называет это вечное, никогда не прекращающееся движение, "Великим Дыханием".¹

Сколь бы ограниченным ни было представление современной науки о так называемой силе, тем не менее оно достаточно внушительно для того, чтобы мы привели следующие замечание крупного ученого, профессора физиологии Базельского университета,² который говорит как оккультист:

Для нас было бы глупо ожидать, что с помощью только наших внешних чувств мы будем когда-либо способны открыть в живой природе что-либо, чего мы не смогли найти в неживой.

1 См. "Тайную Доктрину", том I, стр. 36.

2 Из статьи, которую он прочел некоторое время назад в качестве публичной лекции.

К этому лектор добавляет, что человек, одаренный "помимо своих физических чувств еще и *внутренним чувством*", восприятием, которое дает ему возможность наблюдать состояние и феномены его собственного сознания, "должен использовать *его*, имея дело с живой природой", — символ веры, подозрительно приближенный к оккультизму. Кроме того, он отрицает предположение о том, что состояние и феномены сознания представляют по своей сути те же самые проявления движения, что и во внешнем мире, и основывает этот взгляд напоминанием о том, что не все такие состояния проявления необходимым образом имеют пространственную протяженность. В соответствии с ним, лишь то связано с нашим представлением о пространстве, что достигло нашего сознания через посредство зрения, прикосновения и мышечного чувства, тогда как все другие ощущения, все *эффекты*, тенденции, как и все бесконечные серии представлений, не имеют протяженности в пространстве, но только лишь длятся во времени. Таким образом, он спрашивает:

Где же здесь пространство для механической теории? Возражающие могут сказать, что это так только лишь по-видимости, тогда как в реальности все они имеют пространственную протяженность. Но такой аргумент был бы полностью ошибочным. Единственная причина полагать, что объекты, воспринимаемые нашими чувствами, имеют протяженность во внешнем мире, связана с тем, что они кажутся нам таковыми, поскольку мы можем наблюдать их посредством зрения и осязания. Однако, по отношению к сфере наших *внутренних* чувств даже это предполагаемое основание утрачивает свою силу, и нет никаких оснований принимать его.

Заключительный аргумент лектора наиболее интересен для теософов. Этот физиолог современной школы материализма говорит:

Таким образом, более глубокое и более непосредственное знакомство с *нашей внутренней природой* открывает нам мир, совершенно непохожий на тот, который дают нам наши *внешние органы чувств*, и обнаруживает исключительно разнообразные способности, показывает объекты, не имеющие ничего общего с пространственной протяженностью, и явления, абсолютно не связанные с тем, что подпадает под действие механических законов.

До сих пор противники витализма и "жизненного принципа", так же как и последователи механической теории жизни, основывали свои взгляды на предположении, что до мере того, как физиология будет двигаться вперед, ее ученые будут все более и более преуспевать в подчинении физиологических функций законам *слепой материи*. Они говорят, что все те проявления, которые обычно приписывали "мистической жизненной силе", могут быть сведены к действию физических и химических законов. Они заявляли и все еще громогласно кричат о признании того факта, что это лишь вопрос времени, когда будет достигнут полный триумф в доказательстве того, что все жизненные процессы во всей своей совокупности не представляют собой ничего более загадочного, чем очень сложный феномен движения, управляемого исключительно силами неодушевленной природы.

Но вот перед нами профессор физиологии, который утверждает, что к их большому сожалению история физиологии доказывает прямо противоположное; он произносит такие зловещие слова:

Я считаю, что чем в большей степени становятся точными и разносторонними наши опыты и наблюдения, чем глубже мы проникаем вглубь фактов, чем больше мы пытаемся понять и объяснить явления жизни, тем больше мы приобретаем убеждение, что даже те явления, которые, как нам казалось, мы уже способны объяснить посредством физических и химических законов, *в действительности являются непостижимыми*. На самом деле, они куда более сложные; и, как мы полагаем сейчас, *они недоступны никакому механическому объяснению*.

Это удар по самодовольному пузырю, известному как материализм, который столь же пуст, сколь и раздут. Иуда в лагере апостолов отрицания — "анималистов"! Но базельский профессор — это не единственное исключение, как мы уже показали; несколько физиологов находятся на том же пути рассуждения, что и он; в действительности, некоторые из них

доходят до того, что почти принимают *свободную волю* и *сознание* в простейших протоплазматических монадах!

В этом направлении происходит одно открытие за другим. Работы некоторых немецких физиологов особенно интересны в отношении проявлений сознания и положительного различения (можно сказать, что "почти что мыслей") у амёб. Амёбы, или простейшие, как известно, — это микроскопический кусочек протоплазмы (как, например, *Vampyrella Spirogyra*), наиболее просто организованная клетка, капелька протоплазмы, бесформенная и почти бесструктурная. И все же она обнаруживает в своем поведении нечто, из-за чего зоологи, если они и не называют это разумом или способностью рассуждения, то они должны найти какое-то иное определение этому явлению. Посмотрите, что пишет об этом Сенковский (Л. Сенковский. См. его работу "Beitrag zur Kenntniss der Monaden", Archiv f. mikroskop. Anatomie.). Говоря об этой микроскопической клетке красноватого цвета, он описывает способ, при помощи которого она охотится и обнаруживает среди ряда водных растений одно, называемое *Spirogyra*, отвергая всякую другую пищу. Исследуя ее путешествие под сильным микроскопом, он обнаружил, что если она движется под влиянием голода, то прежде всего вытягивает свою псевдоподию (ложноножку), с помощью которой она может перемещаться. Таким образом она начинает двигаться до тех пор, пока среди разнообразных растений не достигнет *Spirogyra*, после чего она располагается на одной из ее клеток, разрывает ткань и высасывает содержимое этой клетки, затем переходит к следующей, повторяя тот же процесс. Этот исследователь никогда не видел, чтобы она брала какую-либо другую пищу; она никогда не касалась какого-либо из многочисленных растений, которые Сенковский помещал на ее пути. Упоминая о другой амёбе, *Colpadella Pugnax*, он говорит, что обнаружил у нее аналогичное предпочтение к *Chlamy domonos*, исключительно которыми она и питается; "проникая в тело хламидомонады, она высасывает ее хлорофилл и после этого удаляется", — пишет он, добавляя такие важные слова: "Способ действия этих монад во время поиска и принятия пищи столь удивителен, что почти склоняешься к тому, чтобы видеть в них *сознательно действующие существа*!"

Не в меньшей степени впечатляющими являются наблюдения Т. У. Энгельмана ("Beiträge zur Physiologie des Protoplasma") на *Arcella* — другом одноклеточном организме, немного более

сложным, чем *Vampyrella*. Он показывает их в капле воды под микроскопом на кусочке стекла, лежащих, так сказать, на спине, то есть на выпуклой стороне, так что псевдоподии, выходящие из края раковинки, не находят в пространстве опоры, и амеба остается беспомощной. В этих условиях наблюдается следующий любопытный факт. Под самым краем одной из сторон протоплазмы немедленно начинают образовываться пузырьки газа, что, делая эту сторону легче, позволяет ей подняться, приводя в то же самое время противоположную сторону в контакт со стеклом, и таким образом ее ложноножки могут прикрепиться к поверхности и повернуть все тело так, что оно поднимется на всех своих псевдоподиях. После этого амеба всасывает в себя обратно эти пузырьки газа и начинает двигаться. Если такого же рода капли воды помещаются на нижнюю поверхность стекла, то вследствие закона тяжести амеба обнаружит себя вначале на нижнем конце капли воды. Не имея возможности найти здесь точку опоры, она вновь создает большие пузырьки газа и, став легче воды, поднимается на поверхность капли.

Говоря словами Энгельмана:

Если, достигнув поверхности стекла, они находят не больше возможностей для своих ложноножек, чем до того, можно увидеть, что пузырьки газа уменьшаются на одной стороне и увеличиваются в объеме и количестве на другой, или же на обоих, пока эти создания не почувствуют краем своей раковины поверхность стекла и не смогут перевернуться. Это происходит не раньше, чем исчезнут пузырьки газа и амеба начинает ползти. Если осторожно отделить их при помощи тонкой иглы от поверхности стекла и таким образом перенести еще раз на нижнюю поверхность капли воды, то они снова будут повторять тот же самый процесс, видоизменяя его детали в соответствии с собственными потребностями и изобретением новых способов достижения своей цели. Как бы вы не пытались поместить их в неудобную позицию, они найдут способы каждый раз так или иначе избежать этого; и это произойдет не раньше, чем исчезнут пузырьки воздуха. Невозможно не согласиться с тем, что такие факты сами по себе "указывают на наличие некоторого ПСИХИЧЕСКОГО процесса в протоплазме".¹

¹ *Loc. cit.* Pflügers Archiv, том II, стр. 387.

Среди множества обвинений азиатских народов в *суевериях*, основанных на "полном невежестве", не существует более серьезного обвинения, чем то, которое осуждает их за

персонификацию и *даже обожествление* основных органов человеческого тела. Действительно, не слышали ли мы об этих "невежественных дураках" — индусах, говорящих об оспе, как о божестве, и персонифицирующих таким образом микробов оспы? Не читали ли мы о *тантриках* — секте мистиков, дающих собственные имена нервам, клеткам и артериям, отождествляющих различные части тела с божествами, наделяющих физиологические процессы разумом, и так далее? Позвонки, волокна, ганглии, спинной мозг и так далее, в позвоночнике; сердце с его четырьмя камерами, желудочком и предсердиями, сосудами и так далее; желудок, печень, легкие и селезенка, — все имеет свое собственное божественное имя и считается *действующим сознательно* по воле йога, чьи голова и сердце являются местом обитания Брахмы, а различные части тела — площадками для игр того или иного божества!

Вот это поистине *невежество*. Особенно когда мы думаем, что вышеназванные органы и все тело человека состоят из клеток, и эти клетки сегодня признаются индивидуальными организмами и — *quien sabe* — может быть настанет день, когда их будут считать *независимой расой мыслителей*, населяющих земной шар, называемый человеком! И на самом деле похоже, что так оно и есть. Ибо не считали ли до сих пор, что все явления ассимиляции и всасывания пищи желудочным каналом можно объяснить законами диффузии и эндосмоса? А теперь, увы, физиологи должны признать, что деятельность желудочного канала во время акта абсорбции не идентична с деятельностью неживой мембраны в диализаторе. Ныне убедительно продемонстрировано, что

эта стенка покрыта эпителиальными клетками, каждая из которых является организмом *per se* [само по себе], живым существом с очень сложными функциями. Мы знаем, далее, что такая клетка ассимилирует пищу путем активного сокращения своего протоплазматического тела — способом, столь же загадочным, как и тот, который мы наблюдаем у свободнодвижущейся амебы и других одноклеточных. На желудочном эпителии холоднокровных животных мы можем видеть, как эти клетки выпускают отростки (псевдоподии) из своих, протоплазматических тел, способных к сокращению; эти псевдоподии, или ложноножки, вылавливают из пищи капли жира, втягивают их в протоплазму и передают дальше по лимфатическим протокам... Лимфатические клетки, исходящие из скоплений жировой ткани, протискивающиеся через эпителиальные клетки до поверхности кишки, абсорбируют там капли жира и, нагруженные своей добычей,

двигаются по направлению к "дому" по лимфатическим каналам. До тех пор, пока такая активная работа этих клеток оставалась неизвестной нам, тот факт, что капли жира проникают через стенки кишки в лимфатические каналы, тогда как мельчайшие пигментированные частички, введенные в кишечный тракт, не делают этого, оставался необъясненным. Но сегодня мы знаем, что способность выбирать свою собственную пищу, ассимилируя полезное и отвергая бесполезное и вредное, является общим для всех одноклеточных организмов.¹

1 Из научного доклада, прочитанного профессором физиологии Базельского университета и цитированного выше.

И профессор спрашивает: если такая дискриминация в выборе пищи имеется даже у простейшей и наиболее элементарной клетки, представляющей собой бесформенную и бесструктурную *каплю* протоплазмы, — то почему надо отказываться в этом эпителиальным клеткам нашего кишечного канала? Действительно, если *Vampyrella* распознает свою любимую спирогиру среди множества других растений, как это показано выше, — то почему же эпителиальная клетка не должна *ощущать* и *выбирать* свою любимую каплю жира среди гранул пигмента? Но нам будут говорить, что "ощущение и выбор" подобают лишь разумным существам, или по крайней мере обладающим *инстинктом* животным с более развитой структурой, нежели у протоплазматических клеток внутри или вне человеческого организма. Согласны; но поскольку мы ссылаемся на лекцию уважаемого физиолога и на труды других почтенных натуралистов, мы можем лишь сказать, что эти ученые джентльмены должны знать то, о чем они говорят, — хотя они, вероятно, не осведомлены о том, что их *научная* проза всего лишь на градус отстоит от *невежественной, полной предрассудков*, но весьма поэтической "болтовни" индийских йогов и тантриков.

Как бы там ни было, наш профессор физиологии ссорится с материалистическими представлениями о диффузии и эндосмосе. Вооруженный фактами, свидетельствующими об очевидной способности к различению и о наличии *некоторого разума* у отдельных клеток, он на многочисленных примерах демонстрирует ошибочность попыток объяснения определенных физиологических процессов при помощи механических теорий, — таких, как прохождение сахара из

печени (где он превращается в глюкозу) в кровяное русло. Физиологи встречаются с большими трудностями при объяснении этого процесса и *считают невозможным подвести его под действие эндосмотического закона*. По всей вероятности, лимфатические клетки принимают столь же активное участие в процессе абсорбции питательных веществ, растворенных в воде, как и пептиды, что хорошо продемонстрировано Ф. Гофмейстером.¹ Вообще говоря, бедный и очень подходящий эндосмос был сброшен с трона и изгнан из среды активных механизмов, работающих в человеческом теле, как бесполезный обладатель синекуры. Он потерял право голоса в деятельности желез и других секреторных органов, где его заменили те же самые эпителиальные клетки. Таинственные способности выбора или извлечения из кровяного русла одного рода веществ и отвергают других, трансформации первых при помощи разложения и синтеза, направления части таких продуктов в поток, который что-то выведет из тела, а что-то направит в лимфатические и кровяные сосуды, — вот в чем состоит работа этих клеток. *"Очевидно, что во всем этом нет ни малейшего намека на диффузию или эндосмос"*, — говорит базельский физиолог. — *"Становятся абсолютно бесполезными попытки объяснить эти явления при помощи химических законов"*.

1 "Untersuchungen über Resorption, der Nahrstoffe"
(Архив экспериментальной патологии и фармакологии, XIX, 1885).

Но может быть физиологии больше везет в какой-либо другой ее области? Потерпев неудачу с законами питания, она, возможно, нашла поддержку своим механическим теориям в вопросах активности мышц и нервов, которые она пытается объяснить законами электричества? Увы, за исключением нескольких рыб, ни в каких других живых организмах, и менее всего в человеческом теле, она не сумела найти никакой возможности, чтобы доказать, что электрический ток является главным действующим агентом. Электробиология, основанная на деятельности чистого электричества, вопиющим образом не удалась. Не знающему "Фохат" не хватит никаких электрических токов, чтобы объяснить мышечную или нервную активность!

Но существует такой предмет, как физиология внешних ощущений. Здесь мы не находимся более на *terra incognita* [неведомой земле]: все явления такого рода уже имеют чисто *физические объяснения*. Без сомнения, имеется феномен зрения, глаз со своим оптическим аппаратом, своей камерой-обскурой. Но факт сходства воспроизведения предметов в глазу и на светочувствительной пластинке фотоаппарата *не является витальным*. То же самое может быть получено и в *мертвом глазу*. Феномен жизни состоит в *эволюции и развитии самого глаза*. Как производится эта удивительная и исключительно сложная работа? На это физиологи отвечают: "Мы не знаем"; ибо на пути к решению этой проблемы:

физиология сделала до сих пор лишь первый шаг. Верно, мы можем проследить за последовательными стадиями развития и формирования глаза, но у нас нет никакой идеи о том, *почему* это протекает именно так, и *каковы* причинные связи в этом процессе. Второй существенный феномен в деятельности глаза — это его аккомодационная активность. И здесь мы опять сталкиваемся лицом к лицу с функциями нервов и мышц.— этой старой и неразрешимой загадкой. То же самое можно сказать и в отношении всех других органов чувств, и то же относится к другим областям физиологии. Мы надеялись объяснить явление циркуляции крови при помощи законов гидростатики и гидродинамики. Конечно, кровь движется в соответствии с гидродинамическими законами, но она подчиняется им лишь *пассивно*. Что же касается *активных* функций сердца и мышц, образующих стенки кровеносных сосудов, то до *сих пор никому еще не удалось объяснить их деятельность законами физики*.

В заключительной части лекции почтенного профессора есть немало слов и выражений, достойных оккультиста. Поистине, создается впечатление, что он повторяет афоризм из "Первоначальных сведений" эзотерической физиологии или *практического оккультизма*.

Загадка жизни находится в активной деятельности живого организма,¹ истинного восприятия которой мы можем достичь лишь путем самонаблюдения, а не благодаря нашим внешним чувствам; путем наблюдения нашей воли, поскольку она проникает в наше сознание и, таким образом, открывается для нашего внутреннего чувства. Поэтому, когда одно и то же явление воздействует только на наши внешние чувства, мы не распознаем его. Мы видим нечто, связанное с феноменом движения, но мы не постигаем сути этого явления, поскольку у нас нет специального органа для ее восприятия. Мы можем принять эту "сущность" в чисто

гипотетической форме, и мы делаем это, говоря об "активных функциях". Именно так поступает каждый физиолог, ибо он не может двигаться дальше без такой гипотезы; и это — первый опыт *психологической интерпретации* всех жизненных феноменов... Если нам демонстрируют, что мы не способны с помощью одной лишь физики и химии объяснить феномены жизни, — чего же мы можем ожидать от таких примыкающих к физиологии дисциплин, как морфология, анатомия и гистология? Я считаю, что они никогда не смогут помочь нам в разрешении проблемы хотя бы одного из загадочных жизненных явлений. Ибо, после того как мы преуспели с помощью скальпеля и микроскопа в разделении организмов на их самые элементарные компоненты, дойдя до самой простой клетки, — именно на этом месте мы обнаруживаем себя лицом к лицу с величайшей из всех проблем. Простейшая монада, микроскопическая частичка протоплазмы, бесформенная и лишенная структуры, обладает, однако, основными жизненными функциями — питанием, ростом, размножением, движением, способностью к ощущениям и чувственным восприятиям, и даже к таким функциям, которые замещают "сознание" — душу высших животных!

1 *Жизнь и активность* — это два разных названия для одной и той же идеи, или, более точно, это два слова, с которыми человек науки вообще не связывает какого-либо определенного представления. Тем не менее, и может быть благодаря этому, он вынужден ими пользоваться, ибо в них содержится возможность контакта между самыми трудными проблемами, на которых всегда спотыкались крупнейшие мыслители материалистического направления.

Действительно, для материализма это ужасная проблема! Сделают ли наши клетки, а также бесконечно малые монады природы то, что до сих пор не удалось сделать для нас аргументам величайших пантеистических философов? Будем надеяться на это. И если они сделают это, то "суеверные и невежественные" восточные йоги, а также их экзотерические последователи почувствуют себя оправданными. Ибо от того же самого физиолога мы слышим, что:

Эпителиальные *клетки* предотвращают проникновение в лимфатическое пространство многих ядов, хотя известно, что они легко разлагаются желудочным и кишечным соком. Более того. Физиологи понимают, что при прямой инъекции

этих ядов в кровяное русло они будут выделены из него, и снова проникнут через кишечные стенки, и в этом процессе наиболее активную роль играют *лимфатические клетки*.

Если читатель обратится к словарю Вебстера, он найдет там любопытное объяснение слов "лимфатический" и "лимфа". Этимологиисты считают, что латинское слово "лимфа" происходит от греческого "нимфа", что означает "*низшее божество*". "Поэты иногда называли муз *нимфами*. Поэтому стали говорить, что люди, способные впадать в состояние экстаза — такие как ясновидящие, поэты, безумные и т. п. — пойманы нимфами".

Богиня влаги (т. е. греческая *нимфа*, или латинская *лимфа*) в индийских преданиях считается рожденной из *пор* одного из богов, в разных верованиях это или бог океана, Варуна, или же второстепенный "речной бог". Но главное в том, что древние греки и римляне, как получается, разделяли те же "суеверия", что и индусы. Это суеверие сохраняется и до наших дней: каждый атом в четырех (или пяти) элементах материи является эманацией низшего бога или богини, которые, в свою очередь, являются эманациями высшего божества; более того, каждый из этих атомов, будучи Брахмой, одним из имен которого является *Ану*, или атом, становится эманацией не раньше, чем он будет наделен своего рода сознанием и свободной волей, действующей в пределах закона. Тот, кто знает, что *космический тримурти* (троица) состоит из Брахмы — Творца, Вишну — Хранителя и Шивы — Разрушителя, являющегося наиболее величественным символом *материальной* Вселенной и ее эволюции; тот, кто находит подтверждение этому в этимологии имен этих божеств,¹ а также в доктринах гупта-видьи, или эзотерического знания, — тот знает и то, как правильно понять это "суеверие". Пять основных титулов Вишну, помимо *Ану* (атом), общему для всех действующих лиц троицы, — это *Бхутатман*, т. е. тот, кто создает или испускает мировую материю; *Прадханатман*, "единый с чувствами"; *Параматман*, "Высшая Душа", и *Атман*, Космическая Душа, или Универсальный Разум; и отсюда хорошо видно, что древние индусы наделяли разумом и сознанием каждый атом и давали ему особое имя того или иного бога или богини. Если поместить этот пантеон, состоящий из 10 крор (т. е. 300 миллионов) божеств внутри макрокосма (Вселенной), или внутри микрокосма (человека), — то окажется, что это количество нет нужды переоценивать, поскольку оно

относится к атомам, клеткам и молекулам всего существующего.

Несомненно, что все это чересчур поэтично и трудно для понимания нашего поколения; и все же оно выглядит решительно более научным, чем те представления, которые вытекают из самых последних открытий в области *физиологии* и *естественной* истории.

1 "Брахма" происходит от корня "брх" — "распространяться", "рассеиваться"; "Вишну" — от корня "вис", или "виш" — "входить в", "проникать" во вселенную или материю. Что касается Шивы — покровителя йогов, то этимология его имени останется *непостижимой* для простого читателя.

РАЗУМ В ПРИРОДЕ

Велико чувство самоудовлетворенности в современной науке, и беспримерны ее достижения. Дохристианские и средневековые философы, по-видимому, оставили после себя кое-какие ориентиры, указывающие на неисследованные залежи, однако открытию всех богатств и бесценных сокровищ мы обязаны настойчивым усилиям современных ученых. Поэтому они заявляют, что подлинное, истинное знание природы Космоса и человека возникло лишь в последнее время. Роскошное современное растение возникло из увядших сорняков древних суеверий.

Однако, не такова точка зрения изучающих теософию. Они говорят, что недостаточно высокомерно высказываться о "несостоятельных представлениях некультурного прошлого", как это делают м-р Тиндаль и другие, чтобы скрыть те

интеллектуальные источники, на основании которых выросла слава столь многих современных философов и ученых. Сколь многие из наших выдающихся ученых заслужили почет и уважение просто потому, что они одели в новое платье идеи тех старых философов, которых они всегда готовы третировать, — об этом беспристрастно заявят последующие поколения. Но тщеславие и чрезмерная самоуверенность, как две ужасные раковые опухоли, сидят в мозгу среднего человека науки; это особенно касается востоковедов — санскритологов, египтологов и ассириологов. Первые следуют комментаторам пост-махабхаратского периода (или, может быть, лишь претендуют на то, что они это делают); последние руководствуются искусственно истолкованными папирусами, сопоставляя их с тем, что говорил тот или иной греческий писатель, или же обходя их молчанием, а также клинописными надписям на полуразрушенных глиняных табличках, скопированных ассирийцами с "аккадо"-вавилонских записей. Слишком многие из них склонны забывать при каждом удобном случае, что многочисленные изменения в языке, аллегорическая фразеология и очевидная скрытность старинных мистических писателей, обязанностью которых было никогда не разглашать важные тайны святилища, что все это могло ввести в заблуждение и переводчиков, и комментаторов. Большинство наших востоковедов скорее позволят своему тщеславию расстаться с логикой и способностью к рассуждению, чем признать свое невежество, и они, как профессор Сейс,¹ будут самодовольно заявлять, что они разгадали истинный смысл религиозных символов прежних времен, и что они могут интерпретировать эзотерические тексты намного правильнее, чем посвященные жрецы Халдеи и Египта. Это равнозначно тому, как если бы сказать, что древние иератические грамматики и священники, которые были изобретателями всевозможных аллегорий, предназначенных для сокрытия многих истин, которым обучали при инициации, — не имели ключа к священным текстам, составленным или написанным ими самими. На том же самом уровне рассуждают некоторые санскритологи, которые, не побывав ни разу в Индии, утверждают, что они знакомы с санскритским произношением, а также со смыслом ведических аллегорий намного лучше, чем самые образованные среди величайших брахманических пандитов и ученых санскритологов Индии.

1 См. в "Гиббертовых лекциях" за 1887 год (стр. 14-17) о происхождении и росте религии в древнем Вавилоне. Профессор Сейс говорит, что хотя "многие из священных текстов были написаны так, чтобы быть доступными *лишь для посвященных* [выделено мной] ... обладающих ключами и толкованиями", тем не менее, добавляет он, поскольку многие из последних "находятся в наших руках", они (ориенталисты) имеют "такой ключ для истолкования этих документов, *которым не обладали даже посвященные жрецы*" (стр. 17). Этот "ключ" — современное увлечение, столь дорогое м-ру Гладстону, и столь надоевшее своим однообразием большинству, состоит в том, чтобы в каждом символе древних религий видеть солярный миф и притягивать его, где есть для этого возможность, к сексуальной или фаллической эмблеме. Отсюда заявление о том, что в то время как "Гиздхубар был только победителем и завоевателем в древности", для ориенталистов, которые "могут проникать вглубь мифов", он является всего лишь солярным героем, который был сам по себе лишь трансформированным потомком скромного бога огня (цит. соч., стр. 17).

После всего этого кто же будет удивляться, что жаргонные выражения и темные места средневековых алхимиков и каббалистов также прочитываются современными учеными в буквальном смысле; что древние греки, и даже образы Эсхила, *корректируются* и улучшаются знатоками греческого из Кембриджа и Оксфорда, и что притчи Платона, смысл которых замаскирован, приписываются его "невежеству". И все же, если изучающие древние языки знают что-то, то им следовало бы иметь ввиду, что метод крайнего утилитаризма практиковался в древней философии так же широко, как и в современной; что с самого начала человечества фундаментальные истины обо всем том, что нам позволено знать на земле, надежно хранились адептами святилища; что различие между верованиями и религиозной практикой было лишь внешним; и что те защитники древнего божественного откровения, которые решали любую проблему, доступную для человеческого интеллекта, были связаны друг с другом всеобщим интуитивным взаимопониманием науки и философии, которое образовывало единую непрерывную цепь

вокруг земного шара. И филологии, и востоковедению следует попытаться отыскать конец нити. Но если они будут упорствовать в том, чтобы смотреть только в одном направлении, и это направление окажется ложным, то истина и факт никогда не будут открыты. Таким образом, долгом психологии и теософии является помочь миру достигнуть их. Изучите восточные религии при помощи света восточной, а не западной философии, и если вам удастся ослабить хотя бы одну петлю в узле древней религиозной системы, то вся цепь мистерий может быть распутана. Но для того, чтобы достичь этого, не следует соглашаться с теми, кто учит тому, что нефилософично вопрошать о первопричинах, и что все, что в наших силах, — это рассматривать их физические следствия. Область научного исследования со всех сторон ограничена физической природой; таким образом, как только достигаются границы материи, исследование должно остановиться, и работа должна быть начата заново. Поскольку теософ не имеет желания играть роль белки в колесе, то он должен отказаться от того, чтобы следовать указаниям материалистов. Во всяком случае, он знает, что перевороты в физическом мире, в соответствии с древним учением, сопровождаются сходными переворотами в интеллектуальном мире, ибо духовная эволюция вселенной, так же как и физическая, протекает циклически. Не видим ли мы в истории регулярного чередования приливов и отливов волн человеческого прогресса? Не видим ли мы в истории, и не обнаруживаем ли мы даже в пределах нашего собственного опыта подтверждение тому, что великие царства мира, достигнув наивысшей точки своего могущества, падают вниз в соответствии с тем же самым законом, по которому они возвышались? до тех пор, пока, достигнув самой низшей точки, человечество вновь не заявит о себе и не поднимется вновь, причем высота его подъема, по тому же закону циклически возрастающей прогрессии, будет несколько большей, чем та, с которой оно начало опускаться. Царства и империи подвержены тем же самым циклическим законам, что и растения, народы и все что угодно в Космосе.

Разделение истории человечества на периоды, которые индусы называют сатья, трета, двапара и кали югами, а греки "золотым, серебряным, медным и железным веками", не являются выдумкой. Мы видим одно и то же в литературе разных народов. Период великого вдохновения и бессознательной деятельности постоянно сменяется периодом

критицизма и осознания. Первый дает материал для анализирующего и критически мыслящего интеллекта второго.

Это время более чем когда-либо благоприятно для обозрения старых философий. Археологи, филологи, астрономы, химики и физики все ближе и ближе подходят к той точке, в которой они будут вынуждены рассматривать их. Физическая наука уже достигла границ своего исследования; догматическая теология видит, что источники ее *вдохновения* высохли. Приближается день, когда мир получит доказательства того, что только древние религии находились в гармонии с природой, и что древняя наука заключала в себе все, что может быть познано.

Снова повторяется пророчество, которое уже было высказано двадцать два года назад в "Разоблаченной Изиде".

Долго хранимые тайны могут быть раскрыты, давно забытые книги, давно утраченные искусства могут снова быть вынесены на свет; папирусы и пергаменты неопределимой важности попадут в руки тех, кто *решился* снять их с мумий или споткнется о них в могильных склепах; таблички и колонны, чьи рельефные изображения будут потрясать теологов и сбивать с толку ученых, — все это может быть выкопано и объяснено. Кто знает возможности будущего? Скоро наступит эра освобождения от иллюзий — нет, она уже наступила. Цикл почти завершился; новый цикл близок к своему началу, и будущие страницы истории, вероятно, предоставят полное свидетельство и доказательство вышесказанного.

Многое из всего этого произошло с тех пор, когда это было написано, и одно открытие ассирийских глиняных табличек побудило исследователей клинописных надписей (как христианских, так и свободомыслящих) изменить представления о самом возрасте мира.¹

1 Саргон, первый "семитский" монарх Вавилонии, прототип Моисея, теперь относится к 3 750 году до нашей эры (стр. 21), и третья династия в Египте — к периоду "около 6 000 лет назад", следовательно, за несколько лет до сотворения мира в соответствии с библейской хронологией (см. "Гиббертовы лекции о Вавилонии" А. Г. Сейса, 1887 год, стр. 21 и 33).

Хронология индийских Пуран, воспроизведенная в "Тайной Доктрине", ныне высмеивается, но может наступить и такое

время, когда она будет пользоваться всеобщим признанием. Лишь сегодня это может рассматриваться как простое предположение. Поистине, это лишь вопрос времени. Ибо вся суть споров между защитниками древней мудрости и ее отрицателями — мирскими и клерикальными — основывается (а) на неправильном понимании древних философий из-за отсутствия ключей, открытием которых хвастаются ассириологи; и (б) материалистических и антропоморфических тенденциях нашего века. Это никоим образом не мешает дарвинистам и материалистическим философам вести раскопки в рудниках древних и извлекать для себя пользу из того идейного богатства, которое они там находят; и не препятствует богословам открывать христианские догмы в философии Платона и называть их "предчувствиями", как это делается в "Монументальном христианстве" д-ра Ланди и других современных работах.

Таковыми "предчувствиями" наполнена вся литература — или то, что осталось от такой жреческой литературы — Индии, Египта, Халдеи, Персии, Греции и даже Гватемалы (Пополь-Вух). Основанные на одном и том же фундаменте — древних мистериях, — старые религии, все без единого исключения, отражают наиболее важные из всеобщих верований, например такие, как безличный и вселенский божественный Принцип, абсолютный по своей природе и недоступный для интеллекта "мозга", или для обусловленной и ограниченной познавательной способности человека. Невозможно вообразить какого-либо свидетеля этого, иного, нежели Универсальный Разум, Душа Вселенной. То единственное, что является неоспоримым и непрерывным доказательством и свидетельством существования этого Единого Принципа — это наличие несомненного порядка в космическом механизме, рождения, роста, смерти и преобразования всего во вселенной, от молчаливых и недостижимых звезд до незаметного лишайника, от человека до невидимых существ, ныне называемых микробами. Отсюда всеобщее признание "Божественной Мысли", *Anima Mundi* (Божественной Души) всем древним миром. Это идея Махат (великой) Акаши или ауры трансформации Брахмы у индусов, Алайи, "Божественной Души мысли и сострадания" у трансгималайских мистиков; "непрестанно сознающей Божественности" у Платона — древнейшая из всех доктрин, которые знает сегодня человек и в которые он верит. Поэтому о них нельзя сказать, что они были созданы ни Платоном, ни

Пифагором, ни кем-либо из философов исторического времени. Халдейский оракул говорит: "Деяния природы сосуществуют с интеллектуальным [νοερόν], духовным Светом Отца. Ибо это Душа [ψυχή], которая украсила великие небеса, и которая украшает их после Отца".

"Невещественный мир уже был тогда совершенным, пребывая в Божественном Разуме", — говорит Филон, которого ошибочно обвиняют в том, что его философия исходит от Платона.

В теологии Мокхуса мы обнаруживаем сперва эфир, а затем воздух; это два принципа, из которого родился Улом, *явленный* [νοητός] Бог (видимая материальная вселенная).

В орфических гимнах Эрос-Фанес развивается из Духовного Яйца, которое оплодотворяют эфирные ветры, причем ветер является "Духом Бога", который, как говорят, движется в эфире, "погруженный в размышления над Хаосом", — то есть, Божественной "Идеей". В Катха-упанишаде индусов Пуруша, Божественный Дух, предшествует первичному Веществу; из их объединения возникает великая Душа Мира, "Маха-Атма, Брахм, Дух Жизни"; последние названия идентичны с Универсальной Душой, или *Anima Mundi*, и Астральным Светом теургистов и каббалистов.

Пифагор принес свои учения из восточных святилищ, а Платон собрал их в более понятной для ума непосвященного форме, чем таинственные числа Мудреца — доктрины которого он полностью принимал. Таким образом, Космос, по Платону, — это "Сын", отцом и матерью которого являются Божественная Мысль и Материя. "Первичное Существо" (или — *Существа*, согласно теософам, так как они являются соединением божественных Лучей) — это эманация Демиургического или Универсального Разума, который от вечности содержит в себе идею "творимого мира", идею, которую непроявленный ЛОГОС производит из Себя Самого. Сперва Идея "рожденная во тьме до сотворения мира" остается в непроявленном Разуме; затем эта Идея появляется в виде отражения из Разума (теперь уже проявленного ЛОГОСА), облачаясь в материальную форму и становясь объективным существованием.

АПОЛЛОНИЙ ТИАНСКИЙ И СИМОН МАГ

В "Истории христианской религии до двухсотого года" Чарльза Б. Уайта, магистра гуманитарных наук, анонсированной и подвергнутой рецензии в "Banner of Light" (Бостон), мы обнаруживаем, что часть книги посвящена великому чудотворцу второго века нашей эры — Аполлонию Тианскому, у которого никогда не было конкурента в Римской Империи.

Период времени, на которое обращено особое внимание в этой книге, разделяется на шесть частей, вторая из которых, от 80 до 120 года н. э., включает в себя *Век Чудес*, история которого будет интересна спиритуалистам, как некое средство для сравнения проявлений невидимых разумных существ в наше время с похожими событиями во времена, последовавшие за введением христианства. Аполлоний Тианский был наиболее знаменитой фигурой этого периода и свидетелем царствования дюжины римских императоров. Перед его рождением, Протей, египетский бог, появился перед его матерью и предупредил ее, что он воплотится в ее будущего ребенка. Следуя наставлениям, данным ей во сне, она пошла на луг собирать цветы. Пока она делала это, стая лебедей образовала хор вокруг нее и, хлопая крыльями, лебеди пели в унисон. В это время внезапно подул ласковый ветерок, и Аполлоний родился.

Такова легенда, которая в древние времена делала из каждой значительной личности — "сына Бога", таинственно рожденного девой. А дальше следует история.

В юности он имел удивительные умственные способности и был очень красив, и находил величайшее счастье в разговорах с последователями Платона, Хрисиппа и Аристотеля. Он не ел ничего, что было живым, и питался лишь фруктами и плодами земли; он был энергичным поклонником и последователем Пифагора, и как таковой, хранил молчание в течение пяти лет. Куда бы он не отправлялся, везде он реформировал

религиозные культы и совершал удивительные поступки. На праздниках он удивлял Гостей, заставляя хлеб, фрукты, овощи и разнообразные лакомства появляться перед ним по его повелению. Статуи оживали, и бронзовые фигуры сходили со своих пьедесталов, изменяя свои позы и работая в качестве слуг. Применением той же самой силы совершались дематериализации; исчезали золотые и серебряные сосуды вместе с их содержимым; в одном случае, даже слуги исчезли из виду.

В Риме Аполлоний был обвинен в измене. Придя на допрос, его обвинитель вышел вперед, развернул свой свиток, на котором было записано обвинение, и был изумлен, обнаружив чистый лист.

Встретив похоронную процессию, он сказал сопровождающим: "Опустите гроб на землю, и я высушу слезы, которые вы проливаете над этой девушкой". Он дотронулся до молодой женщины, произнес несколько слов, и мертвая возвратилась к жизни. Когда он был в Смирне, в Эфесе свирепствовала чума, и его позвали отправиться туда. "Путешествие не может быть отложено", — сказал он; и не успел он закончить произнесение этих слов, как он уже был в Эфесе.

Когда ему было около ста лет, его привели к императору Рима по обвинению в чародействе. Он был заключен в тюрьму. В это время его спросили, когда он мог бы быть на свободе? "Завтра, если это зависит от судьи; сейчас, если это зависит от меня". Произнеся это, он вынул свои ноги из кандалов и сказал: "Вы видите свободу, которой я обладаю". Затем он вернулся в кандалы.

На трибунале его спросили: "Почему люди называют тебя богом?"

"Потому что", — сказал он, — "каждый человек, который добр, имеет право так называться".

"Каким образом ты предсказал чуму в Эфесе?"

Он ответил: "Благодаря тому, что я живу на более легкой пище, чем другие люди".

Его ответы на эти и другие вопросы его обвинителей показали такую силу, что император был очень сильно взволнован и объявил его невиновным; но сказал, что он задержит его для личного разговора. Он ответил: "Вы можете задержать мое тело, но не мою душу; и, я добавлю, не можете даже мое тело". Произнеся эти слова, он исчез из трибунала, и в тот же самый

день встретил своего друга в Путеоли, в трех днях ходьбы от Рима.

Писания Аполлония показывают его ученым человеком, наделенным совершенным знанием человеческой природы и наполненным благородными чувствами и принципами мудрой философии. Он говорит в своем послании к Валерию:

"Не существует смерти чего-либо, за исключением внешности; и также нет рождения чего-либо, кроме внешнего облика. То, что переходит из субстанции в природу, кажется рожденным, и то, что переходит из природы в субстанцию, кажется, подобным же образом, умершим; хотя в действительности ничего не порождается и *ничего* не исчезает; но лишь сейчас попадает в поле зрения и сейчас исчезает из него. Нечто появляется по причине плотности материи и исчезает по причине разреженности субстанции; но это всегда одно и то же, различающееся только по движению и условиям".

Высочайшая похвала была оказана Аполлонию императором Титом. Философ написал ему вскоре после его вступления на престол, советуя ему быть умеренным в своем правлении, и Тит ответил:

"От своего имени и от имени моей страны я благодарю вас и буду помнить об этом. Поистине, я захватил Иерусалим, но вы взяли меня в плен".

В удивительные деяния, совершенные Аполлонием (хотя бы они и были чудесными), источник и порождающие причины которых ясно обнаружил современный спиритуализм, повсеместно верили во втором веке и в последующие века; и христиане делали это в той же мере, что и остальные. Симон Маг был другим знаменитым чудотворцем второго века, и никто не отрицает его силы. Даже христиане были вынуждены признать то, что он совершал чудеса. Упоминание о нем сделано в Деяниях апостолов, 8:9-10. Его слава была всемирной, его последователи — в каждом народе, и в Риме была воздвигнута статуя в его честь. Он часто вступал в споры с Петром, которые мы в наши дни могли бы назвать "соревнованием чудес" с целью установить, чья сила была большей. В "Деяниях Петра и Павла" утверждается, что Симон заставил двигаться бронзовую змею, смеяться статую, и сам поднялся в воздух; к этому добавлено: "в противовес этому, Петр излечил болезнь словом, сделал слепого зрячим, и т. д.". Симон, оказавшись перед Нероном, изменил свою внешность: внезапно он стал ребенком, затем — стариком; в другое время

— молодым человеком. "И Нерон, увидев это, предположил, что он — Сын Бога".

В "Признаниях", работе Петрина о древних веках, приводится описание публичной дискуссии между Петром и Симоном Магом, которое и воспроизводится в данной работе.

Приводимые сообщения о многих других чудотворцах в высшей степени убедительно показывают, что та сила, при помощи которой они работали, не ограничивалась каким-либо человеком или неким количеством людей, как этому учат христиане, но что медиумическим даром тогда, как и сейчас, обладали многие люди. Заявления, цитируемые из трудов писателей первых двух веков о том, что происходило в те времена, подвергнут строгому испытанию доверчивость даже наиболее доверчивых, и даже относительно самой веры в эту эру чудес. Многие из этих сообщений могут быть сильно преувеличены, но неразумно было бы предполагать, что все они являются чистыми фальсификациями, без какой-либо доли истины в своем основании; и еще меньше это можно бы было сделать после тех открытий, которые были сделаны после возникновения современного спиритуализма. Некоторое представление о той тщательности, с которой надо относиться к любому предмету, содержащемуся в этих книгах, может быть получено, когда мы сообщим, что в индексе содержится двести тридцать ссылок на выражения, связанные с "Иисусом Христом"; из которых может быть сделан справедливый вывод о том, что данные сообщения имеют огромную ценность для получения искомой информации, чтобы иметь возможность различить, был ли Иисус — "Человек, Миф или Бог". "Возникновение и история христианских учений", а также "Возникновение и установление авторитета римской церкви надо всеми другими церквями" в полном объеме показывают и во многом проясняют многие препятствия и спорные вопросы. Короче говоря, для нас невозможно, без серьезного расширения тех границ, которые отведены для данной статьи, отдать всю дань справедливости этой очень поучительной книге; но мы думаем, что было сказано достаточно, чтобы убедить наших читателей в том, что это одно из наиболее интересных и долгожданных приобретений в литературе этого прогрессивного века.

Некоторые авторы пытаются придать появлению Аполлония легендарный характер, в то время как набожные христиане будут продолжать называть его *мошенником*. Если бы

существование Иисуса из Назарета было бы столь же хорошо удостоверено историей, и он сам был хотя бы наполовину столь же известен классическим авторам, как Аполлоний, — то никакой скептик не сомневался бы в действительном существовании такого человека, как Сын Марии и Иосифа. Аполлоний из Тиана был другом и корреспондентом римских императриц и некоторых императоров, в то время как Иисус оставил на страницах истории не больше, чем если бы его жизнь была записана на песке в пустыне. Его письмо к Акбару, правителю Эдессы, аутентичность которого утверждается одним лишь Евсевием, — этим бароном Мюнхгаузеном патриотической иерархии, — названо в "Основаниях Христианства" "попыткой подделки" даже самим Палеем, чья сильная вера признает даже наиболее неправдоподобные истории. Таким образом, Аполлоний — это исторический персонаж; между тем, даже многие из самих апостольских отцов, помещенные перед скрупулезным взором исторического критицизма, начинают дрожать, а многие из них — угасают и исчезают, подобно "блуждающим огонькам", или *ignis fatuus*.

БЫЛ ЛИ КАЛИОСТРО ШАРЛАТАНОМ?

Прогнать обиженного прочь и не пытаться
 Зло, причиненное ему, исправить,
 Кем ни был бы обидчик, и обида
 Какою бы туманной ни была,
 Порочного и слабого достойно —
 Марает честь, и низлагает короля.

Смоллетт

Упоминание имени Калиостро производит двойной эффект. Одних людей оно наводит на воспоминание обо всей череде удивительных событий, произошедших с самых древних времен; у других, современных потомков чересчур реалистического века, имя Алессандро, графа Калиостро, вызывает удивление, если не презрение. Люди неспособны понять, как этот "чародей и маг" (читай "шарлатан") мог когда-то законно производить такое воздействие, какое он оказывал на своих современников. Это дает нам ключ к пониманию посмертной репутации сицилийца, известного как Джозеф Бальзамо, той репутации, которая заставила верящего в него брата-масона сказать, что (подобно принцу Бисмарку и некоторым теософам) "Калиостро мог бы быть назван самым оскорбляемым и ненавидимым человеком в Европе". Тем не менее, и невзирая на моду наделять его ругательными и оскорбительными именами, никто не должен забывать о том, что среди его горячих поклонников были Шиллер и Гете, и они оставались таковыми до самой своей смерти. Гете во время своего путешествия на Сицилию потратил много сил и времени, собирая информацию о "Джузеппе Бальзамо" на его предполагаемой родине; именно на основе этих многочисленных записей создатель "Фауста" написал свою пьесу "Великий Кофта".

Почему же этому удивительному человеку оказывается столь мало чести в Англии? Благодаря Карлейлю. Самый бесстрашный и правдивый историк своего века, который ненавидел ложь в любом обличье, закрепил *imprimatur* ["печатью", лат.] своего честного и знаменитого имени, и таким образом освятил наиболее несправедливую из исторических несправедливостей, совершенных благодаря предрассудкам и фанатизму. Это произошло из-за ложных сообщений, подавляющее большинство которых исходило от того класса людей, которых он ненавидел не меньше чем неправду, а именно от иезуитов, или — воплощенной лжи.

Само имя Джузеппе Бальзамо, преобразованное при помощи каббалистических методов, означает: "Тот, кто был послан", или "Данный", а также "Господин Солнца", — показывает, что оно не было его истинным родовым именем. Как отмечает Кеннет Р. Х. Макензи,¹ член Теософского общества, к концу прошлого столетия среди некоторых теософских профессоров того времени установилась мода транслитерировать в восточной форме любое имя, которое давалось оккультными

братствами своим ученикам, предназначенным для работы в миру.

1 Кеннет Роберт Хендерсон Маккензи:
"Королевская масонская энциклопедия", Лондон,
1875-1877 гг. — *Прим. редактора.*

И кто бы ни был отцом Калиостро, его звали не "Бальзамо". Во всяком случае, в этом можно быть уверенным. Кроме того, поскольку известно, что в юности он жил вместе с человеком, которого называли, предположительно, Алтотом, или "великим герметическим мудрецом", или, другими словами, адептом, и получал от него наставления, нетрудно поверить преданию о том, что именно этот последний и дал Калиостро его символическое имя. Но что еще более очевидно, так это то уважение, которым он пользовался у некоторых наиболее ученых и прославленных людей своего времени. Во Франции мы обнаруживаем, что Калиостро — который был до этого личным другом и помощником химика в лаборатории Пинто, гроттмейстера Мальтийского ордена — стал другом и *протее* кардинала де Рогана. Его почтил своей поддержкой и дружбой некий высокородный сицилийский принц, как и многие другие титулованные лица. "Возможно ли тогда", — задает вполне уместный вопрос м-р Макензи, — "чтобы человек со столь обаятельными манерами мог быть лживым обманщиком, как это пытались доказать его враги?" Главной причиной всех его жизненных трудностей был его брак с Лоренцой Феличиани, которая была орудием в руках иезуитов; и двумя меньшими причинами были его исключительно добрая натура и та слепая доверчивость, которую он проявлял в отношении своих друзей — некоторые из которых стали предателями и его непримиримыми врагами. Никакое из тех преступлений, в которых его обвиняли, не привело к уменьшению его славы и к ухудшению его *посмертной* репутации; но все это произошло из-за его слабости к недостойной женщине и обладания тайнами природы, которые он не разгласил церкви. Будучи уроженцем Сицилии, Калиостро, естественно, был рожден в римско-католической семье (неважно, какова была их фамилия) и был взят к себе монахами "Кастильонского доброго братства", как нам рассказывают его биографы; таким образом, ради спокойной жизни он должен был внешне исповедовать верования церкви и оказывать ей уважение, поскольку традиционная политика

последней всегда определялась лозунгом: "кто не *с нами*, тот *против нас*", и она немедленно уничтожала в зародыше своих врагов. И все же, в связи с этим, Калиостро и по сей день обвиняют в том, что он служил иезуитам в качестве шпиона; и это делают масоны, которые должны бы в последнюю очередь возводить подобные обвинения против ученого брата, который преследовался Ватиканом даже в большей степени как масон, чем как оккультист. Если это было так, то почему те же самые иезуиты до сих пор поносят его имя? И если он служил им, то как могло случиться, что он не оправдал возложенных на него надежд, поскольку человек такого бесспорного интеллектуального дарования не мог бы плохо справиться с поставленной задачей или игнорировать приказания *тех, кому он служит*? Но что же мы видим вместо этого? Калиостро обвиняют в том, что он был самым ловким и удачливым обманщиком и шарлатаном своего века; в том, что он принадлежал к отделению иезуитского ордена в Клермонте во Франции; в том, что он появился (как доказательство его связи с иезуитами) в церковном облачении в Риме. И все же, этот "ловкий обманщик" был подвергнут испытанию и приговорен — усилиями тех же самых иезуитов — к постыдной смерти, которая впоследствии была заменена всего лишь на пожизненное заключение из-за таинственного вмешательства или воздействия, которое было оказано на папу!

Не более ли милосердным и согласным с истиной было бы сказать, что именно его связь с восточной оккультной наукой, его знание многих секретов — губительных для церкви — и вызвало сначала преследования Калиостро иезуитами, и, в конце концов, столь суровые меры со стороны церкви? Именно его чистосердечие, которое делало его слепым по отношению к недостаткам тех, о ком он заботился, заставившее его поверить двум таким мошенникам, как маркиз Альато и Оттавио Никастро, и лежит в основе всех тех обвинений во лжи и мошенничестве, которые ныне расточаются в его адрес. И все прегрешения этих двух "героев" — впоследствии казненных за невиданное надувательство и убийство — ныне сваливают на Калиостро. Тем не менее, известно, что он и его жена (в 1770 г.) остались без средств в результате бегства Альато со всеми их денежными сбережениями, и были вынуждены просить милостыню во время своего пребывания в Пьемонте и Женеве. Кеннет Макензи убедительно доказал, что Калиостро никогда не принимал участие в политических интригах, — которые являются самой сутью деятельности иезуитов. "Он,

безусловно, был совершенно неизвестен в таком своем качестве тем, кто ревностно охранял архивы, связанные с подготовкой Революции, и поэтому представление о нем, как о защитнике революционных принципов, лишено всякого основания". Он был просто оккультист и масон, и как таковой, он пострадал от рук тех, кто, добавляя оскорбления к несправедливости, сначала попытались убить его при помощи пожизненного заключения, а затем распространили слух о том, что он был их презренным агентом. Эта хитроумная затея по своей дьявольской изощренности была вполне достойна своих первоначальных авторов.

Есть в биографиях Калиостро много вех, которые свидетельствуют о том, что он учил восточной доктрине о "принципах" в человеке, о "Боге", заключенном в человеке, — как потенциальности *in actu* [в действии, *лат.*] ("высшее я"), — и в каждом живом существе и даже атоме, — как потенциальности *in posse* [возможности, *лат.*], — и что он служил Учителем Общины, которых он *не назвал*, потому что, согласно данному им обету, *он не мог* этого сделать. Доказательством этого является его письмо к новому мистическому, а скорее, разношерстному братству (к ложе) *филалетов* [любителей истины, *греч.*]. Филалеты, как это известно всякому масону, были основаны на церемонии в Париже в 1773 году в *Loge des Amis Réunis*, базирующейся на принципах мартинизма,¹ члены которой специально изучали оккультные науки. Материнская ложа была философской и *теософской* ложей, и потому Калиостро был прав в своем стремлении очистить ее отпрыска, ложу филалетов. Вот что говорится по этому поводу в "Королевской масонской энциклопедии":

1 Мартинисты были мистиками и теософами, которые утверждали, что они обладают тайной установления связи с (элементарными и планетарными) духами запредельных сфер. Некоторые из них были практикующими оккультистами.

"15 февраля 1785 года ложа филалетов на *торжественном* заседании, в присутствии Лавалетта де Ланжа, королевского казначея, банкира Тассина и королевского чиновника Тассиана, открыла братское собрание в Париже... Князя (русские, австрийские, и др.), отцы церкви, советники, рыцари, финансисты, адвокаты, бароны, теософы, каноники,

полковники, профессора магии, инженеры, писатели, доктора, купцы, почтмейстеры, герцоги, послы, хирурги, преподаватели языков, судебные исполнители, и, особенно, две лондонские знаменитости — Боасье, оптовый торговец, и Брукс из Лондона — участвовали в этом собрании, а также мосье граф де Калиостро и Месмер, "изобретатель", — как отзывается о нем Тори,¹ — "учения о магнетизме"! Без сомнения, там собрались весьма достойные люди, способные привести мир в порядок, какого никогда не видела Франция ни до, ни после того!"

1 "Acta Latomoram", том II, стр. 95.

Недовольство Ложи было вызвано тем, что Калиостро, сперва предложивший взять на себя заботу о ней, отказался от своих предложений, так как "собрание" не приняло постановления о египетском ритуале, а также из-за того, что *филалеты* не согласились предать огню свои архивы, — что было его *sine qua non* [непременным, лат.] условием. Кажется весьма странным, что его ответ этой Ложе рассматривается братом К. Р. Х. Макензи и другими масонами, как исходящий "из иезуитского источника". Сам его стиль является восточным, и никто из европейских масонов — и менее всего, иезуиты — не мог бы написать в подобной манере. Ответ был такой:

"...Неведомый великий магистр истинного *масонства* бросил свой взор на филалетиан... Тронутый искренностью открытого признания их желаний, он соизволил простереть свою руку над ними, и согласился пролить луч света в темноту их храма. Это есть желание неведомого *гроссмейстера*, *показать им существование единственного Бога* — основы их веры; *первоначальное достоинство человека; его силы и его предназначение*... Показать, что они познают через действия и факты, благодаря свидетельству органов чувств — БОГА, ЧЕЛОВЕКА и *промежуточные духовные существа (принципы), находящиеся между ними*; всему этому *истинное масонство* дает символические значения и указывает истинный путь. Пусть же филалеты примут учения этого истинного масонства, подчинятся правилами его высшего руководителя, и примут его постановления. Но прежде всего да будет очищено Святилище, и пусть филалеты знают, что свет может снизойти лишь на Храм Веры (основанной на знании), а не на Храм Скептицизма. Пусть они предадут огню бесполезные и ненужные залежи своих архивов; ибо лишь на руинах Башни Беспорядка может быть воздвигнут этот Храм Истины".

В оккультной фразеологии некоторых оккультистов "Отец, Сын и Ангелы" обозначают сложный символ физического и астро-спиритуального ЧЕЛОВЕКА.¹ Этот термин использует Иоганн Георг Гихтель (конец XVII в.), страстный поклонник Бёме, провидца, о котором св. Мартин говорил, что он был *женат* "на небесной Софии", Божественной Мудрости. Таким образом, становится очевидным, что подразумевал Калиостро, желая показать филалетам на основании их собственных "чувств", упоминая "Бога, человека и промежуточных Духовных существ", которые являются посредниками между Богом (*атмой*) и Человеком (*эго*). Не сложнее понять и истинный смысл его слов, в которых он упрекает братьев в своем прощальном письме:

"Мы предложили вам истину; вы пренебрегли ею. Мы предложили ее ради ее самой, и вы *отвергли* ее *из-за любви к формальностям*... Можете ли вы возвыситься до (*вашего*) Бога и *самопознания*, опираясь на вашего секретаря и собрание?" и т. д.²

1 Чтобы лично убедиться в этом, см. "Три принципа" и "Семь форм" природы" Бёме, и попытайтесь понять их оккультное значение.

2 Утверждение, сделанное на основании авторитета Бесвика, что Калиостро был связан с *Loge des Amis Réunis* под именем графа Грабионка, не доказано. В то время во Франции был польский граф, носящий такое имя, мистик, который упоминается в письмах мадам де Крюднер, хранящихся у семьи писательницы, и который принадлежал, по словам Бесвика, вместе с Месмером и графом Сен-Жерменом, к ложе филалетов. Где находятся рукописи Лавалетта де Ланжа и документы, оставшиеся после его смерти, связанные с философской шотландской церемонией? Потеряны?

Существует множество абсурдных и совершенно противоречивых утверждений о так называемом Джозефе Бальзамо, графе де Калиостро, некоторые из которых были собраны Александром Дюма для его "Записок некоего врача", с такими многочисленными отклонениями от истины и факта, которые столь характерны для романов Дюма-отца. Но хотя мир и обладает в высшей степени разнообразной и

многочисленной информацией, относящейся практически ко всей жизни этого в высшей степени замечательного и глубоко несчастного человека, все же о его последних десяти годах и о его смерти не известно ничего определенного, кроме одной лишь легенды, согласно которой он окончил свои дни в тюрьме инквизиции. Поистине, некоторые фрагменты, недавно опубликованные итальянским *savant* [ученым, *ит.*], Джованни Сфорца, из частной корреспонденции Лоренцо Просперо Боттини, римского посла республики Лукка в конце прошлого столетия, отчасти восполняют этот большой пробел. Эта переписка с генеральным канцлером вышеупомянутой республики, Пьетро Каландрини, началась в 1784 году, но действительно интересная информация появляется только в 1789 году, в письме, датированном 6 июня данного года, и даже тогда мы узнаем не так уж и много. В нем сообщается о "прославленном графе ди Калиостро, который недавно прибыл из Трентона *via* [через, *ит.*] Турин в Рим. Люди говорят, что он уроженец Сицилии и удивительно богат, но никто не знает, откуда это богатство. У него было рекомендательное письмо от епископа г. Трентона к епископу г. Олбани... До сих пор его ежедневные занятия, также как и его личный статус, и общественное положение, безупречны. Многие ищут встречи с ним, чтобы из его собственных уст услышать подтверждение того, что о нем говорят". Из другого письма мы узнаем, что Рим оказался неблагоприятным городом для Калиостро. У него было намерение обосноваться в Неаполе, но этот план не был осуществлен. Ватиканские авторитеты, которые до тех пор оставляли в покое графа Калиостро, внезапно наложили на него свою тяжелую длань. В письме от 2 января 1790 года, то есть через год после прибытия Калиостро, говорится, что: "в последнее воскресенье в совете в Ватикане происходили тайные и совершенно необычные дебаты". Он (совет) состоял из госсекретаря и Антонелли, Пиллотта и Кампанелли; обязанности секретаря выполнял монсиньор Фиджеренти. Предмет рассмотрения на этом тайном совете оставался в секрете, но слухи утверждали, что он был созван по причине внезапного ареста в ночь с субботы на воскресенье графа ди Калиостро, его жены и капуцина Фра Джузеппе Мавриджо. Граф был заключен в форт Сен-Анджело, графиня — в монастырь св. Аполлония, а монах — в тюрьму Арачели. Этот монах, который называл себя "отцом Свиззеро", считался сообщником знаменитого мага. В число преступлений, в которых его обвиняли, включено было обвинение в

распространении некой книги неизвестного автора, осужденной на публичное сожжение и озаглавленной: "Три Сестры". Цель этой книги — *"стереть в порошок три определенные персоны знатного происхождения"*.

Легко догадаться об истинном значении этого в высшей степени неправильного толкования. Это была работа по алхимии; "три сестры" символически обозначают три "Принципа" в своем двойном символизме. В оккультной химии они "распыляют" тройной ингредиент, используемый в процессе трансмутации металлов; на духовном плане они уничтожают три "низших" *персональных* "принципа" в человеке, — это объяснение, которое должно быть понятно любому теософу.

Суд над Калиостро затянулся надолго. В письме от 17 марта Боттини пишет своему корреспонденту в Лукку, что знаменитый "чародей" в конце концов предстал перед святой инквизицией. Действительная причина затягивания судопроизводства была в том, что инквизиция, при всей своей ловкости в фабрикации доказательств, не могла найти веских свидетельств, чтобы доказать вину Калиостро. Тем не менее, 7 апреля 1791 года он был приговорен к смерти. Он был обвинен в различных и многочисленных преступлениях, самым главным из которых было то, что он масон, "иллюминат"¹ и "чародей", занимающийся противозаконными и запрещенными исследованиями; он был также обвинен в высмеивании *святой Веры*, в причинении вреда обществу, в обладании большой суммы денег *неизвестного происхождения*, и в том, что он подстрекал других людей, невзирая на их возраст, пол и социальное положение, следовать ему. Короче говоря, мы видим несчастного оккультиста, приговоренного к позорной смерти за свершенные им дела, подобные которым, ежедневно и публично, по сей день творятся многими великими магистрами масонов, равно как и сотнями тысяч мистически настроенных каббалистов и масонов. После этого приговора, "архиеретические" документы, дипломы от иностранных дворов и обществ, масонские регалии и *семейные реликвии* были торжественно сожжены общественными палачами на пьядца делла Минерва, перед огромными толпами народа. Сначала были уничтожены его книги и инструменты. Среди прочих был манускрипт: *Maçonnerie Egyptienne* ["Египетское масонство"], который, таким образом, не мог больше служить свидетельством *в пользу* опороченного человека. После этого осужденный оккультист должен был бы перейти в руки

гражданского трибунала, если бы не случилось таинственное событие.

1 Член тайного религиозно-политического общества в Баварии во второй половине XIII в. —
Прим. редактора.

Некий чужестранец, которого никто никогда не видел в Ватикане ни до, ни после того, появился и потребовал личной аудиенции у папы, послав ему через кардинала-секретаря некое *слово* вместо имени. Он был немедленно принят, но оставался у папы лишь несколько минут. Он ушел не раньше, чем его святейшество отдал распоряжение заменить смертный приговор графу на пожизненное заключение в крепости, называемой замком Сен-Лео, и чтобы вся эта операция была проведена в великой тайне. Монах Свиззеро был осужден на десятилетнее заключение; а графиня Калиостро была выпущена на свободу, но только для того, чтобы ее снова заключили в монастырь по новому обвинению в ереси.

Но каким был этот замок Сен-Лео? Он находится на границе нынешней Тосканы, в то время, в герцогстве Урбино папского государства. Он построен на вершине огромной скалы, почти отвесной со всех сторон; чтобы попасть в "замок" в те дни, надо было забраться в своего рода открытую корзину, которая поднималась при помощи канатов и блоков. Что же касается преступника, то его помещали в специальный ящик, после чего тюремщик поднимал его "со скоростью ветра". 23 апреля 1792 года Джузеппе Бальзаме — если мы можем так называть его — вознесся *на небеса* в ящике для преступников, и был навечно заточен в этой могиле для живых. Последний раз Джузеппе Бальзамо упоминается в корреспонденции Боттини в письме, датированном 10 марта 1792 года. Посол рассказывает о чуде, совершенном Калиостро в своей тюрьме во время отдыха. Длинный заржавленный гвоздь, вытащенный узником из двери, был превращен им без помощи каких-либо инструментов в остроконечный трехгранный *стиллет*, столь же гладкий, блестящий и острый, как если бы он был сделан из превосходной стали. В нем можно было опознать старый гвоздь лишь по его шляпке, оставленной узником для того, чтобы удобнее было держать его в руке. Госсекретарь приказал отнять его у Калиостро и доставить в Рим, удвоив наблюдение за последним.

И вот пришло то время, когда осел смог последний раз пнуть умирающего, или уже мертвого, льва. Луиджи Анголини, тосканский дипломат, так описывает это:

"В *конце* концов, этот самый Калиостро, который делал такой вид, словно он был современным Юлием Цезарем, обзаведясь такой славой и столь многими друзьями, умер от апоплексического удара 26 августа 1795 года. Семирони похоронил его внизу в деревянном сарае, из которого крестьяне частенько воровали королевское добро. Хитрый капеллан очень точно рассчитал, что человек, который во время своей жизни внушал такой суеверный страх всему миру, будет внушать людям то же самое чувство и после своей смерти, и таким образом охранит его от воров..."

Но вот — вопрос! Действительно ли Калиостро умер и был погребен в 1795 году в замке Сен-Лео? И если это действительно так, то почему смотрители замка Сен-Анджело в Риме показывают наивным туристам небольшую квадратную тюремную камеру, в которой, по их словам, был заточен и "умер" Калиостро? Откуда такая неуверенность или — обман, и такое разногласие в легендах? Некоторые итальянские масоны по сей день рассказывают об этом странные истории. Одни уверяют, что Калиостро необъяснимым образом исчез из своей поднебесной тюрьмы, вынудив, таким образом, своих тюремщиков распространять заведомо ложные сообщения о своей смерти и погребении. Другие доказывают, что он не только исчез, но, благодаря Эликсиру Жизни, жив и поныне, хотя ему должно быть уже более ста двадцати лет!

"Почему бы", — задается вопросом Боттини, — "если ему действительно были подвластны те силы, которые он сам себе приписывал, ему на самом деле не исчезнуть из-под надзора своих тюремщиков, и, таким образом, не избежать столь унижительного наказания?"

Мы слышали о другом узнике, более великом во всех отношениях, чем Калиостро когда-либо претендовал стать при жизни. Об этом узнике тоже говорили, насмехаясь:

"Других спасал, а Себя Самого не может спасти... пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него..."¹

Доколе еще милосердные и доброжелательные люди будут творить биографии живых и разрушать репутации почивших, с таким несравненным равнодушием, опираясь на безосновательные, а зачастую и полностью лживые сплетни о людях, оставаясь при этом, как правило, рабами предрассудков !

До тех пор, мы вынуждены думать, пока они остаются в неведении о законе кармы и его железной справедливости.

1 От Матфея, 27:42. — *Прим. редактора.*

СПИНОЗА И ЗАПАДНЫЕ ФИЛОСОФЫ

Самым величайшим из материалистов, который когда-либо жил на земле и который привел более сильные аргументы в защиту своей теории, чем кто бы то ни было, — был Эпикур. Великий, целомудренный, благородный и строгий Эпикур, назвавший высшие цели и божественные законы простыми изобретениями человеческого разума и отрицавший представление о бессмертии человеческой души. Кто из наших современных позитивистов сказал когда-либо об источнике нашего бытия что-либо более сильное, чем это:

"Душа ... должна быть материальной, потому что мы прослеживаем ее происхождение от материального источника; потому что она *существует*, и существует единственно в материальной системе; она питается материальной пищей; растет вместе с ростом тела; созревает вместе с его созреванием; приходит в упадок вместе с его ослаблением; и, следовательно, принадлежит ли она человеку или животному, должна умереть вместе с его смертью".

И все же он был деистом и теософом, ибо — не говоря о его собственной системе, мудрая философия которой проявляет себя в той связующей силе его школы, равной которой никогда не было среди любых других школ античной философии — он посвятил всю свою жизнь изучению естественных наук и анализу божественной деятельности в ее соотношении с

природой. Его вывод состоял в том, что вселенная, которая бесконечна, не могла бы быть результатом божественного действия, поскольку тогда не может быть объяснено существование зла. Несмотря на все это, хотя и не веря в Бога в виде некоего разумного Принципа, он признавал существование и Высшего Существа, и богов или духов, живых и бессмертных существ, имеющих человеческий облик, но гигантские размеры.

Спиноза, со своей стороны, был признанным "последовательным атеистом", как заклеил его Пьер Бейль. Против него была произнесена ужасная *анафема мараната*, и его систему отрицания Мальбранш назвал нелепой и страшной химерой. И все же на земле никогда не было более чистой и духовной натуры, чем Спиноза. Если благодаря Эпикуру абстрактные представления постепенно превратились в грубые конкретные формы материальной вселенной, то благодаря Спинозе материальные концепции науки, от Солнечной системы до молекулярной структуры листочка, приобрели поистине рафаэлевские оттенки, и самые грубые субстанции приняли туманные, эфирные очертания в некоем идеальном мире. И этот мученик трансцендентной теософии столь сильно запечатлел себя в последующих поколениях мыслителей, что Шлейермахер с самым трогательным пафосом говорит о "святом, но гонимом Спинозе".

"Дух Божий пронизывал его", — говорит он. "Бесконечное *было* его началом и концом, вселенная была его единственной и вечной любовью. В святой простоте и глубоком смирении он отражал себя в вечном мире и видел также, что он был его самым прекрасным зеркалом. *Он был наполнен религией и святым духом*, и потому он остается единственным и непревзойденным мастером этого искусства, но возвышенным над мирским обществом, без учеников и даже без гражданства!"

Концепции этого "атеистического" теософа о Боге являются одними из наиболее оригинальных. Скованные, как всегда, законом необходимости, царящим повсюду в физической природе, мы видим, что он решает самые абстрактные идеи при помощи четких геометрических определений. Его система — это система метафизических представлений, из которых вытекает серия теорем — некая демонстрация из восьми определений и семи аксиом первой книги "Этики".

Тот, кто знаком с индийской философией, усмотрит здесь исключительное сходство с ведантой и высшей буддийской

системой, известной как школа свабхавика. Согласно их представлениям, Бог — это "некая субстанция, состоящая из бесконечных атрибутов, каждый из которых выражает некую *абсолютно* бесконечную и вечную сущность". Следовательно, эта субстанция — необходимая и бесконечная, единая и невидимая, является Богом, единственным Самосущим, .Всесовершенным и абсолютно Беспредельным. Если удалить отсюда имя божества, то вы получите абстрактные представления свабхавиков о единственной творящей силе в мире.

"Во вселенной не существует ничего, *кроме* субстанции — или природы", — говорят последние. — "Эта субстанция существует благодаря самой себе и посредством себя (свабхават), она никогда не была сотворена и не имела Творца".

И Спиноза, не осознавая того, повторяет за ними:

"Нет", — говорит он, — "в этом *мире* не существует ничего, кроме субстанции и разновидностей ее атрибутов; и, так как субстанция не может производить субстанцию, нет такой вещи, как творение".

Это убеждение большинства индийских философов. И снова:

"...Оно (*творение*)", — говорит Спиноза, — "не имеет ни начала, ни конца, но все вещи должны происходить или эманировать из Бесконечного Единого, и будут вечно исходить таким образом".

Согласно его философии, нам известны лишь два из не имеющих числа атрибутов божества: протяженность и мысль, объективное и субъективное, для которых Он (Бесконечное) является тождеством. Бог — это единственная свободная Причина (*causa libera*), все же остальные существа, не обладая ни свободой воли, ни выбора, двигаются благодаря жестким законам причинности. Божество — это

"*Causa immanens omnium* [причина, пребывающая во всем, лат.], не существующая отдельно от вселенной, но проявленная и выраженная в ней, как в некоем живом одеянии".

В книге "Зогар" творение или вселенная также называется "покровом Бога", сотканным из его собственной субстанции.

"Вот так на шумном Ткацком станке Времени я свиваю
И тку для Бога покров, который ты зришь на Нем", —

говорит Гете, другой немецкий теософ, в своем "Фаусте". И в веданте мы находим Брахму, Божественного *Абсолюта*, не

замечающего вселенной и остающегося вечно независимым от прямых взаимоотношений с ней. Бенаресский пандит Прамада Даса Митра говорит в своей "Ведантической концепции Брахмы":

"В то время как *ведантист* отрицает наличие у Божества земного преходящего сознания, он утверждает ... с настойчивостью ... что Он является Абсолютным Сознанием... Он и Его сознание нераздельны... Именно эта постоянная Сущность частично проявлена [в человеке], но превосходит все сознательные существа, то есть, является Вездесущим Духом... Ведантист верит, что он [мир] *был* ничем и *есть* ничто в обособлении от Единого абсолютного Существа — Бога".

И лишь когда еврейский философ описывает "атрибуты" Бога — пусть даже и бесконечного, — он расходится с учением веданты; ибо последняя позволяет одному лишь человеку называть свое сознание неким атрибутом своей души, "потому что оно видоизменяется, в то время как сознание (чайтанья) Бога едино и неизменно, а следовательно, никакое подобное разделение на субстанцию и атрибут неприменимо для Него". Тогда как божество Спинозы — *natura naturans* — постижимо в своих атрибутах просто и однозначно; и то же самое божество — *natura naturata* — также постижимо в бесконечной серии видоизменений и взаимосвязей, следствий, непосредственно вытекающих из свойств этих атрибутов, — что является божеством ведантистов в чистом виде. То же самое тонкое метафизическое различие обнаруживается в тайне, благодаря которой безличный Брахма — Единый и Нераздельный, *абсолютное* "сознание", — *не наделенный сознанием* вселенной, становится посредством явной метафизической необходимости Ишварой, личным Богом, и ставит себя в прямую связь с вселенной — творцом которой он является — соответственно под определениями майи (иллюзии), шакти (силы) и пракрита (природы).

Ведантический Брахма-Ишвара имеет столь выдающееся значение в философии Спинозы, что мы обнаруживаем, как эта идея окрашивает последующие воззрения Гегеля, одного из тех философов, который в наибольшей степени был вдохновлен этим еврейским идеалистом. В гегельянской схеме *Абсолют* заявляет о своих правах в наибольшей степени. Гегель утверждает, что он скорее бы не признал существование материальной вселенной, чем отождествил бы с ней Бога. Фихте, трансцендентальный идеализм которого первоначально

был предназначен усилить идеализм Канта, и который послужил основанием для натурфилософии Шеллинга, пошел в этом направлении еще дальше Гегеля. Неспособный освободить человеческую волю от подчинения железным законам, деспотично управляющих повсюду в физической природе, он отрицал реальность и природы, и закона, и отвергал их как продукт своего собственного разума (майя?). Следовательно, он отрицал существование Бога, ибо в его философии божество — это не некое индивидуальное существо, но просто проявление высших законов, необходимый и логичный порядок вещей, *ordo ordinans* [организующий мировой разум, *лат.*] вселенной. Если принять во внимание факт, что благодаря специфической модификации языка то, что древние называли "субстанцией", современная философия определяет как *абсолют*, или *эго*, мы обнаружим еще более удивительные параллели между пантеистическим мистицизмом древних и нынешним высшим трансцендентализмом, как в физической, так и в духовной науках.

Итак, подытожим. Рассматривает ли первый вместе с Робертом Бойлем вселенную как гигантский часовой механизм, стремясь понять тайну того Самосущего Ключа, который автоматически заводит его через определенные промежутки времени. Или он принадлежит к классу тех мыслителей-позитивистов, которых герцог аргайлский [Дж. Д. Кемпбелл] обвиняет в своем "Царстве закона" в том, что они постоянно говорят о "простом навешивании ярлыков и правильной расстановке внешних фактов". Или же он подобно материалисту утверждает вместе с д-ром Тиндалем, что "порядок и энергия вселенной свойственны ей, а не привнесены в нее извне", что "это выражение четкого закона, а не переменной воли". Или же, не являясь непременно фанатичным ханжой, он выражает ранние наставления своего детства и рассматривает Бога как осязаемое, гигантское, действующее и разумное существо, наделенное личными качествами, которое периодически нисходит в различные аватары и становится "божественным мужем", подобно Вираджу и другим, и отрицает непонятное и ограниченное божество — некую незримую дымку. Или, следуя по стопам древних йогов, он начинает искать Безграничного и Необусловленного Единого и надеется на встречу лицом к лицу с Абсолютным и Субъективным, или верит в алхимию и хочет соперничать с Раймондом Луллием в искусстве изготовления золота и открытии философского

камня; или, наконец, подобно Ямвлиху, или современному спиритуалисту, он ставит опыты в области теургии и спиритуализма, и вызывает высших и низших духов из неземных сфер...

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

В разные времена появлялись в Европе люди, чьи редкие интеллектуальные способности, блестящая речь и таинственный образ жизни буквально ослепляли и поражали общество. Статья из "All the Year Round", цитируемая здесь, рассказывает как раз об одном из них — графе Сен-Жермене. В любопытной работе Харгрейва Дженнингса "Розенкрейцеры" описывается другой удивительный человек, некий сеньор Гуальди, чье имя в свое время не сходило с уст всего венецианского общества. Третий был историческим персонажем, известным как Алессандро Калиостро, чье имя, благодаря стараниям католических священников, состряпавших его биографию, стало ассоциироваться с дурной славой. Мы сейчас не намерены заниматься сравнением этих трех персонажей друг с другом или с обыкновенными людьми. Мы воспроизводим статью нашего лондонского современника совсем с другой целью.

Мы хотим показать, как можно очернить человека, не имея на то ни малейшего повода, если, конечно, не считать, что кто-то умнее тебя и более сведущ в тайнах природы, как вполне достаточное доказательство для того, чтобы пустить в ход перо клеветника и язык сплетника. Пусть читатель внимательно следит за тем, что происходит. Автор статьи в "All the Year Round" рассказывает:

Как предполагают, знаменитый авантюрист [граф Сен-Жермен] родился в Венгрии, однако ранние годы его жизни окутаны тайной.

Его персона, также как и титул, возбуждали в обществе огромное любопытство. Его возраст был для всех загадкой равно как и его родословная. Мы впервые встречаемся с ним в зените славы в Париже, сто с лишним лет назад. Перед изумленным Парижем предстал мужчина, вероятно средних лет, который вел роскошный образ жизни, ездил на званые обеды, на которых ничего не ел, но болтал без умолку, выказывая при этом блестящие знания по каждому обсуждаемому предмету. Тон его речи, возможно, был очень самоуверенным, это был тон человека, который прекрасно знал, о чем он говорит.

Образованный, прекрасно владеющий всеми языками цивилизованного мира, блестящий музыкант и превосходный химик, он играл роль чародея и играл ее в совершенстве. Обладая необыкновенной самоуверенностью или законченной наглостью, он не только делал авторитетные заявления о настоящем, но и говорил без колебания о событиях двухсотлетней давности. Его анекдоты о былых временах отличались удивительной точностью. Он рассказывал о событиях, имевших место при дворе Франца I так, как будто он сам там присутствовал, описывая в точности как выглядел король, имитируя его голос, манеры и речь. В той же манере он развлекал публику рассказами о Луи XIV и потчевал их яркими описаниями мест и лиц. Едва упоминая о том, что он присутствовал при этих событиях, он, тем не менее, умудрялся, благодаря своей выразительной манере, создавать такое впечатление... В своем стремлении удивить, он добивался полного успеха. О нем ходили всякие небылицы. Говорили, что ему 300 лет, и что он продлил свою жизнь благодаря удивительному эликсиру. Париж сходил по нему с ума. Ему все время задавали вопросы о секрете его долгожительства, и он всегда давал удивительно находчивые ответы; отрицая, что он может сделать стариков молодыми, он скромно признавался, что знает, как остановить старение брэнного тела. Диета, утверждал он, плюс его чудодейственный эликсир — вот подлинный секрет долгой жизни. Он решительно отказывался есть что-либо, кроме того, что было специально приготовлено для него — овсяная каша, крупяные блюда и белое мясо цыплят. По большим праздникам он выпивал немного вина, засиживался так долго, пока у него оставался хоть один преданный слушатель, и всегда принимал чрезвычайные меры предосторожности против простуды. Дамам он советовал особую косметику, чтобы сохранить свою красоту от увядания, с мужчинами же

он делился своим методом преобразования металлов и учил их, как расплавить дюжину маленьких бриллиантов и сделать из них один большой. Его поразительные высказывания подкреплялись слухами о том, что он обладал несметным богатством и коллекцией алмазов редких размеров и красоты.

Время от времени это странное создание появлялось в различных европейских столицах под различными именами, такими как маркиз де Монтферрат, граф Белламор в Венеции; шевалье Шенинг в Пизе; шевалье Велдэн в Милане, граф Салтыков в Генуе, граф Тародь в Бад-Швальбахе и, наконец, как граф Сен-Жермен в Париже; но после постигшего его в Гааге несчастья, он уже больше не кажется таким уж богатым, как прежде, и временами производит впечатление человека, ищущего свое счастье. В Турне его "интервьюирует" известный шевалье де Зайнгальт, перед которым Сен-Жермен предстает в армянской робе с колпаком на голове; его длинная борода спускается до пояса, а в руках он держит жезл из слоновой кости — словом, полный наряд некроманта.

Сен-Жермен окружен многочисленными пузырьками и всецело поглощен процессом создания шляпок на основе химических реакций. Заметив, что Зайнгальт чувствует недомогание, граф предлагает ему бесплатное лекарство — свой эликсир, который, как оказалось, представлял собой не что иное, как эфир; Зайнгальт вежливо отказывается, произнося многочисленные отговорки. Это место действия двух авгуров. Поскольку Сен-Жермену отказано выступить в роли врача, он решает продемонстрировать свои способности алхимика, берет монету в 12 су у другого авгура, кладет ее на раскаленный уголь и раздувает пламя стеклодувной трубкой; монета расплавляется и охлаждается. "Вот, — говорит Сен-Жермен, — можете взять назад ваши деньги". "Но это же золото". "И чистейшее". Авгур номер два не верит в такое превращение и смотрит на все это действие как на трюк; тем не менее, он кладет монету в карман и, в конечном итоге, дарит ее знаменитому маршалу Киту, тогдашнему губернатору Нойхэтеля.

И снова, в поисках новых методов получения красителей и осуществления своих производственных планов, Сен-Жермен появляется в Санкт-Петербурге, Дрездене и Милане. Как-то он попал в беду и его арестовали в маленьком городке Пьемонте из-за опротестованного векселя; тогда он вытащил из кармана бриллианты на сто тысяч крон, расплатился на месте, обругал губернатора города как карманный вор и был отпущен на свободу с самыми уважительными извинениями.

Очень мало кто сомневается, что во время одного из своих пребываний в России он играл заметную роль в дворцовом

перевороте, в результате которого на трон вступила Екатерина II. В подтверждение этого мнения барон Гляйхен ссылается на то необычайное внимание, которое граф Алексей Орлов уделил Сен-Жермену в Ливорно в 1770 г. и на фразу князя Григория Орлова, оброненную в разговоре с Маргрейв из Онспаха, когда он был в Нюрнберге.

И все же, кто же он? Сын португальского короля или португальского еврея? Рассказал ли он правду, уже будучи стариком, своему покровителю и восторженному поклоннику, принцу Чарлзу из Хессе-Касселя? Из истории, которую Сен-Жермен рассказал своему другу, следует, что он был сыном принца Ракоци из Трансильвании, а его первая жена была из рода Текели. Когда он был еще инфантом, его под свое покровительство взял последний из Медичи, а когда он вырос и узнал, что его два брата, сыновья принцессы Хессе-Райнфельской из Ротенбурга, получили имена святого Чарлза и святой Элизабет, он решил взять себе имя их святого брата Сен-Жермена.

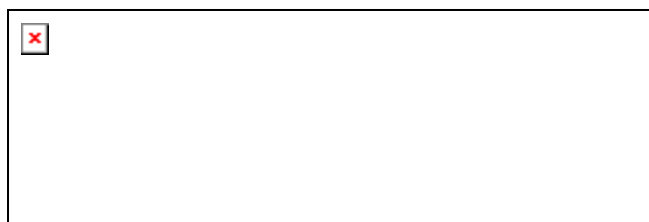
Что из этого было правдой? Одно только ясно, что он был *protege* последнего из Медичи. Принц Чарлз, который, по-видимому, сожалел о его смерти, произошедшей в 1783 году, очень искренне рассказывает нам, что граф заболел во время проведения экспериментов с красителями в Экренфорде и умер вскоре после этого, *несмотря* на обилие лекарств, приготовленных личным аптекарем принца. Фредерик Великий, который, несмотря на свой скептицизм, проявлял странный интерес к астрологии, выразился о нем так: "Это человек, который не умирает". Мирабо добавляет афористически: "Он был всегда беспечным малым; но, как и его предшественники, он не забыл, что надо умереть".

И сейчас мы спрашиваем, что же в статье предлагается в качестве доказательства, что Сен-Жермен был "авантюристом", что он стремился "играть роль чародея" или что он выманивал деньги у профанов. Здесь нет ни единого подтверждения, что он был кем-то другим, чем казался, а именно: обладателем огромных средств, которые помогали ему честно поддерживать свое положение в обществе. Он утверждал, что знает как плавить маленькие бриллианты, чтобы сделать из них большие, и как преобразовывать металлы и подкреплял свои утверждения несметными богатствами и коллекцией бриллиантов редких размеров и красоты. Разве "авантюристы" такие? Разве шарлатаны наслаждаются долгие годы доверием и восхищением умнейших государственных деятелей и знати Европы и даже на смертном одре не показывают ни единым жестом, что они этого не достойны?

Некоторые энциклопедисты говорят (см. "New American Cyclopaedia", XIV. 266): "Предполагают, что он большую часть своей жизни был шпионом при дворах тех стран, где он жил". Но на каком основании строится данное предположение?

Было ли что-нибудь обнаружено среди бумаг секретных архивов хоть одного из этих дворов, говорящих в пользу этой версии? Ни единого слова, ни одного доказательства этой гнусной клеветы никогда не было найдено. Это просто злобная ложь. То, как обошлись западные писатели с этим великим человеком, этим учеником индийских и египетских иерофантов и знатоком тайной мудрости Востока, позор для всего человечества. Точно также этот глупый мир обращался с каждым, кто, как Сен-Жермен, после долгих лет уединения, посвященных изучению наук и постижению эзотерической мудрости, вновь посещал его, надеясь сделать его лучше, мудрее и счастливее.

Следует отметить и еще один момент. Вышеприведенный рассказ не дает нам никаких подробностей о последних часах жизни таинственного графа или его похоронах. Не будет ли абсурдом предположить, что если бы он действительно умер именно в то время и в том самом месте, о которых упоминается в рассказе, то его похоронили бы без помпы и пышной церемонии, без присмотра властей и регистрации смерти в полицейском участке, т. е. без всех тех почестей, которые подобают людям его ранга и знатности? Но где же эти сведения? Он исчез из поля зрения общественности более века назад, но мы не отыщем этих сведений ни в одном из мемуаров. Человек, который был у всех на виду, не мог исчезнуть бесследно, если он действительно умирал то тут, то там. Более того, в подтверждение этой мысли у нас имеются доказательства, что он был жив еще спустя несколько лет после 1784 г. Говорят, что у него была тайная встреча с императрицей России в 1785 или 1786 г., и что он появился перед принцессой Ламбалльской, когда та стояла перед судьями, незадолго до того, как она взошла на плаху и ей отрубили голову, а также перед Мари-Жанной Дюбарри, фавориткой Луи XV, пока она ждала на эшафоте удара гильотины в Дни Террора в 1793 г. в Париже. Уважаемый член нашего Общества, проживающий в России, располагает несколькими документами о жизни графа Сен-Жермена и мы надеемся, что в память об этом величайшем человеке современной эпохи долгожданные, но отсутствующие звенья его жизни вскоре будут представлены миру на этих страницах.

ОРМУЗД И АХРИМАН

Благословен будь свет,
Небесный первенец,
Рожденный в Вечности сиять от века.

...поскольку Бог есть свет
Предвечной сущности ярчайшего потока.

...Сатана,
Расправив крылья быстрые, к воротам ада
Вершит свой путь.

Мильтон

Среди аллегорий мировых религий не существует более философски углубленного, величественного, живописного и впечатляющего типа, чем аллегории о двух Силах-Братьях в религии маздеизма, называемых Ахура Мазда и Ангро-Майнью, которые более известны в своей модернизированной форме Ормузда и Ахримана. Из этих двух эманации, "Сыновей Безграничного Времени" — *Зервана Акарана* — которое само произошло от Высшего и Непостижимого Принципа,¹ одно является воплощением "Благой Мысли" (*Воху Мана*), другое — "Злой Мысли" (*Ака Мана*). "Царь Света", или Ахура Мазда, родившись от Примордиального Света,² создал, или сотворил, при помощи "Слова", Хоновер (*Ахуна Вайрья*), чистый и святой мир. Но Ангро-Майнью, хотя он и был рожден таким же чистым, как его брат, стал завидовать ему, и поэтому

портит и извращает все во вселенной, как и на земле, создавая повсюду Грех и Зло.

1 Хотя это божество и является "Перворожденным", но все же метафизически и логически Ормузд появляется как четвертая по порядку эманация (сравните с *Парабрахм-Мулапракрити* и тремя *Логосами* в "Тайной Доктрине"). Он есть Божество проявленного плана бытия. В эзотерической интерпретации авестийских сакральных аллегорий, АХУРА или АСУРА — это родовое имя *семикратного* Божества, Правителя Семи Миров; и *Хванирата* (наша земля) — это четвертый мир, по своему уровню и порядку. Нам следует проводить различие между такими именами, как *Ахура Мазда*, *Варана*, "Высшее" божество, и синтезом *Амеша Спент* и так далее. Действительный порядок был бы таков: Высший, или Единый Свет, называемый Вечным; далее — *Зервана Акарана* (сравните с Вишну в его абстрактном значении, как Безграничного, пронизывающего Все, и *Кала*, Время), *фраваши*, или *феройер* Ормузда (тот вечный Двойник, или Образ, который предшествует и продолжает существовать после смерти каждого бога, человека или животного), и наконец — сам *Ахура Мазда*.

2 *Зервана Акарана* обозначает в то же самое время — Бесконечный Свет, Беспредельное Время, Безграничное Пространство и Судьбу (*карму*). См. *Вендидад*, Farg. xix. 9.

Эти две Силы неразделимы на данном плане и на этой ступени эволюции, и были бы бессмысленны одна без другой. Таким образом, они являются двумя противоположными полюсами *Одной* Проявленной Творящей Силы, если рассматривать ее как Универсальную Космическую Силу, которая создала миры, или же видеть в ней ее антропоморфный аспект, при котором человек считается ее носителем. Ибо Ормузд и Ахриман — это, соответственно, представители Добра и Зла, Света и Тьмы, духовных и материальных элементов в человеке, а также во вселенной и во всем, что в ней находится. Поэтому мир и человек называются Макрокосмом и Микрокосмом, большой и

малой вселенной, причем последняя является отражением первой. И даже в экзотерическом смысле, Бог Света и Бог Тьмы являются, и духовно и физически, двумя вечно противоборствующими силами, как на Небе, так и на Земле.¹ Парсы могли утратить большую часть ключей, раскрывающих истинное толкование их священных и поэтических аллегорий, но символизм Ормузда и Ахримана столь самоочевиден, что даже ориенталисты в конце концов проинтерпретировали его, в общих чертах, совершенно правильно. Как пишет переводчик² *Вендидада*: "Задолго до того, как парсы услышал" о Европе и христианстве, комментаторы, объясняя миф о Тахмуре, который тридцать лет ездил верхом на Ахримане, как на лошади, истолковывали подвиг древнего легендарного царя как обуздание злых страстей и сдерживание Ахримана в сердце человека". Тот же автор в целом обобщает магизм таким образом:

1 Парсы, последний остаток древних магов, или огнепоклонников — величественной зороастрийской системы, не оскверняют своего Божества тем, что делают его создателем злых духов так же, как и чистых ангелов. Они не верят в Сатану или Дьявола, и таким образом эта религиозная система на самом деле не может быть названа *дуалистической*. Хорошее доказательство этого было получено около полувека тому назад в Бомбее, когда ориенталист, преподобный д-р Уилсон обсуждал этот вопрос с парским верховным жрецом, *дастуром*. Последний весьма философски опроверг его обвинения и продемонстрировал ему, что отнюдь не понимая свои Священные Книги в буквальном смысле, они рассматривают их столь же аллегорически, как ими понимается и Ахриман. Для них он является символическим представителем разрушительных элементов в космосе, и злых страстей и животных инстинктов, в человеке (*Вендидад*).

2 *Вендидад*, перевод Дж. Дармстетера, "Введение", стр. 41.

Мир, такой, каков он сегодня, двойственен, будучи творением двух враждебных существ, Ахура Мазды, доброго принципа, и Ангро-Майнью, злого принципа; все, что есть доброго в

мире, произошло от первого, все плохое же в нем произведено последним. История мира — это история конфликта между ними, о том, как Ангро-Майнью вторгся в мир Ахура Мазды и испортил его, и как он будет в конце концов изгнан оттуда. Человек является действующей силой в этом конфликте, и его обязанности, возложенные на него, заключены в законе, открытом Ахура Маздой Заратуштре. Когда наступит назначенный срок, появится сын законодателя, еще нерожденный, по имени Саошиант (*Cosiosh*), *Ангро-Майнью и ад* будут разрушены, люди *восстанут из мертвых*, и всеобщее счастье и благоденствие воцарятся по всей земле.

Обратите внимание на фразы, выделенные автором курсивом, так как они являются эзотерическими. Ибо Священные Книги маздеистов, как и все остальные сакральные Писания Востока (включая и Библию), следует читать эзотерически. Маздеисты практически имели две религии, как и все остальные древние народы, одну для народа, и другую — для посвященных жрецов. В эзотерическом смысле, выделенные фразы имеют специальное значение, полный смысл которого может быть получен только при помощи *изучения* оккультной философии. Поэтому, поскольку Ангро-Майнью, по общему признанию, является в одном из своих аспектов воплощением низшей природы человека, с ее неистовыми страстями и нечистыми помыслами, то "его ад" следует искать и *помещать на земле*. В оккультной философии нет иного ада — и не может быть никакого другого состояния, сравнимого с этим состоянием особого человеческого несчастья. Никакая "асбестовая" душа, никакое неугасимое пламя или "червь, который никогда не умирает", не может быть хуже жизни в безнадежном страдании на этой земле. Но, поскольку эта жизнь имела свое начало, она должна также иметь и свой конец. Один лишь Ахура Мазда,¹ будучи божественным, и потому — бессмертным и вечным символом "Беспредельного Времени", — это надежное прибежище и духовное небо человека. Так как Время двояко, и существуют отмеренные и конечные периоды времени внутри Беспредельного, то Ангро-Майнью является лишь периодическим и преходящим Злом. Он есть Гетерогенность, которая развилась из Гомогенности.

¹ Ахура Мазда предстает здесь не как высший Единый Бог вечного *Добра* и *Света*, но как его

собственный Луч, божественное Эго, которое одушевляет человека — под различными именами.

Опускаясь по шкале дифференциации природы на космических планах, Ахура Мазда и Ангро-Майнью становятся, в определенное время, представителями и дуальными типами человека, внутренней, или божественной ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ, и внешней *личности*, смесью видимых и невидимых элементов и принципов. Как на небесах, так и на земле; как вверху, так и внизу. Если божественный *свет* в человеке, Высший Дух-Душа, формирует, включая и себя самого, семь Амеша Спент (из которых Ормузд является седьмым, или синтезом), то Ахриман, думающая *личность*, животная душа, в свою очередь имеет семь собственных Архидэвов, противостоящих семи Амеша Спентам.

В течение нашего цикла добрые язаты, 99 999 фраваш (или феройеров), и даже сами "Семеро Святых", Амеша Спент,¹ совершенно бессильны против воинства злых дэвов — символов противостоящих космических сил и человеческих страстей и грехов.² Это злобные дьяволы, и их присутствие излучает зло и наполняет мир моральными и физическими заболеваниями: болезнями и бедностью, завистью и гордыней, предательством, несправедливостью и жестокостью, гневом и кровопролитными убийствами. По примеру Ахримана, человек с самого начала заставляет своих ближних плакать и страдать. Такое положение вещей прекратится только тогда, когда Ахура Мазда, семикратное божество, примет свое седьмое имя,³ или вид. Тогда он пошлет свое "Священное Слово", *Матра Спента* (или "Душа Ахура"), чтобы оно воплотилось в Саошианта (Сосиоша), и последний победит Ангро-Майнью. Сосиош — это прототип "преданного и истинного" в *Откровении*, так же как и Вишну в *Калки-аватаре*. Ожидают, что оба они появятся как *Спаситель Мира, сидящий на белом коне* в сопровождении армии духов, или гениев, также восседающих на молочно-белых конях.⁴ И тогда *люди восстанут из мертвых* и наступит бессмертие.⁵

1 Боги света, "семеро бессмертных", из которых Ахура Мазда является седьмым; это обожествленные абстракции.

2 Или *дьяволов*.

3 В 16 стихе XIX *Яшты* мы читаем: "Я призываю великолепие Амеша Спента, семерых, которые имеют одну и ту же мысль, говорят одно и то же слово, делают одно и то же дело и имеют одного и того же господина, Ахура Мазду". Поскольку оккультное учение говорит: В течение каждого из семи периодов (Рас) главному управляющему Свету дается новое имя; то есть, одно из семи *сокрытых* имен, первые буквы которых составляют *тайное имя* Септенарного Воинства, выглядящего как нечто единое.

4 *Nork II*, 176. Сравните с *Откровением XIX*, 11-14: "И увидел я отверстое небо, и вот *конь белый*, и сидящий на нем ... и воинства небесные следовали за ним *на конях белых*".

5 *Яшт XIX*, 89 и далее.

Последнее безусловно является чистой аллегорией. Это означает в эзотерическом смысле, что материализм или грех называется смертью, а материалист или неверующий — это "мертвый человек" в духовном плане. Оккультизм никогда не рассматривал физическую личность как *человека*; не поступали так же и Павел, если правильно понимать его послание к Римлянам (гл. 6-7)? Поэтому человечество, которое достигло "назначенного времени" (конца нашего нынешнего *Цикла*), конца периода грубой материальной плоти, будет, при определенных телесных изменениях, способно к ясному духовному восприятию истины. Освобождение от плоти есть соразмерное и пропорциональное освобождение от греха. Много есть таких людей, для которых *увидеть* — значит *поверить*, и, следовательно, *воскреснуть* "из мертвых". Одно оккультное пророчество говорит, что в середине Седьмой Расы борьба двух конфликтующих Сил (*Буддхи* и *Кама Манаса*) полностью прекратится. Все, что является неискупимо греховным и порочным, жестоким и разрушительным, будет уничтожено, а то, что попытается выжить, будет сметено и изгнано из бытия при помощи, так сказать, кармической приливной волны в форме моровых эпидемий, геологических потрясений и других разрушительных средств. Пятый Цикл принесет с собой высшую форму человечества; и, так как разумная Природа всегда развивается постепенно, последняя Раса этого Цикла должна по необходимости усовершенствовать необходимый для этого материал. Между

тем, мы все еще находимся лишь в Пятой Расе Четвертого Цикла, и в Калиюге, в придачу. Неумолимая борьба между духом и материей, между Светом и Добром — и Тьмою и Злом, началась на нашем земном шаре со времени первого появления противоречий и противоположностей в растительной и животной природе, и продолжилась с еще большей яростью, чем когда-либо, после того, как человек стал эгоистичным и личностным существом, таким, *каков он и ныне*. И нет никакой надежды на ее завершение до тех пор, пока ложь не будет заменена правдой, эгоизм — альтруизмом, и высшая справедливость не воцарится в сердцах людей. До этого момента шумная битва будет бушевать непрестанно. И, в особенности, это касается эгоизма, любви к *Себе*, превосходящей все, что есть на небе и на земле, которой способствует тщеславие, — она является виновником семи смертных грехов. Нет; нелегко победить Ашмога, жестокую "двуногую змею". Прежде чем бедное создание, пребывающее ныне в тисках Тьмы, освободиться при помощи Света, оно должно познать себя. Согласно дельфийским предписаниям, человек должен познакомиться и приобрести власть над каждым уголком и укромным местечком своей непостоянной и разнородной природы, прежде чем он сможет научиться различению между *СОБОЙ* и своей *личностью*. Для выполнения этой трудной задачи необходимо соблюсти два условия: человек должен полностью осуществить на практике прекрасную зороастрийскую заповедь: "Добрые мысли, добрые слова, добрые дела" и навечно запечатлеть ее в своей душе и сердце, а не просто на словах или в форме обряда или ритуала. И главным образом необходимо разрушить *личное тщеславие* по отношению к тому, что будет после воскресения.

Вот одна глубокомысленная история и прекрасная аллегория из одной древней зороастрийской книги. С самого первого, начального периода возникновения силы Ангро-Майнью, он и его злобная армия демонов противостояли армии Света во всех ее действиях. Демоны похоти и гордыни, продажности и грубости, систематически разрушали работу Святых. Это они сделали прекрасные цветы ядовитыми, грациозных змей — смертоносными, наполнили яркий огонь, символ божества, зловонием и дымом; они принесли в мир смерть. Свету, чистоте, правде, доброте и знанию они противопоставили тьму, грязь, ложь, жестокость и невежество. В противоположность полезным и чистым животным, сотворенным Ахура Маздой, Ангро-Майнью создал диких

зверей и кровожадных небесных хищников. Он также нанес оскорбление, осудил и высмеял мирные и безобидные создания своего старшего брата.

Это все твоя зависть, — сказал однажды святой язата нечистому злему духу, жестокосердному. — Ты не способен создать прекрасное и безвредное существо, о жестокий Ангро-Майнью...

Главный демон рассмеялся и сказал, что он может это сделать. Затем он создал самую прекрасную птицу из всех птиц, которых когда-либо видел мир. Это был величественный павлин, символ тщеславия и эгоизма, которые на самом деле есть низкопоклонство перед самим собой.

Пусть он будет Царем Птиц, — промолвил Темный, — пусть человек *поклоняется ему и поступает по его примеру*.

С этого дня "Мелек Таус" (Ангел Павлин) стал особым созданием Ангро-Майнью, и посланцем, с помощью которого некоторые люди¹ призывают главного демона, и все остальные люди умиляют его.

¹ Иезиды, или "дьяволопоклонники", некоторые из которых населяют равнины древней Вавилонии, до наших дней поклоняются Мелек Таусу, павлину, как посланцу Сатаны и посреднику между Верховным дьяволом и людьми.

Сколько часто можно видеть сильных мужчин и решительных женщин, движимых настойчивым устремлением к идеалу, об истинности которого они знают, успешно борющихся, судя по всему, с Ахриманом, и побеждающих его. Их *личности* были полем битвы в наиболее ужасном, яростном сражении между двумя противоположными Принципами; но они стояли твердо — и победили. Темный враг кажется побежденным; он на самом деле разбит, настолько, насколько это относится к животным инстинктам. Личный эгоизм, эта жажда самости и только самости, источник наибольшего зла — исчез; и всякий низший инстинкт, тающий подобно грязной сосульке под благодатными лучами Ахура Мазды, ослепительного ЭГО-СОЛНЦА, исчезает, освобождая пространство для лучших и более чистых устремлений. Да, но все же в них таится их старое и лишь частично уничтоженное тщеславие, та искра личной гордыни, которая должна в конце концов умереть в человеке. Она дремлет в них, сокрытая и невидимая ни для

кого, включая и их собственное сознание; но она все же есть там. Пусть она пробудится лишь на мгновение, и тогда личность, которая казалась исчезнувшей, вновь возродится к жизни и зазвучит во весь голос, восставая из могилы подобно отвратительному вампиру, вызванному в полночь колдуном. Пять часов — нет, даже пять минут жизни под ее фатальным воздействием, могут уничтожить годы самоконтроля и тренировки, и многотрудное служение Ахура-Мазде, и вновь широко раскрыть дверь для Ангро-Майнью. Таков результат молчаливого и негласного *поклонения* единственному прекрасному творению Духа Эгоизма и Тьмы.

Взгляните вокруг и оцените то ужасающее опустошение, которое было создано этим последним и наиболее коварным из творений Ахримана, невзирая на всю его внешнюю красоту и безобидность. Столетие за столетием, год за годом, все изменяется; все что угодно развивается в этом мире; и лишь одна вещь никогда не изменяется — *человеческая природа*. Человек накапливает знания, создает религии и философии, но все же сам остается тем же самым. В своей непрерывной погоне за богатством, славой и обманчивыми, блуждающими огоньками новизны, удовольствия и амбиций, он вечно движим одним и тем же главным двигателем — тщеславным эгоизмом. В наши дни так называемого прогресса и цивилизации, когда *свет* знания, как утверждают, полностью заменил повсюду *тьму* невежества, много ли вы можете увидеть волонтеров, которые прибавились бы к армии Ахура Мазды, Принципа Добра и Божественного Света? Увы, рекруты Ангро-Майнью, Сатаны маздеистов, превышают их с каждым днем все больше и больше. Они заполнили весь мир, эти поклонники Мелек Тауса, но чем более они просвещаются, тем легче они гибнут. Это естественно. Подобно *Времени*, безграничному и конечному, *Свет* также двойственен: божественный и вечный, и *искусственный свет*, который, по парадоксальному но точному определению, является *тьмой* Ахримана. Посмотрите, на какие цели расточаются лучшее в энергии познания, сильнейшая человеческая активность и силы изобретательности в человеке расходуется в наши дни: на создание, улучшение и совершенствование военных машин уничтожения, оружия и бездымного пороха, и приспособлений для взаимного убийства и для казни людей. Великие христианские государства стремятся превзойти друг друга в изобретении лучших средств для уничтожения человеческой жизни и для подчинения более сильными и могущественными

— более слабых и бедных, и не для какой-либо иной цели, кроме как для того, чтобы накормить своих павлинов тщеславия и эгоизма; и христиане добросовестно следуют этому доброму примеру. На что же тратятся бесчисленные богатства, накопленные личной предприимчивостью наиболее просвещенных людей за счет гибели менее образованных? Не облегчения ли человеческих страданий во всех их видах искали богатые с такой жадностью? Вовсе нет. Ибо сегодня, как и 1900 лет назад, когда нищий Лазарь был рад крошкам, которые падали со стола богатого человека, дэвы не пренебрегают никакими средствами для того, чтобы отгородить себя от бедных. Меньшинство, которое дает и проявляет заботу так, что их правая рука не знает, что делает левая, совершенно незначительно по сравнению с тем гигантским большинством, которое столь расточительно в своей благотворительности — и лишь потому, что они страстно желают увидеть свое имя, возведенное миру при помощи прессы.

Велика сила Ахримана! Бежит время, с каждым днем оставляя века невежества и суеверий далеко позади, но принося нам взамен лишь столетия всевозрастающего эгоизма и гордыни. Человечество растет и умножается, увеличивая свою силу и (книжную) мудрость; оно заявляет о своем проникновении в глубочайшие тайны физической природы; оно строит железные дороги и изрешетило весь земной шар тоннелями; оно воздвигает гигантские башни и мосты, сокращает расстояния, соединяет океаны и разделяет целые континенты. Кабели и телефоны, каналы и железные дороги с каждым днем все более и более объединяют человечество в одну "счастливую" семью, но все это лишь ради того, чтобы снабдить эгоистичного и коварного человека всеми средствами для обмана менее эгоистичного и более непредусмотрительного. Поистине, "высшая десятка" среди ученых и богачей подчиняет своей ласковой воле и желаниям, воздух и землю, океан и огонь. Наш век — это воистину век прогресса, эра наибольшее триумфальное проявления человеческого гения. Но какое же добро принесла эта цивилизация и прогресс миллионам людей из европейских трущоб, огромным армиям "неумытых"? Прибавили ли эти проявления человеческого гения комфорта жизням бедных нуждающихся? Не будет ли правильным сказать, что страдания и голод сегодня в сотни раз превосходят те, которые были во времена друидов и Зороастра? И для того ли все это

изобретается, чтобы помочь множеству голодных, или же опять только для того, чтобы смести с кресла богача давно забытые розовые листочки, которые могут неприятно пощекотать его упитанные тела? Дают ли чудеса электричества лишнюю корку хлеба голодающему? Приносят ли башни и мосты, леса заводов и предприятий что-либо стоящее сынам человеческим на земле, кроме дополнительной возможности обогащения путем "высасывания" и эксплуатации более бедных братьев? Когда, я спрашиваю снова, в какое время в истории человечества, в какие темнейшие времена невежества, когда было известно о таком ужасающем голоде, который мы видим сейчас? Когда бедный человек плакал и страдал так, как он плачет и страдает в наши дни — скажем, в Лондоне, где на каждого посетителя клуба, который ежедневно обедает и выпивает вина на такую сумму, на которую можно в течение целого дня кормить двадцать пять семейств, можно насчитать сотни и тысячи голодающих несчастных. Под самыми окнами фешенебельных городских ресторанов, которые лучатся теплом и электрическим светом, каждый день можно видеть трясущихся старух и детей, дрожащих и устремляющих свои голодные глаза на ту пищу, запах которой они ощущают всякий раз, когда открывается входная дверь. И тогда они "идут дальше" — по порядку, исчезая в мрачной и унылой темноте, чтобы голодать, дрожать и в конце концов умереть в замерзающей грязи какой-нибудь водосточной канавы...

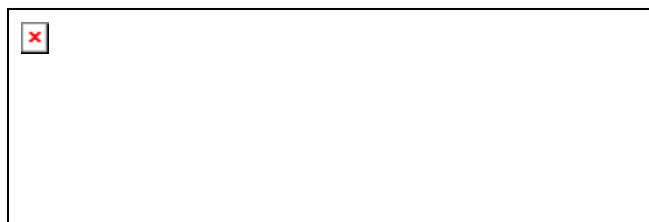
"Языческие" парсы не знают всего этого, и их общество никогда не допустило бы возникновения внутри себя никаких нищих, и в последнюю очередь — появление ГОЛОДА!

Эгоизм — это главная движущая сила нашего века; *Chacun pour soi, Dieu pour tout le monde* [Каждый за себя, Бог — за всех], — вот его лозунг. Где же тогда находится истина, и каково же то практическое добро, которое совершил этот свет, принесенный человечеству посредством "Светила Мира", как это утверждает каждый христианин? О "Светилах Азии" европейцы говорят с презрением, и не признали бы в Ахура Мазде *божественного* света. И все же даже *небольшой* свет (если он таков), который практически приносит добро страдающему человечеству, в тысячи раз благотворнее, чем даже бесконечный Свет, если он ограничен рамками абстрактных теорий. В наши дни этот последний Свет преуспел только в увеличении гордыни христианских народов до ее высшей точки, в развитии их низкопоклонничества перед

самими собой, и в воспитании жестокосердности под именем общеобязательного закона.

"Личность" народа и каждого человека пустила глубокие корни на почве эгоистических мотивов; и из всех цветов современной культуры наиболее пышно расцвели цветы благовоспитанной Лжи, Тщеславия и Самовосхваления.

Немного есть таких людей, кто был бы убежден или хотя бы соизволил увидеть, что под блистательной поверхностью нашей цивилизации и культуры скрываются и таятся, отказываясь удалиться, все внутренние мерзости и пороки, которые были созданы Ахриманом; и что поистине, наиболее правдивым символом и изображением этой цивилизации является последнее творение Высшего злого духа — прекрасный Павлин. Воистину говорит вам теософия — это *Сам Дьявол*.

СВЯЩЕННОЕ ДЕРЕВО КУМБУМ

Тридцать семь лет назад два отважных миссионера-лазарита, принадлежащих к римско-католической миссии в Пекине, совершили отчаянную попытку проникновения в Лхассу для проповеди христианства среди невежественных буддистов. Их звали Хук и Габи; рассказы об их путешествиях показывают их отвагу и исключительный энтузиазм. Наиболее интересная книга об их путешествии появилась в Париже более чем через тридцать лет спустя, и с тех пор была дважды переведена на английский, и мы убеждены, что и на другие языки. Мы не будем сейчас касаться общих заслуг этой книги и остановимся лишь на той ее части (том 2, стр. 84 американского издания 1852 г.), где автор, м. Хук, описывает удивительное "дерево десяти тысяч образов" в ламаистском монастыре Кумбум, или

Кунбум, как они произносят его название. Тибетская легенда гласит, что когда мать Цзонкапы, знаменитого буддийского реформатора, посвятила его в религиозную жизнь и, согласно обычаю, "отрезала его волосы и отбросила их в сторону, из них выросло дерево, каждый листок которого нес на себе изображение тибетской буквы". Из перевода Хезлитта (Лондон, 1956 г.), наиболее буквально (хотя, все же, не столь же точно) представляющего оригинал, и из него (стр. 324-326) мы процитируем следующий интересный отрывок:

На каждом из листьев были хорошо оформленные изображения тибетских букв, все они были зеленого цвета, некоторые темнее, некоторые светлее, чем сами листья. Нашим первым впечатлением было подозрение в том, что это мошенничество со стороны некоторой части лам, но после минутного изучения деталей, мы не обнаружили ни малейшего обмана. Все буквы казались нам частями самих листьев, равно как и их собственные каналы и жилки; их расположение на листе не было везде одинаковым; в одном листе они могли быть у вершины листа, в другом — посередине, в третьем — у основания или с краю, а молодые листья представляли буквы частично, в состоянии их образования. Кора ствола дерева и его ветвей, похожая на кору платана, также была покрыта этими буквами. Когда мы оторвали кусочек коры, молодая кора под ним обнаружила линии букв в неразвившемся состоянии, и что особенно изумительно, эти новые буквы нередко отличались от тех, место которых они заменяли.

Дерево десяти тысяч образов показалось нам очень старым. Его ствол, который вряд ли смогут охватить трое мужчин, имеет не больше восьми футов в высоту; его ветви вместо того, чтобы расти в высоту, расходятся в форме птичьего пера и отличаются исключительной густотой; некоторые из них засохли; древесина имеет красноватый оттенок и обладает изысканным ароматом, чем-то похожим на запах корицы. Ламы рассказали нам, что летом, к восьмой луне, на дереве вырастают огромные красные цветы удивительно прекрасного вида.

Сам аббат Хук свидетельствует об этом с куда большим энтузиазмом. "Эти буквы", — говорит он, — "по своему виду столь совершенны, что словолитня Дидо ни в чем не превосходит их". Пусть читатель отметит этот момент, так как мы еще будем должны вернуться к этому. Он увидел на листьях, а скорее — внутри них, не просто буквы, но "фразы религиозного содержания", запечатленные природой в хлорофилле, крахмалистом веществе клеток и в жилках

древесины! Все листья, веточки, ветви и ствол несли удивительные надписи на своих поверхностях, внешних и внутренних, слой за слоем, и не было одинаковых букв в слоях, лежащих один на другом. "Ибо не подумайте, что такие соседние друг с другом слои повторяют надписи. Совсем наоборот; поскольку каждая пластинка, которую вы приподнимете, представит вашему взору свое особое изображение. Как же тогда вы сможете заподозрить мошенничество? *Я сделал все от меня зависящее для того, чтобы обнаружить малейшие следы человеческой хитрости, и мой сбитый с толку разум не смог бы подтвердить ни малейшего подозрения*". Кто говорит это? Убежденный христианский миссионер, который отправился в Тибет специально для того, чтобы доказать ложность буддизма и истинность своей собственной веры, и который страстно желал бы ухватиться за малейшее доказательство, которое он смог бы выставить перед местными жителями в свою пользу. Он видел и описал и другие чудеса в Тибете — которые были тщательно изъяты из американского издания, но тем не менее некоторые из его яростных ортодоксальных критиков приписали их существование дьяволу. Читатели "Разоблаченной Изиды" обнаружат описание и обсуждение некоторых из этих чудес, особенно в первом томе этой книги; мы попытались показать там их соответствие закону природы.

Случай с деревом Кумбум был воскрешен в нашей памяти рецензией м-ра А. Г. Кена в "Nature" (том 27, с. 171) на недавно опубликованный господином Крейтнером отчет о путешествии в Тибет в 1877—1880 годах под руководством венгерского дворянина, графа Жичного. Компания совершила экскурсию из Сининг-фу к монастырю Кумбум, "с целью проверить удивительное сообщение Хука о знаменитом дереве Будды". Они не обнаружили "ни изображения [Будды на листьях], ни букв, но лишь увидели комичную улыбку, играющую в уголках губ старейшего из лам, сопровождающего их. Он ответил на их вопросы, что давным-давно *дерево действительно создавало* листья с изображением Будды, но в настоящее время это *очень редкое явление. Немногие угодные Богу люди* были удостоены того, чтобы обнаружить такие листья". Этого вполне достаточно для данного свидетельства: буддийский священник, религия которого учит, что нет людей, угодных какому-либо Богу, что нет такого существа, как Бог, который одаривает своей благосклонностью, и что каждый человек пожинает то, что он посеял, не больше и не меньше, —

высказал такой нонсенс: это показывает, что свидетельство этого исследователя достойно его обожаемой скептической науки! Но, по-видимому, даже комично улыбающийся священник сказал им, что добрый человек может увидеть и видит удивительные буквы на листьях, и таким образом, вопреки самому себе г-н Крейтнер скорее усилил, чем ослабил рассказ аббата Хука. Если бы мы лично никогда не имели возможности проверить правдивость этой истории, то мы должны бы были признать, что ее правдоподобие благоприятствует ее принятию, поскольку листья дерева Кумбум доставлялись паломниками во все углы Китайской империи (даже г-н Крейтнер признает это), и если бы они были обманом, то это было бы безо всякого милосердия обнаружено китайскими противниками буддизма, имя которых — легион. Кроме того, сама природа предоставляет массу подтверждающих аналогий. Говорят, что некоторые раковины с берегов Красного моря (?) имеют на себе "впечатанные" буквы еврейского алфавита; на некоторых цикадах можно увидеть некоторые буквы из английского; и в "Теософисте" (том 2, стр. 91) английский корреспондент переводит сообщение Шеффера из "*Licht Mehr Licht*" о странной особенности, которой отличаются некоторые немецкие бабочки (*Vanissa Atalanta*), несущие на себе цифры 1881 года. И опять-таки, кабинеты наших современных энтомологов изобилуют экземплярами, которые показывают, что природа постоянно создает среди животных примеры удивительнейшей имитации растений — как, например, гусеницы, похожие на древесную кору, поросшие мхом и засохшие веточки, насекомые, которых нельзя отличить от зеленых листьев, и т. д. Даже полосы тигра имитируют стебли растений в джунглях, в которых он делает свое логово. Все эти отдельно взятые примеры придают истории Хука о дереве Кумбум вид вполне возможного факта, поскольку они показывают, что для самой природы является вполне возможным создавать растения, которые вырастают в форме четких букв. Таково же мнение другого корреспондента в "Природе", м-ра У. Т. Чиселтона Дайера, который в номере этого солидного периодического издания за 4 января, подводя итог этому свидетельству, приходит к заключению, что "во времена Хука действительно существовало дерево с отметками на листьях, которые уподоблялись набожными людьми буквам тибетского алфавита". Какими набожными? Он должен бы был помнить, что мы имеем свидетельство не от каких-то набожных и

убежденных буддистов, но от открытого врага этой веры, м-ра Хука, который отправился в Кумбум чтобы обнаружить обман, и который сделал "все зависящее, чтобы обнаружить малейшие следы человеческой хитрости", но чей "сбитый с толку разум не смог бы подтвердить ни малейшего подозрения". Таким образом, до тех пор, пока г-н Крейтнер и м-р Дайер не смогут доказать искреннее намерение аббата солгать ради нанесения ущерба его собственной религии, мы должны снять с него это обвинение как с бесспорного и важного свидетеля. Да, тибетское дерево с буквами — это факт; и кроме того, надписи на клетках его листьев и его жилках написаны на СЕНЗАРЕ, или священном языке, которым пользуются Адепты, и во всей своей целостности охватывают всю буддийскую Дхарму и историю мира. Что же касается какого-либо причудливого сходства с действительными буквами алфавита, то уверение Хука, что они столь удивительно совершенны, "что словолитня Дидо [знаменитая типография в Париже] ни в чем не превосходит их", наиболее полно проясняет этот вопрос. Сделанное Хуком описание цвета и походящего на запах корицы аромата дерева, а также формы его листьев, показывает лишенным всякой вероятности утверждение Крейтнера о том, что дерево относится к сиреневым. Вероятно, что этот комичный старый монах знал обыкновенный месмеризм и "загипнотизировал" компанию графа Жичного, чтобы они видели или не видели то, что он пожелает, как покойный профессор Бушелль заставлял своих индийских пациентов воображать все то, что он хотел бы, чтобы они увидели. Снова и снова человек встречается с такими вот "шутниками".

ВОСЬМОЕ ЧУДО СВЕТА

Я только что вернулась из-под далеко падающей тени восьмого чуда света — гигантской моркови, которая называется Эйфелевой башней. Дитя своей страны, потрясающая по своим размерам, бесполезная по своей цели, трясущаяся, как республиканская почва, на которой она построена, она не обладает ни одной из духовных добродетелей ее семи предшественников, в ней нет ничего атавистического, чтобы можно было этим хвастаться. Архитектурный Левиафан 1889 года по своей полезности не находится на одном уровне даже со статуей Свободы в Нью-Йорке, этому потенциальному сопернику древнего Фароса. Это просто один из последних грибов современной коммерческой предприимчивости, выросшей на почве искусной спекуляции, чтобы привлечь бесчисленных мух в виде туристов со всех четырех концов света, что она добросовестно и делает. Даже ее великолепная конструкция ничего не добавляет к ее полезности, но заставляет даже "непопулярного философа" провозгласить: *"Vanitas vanitatum et omnia vanitas"* [Суета сует и всяческая суета, *лат.*]. Должна ли современная цивилизация задира́ть нос и смеяться над своей древней и старшей сестрой?

Чудеса мира — семь чудес язычников — никогда не будут воссозданы в наши дни. Почитатели мосье де Лессепа могут смотреть с пренебрежением на дамбу, построенную Дексифаном за три столетия до нашей тщеславной эры, но астральные атомы его, как и его сына, Сострата Книдианского, могут покоиться без тревоги и какой-либо зависти. Архитектура мраморной башни на Фаросе, поднимавшейся "к богам-спасителям для блага моряков", осталась до сих пор непревзойденной, во всяком случае, по той общественной пользе, которую она принесла. И мы можем это сказать, невзирая на создание статуи Свободы на острове Лонг-Айленд.

Поистине, все чудеса нашего века предназначены быть лишь эфемерными явлениями для столетия, которое медленно приближается к нам, оставаясь лишь снами и часто ночными кошмарами для нашего времени. Все это, конечно, пройдет и исчезнет. Завтра могут случиться сейсмические толчки в Египте, и тогда Земля "откроет свой рот" и поглотит воды Суэцкого канала, и он превратится в непроходимое болото. *Terremotos* [землетрясения], или еще хуже, *sucussatore*, как они называются в Южной Америке, могут поднять Лонг-Айленд с его "Свободой" и швырнуть их на сотню футов вверх, а затем опустить вниз, покрывая их подводную могилу никогда не высыхающими солеными слезами Атлантического океана. Кто

может знать? *"Non Deus proevidet tantum sed et divini ingenii viri"*, — сказал хитрый Цицерон в своей книге *"De Divinatione"*, говоря о космических явлениях. И то же самое угрожало Лютеции прошлого, или Парижу настоящего, так же как и нашим Британским островам. Нет, никогда Бог не предсказывал столько же, сколько божественный интеллект человека; конечно, нет. Чувства Цицерона не изменились бы, если бы он прочитал "Крик войны" в свое время или принимал бы у себя адвентистов. И каков бы был, в конце концов, Цицерон в присутствии современного материалиста? Что бы он чувствовал? — спрашивала я себя. Признался бы он себе, что находится в затруднительном положении, или же заметил бы, по примеру Иова, этому новоявленному философу, своему преследователю: "Не пролил ли ты (современную) мудрость как молоко, и не сквасил ли ты ее подобно сыру", для того, чтобы показать нам, что это такое?

Где же вы, о реликвии былой языческой славы? Заподозрим ли мы ваше присутствие в мифах о солнце или будем надеяться, что увидим перевоплощение висячих садов Вавилона в этого кита из стекла и железа, вместе с двумя гигантскими стеклянными ручками от зонтика, названного Кристальным дворцом? Прочь такие оскорбительные мысли! Неугомонный призрак надменной Семирамиды может все еще восхищаться ее работой в астральной галерее вечных образов и называть ее не имеющей себе равных. Мавзолей Артемисии остается непревзойденным и самым великолепным из современных сооружений, поднявшихся только к "богам Биржи акций, Разрушителям совместного капитала".

Святынище Эфесской Дианы, какой храм мог когда-либо сравняться с тобой в поэтичности? Современные скульптуры, конные или пешие, которые заполняют сегодня залы французской выставки, какие из вас могут когда-либо заставить покраснеть астральной образ Олимпийского Юпитера Фидия? Какому скульптору или художнику нашего гордого времени мог бы сказать современный Филипп Фес-салоникийский слова, адресованные им божественному греческому художнику: "О, Фидий, или Бог спустился с небес на землю, чтобы самому увидеть тебя, или это ты поднялся туда для созерцания Бога!" "Несомненно, лишь мы (не) являемся людьми, и Мудрость (не) была рождена нами", и она не умрет с нами, добавим мы.

Длинные ряды изделий из глины и бронзы, разнообразных приспособлений, игрушек, обуви и других товаров ежедневно осматриваются восхищенными толпами в залах Французской выставки. "Непопулярный Философ" без колебания обменял бы все это на возможность бросить хотя бы взгляд на коллекцию м-ра Флиндерса Петри, которую можно увидеть сейчас во дворцах Оксфорда. Эти уникальные сокровища были только что выкопаны на месте бывшего Ка-хуна (XII династия). Если сравнить промышленность XIX века н. э. и XXVI века до н. э. (принимая, во избежание споров, хронологию современных археологов), то победа должна быть присуждена последней, и легко показать, почему. Все эти орудия, домашние и сельскохозяйственные инструменты, иностранные весы, ожерелья, игрушки, цветные нити, текстиль и обувь, которые мы видим сегодня, имеют ту уникальную особенность, что они принесены к нам из времен Еноха и Мафусаила, согласно библейской хронологии. Экспонаты, говорят нам, устанавливают связь с двенадцатой династией, существовавшей 2600 лет до н. э. — если мы должны верить вычислениям археологов, — то есть они показывают нам, какую обувь носили за 250 лет до потопа. Одна только мысль о том, что можно увидеть те самые сандалии, которые, может быть, упали с ног первого великого мастера и основателя масонства, Еноха, когда "Бог взял его", должна наполнить сердце каждого масона, верящего в Бытие, восторгом, полным благоговения. Перед лицом такой необыкновенной возможности кажется незначительным удовольствие, которое можно получить от вдыхания запаха русской кожи в обувной галерее на Парижской выставке. Никому из верующих в "божественного Еноха, первенца Каина-Сифа-Иареда", Хануха посвященного, никакому истинному масону не следует стремиться в этот веселый Париж, раз он может прикоснуться к таким сокровищам.

До сих пор существуют пирамиды Египта, чтобы мы могли восхищаться ими и раскрывать их тайны, если нам это удастся. Пирамида Хеопса — загадка и чудо нашего века так же, как это было и во времена Геродота. Мы видим лишь ее скелет, тогда как "Отец Истории" исследовал ее, покрытую внешней оболочкой из чистого мрамора. Он был испачкан лишь надписями о 1600 талантах,¹ потраченных на редиску, лук и чеснок для его строителей. Сделаем паузу, чтобы отвернуть наш орган обоняния от запахов, исходящих от столь

непоэтической пищи. Ибо с древними была их мудрость, хотя она и превосходит наше современное понимание.

1 444.000 английских фунтов стерлингов.

Не будем торопиться, произнося свое суждение, чтобы нам не попасть в сети своей собственной хитрости. Лук и чеснок, о котором мы упомянули, могут быть такими же символами, как пифагорейские бобы. Давайте смиренно подождем, пока на нас не снизойдет лучшее понимание. *Quien sabe* [кто знает]? Прекрасная наружная оболочка обеих пирамид — Хеопса и Сен-Саофиса — исчезла во дворцах Каира и других городов. И вместе с ней исчезли надписи и выгравированные записи, и непонятные иератические символы. Не признавался ли "Отец Истории" в своей нелюбви говорить о божественных вещах, и не избегал ли он подробного изложения символики? Попробуем поискать света и помощи от великих ученых востоковедов, ремесленников греческой риторики и аккадского просвещения. До сих пор мы слышали много странных историй. По-видимому, теперь нам скажут, что эти "редиска, лук и чеснок" принадлежат все к тем же "соляным мифам" и... покраснеют от стыда за наше невежество.

Но какова же судьба последнего из семи чудес света? Где мы должны искать останки бронзового гиганта, Колосса Родосского, могучие ступни которого опирались на два мола, образующие ворота гавани? Между его ногами корабли проходили под полными парусами, а моряки торопились принести принятые по обету жертвы. История говорит нам, что этот шедевр, созданный учеником Лисиппа за двенадцать лет, был частично разрушен землетрясением в 224 году до н. э. Он почти 894 года оставался в руинах. Историки не имеют обыкновения говорить людям о том, что стало с останками шести чудес; и о том, что каждый большой народ имел свои семь чудес: например, в Китае, где была своя Фарфоровая башня в Нанкине,¹ сейчас, как говорит один писатель, ее "находят только в виде отдельных кусочков в стенах крестьянских хижин".

1 Гуцлав, "История Китая", том I, стр. 372.

Однако можно найти в некоторых старых хрониках слухи о том, что бедный Колосс был продан некоему еврею.

Странные книги можно найти иногда в лавках старых русских раскольников в Москве. Одна из них толстая, *in folio* [большого формата, *лат.*], на старославянском языке, озаглавленная: "Законы церковные и гражданские, из хроник Барония, собранные в старых монастырях; переведены с польского и напечатаны в столице Москве в году 1791". В этой весьма любопытной книге, наполненной древними фактами и утверждениями, историческими и давно забытыми записями начиная с 1-го года, можно прочесть в году 683-ем, на странице 706, следующее:

"Сарацины разрушали и грабили Римскую страну, не останавливая своего злобного вторжения даже на море.¹ Их лидер Магувий, сильный и ужасный, возвратился на остров Родос, приблизился к бронзовому идолу, которого звали Колосс (*sic*); этого идола, который стоял в гавани Родоса, восхваляли как седьмое чудо света. Его высота составляла 21 сотню стоп.² Упавшая на землю его верхняя часть была покрыта землей и поросла мхом, но в остальном он оставался целым до этого дня. Магувий опрокинул и эти ноги и *продал их вместе с туловищем некоему иудею*. Грустным был конец этого мирового чуда".

И хроникер добавляет, что имя этого еврея было Аарон из Эдессы. Он не был единственным, кто предоставил такую информацию. Другие старые авторы свидетельствуют, что, разбив Колосс с помощью сарацинских воинов на кусочки, иудей нагрузил ими 900 верблюдов. Цена металла достигла 36.000 фунтов стерлингов на восточных рынках. *Sic transit gloria mundi* [Так проходит мирская слава, *лат.*].

1 Оригинал этого отрывка написан на церковно-славянском языке и с трудом поддается переводу во всей своей подлинности, которая очень сомнительна.

2 Некоторые классики дают только 105 стоп, или 70 локтей.

Более того, говорят, что еще до мусульман и иудеев сами родосцы получили большие суммы денег от благочестивых жертвователей для того, чтобы починить и снова поставить Колосс. Но они обманули своих богов и верующих. Они, честные опекуны, поделили деньги и положили конец законным вопросам, переложив вину на дельфийского оракула, который якобы запретил им восстанавливать Колосс из руин.

Так наступил конец для последнего из чудес языческого мира, освободив тем самым место для чудес христианской эры — эры вечно спекулирующего, копящего деньги еврея. Это притча славянского фольклора — или, вернее сказать, пророчество? — что по прошествии длительного промежутка времени, когда наш земной шар станет дряхлым и ветхим в результате износа, подземных и геологических причин, этот "наилучший из возможных миров" — по мнению д-ра Панглосса — будет куплен на аукционе евреями, разложен на металлы, собран в бесформенные кучи и свернут в шарики для использования их в качестве акций. После этого сыны Авраама и Иакова сядут на корточки вокруг несчастных реликвий и будут держать совет, как лучше переправить их на следующий еврейский базар и всучить этот умерший мир какому-нибудь наивному христианину, ищущему подержанную планету. Такова притча.

Se non e vero e ben trovato [Если это и неправда, то во всяком случае, хорошо придумано, *итал.*]. Как бы там ни было, пророчество о чем-то говорит, даже если и в аллегорической форме. Поистине, если Колосс Родосский мог быть столь легко продан как металлолом некоему еврею, то каждому коронованному Колоссу в Европе стоит опасаться такой же судьбы. Почему не может каждый монарх, один за другим, попасть в руки еврейства, после того как они уже побывали в этих когтистых объятиях? Если читатель покачает головой и заметит на это, что королевские Колоссы не сделаны из металла, но занимают свои соответствующие троны "по воле Божьей" и являются "Божьими помазанниками" — ему мягко возразят, что "Бог дает, Бог берет" и что он "не взирает на чины и звания". Кроме того, существует некая карма, которая участвует в этом деле. Немного есть монархов, которые не погрязли бы по уши в долгах (золотые троны, а есть нечего) перед какими-либо еврейскими магнатами. В конце концов, "Господь", по милости которого они находятся на троне, от покойного короля Сулука до последнего принца Болгарии, это тот же самый Эль-Шаддай, всемогущий Иегова-Саваоф, которого они или их отцы незаконно вынесли из "святынь" и поместили в свои алтари. Сыновья Израиля являются, фактически и юридически, его законными детьми, его "избранным народом". Таким образом, если придет день, когда еврей, заявляя о своих правах, выбросит как отработанный материал последних из королей, после чего снова начнет расхваливать свою землю как новый товар, это

будет отчасти справедливое возмездие, запоздалый акт Немезиды.

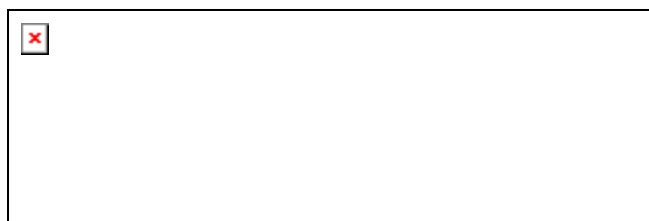
ПАЛИБОТРА МЕГАСФЕНА

Эта тема потребовала бы большего места, чем она заслуживает, чтобы показать, сколь отличаются друг от друга в подробностях разные классические авторы, которые упоминают о "Палиботре" Мегасфена; и что все они располагают этот город на том или ином расстоянии от места слияния Ганга и Эрранобаос, хотя последней реки, судя по названию, не существует. И если Плиний располагает "Палиботру" в 425 римских милях *ниже* соединения Ганга и Джамны, то Страбон, следуя Эратосфену, считает его удаленным на 6 000 стадий от устья Ганга. - Арриан, к тому же, называет "другую" реку неподалеку от Ганга — Эрранобаос. И хотя оба они, и Арриан и Плиний, показывают ясное различие между Соном и мифической Эрранобаос, все же профессор Макс Мюллер, а вслед за ним м-р Каннингем, без колебаний определяют ту самую реку, "на которой стояла древняя Палиботра", как Сон. В качестве некоего неопровержимого подтверждения этого утверждения, а также ответа, данного на возражение Д. Уилсона, он заявляет, что "хотя в настоящее время Патна не расположена возле слияния Ганга и Сона ... это, однако, объясняется изменением русла реки Сон ... что точно установлено посредством географического метода доказательства" (см. Макс Мюллер: "История древнесанскритской литературы", стр. 250.). "Доказательство" географов, без сомнения, является безупречным; но это доказательство не указывает нам год или даже приблизительный период времени, когда Сон изменил свое русло. Наш текст, однако, обесценивается свидетельством

греков, если Эрранобаос означает Сон. Оставим оксфордских филологов и генерала Каннингема, принимающих эту идентичность и настаивающих на ней, для согласования своих расхождений при помощи доказательств, которые, со своей стороны, выдвигают их оппоненты, и которые показывают весомые и очевидные причины того, что Сон не может быть Эрранобаос (см. *"Археологическое обозрение"*, 1881 г., том VIII), и попытаемся привлечь внимание ученых топографов к следующему: Самое беглое исследование покажет, что *Сон изменил свое течение со времен Махабхараты, где он упоминается несколько раз, и со времени Будды — дважды. И что ни один из этих периодов отклонения не мог бы предоставить подтверждающее свидетельство в пользу утверждения классических авторов, приведенного в выделенном нами тексте. Мы не касаемся эпохи последнего отклонения этой беспокойной реки от своего русла, которое, быть может, произошло, как утверждается в "Обозрении", незадолго "до вторжения мусульман", а может быть и нет; но мы говорим о том времени, которое согласовывало бы утверждения греков с действительным направлением течения Сона.*

Насколько нам это известно, никакой из периодов не мог бы послужить для этой цели. Ибо, если географическое свидетельство и топографические выводы, сделанные из различных упоминаний об этой религиозно-исторической реке в Махабхарате и Рамаяне, а также в путевых заметках Сюаньцзана и Фасянь, подтверждают заключение о том, что Сон неким образом еще раз изменил свое русло в течение двух веков, предшествовавших вторжению мусульман в Индию, выделенный нами текст связывает ее первое отклонение, безусловно, со смертью Будды. Таким образом, изменял ли Сон свое русло в 6-ом веке "до рождения Христа" или в 8-ом веке "нашей эры", это было вовсе не во время Мегасфена (4-ый век до христианской эры) — "к которому Палиботра относится". В многочисленных легендах, связанных с *нирваной* Господа Будды, Маханада Сон (великая красная река) упоминается в числе семи рек, которые разбегаются в разные стороны, "чтобы не быть свидетелями печали множества архатов и биккху (обитающих на берегах изменчивых рек) из-за смерти их Господа". Хотя много более естественное явление, чем эта сомнительная параллель, имело место 500 годами позднее, когда "покров храма был разорван надвое ... и могилы открылись, и многие святые, которые спали, восстали

и вошли в священный город", и т. д., — при этом даже не было предпринято попытки связать изменение неким определенно таинственным образом движения потоков со смертью Мудрого. Но если реальный факт этого совпадения ставится под сомнение, тогда необходимо признать за создателем легендарного учения пророческий дар предвидения, ибо он прямо говорит, что "Маханада Сон повернет вспять и потечет назад в восточном направлении"; этот факт подтверждается повторением того же самого явления позднее, поскольку Сон течет ныне в западном направлении.

СЕМНАДЦАТИЛУЧЕВОЙ СОЛНЕЧНЫЙ ДИСК

Нижеследующее любопытное письмо было получено нами из Фресно, штат Калифорния. Поскольку оно носит личный характер, мы приводим лишь выдержки из него.

"При исследовании в прошлом году Копана и Куинкуа, в Гондурасе и Гватемале, мне посчастливилось сделать открытие, которое, я уверен, будет интересно для вас. Как вам известно, наиболее выдающиеся скульптурные памятники в Копане состоят из четырехгранных колонн высотой 10-12 футов. Только на одной стороне этих колонн имеются крупные скульптурные изображения — барельефы.

На остальных сторонах также имеются орнаменты и иероглифические надписи, до сих пор не прочитанные и не расшифрованные. Одна из колонн, до сих пор не описанная, содержит только иероглифы, покрывающие все ее стороны. По-видимому, это запись то ли законов, то ли исторических событий. Колонна имеет около 10 футов высоты, при ширине каждой стороны в 3-4 фута. Но наиболее примечательно то, что эта колонна была покрыта сверху "шапкой" в форме

очень низкой усеченной пирамиды. На пирамиде была видна странная голова колоссальных размеров, окруженная широким "солнечным диском", увенчивающим саму эту "шапку". Лучи солнечного диска были совершенно отчетливы. Его сходство с солнечными дисками, обычно встречающимися в египетских памятниках, было столь очевидно, что мне сразу же пришло в голову, что *число лучей* должно быть равно 17 — сакральному числу египетских солнечных дисков. Сосчитав эти лучи, я нашел то, что и предполагал: 17.

Является ли это простым "совпадением", или же это одно из звеньев той сломанной и разбросанной цепи, находки которых указывают на древние связи между народами Центральной Америки (майя и другими) и египтянами, связанными друг с другом посредством Атлантиды?

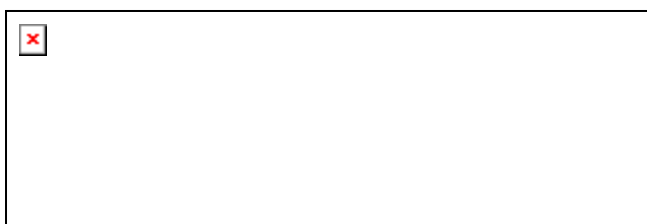
Заслуживает упоминания и другое удивительное обстоятельство, которое естественно рассматривать как "совпадение". У одной из этих скульптурных фигур, одетой в одежду священника и держащей в руке небольшой ящичек квадратной формы, ноги были обуты в сандалии с изображением *лунного серпа*. Тот же знак использовали римляне для обозначения бессмертия; они так же помещали его на сандалиях.

Не могут ли ваши транс-гималайские Братья дать нам какой-либо ключ к иероглифам, написанным на памятниках Центральной Америки? Или нет ли у вас психометристов, которые могли бы расшифровать их психометрически? Если кто-нибудь захочет попытаться сделать это, я мог бы послать ему небольшой отрывок из записей, имеющихся в моем распоряжении; может быть, из этого что-нибудь и получится.

Е. Г."

Безусловно, открытие, упомянутое в данном письме — колонна с семнадцатилучевым солнечным диском, — указывает еще раз на древние связи, существовавшие между народами Центральной Америки и исчезнувшим континентом Атлантидой. Сходство значения символов американских древностей и древних памятников, связанных с "религией мудрости" в Египте и других частях Европы и Азии, где их можно встретить, конечно, гораздо более замечательно, чем это признается теоретиками, которые желают рассматривать его с помощью усердного слуги — совпадения. Это сходство было с огромным терпением прослежено при помощи разнообразных археологических находок м-ром Донелли в его новой книге "Атлантида, или мир до Потопа". Вторая часть

заглавия этой книги, кстати, не до конца будет принята теми, кто изучает этот вопрос с точки зрения оккультной науки. О потопе лучше не говорить до тех пор, пока космогония не будет понята гораздо лучше, чем сейчас. Нет ни одного потопы, который можно бы условно принять за поворотный пункт в мировой истории, признавая тем самым все, что было до него, за то, что было "до Потопа", а то, что было после, — за то, что "после Потопа". Было много таких потопов, разделяющих различные расы человечества в определенный момент своего развития. Эта ситуация уже рассматривалась в книге "Фрагменты оккультной истины". В течение того времени, как Земля покрыта огромной приливной волной человечества, на ней последовательно развивались семь великих рас, причем в каждом случае их конец был отмечен гигантским катаклизмом, изменяющим лицо земли за счет изменения соотношения суши и воды. Как это неоднократно утверждалось, нынешняя раса человечества — это пятая раса. Обитатели великого континента Атлантиды принадлежали к четвертой расе. Когда они переживали свой расцвет, европейского континента не было в том виде, каким мы его сейчас знаем, и, тем не менее, существовала свободная связь между Атлантидой и теми частями Европы, которые были тогда, а также Египтом. Сам древний Египет не был колонией Атлантиды. В этом отношении м-р Донелли ошибается, однако Религия мудрости посвященных была у них, конечно, одинаковой, а отсюда и сходство в символике скульптур. Именно это говорят "гималайские Братья"; увидят ли что-нибудь еще наши психометристы, это зависит от степени их развития; но в любом случае мы принимаем предложение нашего уважаемого корреспондента с благодарностью и подождем обещанной части надписей, прежде чем решимся сказать что-нибудь еще по этому вопросу.

ТАИНСТВЕННАЯ СТРАНА

I

Когда осматриваешь величественные руины Мемфиса или Пальмиры, стоишь у подножия великой пирамиды в Гизе, путешествуешь вдоль берегов Нила, или предаешься размышлениям среди разрушенных твердынь давно исчезнувшего и загадочного Петра, — сколь бы туманным и таинственным ни казалось происхождение этих доисторических останков, тем не менее, обнаруживаешь хотя бы некоторые фрагменты того твердого основания, на котором можно построить некое предположение. И какой бы плотной ни была завеса, за которой сокрыта история этих древностей, все же кое-где в ней существуют прорехи, через которые можно уловить проблески света. Мы знакомы с потомками строителей. И, пусть поверхностно, но мы знаем историю народов, чьи следы рассеяны вокруг нас. Но далеко не так обстоит дело с древностями Нового Света обоих Америк. Там, вдоль всего побережья Перу, по всему Панамскому перешейку и в Северной Америке, в каньонах Кордильер, в непроходимых ущельях Анд, и, особенно, в Мексиканской долине, лежат в руинах сотни когда-то могущественных городов, исчезнувших из памяти людей и утративших даже свои собственные названия. Похороненные в густых лесах, погребенные в недоступных долинах, иногда на глубине шестидесяти футов под землей, они с самого момента своего открытия и по сей день всегда оставались загадкой для науки, заводившей в тупик любое исследование, и они были еще более молчаливыми, чем сам египетский Сфинкс. Мы не знаем ничего об Америке, предшествующей завоеванию, — положительно ничего. Не сохранилось никаких хроник, даже сравнительно новых; не существует никаких традиций среди племен аборигенов, относящихся к их прошлому. Мы пребываем в полном неведении о тех народах, которые построили эти циклопические сооружения, как и о том странном культе, вдохновившем допотопных скульпторов вырезать на стенах длиной в сотни миль, на монументах, монолитах и алтарях таинственные иероглифы, изображающие группы животных и людей, запечатлевшие неизвестную жизнь и утраченные искусства, — сцены, временами столь

фантастичные и дикие, что невольно возникает идея о болезненном сне, чьи фантасмагории по мановению могущественной руки некоего мага кристаллизовались в гранит, чтобы на долгие века приводить в смущение нарождающиеся поколения. Еще в начале нашего [девятнадцатого] века не было известно о существовании такой сокровищницы древностей. Мелочная, наполненная подозрениями зависть испанцев с самого начала сотворила своего рода "китайскую стену" между их американскими владениями и чересчур любопытными путешественниками: и невежество и фанатизм завоевателей, а также их безразличное отношение ко всему кроме удовлетворения своей ненасытной жадности, помешали научным исследованиям. Даже полные энтузиазма отчеты Кортеса и его армии разбойников в рясах, а также Писарро и его грабителей-монахов, о великолепии храмов, дворцов и городов Мексики и Перу, долгое время пользовались недоверием. В своей "Истории Америки" д-р У. Робертсон заходит столь далеко, что уверяет своих читателей, что дома древних мексиканцев были "просто лачугами, построенными из дерна, грязи и ветвей деревьев, подобно хижинам диких индейцев";¹ и, на основании свидетельства некоторых испанцев, он даже рискует утверждать, что "на всем протяжении этой громадной империи" не было ни "одного монумента или следа какого-либо строения древнее периода завоевания"! Истина ожидала своего оправдания от великого Александра Гумбольдта. В 1803 году этим знаменитым и ученым путешественником был пролит новый луч света на мир археологии. Ему посчастливилось стать пионером, проложившим дорогу для будущих исследователей. Его описание охватило только Митлу, или Долину Смерти, Шочикалко и величественный пирамидальный храм Чолула. Но вслед за ним появились Стивене, Катервуд и Скуайер; а в Перу — д'Орбиньи и д-р Чадди. С тех пор немало путешественников посетили эти места, предоставив нам детальные описания многих памятников древности. Но кто может сказать, сколько еще остается неисследованного, и даже неизвестного нам? Что касается доисторических построек, — и Перу, и Мексика соперничают в этом отношении с Египтом. Не уступая ему в грандиозности своих циклопических построек, Перу все же превосходит последний по их количеству; к тому же Чолула превышает великую пирамиду Хеопса если не по высоте, то, по крайней мере, по ширине. Общественные сооружения, такие как стены, фортификационные укрепления, террасы,

водопроводы, акведуки, мосты, храмы, кладбища, целые города и искусно вымощенные дороги длиною в сотни миль, вытянувшиеся в одну непрерывающуюся линию, — словно сеть, покрывают эту страну. На побережье они были построены из высушенных на солнце кирпичей; в горах — из порфиритового известняка, гранита и кварцевого песчаника. Истории ничего не известно о поколениях людей, построивших их, и даже предания умалчивают об этом. По существу, большинство из этих каменных руин скрыты густой растительностью. Разрушенные города полностью поглощены лесами, и, за немногими исключениями, все они лежат в развалинах. Но даже по тому, что до сих пор сохранилось, можно судить о былом величии.

1 Дж. Л. Стивене: "Случаи из путешествий по Центральной Америке", Лондон, 1841.

С совершенно легкомысленным неведением, испанские историки относят сегодня почти все руины к временам инков. Вряд ли можно заблуждаться более. Иероглифы, которые иногда покрывают стены и монолиты от вершины до основания, являются, как и ранее, мертвой буквой для современной науки. Но они были такими же и для инков, хотя историю последних можно проследить назад вплоть до одиннадцатого века. У них не было ключа к их значению, но они приписывали все эти надписи своим *неизвестным* предшественникам; таким образом, исключается предположение о собственном их происхождении от первых цивилизаторов этой страны. Вкратце, история инков развивалась следующим образом:

Инка — на языке кечуа титул вождя или императора, и название правящей и наиболее аристократической расы или, скорее, *касты* в этой стране, которая управлялась ими в течение *неизвестного* периода времени, предшествовавшего испанскому завоеванию. Некоторые относят их появление из *неизвестного места* в Перу к 1021 году; другие полагают, или предполагают, что это произошло через пять веков после библейского "потопа", в соответствии со скромными представлениями христианской теологии. И все же последняя теория, безусловно, ближе к истине, чем первая. Инки, судя по их исключительным привилегиям, могуществу и "непогрешимости", являются копией браминской касты в Индии. Подобно последним, инки заявляли о своем

непосредственном происхождении от Божества, которое, как и в случае династии Сурьяванши в Индии, есть Солнце. Согласно единственному, но общераспространенному преданию, в то время все население той земли, которая ныне называется Новым Светом, было раздроблено на независимые, воюющие друг с другом, варварские племена. В конце концов "высшее" божество — Солнце — сжалилось над ними и, чтобы избавить народ от невежества, им были посланы вниз на землю для его обучения двое его детей: Манко Капак и, его сестра и жена, Мама Окльо — идентичных, опять-таки, египетским Осирису и, его сестре и жене, Изиде, так же как и некоторым индусским богам и полу-богам и их женам. Эти двое появились на прекрасном острове на озере Титикака — о котором мы поговорим позже — и оттуда отправились на север, в Куско, ставший в последствии столицей инков, где они начали сеять семена цивилизации. Сплотив различные народы из всех районов Перу, божественная пара разделила между собой обязанности. Манко Капак учил мужчин земледелию, законодательству, архитектуре и искусствам, в то время как Мама Окльо наставляла женщин в ткачестве, прядении пряжи, вышивании и ведении домашнего хозяйства. Инки считают себя потомками именно этой небесной пары; и все же они находятся в полном неведении относительно тех, кто построил некогда величественные, а ныне лежащие в руинах Города, покрывающие всю территорию их империи, которая простиралась тогда от экватора до 37 градуса южной широты и включала в себя не только западные склоны Анд, но и всю горную цепь с ее восточными областями, опускающимися к бассейнам Амазонки и Ориноко. Как прямые потомки Солнца, лишь они могли быть верховными жрецами государственной религии, а так же императорами и высшими сановниками этой страны: благодаря этому они, подобно брахманам, приписывали себе божественное превосходство над простыми смертными, образовывая, таким образом, как и "дважды рожденные", исключительно аристократическую касту — расу инков. Признаваемый сыном Солнца, каждый царствующий Инка был верховным жрецом, оракулом, военачальником во время военных действий и абсолютным монархом; воплощая, таким образом, в жизнь совмещение папской и королевской власти, к которому так стремились римские понтифики. Его приказы исполнялись беспрекословно, и самому ему воздавались божественные почести. Самые высокопоставленные чиновники страны *не могли появиться*

обутыми в его присутствии (это, опять таки, указывает на восточное происхождение), к тому же обычай, по которому юноши королевской крови прокалывали себе уши и вставляли в них золотые кольца, "размер которых увеличивался по мере их продвижения по службе, что, в конечном счете, приводило к растяжению хрящей и деформации ушных раковин", наводит на мысль о странном сходстве между теми многочисленными скульптурными изображениями, которые мы обнаруживаем в не столь древних руинах, и образами Будды и некоторых божеств, не говоря уж о современных нам денди из Сиам, Бирмы и Южной Индии. Также как и в Индии, в период расцвета власти браминов, никто, кроме привилегированной касты инков, не мог получить светское или религиозное образование. И, когда царствующий Инка умирал, или, как считалось, "был призван домой во дворец своего отца", вместе с ним, во время церемонии погребения, убивали большое количество его слуг и его жен, что идентично тому, что мы обнаруживаем в древних хрониках Раджастана, и тому, что происходило во время недавно запрещенного обряда сутти. Принимая все это во внимание, археолог не может удовлетвориться кратким замечанием историков о том, что "в данной традиции мы лишь прослеживаем другую версию истории развития цивилизации, сходную для всех древних народов, и повторяющийся обман, связанный с небесным родством, который обеспечивал коварным правителям и хитрым жрецам неограниченную личную власть над людьми". Не вносит ясности и наблюдение, что "Манко Капак сродни китайскому Фуси, индийскому Будде, земному Осирису Египта, мексиканскому Кецалькоатлю и Вотану Центральной Америки"; ибо все это — слишком очевидно. Нам хотелось бы знать, каким образом эти народы, жившие в столь удаленных друг от друга странах — Индии, Египте и Америке, — могли проявить такое удивительное сходство не только в своих общих религиозных, политических и социальных воззрениях, но даже в мельчайших деталях. Совершенно непосильной задачей является — определить, кто из них кому предшествовал. Как объяснить, что эти народы смогли развить в разных частях света сходную архитектуру и одинаковые искусства, если не было такого времени, когда — как свидетельствует Платон, и с ним согласны многие современные археологи, — отсутствовала всякая необходимость в кораблях для каких-либо сообщений, ибо два мира составляли единый континент?

Согласно самым последним исследованиям, в одних только Андах существовало пять разных архитектурных стилей, наиболее поздний из которых представлен храмом Солнца в Куско. Однако именно этот символ могущества считается единственным строением, которое, по данным современных путешественников, можно с уверенностью отнести к империи инков, слава которой, согласно традиции, была лишь последним отблеском цивилизации, чье происхождение теряется в глубине веков. Д-р Э. Р. Хит из Канзаса (США) полагает, что "задолго до Манко Капака, Анды населяли племена, чьи корни уходят к тем же временам, что и корни дикарей Западной Европы. Циклопическая архитектура свидетельствует о существовании некогда племени гигантов, строителей вавилонской башни и египетских пирамид. Греческие лабиринты, обнаруженные во многих местах, — заимствованы (?) у египтян; похоронные обряды и способ погребения усопших так же указывают на Египет". Далее этот ученый путешественник заключает, что черепа, извлеченные из гробниц, принадлежат, по данным краниологов, к трем различным расам: чинчам, населявшим западную часть Перу, от Анд до побережья Тихого океана; аймарам, обитавшим в высокогорных долинах Перу и Боливии, на южном берегу озера Титикака; и уанков, "занимавших плато, расположенное среди горных отрогов Анд, к северу от озера Титикака до 9-го градуса южной широты". Смешивать постройки эпохи инков, в Перу, и эпохи Монтесумы и его касиков, в Мексике, с монументами аборигенов — фатальная ошибка археологии. В то время как Чолула, Уксмал, Киче, Пачакамак и Чичен-Ица прекрасно сохранились и были все обитаемы во время вторжения испанских *banditti*, сотни разрушенных городов и твердынь уже тогда лежали в руинах; их происхождение было неизвестно завоеванным инкам и касикам точно так же, как и нам; и они, без сомнения, являются останками неизвестных и ныне исчезнувших народов. Странная форма профилей голов и человеческих силуэтов, изображенных на монолитах Копана, служит подтверждением этой гипотезы.

Ярко выраженное отличие между черепами этих рас и черепами индоевропейцев вначале приписывали механическим средствам, которые применяли матери для придания определенной формы головам своих детей в младенчестве, что часто практикуется у других племен и народов. Но, как сообщает нам тот же источник, обнаружение в "мумии утробного плода семи или восьмимесячного возраста,

имеющего ту же самую форму черепа, поставило под сомнение достоверность этого факта". Помимо предположений, у нас есть неопровержимое научное доказательство существования в Перу цивилизации много веков назад. Если бы мы назвали число тысячелетий, минувших с тех пор, не приведя достаточных доводов, подкрепляющих данное предположение, у читателя захватило бы дух. Поэтому начнем с фактов.

Перуанское *гуано* (*huano*) — это очень ценное удобрение, состоящее из помета морских птиц, смешанного с их разложившимися телами, яичной скорлупой, останками тюленей, и т. п., скопившееся на островах Тихого океана и на побережье Южной Америки, и их отложения ныне хорошо изучены. Гумбольдт был первым, кто открыл его и привлек к нему внимание всего мира в 1804 году. И, описывая его залежи, покрывающие гранитные скалы Чинча и других островов слоем толщиной от 50 до 60 футов, он отмечает, *что накопления за последние 300 лет, прошедшие со времени завоевания, составили всего лишь несколько линий*¹ в толщину. Несложно подсчитать, сколько тысячелетий потребовалось для того, чтобы сформировать залежи толщиной 60 футов. В этой связи мы можем процитировать теперь исследование, в котором говорится о перуанских древностях.²

1 *Линия* — мера длины, равная 1/12 дюйма. — Прим. редактора.

2 Статья, опубликованная м-ром Э. Р. Хитом в "Kansas City Review of Science and Industry", ноябрь 1878 г.

"На островах Чинча, на глубине 62 футов под землей, были обнаружены каменные идолы и глиняные сосуды для воды, в то время как на глубине 35-33 футов были найдены деревянные идолы. *Из-под слоя гуано* на островах Гуанапе, к югу от Трухильо, и Макаби, к северу от него, *были извлечены мумии, птицы и птичьи яйца, золотые и серебряные украшения*. На острове Макаби рабочие нашли несколько больших драгоценных золотых ваз, которые они разбили и поделили между собой, хотя им и предлагали взамен золотые монеты того же веса, таким образом, эти реликвии, представлявшие огромный интерес для ученых, были навсегда потеряны. Тот, кто сосчитает, сколько веков потребуется для образования тридцати и шестидесятифутового слоев *гуано* на этих островах, учитывая незначительность увеличения отложений за истекшие триста

лет со времени завоевания, — сможет получить представление о древности этих реликвий".

Произведя несложные арифметические вычисления, исходя из того, что в дюйме 12 линий, а в футах 12 дюймов, и что за столетие накапливается всего лишь одна линия, мы неизбежно приходим к выводу, что люди, создавшие эти бесценные золотые вазы, жили 864.000 лет назад! Если, чтобы оградить себя от возможных ошибок, мы примем, что за сто лет накапливается две линии, или даже двенадцать, то все же мы вынуждены будем признать, что, по крайней мере, 72.000 лет тому назад существовала цивилизация, не уступающая — судя по ее общественным сооружениям, прочности конструкций и грандиозности построек, — а во многих отношениях и превосходящая нашу собственную.

Имея хорошо сложившиеся представления о периодичности циклов, как для мира в целом, так и для отдельно взятых народов, империй и племен, мы убеждены, что наша современная цивилизация является всего лишь последним отблеском тех культур, которые уже развивались бесчисленное число раз на этой планете. Это мнение не обязательно должно представлять точную науку, но оно является результатом индуктивного и дедуктивного логического вывода, основанного на теориях менее гипотетических и более вероятных, чем многие другие теории, признанные чисто научными. Выражаясь словами профессора Ф. Ю. Найфера, из Сент-Луиса, "мы друзья не теории, но — истины", и пока эта истина не найдена, мы будем приветствовать каждую новую теорию, сколь непопулярной она ни была бы вначале, из опасения отбросить по своему невежеству тот камень, который со временем может оказаться краеугольным камнем истины. "Не счесть ошибок, допущенных людьми науки, и вовсе не потому, что они представляют науку, но потому, что они — люди", — говорит тот же самый ученый; а теперь процитируем прекрасные слова Фарадея:

"Довольно часто бывает, что *не следует* торопиться с окончательным вынесением суждения. Откладывать свое решение может быть весьма неприятно и мучительно, но поскольку никто не застрахован от ошибок, нам следует проявлять осторожность".¹

1 "Экспериментальные исследования", 24-й выпуск.

Вряд ли когда-либо были предприняты попытки, детально описать так называемые американские древности, за исключением немногих наиболее известных руин. Однако для того, чтобы провести параллель между ними, такая работа была бы совершенно нелишней. Если задаться целью разгадать историю религии и мифологии, и — что гораздо важнее — происхождение, развитие и окончательное формирование человеческого рода, то нам следует скорее доверять археологическим исследованиям, чем гипотетически дедуктивным выводам филологии. Мы должны начать с анализа конкретных скульптурных отображений древней мысли, зачастую более выразительной в своей неизменной форме, чем ее словесное выражение, тысячекратно искаженное благодаря многократным интерпретациям. Это даст нам более легкий и правдоподобный ключ к раскрытию тайны. Археологическим Обществам не помешало бы взяться за составление полной энциклопедии мировых руин, с перечнем наиболее важных гипотез относительно каждой достопримечательности. Ибо, сколь бы фантастическими и дикими не казались эти гипотезы на первый взгляд, все же каждая из них может пригодиться в соответствующее время. Как справедливо заметил Макс Мюллер, часто более полезно знать, что чего-либо *нет*, чем о то, что *это есть*.

К сожалению, подобная задача не может быть выполнена в ограниченных рамках статьи в нашем журнале. Однако, используя сообщения правительственных чиновников, заслуживающих доверия путешественников, ученых, и даже свой собственный ограниченный опыт, мы попытаемся в будущих выпусках дать нашим индийским читателям, которые, вероятно, никогда не слышали об этих древностях, общее представление по этому вопросу. Наши самые последние сведения заимствованы из по возможности достоверного источника; обозрение перуанских древностей, по большей части, основано на вышеупомянутой талантливой статье д-ра Хита.

II

Само собой разумеется, мы, ТЕОСОФЫ, не единственные борцы с предрассудками в этом мире взаимного обмана и лицемерия. Мы не единственные, кто верит в циклы и, вопреки библейской хронологии, склоняется к таким взглядам, которые

тайно разделяются большинством, но публично признаются лишь очень немногими людьми. Мы, европейцы, сравнительно недавно появились в самом начале нового цикла и лишь начинаем развиваться с течением времени, в то время как азиатские народы — особенно это касается индусов — представляют собой остатки былых народов, населявших землю в предыдущие и давно прошедшие циклы. Произошли ли арии от древних американцев, или же наоборот, последние произошли от доисторических ариев, — на этот вопрос не может ответить ни один из живущих людей. Но то, что некогда должна была существовать тесная связь между древними ариями, доисторическими обитателями Америки (как бы они не назывались), и древними египтянами — это утверждение легче доказать, чем опровергнуть. , И вероятно, если подобная связь когда-либо существовала, то Это имело место в те времена, когда Атлантический океан не разделял еще два полушария, как это обстоит сегодня.

В своих "Перуанских древностях"¹ д-р Хит из Канзас-Сити — *rara avis* ["белая ворона", *лат.*] среди ученых, бесстрашный исследователь, признающий истину везде, где бы он ни обнаружил ее, и не боящийся высказывать ее прямо в лицо догматически настроенным оппонентам — подводит итог своим впечатлениям от перуанских реликтов в следующих словах:

"Трижды Анды погружались на сотни футов в воды океана и снова постепенно возвращались к прежней отметке высоты. Человеческая жизнь слишком коротка даже для того, чтобы пересчитать те столетия, которые минули за время этого процесса. "Перуанское побережье поднялось на восемьдесят футов с тех пор, как оно ощутило на себе поступь Писарро. Если предположить, что Анды поднимаются равномерно и непрерывно, то для достижения ими нынешней высоты должно было потребоваться 70.000 лет.

Кто знает, таким образом, может быть причудливая идея² Жюля Верна об исчезнувшем континенте Атлантида недалеко от истины? Кто может с уверенностью сказать, что там, где ныне плещутся волны Атлантического океана, не существовал ранее плотно заселенный материк, население которого имело высокоразвитые науки и искусства, и которое, обнаружив; что их земля погружается в океан, переселилось на запад и на восток, распространившись, таким образом, по всему свету? Это объяснило бы сходство их археологических вооружений и рас, а их различия были бы вызваны изменением климата и приспособлением к

соответствующим условиям жизни в разных странах. Так лама отличается от верблюда, хотя они принадлежат к одному и тому же виду; то же самое можно сказать относительно деревьев альгораба и эспино; так среди северно-американских индейцев ирокезов и древнейших арабов созвездие "Большой Медведицы" называлось одним и тем же именем; так различные народы, никогда не общавшиеся между собой и не передававшие друг другу знаний из-за непреодолимого расстояния, разделяющего их, делили зодиак на двенадцать созвездий и называли их одинаковыми именами; так северные индусы называют свои Гималайские горы Андами, подобно тому, как называют южно-американцы свой самый высокий горный хребет.³ Должны ли мы следовать проторенной дорогой и полагать, что нет других "путей" заселения Западного полушария, кроме "Берингова пролива"? Должны ли мы все так же помещать географический Эдем на Востоке и мечтать о существовании геологически древней земли обетованной, которая должна была принять после бесцельных скитаний *пропавшее колено Израилево*?"

1 См. "Теософист" за март 1880 г.

2 Эта "идея" ясно выражена и утверждается как факт Платоном в его "Пире", и была развита лордом Бэконом в его "Новой Атлантиде".

3 "Название *Америка*", — говорила я в "Разоблаченной Изиде" (том II, стр. 591) три года назад, — "может однажды быть тесно увязано с *Меру*, священной горой в центре *семи* континентов". Во время первого открытия Америки выяснилось, что некоторые племена аборигенов называют ее *Атлантой*. В центральноамериканских штатах мы обнаруживает название *Америх*, обозначающее, подобно Меру, великую гору. Также остается неясным происхождение названия американских индейцев *камас*.

Как бы далеко мы ни зашли, исследуя американские древности — в Северной ли, Центральной или Южной Америке, — нас, прежде всего, впечатляют размеры этих реликтов веков и неведомых рас, а затем их удивительное сходство с курганами и строениями древней Индии, Египта и даже некоторых областей Европы. Каждый, кто видел один из этих курганов, видел все. Каждый, кто стоял перед циклопическими постройками одного континента, может составить совершенно точное представление обо всех остальных. Однако следует

оговориться, что нам известно о возрасте древностей Америки еще меньше, чем даже о возрасте древностей долины Нила, о которых мы не знаем почти ничего. Но их символизм — не говоря об их внешней форме, — безусловно, везде одинаков, как в Египте и Индии, так и в других местах. Стоя перед великой пирамидой Хеопса в Каире; или перед большим курганом, вышиной в 100 футов, в долине Кахокия (недалеко от Сент-Луиса, штат Миссури), который насчитывает 700 футов в длину и 800 футов в ширину у основания и занимает восемь акров земли, имея объем 20.000.000 кубических футов; и курганом на берегу Браш Крик в Огайо, столь детально описанным Скуайером и Дэвисом, не знаешь, чем больше восторгаться: соблюдением ли геометрических пропорций, запечатленных с удивительной точностью таинственными строителями в форме своих монументов, или же глубоким символизмом, который они, без сомнения, пожелали отразить в них. Курган в Огайо представляет собой змею, превышающую 1.000 футов в длину. Грациозно изогнутая в причудливую кривую линию, она заканчивается хвостом, образующим тройное кольцо. "Насыпь, создающая это изображение, имеет свыше пяти футов в высоту, тридцать футов у основания в середине тела, постепенно сужаясь к хвосту".¹ Шея змеи вытянута, и в своей широко раскрытой пасти она держит овальный предмет. "Образованный насыпью в четыре фута высотой, этот овал имеет идеальную форму очертаний, и его наибольший и наименьший диаметры", — по словам человека, снимавшего с него размеры, — "составляют соответственно 16 и 8 футов".

1 Вклад Джорджа Смита в Общество распространения христианских знаний, том I.

Все это в целом представляет собой универсальную космологическую идею о змее и яйце. Это предположение само напрашивается на ум. Но *каким образом* этот великий символ герметической мудрости древнего Египта смог получить свое выражение в Северной Америке? Как получилось, что священные сооружения, обнаруженные в Огайо и в других местах — эти квадраты, круги, восьмиугольники и другие геометрические фигуры, в которых столь не сложно распознать доминирующую идею пифагорейских священных чисел, — выглядят так, словно они скопированы из "Книги Чисел"? Не говоря уж о полном

молчании об их происхождении, которое хранят индийские племена, сохранившие так или иначе свои собственные традиции, древность этих руин доказывается существованием огромных и древних лесов, выросших на территории погребенных городов. Осторожные американские археологи, как правило, определяют их возраст в 2.000 лет. Но кто воздвиг их, переселились ли их строители в другие места или сгинули в результате войн, прекратили ли существование из-за каких-то страшных эпидемий или всеобщего голода, это вопросы, "ответы на которые", — по словам археологов, — "вероятно, находятся за пределами возможностей человеческого познания". Древнейшими обитателями Мексики, о которых история имеет хоть какие-то сведения — скорее гипотетические, нежели достоверные, — являются тольтеки. Они, *предположительно*, появились с севера, и, как в это *верят*, пришли в Анахуак (плато на юге Мексики) в 7-м веке н. э. Им также приписывается строительство в Центральной Америке, где они распространились в одиннадцатом веке, нескольких крупных городов, ныне лежащих в руинах. В таком случае, именно они должны быть теми, кто вырезал иероглифы, покрывающие некоторые из этих реликтов. Но почему же тогда пиктографическая система письма, которую использовали завоеванные народы Мексики, изученная их завоевателями и миссионерами, не дает ключей к иероглифам Паленки и Копана, не говоря уж об иероглифах Перу? И кто были сами эти цивилизованные тольтеки и откуда они пришли? И кем были ацтеки, последовавшие за ними? Даже среди иероглифических систем Мексики были такие, которые не поддавались изучению иностранных толкователей. Это были так называемые диаграммы судейской астрологии, "приведенные без объяснения лордом Кингсборо в опубликованном собрании", и отложенные им как чисто метафорические и символические, "предназначенные лишь для использования жрецами и прорицателями, понимающими их эзотерический смысл". Многочисленные монументы Паленки и Копана исписаны подобными иероглифами. Все "жрецы и прорицатели" были убиты католическими фанатиками, — вместе с ними умерла и их тайна.

Практически все курганы Северной Америки состоят из террас, на вершину которых ведут большие пологие ступени. В основании их лежит иногда квадрат, иногда шести или восьмиугольник, вершина у них часто усеченная. Во всех отношениях они похожи на *теокалли* Мексики и *ступы* Индии.

И как создание последних повсюду в этой стране приписывается пяти пандавам Лунной расы, так же циклопические монументы и монолиты на берегах озера Титикака, в республике Боливия, приписываются творению гигантов, пяти изгнанным братьям "из-за горь". Они поклонялись *Луне как своему Прародителю*, и жили во времена, предшествовавшие приходу "Сынов и Дев *Солнца*". Сходство арийской традиции с южно-американской здесь, опять-таки, слишком очевидно; солнечная и лунная расы — сурьяванша и чандраванша — возрождаются в Америке.

Озеро Титикака, расположенное в центре одного из наиболее примечательных тектонических бассейнов на поверхности земли, протянулось "на 160 миль в длину и от 50 до 80 миль в ширину. Оно несет свои воды через долину Эль Десагуадеро на юго-восток, в другое озеро, называемое Оллекас, которое, вероятно, сохраняет свой пониженный уровень в результате испарения или фильтрации, поскольку сток его так и не найден. Поверхность этого озера возвышается на 12.846 футов над уровнем моря, и оно, таким образом, является самым большим высокогорным водоемом в мире". Поскольку уровень воды в озере сильно понизился за прошедший исторический период, есть все основания полагать, что когда-то вода окружала приподнятый участок земли, на котором обнаружены замечательные руины Тиауанако.

Последние, без сомнения, представляют собой памятники эпохи аборигенов, предшествовавшей периоду инков, столь же удаленной, как и эпоха дравидов и других народов, населявших Индию до прихода ариев. Хотя традиции инков упоминают о том, что великий законодатель и наставник перуанцев, Манко Капак (Ману Южной Америки), распространял свое знание и влияние из этого центра, все же это утверждение не подтверждается фактами. Если аймары, или "раса инков", берут свое происхождение именно отсюда, как утверждают некоторые источники, то почему же ни инки, ни аймары, живущие на берегах озера и по сей день, ни тем более древние перуанцы, не имеют ни малейшего представления о своей истории? Кроме неясных преданий, повествующих о "великанах", построивших эти громадные сооружения за одну ночь, мы не находим ни малейшего ключа к разгадке. И мы имеем все основания сомневаться в том, что инки вообще принадлежат к расе аймаров. Инки ведут свое происхождение от Манко Капака, сына Солнца, а аймары считают этого законодателя своим наставником и основателем

их цивилизации. И все же ни инки периода испанского завоевания, ни аймары не предоставили доказательств этому. Язык последних сильно отличается от *иничуа* — языка инков; к тому же они были единственным народом, не утратившим своего языка после их завоевания потомками Солнца, как об этом повествует д-р Хит.

Эти руины имеют все признаки глубочайшей древности. Некоторые имеют форму пирамиды, как и большинство американских курганов, и занимают несколько акров земли; в то время как монолитные ворота, колонны и каменные идолы, покрытые столь искусной резьбой, "высечены *в стиле, совершенно отличном* от любых других искусственных останков, обнаруженных в Америке". Д'Орбиньи рассказывает об этих руинах с исключительным вдохновением.

"Эти памятники", — говорит он, — "состоят из кургана высотой около 100 футов, окруженного колоннадой; из храмов от 600 до 1.200 футов в длину, сориентированных точно на восток и украшенных колоссальными угловыми столпами; из портиков, высеченных из цельного камня, покрытых искусными барельефами, символически представляющими Солнце и кондора, его посланника; из базальтовых статуй с нанесенными на них барельефами, в которых поворот вырезанной из камня головы почти соответствует египетским изображениям; и, наконец, из внутренней части дворца, сложенной из хорошо подогнанных гигантских скальных блоков, размеры которых часто достигают 21 фута в длину, 12 — в ширину и 6 — в высоту. В храмах и дворцах порталы не наклонены, как у инков, но перпендикулярны; и их внушительные размеры и громадный вес превосходят по своей красоте и грандиозности все то, что было построено впоследствии суверенами Куско".¹

1 А. Д. д'Орбиньи: "Voyage dans l'Amérique Méridionale", 1839-42.

Подобно другим своим коллегам-исследователям, мосье д'Орбиньи убежден, что эти руины были созданы расой, жившей задолго до инков.

В основе реликтов на озере Титикака лежат два различных архитектурных стиля. Развалины острова Коати, например, во всех своих деталях сходны с руинами Тиуанако; к ним относятся и большие каменные блоки, сплошь покрытые рельефами, некоторые из которых, согласно сообщениям исследователей, проводивших замеры в 1846 году, достигают

"3-х футов в длину, 18-ти футов в ширину и 6-ти футов в высоту"; в то же время на некоторых островах озера Титикака сохранились памятники огромного размера, "но истинно перуанского типа, предположительно, останки храмов, разрушенных испанцами". Знаменитое святилище с человеческой фигурой внутри принадлежит к первому типу. Его портал, имеющий 10 футов в высоту, 13 футов в ширину, с входным отверстием в 6 футов 4 дюйма на 3 фута 2 дюйма, высечен из цельного камня. "Его восточная стена имеет карниз, в центре которого находится человеческая фигура странной формы, *увенчанная лучами*, чередующимися со змеями, головы которых украшены гребнем. По обе стороны от этой фигуры располагаются три ряда отделений, заполненных человеческими и другими фигурами, имеющими явно символическое значение..." Если бы этот храм находился в Индии, он без сомнения был бы посвящен Шиве; но он в другом полушарии, куда никогда не ступала нога ни шиваита, ни кого-либо из племени нагов, насколько это известно, хотя у мексиканских индейцев и есть свой *нагуаль*, или главный колдун и хранитель культа змей. Руины раскинулись на возвышенности, которая, судя по отметкам, оставленным вокруг нее водой, когда-то, вероятно, была островом озера Титикака, и "поскольку уровень озера понизился к настоящему времени на 135 футов, а его берега удалились на 12 миль, этот факт, в связи со всеми остальными, подтверждает предположение о том, что эти останки древнее любых других известных в Америке".¹ Следовательно, все эти реликвии единодушно приписываются одному и тому же "таинственному народу, который предшествовал перуанцам, как тульхуатеки, или тольтеки, — ацтекам. По-видимому, здесь обитала самая древняя цивилизация Южной Америки, народ которой оставил после себя такие гигантские памятники своего могущества и мастерства"... И все такие монументы являются либо *драконтиями* — храмами, посвященными Змею, либо храмами Солнца.

1 "Новая Американская энциклопедия", статья: "Теотиуакан".

Того же самого характера и разрушенные пирамиды Теотиуакана, и монолиты Паленке и Копана. Первые находятся примерно в восьми лье от города Мехико, на равнине Отумла, и признаются самыми древним в этой стране. Каждая из двух

основных посвящена Солнцу и Луне, соответственно. Они построены из обработанного камня, имеют квадратную форму, четыре яруса и плоскую площадку на вершине. Самая большая, посвященная Солнцу, имеет 221 фут в высоту, 680-футовый квадрат в основании, и занимает площадь в 11 акров, почти равную пространству, которое покрывает пирамида Хеопса. И все же, согласно Гумбольдту, пирамида Чолула выше пирамиды Теотиуакана на десять футов и, имея в основании квадрат со сторонами в 1.400 футов, занимает площадь в 45 акров!

Интересно послушать, что говорят предыдущие авторы — историки, видевшие их во время первого завоевания, — к примеру, хотя бы о самом позднем из этих строений, большом храме Мехико. Он состоял из огромной площадки квадратной формы, "окруженной восьмифутовой стеной из известкового камня, с зубцами, украшенными множеством каменных барельефов *в виде змей*", — повествует один. Кортес утверждает, что на огороженной территории могли бы легко разместиться 500 домов. Внутри он был вымощен каменными плитами, столь гладко отполированными, что "лошади испанцев не могли ступить по ним и шагу, не поскользнувшись", — пишет Бернал Диас.¹ В связи с этим мы должны вспомнить, что это не испанцы завоевали Мексику, но их *лошади*. Так как никто из коренных американцев никогда не видел лошадей, вплоть до момента высадки на берег первых европейцев, аборигены, хотя и наделенные исключительной храбростью, "были настолько уstraшены видом лошадей и ревом артиллерии", что поверили в божественное происхождение испанцев и послали им людей в качестве жертвоприношения. Эта суеверная паника в достаточной мере объясняет историческую загадку, каким образом кучка людей смогла столь легко одержать победу над неисчислимыми тысячами воинов.

Согласно Гомаре,² четыре стены, огораживающие храм, соответствуют четырем сторонам света. В центре этой гигантской площадки возвышается большой храм, огромное пирамидальное здание в восемь этажей, облицованное камнем, с квадратом со сторонами в 300 футов у основания и 120 футов в высоту, усеченное и имеющее плоскую вершину, на которой расположены две башни, места поклонения двум божествам, которым посвящен храм — Тескатлипока и Уицилопочтли. Именно здесь совершались жертвоприношения, и *поддерживался вечный огонь*. Клавигеро доводит до нашего

сведения, что помимо этой великой пирамиды существовали еще сорок подобных сооружений, посвященных различным божествам. Одно носило название *тескакали*, "дом Сверкающих Зеркал, посвященный *Тескатлипоке*, Богу Света, Душе Мира, Жизнедателю, Духовному Солнцу".³

1 Б. Д. дель Кастильо: "Historia Verdadera de la Conquista de la Nueva España".

2 Ф. Л. де Гомара: "Historia de las Indias y Crónica de la Conquista de la Nueva España", Медина, 1553.

3 Ф. Х. М. Клавигеро: "Storia Antica del Messio", Чезена, 1780-81.

Жилища жрецов, количество которых, согласно Сарате,¹ достигало 8.000, располагались неподалеку, так же как семинарии и школы. Были обустроены многочисленные пруды и фонтаны, рощи и сады, в которых цвели и благоухали различные растения, используемые в некоторых священных ритуалах и для украшения алтарей; а внутренний двор храма был столь велик, что, по словам Солиса, — "8 или 10 тысяч человек могли свободно отплясывать там во время торжественных празднований".² Торквемада оценивает количество таких храмов в Мексиканской империи в 40.000, но Клавигеро, говоря о величественных *теокаллиях* (буквально, домах Бога), называет еще большую цифру.

Черты сходства между древними святынями Старого и Нового Света столь поразительны, что сам Гумбольдт, не в силах сдержать свое изумление, восклицает:

"Какие удивительные аналогии просматриваются между монументами старых континентов и подобными памятниками тольтеков, которые ... построили свои колоссальные сооружения, усеченные многоступенчатые пирамиды, подобно храму Бела в Вавилоне! Откуда они взяли образчик для подражания?"³

Знаменитый натуралист мог бы также поинтересоваться, откуда мексиканцы унаследовали все свои *христианские* добродетели, будучи всего-навсего бедными язычниками? Свод законов ацтеков, по словам Прескотта, "обнаруживает заботу о главных нравственных принципах, и столь же ясное понимание этих принципов, как это пристало более культурным нациям".⁴ Некоторые из них весьма любопытны, поскольку они являют сходство с некоторыми заповедями

евангельской этики. "Тот, кто смотрит на женщину с излишним любопытством, совершает прелюбодеяние своими глазами", — гласит один из них. "Храните мир со всеми; переносите оскорбление со смирением; Бог, который видит, отомстит за тебя", — провозглашает другой. Признавая лишь единую Высшую Силу в Природе, они обращались к ней как к божеству, "которому мы обязаны своим существованием, вездесущему, всеведаящему и всеблаговому, без которого человек — ничто; невидимому, бестелесному, одинаково безупречному в совершенстве и чистоте, под чьими крылами мы обретаем покой и полную защиту". И, давая имена своим детям, говорит лорд Кингсборо, "они совершали ритуал, странным образом похожий на христианский обряд крещения: губы и грудь младенца окроплялись водой, и Господа умоляли *смыть грех*, который был дан от основания мира, *так, чтобы ребенок смог родиться заново*". "Их законы были совершенны; справедливость, довольство и мир царили в стране этих темных язычников", когда разбойники и иезуиты Кортеса высадились в Табаско. Столетия убийств, грабежей и насильного обращения в другую веру привели тому, что этот тихий, безобидный и мудрый народ стал таким, каким мы его видим сегодня. Догматическое христианство извлекло из них всю выгоду, какая только была возможна. И тот, кто когда-либо бывал в Мексике, знает, что это означает. Страна переполнена кровожадными христианскими фанатиками, ворами, бродягами, пьяницами, дебоширами, убийцами и самыми отвратительными в мире лжецами! Мир и слава вашему праху, о, Кортес и Торквемада! Перестаньте, хотя бы в этом случае, хвастаться просвещенностью *вашего* христианства, обрушившегося на бедных, и когда-то добродетельных, язычников!

1 А. де Капте: "Historia del descubrimiento y Conquista de la provincia del Peru", Антверпен, 1555.

2 Р. А. де Солис: "Historia de la Conquista de la Mexico", Мадрид, 1684.

3 А. фон Гумбольдт: "К изучению обычаев и памятников древних жителей Америки", Лондон, 1814.

4 У. Х. Прескотт: "История завоевания Мексики".

III

Руины Центральной Америки впечатляют не в меньшей степени. Массивные, с невероятно толстыми стенами, они, как правило, снабжены широкими лестницами, ведущими к главному входу. В многоэтажных строениях каждый последующий этаж обычно меньше предыдущего, что придает им вид многоярусной пирамиды. Внешние стены, либо каменные, либо оштукатуренные, покрыты искусно вырезанными, символическими фигурами; а внутренняя часть здания состоит из коридоров и темных камер с арочными перекрытиями; своды поддерживаются перекрывающими друг друга горизонтальными рядами камней, "образующими конические арки, сходные по своему типу с древнейшими памятниками Старого Света". В некоторых камерах в Паленке Стивене нашел таблички, покрытые странными барельефами и иероглифами искусного исполнения. В Гондурасе, в районе Копана, Стивене и Катервуд раскопали в старом лесу целый город — храмы, дома и огромные монолиты с витиеватой резьбой на них. Барельефы и общий стиль Копана уникальны, и нигде, кроме Квиригуа и островов озера Никарагуа, более не было обнаружено ничего подобного или хотя бы приближающегося к этому стилю. Никто не может расшифровать таинственные иероглифические надписи на этих алтарях и монолитах. За исключением нескольких строений из необработанного камня, "Копану можно с уверенностью приписать возраст более древний, чем любому другому из всех известных нам памятников Центральной Америки", — говорится в "Новой Американской энциклопедии". Во время испанского завоевания руины Копана давно уже были преданы забвению, воспоминания о которых оставались лишь в наиболее смутных и неясных преданиях.

Не менее экстраординарны и останки различных эпох в Перу. Руины Храма Солнца в Куско все еще производят впечатление, несмотря на то, что мстительная рука испанских вандалов тяжело прошла по нему. Если мы можем поверить рассказам самих завоевателей, то по прибытии туда они обнаружили, своего рода, сказочный замок. В самом центре города располагался главный храм, с прилегающими к нему часовнями и строениями, окруженный со всех сторон гигантской каменной стеной, и даже его развалины непременно вызывают восхищение у путешественника.

"За священной оградой были вырыты акведуки; также внутри были разбиты сады и проложены дороги, окруженные по бокам кустами и цветами из золота и серебра, точно повторяющими творения живой природы. За ним следили 4.000 жрецов... Земля на 200 шагов вокруг храма считалась священной, и никому не позволялось пересекать ее границы, не сняв обувь".¹

Кроме этого великого храма, в Куско было еще 300 других менее значимых храмов. Следующим после него по великолепию был священный храм Пачакамак. Еще один большой храм Солнца упоминается Гумбольдтом; также, "в основании Каннарского холма находилось когда-то знаменитое святилище Солнца, отмеченное универсальным символом этого светила, созданным самой природой на поверхности огромной скалы". Со слов Романа, "храмы Перу были построены на возвышенных местах или вершинах холмов, и были окружены тремя-четырьмя кольцевыми земляными валами, один внутри другого".² Другие развалины, обращающие на себя внимание — особенно это касается курганов, — состоят из двух, трех и четырех окружностей, сооруженных из каменных глыб. Недалеко от города Кайамбе, на том самом месте, где Уоля обнаружил и описал древний перуанский храм, "совершенно круглой формы, и без крыши",³ есть и другие подобные *кромлехи*. Прочитируем статью, опубликованную в "*Madras Times*" за 1876 год, в которой м-р Дж. Г. Риветт-Карнак дает исчерпывающую информацию о наиболее интересных курганах в окрестностях Бангалора:⁴

1 Гарсиласо де ла Вега: "Comentarios reales que tratan del origen de los Incas".

2 Роман-и-Замора: "Republicas del mundo", 1575.

3 А. д'Уоля: "Relación histórica del viaje a America Meridional", Мадрид, 1748.

4 Дж. Г. Риветт-Карнак: "Археологические заметки о древних скальных скульптурах Кумаона, Индия", похожих на те, что обнаружены на монолитах и скалах в Европе.

"Невдалеке от селения обнаружено не менее сотни кромлехов. Эти кромлехи состоят из отдельных каменных концентрических окружностей, некоторые из них трех-четырёхслойные. Один из них, самый примечательный, выложен из больших каменных глыб, составляющих четыре

окружности, и называется местными жителями *Пандавара Гуди*, или храмом Пандавов... Возможно, это единственный случай, когда местные жители как один признают сооружения такого рода храмом исчезнувшей, если не мифической, расы. Многие из этих сооружений состоят из трех, некоторые из двух, а реже из одной каменной окружности".

Аризонские индейцы Северной Америки, обитающие вдоль 35-го градуса северной широты, и поныне сохраняют свои примитивные алтари, состоящие из точно таких же окружностей; и их священный источник, открытый майором Альфредом Р. Калхоуном, членом Геологического общества, офицером-топографом армии США, окружен такими же символическими каменными кольцами, какие лежат в основе Стоунхенджа и других мест.

Наиболее интересное и полное описание перуанских древностей из всех, что мы прочитали за долгое время, вышло из-под пера уже упомянутого м-ра Хита из Канзаса. Сжато излагая обширную картину этих развалин на ограниченном пространстве нескольких страниц периодического издания,¹ он все же ухитрился дать мастерское и живое изображение всего их великолепия. Многие спекулянты разбогатели за несколько дней, оскверняя *уаки*.² Останки бесчисленных поколений неизвестных народов, которые покоились там в неприкосновенности — кто знает, как много веков, — ныне оставлены святотатцами-кладоискателями рассыпаться в пыль под жарким тропическим солнцем. Выводы д-ра Хита, возможно еще более поразительные, чем его открытия, достойны того, чтобы упомянуть о них здесь. Вкратце мы процитируем его описание:

1 См. "Kansas City Review of Science and Industry", ноябрь, 1878.

2 *У́ака* — дух, святыня, в представлениях индейцев кечуа, обладающая сверхъестественной силой. Это мог быть храм, идол, ритуальный сосуд или камень необычной формы. С *уакой* связывалась духовная жизнь, как отдельного человека, так и всего племени. — *Прим. редактора.*

"В долине Хекетепеке, в Перу, в четырех милях к северу от порта Пакасмайю, расположенного на 70° 24' южной широты, течет река Хекетепеке. Вблизи от ее южного берега находится

высокая терраса квадратной формы со сторонами в четверть мили и сорока футов в высоту, сложенная целиком из обожженных на солнце кирпичей. Стена шириной в 50 футов связывает ее с другой террасой, имеющей 150 футов в высоту, 200 футов в вершине и 500 в основании, имеющем приблизительно квадратную форму. Последняя разбита на секции, представляющие собой камеры, имеющие десять футов в основании, шесть футов в вершине и около восьми футов в высоту. Все подобного рода курганы — либо храмы для поклонения солнцу, либо, по-видимому, крепости, — имеют со своей северной стороны покатую поверхность для подъема. Кладовщики проникли в один из них и, по слухам, добравшись до середины, обнаружили золотые и серебряные украшения на 150.000 долларов". Это место явилось последним пристанищем для многих тысяч людей, и неподалеку были найдены скелеты, в изобилии снабженные украшениями из золота, серебра, меди, кораллов и т. д. "К северу от реки раскинулись обширные развалины окруженного стеной города, занимающие две мили в ширину и шесть в длину... Следуя вдоль реки по направлению к горам, вы все время будете пересекать руины за руинами, и уаку за уакой" (места погребений). Близ Толона есть другой разрушенный город. Пятью милями выше по реке "находится отдельно стоящая гранитная глыба, имеющая 4-6 футов в обхвате, сплошь покрытая иероглифами; еще через четырнадцать миль, на высоте более чем пятьдесят футов, в месте, где сходятся два ущелья, вершину горы покрывают такого же рода иероглифы — птицы, рыбы, змеи, кошки, обезьяны, люди, солнце, луна и многие другие фигуры, смысл которых ныне понять невозможно. Скала, на которой они вырезаны, состоит из силикатного песчаника, а многие линии имеют глубину в одну восьмую дюйма. В одном большом камне проделаны три отверстия, тридцати-сорока дюймов в глубину, шести дюймов у основания на поверхности и двух дюймов в глубине... В Анчи, на реке Римаке, на поверхности отвесной стены, на высоте свыше 200 футов над рекой, есть два иероглифа, представляющие собой неясно выраженную букву "B" и вполне очевидную "D". В расщелине под ними, у реки, были найдены спрятанные сокровища из серебра и золота стоимостью 25.000 долларов. Когда инки получили известие о гибели своего вождя, что сделали они с тем золотом, которое предназначалось для его выкупа? Согласно устной традиции, они его закопали... Не об этом ли повествуют нерасшифрованные надписи в Йонане, коль скоро они расположены на дороге, ведущей к городу инков?"

Цитируемая выше статья была опубликована в ноябре 1878 года, в то время как в октябре 1877, в своей книге

"Разоблаченная Изида",¹ я привела легенду, которую, по причинам, которые было бы слишком долго объяснять, я считаю совершенно правдоподобной. Она имеет отношение к тем самым захороненным сокровищам, которые должны были послужить выкупом за Инка. Один журнал, скорее язвительный, нежели учтивый, сравнил ее с баснями барона Мюнхгаузена. Тайной со мной поделился один перуанец. В Арике, по пути из Лимы, возвышается огромная скала, которая по преданию считается местом погребения инков. Когда последние лучи уходящего солнца касаются поверхности этой скалы, можно увидеть любопытные иероглифы, написанные на ней. Эти знаки являются одним из ориентиров, указующих на то, как пройти к бесчисленным сокровищам, погребенным в подземных проходах. Подробности этого приводятся в "Изиде",² и я не буду повторять их. Весомые доказательства в подтверждении этому можно обнаружить ныне во многих современных научных работах; и отмахнуться от этого утверждения сегодня труднее, чем в то время, когда оно было высказано.

1 См. том I, стр. 791-792. — *Прим. редактора.*

2 Там же, стр. 792-795. — *Прим. редактора.*

В нескольких милях за Йонаном, на горном кряже, возвышающемся над рекой на высоте 700 футов, расположены стены другого города. Через шесть и двенадцать миль на пути возникают обширные стены и террасы; в семидесяти восьми милях от побережья, "вы поднимаетесь по зигзагообразному склону горы на высоту 7.000 футов, затем спускаетесь на 2.000" и прибываете в Кохамалку, город, где и поныне стоит дом, в котором томился в качестве узника Атауальпа, несчастный Инка, заключенный сюда вероломным Писарро. Это тот самый дом, который Инка "обещал наполнить золотом настолько, насколько смогут дотянуться руки завоевателей, в обмен на собственную свободу" в 1532 году. Он сдержал свое слово, наполнив его золотом общей стоимостью в 17,500.000 долларов, но Писарро, этот бывший испанский свинопас и достойный прислужник священника Эрнандо де Лугеса, убил его, невзирая на данное им клятвенное обещание. В трех милях от этого города "есть стена, неизвестно кем построенная. Она скреплена цементом, причем этот цемент прочнее самих камней... В Чепене есть гора, обнесенная стеною двадцатифутовой высоты, вершина которой полностью

искусственная. В пятидесяти милях к югу от Пакасмайо, между морскими портами Уанчако и Трухильо, расположены руины Чан-Чан, столицы царства Чиму... Дорога из порта в город, построенная на земляной насыпи высотой в четыре фута, ведет через эти руины, петляя от одной группы развалин к другой; под нею проложен тоннель". Независимо от того, были ли они в прошлом фортификационными сооружениями, замками, дворцами или могильными курганами, именуемыми "уаками", — все они ныне носят название "уака". Часы, проведенные в верховых прогулках среди этих руин, дают лишь весьма путаное представление о них, и никакой исследователь не смог бы определить, где были дворцы, а где — хижины... Строительство столь высоких ограждений, должно быть, потребовало затраты невероятного количества труда.

Для того чтобы дать некое представление о богатствах, найденных в этой стране испанцами, мы приведем следующий отрывок, выписанный м-ром Хитом из записей муниципалитета города Трухильо. Это копия отчета, обнаруженного в книге, содержащей сведения о внесении в казну пятой доли от найденных сокровищ за период с 1577 по 1578 год, и о кладах, найденных в "Уаке Толедо" одним-единственным человеком.

- (1). В Трухильо, Перу, 22-го июля 1577 года, дон Гарсиа Гутиеррес де Толедо явился в королевскую казну, чтобы внести в королевский фонд пятую долю сокровищ. Он принес слиток золота весом в 19 карат и оцененный в 2.400 испанских долларов, стоимость пятой части которого составила 708 долларов, включая полтора процента главному пробырщику, каковая сумма и была положена в королевское хранилище.
- (2). 12-го декабря он явился с двумя слитками золота весом в 15 и 19 карат, оцененными в 8.918 долларов.
- (3). 7-го января 1578 года он пришел выплатить пятую часть от больших золотых слитков и пластин, общим числом 150 штук, весом от 15 до 20 карат, оцененными в 153.280 долларов.
- (4). 8-го марта он принес шестнадцать слитков золота, весом от 14 до 21 карата, оцененные в 21.118 долларов.
- (5). 5 апреля он принес разнообразные золотые орнаменты, представляющие собой небольшие золотые полоски, с нанесенным на них узором в виде початков кукурузы, и другие изделия весом в 14 карат, оцененные в 6.272 доллара.

- (6). 20 апреля он принес три небольших слитка золота, весом 20 карат, оцененные в 4.170 долларов.
- (7). 12 июля он пришел с сорока семью слитками, весом от 14 до 21 карата, оцененными в 777.312 долларов.
- (8). В тот же самый день он вернулся с другой порцией золота, орнаментированного кукурузными початками и фрагментами изображений животных, оцененной в 4.704 доллара.

"Общая сумма принесенного за эти восемь раз составила 278.174 золотых долларов, или испанских унций. Умножив эту сумму на шестнадцать, получим 4.450.784 серебряных доллара. За вычетом королевской пятой части — 985.953 доллара 75 центов, доля самого Толедо составляла 3.464.830 долларов 25 центов! Даже после такого огромного трофея, время от времени находили золотые изображения различных животных. Так же были выкопаны мантии, украшенные квадратными золотыми пластинами, и одеяния из разноцветных перьев. Существует поверье, согласно которому в уаке Толедо были сокрыты два клада, известные как большая и малая рыбы. Считается, что открыта лишь малая. Между Уачо и Сапе (последний находится в 120 милях к северу от Кальяо), неподалеку от населенного пункта, называемого Атауанки, расположены два огромных кургана, имеющие сходство с Кампаной и Сан-Мигелем в долине Уатика, к описанию которых мы вскоре перейдем. Примерно в пяти милях от Патавилки (на юг, недалеко от Сапе), есть место, называемое *Парамонга*, или крепость. Руины крепости, занимающие огромное пространство, хорошо просматриваются; стены ее сложены из обожженной глины и имеют толщину шесть футов. Главное строение возведено на вершине холма, но стены, окружающие его, спускаются к его подножию, образуя хорошо укрепленную линию обороны; лестничные пролеты выются вокруг холма подобно лабиринту, и их многочисленные повороты, вероятно, служили для защиты этого места. В близлежащих окрестностях были отрыты многочисленные сокровища, спрятанные там, вероятно, доисторическими индейцами, так как не имеется никаких свидетельств того, что инки когда-либо заселяли данную область Перу, покорив эту страну".

В окрестностях Анкона, в радиусе шести-восьми миль, "повсюду вы можете увидеть черепа, кости ног, рук и целые скелеты, разбросанные на песке... В Пасамайо, в сорока милях к северу", на морском побережье есть еще одно большое захоронение. Тысячи скелетов лежат на поверхности, выброшенные кладоискателями. Надо преодолеть более полумили, чтобы пересечь его... Оно простирается по склону

холма от побережья до высоты почти 800 футов... Откуда появились эти сотни и тысячи людей, погребенных в Анконе? Снова и снова перед археологами встают такие вопросы, на которые они могут лишь пожать плечами и повторить вслед за местными жителями — "*Quien Sabe?*" — кто знает?

Д-р Хатчинсон пишет в номере "South Pacific Times" за 30 октября 1872 года:

"Я пришел к заключению, что Чанкай — это великий город мертвых, или в прошлом огромное кладбище Перу; ибо, куда бы вы ни пошли, на вершину горы, на плоскую равнину или на морской берег, везде вы встретите черепа и кости всевозможных видов".

В долине Уатика, сплошь покрытой руинами, расположены семнадцать курганов, называемых "уаками", хотя, как отмечает автор, "выглядят они скорее крепостями или замками, чем могильниками". Тройная стена окружает город. Эти стены местами имеют толщину в три ярда и достигают пятнадцати-двадцати футов в высоту. На востоке от него расположен огромный курган, называемый Уака Пандо ... и внушительные развалины крепости, которую местные жители называют Узкой Колокола. Уаки Пандо, *la conpañía* [заодно, исп.], включают в себя ряд больших и малых курганов, количество коих не возможно указать без проведения точных подсчетов, и представляют собой огромное их скопление. Вышеупомянутый курган "Колокол" имеет высоту 110 футов. Ближе к Кальяо расположено прямоугольное плато (протяженностью 278 ярдов и 96 в поперечине), с вершины которого спускаются восемь пологих ярусов, каждый из которых на один-два ярда ниже предыдущего, и в совокупности дающие в длину и ширину около 278 ярдов, согласно вычислениям профессора естественной истории из Мичигана Дж. Б. Стира.

Вышеупомянутое прямоугольное плато у основания разделяется на две части ... каждая из которых является почти правильным квадратом 47 на 48 ярдов; оба они соединяются вместе и образуют площадку в 96 ярдов. Кроме этой площадки имеется и другой прямоугольник размером 47 на 48 ярдов. Вернувшись обратно на вершину, мы обнаружим здесь ту же самую симметрию измерений, кратную двенадцати, и, что весьма любопытно, почти все руины в этой долине отличаются тем же самым. Что это, случайность или замысел?.. Курган имеет форму усеченной пирамиды, его объем, согласно вычислениям, составляет 14.641.820 кубических футов...

"Крепость" представляет собой гигантское сооружение высотой 80 футов, со сторонами 150 ярдов. На вершине проглядывают очертания больших квадратных комнат, но они засыпаны землей. Кто принес туда эту землю, и с какой целью заполнил ею комнаты? Работа по заполнению этих комнат рыхлой землей представляется почти столь же сложной, как и строительство самого этого здания... В двух милях к югу перед нашим взором открывается другое подобное сооружение, еще более обширное и с большим количеством помещений... Оно имеет около 170 ярдов в длину, 168 в ширину и 98 футов в высоту. Все эти руины ... окружены высокой стеной из адобов — огромных глиняных кирпичей, некоторые из которых достигают 1 ярда в ширину и 2 ярдов в длину. Уака "Колокола" содержит в себе около 20.220.840 кубических футов строительного материала, а "Сан-Мигель" — 25.650.800. Оба эти здания, со своими террасами, парапетами и бастионами, с огромным количеством комнат и квадратных площадок, — ныне до верху заполнены землей!

Неподалеку от "Мира Флорес" находится Очеран — самый большой из курганов в долине Уатика. Он имеет высоту 95 футов, ширину у вершины 55 ярдов, и общую длину 428 ярдов, или 1.284 фута, *то есть кратное двенадцати число*. Он окружен двойной стеной, 816 ярдов в длину и 700 в поперечнике, которая заключает в себе 117 акров земли. Между Очераном и океаном расположены от 15 до 20 скоплений руин подобных тем, что уже были описаны.

Храм Солнца инков, подобно храму Чолула в мексиканских прериях, относится к разновидности широких террасированных земляных пирамид. Он имеет 200-300 футов в высоту, и образует фигуру в форме полумесяца протяженностью свыше полумили. Площадь его вершины составляет около 10 акров. Во многих местах его стены покрыты красной краской и выглядят такими же свежими и яркими, как и много веков назад, когда они были только что сложены... В долине Канет, расположенной напротив островов Чинча Гуано, находятся огромные руины, описанные Скуайером. На холме, называемом "Золотым Холмом", были найдены медные и серебряные булавки, подобные тем, которыми дамы закалывают свои шали; также щипчики для выщипывания волос на бровях, веках и висках, и серебряные чашки.

"Побережье Перу", — говорит м-р Хит, — "простирается от Тумбеса до реки Лоа на протяжении 1.233 мили. Вдоль него рассеяны тысячи руин, не считая уже упомянутые выше. Повсеместно почти каждый холм и каждая вершина горы имеет на себе или около себя какую-либо реликвию прошлого, и в каждом ущелье, от побережья и до центрального плоскогорья, расположены останки стен, городов, крепостей, гробниц, и многие-многие мили террас и водопроводов. Если вы пересечете это плоскогорье и спуститесь по восточным склонам Анд к жилищам диких индейцев, то вы обнаружите то же самое. Однако в горах, где с небес постоянно низвергаются потоки дождя и снега, сопровождаемые ужасающими раскатами грома и молниями, и так на протяжении многих месяцев в году, развалины выглядят иначе. Сделанные из гранита, порфиритового известняка или силикатного песчаника, эти массивные, колоссальные, циклопические постройки сопротивляются разрушению временем, геологическими процессами, землетрясениями и кощунственными руками завоевателей и кладоискателей. Каменная кладка, лежащая в основании стен, храмов, домов, башен, крепостей или гробниц, сложена без применения цемента и удерживается на своем месте благодаря смещению центра тяжести и точной подгонке каждого камня к тому месту, которое ему предназначено; камни имеют шесть и более граней, и каждая из них ошлифована и притерта одна к другой с такой точностью, что тонкое лезвие перочинного ножа не может быть вставлено ни в один из стыков, ни в полностью скрытой средней части кладки, ни на внешней или же внутренней поверхности. Эти камни, выбранные безо всякого намека на единообразие по форме или величине, варьируют от полутора до 1.500 кубических футов, и если вы среди *многих, многих миллионов* камней сможете обнаружить один, который может быть поставлен на место другого, то это будет чистой случайностью. На *Триумфальной улице* в городе Куско, в стене одного древнего дома Дев Солнца есть очень большой камень, известный как *камень с двенадцатью углами*, потому что он соединен с окружающими его камнями двенадцатью сторонами, каждая из которых имеет свой угол наклона. Кроме этих двенадцати граней он имеет внешнюю сторону, и никто не знает, сколько граней сокрыто внутри кладки. В стене в центре крепости Куско есть камни 13 футов в высоту, 15 футов в длину и 8 футов в толщину, и все они были добыты в карьерах за несколько миль отсюда. Невдалеке от этого города лежит продолговатый гладкий валун, имеющий 18 футов в своей длинной оси и 12 — в короткой. С одной его стороны вырезаны просторные ниши, в которых человек может стать в полный рост и, раскачивая свое тело, заставить

камень качаться. Эти ниши, безусловно, были сделаны именно для этой цели. Одним из наиболее удивительных и пространных каменных творений является так называемый Ольянтайтамбо, руины которого находятся в 30 милях к северу от Куско, в узком ущелье на берегу реки Урубамба. Они состоят из крепостных сооружений, расположенных на вершине покатой скалистой возвышенности. От простирающейся внизу равнины к ним поднимается каменная лестница. В верхней части лестницы, одна к другой, уложены шесть массивных плит, имеющих 12 футов в высоту, 5 футов в ширину и 3 фута в толщину; снаружи между ними проглядывают тонкие каменные полоски шириной около 6 дюймов, идеально подогнанные к плитам и отшлифованные. У подножия холма, частично насыпанного вручную, и у начала лестницы проходит каменная стена 10 футов в ширину и 12 футов в высоту, уходящая на некоторое расстояние на равнину. В стене имеются многочисленные ниши, все они обращены на юг".¹

1 Э. Р. Хит: "Перуанские древности".

Руины на островах озера Титикака, откуда ведется история Инков, были уже многократно описаны.

В Тиауанако, несколькими милями южнее озера, есть камни в форме колонн, частично обработанные, расположенные вдоль одной линии на определенном расстоянии друг от друга и возвышающиеся над землей на 18-20 футов. На той же самой линии находятся монолитные ворота, ныне разрушенные, 10 футов в высоту и 13 в ширину. Дверной проем, вырезанный в цельном камне, имеет 7 футов 4 дюйма в высоту и 3 фута 2 дюйма в ширину. Вся поверхность камня над дверью покрыта резьбой. Другая подобная конструкция, но меньшего размера, лежит на земле позади них. Эти камни состоят из твердого порфирита и отличаются в геологическом отношении от окружающих скал; отсюда напрашивается вывод, что они были доставлены сюда из другого места.

В Чавин-де-Уанта, городе в провинции Уари, также есть руины, достойные упоминания. Входом в них служит коридор, 6 футов в ширину и 9 футов в высоту, перекрытый грубо обработанными плитами песчаника, и имеющий свыше 12 футов в длину. По обе его стороны расположены комнаты шириной 12 футов, перекрытия коих выполнены из больших кусков песчаника в 1^{1/2} фута толщиной и от 6 до 9 футов шириной. Стены комнат имеют толщину 6 футов, и содержат в себе отверстия, которые, вероятно, служили для вентиляции. В

полу этого коридора проделан очень узкий лаз в подземный коридор, ведущий под руслом реки на другой берег. Отсюда было извлечено множество уак, каменные сосуды для питья, медные и серебряные инструменты, и скелет сидящего индейца. Большая часть этих руин были снабжены акведуками. Мост, ведущий к этим крепостям, сложен из трех обработанных гранитных глыб, имеющих 24 фута в длину, 2 фута в ширину и $1\frac{1}{2}$ в толщину. Местами гранитные камни испещрены иероглифами.

В Кораллонесе, в 24 милях от Арекипы, на гранитных массивах вырезаны иероглифы, которые выглядят так, словно они нарисованы мелом. Это силуэты людей, лам, круги, параллелограммы, знаки, напоминающие буквы "R" и "O", и даже фрагменты астрономической системы.

В Уайтаре, в провинции Кастро Виррейна, есть величественное здание с такими же высеченными изображениями.

В Наске, провинция Ика, обнаружены удивительные руины акведуков, 4-5 футов в высоту и 3 футов в ширину, очень прямых, окруженных двойной стеной, сложенной из необработанного камня и облицованных плитами.

В Квелапе, недалеко от Чочапайяс, недавно проводились исследования обширных сооружений. Стена из обработанного камня, протяженностью 3.660 футов, имеет 560 футов в ширину и 150 в высоту. Нижняя часть ее состоит из массивных блоков. Другая стена, расположенная выше, имеет свыше 600 футов в длину, 500 в ширину, и так же возвышается на 150 футов. В обеих стенах есть ниши, высотой 3 фута, шириной и глубиной $1\frac{1}{2}$ фута, в которых хранятся останки их древних жителей, некоторые неприкрытые, другие же завернутые в разноцветные хлопковые покрывала с богатой вышивкой...

За воротами второй, расположенной выше стены, находятся гробницы, похожие на небольшие печи, 6 футов в высоту и 24 в окружности; на их дне, на каменных плитах, покоятся тела умерших. С северной стороны, на отвесном скалистом склоне, на высоте 600 футов от подножия горы, построена кирпичная стена, в которой проделаны маленькие окна. *Ни ее значение*, ни подступы к ней на сегодняшний день не известны. Искусно изготовленная посуда и утварь из золота и серебра, обнаруженная здесь, изобретательность и прочность, с какими было построено это гигантское сооружение из обработанного камня, со всей вероятностью свидетельствует о его доинковском происхождении... Если посчитать, что на

территории Перу, протянувшейся на 1.200 миль, находятся пять сотен ущелий, и в каждом из ущелий по десять миль террас, расположенных на пятидесяти уровнях, что составляет всего лишь по пять миль на двадцати пяти террасах с каждой стороны, то мы получим 250.000 миль каменных стен, в среднем трех-четырех футовой высоты, — этого достаточно, чтобы десять раз опоясать нашу землю. Сколь бы удивительной не выглядела бы эта оценка, мы совершенно уверены в том, что если бы было проведено действительное измерение, то полученная цифра была бы перекрыта более чем в два раза, поскольку длина этих ущелий варьирует от 30 до 100 миль. Только в Сан-Матео, городе в долине реки Римака, где горы возвышаются на 1.500-2.000 футов над уровнем реки, мы насчитали две сотни уровней, ни один из которых не имел меньше четырех миль, а очень многие превышали шесть миль в длину.

"Кто они", — весьма уместно спрашивает м-р Хит, — "эти люди, проложившие шестидесятимильный путь сквозь гранит; переместившие блоки твердого порфирита вааловых размеров на много миль от того места, где они были высечены, через долины, простирающиеся на тысячи футов, преодолев горы и миновав равнины, не оставив никакого следа того, как и где они это совершили; люди (предположительно) невежественные в применении дерева, использующие слабосильных лам в качестве единственных животных для перевозки грузов; люди, добывшие эти камни и подогнавшие их друг к другу с моисеевой точностью; покрывшие террасами тысячи миль горных склонов; построившие холмы из необожженного кирпича и земли и огромные города; оставившие после себя изделия из глины, камня, меди, серебра, золота и шитья, многие из которых невозможно повторить в наше время; люди, явно соперничающие с дивами в богатстве, с Геркулесом — в силе и энергии, и с муравьями и пчелами — в трудолюбии?"

Кальяо был затоплен в 1746 году и полностью разрушен. Лима превратилась в руины в 1678 г.; в 1746 году остались стоять лишь 20 домов из трех тысяч, в то время как древние города в долинах Уатика и Луриин все еще пребывают в сравнительно хорошей сохранности. Сан-Мигель де Пиро, основанный Писарро в 1531 году, был полностью разрушен в 1855, в то время как древние руины недалеко от него мало пострадали. Город Арекипа был разрушен в августе 1868 года, но руины рядом с ним не претерпели никаких изменений. По крайней мере, в инженерном искусстве настоящее может поучиться у

прошлого. Как, впрочем, и во многих других областях, что мы надеемся показать далее.

IV

Как мы уже отметили, относить все эти циклопические сооружения к временам инков — это еще более необосновано, и выглядит еще большим заблуждением, чем широко распространенная ошибка, состоящая в том, чтобы приписывать буддийским строителям каждый пещерный храм в Индии. Как свидетельствуют многие научные авторитеты — в том числе и д-р Хит, — история инков прослеживается назад лишь до одиннадцатого века н. э., и периода, прошедшего с того времени до начала завоевания, явно недостаточно для того, чтобы объяснить, откуда взялись столь гигантские и многочисленные строения; испанские историки знают об этом не больше, чем наши. К тому же мы не должны забывать о том, что языческие храмы были предметами ненависти для слепых и ограниченных фанатиков римского католицизма тех времен; и что при любой возможности они либо превращали их в христианские церкви, либо разрушали до основания. Другое серьезное возражение против этой идеи состоит в том факте, что инки были лишены письменного языка, а эти древние останки ушедших эпох покрыты иероглифами.

"Принято считать, что Храм Солнца в Куско был построен инками, но он представляет собой позднейший из пяти архитектурных стилей, которые мы видим в Андах, каждый из которых, вероятно, является этапом в человеческом прогрессе".

Иероглифы Перу и Центральной Америки были, есть и, вероятнее всего, так и останутся навсегда для наших криптографов мертвыми буквами, каковыми они были и для инков. Последние, подобно древним китайским и мексиканским варварам, делали свои записи при помощи *кипу* (или узелкового письма перуанцев) — веревки, длиною в несколько футов, с которой свисали разноцветные нити, образуя пеструю бахрому; каждый цвет обозначал какой-либо определенный предмет, а узлы на нитях служили в качестве цифр.

"Таинственная наука кипу", — говорит Прескотт, — "давала перуанцам средства передачи их идей от одного человеку к

другому, и возможность обращения к будущим поколениям..."¹

1 "История завоевания Перу".

Однако в каждой местности был свой метод интерпретации этих сложных записей, а потому каждый отдельно взятый кипу понимали лишь там, где он имел хождение.

"Многие прекрасно сохранившиеся кипу были извлечены из земли, не потерявшие ни цвета, ни текстуры", — пишет д-р Хит, — "но уста, которые только и могли озвучить словесный ключ к ним, сомкнулись навеки, а искатели древностей вряд ли смогут указать точное место, где каждый из них был найден, таким образом, эти записи, которые могли поведать нам многое из того, что мы хотели бы узнать, останутся неразгаданными вплоть до последнего дня, когда откроются все тайны".

...если тогда вообще что-либо откроется. Но что *ныне* действительно является откровением, заставляющим наш мозг обрабатывать, а наше сознание столь остро воспринимать некоторые исключительные, наводящие на размышление факты, так это непрерывные открытия археологии, геологии, этнологии и других наук. Поскольку человечество существует на земле миллионы лет — что ни для кого не секрет, — убеждение в том, что теория циклов — это единственная правдоподобная теория, способная разрешить величайшие проблемы человечества, связанные с объяснением взлетов и падений бесчисленных народов и рас, и этнологических различий среди них, становится все более неопровержимым. Эти различия — которые, хотя и столь же заметны, как разница между статным и образованным европейцем и австралийским индейцем-корнеедом, все же бросают несведущего в дрожь и вызывают у него громкий протест при мысли о разрушении воображаемой "великой пропасти между человеком и неразумным созданием" — находят свое объяснение в следующем. Индеец-корнеед, за одно со многими другими более развитыми, по сравнению с ним, дикарями, которые, безусловно, принадлежат к вымирающим нациям, освобождающим пространство для людей и рас более высокого вида, должен рассматриваться в таком же аспекте, как и многочисленные вымирающие виды животных, — и не более того. Но кто может с уверенностью сказать, что предки этого плоскоголового дикаря — предки, которые, возможно, жили и процветали среди высочайшей цивилизации до ледникового

периода — не оставили далеко позади в искусствах и науках эту нынешнюю цивилизацию, —хотя они и могли двигаться в совершенно ином направлении? То, что человек жил в Америке, по крайней мере, 50.000 лет назад, сегодня доказано наукой и является неоспоримым фактом. В лекции, читанной в июне прошлого года в Манчестере м-ром Г. А. Олбуттом, почетным членом Королевского Антропологического общества, прозвучало следующее утверждение:

"Недалеко от Нового Орлеана, в одном из районов современной дельты, при разработках газового месторождения было вскрыто несколько пластов, практически полностью состоящих из растительных остатков. В выработке, на глубине 16 футов под землей, и под четырьмя слоями павших лесов, расположенных один над другим, рабочие обнаружили некоторое количество древесного угля и скелет человека, череп которого, как сообщалось, принадлежал к типу исконной краснокожей индейской расы. Возраст этого скелета был определен д-ром Даулером примерно в 50.000 лет".

Неумолимый цикл с течением времени сломил современных потомков покойного обладателя этого скелета, и они деградировали как интеллектуально, так и физически; как деградировал современный слон по отношению к своему величавому и исполинскому предку, доисторическому *sivatherium*, чьи окаменевшие останки все еще находят в Гималаях; или, как ящерица по отношению к *plesiosaurus*. Почему же человек должен быть единственным видом на земле, никогда не изменяющим свое строение с первого дня появления на этой планете? Воображаемое превосходство каждого поколения человечества над предшествовавшим ему не является все же столь обоснованным, чтобы однажды мы не додумались до того, что, также как и все на свете, эта теория имеет двусторонний аспект — непрестанный прогресс с одной стороны цикла, как и неудержимый упадок с другой. Вот что говорит по этому поводу современный ученый:

"Что касается знания и могущества, то прогресс в этой области, о котором некоторые говорят как о характерной особенности человечества, совершается благодаря выдающимся личностям, которые появляются в некоторых расах при исключительно благоприятных условиях, и в полной мере совместим с длинными периодами застоя, и даже упадка".¹

1 "Научный журнал" за февраль, статья: "О мнимом различии между человеком и животным".

Эта точка зрения находит свое подтверждение в том, что мы видим на примере современных деградировавших потомков некогда великих и могущественных рас древней Америки — перуанцев и мексиканцев.

"Как все переменялось! Как же должны были пасть инки, если маленькая группа из ста шестидесяти человек беспрепятственно проникла в их горные убежища, перебила их обожествляемых королей и тысячи их воинов, и унесла их богатства, и это в стране, где несколько человек при помощи камней могли успешно сопротивляться целой армии! Кто смог бы распознать в нынешних индейцах иничуа и аймара их благородных предшественников?.."

Так пишет д-р Хит, и его уверенность в том, что Америка была когда-то объединена с Европой, Азией, Африкой и Австралией, так же незыблема, как и наша. Наряду с интеллектуальными и духовными циклами, должны существовать геологические и физические; планеты и звезды, так же как расы и народы, рождаются для роста, прогресса, упадка и — смерти. Великие народы распадаются, рассеиваются на малые племена, утрачивают всякое воспоминание о своем единстве, постепенно впадают в первобытное состояние и — исчезают, один за другим, с лица земли. То же происходит и с великими континентами. Некогда Цейлон отделился от Индийского континента. Так же, по всей видимости, Испания когда-то была соединена с Африкой, и узкий канал между Гибралтаром и этим материком некогда был сушей. Гибралтар густо населен крупными человекообразными обезьянами того же вида, какие во множестве обитают на противоположном африканском побережье, тогда как нигде в Испании, не то что человекообразные, но и простые обезьяны не водятся. Также в пещерах Гибралтара найдено множество гигантских человеческих костей, что подтверждает теорию о существовании допотопной человеческой расы. Тот же д-р Хит упоминает о городе Итен, расположенном на 7° южной широты в Америке, обитатели которого говорят на односложном, моносиллабическом языке, понятном для привезенных туда китайских рабочих с первого же дня их прибытия. Они имели свои собственные законы, обычаи и одеяния, жили обособленно и запрещали всяческие сообщения с внешним миром. Никто не может сказать, откуда они пришли

или когда, было ли это до или после испанского завоевания. Они представляют собой живую тайну для всех, кому случается посетить их...

Имея перед собой такие факты, ставящие в тупик точную науку и демонстрирующие наше поистине полное невежество относительно прошлого, мы не признаем ни за каким человеком на земле — в области географии ли, этнологии ли, точных или абстрактных наук — права говорить своему ближнему: "вот твой рубеж, который тебе не переступить!"

Но, осознавая свой долг перед д-ром Хитом из Канзаса, талантливая и интересная статья коего снабдила нас таким количеством фактического материала и предоставила необозримое поле для обсуждения, мы не можем сделать более того, чем процитировать его заключительные выводы.

"Тринадцать тысяч лет тому назад", — пишет он, — *"Вега, или α Лиры*, была полярной звездой; сколь многим переменам на нашей планете она стала свидетелем с тех пор! Сколь многие народы и расы, появившись на свет, достигли наивысшей точки своего величия, и затем приходили в упадок; и когда мы переживем следующие тринадцать тысяч лет, и она вновь займет свое место на севере, завершая **Платонический, или Великий Год**, то неужели вы полагаете, что те, кто тогда займет наше место на земле, будут более сведущими в нашей истории, чем мы — в истории наших предшественников? **Воистину**, можем мы воскликнуть, прибегая к почти псаломной фразеологии, **Великий Боже, Создатель и Управитель Вселенной, что есть человек, чтобы Ты помнил о нем!**"

Аминь! — таков должен быть ответ всех верующих в Бога, являющегося "Создателем и Управителем Вселенной".

ПОЯСНЕНИЯ К "ТАИНСТВЕННОЙ СТРАНЕ"

"С большим удовольствием я прочитал вашу превосходную статью о "Таинственной стране". В ней вы проявили дух исследователя и любовь к истине, благодаря которым вы поистине заслуживаете похвалы и не можете не вызвать одобрения у всех беспристрастных читателей. Но есть в ней некоторые вопросы, по которым я не могу с вами согласиться. Для того чтобы продемонстрировать в высшей степени тесное сходство, которое существует между образом жизни, обычаями, социальными устоями и традициями древних народов двух миров, вы возвращаетесь к старой платоновской идее о стране, которая была связующим звеном между ними. Но недавние исследования в Нове-Мире раз и навсегда опровергли эту теорию. Они показали, что за исключением отделения Австралии от Азии, никогда под воду не погружалась территория столь гигантских размеров, на месте которой мог бы возникнуть Атлантический или Тихий океан, и что со времени своего образования океаны никогда не изменяли своих древних бассейнов в сколько-нибудь значительной степени. Профессор Гейке утверждает в своей физической географии, что континенты всегда занимали ту позицию, которую они занимают и поныне, если не считать того, что их берега время от времени то отступают, то выдвигаются в море на несколько миль.

Вы бы не впали ни в какую ошибку, если бы вы приняли теорию миграций через океан мосье Кватрофага. Равнины Центральной Азии были признаны всеми моногенистами тем центром, в котором зародилась человеческая раса. Из этого места последовательно распространялись волны эмигрантов до самых дальних уголков нашего мира. Неудивительно, что древние китайцы, индусы, египтяне, перуанцы и мексиканцы — люди, которые когда-то обитали на этой самой

территории — обнаруживают тесное сходство в некоторых аспектах своей жизни. Близость двух континентов в районе Берингова пролива давала возможность переселенцам перебираться из Азии в Америку. Немного южнее, течение Тассена — Куросиво, или "черный поток", японцев — открывает широкую дорогу для азиатских мореплавателей. Китайцы были морским народом со времен глубокой древности, и нет ничего невозможного в том, чтобы их корабли, подобно баркам португальского мореплавателя Кабрала в сравнительно недавнее время,¹ могли случайно доплыть до берегов Америки. Но, оставляя в стороне всяческие домыслы о вероятности и случайности, мы твердо знаем, что китайцы открыли свойство магнитной стрелки еще за две тысячи лет до нашей эры. С ее помощью и используя течение Тассена, им было нетрудно переправиться в Америку. Они основали там, как нас информирует об этом Пас Зольдан в своей "Географии Перу", компактную колонию; и буддийские миссионеры "к концу пятого века послали туда религиозные миссии, чтобы принести в Фу-Сан (Америку) учения Будды". Это, безусловно, покажется весьма неприятным для многих европейских читателей. Они не расположены к тому, чтобы поверить утверждению, отнимающему у них честь открытия Америки и приписывающему ее тем, кого они снисходительно именуют "полу-варварской азиатской нацией". Тем не менее, это неоспоримая истина. Тем, у кого возникнет желание подробнее узнать об открытии Америки китайцами, советую прочитать XVIII главу "Рода человеческого" А. де Кватрофага, хотя автор, не располагая достаточным местом в своем сочинении, дал лишь очень беглый обзор этой темы. Я искренне надеюсь на то, что вы обратитесь к этой проблеме и расскажете нам все подробности, которые вы можете сообщить по этому поводу. Пролить толику света на вопрос, который до сих пор окутан таинственной мглой, — это ли не достойное дело для пера человека, всю жизнь посвятившего поиску истины, и, обнаружив

ее, остающемуся верным ей, чего бы это ему ни стоило.

Амрита Лад Бисвас

Калькутта, 11 июля".

1 Педру Алвареш Кабрал, направляясь во главе португальской флотилии в Индию и отклонившись от курса, достиг побережья нынешней Бразилии в 1500 г. — *Прим. редактора.*

Недостаток времени в этом месяце [август, 1880] не позволил нам дать подробный ответ на возражения против атлантической гипотезы, которые с пониманием дела были выдвинуты нашим корреспондентом. Но давайте посмотрим, являются ли они столь сокрушительными, как это может показаться на первый взгляд, хотя они и основываются на "недавних исследованиях", которые "раз и навсегда опровергли эту теорию".

Не слишком углубляясь в этот вопрос, мы ограничимся одним коротким замечанием. Многие научные вопросы, которые одно время казались решенными раз и навсегда, были в последствии разбиты над головами теоретиков, забывших об опасности попыток возведения простой теории в ранг непогрешимой догмы. Мы не подвергаем сомнению утверждение о том, что "никогда под воду не погружалась территория столь гигантских размеров, на месте которой мог бы возникнуть Атлантический или Тихий океан", ибо в наши планы не входит предлагать новую теорию образования океанов. Океаны могли быть там, где они находятся сейчас, со времени их образования, и все же целые континенты могли разрушиться, частично уйдя под воду, частично оставшись над поверхностью, образуя многочисленные острова, как в случае затопленной Атлантиды. Мы имели в виду, что в доисторические времена и в течение длительного периода после них земной шар изобиловал цивилизованными народами. Азия, Америка и, вероятно, Европа, были частями огромного материкового образования, объединенные либо узкими перешейками, каковой, очевидно, существовал когда-

то там, где сейчас находится Берингов пролив (соединяющий Северный Тихий и Северный Ледовитый океаны, и имеющий менее двадцати-двадцати пяти морских саженей в глубину), либо более широкими участками суши. Мы не будем полемизировать с моногенистам, которые утверждают, что Центральная Азия была *единственной* колыбелью человечества, но оставим эту задачу полигенистам, которые способны успешнее справиться с ней, чем мы сами. Но, в любом случае, прежде чем мы сможем принять теорию моногенеза, ее защитники должны предоставить нам *неопровержимую* гипотезу, которая более убедительно объяснила бы наблюдаемые различия между человеческими типами, чем гипотеза о "расхождении, вызванном различием климата, обычаев и *религиозной культуры*". Мосье Кватрофаг, безусловно, может оставаться самым выдающимся натуралистом — врачом, химиком и зоологом, — и все же мы совершенно не понимаем, почему мы должны оказывать предпочтение его теориям перед всеми остальными и безоговорочно принимать их. М-р Амрита Дал Бисвас, очевидно, ссылается на рассказ о некоторых научных экспедициях вдоль берегов Атлантики и Средиземного моря, совершенных этим знаменитым французом, озаглавленный "*Souvenirs d'un Naturaliste*". Он, по-видимому, рассматривает мосье Кватрофага в качестве непогрешимого папы в решении научных вопросов: мы же воздерживаемся от этого, хотя он и является членом Французской Академии и профессором этнологии. Его теория миграции через океаны может быть уравновешена более чем сотней других теорий, полностью противоположных ей. Именно потому, что мы посвятили всю свою жизнь поискам истины — за столь лестное признание мы благодарим нашего критика, — мы *никогда не признаем на веру утверждения никакого авторитета* по любому вопросу и в какой бы то ни было форме; и, добиваясь самолично ИСТИНЫ и прогресса посредством досконального и мужественного изыскания, не отвлекаясь ни на какие посторонние обсуждения, мы бы не посоветовали никому из наших друзей поступать иначе.

Произнеся столь много слов, мы можем теперь сказать еще немного о том, почему мы верим в пресловутую "басню" о затонувшей Атлантиде, — хотя мы уже в достаточной мере разъяснили этот вопрос в "Разоблаченной Изиде".¹

1 Том 1, стр. 784-786 — *Прим. редактора.*

1. Мы имеем в качестве свидетельства наиболее древние предания различных и находящихся далеко друг от друга народов — легенды Индии, древней Греции, Мадагаскара, Суматры, Явы и многочисленных отдельных островов Полинезии, а также легенды обеих Америк. Как в изустных традициях дикарей, так и в богатейшей литературе в мире — в санскритской литературе Индии, — есть сходное сказание о том, что давным-давно в Тихом океане существовал огромный материк, который в результате геологического сдвига был поглощен океаном. И наше твердое убеждение — в которое, по ходу, вносятся коррективы — состоит в том, что большинство, если не все острова от Малайского архипелага до Полинезии, являются обломками этого единого огромного погрузившегося под воду континента. И полуостров Малакка, и Полинезийские острова, лежащие на двух противоположных точках океана, никогда не имели, да и не могли иметь в пределах человеческой памяти, никакого сообщения друг с другом, и даже не знали о существовании друг друга; и все же они обладали преданиями, общими для всех островов и островков, в которых говорилось о том, что их территории простирались далеко-далеко вглубь океана; что в мире существовали лишь два огромных континента, один из которых был населен желтыми, а другой черными людьми; и что океан, по велению богов и в наказание людям за их постоянную вражду, поглотил их.

2. Несмотря на тот географический факт, что Новая Зеландия, Сандвичевы¹ острова и остров Пасхи отдалены друг от друга на расстояние от 800 до 1000 лиг; и что, согласно любым свидетельствам, ни эти, ни какие-либо другие внутренние острова, как, например, Маркизовы острова, острова Общества, острова Фиджи, Таити, Самоа и другие, не могли, с момента своего заселения людьми, не знающими компаса, иметь какие-либо сообщения друг с другом вплоть до прихода европейцев; все же, на них, на каждом в отдельности и на всех вместе взятых, уверяют, что их территории простирались далеко на запад, в направлении Азии. Кроме того, за незначительными различиями, все они говорят на диалектах, безусловно, одного и того же языка, и понимают друг друга почти без труда; имеют одни и те же религиозные верования и предрассудки; и очень сходные обычаи. И поскольку Полинезийские острова были открыты чуть более ста лет назад, да и о существовании самого Тихого океана европейцы

не ведали до времен Колумба, а эти островитяне никогда не меняли свои древние традиции вплоть до прибытия первых европейцев, — нам представляется вполне логичным, что наша теория ближе к истине, чем любая другая. Случай мог бы изменить квинтэссенцию названия и значения, если бы все зависело только от случая.

¹ Так, до захвата их США, назывались Гавайские острова. — *Прим. редактора.*